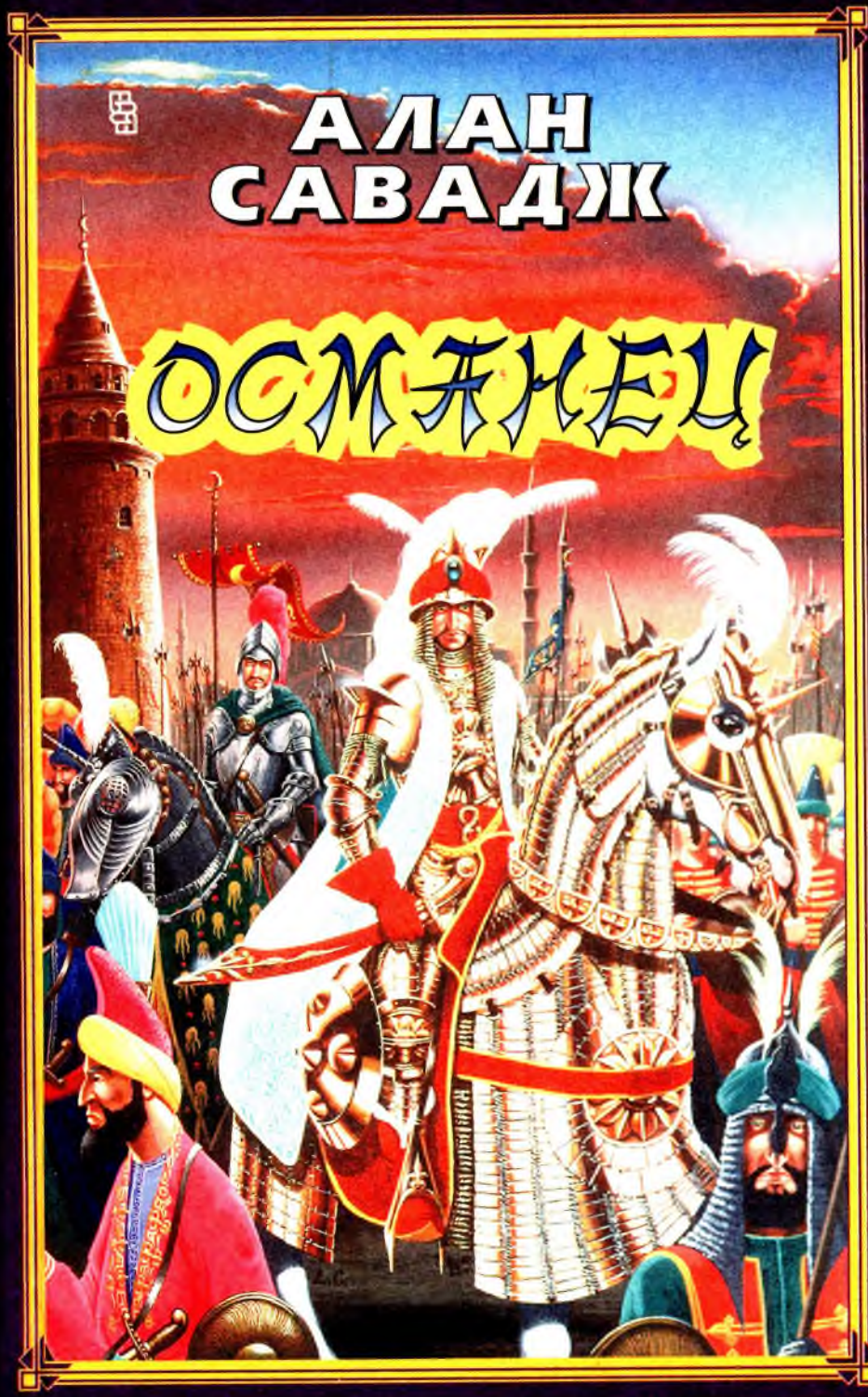
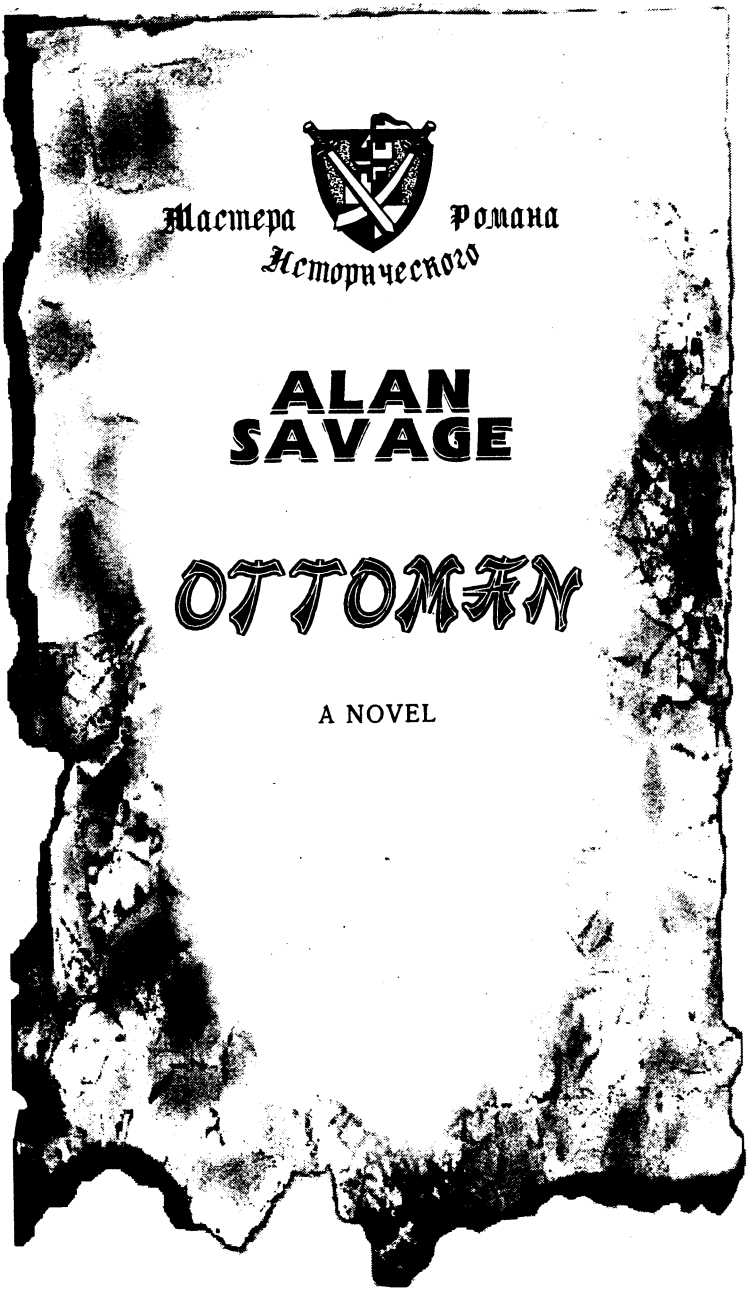

АЛАН
САВАДЖ
ОСТАНЕЦ

Мастера
Романа
Исторического

Мастера Романа
Исторического
ALAN
SAVAGE
OTTOMAN
A NOVEL

Мастера Романа Исторического

АЛАН САВАДЖ

ОСМАНЕЦ

РОМАН

ЦЕНТРПОЛИГРАФ
Москва
1995

ББК 84,4 Вл
С12

Серия
«МАСТЕРА ИСТОРИЧЕСКОГО РОМАНА»
выпускается с 1995 года

OTTOMAN
Copyright © Alan Savage, 1990

© Cover illustration by Brian Salmon

Перевод и художественное оформление
© торгово-издательское объединение «Центрполиграф», 1995

Издание на русском языке
© торгово-издательское объединение «Центрполиграф», 1995

ISBN 5-218-00005-1

Исключительное право публикации книг,
выходящих в серии «Мастера исторического романа»,
принадлежит торгово-издательскому объединению
«Центрполиграф»

Выпуск произведений серии
без разрешения ТИО «Центрполиграф»
считается противоправным и преследуется по закону

ОСТАНЕЦ

РОМАН

Перевод с английского
Э.М. Хлопьяновой

Ottoman

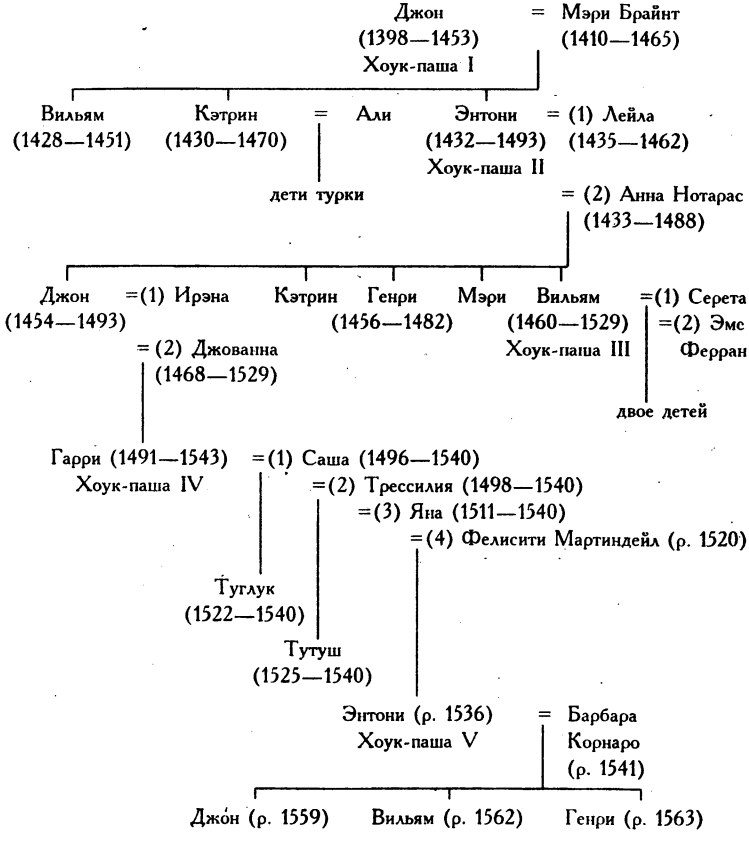
Copyright © Alan Savage, 1990

Герои романа вымышлены, и любое сходство с людьми живущими или умершими — результат случайного совпадения.

Подумай в запустенье караван-сарая
О том, как дни и ночи здесь текли, часы сменяя,
Вслед за султаном здесь султан роскошно жизнь влачил,
Судьбой назначенного часа выжидая.

Омар Хайям[1]

СЕМЬЯ ХОКВУДОВ

[1] Перевод А.А. Ковалева.

Османская империя времен Сулеймана Великолепного (1520 — 1566)

Книга первая

СТОЛИЦА МИРА

Паутина украшает портал кесарева дворца вместо занавеси, а на сторожевой башне Афросиаба несет дозор сова.

Фирдоуси
(Слова, произнесенные Мехмедом II 1 июня 1453 г. при виде руин Константинополя)

Глава 1

ЗОЛОТОЙ РОГ

Воины в кольчугах стояли на городской стене подле ворот Святого Романа и смотрели на стремительно приближающихся всадников.

Стена, с кладкой из камня и кирпича, со сторожевыми башнями, над которыми полоскались на ветру флаги, возвышалась на двадцать пять футов над бруствером, поднимавшимся из рва шестьдесят футов шириной и пятнадцать глубиной.

Прямо за рвом до самого горизонта простиралась пустынная местность. Она не оставляла врагу ни малейшей надежды незаметно приблизиться к городу. Часть этих земель возделывалась, часть служила пастбищами. И вот теперь пастухи и согбенные, одетые в рубище землепашцы, оторвавшись от своих дел, то с тревогой и неприязнью смотрели на всадников в разноцветных шелках, то оглядывались на городские стены.

Константинополь казался неприступным. Сторонний наблюдатель мог видеть не только воинов, чьи шлемы и пики сияли на солнце, но и шестьдесят футов открытой полосы, заканчивающейся еще одной стеной. Эта стена поднималась на сорок футов и была увенчана ста двенадцатью башнями, каждая высотой в шестьдесят футов. Защищенный столь основатель-

но, народ Византийской империи, без сомнения, мог пребывать в мире и спокойствии; эти стены, построенные императором Феодосием II в VI столетии, никогда еще не подвергались разрушению.

Но, как и землепашцы, воины, заметив приближающуюся кавалькаду, встревоженно загалдели, теребя свои бороды. Над всадниками развевалось зеленое знамя с золотым полумесяцем, знамя турок-османцев.

Ворота были открыты, и лошади зацокали по узким улочкам города, высекая копытами искры из булыжной мостовой. Греки высыпали из домов и лавок посмотреть на прибывших — на их смуглые лица с крючковатыми носами и длинными усами, на их окладистые бороды и богатые шелковые мантии, на остроконечные шлемы и пластинчатые нагрудники, на восхитительных арабских скакунов, на сверкающие пики и кривые турецкие сабли — на всех этих людей, вызывавших смешанное чувство ненависти и страха.

Когда-то, тысячу лет назад, Византийская империя занимала пространство от Тавра до Пиренеев, от Аравийской пустыни до Дуная. Теперь от нее остался один город, и те земли, на которых прежде красовались воины в кольчугах, теперь принадлежали туркам-сипахам[1].

Весть о прибытии османского посольства быстро распространилась по всему городу. Все новые и новые люди, побросав работу, заполняли улицы, плотной толпой следуя за турками, направлявшимися к внутреннему городу старого Византия, где находился императорский дворец.

Люди месяцами ждали известий о великой армии, возглавляемой прославленным воином Яношем Хуньяди[2], отправившимся на Восток из Венгрии по велению самого Папы Римского. Люди годами ждали помощи

---

[1] С и п а х и — турецкие феодалы, получившие земельные уделы за несение военной службы.

[2] Я н о ш Х у н ь я д и (ок. 1407—1456) — регент Венгерского королевства в 1446—1452 гг.

с Запада, как раньше призывали на помощь потомков Османа. Но ни у одной из тех армий не было такого вождя, как Хуньяди. И вот теперь принесли вести...

Но посланцы не были рыцарями с Запада и вовсе не выглядели побежденными.

Императорский дворец находился во внутреннем городе старого Византия. Саган-паша был препровожден в большой императорский зал для приемов. В огромном дверном проеме с колоннами он задержался: ему никогда не доводилось бывать здесь раньше.

Не в привычках посланца эмира Мурада было восхищаться чем-либо у чужаков, и все же Саган не смог скрыть, что поражен великолепием убранства дворца. Никогда прежде он не бывал в таком длинном и широком зале с таким высоким потолком, подпираемым множеством симметрично расположенных колонн. Никогда раньше не ступал по столь изысканному узору выложенного мраморной плиткой пола, не видел такой великолепной росписи потолка. Оглядевшись, Саган-паша почувствовал досаду: стены были покрыты изображениями женщины и младенца. Для всякого мусульманина изображение человеческого тела было оскорблением учения Пророка. К тому же здесь оказались женщины — на противоположной стороне зала виднелись их высокие головные уборы и тяжелые парчовые одеяния. Присутствие женщин там, где мужчины обсуждали дела, было неуместным.

Неслышно ступая, Саган пошел вперед; свита следовала за ним. Он достиг трона, находившегося на возвышении в конце зала. Саган-паша почтительно склонился перед императором Иоанном VIII Палеологом[1], как если бы тот по-прежнему был самым могущественным монархом в мире, затем выпрямился и посмотрел на людей, расположившихся позади трона. Среди них находились брат императора Константин Драгас, великий дука Лука Нотарас, самый могущественный человек в городе, принцы крови Теофил

---

[1] Иоанн VIII Палеолог — византийский император из династии Палеологов, правившей в Византии в 1261—1453 гг.

Палеолог и Андроник Кантакузин, аристократы братья Боккарди, Теодор Каристос и патриарх Геннадий. Подобно воинам, охранявшим городские стены, эти богатые и известные люди стали оглаживать бороды, расправлять усы, одергивать прекрасные одежды, малиновые и голубые, с кружевом из золотых и серебряных нитей, и перешептываться при приближении турок.

Что-то вроде улыбки промелькнуло на лице Саган-паши, но он скрыл ее, поднеся руки к усам, и лицо его снова стало бесстрастным.

— Это была великая битва, ваше величество.

Иоанн Палеолог подался вперед, его морщинистое лицо исказило тревожное предчувствие. Он все еще оставался красивым мужчиной, несмотря на возраст и постоянно угнетенное состояние. Его усы были коротко пострижены, борода нарочито заострена, чтобы придать лицу надлежащую суровость. На нем была пурпурная мантия с жестким воротником и высокая островерхая фетровая шапка. Он ждал.

— Под Косово, — произнес посланник, — двадцать пять тысяч вооруженных людей шли под знаменем Хуньяди. У них были ружья...

Шепот волной пробежал среди византийских придворных. Многие из них знали о ружьях только понаслышке.

— Эмир встретил их, — продолжал посланник, — стотысячной армией. У янычар были только луки и стрелы.

— Они разбиты? — прошептал Иоанн, не смея надеяться. — Янычары разбиты?

Теперь Саган-паша открыто улыбнулся:

— Битва длилась два дня. Воины обеих армий соорудили бревенчатые заграждения, их отделяло друг от друга едва ли сто футов. Ружья сделали свое страшное дело. Тридцать тысяч янычар полегли на поле. Теперь это место называется полем Черных Птиц. Из-за воронов, слетевшихся на пир.

Иоанн вздохнул. Тридцать тысяч турок.

— А христиане?

Саган-паша поклонился снова. Он постарался приберечь главную новость напоследок.

— Армии христиан больше нет, ваше величество.

Иоанн уставился на него. Придворные наполовину обнажили свои мечи.

— Ты лжешь, — прорычал Лука Нотарас.

Саган-паша поклонился и щелкнул пальцами. Один из стоявших позади него людей выступил вперед. У него в руках был мешочек. Посланник протянул его императору.

Иоанн побледнел и словно остолбенел. Нотарас вышел вперед, взял мешочек, развязал его и вытряхнул содержимое на ладонь. Перед ним был сморщенный кусочек человеческой плоти. Нотарас вздрогнул и бросил кусочек на пол.

В дальнем конце зала для приемов женщины возбужденно зашептались.

Саган-паша вновь поклонился.

— Вы можете убедиться, ваше величество, что это крайняя плоть. Она отрезана у еще живого мадьярского рыцаря три дня назад.

— Не может быть, — пробормотал Нотарас, не отрывая взгляда от отрезанного члена.

— Хуньяди был предан, ваше величество. Князь Дракула[1] из Валахии покинул его во время битвы, князь Георг Бранкович из Сербии тоже.

— Чего же вы ждали, — фыркнул патриарх, — сестра этого человека в гареме эмира.

Саган-паша поклонился. Мара Бранкович действительно считалась любимой женой Мурада.

— А Хуньяди? — спросил император.

— Бежал с остатками своей армии. Эмир приказал мне донести эти вести до вас, ваше величество. Он искренне опечален и желает, чтобы вам дали мудрый совет. — Саган-паша снова взглянул на знатных господ империи.

---

[1] Дракула — Влад III Дьявол, валашский господарь. Его прозвище Дракула означает Дракон. Влад получил его за принадлежность к рыцарскому ордену Дракона.

— Повесить пса, — сказал Нотарас, — повесить за гениталии, и пусть он висит, пока яйца не оторвутся. Его наглость чудовищна.

— Это всего лишь посланник, — устало отозвался Иоанн.

Он выглядел старым, уставшим и разбитым. И больным. Он действительно был таким. Янош Хуньяди стал третьим полководцем, который повел армию против турок за последние тридцать лет. И он тоже увидел свою армию поверженной. Других не будет. Но император не мог позволить турку насладиться его отчаянием.

— Поблагодари своего господина, моего брата эмира Мурада, — произнес он, — поздравь его с победой и скажи ему, что я буду молиться за души доблестных погибших воинов. Скажи ему, что я испрошу мудрого совета.

Саган-паша поклонился, окинул взглядом придворных и вышел из зала.

— Наглый пес, — снова бросил Нотарас, глядя вслед удаляющемуся турку. — Вы слишком мягки с этими людьми, ваше величество.

— Они сильны, мы слабы, — отозвался император, — поддавшись гневу и расправившись с одним османцем, мы не улучшим своего положения. Боюсь, теперь оно никогда не улучшится. Мы как дитя в лапах людоеда, которое он вот-вот проглотит. Какое сегодня число?

— Двадцатое октября, ваше величество, — ответил Геннадий.

— Черный день: 20 октября 1448 года. Запомните этот день, господа. Черный день. Он предвещает гибель Константинополя.

— Константинополь никогда не удавалось взять приступом, — произнес Константин Драгас, озабоченный упаднническим настроением своего брата. — В 1204 году франки смогли завоевать город благодаря предательству. Устоит он и теперь. Нет такой силы на земле, которая могла бы пробить эти стены или подняться на них.

— Верно, будь у нас люди, чтобы эти стены защитить, — усмехнулся Нотарас. — Ты собираешься удержать тринадцать миль стены пятью тысячами человек? Этих бесхребетных трусов не наберется больше.

— Люди будут, — заявил Константин. — Мои послы, отправленные ко дворам франков, были встречены очень сочувственно. Люди идут отовсюду — из Италии и Франции, Испании и Генуи.

— И из Венеции? — поинтересовался великий дука.

Константин вспыхнул.

— Из Венеции — нет. Они друзья турок. Но, — добавил он, — люди приедут даже из Англии. Те самые, которые сражались за английского короля, Великого Гарри[1], при Азенкуре[2].

— Ты хочешь сказать, что завербовал кучу папистов, — пренебрежительно бросил Геннадий. — Никто из них нам здесь не нужен. Скажу тебе откровенно, я бы с большим удовольствием увидел самого Мурада, молящегося в нашем соборе, чем какого-нибудь кардинала.

— Эти люди будут сражаться за нас, — настаивал Константин, прислушиваясь к доносящимся звукам. Он еще говорил, а колокола собора Святой Софии начали свой скорбный звон. Известие уже дошло до священников, и теперь его должны были узнать все.

Хуньяди побежден.

Генуэзский карак[3] с трудом двигался против сильного течения. Несмотря на попутный ветер и поднятые паруса округлое судно с тремя мачтами и надраенной палубой качалось на волнах, как мыльница. Его днище заросло ракушками; длинные нити водорослей далеко тянулись за гладкой кормой; но даже с отчищенным днищем судно могло развить лишь малую скорость.

---

[1] Великий Гарри — Генрих V (1389—1422) — английский король с 1413 г. В ходе Столетней войны (1337—1453) нанес французам поражение (1415) при Азенкуре и вскоре захватил север Франции (с Парижем).

[2] Азенкур — селение южнее г. Кале (Франция).

[3] Карак (каракка) — вооруженное купеческое судно.

— Очень медленно, — согласился капитан с невысказанным вслух нетерпением Джона Хоквуда. — Здесь очень сильное течение. Черное море с того берега, который вы видите, постоянно подпитывается мощными реками. Оно относительно молодое и ищет стока. Средиземное море — соленое и выпаренное. Таким образом воды Черного моря устремляются на юг и через проливы — Босфор и Дарданеллы — вливаются в Эгейское море. Между этими проливами находится Мраморное, или Белое, море, постоянно обновляемое. Выходить в открытое пространство из этих узких проливов на такой скорости...

Джон Хоквуд знал, что капитан говорит правду. Три дня назад они лавировали в узком проходе, называемом Дарданеллами, который, как он установил, был едва ли в милю шириной. Земля по другую сторону была мертвой: бурая, гористая, невозделанная, пустынная. На азиатском берегу Хоквуд увидел крепость, такую же бурую и неприглядную, как и земля, на которой она возвышалась. У крепостной стены суетились люди, на ветру развевались флаги и поблескивали доспехи воинов.

— Эта крепость турецкая или греческая? — спросил Хоквуд. Он говорил по-итальянски медленно, но понять его было можно.

— Турецкая, — ответил капитан. — Все, что ты видишь, принадлежит туркам. От Тавра до Дуная правят османцы. Константинополь — это всего лишь жемчужина во враждебном море.

Хоквуд почесывал бороду, изучая берег.

— И турки не претендуют на этот пролив?

Капитан улыбнулся.

— Время от времени. Мой корабль основательно вооружен. — Он показал на орудия, установленные на нижней палубе и готовые обрушить на приближающегося врага гвозди, куски металла, а также чугунные ядра. — У них только вельботы[1].

---

[1] Вельбот — небольшое одномачтовое приморское судно.

— Были бы у турок пушки, этот пролив стал бы непроходимым.

— Пушки? Что ты знаешь о пушках, англичанин?

— Кое-что, — ответил Хоквуд.

Капитан снова улыбнулся.

— Турки ничего не знают об этом. Их оружие — лук и стрелы.

— И все же они завоевывают мир...

— Их слишком много, — угрюмо пробормотал капитан.

Хоквуд спустился по трапу с кормы на шкафут[1] и сообщил семье, что путешествие займет еще несколько часов.

Миновав Дарданеллы и войдя в воды Мраморного моря, судно ускорило ход. Но чтобы преодолеть оставшиеся девяносто миль, им потребовалось два дня. Впереди их ждал пролив Босфор, который, как объяснил капитан, постоянно подпитывался водами Черного моря.

Хоквуды заметили землю и смотрели на нее во все глаза. Они выделялись среди генуэзских моряков своими габаритами и мастью. Джон Хоквуд гордился сыновьями. Двадцатилетний Вильям ростом был шесть футов и два дюйма, как и его отец, с такими же рыжими вьющимися волосами, кирпично-красным лицом. Крепкий и мускулистый, он выглядел уверенным в себе.

Энтони, четырьмя годами моложе, уже сейчас крупный юноша, по комплекции обещал перегнать брата, хотя его подбородок был пока без признаков растительности. Кэтрин, которой исполнилось восемнадцать, вполне под стать братьям: не столь высокая, но с такими же огненными волосами и тем же цветом лица. Ей не суждено быть красивой: слишком грубые у нее черты. Но ни один мужчина не мог устоять при взгляде на ее пышную грудь, крутые ягодицы и длинные ноги, вырисовывающиеся под зеленой юбкой.

---

[1] Ш к а ф у т — часть нижней палубы.

К прибытию судна в Константинополь она надела свой лучший наряд.

Джон Хоквуд стоял позади жены. Она была ниже своих детей и казалась удивительно хрупкой для матери такого львиного семейства. Сейчас по ее телу пробежала дрожь.

— Какая мертвая земля... Совсем нет зелени...

— Это земля варваров, — объяснил Хоквуд. — К вечеру мы будем у Золотого Рога.

Он верил: там они найдут все, о чем мечтали. Они должны найти, иначе придется прибегнуть к крайним мерам. Но само название — Золотой Рог — обещало богатство и счастье человеку, достаточно смелому, чтобы надеяться. Джон Хоквуд никогда не терял надежды.

Ему минуло пятьдесят в этом 1448 году от Рождества Христова. С самой ранней юности он пошел по военной стезе. Отец его был дубильщиком, но теперь о нем и о его семье можно было сказать — военная косточка. Брат его деда, которого также звали Джон, был посвящен в рыцари в битве при Креси[1] королем Англии Эдуардом III и затем уехал в Италию, чтобы стать предводителем наемников. Первый Джон Хоквуд женился на дочери — незаконнорожденной, конечно, — герцога Миланского, дослужился до звания кондотьера[2] — командира наемников — во Флоренции и умер всего лишь за четыре года до рождения внучатого племянника.

Джон Хоквуд-младший не собирался уступать своему известному тезке, за исключением, пожалуй, женитьбы — он уже был женат, но в качестве командующего мог бы продвинуться дальше. Он был, как и его отец и дед, артиллеристом.

---

[1] К р е с и — селение в Северной Франции (департамент Сомма). 26 августа 1346 г. во время Столетней войны в битве при Креси войска английского короля Эдуарда III разгромили армию французского короля Филиппа VI.

[2] К о н д о т ь е р ы — в Италии XIV—XVI вв. предводители наемных военных отрядов, находившихся на службе у некоторых государей и римских пап. Вербовались сначала из иноземных рыцарей, с конца XIV в. — из итальянцев.

К несчастью, слово «артиллерист» с трудом понимали даже военные. Дед Джона Хоквуда и его брат сражались у Креси. Вильям Хоквуд-старший был тогда мальчишкой, но уже помогал стрелять из пушки. В то время пушки были не нужны: уэльские лучники смогли разбить французов. Через шестьдесят девять лет Джон Хоквуд-младший последовал за Великим Гарри к Азенкуру. Вместе с отцом он обслуживал орудия. Но и там свое дело сделали лучники.

Некоторые воины, даже такие военные гении, как Генрих V или его брат герцог Бедфорд, считали пушки громоздкой, дорогой, шумной, зловонной и неповоротливой обузой. Особенно те, кто командовали армиями, не любили их. Рыцарь в доспехах должен предстать перед другим рыцарем в доспехах с копьем или мечом, и победит сильнейший. Когда исход боя был предопределен, победитель ждал от побежденного противника уверений в готовности заплатить богатый выкуп. Ни один рыцарь не убивал богатого противника, если этого можно было избежать. И ни один рыцарь во всем великолепии боевых доспехов не мог бы быть повержен бедным человеком с копьем, если тот знал свое место. Этих несложных правил придерживались все представители знати.

Английские рыцари противились даже использованию арбалетов, пока не убедились в том, что с арбалетами у них больше шансов победить и приобрести репутацию самых грозных воинов в Европе. Они примирились с некоторым падением своего престижа в обществе: арбалет не гарантировал наступающему рыцарю неуязвимости, тот мог быть выбит из седла, подобно спелому яблоку с низкой ветки. Ловкость в обращении новым оружием приходила после долгих упражнений, а это искусство было известно английским и уэльским йоменам (мелким землевладельцам), которые, по крайней мере, знали свое место и снимали шапки перед господами.

Йомены могли бы стать артиллеристами, но вряд ли они смогли бы искусно владеть этим оружием. Пушки убивали кроваво и без разбора, запуская

в воздух огромные камни. Это было дьявольское оружие.

Джон Хоквуд не был достаточно искушен в богословских тонкостях, чтобы оспаривать последнее утверждение. Но профессия, хотя и непопулярная, досталась ему по наследству, и он делал все, чтобы честно служить ей. Такой уж это был человек, и своих сыновей и дочь он воспитал так, что они придерживались того же мнения. Хоквуд обладал пытливым умом. Его отец был лоллардом, последователем Джона Виклифа[1], который считал, что Бог принадлежит человечеству, а не горстке священников. Энтони Хоквуд-старший не афишировал свои убеждения: ересь могла привести к столбу и нескольким минутам агонии перед смертью. Но он передал свои взгляды сыну, что, впрочем, касалось скорее обучения, чем религии. Джон Хоквуд мог писать и читать, а латынь знал так же хорошо, как и английский. Свои знания он передал сыновьям, так что для них не представляло особого труда сносно выучить итальянский во время долгого путешествия по Средиземному морю. Однако Джон Хоквуд думал и о судьбе своего дела. Само существование артиллерии возмущало оскорбленную аристократию, по крайней мере в данный момент. Но пушки заключали в себе и самую разрушительную силу, когда-либо существовавшую на земле. Если бы эту силу можно было использовать по назначению и сделать более мобильной, то генералы, овладевшие ею, правили бы миром.

В молодости Хоквуд пытался убедить своих начальников в преимуществах артиллерии, но ее время тогда еще не пришло. Время действительно было на редкость тяжелым. Великий Гарри умер в 1422 году, всего на несколько лет пережив своего столь же талантливого брата Джона Бедфорда, и правление Англией перешло в руки болезненного младенца и враж-

---

[1] Джон Виклиф (1330—1384) — английский реформатор. Требовал передачи церковных земель, отвергал необходимость папства, ряд обрядов и таинств.

дующего между собой регентства. Армия, когда-то наводившая страх на Францию, начала проигрывать сражения и потерпела поражение от отрядов крестьянской девушки по имени Жанна д'Арк. Разбитая и упавшая духом, армия была отозвана в Англию: от нее сохранилось лишь несколько отрядов. Так закончилось столетие войны. Можно не сомневаться, что Эдуард III, его сын Черный Принц и сам Великий Гарри переворачивались в своих гробах. Ветераны их армий умирали от голода. Для лучников или тяжеловооруженных всадников еще нашлась бы служба в частных армиях, появлявшихся как грибы в то время, когда страну захлестнула анархия. Но ни один лорд не смог бы содержать артиллерию. А если бы и смог, то не знал бы, что с ней делать. Мечты Джона Хоквуда разбились вдрызг. Он не был благородного происхождения и не знал никакого другого дела, кроме военного. Для артиллериста напялить на себя нагрудник, взять в руки пику и отправиться в поход с вооруженной подобным же образом толпой значило бы оскорбить память своих предков. Но поскольку у него была жена и трое маленьких детей, ему не оставалось ничего другого. На протяжении двадцати лет службы Джон Хоквуд страдал, наблюдая за тем, как его возлюбленная Англия приближалась к гражданской войне. И как раз в тот момент, когда он был в отчаянии, до него дошла молва, перенесенная через пролив. Некий князь, пришедший с Востока, колыбели цивилизации, где готовились великие дела, ищет воинов.

Джон Хоквуд слышал, конечно, что Константинополь был столицей когда-то обширной Византийской империи и что он остается величайшим городом мира. Но это был совсем другой мир. Четыре столетия назад Папа Римский в Риме и патриарх в Константинополе разошлись в толковании некоторых догматов, и христианская церковь раскололась на две. В 1204 году Папа Римский даже организовал крестовый поход на Константинополь вместо того, чтобы воевать с сарацинами. С того момента на протяжении пятидесяти лет латинский патриарх правил страной вместе с императорами.

Это страшное событие стало достоянием древней истории, но Константинополь так и не вернул свою самостоятельность. Никто не мог представить себе, насколько низко он пал. И тогда принц Константин Драгас Палеолог[1] начал объезжать Запад в поисках воинов, чтобы помочь своему брату императору противостоять полчищам, пришедшим из Азии и, как он заявлял, грозившим самой Европе.

Его действия весьма смахивали на подготовку к новому крестовому походу, и Джон Хоквуд загорелся этой идеей. Когда один из византийцев прибыл в Англию, Хоквуд послушал его и заинтересовался.

— Нам нужны воины, — сказал грек, — отважные и решительные люди. Мы откроем им все богатства Золотого Рога. Приезжайте в Константинополь, сражайтесь вместе с нами, и мы дадим вам все: жилище, деньги, славу и благополучие.

Подобных слов Джону Хоквуду не приходилось слышать уже давно, но было и нечто большее, что подтолкнуло его.

— Особенно нам нужны артиллеристы и вообще люди, знакомые с оружием. У нас есть ружья, и нам нужны солдаты, умеющие стрелять.

Джон Хоквуд-младший сразу же предложил свои услуги.

— Это мой шанс, — объяснил он жене, — моя судьба.

Его жена Мэри ужаснулась.

— Ты отправишься на край света, а я с детьми останусь здесь и буду голодать?

— Нет, — сказал Джон, — я возьму тебя с собой. Греки дали мне столько денег, что их хватит на всех.

Он не стал сразу говорить жене, что пообещал посланнику отдать для дела своих крепких сыновей.

---

[1] Константин Драгас Палеолог (1403—1453) — последний византийский император с 1449 г.

Мэри, казалось, еще больше встревожилась.

— Ты хочешь, чтобы я сопровождала тебя в этих странствиях по землям еретиков и варваров?

— Их ересь — дело теории, — ответил Джон, — но, если это облегчит твою душу, я скажу тебе, что его святейшество Папа Римский благословил всех, вступивших в византийскую армию. Я не странствующий рыцарь, моя радость, мне приходится соглашаться на это по необходимости. Это шанс создать себе имя и заработать на старость. Я не могу оставить тебя здесь; твои родители умерли, твой брат — мошенник. Ты поедешь со мной, потому что так нужно.

— А дети?

— Они тоже, конечно. Вильям и Энтони будут помощниками канониров. Это почетное занятие.

— А как же Кэтрин, наша бедная девочка?

Джон поцеловал жену.

— Я уверен, что Кэтрин выйдет замуж за греческого принца.

И вот они здесь. Энтони Хоквуд с трудом в это верил, да и едва ли он был способен тогда поверить чему-либо в этом роде. Родился и вырос Энтони в казармах лорда Монтегля. Отец научил его владеть копьем и шпагой так же хорошо, как и пером. Он рассказывал ему и о бомбардах[1], но Энтони никогда их не видел. Его будущее, казалось, было определено. Он будет сражаться под знаменем лорда Монтегля и, если понадобится, умрет за него. Столь ограниченный жизненный путь, однако, скрашивала надежда на то, что он испытает тепло женских рук и радость рождения сына. Ни на что большее он не рассчитывал, пока отец не увез их столь внезапно из замка лорда.

Они вышли из Саутхемптона из тихой бухты Солент в беспокойные воды Английского канала (пролива Ла-Манш). Каждый из стоявших на палубе пытался разглядеть парус, который мог бы означать,

---

[1] Бомбарда — снаряд для метания камней.

что французские каперы[1] вышли из Дюнкерка или Сен-Мало. Путешественники не увидели ничего, что могло бы им угрожать, и вскоре обнаружили, что плывут через Бискайский залив. Им сопутствовал восточный ветер. Перед ними выступили очертания огромного устрашающего мыса Финистерре, наполовину скрытого низкими облаками. Судно, скользя по бурно вздымающимся волнам Атлантического океана, неслось к португальскому берегу, отдаленной земле, каждые несколько минут исчезающей из поля зрения. Но ветер наконец утих, и в первом порту назначения — Лиссабоне — они в какой-то мере почувствовали, что достигли края, к которому стремились. Встав на якорь в Каскай-Роулз, они укрылись за мысом и песчаной отмелью от освещавшего океан солнца, настолько жаркого, что смола пузырилась на палубе. И здесь они впервые в жизни увидели пальму.

Выйдя из Лиссабона, они обогнули мыс Сент-Винсент и направились к Кадису. Им пришлось пройти мимо скалистого мыса через пролив, где бушевал ураганный ветер, оттуда они последовали в Картахену, укрытую множеством мысов. Путешествие по Пиренейскому полуострову, обращенному в христианство, за исключением маленького мавританского королевства Гранада на юге Испании, было безопасным, если бы не погода. Но Энтони даже не страдал от морской болезни, настолько он был поглощен тем, что открывалось его взору, а также мастерством испанских моряков, самых опытных и отважных в мире.

Покинув Картахену, путешественники доплыли до Аликанте, а затем пересекли Средиземное море и приблизились к Генуе, городу великолепных дворцов и едва ли менее прославленных мореходов. Генуэзцы были единственными в Западной Европе, кто осме-

---

[1] К а п е р, или приватир — торговое морское судно, вооруженное самим хозяином (с разрешения правительства) для военного грабежа и нанесения вреда неприятелю. «*Пират*... грабит всякого самовольно, а *капер* только врага отечества, и на право это получает *каперное свидетельство*» (В.И. Даль. Толковый словарь. Т. II, с. 87, М., 1981).

ливался напрямую торговать с Византией, тем самым вызывая гнев турок. Из Генуи Хоквуды начали последний этап своего путешествия, теперь уже под флагом известной республики.

Морское путешествие длилось несколько месяцев. Энтони понимал, что оно было познавательным даже для Джона Хоквуда, который прошел всю Францию вдоль и поперек. Для детей же оно стало открытием мира, о существовании которого они и не подозревали: земли, где всегда тепло; моря, казалось бы, невозмутимо спокойные, но все же иногда разрываемые жестокими ветрами, возникающими на фоне безоблачного неба; горы, поднимающиеся чуть ли не до самого небосвода; мужчины с черными волосами и бородами и сверкающими черными глазами; женщины, невообразимо грациозные, чьи черные глаза сверкали еще более обольстительно — ведь Энтони уже был мужчиной. Джон Хоквуд больше опасался за Кэтрин и всегда был рядом с ней.

Хоквуды видели людей, сражающихся насмерть с быками, дворцы, по сравнению с которыми лучшие усадьбы Англии казались жалкими лачугами, яркие и свободные одежды, которые никогда не встретишь на холодном севере. Эта яркость распространялась и на весь стиль жизни Средиземноморья: люди прекращали работу, чтобы насладиться праздником, целыми днями пели, смеялись и любили — часто недозволенно — и устраивали торжественные шествия в честь какого-нибудь святого.

— Это настоящий рай, — объявил Вильям.

— И в раю водятся змеи, — предостерег его отец, который понимал, что под изысканными манерами и беспрестанной веселостью могли таиться глубокие бездны гордыни. Энтони, почти онемев от восхищения, наблюдал незнакомую ему жизнь.

Из Генуи на новом корабле Хоквуды добрались до Неаполя, потом до Отранто. Из Пирея корабль взял курс на Дарданеллы.

Никогда Энтони потом не забудет Неаполь. Погода была плохая, и они на неделю встали у мола, где

неаполитанцы в пышных убранствах устраивали парад и откуда были хорошо видны неприступные стены замка Нуово, столь долго служившего приютом анжуйскому королевскому дому, который принес ужасающую нищету этой солнечной земле.

Так же, как генуэзцы или испанцы, неаполитанцы смеялись и наслаждались жизнью, но за их улыбками скрывались темные мысли. В них сочетались гордость и чувственность, которые были столь же восхитительны, сколь и опасны. Неаполь в сентябре оказался самым жарким местом из всех, где Энтони когда-либо приходилось бывать.

В таких условиях невозможно было вынести заточения на борту судна. Поэтому, когда Кэтрин захотелось размяться, Энтони был приставлен к ней как телохранитель.

Ему было приятно сопровождать такую эффектную девушку. Брат с сестрой всегда были близки. Кэтрин с ранних лет испытывала к нему материнские чувства. Теперь она взяла его под руку, как будто они были любовниками.

Они привлекали к себе внимание, прежде всего, конечно, своими фигурами, цветом лица и волос, а также одеждой, поношенной и бедной на фоне окружающих их великолепных нарядов. Энтони это нисколько не беспокоило, но Кэтрин была смущена и внезапно решила вернуться обратно. Они возвращались по тихой боковой улице, а не по оживленной основной, потому что Кэтрин не хотела, чтобы над ними смеялись. Энтони охотно согласился. Внезапно перед ними появились несколько молодых людей, на лицах которых играли дьявольские улыбки. Едва ли они были старше Энтони, однако на них были такие роскошные наряды, которые ему редко приходилось видеть.

Молодые люди, заметив странную пару, подошли ближе. Энтони и его сестра еще не так хорошо владели итальянским языком, чтобы понять все, что им сказали, но сразу догадались, что юнцы отпустили грубость по поводу фигуры Кэтрин.

— Убирайтесь прочь! — воскликнул Энтони, взмахнув рукой, и тут же почувствовал острие шпаги у горла. Другой бандит схватил Кэтрин за руки. Отпустив шнурки на лифе ее платья, он обнажил грудь девушки. Она была такой красивой, что у всех перехватило дыхание, даже у Энтони. Один из негодяев начал поглаживать сверкающую белую плоть, а другой, перехватив Кэтрин горло, прижал ее к стене, чтобы она не кричала. Третий поднял ее юбки и, собрав их вокруг талии, обнажил не только великолепные ноги, но и все остальные прелести девушки; он, несомненно, был уже близок к тому, чтобы насладиться ими.

Внезапно Энтони взорвался от гнева. Взмахом руки он откинул в сторону шпагу и мгновенно извлек из ножен свое оружие. Оружием Энтони Хоквуда был широкий меч, который когда-то принадлежал его деду. Его противники с ужасом взирали на жаждущего мщения красноголового гиганта. Один из них осмелился выставить свою шпагу — она была разрублена пополам ударом меча, и негодяи тут же пустились наутек.

На удивление спокойно Кэтрин оправила юбки и перетянула лиф.

— Не будем рассказывать папе об этом происшествии, — сказала она, сжимая руку брата. — Лучшего защитника я не могла бы и желать. Ты мой доблестный рыцарь, дорогой Энтони.

Эти слова были дороже Энтони, чем столь легко доставшаяся победа. Он задумался о сути случившегося. Энтони никогда не ожидал, что его сестра может быть столь прекрасной... а также столь спокойной. Если раньше он просто любил ее, то теперь боготворил.

Однако все эти события были только прологом к пьесе. Теперь же путешественники наконец начали огибать мыс и увидели начало узкого пролива по другую сторону Босфора. Сердце Джона Хоквуда учащенно билось. В ожидании появления легендарного города он вдруг услышал печальный звон колокола.

— Панихида, — отозвалась его жена Мэри.

Хоквуд взглянул на капитана, стоявшего на корме.

— Это колокола Святой Софии, — сказал капитан и быстро добавил: — Случилось какое-то несчастье.

Хоквуды сгрудились у фальшборта. Когда судно обогнуло мыс, они затаили дыхание. Азиатский берег, находившийся справа, с его высокими кипарисами, окаймлявшими скалистые вершины, внезапно оказался очень близко. Они увидели большой замок, на котором развевался зеленый флаг турок. Слева, на европейском берегу, и впереди по ходу корабля на северо-восток перед ними предстал Константинополь. Хоквуды готовы были с первого взгляда признать, что этот город — величайший в мире.

Стены, окружавшие город со всех сторон, проходя даже над водой, высокие и толстые, зубчатые и неприступные, представляли собой самое надежное защитное сооружение из всех когда-либо виденных Джоном. Над ними возвышались крыши замков и дворцов, а над ними — колокольни многочисленных церквей. И над всем этим устремлялись ввысь шпили огромного собора, откуда доносились звуки скорбной панихиды.

Но не столько от зданий, архитектурных памятников и оборонных сооружений захватывало дух, сколько от размеров города. Джон Хоквуд натренированным взглядом, привыкшим оценивать расстояния, определил, что город вряд ли меньше, чем три мили в поперечнике. Три мили, заключенные в одних стенах... Не менее широким он был у берега.

— Сколько людей могли бы жить за этими стенами? — спросил Джон.

— Не менее ста тысяч, — отозвался капитан.

Джон Хоквуд погладил бороду; а ведь когда-то Лондон казался ему многолюдным городом. Однако если сейчас он не мог заглянуть внутрь городских стен, то на воде, где флотилии маленьких лодок закидывали сети, уже вовсю кипела жизнь. Рыбаки, узнав флаг, окружили судно, приветствуя его.

Пока судно продолжало свой путь и Хоквуды изумлялись церквам и дворцам акрополя, находящегося в северо-восточной части города на семи холмах, воодушевивших Константина Великого[1] выбрать это место для его Нового Рима, в поле их зрения медленно вошла гавань, расположенная в широкой бухте и образующая северную границу города. Хоквуд в изумлении смотрел на огромную железную цепь шириной не менее полумили, протянувшуюся через все устье канала.

— Золотой Рог, — указал рукой в эту сторону капитан.

— Откуда такое название?

Капитан пожал плечами.

— Бухта называлась так веками. Во-первых, ее очертания похожи на рог барана, а во-вторых, сюда стекают все богатства мира.

По другую сторону плавучего заграждения поднимались мачты кораблей. Справа от бухты вырастали стены другого города, который по своим размерам был гораздо меньше Константинополя, но тем не менее представлял собой весьма шумное место.

— Галата[2], — пояснил капитан, — генуэзская колония на Востоке. Сюда-то нам и надо.

Люди с галатийской стороны бухты навалились на спицы гигантского колеса кабестана[3], к которому была прикреплена мощная цепь, и тяжелое плавучее заграждение было поднято. Карак, приспустив паруса, вошел в бухту и его тут же окружили лодки. Они стремились пристроиться за судном, чтобы быть доставленными к берегу — большой корабль оттягивался лебедкой вдоль причальной стены. Хоквуды отправились в каюту собрать свой скудный багаж. Они были единственными

---

[1] Константин I Великий (ок. 285—337) — римский император с 306 г. В 324—330 гг. основал новую столицу Константинополь на месте г. Византий.

[2] Галата — название района Константинополя, а теперь и Стамбула.

[3] Кабестан — лебедка с барабаном на вертикальном валу для выбирания судовых якорей или швартовки.

пассажирами, забравшимися так далеко, и последние две недели, с тех пор как покинули Пирей, в основном были предоставлены самим себе.

Хоквуды оказались в центре внимания, как только ступили нетвердыми после стольких недель пребывания на море ногами на берег. Было уже поздно, но толпа народа собралась поглазеть на их рыжие волосы. Люди открыто восхищались их великолепным телосложением.

— Это викинги, — бросил кто-то по-итальянски.

«О да, — подумал Энтони Хоквуд, — мы викинги, пришедшие спасти вас от сил зла».

Он почувствовал, как кровь забурлила в его жилах. Если Галата показалась ему обычным портом с пакгаузами, бесцеремонными мужчинами и стреляющими по сторонам глазами женщинами, то город, находящийся по другую сторону бухты, он полюбил с первого взгляда.

На эту ночь Хоквуды сняли номер в той же гостинице, где поселился капитан, и, забравшись впятером в одну постель, были удивлены холодным ночным воздухом. Они с трудом проглотили непривычную пищу из тушеного мяса и овощей, приправленную незнакомыми специями. Вместо зля и мягких итальянских вин, которые Хоквуды пили во время морского путешествия, им было подано византийское вино, весьма резкое и неприятное на вкус.

— Не найдется ли здесь более здоровой пищи и более приятных напитков? — жалобно спросила Мэри.

— Ты будешь готовить все, что пожелаешь, когда у нас будет свой дом, — пообещал ей Джон.

— И когда это случится? — поинтересовалась она.

— Завтра я буду принят наследником Константином.

— Можно мы пойдем с тобой, отец? — нетерпеливо спросил Энтони.

Джон Хоквуд задумался.

— Лучше я пойду один, — сказал он и улыбнулся, видя, что Энтони расстроен. — Завтра ты можешь исследовать Галату, но будь осторожен.

Генуэзский капитан предупреждал Хоквуда о той враждебности, которая может ожидать католика со стороны византийцев, а потому не торопился подвергать свою семью возможным оскорблениям в городе. Когда следующим утром он переправлялся через бухту, у него появилось дурное предчувствие.

Огромная бухта казалась непривычно пустой. Хоквуд видел лишь рыболовные лодки да около двадцати галер, причаливших дальше по изогнутому берегу. Город вблизи вызывал даже еще больший трепет. Поднимаясь по каменным ступеням от причала к воротам, он взглянул вверх на мощные стены; они оказались выше и толще, чем он думал. Своим наметанным глазом воина он сразу же разглядел, что оборонительные сооружения нуждались в ремонте, во многих местах каменная кладка начинала рушиться. Заметил он также и то, что там была всего лишь горстка людей, но можно не сомневаться, что бойницы будут пополнены, как только турецкая армия появится в поле зрения.

Оказавшись в огороженной стенами части города, Хоквуд огляделся и обнаружил, что кругом царят шум и суматоха. Было очень жарко, несмотря на конец октября. Он увидел узкие, мощенные булыжником улицы, кишащие людьми и домашними животными с их запахами и какофонией, а также прижимающиеся друг к другу дома, столь различающиеся между собой — от жалких лачуг до дворцов с галереями. Джон Хоквуд втягивал в себя запахи духов и одежды. Он бывал в Лондоне не один раз и считал, что все большие города одинаковы. Но здесь вместо боязни замкнутого пространства возникало странное ощущение свободы, которому способствовали мягкий солнечный свет, теплый бриз и легкая одежда. Мундир казался ему лишним.

Люди, заполнившие улицы, принадлежали к различным расам и придерживались разных вероучений. Здесь можно было встретить кого угодно — от светловолосого македонца до чернокожего африканца, однако Хоквуд, казалось, был единственным рыже-

волосым. Люди говорили на разных языках, и Хоквуд испытал облегчение, услышав случайно оброненное итальянское слово: звуков английской речи слышно не было.

Офицер сторожевой службы в шлеме и латах внимательно изучал его документ — лист пергамента, врученный ему завербовавшим его византийским посланником и написанный по-гречески. Хоквуд не знал, что там написано, но, по-видимому, документ сообщал не только о том, что Хоквуд доброволец, согласный служить императору, но и то, что он говорит лишь по-итальянски. Охранник, оглядев Хоквуда, вызвал подчиненного и что-то приказал ему.

— Пойдемте со мной, — обратился вновь пришедший по-итальянски.

— Охотно, — согласился Хоквуд. — Скажите, куда мы идем?

— Я представлю вас принцу. В ваших документах упомянуты другие люди?

— Моя семья ждет меня в Галате.

На протяжении всего разговора у офицера сохранялось напряженное выражение лица. Сержант пробирался сквозь толпу, Хоквуд последовал за ним, привлекая к себе заинтересованные взгляды.

— Ваш офицер, похоже, суровый человек, — заметил Хоквуд.

— Он ненавидит всех латинян, — отозвался сержант.

— И он думает, что я один из них?

— Если вы римского вероисповедания — вы латинянин, — объявил сержант.

Они прошли через белые ворота во внутренней, более низкой стене; сразу за ней находилась сама столица Византии. В центральной части города были только дворцы и соборы, отделенные красивыми, засаженными деревьями парками, а в южном конце, как раз напротив стены, располагался огромный амфитеатр.

— Это ипподром, — объяснил сержант, — здесь проходят представления. У вас есть подобные развлечения, англичанин?

— Нет, — сказал Хоквуд.

— Ты должен рассказать мне об Англии, — улыбнулся сержант. — Меня зовут Панадоу.

«Похоже, у него нет такой ненависти к латинянам, как у того офицера», — подумал Хоквуд. Он стал осматривать огромный собор Святой Софии, изумленный величием этого сооружения, богатством разноцветных витражей, золотой инкрустацией на консолях, сверкающей отраженным светом. Никогда раньше он не мог даже предположить, что в мире существует подобное здание.

Какое-то время Джон Хоквуд ждал начала аудиенции принца Константина. Сержант Панадоу доставил его дворецкому принца и попрощался.

— Мы еще увидимся, — сказал Хоквуд.

«Чем быстрее я найду здесь друзей, тем лучше», — подумал он.

— Обязательно, — коротко ответил Панадоу и ушел.

Дворецкий не знал ни одного из романских языков и, без сомнения, ненавидел латинян. То же самое можно было сказать о многих других, ожидавших в вестибюле; все они уставились на огромного рыжеволосого англичанина с нескрываемой враждебностью. Хоквуд пытался не обращать на них внимания и принялся изучать великолепный интерьер помещения. Мозаичными изразцами были выложены пол и потолок. Иконы с изображениями Марии с младенцем висели на стенах. Красное одеяние дворецкого вполне бы подошло самому титулованному графу Англии. Хоквуд чувствовал себя неловко в своем поношенном камзоле и залатанных штанах; его одежда была коричневого цвета, что выдавало в нем бедного человека. Но его белая рубашка, специально сохраненная для этого случая, была свежей и хрустящей.

Наследник оказался худым человеком, роста не более чем среднего, с редкой бородкой. На нем была

круглая шляпа с высоким верхом; его одежда была роскошной, пальцы унизывали дорогие перстни. Свое пышное убранство он нес с отсутствующим видом, его манеры были обходительными. Поприветствовав Хоквуда по-латыни, принц протянул руку для поцелуя. Джон был удивлен, но решил, что это, должно быть, такой обычай, склонился и поцеловал ее. Когда он поднялся, Константин пристально посмотрел на него.

— Ты Джон Хоквуд, — сказал он, — из Англии. У тебя известное имя.

— Мой дядя был известным человеком, мой господин.

— Тогда нам повезло. И много таких больших, как ты, в той далекой земле?

— Много, сир.

— Хотел бы я иметь несколько сотен таких людей, как ты, — вздохнул Константин и заглянул в документ. — Ты артиллерист?

— Это моя профессия.

— В таком случае вдвойне добро пожаловать. Единственное, что нас может спасти теперь, это пушки. Если бы их было побольше, — он опять заглянул в документ, — да и канониров тоже... Здесь говорится о сыновьях.

— У меня два сына; они приехали вместе со мной.

— Они умеют сражаться?

— Они приехали, чтобы сражаться, мой господин.

— Это только начало. Мои посланники докладывают: люди прибывают к нам со всей Европы. — Он взглянул на Хоквуда. — Слишком долго народ Константинополя живет в мире.

Хоквуд ничего не сказал в ответ. Он недоумевал, почему византийцы нуждаются в том, чтобы пополнять ряды своей армии людьми со стороны. Внезапно он спросил:

— Как скоро могут напасть турки?

Принц поморщился, сел, предложив Хоквуду располагаться поудобнее. Джон замешкался, потому что никогда раньше не бывал приглашен сидеть в присутствии членов королевской семьи. Он сел в кресло, и

находящийся поблизости дворецкий не смог скрыть своего возмущения.

— В настоящее время между нами и османцами нет войны, — продолжал принц, — напротив, мы заключили мирный договор. И все же мы знаем, что они хотят уничтожить нас. Ты что-нибудь знаешь о турках?

— Почти ничего, сир.

— Тогда слушай! Они очень опасны. Двести лет тому назад никто даже не слышал об османцах. Эти выносливые люди появились из недр Азии. Они кочевали, возглавляемые Эртогрулом. Осев в Анатолии, они поначалу никого не беспокоили. Сын Эртогрула, Осман, мы называем его Оттоман, поднял свой народ на войну. По его имени они назвали себя османцами, или оттоманцами. Тебе известно, что обозначает это имя на турецком, Хоквуд?

Джон покачал головой.

— Оно означает «ломающий ноги». Ничего не скажешь, точное определение. Осман, как я сказал, повел своих людей на войну. Ему повезло, потому что тогда наш город только начал восстанавливаться после крестового похода 1204 года. Ты что-нибудь слышал об этом?

Джон кивнул.

— Это не просто забыть. Наши люди до сих пор ненавидят франков... И это все из-за предательства, рассказ о котором передается из поколения в поколение. Ты, конечно, франк...

— Я англичанин, мой господин. Французы мои давние враги.

— Для жителей Константинополя все люди с Запада — франки. Помни об этом, Хоквуд.

— Ты хочешь, чтобы я сражался за людей, которые ненавидят меня?

— Ты приехал сюда воевать с турками. Если их не остановить сейчас, они завоюют всю Европу, даже Англию.

Хоквуд погладил бороду.

— Ты думаешь, я пристрастен? — продолжал принц. — Тогда слушай дальше. Осман добился ус-

пеха из-за нашей слабости. Его сын, Орхан[1], преуспел еще больше. Он повел свою армию через Босфор на Балканы. Он так напугал тогдашнего императора Иоанна Кантакузина[2], что византийская принцесса была отдана неверному в жены. Можешь ли ты представить христианку, терпящую ужасы гарема? Это невообразимо... И все же Георг Бранкович сделал это. — Помолчав несколько минут, он продолжил: — Таким образом, Византия, по сути дела, стала феодальным наделом неверного. Они были только захватчиками из Азии. Никто не думал, что они будут одерживать одну победу за другой. Османцы — настоящие кочевники, кажется, что у них нет никакой дисциплины. Они прекрасные наездники, из которых получается самая хорошая легкая кавалерия. Но время кавалерии прошло, ты хорошо это знаешь. Без дисциплинированной тяжеловооруженной пехоты настоящий успех в военном деле невозможен.

«Вы не совсем правы, — едва не сказал Хоквуд, — сейчас очень важную роль может сыграть артиллерия», — но промолчал.

— Сын Орхана — Мурад[3] понял, что не может противостоять только кавалерией всем армиям Запада. Он придумал план, дьявольский план. По его приказу у христиан начали красть детей и обучать в духе «Полумесяца», а вовсе не «Креста». Они приучены к строгой дисциплине; фактически создана армия военных монахов. Ты когда-нибудь слышал о янычарах?

— Да, слышал.

— Они самые непобедимые воины... во всем мире.

Хоквуд снова погладил бороду, вспоминая, как сам сражался за Великого Гарри.

---

[1] Орхан (1324—1360) — султан, завоевавший северо-западную часть Малой Азии до Мраморного и Черного морей и восточного побережья пролива Дарданеллы. Укрепил военную мощь турок.

[2] Иоанн Кантакузин (1293—1383) — византийский император в 1351—1354 гг.

[3] Мурад I (1360—1389) — султан. Осуществил идею зачисления пленных юношей, неверных (т.е. немусульман) в новое турецкое войско янычар.

Константин заметил его скептицизм.

— Ты сам убедишься.

— Когда этот Мурад правил, сир? — спросил Хоквуд.

— Шестьдесят лет назад.

— И Константинополь все еще стоит.

Константин криво усмехнулся.

— Своего рода милость Божья... Мурад повел янычар в Европу и разбил сербов в битве на Косовом поле. — Вздохнув, он продолжил: — В первой битве в 1389 году. После сражения Мурад был убит плененным сербским дворянином. Сын Мурада, Баязид[1], взял командование армией и лагерем на себя. Баязида прозвали Молниеносным. Он был вторым великим воином эпохи. А знаешь, кто был первым?

Хоквуд задумался: 1389 год — слишком рано для Великого Гарри, слишком поздно для Черного Принца.

— Бертран дю Геклин? — Он ненавидел превозносить француза, но не мог не признавать его заслуг.

— Дю Геклин? — Константин презрительно фыркнул. — Ты что-нибудь слышал о Тимуре?[2] О том, кого называли Хромым?

Хоквуд поморщился. Он, конечно, слышал это имя, но считал, что оно не более чем легенда, пришедшая с Востока.

— Константинополем тогда правил Баязид. Мой дед понял, что его час пробил... Нас спасло чудо.

— И этим чудом был монгол, — предположил Хоквуд.

— Пути Господни неисповедимы, англичанин... Благодаря ему мы были спасены. Слава Баязида, его сарацины, янычары, военачальники были ничто по сравнению с Тимуром. Их втоптали в пыль, и Ба-

---

[1] Баязид I Молниеносный (1354 или 1360—1403) — турецкий султан, в 1389—1402 гг. завоевал обширные территории на Балканах и в Малой Азии.

[2] Тимур (Тамерлан) (1336—1405) — полководец, эмир. Создатель государства со столицей в Самарканде. Разгромил Золотую Орду. Совершал походы в Малую Азию, Закавказье и др.

язид I Молниеносный был посажен в клетку и выставлен напоказ толпе умирать со стыда.

— Константинополем тогда стал править Тимур? — заключил Хоквуд. — Но все же он стоит...

— Тимура не интересовала Европа. Он должен был разбить армию Баязида, потому что считал его своим соперником в Азии. Одержав эту победу, Тимур ушел в Китай, о котором всегда мечтал, и там умер. Так мы были спасены. Мы должны были восстановить свое былое величие, пока сыновья Баязида боролись за престол. Мы обратились к Западу за военной помощью, чтобы нам оказали поддержку в избавлении мира от османцев. Нам говорили, что на Западе есть великие воины. Особенно тот, который правил Англией: Великий Гарри. Ты о нем знаешь?

— Вместе с ним я сражался в Азенкуре против французов, — гордо сказал Хоквуд.

— Против французов, — грустно повторил Константин. — Брат против брата, франк против франка. Это было нашим общим просчетом, англичанин. Если бы эта битва состоялась на берегах Дарданелл и твой могучий воин выступил бы против янычар, тогда, возможно, Европа была бы спасена.

Хоквуд не знал, что и ответить.

— С тех пор турки обрели силу, — продолжал принц. — Из междоусобных войн, последовавших за смертью Баязида, Мехмед I вышел эмиром. Османцы прозвали его «Святым». Мы называли его «джентльменом», потому что он не нарушал границ владений своего отца и относился к ним с уважением. Его сын Мурад II — совсем другой человек, ему может ударить кровь в голову. Внезапно он осадил нас в 1422 году, но не смог взять город приступом и отправился расширять свои владения на Запад. Против него Папа Римский снарядил крестовый поход пять лет назад.

— Я слышал об этом, сир, — вставил Хоквуд.

— Тогда ты знаешь, как была разбита армия под командованием Владислава III Ягеллона, короля Польского и Венгерского. Погибли и сам король, и

вся его армия. Только великий полководец Янош Хуньяди спасся. В этом году Хуньяди возглавил другую армию и начал сражение снова у Косово. — Он вздохнул. — Поле Черных Птиц.

— Я узнал о поражении по звону колокола, — сказал Хоквуд.

Внезапно Константин распрямил плечи.

— Англичанин, не будет больше ни крестоносцев, ни папских армий. Если Константинополь должен выжить, то только нашими собственными усилиями.

— Стены города еще никогда не были пробиты, — заметил Хоквуд.

— В этом наша сила. В этом и в артиллерии. Но у нас есть много слабостей. Мой брат император болен. Я сомневаюсь, что он доживет этот год. Наши люди погрязли в интригах, им нет ни до чего дела. Они считают, что если Константинополь никогда не могут взять приступом, то он никогда не падет. Больше пяти тысяч тяжеловооруженных всадников мне не набрать, мне нужны храбрые воины. Будь они у меня, я мог бы противостоять туркам — даже Мураду, который относится к нам с оскорбительным презрением. Но это обычная манера поведения турок: ему кажется, что как только он щелкнет пальцами город будет его. Сейчас его не беспокоит даже наша относительная независимость.

— Мне показалось, что этот город богат, мой господин... Я, правда, не понимаю почему...

— Мы богаты, потому что мы рынок мира, точка пересечения всех дорог. Люди приезжают к нам из всех известных человеку стран, чтобы торговать свободно и безопасно. Приезжают и турки — они тоже хотят вкушать плоды труда других людей. Пока они не трогают нас, но копят обиды. Наступит день, и янычары пойдут на наши стены.

— И будут разбиты, — сказал Хоквуд. — Если на стенах будет много людей и пушек. Я слышал, у османцев нет пушек?

— Они кочевники. Откуда им знать о пушках? — Константин улыбнулся. — Теперь ты знаешь правду

о нас. Я бы не взял ни одного человека, сражающегося за дело, которое он не принимает как свое. Ты остаешься? Ты готов сражаться вместе с нами?

— Я остаюсь и буду стрелять из ваших орудий вместе с вами, если вы того пожелаете.

— Хорошо сказано. Надеюсь, ты не сомневаешься, что меня устраивает это решение.

Хоквуд поднялся и поклонился.

— Если мой господин говорит от имени своего народа, — сказал он, — я согласен.

Глава 2

ВИЗАНТИЕЦ

Иоанн VIII Палеолог умер к концу года, его брат стал императором, Константином XI. Константинополь сразу почувствовал новый заряд энергии и оптимизма, исходящий от трона.

О турках было известно, что султан Мурад сосредоточил все усилия на разгроме албанского патриота Георга Кастриота. Таким образом, город пока пребывал в мире.

Византийцев вовсе не волновали события в Албании или дальнейший захват турками юго-восточной Европы. Жизнь в городе текла своим чередом: люди пили и ели, торговали и богатели, ссорились и время от времени восставали против реальных и выдуманных несчастий.

Но чаще всего они играли.

— «Зеленые»! — кричала Кэтрин Хоквуд. — «Зеленые»!

— «Голубые»! — скандировали люди по соседству. — «Голубые»![1]

---

[1] «Зеленые» и «Голубые» — в XV в. политические партии в Константинополе.

Большинство все же болели за «зеленых». Колесницы все быстрее мчались по ипподрому: упряжки в четыре коня, наездники, натянувшие поводья, пыль из-под копыт и колес.

Весь Константинополь оставлял работу в дни бегов, а в праздничные дни, как сегодня, все горожане собирались внутри стен старого Византия. Люди наслаждались зрелищем и духом соперничества, который часто служил началом жестоких раздоров. В такие дни на ипподроме, казалось, бьется сердце народа.

Задолго до рассвета песок на беговых дорожках разравнивался, чтобы не было помех на пути лошадей. Белые каменные скамьи, окружавшие арену, вымывались и высушивались. Долго на них не усидишь, поэтому мудрые и богатые приносили с собой подушки, которые служили также снарядами при проигрыше любимой команды.

Самыми первыми на ипподроме появлялись продавцы снеди, потом раздатчики значков. Болельщики, прикрепив зеленые и голубые значки, обозначали свою приверженность той или иной партии.

Вскоре после этого флажки и знамена взметались к верхушкам мачт и были, конечно, видны по другую сторону Босфора; лес колышущегося разноцветья показывал, что весь Константинополь на ипподроме. К этому моменту хозяева и тренеры начинали проверять готовность команд и исправность упряжек. При этом присутствовали наездники — местные знаменитости, о достоинствах и недостатках которых спорили в харчевнях. На них были кожаные кепки и маски; кожаные накладки защищали их колени, локти, плечи, а также гениталии. Когда колесница переворачивалась в шквале разламывающегося дерева и грохочущих копыт, наездник, отделавшийся только синяками, считал себя счастливчиком.

Вскоре появлялись зрители. Заядлые болельщики приходили пораньше, чтобы занять любимые места. Они толкались, пока еще по-доброму подшучивая друг над другом. Страсти распалят их гнев позже.

Толпа ждала, когда император в пурпурном одеянии и в сопровождении свиты, пройдя по специальному проходу, появится в своей ложе, чтобы поприветствовать его. Затем император принимал владельцев и наездников, представленных ему, потом он делал жест, разрешающий начать представление. По ипподрому разносились звуки трубы, объявляющие о начале бегов.

Джон Хоквуд ненавидел ипподром и бывал там очень редко. Но не пойти сегодня он не мог — его отсутствие вызвало бы гнев соседей. В течение двух с половиной лет, проведенных в Константинополе, Хоквуд научился вести себя как подобает гражданину величайшего города мира, несмотря на то что он им никогда не был.

Два дня назад стало известно о смерти Мурада II, правителя всех османцев. В Константинополе по этому поводу был устроен грандиозный праздник. Дьявол был мертв... Обычно после смерти султана начиналась братоубийственная война между его сыновьями: возможно, на этот раз междоусобица растянется на годы, и византийцы смогут продолжать спокойно жить и предаваться увеселениям.

Император объявил праздник. Этим Константин XI угодил своим подданным — его народ предпочитал праздники рабочим дням. Константин хорошо понимал, что он не так популярен, как его покойный брат, из-за того, что он сошелся с Западом. Хуже того, он добился аудиенции Папы Римского, страстно желая лишь одного — получить дополнительные силы для защиты стен Константинополя. Многие византийцы считали это преступлением более тяжелым, чем если бы он ползал на коленях перед турецким султаном.

Но сегодня император чувствовал себя превосходно. Он расположился в великолепной пурпурной ложе со своей женой Магдаленой Токко, детьми, сестрами, младшими братьями, Теодором и Андроником, Деметрием и Томасом, племянницами и племянниками... Вместе с ним были истинные блюстители визан-

тийских традиций — Лука Нотарас и патриарх Геннадий, люди, которым турки и латиняне были одинаково ненавистны.

За прошедшие два с половиной года Джону Хоквуду представилось много случаев разобраться в этих людях. Его нелюбовь к ним питалась их нелюбовью к нему и оправдывалась тем, что он не мог достойно ответить на их оскорбления. Стены Константинополя были, несомненно, очень крепкими, но этот город можно было бы назвать неприступным лишь в том случае, если каждый здоровый мужчина считал бы защиту города своей обязанностью. Все интриги, грозившие неизбежным разрушением, теплились на слабости императора и каждый раз, как сегодня, раздувались играми в пламя. Если император болел за «голубых», то Нотарас обязательно за «зеленых», и толпа пронзительно орала в поддержку одного или другого. Никакие это не игры, думал Джон Хоквуд, это политические сборища глубокого и зловещего значения.

Жалел ли он о своем решении оставить Англию и искать счастья в чужой земле? Иногда — да, особенно, когда смотрел на своих детей. Ему не нравилась Кэтрин в византийской тунике, открывавшей плечи, обнажавшей грудь или открывающей белые ноги. Он терпеть не мог, когда она с приоткрытыми губами и сбившейся прической так же, как греки, кричала на ипподроме. Ее лицо шло красными и белыми пятнами, сверкающие зубы сжимались в ложном порыве. Кэтрин исполнился двадцать один год, она стала женщиной поразительной красоты. Если бы они остались в Англии и она все еще была бы не замужем, отец, конечно, беспокоился бы о ее судьбе, но в Константинополе он благословлял каждый день, который она прожила девственницей.

Хотел ли Хоквуд, чтобы его дочь осталась старой девой? Он не был уверен. Поклонников у нее хватало. Но были ли они только поклонниками? Хоквуд часто заставал ее с разговорчивыми мужчинами с соблазняющими глазами, которые, обнимая ее за талию,

обсуждали тонкости поэзии. Многие из них были весьма состоятельными людьми, и их родители вряд ли приветствовали бы женитьбу своего сына на дочери неверного, находящегося в милости у самого императора. А если бы Кэтрин вышла замуж за одного из них? Осталась бы она верна устоям ортодоксальной церкви или стала бы приверженной греческому порядку жизни?

И все же Хоквуд понимал, что не ему решать. Кэтрин всегда была девушкой с характером. В Константинополе ее характер, кажется, стал еще более трудным. Она исполнилась решимости стать даже больше византийкой, чем любой грек. Если Кэтрин соберется замуж, то даже более жесткий человек, чем он сам, не сможет запретить ей это сделать. Хоквуд мог только молиться, что она не ошибется в выборе, когда придет время, и что, пока этот момент не настал, она будет вести себя достойно и мудро. Ему не нравились многие из друзей Кэтрин, особенно братья Нотарас.

Усиленный надзор за дочерью не прибавил популярности Хоквуду. Он также очень беспокоился о сыновьях, особенно об Энтони. Вильям радовал его, он был настоящим Хоквудом — обученным солдатом и канониром. Похоже, Вильям станет рассудительным и основательным человеком. Он не болел ни за «зеленых», ни за «голубых» и не испытывал к ипподрому, как и его отец, любви.

Надо надеяться, что Энтони тоже встанет на правильный путь. Возможно, девятнадцать лет — слишком юный возраст, чтобы выносить окончательное суждение, впрочем, как шестнадцать лет — слишком рано, чтобы отрывать мальчика от корней и увозить так далеко от дома. На ипподроме Энтони был так же возбужден, как и Кэтрин, и громко кричал, когда лошади вышли на последний поворот. Он все время посматривал на императорскую ложу, улыбкой и взмахом руки приветствуя дочь Нотараса — Анну.

Самая серьезная причина для беспокойства Хоквуда заключалась в том, что Кэтрин и Энтони завязали дружбу с сыновьями и дочерью великого дуки.

По сути дела, Хоквуды занимали странное положение в обществе. Хотя бы в отношении религии. Мэри наотрез отказалась освещать храм Святой Софии и запретила это делать своим детям. По воскресеньям Хоквуды отправлялись в Галату в генуэзскую церковь. Император благоволил им, но они не были знатного происхождения, а византийские аристократы считались самыми надменными в мире. Все же Джон Хоквуд прибыл сюда как главный канонир, император поставил его во главе византийской артиллерии, присвоил ему звание генерала. Благодаря своей должности Джон попал в высший свет. Сын Нотараса, Василий, стремился стать канониром, и вполне естественным оказалось то, что юноша познакомился с молодыми Хоквудами и поддался обаянию рыжеволосой красавицы Кэтрин.

Молодой человек, что тоже было естественно, представил девушку своим сводному брату и младшей сестре; Энтони, как сопровождающий, был рядом. Джон Хоквуд не был уверен, какие чувства испытывала Анна Нотарас к его рыжеволосому сыну, но то, что Энтони был влюблен, становилось видно с первого взгляда. Они были очень молоды, и Джон не хотел думать о реакции великого дуки, если бы отношения между его сыном и Анной стали более серьезными — Анну Нотарас безусловно должны просватать за какого-нибудь византийского вельможу. Но больше всех Хоквуда беспокоила Кэтрин, которая совершенно очевидно была увлечена Василием Нотарасом. Василий был внебрачным сыном великого дуки, но Хоквуд не допускал и мысли, что ему будет позволено жениться на дочери чужестранца и вероотступника. Семья Нотарасов не нуждалась в милости императора. Джон поделился с Кэтрин своими опасениями, но ответом ему был высокомерный взгляд. Теперь ему оставалось только молиться, что его дочь не покинет здравый смысл и что она будет вести себя достойно.

Обрывы были с обеих сторон выбранной им тропинки, но в Англии хватало своих трудностей. А в

Константинополе его семья была окружена роскошью, какой они не знали прежде, его годовой доход как генерала, командующего артиллерией, во много раз превышал ту сумму, которую он заработал за всю свою жизнь. Рубашка и камзол честного английского йомена давно были выброшены за ненадобностью, туника из черной с золотом парчи, которую он носил теперь, была такой длинной, что чуть не подметала улицу.

Мэри тоже очень изменилась. Здесь она стала носить принятую у местных одежду, ее пояс и чепец были расшиты драгоценными камнями. Но изменился не только ее внешний вид. Робкая, несчастная женщина, ступившая на землю Константинополя, превратилась в уверенную даму, жену процветающего человека. Конечно, Мэри прекрасно понимала, что Хоквудов как католиков здесь не очень любят, но она успокаивала себя тем, что ее дом полон прекрасных вещей, а муж ее — друг императора. Мэри понимала, что ее дети могут попасть в неприятные ситуации, но она верила, что они выйдут из них с честью. Ее уверенность помогала ей, она никогда не думала, что муж сможет достичь такого высокого положения.

Даже самый обыкновенный византиец мог наслаждаться роскошью, не доступной английскому лорду. Джон с ужасом вспоминал, какие усилия требовались дома, чтобы наполнить единственную бадью, в которой все члены семьи мылись по очереди. В Константинополе из кранов текла вода, а в домах знати была и холодная и горячая вода, которая поступала из огромных хранилищ, находившихся за чертой города.

Вспоминая вкус жилистого, похожего на подметку английского мяса, Джон сравнивал его с молодой византийской бараниной, приправленной специями, о которых раньше он мог только слышать. А разве можно сравнить резкий английский эль и мягкие белые и красные вина, которые подаются здесь к каждому блюду... А дождливая весна и холодная зима в Англии много проигрывали по сравнению с бесконечным византийским летом... Когда с Черного моря налетал

северный ветер и все местные тряслись от холода, Джону очень хотелось предложить им поблагодарить Бога за то, что они не знают, что такое норд-ост, приходящий в январе с Северного моря в Суффолк.

Но, что более важно, скромное положение Хоквуда в Англии не шло ни в какое сравнение с тем высоким положением, которое он занял в Константинополе. Он беседовал с императором, наверное, каждую неделю. Человека, правящего только городом, многие не сочли бы за важную персону, но Константин XI был потомком римских императоров. Он достойно нес эту ношу и чаще грустно, чем улыбаясь, взирал на происходящее вокруг. Император не допускал и тени сомнения в том, что город выдержит натиск османцев и что он лично будет руководить его обороной.

Задача была действительно грандиозной. Однажды император объявил Хоквуду, что народ Константинополя потерял воинственный настрой, который был присущ его предкам. Дело не в том, что они трусливы, предположил Джон, просто они не могли представить себе, что кто-нибудь способен положить конец их безоблачному существованию. Константинополь однажды был захачен, но с тех пор прошло два с половиной века. Рассказы о насильниках и грабежах до сих пор будоражили воображение людей, но все помнили, что ненавистные франки ворвались в город из-за предательства и что они не атаковали стен города.

Таким образом, в настоящее время менее пяти тысяч человек из населения в несколько сотен тысяч были готовы к вооруженному сопротивлению. Для защиты стен такой протяженности это совсем немного. Константин потерял надежду на помощь Запада. Ему постоянно обещали прислать добровольцев, но только несколько человек последовали примеру Джона Хоквуда.

Оборонять город должны были эти пять тысяч человек, а также пушки. Бронза для пушек была отлита по меньшей мере двадцать лет назад, и Хоквуд сомневался, что он выдержит длительную стрельбу.

Ему не разрешали проводить пробные выстрелы, поскольку грохот выстрелов раздражал жителей, а император беспокоился за сохранность стен, которые могли обвалиться от вибрации. Хоквуду разрешили переместить пушки на позиции, которые он считал наиболее важными. Солдаты при этом ворчали, недовольные тем, что их заставляют двигать такую тяжесть. Великий дука Нотарас презрительно наблюдал за всем происходящим, считая все меры по защите Константинополя бесполезными из-за огромной силы османцев. По его мнению, Константинополь мог спасти договор с неверными и выплата им дани.

— Мы нужны им здесь, — настаивал великий дука. — Мы для них окно в мир. Для чего им уничтожать нас?

У Джона Хоквуда не было времени на подобные разговоры. Он считал, что Константинополь мог быть удержан даже тем количеством людей, которые находились в их распоряжении. Османцы не были моряками и поэтому три мили стен (от Золотых ворот на юге и до акрополя на северо-востоке, а также выходившие к Мраморному морю) нужно было просто постоянно патрулировать. Несколько вражеских галер не могли разбить плавучее заграждение у Золотого Рога, генуэзцы удерживали Галату с северного берега, поэтому османцы не могли атаковать и с этих направлений. Таким образом, для защиты стены Феодосия, перед которой был громадный ров и которая тянулась три мили по суше, вполне хватило бы четырех тысяч решительных защитников, поддерживаемых артиллерией. Даже у турок не было достаточного количества людей для штурма всей стены сразу.

— Константинополь будет удержан, ваше величество, — заверил Хоквуд императора во время их последнего осмотра позиций.

А теперь, думал Хоквуд, когда почти загнанные лошади отдыхали и выигравшие «голубые» охрипшими голосами все еще скандировали, радуясь победе, а побежденные «зеленые» впали в уныние, эти стены даже не будут атакованы — по меньшей мере в обоз-

римом будущем. Ему хотелось хоть бы мельком взглянуть на то, что происходит по другую сторону Босфора, во владениях мертвого султана.

Толпа вырвалась с ипподрома и направилась в город. Вечерело, но мало кто собирался спать в эту ночь. Люди ходили толпами в поисках винных лавок. Наиболее осторожные владельцы домов закрыли окна ставнями. В эту прохладную февральскую ночь могли вспыхнуть горячие стычки между «голубыми» и «зелеными»...

— Я думаю, нашего наездника подкупили, — раздраженно сказал Василий Нотарас. Он шел впереди своих брата и сестры, разглядывая людей в толпе, его белая шелковая туника развевалась. — Парня надо хорошенько высечь.

— Его следует наказать в любом случае, — согласился Алексей. — Смотри-ка, кто идет...

Огненная копна волос Кэтрин Хоквуд плыла над спешащей толпой. Голову Кэтрин венчала шляпа, добавлявшая к ее и так «немаленькому» росту еще два фута...

— Проклятие! С ней родители... — пробормотал Василий.

— Мы должны увести ее, — решительно сказал Алексей. Он знал о страсти брата и о его решимости довести дело до конца и по возможности именно этой ночью, поскольку стража будет ослаблена.

Василий, схватив сестру за руку, прибавил шагу. Он шел напролом, распихивая людей. Ему вслед сыпались проклятия, кое-кто даже выхватывал кинжалы... Но, узнав сына великого дуки, люди прятали оружие, потому что гнев отца этого молодого человека был страшнее императорского. Приходилось терпеть наглость его высокомерных сыновей.

— Энтони! — крикнул Алексей. Энтони Хоквуд обернулся и, увидев Анну Нотарас и ее брата, остановился.

— Мы проиграли, — сказал Алексей, — не хочешь залить горе с нами за компанию?

— Конечно... с удовольствием, — согласился Энтони. — Он хорошо говорил по-гречески, так же, как и все остальные члены его семьи.

Энтони застенчиво улыбнулся девушке. Шестнадцатилетняя Анна Нотарас была высокой и очень стройной. Она походила на брата, но черты ее лица были гораздо мягче. Глаза — огромные и черные — излучали необыкновенный свет. Волосы ее, такой же полночной темноты, как и глаза, были собраны в узел и подчеркивали белизну шеи; голову венчала шляпа цвета золота. Широкая черная повязка охватывала ее лоб и спускалась на плечи, сочетаясь с черным поясом на ее бледно-розовой шелковой тунике. На правом плече девушки красовалась зеленая розетка.

«Она самая красивая», — всякий раз при встрече с ней думал Энтони.

Вильям поприветствовал девушку, приподняв серую фетровую шляпу. Он был одет по последней моде — коричневый с золотом жакет до бедер, серые облегающие штаны. К отвороту его жакета была также прикреплена зеленая розетка.

— Пойдешь с нами? — спросил Алексей.

— К сожалению, вынужден отказаться. Меня ждут неотложные дела.

— Работа, всегда работа, — улыбнулся Алексей. — Отпустишь ли ты госпожу Кэтрин с нами, под личную ответственность твоего брата?

Вильям, не зная, что ответить, взглянул на родителей, которые прислушивались к их разговору.

— Мы ненадолго, — сказал им Энтони. — Вы ведь все равно идете на прием к императору.

Это прозвучало скорее как обвинение, чем напоминание. Джон Хоквуд взглянул на жену. Мэри явно была недовольна, но она не хотела публично оспаривать его отцовские права. По выражению лица Кэтрин Хоквуд понял, что ей хочется принять приглашение. Ее глаза блестели от возбуждения...

Внезапно сердце Хоквуда сжалось от мрачного предчувствия, но он не хотел при братьях Нотарас настаивать на своем.

— Идите, но не больше чем на час, — сказал он наконец. — Постарайтесь не попасть в какую-нибудь неприятную историю...

— Конечно, ваша светлость, — пообещал Алексей, склонившись и сняв шляпу. — Даю вам слово: через час они в целости и сохранности вернутся домой.

— Мы отправимся в отцовский дворец, — сказал Алексей, обнимая Энтони за плечи.

— Он не будет возражать?

— Отца нет дома, сейчас он на приеме в императорском дворце. Интересно знать, почему мой отец должен возражать против твоего присутствия в нашем доме? Ведь вы прибыли в Константинополь, чтобы защищать нас...

Энтони не понимал, как следует относиться к словам Алексея Нотараса. Искренен ли он, когда говорит комплименты, или просто подшучивает? Энтони ждал впереди целый час общения с любимой Анной, и он отринул все обиды прочь.

Интерес столь красивой и родовитой девушки к такому человеку, как Энтони, волновал всех в Константинополе. Два года назад при коронации императора Энтони впервые оказался в соборе Святой Софии. Он восхищенно разглядывал мраморные стены, выложенные мозаикой, высокий свод купола, молельни, золотую рельефную кафедру, прекрасную золотую статую Девы Марии и еще более великолепную статую Христа, священников в высоких головных уборах, облаченных во все черное... Потом его взгляд остановился на девушке, стоявшей рядом с ним. Анне тогда только минуло четырнадцать, и она показалась Энтони самой красивой из всего, что он увидел в том огромном соборе. Анна улыбнулась ему. В течение двух лет они продолжали обмениваться взглядами и улыбками на балах, регатах и праздниках, составлявших большую часть византийской жизни. Совсем недавно молодые люди заговорили друг с другом. Это

случилось после того, как страсть Василия уже невозможно было скрывать от семьи Хоквудов.

Энтони не знал, какие чувства Кэтрин испытывала к Василию Нотарасу. Они с сестрой были близки друг другу. Им нравилась лихорадочная жизнь Константинополя, совсем не похожая на их существование в Англии... Энтони казалось, что Кэтрин просто приятны знаки внимания и постоянные комплименты Василия. Она видела в Василии интересного мужчину, но прекрасно понимала, что о браке с ним нечего и мечтать...

Энтони прекрасно знал, чего хочет сам, отдавая себе отчет о границах дозволенного.

Кэтрин в сопровождении двух кавалеров удалилась вперед, Энтони чуть отстал, чтобы идти вместе с Анной.

— Я огорчаюсь, когда мы проигрываем, — сказала Анна. Она была византийкой от верха ее высокой шляпы до маленьких пальчиков, выступавших из сандалий. Ипподром был самым важным в ее жизни.

— Мы выиграем в другой раз, — пообещал Энтони.

— Другой раз — это недостаточно, — возразила она, — а если подумать о знатных «голубых», правящих нами...

Внезапно до них, словно по подсказке, донеслось скандирование: «голубые», «голубые», «голубые»...

— Быстрей, — крикнул Алексей, — вперед, по этой аллее...

Разумные люди, может, и побоялись бы вступить в поединок с сыновьями Луки Нотараса, но пятеро молодых людей, все еще одетые как «зеленые»...

Братья Нотарас вели Кэтрин в безопасное место, а Энтони, набравшись смелости, первый раз взял Анну за руку. Едва он коснулся ее пальцев, как сразу по его позвоночнику пробежала дрожь. Не успели они скрыться во мраке аллеи, как раздался крик:

— «Зеленые»! Подонки!

Галька полетела в их сторону, один камешек ударил Анну в плечо. Она вскрикнула и упала без чувств... в объятия Энтони. Краска ударила ему в

лицо, но он справился со смущением и подхватил Анну. Толпа, около двадцати юнцов в одежде «голубых», была совсем рядом.

— Держите девчонку! — кричали они. — Мы раскрасим ей соски, они будут голубыми!

— За мной! — крикнул Энтони. — За мной!

Но Алексей и Василий, казалось, не слышали его. Не оставалось ничего другого... Аллеи Константинополя мало чем отличались от улиц Неаполя, и у Энтони не было иного выхода... Он выхватил меч. Размахивая им только одной рукой, он сумел сдержать натиск орущих юнцов и медленно отступал в темноту аллеи. Легкий аромат, исходивший от Анны, будоражил его и прибавлял сил. Внезапно Энтони почувствовал, что девушка пошевелилась.

— Анна! — позвал он. — Анна!

Девушка с трудом приходила в себя, пытаясь понять, где она находится. Почувствовав, что Энтони обнимает ее за талию, она отпрянула от него.

— Боже мой! Что происходит? — пробормотала Анна.

— Убегай, — сказал Энтони. — Даже если не найдешь братьев, убегай.

— Мы раскрасим ее соски голубым! — орали юнцы.

— Торопись, — умолял Энтони.

Анна побежала.

С гиканьем толпа подонков ринулась за ней, но Энтони, схватив меч двумя руками, двинулся им навстречу. Помня об уроках отца, он яростно размахивал мечом, как бы рисуя им в воздухе «восьмерку»...

Толпа постепенно отступила. Кое-кто вытащил шпаги, но использовать их было невозможно: при малейшем приближении к Энтони голова нападающего была бы снесена с плеч.

У Энтони было еще одно преимущество. Он находился в узкой аллее, едва ли четыре фута шириной, поэтому его невозможно было окружить.

Юнцы снова начали забрасывать Энтони галькой, но их пыл уже остыл и они не хотели настоящей схватки.

Энтони отступил в глубь аллеи, но толпа, потеряв к нему интерес, не стала преследовать его. С мечом в руках он пошел вперед и оказался в другой, более широкой аллее. Оглядевшись, Энтони не увидел ни сестры, ни своих друзей.

Внезапно он услышал свое имя и, обернувшись, заметил Анну, спрятавшуюся у стены.

— Слава тебе Господи! С тобой все в порядке. Я знала, что ты сумеешь защитить меня, — сказала Анна, дрожа от ночного холода и пережитого кошмара.

Энтони обнял ее, пытаясь успокоить, и спросил:

— Где твои братья?

— Я их не видела.

Значит, Кэтрин исчезла с братьями Нотарас... А ведь ему было приказано сопровождать ее! Плюс ко всему случившемуся он так внезапно и странно оказался наедине с девушкой его мечты.

Анна, казалось, поняла его растерянность.

— Дворец моего отца недалеко отсюда, — чуть слышно сказала она. — Наверное, они укрылись там...

— Наверное, — согласился Энтони. — Пойдем быстрее.

Анна взяла Энтони за руку и повела его за собой.

Два вооруженных солдата охраняли вход во дворец великого дуки.

— Вы видели моих братьев? — спросила Анна.

— Нет, госпожа, — без запинки ответили они, настороженно разглядывая Энтони.

— Это господин Хоквуд. Он спас меня от «голубых», — объяснила стражникам Анна.

Анна повела Энтони по галерее, крыша которой поднималась на тридцать футов и поддерживалась великолепными резными колоннами. Энтони поразил интерьер дворца: блеск золотой драпировки и изящной мебели, изумительная мозаика пола. Слуги раболепно кланялись молодой хозяйке. Дом Джона Хоквуда тоже считался дворцом, но он не шел ни в какое сравнение с этим.

Внезапно Энтони почувствовал знакомый запах... и понял, что Кэтрин совсем недавно была в этом зале. Значит, она все еще во дворце...

— Принесите нам шербет, — сказала слугам Анна.

Слуги поспешили выполнять приказание; мажордом остался в зале и продолжал пристально смотреть на Энтони. Это был человек в годах с неприветливым лицом и мрачным взглядом. Его тунику окаймляла золотая тесьма; весь его вид свидетельствовал, что он считает себя не последним человеком в доме Нотарасов.

— Анна, — сказал Энтони, — охранники обманули нас. Моя сестра где-то здесь. Мне нужно найти ее.

Анна нахмурилась и спросила дворецкого:

— Братья вернулись, Михаил?

— Нет, госпожа.

— Ты уверен?

— Конечно, госпожа.

— Братья сказали, что мы встретимся здесь, — сказала Анна. — Энтони, не переживай, они скоро придут. Давай подождем их на галерее.

— Кэтрин где-то здесь, — настаивал Энтони. — Этот человек говорит неправду, по-видимому выполняя чье-то приказание. Я должен немедленно увидеть сестру.

— Ты обвиняешь нашего слугу во лжи? — Взгляд Анны внезапно стал колючим. — Мажордома моего отца?

Не успев закончить гневную тираду, она увидела спускающегося по лестнице Алексея.

— Я услышал ваши голоса, — сказал он. — Значит, вы справились с теми юнцами?

— К сожалению, без вашей помощи, — огрызнулся Энтони. Он был по-настоящему зол и встревожен. — Где моя сестра?

— Василий показывает ей дом, — сказал Алексей.

Энтони знал, что по возможности не должен ссориться с Нотарасами.

— Я тоже хочу посмотреть дом, — сказал он. — Ты проводишь меня?

— С какой стати? — удивился Алексей. — Я благодарю тебя, что ты доставил домой Анну. Теперь ты можешь убираться отсюда...

— А как же Кэтрин? — спросил Энтони. — Она пойдет со мной.

— Мы проводим ее, когда она соберется идти домой.

— Ты думаешь, я позволю так поступать со мной?

Энтони не мог больше сдерживать гнев. В его воображении возникали картины того, что могло происходить наверху с его дорогой Кэтрин...

— Ты негодяй, Алексей. Вы с братом обманщики. Немедленно приведите Кэтрин сюда, и если с ней что-то случилось...

— Ты слишком далеко зашел, негодный латинянин. Эй, слуги, выбросить его отсюда!

Мажордом тут же хлопнул в ладоши.

— Ты несправедлив, Алексей, — сказала брату Анна. — Энтони спас меня от толпы.

— Пусть он ведет себя как подобает благородному человеку и немедленно покинет стены этого дома. — Алексей был неумолим. — По-моему, он просто назойливый негодяй.

Люди с палками в руках уже входили в зал. Слуга, принесший шербет, замер как вкопанный...

Не раздумывая, Энтони выхватил меч; он вновь был готов сражаться.

— Схватить негодяя! — приказал Алексей.

— Остановите его! — крикнула Анна. — Он убьет всех нас.

— Отдай мою сестру! — заорал Энтони и двинулся на Алексея; тот сразу же спрятался за спиной мажордома.

Энтони бросился к лестнице.

— Кэтрин! — крикнул он. — Кэтрин, где ты?

Поднявшись на несколько ступеней, Энтони посмотрел наверх. На лестничную площадку из разных комнат выскакивали женщины. Среди них он увидел Кэтрин.

Одежда Кэтрин была в беспорядке, ее щеки пылали.

— Энтони! — воскликнула Кэтрин, зло глядя на брата. — Зачем ты скандалишь? Оставь меня в покое и уходи!

— Ты... с ума сошла, — не веря своим ушам, выдохнул он.

— Энтони! — крикнула Кэтрин. — Обернись!

Энтони быстро обернулся, но было слишком поздно. Что-то мелькнуло у него перед глазами, и он потерял сознание.

Через некоторое время он очнулся. Он лежал на мраморном полу, вокруг него стояли какие-то люди.

— Он ранен? — с тревогой спросила Кэтрин.

— Такому твердоголовому паписту трудно разбить череп...

— Его нужно убить, — дрожащим голосом сказала Анна. — Он напал на моего брата.

— Умоляю вас, не причиняйте ему вреда, — умоляла Кэтрин. — Он хотел защитить меня. Так повел бы себя каждый брат.

— И герой, — ухмыльнулся Алексей. — Идите наверх. Даю слово: я ничего ему не сделаю.

С минуту поколебавшись, Кэтрин поднялась по лестнице. Анна последовала за ней.

Алексей насмешливо глядел на Энтони.

— Что с ним делать, господин? — спросил мажордом.

— Вышвырнуть на улицу, — сказал Нотарас, — и избить как паршивую собаку. А потом бросить в канаву... А меч переломить!

Старшие Хоквуды вернулись с императорского приема. Вильям поджидал их и казался встревоженным. Оказывается, Кэтрин и Энтони все еще не пришли домой, они отсутствовали вот уже три часа.

— На улицах неспокойно, — с ужасом в голосе сказал Джон. — На нас чуть было не напали...

— Боже мой, что могло случиться с Кэтрин... — Голос Мэри звучал тревожно.

— Она была с молодыми людьми, — проворчал Джон.

Внезапно до них донесся из коридора шум нечетких шагов.

Богатый наряд Энтони был разорван, он еле перебирал ногами, по лицу текла кровь, его меч исчез. Мэри вскрикнула и бросилась навстречу сыну.

Вильям, усадив брата, спросил:

— Что случилось?

Энтони молча, со страдальческим выражением лица покачал головой.

— Где твоя сестра? — спросил Джон Хоквуд.

Энтони вздохнул:

— Сначала она ушла... она ушла с Василием и Алексеем Нотарасами. Это случилось из-за того, что на нас напали. А потом... во дворце Нотараса... — Его голос затих.

— Рассказывай, что произошло. Немедленно!

Энтони не мог заставить себя рассказать родным, что Кэтрин сама захотела остаться во дворце и что она позволила слугам Нотараса избить собственного брата. Ему было непонятно, чем руководствовалась Кэтрин. Энтони чувствовал, что ему плюнули в душу. Но он решил молчать об этом, потому что иначе никогда не сможет смотреть в глаза родителей.

— Кэтрин не вышла, когда ее позвал брат, — ухватилась Мэри за вранье Энтони, как за самое важное. — Она даже не ответила на его зов.

— Она могла и не слышать, — перебил жену Джон.

— Они переломили мой меч, — сказал Энтони в отчаянии.

— Которым ты защитил их сестру, — согласился Вильям.

— Что сделано, то сделано, — перебил их Джон. — Ложитесь спать, мальчики.

Энтони, пошатываясь, вышел из комнаты.

— Отец, разве ты не отомстишь им? — спросил Вильям.

— Что ждет твою дочь? — отстраненно поинтересовалась Мэри, как будто забыв, что Кэтрин и ее дочь тоже.

Джон Хоквуд пристегнул меч, который он только что снял.

— Я должен привести Кэтрин домой. Я отомщу за все.

— Я пойду с тобой, — сказал Вильям и взял меч.

— Добрый вечер, генерал, — поприветствовал Хоквуда великий дука. — Несмотря на поздний час, я рад вас видеть.

Джона Хоквуда проводили в огромный зал. По размерам он был едва ли меньше баронского зала, на стенах висело множество икон.

В зале находился большой стол и несколько стульев, он выходил в галерею, в которой толпились вооруженные люди. Великий дука и его сыновья, стоявшие у стола, тоже были с оружием в руках. Палки в руках слуг свидетельствовали об их явно немирных намерениях.

Сейчас Хоквуд с трудом преодолевал презрение, испытываемое им и раньше к византийцам. Он чувствовал, что его сын Вильям, такой же высокий и смелый, как и он сам, поддержит его в трудную минуту.

— Я пришел за своей дочерью, — тихо сказал Джон.

— Я как раз хотел поговорить о вашей дочери, — сказал Нотарас. — Она захотела провести ночь здесь, генерал. На улицах в такой час женщинам опасно появляться, на них могут напасть.

— Мой брат спас вашу дочь от подонков, — прогремел Вильям. — И вместо благодарности ваши люди разбили ему голову.

— Прошу простить за этот инцидент, уверяю вас, это досадное недоразумение. Ваш сын чересчур горяч, он атаковал моих слуг, и они вынуждены были защищаться.

— Энтони защищал честь своей сестры, — патетически сказал Вильям.

— Успокойся! — одернул сына Джон Хоквуд. — Я пришел сюда за своей дочерью. Вы должны привести ее. Заявляю, что буду требовать удовлетворения, если с ней что-то случилось.

Нотарас фыркнул:

— Вы полагаете, что можете командовать в моем доме, генерал?

— Кэтрин пришла сюда по собственной воле, — хитро заметил Алексей Нотарас.

— Она сейчас в комнате моей сестры, — сказал Василий. — Они подруги. Что с ней может случиться?

— Приведите ее, — настаивал Джон Хоквуд. — В противном случае я разнесу ваш дом.

Великий дука уставился на англичанина из-под нахмуренных бровей.

— Выбросить эту падаль! — скомандовал он.

Слуги поспешили выполнить приказ, но Джон обнажил свой меч и сразу же услышал, что и Вильям достает оружие.

— Сопляки, — тихо сказал Джон. — Возьмем одного из них. Это решит дело.

Отец и сын дружно атаковали слуг; те сразу поняли, что на этот раз перед ними не мальчишки, а два опытных солдата, и сразу ретировались.

— Рубите их! — рычал Нотарас, размахивая шпагой. Вместе с сыновьями он отступал к внутреннему проходу.

Джон заметил, что с крыши галереи кто-то прыгнул, но он знал, что Вильяму по силам отразить любую атаку. Он бросился следом за великим дукой и его сыновьями, но они уже успели скрыться в проходе, и дверь была закрыта. Обернувшись, Джон увидел, как Вильям отбросил византийца, у которого кровоточило плечо от нанесенной ударом меча раны. Остальные отступили к стене.

— Несите луки! — крикнул Нотарас с крыши галереи. — Расстреляйте их!

Двое слуг выскочили из зала.

— Отец, ничем хорошим это не кончится, — сказал Вильям. — Если мы умрем, то ничем не сможем помочь Кэтрин. Будем искать поддержки императора.

Джон Хоквуд понимал, что Вильям прав.

— Тогда атакуем слуг, — согласился он, — и уходим, пока не поздно.

Император Константин вздохнул и отбросил пергамент.

— Вы обвиняетесь... — начал он.

— В том, что поступил, как следовало поступить отцу! — воскликнул Джон Хоквуд.

— В нарушении общественного спокойствия, бесчинстве и покушении на право собственности.

— Я лишь хотел спасти дочь, ваше величество.

Джон пробежал глазами по лицам людей, стоявших позади трона. Он сжал губы, увидев Нотараса подле патриарха.

— Твой сын обвиняется в убийстве, — устало закончил Константин.

— Мой сын защищался от нападавших на него людей.

— Но один из них убит!

— Так случилось, ваше величество.

— Франк убил грека, — гаркнул Геннадий.

— Но моя дочь была изнасилована! — закричал Джон. — Сестра моего мальчика была изнасилована! Она до сих пор томится во дворце великого дуки.

— Я отрицаю это, — проговорил Нотарас. — Она оказалась в моем доме по собственной воле. Все, что произошло между ней и моим сыном, произошло по ее собственному желанию...

— Но без благословения ее родителей, — оборвал император, явно теряя терпение.

Нотарас тяжело вздохнул:

— Мой сын готов жениться на этой девушке.

Все присутствующие в зале с удивлением посмотрели на Нотараса. То, что великий дука разрешал

своему внебрачному сыну жениться на латинянке, было, по сути, публичным признанием его вины.

Нотарас указал на Вильяма Хоквуда, стоявшего позади отца:

— Но этот негодяй должен умереть!

— Он убил грека, — повторил патриарх. — И он должен поплатиться своей жизнью!

Константин с грустью взглянул на Джона, и Джон с ужасом мгновенно понял, что император недостаточно силен, чтобы защитить его.

— Я протестую, ваше величество, — сказал Джон. — Если бы мы не защищались, нас разрубили бы на части. По приказу этого человека... — И он указал на великого дуку.

— Но вы остались живы, а один из моих подданных убит, — сказал император. — Твой сын должен поплатиться за это.

— И вы думаете, что моя дочь захочет вступить в брак с Василием Нотарасом, если ее родной брат будет казнен?

— Они поженятся, — повторил Нотарас. — Я прослежу за этим.

Джон спрашивал себя, имеет ли Кэтрин хоть малейшее представление о том, в какую беду они попали из-за ее безответственности и безнравственного поведения? Теперь, чтобы спасти жизнь Вильяма, он должен пойти с козырной карты, а свою дочь бросить ко всем чертям...

— Если мой сын будет признан виновным, я не останусь в Константинополе, — объявил он.

Император взглянул на него, и Джон увидел, что Константин готов расплакаться. Но внезапная слабость внутри него неизбежно нарастала, и он начал понимать, что император не в состоянии защищать даже своего генерала артиллерии перед напором великого дуки.

— Итак, — проговорил наконец император. — Сегодня вечером из Галаты отправляется генуэзское судно. Будь на нем с женой и младшим сыном. Никто не станет препятствовать вам.

Джон поднял голову.

— А мой старший сын?

— Он будет казнен!

Вильям судорожно перевел дыхание и огляделся... Иметь при себе оружие, находясь рядом с императором, не разрешалось, кроме того, они были окружены плотным кольцом охраны.

— Ваше величество, вы не сделаете это! — вскричал Джон.

— Я дарую тебе жизнь. Большего я сделать не могу...

Джон не верил своим ушам.

— Но, ваше величество, — проговорил он, понизив голос, — вы совершаете преступление!

— Измена! — закричал великий дука, и его вопль был подхвачен свитой.

— Молчать! — приказал император. — Это мой приговор, Джон Хоквуд. Теперь ты должен удалиться. Если же тебя или твоего сына застанут в Константинополе на рассвете, ты будешь казнен. Убирайся, Хоквуд, пока у тебя еще есть время.

— А ну живо! — скомандовал капитан генуэзского судна. Это был, конечно же, не тот капитан, который доставил Хоквудов в Константинополь более двух лет назад, но Джону казалось, что все это произошло как будто вчера. — Усиливается северный ветер. Нас вынесет из Босфора, как косточку, выдавленную из апельсина.

Джон Хоквуд промолчал, помогая жене подняться по трапу и пройти в каюту. Энтони следовал за ними с узлами в руках, которые они наскоро успели собрать.

Они просто-напросто ушли из своего прекрасного дома и из жизни, которую создали себе. Мэри была настолько потрясена внезапной переменой их судьбы, что не могла дать волю слезам. После двух лет жизни в роскоши и комфорте, которых они не знавали прежде, она, казалось, просто не понимала, что ее

семья расколота и их процветание разрушено бесповоротно.

Энтони понимал ее состояние. Он не знал всех подробностей случившегося, но масштабы катастрофы он, конечно, осознавал. Инстинктивно он чувствовал себя виноватым, но раз Кэтрин решилась на преступное безумие, то все, что последовало за этим, рисовалось неизбежным. То, что Кэтрин не прислала ни слова извинения за то несчастье, в которое она ввергла семью, разрывало сердце Энтони.

Столь не безразличная ему Анна Нотарас совершенно очевидно повернулась против него, и осознание этого лишь усиливало боль, которую ему приходилось переносить. Но больше всего была уязвлена гордость Энтони. Приступы боли в израненном теле, порезы на лице и руках было ничто по сравнению с чувством, что он раздавлен, выброшен из жизни и катится по дороге как пустая бочка. Он был совершенно беспомощен, словно со связанными руками.

Энтони не мог до конца поверить в то, что его меч переломлен и что завтра утром его брат будет задушен гарротой[1].

Положив узлы в каюту, Энтони возвратился на палубу. Он боялся взглянуть на родителей.

Стемнело, только огни мерцали в Галате и в городе на противоположной стороне залива. После перипетий предыдущей ночи Константинополь, без сомнения, спал. Но Вильям Хоквуд не мог уснуть, он, должно быть, стоял у окна камеры, вглядываясь последний раз в темноту ночи. На рассвете он будет казнен...

А Кэтрин? Всматривалась ли она в ночную мглу? О чем думала?

Энтони почувствовал, что его охватывает гнев. Но хуже поведения Кэтрин, хуже его собственного унижения и предстоящей казни Вильяма было осозна-

---

[1] Гаррота — орудие казни, представляющее собой железный ошейник.

ние того, что отец безропотно принял эти удары судьбы. Хотя можно было сказать, что у него не было выбора. И это человек, который всегда встречал врага с мечом в руках... Отец признал поражение и покидал Константинополь в ночи, а великий дука и его сыновья, потягивая вино, смеялись над жалкой фигурой того, кто недавно был «великим наемником».

В считанные часы отец, казалось, превратился из полубога в смиренного человека. Энтони не мог себе представить, что ждет их впереди... Мать была разбита; из уверенной и привлекательной средних лет женщины она превратилась в убитую горем старуху. Честолюбивым мечтам отца пришел конец. Он не мог предпринять ничего, кроме как вернуться в Англию и наняться тяжеловооруженным всадником. Но хватит ли у него мужества, чтобы без страха смотреть врагу в лицо?

А сам Энтони? Его меч переломлен, брат будет задушен, сестра обесчещена и превращена почти в шлюху...

Энтони в оцепенении смотрел на город. Северный ветер, ощущавшийся даже внутри Золотого Рога, вынес их через плавучее заграждение в Босфор. Теперь они огибали акрополь, где император, вероятно, ужинал в этот час.

— Я ненавижу тебя! — закричал Энтони, и ветер подхватил его слова. — Я ненавижу всех вас! Я вернусь и уничтожу вас!

Ветер разорвал фразу на части, но слова были сказаны. Слезы хлынули из его глаз.

Ветер крепчал. Энтони оставался на палубе, у него не было никакого желания сидеть с родителями в каюте. Он почувствовал, что порывы ветра, раздувавшие его одежду и выбивающие слезы из глаз, вынесли судно из узкого пролива на просторы Мраморного моря. Волны обрушивались на палубу и разбивались о корму.

— Это уж слишком, — сказал помощник капитана, — мы должны повернуть назад.

— Назад? — заревел капитан. — Что это даст? Против течения и ветра одновременно? Мы будем плыть задом. Бог проклянет тебя за трусость. Если тебя так пугает ветер, сбрось паруса!

Помощник отдал приказание, и матросы бросились на реи приспустить паруса. Это почти ничего не изменило, судно продолжало нырять носом, двигаясь со скоростью десять узлов, что значительно превышало его возможности. Огни Константинополя оставались на траверзе в течение нескольких минут, потом они исчезли. По правому борту были видны огни на турецкой стороне пролива. Но скоро и они остались за кормой.

— Будет полегче, когда мы выйдем в открытое море, — сказал капитан. — Увидите!

— Я не могу удержать штурвал, — задыхаясь, прокричал рулевой. — Ветер меняется...

Судно вышло из узкого прохода, но ветер изменился на западный и сбивал их с курса. Капитан приказал убрать паруса, а сам бросился к штурвалу.

Энтони ухватился за мачту, завороженно глядя на волны, разбивавшиеся о корму и бросавшие корабль из стороны в сторону. Они сбивали корабль с курса несмотря на то, что у руля было два матроса. Последний огонек исчез из виду, и они погрузились во мрак ночи.

«Прощай, Константинополь, — думал Энтони. — Прощай, великий дука! Кэтрин и Анна Нотарас...»

Слезы подступили к горлу. Он никогда не вернется сюда. Никогда... С вахты донеслись звуки, и Энтони оглянулся, напряженно всматриваясь вперед... Но мгла вокруг была чернее самой ночи. Прежде чем он успел сообразить, что это было, раздался ужасающий скрежет, и корабль развернулся носом к волне. Энтони отпустил мачту, и его бросило вперед на палубу. Мачта, за которую он держался, рухнула за борт, переломившись несколькими футами выше его головы.

Другие мачты также переломились, и судно, став игрушкой волн, разваливалось, поднимаясь и с грохотом падая при каждом новом ударе волны.

— Всем покинуть судно! — скомандовал капитан. — Покинуть судно!

Родители Энтони карабкались по кренящейся палубе, пытаясь пробраться к трапу. Энтони услышал зовущий из темноты голос отца и через минуту схватил руку Джона Хоквуда. Джон крепко держал Мэри, совершенно обезумевшую от обрушившихся на них несчастий.

— Что происходит? — задыхаясь, спросил Джон.

— Вероятно, мы сели на мель, — ответил Энтони.

— Быстрее к лодке! — крикнул Джон.

Матросы уже спускали за борт шлюпку, Энтони потащил родителей к ней, пытаясь удержаться на палубе, вставшей дыбом под ударами волн, добивавших совершенно беспомощное судно.

Энтони посмотрел в сторону берега, который успел разглядеть перед крушением. Берег, точнее скалистая гряда, был очень близко. У Энтони не было ни малейшего представления о том, что это за земля.

Шлюпка, на какое-то время заслоненная от штормовых порывов ветра разбитым судном, качалась на волнах, с двух сторон прикрепленная к кораблю.

— Освободите место! — заорал Энтони. — Освободите место!

Их приняли в шлюпку неохотно; капитан приказал перерубить канаты. Энтони оглянулся на обломки корабля, когда весла ударили о воду. У них почти ничего не осталось из вещей, захваченных из Константинополя. Теперь они в полном смысле слова лишились всего!

Но им не пришлось долго скорбить по поводу своей судьбы. Шлюпку стремительно понесло вперед, корму подбросило, и люди попадали со своих мест. Весла взлетели в воздух. Энтони, второй раз за эту ночь, упал и очутился в воде. Он нырнул и коснулся дна. Когда же вынырнул, то понял, что они на мел-

ководье. Энтони шарил вокруг себя руками и наконец нашел мать; волны ударяли в спину и сбивали с ног. Шатаясь, он вытащил мать на берег.

— Отец! — задыхаясь кричал Энтони. — Отец!

— Сюда, мальчик, сюда! — откликнулся Джон.

Жив! Энтони положил мать на песок. Она тяжело дышала и стонала. Потом он помог отцу и капитану.

— Это чудо! — Джон Хоквуд тяжело дышал. — Я думал, мы погибли...

— Погибли? — повторил капитан. — О да, мы погибли!

— Но мы живы! — возразил Джон.

— И все же — погибли! — Капитан указал на отряд всадников, направлявших лошадей по скалистой тропе к берегу.

Энтони невольно залюбовался грацией всадников.

— Мы погибли, — застонал капитан. — Это турки!

Глава 3

КРОВОПИЙЦА

Вскоре стало очевидно, что капитан прав. Спасшиеся при кораблекрушении — пятнадцать мужчин и Мэри Хоквуд — были тут же на берегу связаны все вместе; и всадники погнали их к вершине скалы, подгоняя хлыстами. Энтони попытался защитить мать от грубого обращения и тотчас получил несколько ударов хлыстом по голове; он упал и потерял сознание. Его избили во второй раз за эти два дня, и теперь ему ничего не оставалось, как тупо брести в полубессознательном состоянии за моряком, к которому он был привязан.

— Боже милосердный! — стонал Джон Хоквуд. — Чем мы прогневали небеса, чтобы заслужить такое наказание?

Мэри не могла говорить, только горькие слезы текли по ее лицу.

Падая и задыхаясь, они добрались до вершины скалы и вскоре оказались в лагере примерно в ста ярдах от берега. В темноте были едва различимы шатры. Их согнали в кучу и предоставили самим себе, но все же под присмотром турок.

— Погибли, — повторял капитан. — Мы погибли.

— Вы знаете их язык? — спросил Джон.

— Я знаю всего несколько слов. Поэтому я и говорю, что мы погибли.

— Вы можете попросить воды? Без воды мы действительно погибнем к рассвету.

— Мы так или иначе погибнем к рассвету, — отозвался капитан, — или вскоре после рассвета...

Пессимизм капитана был удручающим. Но Джон скоро понял, чем продиктовано нежелание капитана просить воду. Один из моряков опрометчиво сделал это и тотчас был избит палками.

Ночь тянулась медленно, жажда, голод и ноющая боль в связанных телах становились все более невыносимыми. Ветер начал стихать. Задержись они с отплытием из Галаты всего на несколько часов, то, вероятно, избежали бы и шторма и кораблекрушения. Казалось, злой рок преследовал их на каждом шагу, намереваясь уничтожить окончательно.

Но вот наступил рассвет, провозглашенный муэдзином[1], призывающим на утренний намаз[2]. По этому сигналу каждый мужчина в лагере начинал молитву, встав на колени лицом по направлению к Мекке.

Теперь пленники могли рассмотреть окружавшие их шатры, над которыми развевались зеленые флаги. Каждый шатер был достаточно большим, чтобы вместить несколько человек, но мог быть мгновенно сложен. Джон Хоквуд понял, что это походный лагерь турецкого патруля. То, что их судно выбросило прямо к сипахам[3], было еще одним подтвер-

---

[1] М у э д з и н — служитель мечети, с минарета призывающий верующих к молитве.

[2] Н а м а з — в исламе ежедневное пятикратное моление.

[3] С и п а х и — воины султанского кавалерийского корпуса.

ждением зловещей судьбы, которая преследовала его семью в последнее время.

Земля вокруг была выжжена солнцем, лишь несколько чахлых деревьев виднелись в отдалении. Внизу беспокойно колыхались воды Мраморного моря... Вот и все, что можно было сказать об окружавшем их пейзаже.

Джон рассмотрел турецких воинов, которые, закончив молитву, с большим удовольствием пили и ели, не обращая внимания на страдания пленников. Несмотря на страх и усталость Джон Хоквуд не мог не восхищаться пленившими их воинами. Он оценил воинственный дух, уверенное поведение и качество их вооружения. Они были одеты в белые рубахи с длинными рукавами, синие шаровары были заправлены в мягкие лайковые сапоги. На головах были круглые железные шлемы с острым выступом для отражения ударов. Поверх рубахи была одета кольчуга-кираса, ниспадавшая до бедер; поддевка под кольчугой была из толстого войлока и защищала от сабельных ударов. Собственные сабли сипахов были изогнутыми и острыми, как бритва. Такие сабли рубили, а не пронзали. Кроме того, сипахи были вооружены пиками и луками со стрелами, то есть во всем соответствовали описанию императора Константина лучшей в мире легкой кавалерии.

Но каких-либо признаков огнестрельного оружия видно не было. Поэтому эти замечательные воины все-таки не могли противостоять пушечному огню.

До слуха пленников донесся цокот копыт, и кавалькада всадников въехала в лагерь, сопровождая величественного предводителя. Как и у простых сипахов, на этом человеке были кираса, круглый железный шлем, но его белая рубаха заканчивалась широкой золотой каймой. В руках он держал жезл с конским хвостом, завязанным в узел.

— Это их паша, — угрюмо пробормотал капитан.

Паша спешился и размашистым шагом подошел посмотреть на пленников. Воины, сопровождавшие его, ухмылялись и обменивались короткими замечани-

ями. Их свирепые глаза и вся повадка красноречиво говорили, что ни о каком проявлении жалости к страданиям людей, пригнанных с берега, не может быть и речи.

Паша был человеком с орлиными чертами лица, почти наполовину скрытыми бородой и усами. Он сделал знак, и его люди бросились к пленникам, размахивая палками и кнутами. Связанные одной веревкой, несчастные не могли оказать никакого сопротивления. Построив пленников в линию, сипахи стали срывать с них одежды.

— Господи! — взмолился Джон. — Что же это такое?

— Они хотят убедиться, достоин ли кто-нибудь из нас остаться в живых, — объяснил капитан.

К счастью, происходящее не коснулось жены Джона, на нее просто никто не обращал внимания. Но мужские гениталии неизбежно проверялись нетерпеливыми пальцами сипахов. Джон не мог заставить себя посмотреть на Энтони, который был ошеломлен не меньше, чем он сам.

— Если бы вы были обрезаны, — сказал капитан, — вы бы имели шанс выжить.

— Мой Бог! — пробормотал Джон. Ему никогда не приходило в голову, что жизнь или смерть могут зависеть от кусочка плоти.

Пока продолжался «осмотр», паша медленно продвигался вдоль линии заключенных и, дойдя до Хоквудов, нахмурился, оценивая их телосложение и рыжие волосы. Он повернул голову и рявкнул что-то... Его спутники расступились, давая дорогу человеку преклонного возраста. Он держал жезл, а не турецкую кривую саблю; на голове его была белая войлочная шапка, а не шлем. Его седая борода доходила до пояса.

Паша обратился к нему, и тот, в свою очередь, посмотрел на Джона и Энтони. Потом он заговорил по-гречески.

— Халим-паша спрашивает тебя, — обратился он к Джону высоким дрожащим голосом, — не ты ли

человек по имени Хоук, который служит византийцам.

Джон помедлил с ответом, удивленный осведомленностью турок о происходящем в городе. Возможно, турки расценят византийского генерала большим врагом, чем генуэзских моряков. Но, как сказал капитан, их все равно ждет смерть!

— Да, я Джон Хоквуд, — ответил он, — но я оставил службу у императора.

Муфтий[1] перевел ответ паше, который слушал, поглаживая бороду.

— А это твой сын? — спросил муфтий.

— Сын и жена, — ответил Джон.

— Она не в счет, — произнес муфтий.

— Наоборот, — устало возразил Джон, — она для меня еще как в счет.

Муфтий пристально посмотрел на него, кивнул и повернулся к паше. Паша раздумывал некоторое время. Энтони затаил дыхание: что это — шанс выжить или смертный приговор?

Внезапно паша отдал приказание, и веревки, связывающие трех Хоквудов с остальными моряками, были перерезаны. Но тут же их связали снова и увели от генуэзских моряков.

— Прощайте, — бросил им вслед капитан.

— Что с нами будет? — спросил его Джон.

— Не знаю, друг мой. Не знаю.

Джон обратился к муфтию:

— Я умоляю вас, господин. Моя жена едва держится на ногах. Глоток воды...

Муфтий распорядился, и к их удивлению принесли еду и воду. Еда была очень сухой и напоминала кашу с кусочками жилистого мяса; они ели руками, но тем не менее это был настоящий праздник. Генуэзским морякам не дали ничего, это было бы излишней роскошью.

Паша вскочил в седло, свита последовала за ним. Сипахи начали кружить около кучки моряков. Сняв

---

[1] М у ф т и й — высшее духовное лицо у мусульман.

луки и достав стрелы, они начали стрелять в обнаженных мужчин. Первая стрела поразила цель, моряк вскрикнул и упал, потянув за собой одного из товарищей. Он не умер сразу, но продолжал кричать и корчиться от боли. Его товарищи инстинктивно отпрянули от всадников, сбившись в кучу и став одной большой мишенью. Издавая самодовольные крики, всадники продолжали стрелять в человеческую массу, предоставленную им на растерзание. Не надо было быть метким стрелком — каждая стрела достигала цели. Кровь брызгала и лилась по земле, генуэзцы пронзительно кричали и молили о пощаде. Упав на колени, моряки постепенно затихали, некоторые были уже мертвы, и вот уже пленники превратились в груду мертвых и полуживых тел. Сипахи продолжали стрелять и стреляли до тех пор, пока не умолк последний стон.

Онемев от ужаса, Хоквуды наблюдали за уничтожением моряков. Энтони безуспешно пытался высвободить руки из веревок.

— Боже мой, что это за люди. — Он задыхался от гнева.

— В них определенно вселился дьявол, — отозвался Джон Хоквуд с мистическим ужасом.

«И все же они великолепные всадники и великолепные лучники», — подумал он.

Бойня продолжалась всего несколько минут — так точны были их выстрелы. Сипахи спешились и топтались среди мертвых тел, возвращая свои стрелы.

— Что с нами будет? — спросил Энтони.

— Как сказал этот бедный капитан, кто знает. Надеюсь, ты умрешь как мужчина, когда придет время.

«Когда придет время... — мысленно повторил Энтони, — увы, мне только девятнадцать... Вильяму только двадцать один. И примерно в это время его должны казнить, как и этих моряков».

Хоквудам, возможно, просто повезло. Сипахи были уже в седлах, каждый вновь с полным колчаном. Подгоняя пленных хлыстами, они прикрепили верев-

ку, связывавшую их, к седлу одного из всадников. Паша повел своих людей через каменистую местность, увлекая за собой голых, спотыкающихся, истекающих кровью Хоквудов.

От жары и страданий Энтони потерял ощущение времени. Солнце жгло его плечи, руки и спину, камни впивались в ступни и тело, когда он спотыкался и падал, пытаясь защитить свои гениталии от ушибов. Всадник, к седлу которого они были привязаны, безостановочно тащил их дальше и дальше...

Но более всего Энтони переживал за родителей, ведь они были намного старше. Мэри шла постоянно спотыкаясь, но жесткая веревка, связывавшая руки, не давала ей упасть. Одежда ее была изодрана в клочья, голова поникла на грудь... Энтони знал, что она почти без сознания, хотя и машинально двигается.

Голова Джона Хоквуда тоже поникла, но Энтони чувствовал, что это скорее от отчаяния и страха, чем от изнеможения.

День становился все жарче, и наконец кавалькада остановилась в тени небольшой рощицы. Еще раз Хоквуды были накормлены, им дали воды; языки их так распухли, что было больно глотать.

— Кажется, нас решили оставить в живых, — осмелился предположить Энтони.

— Куда вы ведете нас? — спросил Джон муфтия, когда тот наконец пришел взглянуть на пленников.

— К эмиру, — коротко ответил муфтий.

— Но ведь эмир мертв, — не подумав, сказал Джон.

— Эмир всегда жив, — ответил муфтий. — Он жаждет рассказа о Константинополе. Ты угодишь ему, если поговоришь с ним об этом.

— И отдам наши жизни?

— Эмир следует законам.

— А далеко ли эмир? — спросил Энтони отца.

— Бог знает, мальчик.

Джон размышлял. Новость о смерти эмира Мурада пришла в Константинополь только несколько дней

назад. Но теперь, очевидно, появился новый эмир, и он находится недалеко от Босфора. Что-то случилось на территории, подвластной туркам, и случилось внезапно...

Солнце было в зените и буквально иссушало дыхание; местность, по которой вели Хоквудов, стала более привычной: камни и пыль сменились возделанными полями, потом деревьями, в основном кипарисами. Мужчины работали на полях вместе с женщинами. Лица женщин были закрыты, а сами они были укутаны чаршафом[1] так, что были видны только лоб, глаза и ступни ног. Они бросили работу и, уставившись на двух огромных белых мужчин, захлопали в ладоши.

Но Хоквуда ничего не волновало.

В сумерки отряд приблизился к крепости Анатоли-хисар[2], которую пленники заметили на пути к Босфору два с половиной года назад и из которой видны огни Константинополя. Итак, подумал Энтони, после всех мучений они должны умереть на виду у этого проклятого города.

В крепости была сосредоточена целая армия. Даже в темноте можно было различить раскинувшийся из замка к берегу Босфора огромный палаточный лагерь, мерцавший огнями костров — воины готовились к вечерней трапезе.

Крепость с системой внешних и внутренних зубчатых стен, высохшим рвом и высокими башнями была возведена по образцу крепостей крестоносцев, строивших их в Священной земле три тысячелетия назад. Джон Хоквуд знал, что многие из таких крепостей, которые могла защищать горстка людей, стоят до сих пор. Он считал планировку крепости замечательной в своем роде. Турки, которых византийцы считали дикими, далеко ушли от своих предков, кочевавших в Центральной Азии, и в строительстве крепостей следовали опыту своих заклятых врагов.

---

[1] Чаршаф — покрывало мусульманской женщины.

[2] Анатоли-хисар — крепость на Азиатском берегу Босфора (Анатолия — древнее название Малой Азии).

Когда они достигли ворот крепости, силы покинули их. Мэри упала в беспамятстве более часа назад, и Джон нес ее на руках. Мэри оставили в крепостном дворе, а Джона и Энтони погнали вперед. Даже в этом безумном положении они не могли не смотреть направо и налево на мужчин, столпившихся посмотреть на них, на их яркое обмундирование — темно-синие мантии на красных плащах, красные штаны и поверх них — белые юбки с широкой каймой. Их кече[1] украшали султаны из конского волоса или журавлиных перьев. Их внешность казалась женоподобной, но оба Хоквуда знали, что это самые неустрашимые солдаты в мире — османские янычары.

Пленников напоили и отправили в огромный зал на первом этаже крепости. Здесь были богатейшие ковры прекрасной работы, роскошные мягкие диваны и низкие столы, декорированные орнаментами. Холодное великолепие помещения заставило Хоквуда затаить дыхание, хотя он отлично понимал, что настоящее испытание только начинается.

Люди, находившиеся в зале, с интересом рассматривали покрытых пылью и обожженных солнцем пленников, тела которых были в кровоподтеках. Джона и Энтони толкнули с такой силой, что они упали на пол и некоторое время не могли подняться. Их охранники пали ниц перед мужчиной, сидевшим в дальнем конце зала.

Энтони медленно поднял голову и прямо перед собой увидел человека, сидевшего на диване. Он показался Энтони пожилым, даже старше, чем отец; его одежда была роскошной — шелковый зеленый плащ с золотым шитьем и шаровары были, очевидно, шелковыми.

Их захватчик, Халим-паша, низко склонился перед этой блистательной личностью и стал очень быстро что-то говорить ему. Человек неторопливо оглядел обоих Хоквудов. Его глаза были черными, их взгляд — глубоким, непроницаемым и одновременно мягким.

---

[1] К е ч е — головной убор янычар *(тур.)*.

Энтони подумал, что это новый эмир всех османцев, и решил осмотреться. Наверху по периметру проходила галерея, почти полностью закрытая ажурной решеткой, через которую любой стоящий на ней мог смотреть вниз, оставаясь незамеченным. Энтони показалось, что там кто-то находится, краем глаза он заметил легкое движение ткани, слишком близко прижатой к решетке.

Закончив рассказ, Халим-паша вновь поклонился. Энтони продолжал разглядывать людей, находившихся в зале. Сидевшие на диванах были имамами и муфтиями, установил он, потому что их одеяния напоминали наряд того муфтия, который первым допрашивал их. За ними стояли несколько военных, очевидно, высокого ранга — на них были плащи, расшитые золотом, и замысловатые головные уборы.

Человек в зеленом плаще спросил по-гречески:

— Это тебя зовут Хоуком?

— Да, я Хоквуд, — сказал Джон, вставая с пола.

Человек удивленно взглянул на него; от этого взгляда Энтони бросило в дрожь. Но Джон Хоквуд стоял, не сгибая спины перед турком.

— Ты настоящий воин, Хоук, так я слышал. Теперь я убедился в этом собственными глазами. Почему ты оставил Константинополь? — Турок мягко улыбнулся.

— Меня уволили, — без колебаний ответил он.

— В Константинополе так много воинов? — Человек поднял брови.

— Между мной и великим дукой Нотарасом произошла ссора.

— Он казнил моего брата и похитил сестру, — выпалил Энтони, инстинктивно почувствовав, что здесь они могут найти союзников.

— Тогда он действительно твой враг, — после некоторого раздумья заметил человек. — Вы с Запада. Франки?

— Мы англичане, господин.

— Англичане? — переспросил чей-то тихий голос, и оба Хоквуда резко обернулись. Энтони увидел че-

ловека, сидевшего в отдалении от человека, который задавал им вопросы. Его можно было назвать красивым, несмотря на орлиный нос, свисавший над тонкими красными губами, которые закрывали густые усы; выдающийся вперед подбородок закрывала борода. Энтони показалось, что по возрасту этот человек не старше, чем он сам. Его одежда была самой простой и состояла из белого плаща и белого тюрбана, но она была шелковой и поэтому можно было подумать, что этот человек — муфтий.

Как смел этот мальчишка перебить эмира? Или Энтони ничего не понял с самого начала? Человек в зеленом продолжал молчать, и Энтони наконец догадался, что смотрит на нового правителя всех османцев.

В правой руке молодого правителя находилась плетка из конского волоса, на которой было пять узлов. Поднявшись с дивана, он слегка стегнул ей. Паша, который допрашивал Хоквудов, мгновенно освободил место на центральном диване своему юному господину.

Эмир расположился пред пленниками и, к удивлению Энтони, заговорил по-латыни:

— Англичане — известные воины. Ты, конечно, знаешь о Великом Гарри?

— Я служил Великому Гарри и сражался в его рядах у Азенкура. — Джон Хоквуд сразу понял, кто этот юный муж.

— Я много слышал об Азенкуре, и вот ты стоишь передо мной — это приятно. Но если ты англичанин, ты должен быть ромейских убеждений, — промолвил эмир.

— Да, господин.

— А ведь византийцы греческого вероисповедания. Как ты можешь любить этих людей?

— О любви не может быть и речи, господин, — ответил Джон Хоквуд, — я ненавижу этих людей за предательство. — В этот момент он действительно ненавидел Константина.

— Теперь ты здесь, передо мной, — размышлял эмир. — Выберешь ли ты жизнь, англичанин, тот, кто сражался за Великого Гарри?

— Я выбрал бы жизнь, господин, если бы моей жене и сыну была бы сохранена жизнь, — сказал Джон.

Эмир посмотрел на Энтони, который почувствовал почти ласкающий взгляд глаз османца, на удивление холодно-голубых. Потом эмир повернулся и посмотрел в окно, которое выходило на Босфор и через которое были видны мерцающие огни Константинополя.

— Константинополь, — задумчиво сказал он, — как долго я мечтал о тебе... Как долго мой отец и предки мои грезили о тебе... Ты моя судьба. Теперь, возможно, моя мечта осуществится раньше, чем я предполагал. — Его взгляд снова устремился на пленников. — Ты будешь жить, Хоук, твой сын и твоя жена тоже будут жить... А завтра мы поговорим о Константинополе. — Эмир кивнул, давая понять, что аудиенция закончена.

Хоквуды вышли из зала, на этот раз их никто не подгонял хлыстом. Их не выбросили во двор, а спустили вниз по лестнице.

— Наверное, нас ведут в темницу, — пробормотал Джон Хоквуд, — мужайся, мальчик.

К удивлению Хоквудов, они оказались в бане, пол которой был четырехуровневым; от кипятка в огромных чанах шел пар. В бане оказались четверо черных мужчин в набедренных повязках, их лица и грудь были гладко выбриты.

— Какие кругом странные люди, — пробормотал почти про себя Джон и, обернувшись к старшему из сопровождающих, который понимал по-гречески, спросил: — Где моя жена? — Он очень беспокоился о судьбе Мэри, оставленной на милость этим странным людям.

— Ваша женщина отправлена в гарем, — ответил сопровождающий.

— В гарем? — ужаснулся Энтони. В Константинополе этому слову придавали греховный характер.

— О ней там позаботятся, — заверил его турок.

— Что ждет нас? — поинтересовался Джон.

— О вас тоже позаботятся, — ответил турок, — это приказ эмира Мехмеда.

— Мехмед, — пробормотал Джон, — так вот, значит, как его зовут.

— Нам хочется есть и пить. Пусть нам дадут немного вина, — попросил Энтони.

— По учению Пророка, винопитие — тяжкий грех, — отрезал турок. — Все остальное вам дадут. Но сначала вы должны помыться.

Джон Хоквуд уже убедился, что народ Константинополя заботился о чистоте тела гораздо больше, чем англичане, но теперь они с Энтони поняли, что византийцев по сравнению с турками можно считать просто грязнулями. Они купались более часа и все это время провели, стоя на верхнем уровне бани. Евнухи служили им, выполняя их желания. Холодная и горячая вода, омывая их тела, стекала вниз в огромный водосток. Черные пальцы мягко массировали их тела сладко пахнущими притираниями, они не пропускали ни одного изгиба; их волосы были намылены и высоко подобраны. Между делом евнухи о чем-то говорили своими неприятными высокими и одновременно грубыми голосами; по их интонации чувствовалось, что они восхищены габаритами и мощью пленников.

— Интересно, сколько раз в год мужчина проходит эту процедуру? — спросил Джон турка.

— Если нет военного похода, Хоук, мужчина моется каждый день, — ответил капитан, изумляясь вопросу англичанина.

Джон от удивления не знал, что и сказать.

После мытья в бане оба Хоквуда от усталости едва держались на ногах. Поднявшись по лестнице, они оказались в роскошных покоях с мягкими диванами и ковром на полу. Стопкой лежала турецкая одежда, их ждали блюдо с жареным барашком, кос-кос и кувшины с водой. Для бодрости пленникам был приготовлен напиток, называемый кофе, неизвестный в Англии, но знакомый им по Константинополю. Хотя едва

ли там варили такой крепкий и сладкий кофе, как этот.

Хоквуды набросились на еду и, утолив голод, расположились на диванах.

— Отец, — спросил Энтони, — мы спасены?

— Не знаю, мальчик... Эмир Мехмед может приказать, чтобы мы сражались против византийцев. Ты готов к такому повороту событий?

— Да, — не раздумывая сказал Энтони, — теперь я ненавижу византийцев. Мы должны отомстить им за Вильяма... и спасти Кэтрин.

— Ужасно сознавать, что нам придется сражаться под знаменем варваров против христиан.

— Еще неизвестно, кто из них варвары, — размышляя, сказал Энтони.

— Они, сынок. Завтра нам предстоит тяжелый день.

Обессиленный, Энтони решил заснуть. Его ломало после сложного похода, сожженная солнцем кожа, натертая бальзамом, горела, его члены ныли от ударов, полученных ранее, но мозг работал хорошо. Он поймал себя на мыслях об эмире, молодом человеке, названном в честь Пророка, он вспоминал устремленные на него взоры эмира. Потом Энтони наконец погрузился в сон, но вскоре неожиданно проснулся.

В дверях стоял человек, смотревший на него.

Энтони посмотрел на отца, но Джон Хоквуд крепко спал и даже громко храпел. Оружия в комнате не было.

— Оденься, Хоук-младший, — сказал незнакомец шепотом; голос его был грубым и высоким. — Следуй за мной. Постарайся не разбудить своего отца.

Энтони медленно поднялся, обдумывая, не разбудить ли ему отца.

— Тебе будет лучше, если ты сделаешь так, как я сказал, — предупредил евнух, как будто читая его мысли.

Энтони сообразил, что с ним ничего не случится и что евнух выполняет приказ эмира. Если бы эмир хотел наказать его, то, конечно, не стал бы это делать ночью. Энтони натянул шаровары, отличавшиеся от плотно облегавших штанов, к которым он привык, и расшитую рубаху. Сунув ноги в мягкие сапоги, облегавшие, но способные растягиваться, он вышел из комнаты.

— Надень и это, — скомандовал евнух и протянул Энтони плащ с капюшоном из какого-то грубого материала.

— Теперь идем, — сказал евнух.

Энтони последовал за ним, чувствуя, что ему не по себе, но понимая, что должен выглядеть как турок, пусть даже и слишком высокий.

— Кто ты? — спросил Энтони.

— Я Кызлар-ага, — ответил человек. — Я господин всего самого важного. Можешь звать меня Челеби.

— Твое имя Челеби?

— Челеби это титул, Хоук-младший. Он значит «хозяин».

Они спустились по лестнице, охраняемой ночной стражей. Кызлар-ага прошел мимо, и охранники даже не спросили его о том, кто с ним идет. Возможно, этот человек действительно был здесь хозяином. Как, интересно, он связан с эмиром? Они пересекли двор и направились к воротам.

— Куда мы идем? — спросил Энтони.

— Кое-кто хочет поговорить с тобой, — ответил ему евнух.

Может быть, это мама, подумал Энтони. Они вышли с территории крепости и направились к походному стану. Он был даже больше, чем показалось Энтони с первого взгляда прошлой ночью. В бледном свете луны выделялось множество разнообразных шатров, стоявших стройными рядами. С тыльной стороны к шатрам были привязаны лошади. Эти сооружения вряд ли можно было назвать шатрами, они походили на большие разборные полотняные дома и,

очевидно, состояли из нескольких помещений разной высоты.

Этот «городок» патрулировался вооруженными охранниками, но, как и внутри крепости, никто не задержал Кызлар-агу, когда они с Энтони проследовали мимо них. Подойдя ко второму по величине шатру, они откинули занавеску, служившую дверью, и оказались в маленькой комнате.

— Жди меня здесь, — сказал спутник Энтони и, отодвинув еще одну занавеску, пригласил его войти.

Энтони осмотрелся. За внутренней занавеской мерцал свет, но в помещении было темно. Энтони почувствовал, что в помещении, кроме него, никого нет.

Вскоре Кызлар-ага вернулся.

— Сними плащ, — приказал он.

Энтони повиновался, потому что совершенно не понимал, что с ним происходит.

— Теперь нагнись, — опять приказал ага.

Энтони повиновался, и ага завязал ему глаза.

— Если тебе дорога жизнь, не снимай повязку, — сказал ага. — Теперь идем.

Взяв Энтони за руку, человек повел его во внутренние покои. Через повязку пробивался яркий свет, ноги Энтони утопали в мягких коврах. Они миновали еще одну занавеску, которая коснулась лица Энтони. Внезапно аромат, ласкавший обоняние Энтони с момента, когда они попали в громадный шатер, лавиной нахлынул на него.

— Стань на колени, — прошептал ага.

Энтони повиновался и услышал слова аги, говорившего скорее всего по-турецки.

Аге ответил женский голос. Энтони вскинул голову. Голос был нежный и одновременно уверенный.

Ага снова и более настойчиво что-то сказал.

«Боже мой, — подумал Энтони, — интересно, что они обсуждают?»

В голосе женщины послышались командные нотки. Ага мгновенно выполнил приказ, понял Энтони, потому что услышал, как он удалился.

Энтони все еще стоял на коленях.

— Сними повязку, Хоук-младший, — приказала женщина.

— Мне сказали не делать этого... госпожа, — сказал Энтони. — Иначе я могу поплатиться жизнью.

— Твоя жизнь в моих руках, — сказала женщина. — Сними повязку.

Энтони не раздумывая развязал узел на затылке. Как от яркого света он зажмурился и не сразу открыл глаза. Сначала на него произвели впечатление цвета убранства покоев: серо-голубые ковры, розовые и бледно-зеленые подушки на диванах, даже стекла в лампах были цветными.

Женщина, сидевшая на диване, казалось, состояла из множества цветов. Юбка из двух полотнищ была схвачена у лодыжек браслетами и превращена в шелковые шаровары, бледно-красная кофта была облегающей. Ее рыжие волосы, увенчанные маленькой малиновой шапочкой, расшитой драгоценными камнями, оттеняли белизну лица. Ее тонкие пальцы были унизаны кольцами, но сверкающие камни тускнели по сравнению с красотой этой женщины.

Женщина показалась Энтони довольно высокой, хотя и сидела на диване, подогнув одну ногу под себя, а другой касаясь пола. Сквозь шелковые прозрачные шаровары виднелись ее стройные ноги с высоким подъемом. Верхняя часть тела, более закрытая, предполагала пышные формы зрелой женщины. Лицо ее было исполнено покоя. Отлитое в форму сердца, в котором помещались полные губы, маленький нос и широко расставленные зеленые глаза, оно было безупречно. И даже это совершенство было подчеркнуто: ресницы и брови подкрашены темной краской, приготовленной из лимона и графита, ногти окрашены хной в красновато-коричневый цвет. Энтони понял, что ее волосы тоже покрашены хной.

Она показалась Энтони самой красивой женщиной из всех, которых он когда-либо видел. Несмотря на безупречность ее фигуры и грацию, с которой она сидела в такой странной позе, Энтони понял, что она

такого же возраста, как и его мать... а значит, ей около пятидесяти.

— Ты красив, Хоук-младший, — улыбнувшись, сказала женщина. — Эмир говорил со мной о тебе. Он человек слова. Ты можешь встать с колен...

Энтони сел на ковер. Его колени ломило, а голова шла кругом. Внезапно он понял, что Кызлар-ага оставил их наедине.

— Меня зовут Мара Бранкович, — сказала женщина. — Или звали когда-то. Мой племянник — принц Георг Сербский.

Энтони выдохнул. Все в Константинополе знали о Маре Бранкович, сербской принцессе, отосланной в гарем эмира Мурада совсем девочкой. Все в Константинополе поносили Георга Бранковича, поминая недобрым словом его предательство Хуньяди у Косово три года назад, способствовавшее разгрому армии христиан.

— Мой муж умер две недели назад, — продолжала Мара, — все это время я была очень занята, Мехмед тоже.

— Эмир твой сын, госпожа? — спросил Энтони, не в силах справиться с любопытством.

— Нет, — сказала Мара Бранкович, улыбаясь, — я не смогла родить Мураду сына. И все же я была его любимой женой. Ни одна другая женщина не доставляла ему такого удовольствия. — Она говорила со спокойной надменностью. — Мать Мехмеда была албанской рабыней, — в ее голосе звучало презрение, — но она умерла. — Внезапно она замолчала, и Энтони понял, что эта красивая женщина, возможно, также хладнокровно относится к соперницам, как мужчина. — Я эмир-валиде, что означает, Хоук-младший, мать эмира.

— Ты сказала, госпожа, что эмир — человек слова, — отважился повторить ее слова Энтони.

Его смелость ошеломила женщину. Несколько секунд она разглядывала его и только потом улыбнулась.

— Ты далеко пойдешь, Хоук-младший, — сказала она, — мой сын... заинтересован в тебе. Он очень

молод, но все же он мужчина. К тому же он османец. Не забывай об этом.

— «Осман» означает «ломающий ноги», — пробормотал Энтони, вспомнив слова отца.

— Не только ноги, Хоук-младший, — продолжила Мара. — Знаешь ли ты, как моего сына зовут янычары? Они зовут его «канкар». Знаешь, что значит это слово?

— Нет, госпожа.

— «Кровопийца». Постарайся запомнить это крепко-накрепко.

— Эмир очень талантливый человек, госпожа, — грубо польстил Энтони. — Он говорит по-латыни так же хорошо, как по-итальянски.

— Конечно. Его мать умерла... молодой, — сказала Мара, — другого сына у Великого Мурада не было, поэтому заботы об образовании Мехмеда я взяла на себя. Мой приемный сын говорит не только по-латыни, но и по-гречески, арабски, на языках персов и славян, но и пишет и читает на этих языках. Я научила его этому.

Мара замолчала, чтобы Энтони мог по достоинству оценить ее способности, которые, по ее мнению, делали ее самой совершенной женщиной в мире.

— Эмир Мурад научил своего сына искусству войны. Он изучал биографии Кира, Александра Македонского, Юлия Цезаря, Октавиана Августа, Константина V и Феодосия Великого. Он... завоюет весь мир. Ты можешь разделить с ним славу, Хоук-младший, если тебе хватит разума и мужества.

Энтони подумал, что ему снится весь разговор. Но решил продолжить свою игру.

— Если твой сын, госпожа, собирается завоевать весь мир, значит, он станет владыкой и христианского мира, — предположил Энтони. — Разве ты не христианка?

— Да, я христианка, — презрительно бросила Мара, — так же, как и ты, Хоук-младший. Что мы видим, глядя на христианский мир?

Она поднялась с дивана и принялась ходить по коврам, окутанная красным шелком.

— Англия и Франция погрязли в распрях. Между Папой Римским и императором нет мира. Проклятые византийцы молят мир о помощи... Я сказала тебе не всю правду. Мой сын действительно говорил со мной о тебе, но сначала я поговорила с ним. Я была на галерее в то время, когда вы с отцом находились в зале для приемов.

«Мелькание ткани за решеткой», — вспомнил Энтони. Эта женщина видела его голым.

— Тогда я поняла, что Бог, чья цель скорее объединение, чем раздоры, послал тебя нам. Мой сын с детских лет мечтает о завоевании Константинополя. Но как его завоевать? Его стены неприступны. Ты поможешь...

— Госпожа, о чем ты? — натянуто спросил Энтони.

Мара Бранкович встала прямо перед ним. Сквозь прозрачные шаровары Энтони заметил, что ее лобок выбрит. Он никогда не видел женщину обнаженной, но то, что предстало его взору, казалось невозможным.

— В противном случае ты умрешь, — сказала Мара и внезапно упала перед ним на колени. — Выбери жизнь и ты достигнешь высочайших из высот. — Она быстро поднялась, не напрягая мышц. — Ты помнишь, как меня зовут?

— Эмир-валиде, — ответил Энтони.

— Это имя ничто, оно просто значит «королева-мать». Женщины гарема зовут меня «королевой коронованных». Даже Мехмед не возьмет себе женщину, если я не дам на это согласие. — Она лукаво взглянула на Энтони. — И красивого юношу тоже.

Энтони только и мог, что пробормотать:

— Госпожа...

— У вас в Англии на такие отношения между мужчинами смотрят неодобрительно, но здесь, на Востоке, это обычное дело. Женщин используют для удобства, чтобы рожать детей, пока они способны на это. — Губы Мары искривились. — Только красивый юноша может подарить настоящую дружбу и доставить истинное удовлетворение.

— Госпожа...

— Ты должен отказать моему сыну. Он растянет тебя на животе, и ты откроешься по щелчку его пальцев. Чтобы не отдаться ему, ты должен искусно отговориться и даже пойти на обман.

— Ты хочешь, госпожа, чтобы я поступил так с твоим сыном? — недоумевал Энтони.

Мара снова упала на колени перед ним и страстно заговорила:

— Я хочу, чтобы мой сын правил миром. В Константинополе меня называют шлюхой. Я хочу вывалять их в их собственной крови. Но когда мир будет принадлежать ему, я хочу, чтобы он стал вторым Цезарем или вторым Александром. Я должна быть достойной такого сына, Хоук-младший. Завоевателю нужен вдохновитель и надежный помощник. Завоеватель не назначается законом, религией или обычаями. Муфтии связаны «аныем», древним тюркским законом, переходящим из поколения в поколение. Никто не может нарушить закон, даже сам эмир. Имамы проповедуют законы Корана, еще более священные, чем «аный». Везиры руководствуются собственными интересами. Янычары обуреваемы жаждой грабежа. Ты можешь стать наставником и другом моего сына. Чтобы быть ему другом, ты не должен допустить физической близости с ним. Я научу тебя, как противостоять его домогательствам, потому что заинтересована, чтобы он обладал только женщинами. Если он ступит на другой путь, то может подвергнуться извращенному влиянию и даже погибнуть. Постарайся быть ему другом, а не любовником, и ты поведешь моего сына к могуществу, а себя самого к преуспеванию.

— Твои речи кружат мне голову, госпожа.

— Сейчас она закружится еще больше, Хоук-младший. Ты должен убедить твоего отца пойти на службу к эмиру. И тогда все звезды на небосклоне будут ему доступны. Но ты должен остаться предан мне и моему сыну. — Она улыбнулась и взяла его руки в свои. Ее кофта неожиданно распахнулась, и

руки Энтони коснулись обнаженной груди Мары. Грудь была упругой, как у девушки, но соски, казалось, заполнили его ладони. — Я говорила, что прошлой ночью видела тебя голого и грязного... Я сразу поняла, чего хочу и что могу сделать с таким мужчиной, как ты. Я решительная женщина, я вдова и эмир-валиде. Вот уже две недели у меня никого не было, и я храню свою страсть. Я овладею твоим телом, Хоук-младший, и вдвоем мы покорим мир. — Она встала, и его руки опустились на ее бедра. Ее шаровары скользнули вниз, и Энтони благоговейно замер, разглядывая ее обнаженную плоть... Его боль и усталость улетучились, как по мановению волшебной палочки.

Эмир-валиде расхохоталась, видя его выражение лица:

— У тебя не было женщины?

Энтони отрицательно покачал головой.

Мара сняла его руки с бедер и жестом приказала встать.

— В таком случае ты действительно будешь моим, — сказала она. — В течение всей своей жизни тебе не найти ни одной женщины, которую можно было бы сравнить со мной. — Она развязала шнурок на его шароварах, и они спустились до колен. — Как долго я мечтала об этом, — страстно проговорила она и посмотрела ему прямо в глаза. — Но наша любовь будет тайной, Хоук-младший. Если ты хоть словом обмолвишься своему отцу или даже своему отражению в зеркале, я сама спущу с тебя шкуру.

— Но Кызлар-ага... — Энтони облизнул губы.

— Он никогда не предаст меня. — Она обнимала Энтони, и даже ее угрозы не могли остановить его нарастающее возбуждение.

— Теперь иди ко мне, — мягко сказала она, — я научу тебя любить.

Эмир Мехмед II стоял на зубчатой стене Анатоли-хисар, вглядываясь через Босфор на Константинополь. Его окружали паши и советники. Халил-паша,

великий везир, которого пленники приняли прошлой ночью за эмира; Заган-паша, порученец эмира; анатолийский хараджи[1]; Исхак-еврей; Балт-оглу, болгарский перебежчик, адмирал турецкого флота; Хамуд-паша, доверенное лицо эмира, и другие. Вместе с ними находились Джон и Энтони Хоквуды.

На вершине скалы, находившейся ниже уровня крепостной стены, как будто готовясь к нападению, выстроились янычары, их великолепное обмундирование сверкало в лучах утреннего солнца. У берега были пришвартованы семьдесят галер, которые представляли весь турецкий флот и вряд ли могли удовлетворить амбиции юного эмира. Но османцы плохо знают море, подумал Джон.

— Объясни мне, Хоук, почему Константинополь, находящийся в самом центре моих владений, все еще противостоит мне? А ведь мои сипахи поят лошадей водой Дуная и предки мои похоронены в тени гор Тавра... Действительно ли стены этого города неуязвимы? — размышляя вслух, спросил эмир.

— Нападению плоти и крови, о падишах, — ответил Джон, которого научили правильно обращаться к эмиру. — Если эти стены будут защищать решительные воины, город неуязвим.

— Есть ли в городе решительные защитники?

— В распоряжении императора менее пяти тысяч человек.

— Менее пяти тысяч человек? Мое войско во много раз больше.

— Пяти тысяч воинов достаточно, чтобы отразить атаку на город и победить.

— Ты считаешь, город не может быть взят? — Мехмед нахмурился.

— Вряд ли он падет при осаде, о падишах, — предположил Халил-паша.

— Трусливый старик, — презрительно бросил Мехмед. — Осада? В течение двух лет эти стены

---

[1] Хараджи — сборщик хараджа, или налога с немусульманского населения взамен военной службы.

осаждали арабы... и безуспешно. Я не собираюсь ждать два года. Мои янычары рвутся в бой, к победе. Если они не опрокинули до сих пор котелки, то только потому, что я эмир едва ли неделю. Я должен доказать им, что я — завоеватель такой же, как мой отец. Времени на ожидания у меня нет. — Эмир взглянул на Хоквуда. — Что ты знаешь о янычарах, Хоук?

— Я знаю славу о них.

— Янычары — и наша сила, — сказал Мехмед, — и наша слабость. Когда мой великий предок Осман пришел с Востока, его войско состояло только из тюрок. Наша кавалерия была самой сильной в мире. Да и сейчас лучше ее нет... Осману не нужна была пехота. Его сын Орхан понял, что всадники не способны штурмовать крепостные стены. Он приказал набрать людей в пехоту, их назвали *яя*, или пешие солдаты. Они были на службе у эмира и платили им серебряную монету в день. Мои люди как ветер, они не умеют повиноваться, их объединяет только стремительный порыв. Но ветер не может взять стен города. Сын великого Орхана, Мурад-хан Гази, поразмыслив, решил создать войско, которое умело бы только воевать и подчиняться. Все янычары по рождению христиане, еще детьми их выкупили у родителей и воспитали в мусульманской вере.

Эмир медленно перевел взгляд на Энтони, стоявшего около отца. Сердце Энтони часто забилось, но он понял, что эмир ни о чем не догадывается. Никто из этих людей, даже его отец, не знал истинного смысла жизни. Никто из этих людей никогда не приникал к пульсирующим бедрам самой прекрасной женщины в мире и не слышал ее страстных стонов...

— Новобранцев назвали янычарами, что означает «новое войско», — продолжал Мехмед. — В настоящее время они подчиняются жестокой дисциплине и живут отдельно в своих очагах. Они преданы эмиру, как собаки. Как, спросишь ты, можно этого добиться? Ими командует «чорбаджи», или кашевар. У него в подчинении «ашжибаши», или шеф-повара, их адъ-

ютантов называют «сакабаши», или водовозы. На их кроваво-красном знамени вышит полумесяц и меч Омара, их полковой тотем — котелок с мясом. Ты правильно назвал их силой, которую боится весь мир. Янычары знают об этом. Они понимают, что чувствуют люди, когда узнают о том, что́ янычары переворачивают свои котелки. За время моего правления они не делали этого. Янычары ждут, когда их поведут на врага. Это должно произойти очень скоро.

Пальцы эмира подрагивали. О чем, интересно, мечтал этот могущественный человек, понимавший, что его сила зиждется на переменчивом и таящем жар вулкана урагане? Опираясь на ужасающую мощь, он должен пронестись сквозь свою жизнь...

Джон Хоквуд уже принял решение, понимая, что только этот молодой человек может спасти и его самого, и его семью. Кроме того, эмир нуждался в знаниях Хоквуда даже больше, чем император Константин. К тому же Джон больше не считал себя обязанным Константину, потому что он, несмотря на заверения в дружбе, не заступился за Вильяма, не спас его... Теперь византийцы заслуживали только мести.

— Я научу тебя, как взять Константинополь, о падишах, — сказал наконец Хоквуд.

Среди людей, окружавших эмира и немного понимавших по-латыни, прошел шорох.

— Говори, — приказал Мехмед.

— Нужно будет как следует подготовиться. Даже целой армии, о падишах, недостаточно для штурма города. Тебе нужны корабли, их должно быть намного больше, чем сейчас.

Мехмед взглянул на Балт-оглу, адмирал энергично закивал головой.

— Корабли будут, — сказал Мехмед, — их начнут строить завтра. Ты думаешь, корабли смогут взять Константинополь, Хоук?

— Корабли не дадут пополнять город свежими силами и продовольствием. Следующее, что потребуется, — ружья для янычар. В Константинополе уже есть ружья.

Мехмед вопросительно посмотрел на Заган-пашу.

— Я говорил тебе об этом, о падишах, — откликнулся Заган, — на Косовом поле у христиан были ружья. Используя их, они опустошили наши ряды. Я рассказал об этом Великому Мураду, и он поклялся запомнить это. Но тогда он был уже болен...

— Мы закупим ружья, — сказал Мехмед. — Ты считаешь, Хоук, что ружьями можно взять Константинополь? Ружьями и кораблями?

— Ружья и корабли позволят твоим янычарам сражаться с христианами на равных, но и они не смогут разрушить стен Константинополя... Только пушки способны на это...

— Пушки! — воскликнул Мехмед, и снова в его окружении послышался шепот. — Мои люди ничего не знают о пушках.

— Все о пушках знаю я, о падишах.

Мехмед снова взглянул через пролив на город, а потом, обернувшись, спросил:

— Ты говоришь правду?

— Я артиллерист, — гордо сказал Джон Хоквуд, — я стрелял из пушек еще во времена Великого Гарри.

Мехмед погладил бороду.

— Где взять эти пушки? — недоверчиво спросил Халил-паша. — Никто, даже византийцы не продадут нам пушки.

— Я отолью их для вас, — заявил Хоквуд. — Но у меня должна быть кузница, металл и рабочие.

— Будут ли наши пушки такими же большими, как те, что на стенах Константинополя? — Мехмед продолжал поглаживать бороду.

— Я отолью самые большие пушки, когда-либо существовавшие на земле, о падишах. Стены дрогнут от их выстрелов.

— Именем Аллаха, — сказал Мехмед, — сделай это, Хоук, и ты будешь богаче, чем можешь себе представить. Сколько времени ты будешь отливать пушки?

Джон колебался, не зная, что ответить, потому что на самом деле он никогда не делал пушек, хотя все знал об этом.

— Отливка пушек займет год.

— Целый год? — В голосе эмира послышался испуг.

— Не меньше года ты будешь строить флот и закупать ружья для янычар. За это время твои люди поймут, что ты готов к победе.

— Но за это время и Константинополь станет сильнее, — прорычал Халил-паша.

— Вовсе нет, великий везир, — настаивал Джон. — Константинополь живет в вымышленном мире призрачных надежд. Византийцы надеются, что смерть Мурада на несколько лет дала им передышку. О падишах, ты должен уверить их, что ты человек мира, а они с радостью воспримут это известие, даже если ты будешь готовиться к войне.

Мехмед улыбнулся, показав крепкие белоснежные зубы.

— Ты и вправду особенный человек, Хоук, — сказал он, — я верю, ты послан мне Аллахом... — Внезапно он замолчал и посмотрел вниз на эскадрон сипахов, прибывших в лагерь в облаке пыли. Оттуда доносились возбужденные крики.

— Прибыл Мансур, — пробормотал эмир, — возможно ли это?

— Так должно быть, о падишах, — сказал Халил-паша и поспешил вниз.

Сопровождаемый свитой, Мехмед последовал за ним.

— Отец, ты понимаешь, что делаешь? — прошептал Энтони.

— Я сделал выбор между жизнью и смертью, мальчик. Но я выбрал жизнь, возможно, богатую и достойную. Я думал, ты поддержишь меня...

— Что касается Константинополя, охотно. Но этот эмир собирается завоевать мир, отец. С пушками ему это будет по силам.

— Да что ты! Он неопытный юнец, — фыркнул Джон Хоквуд. — Он будет слепо следовать советам

генералов, среди которых я буду на первом месте. Константинополь должен пасть, и наша семья будет отомщена. Помни об этом.

Энтони промолчал, вспомнив слова эмир-валиде. Одновременно на него нахлынули и другие воспоминания: о прикосновениях атласной кожи, о своей необузданной страсти к женщине, годящейся ему в матери. Пошлет ли она за ним еще раз? Если нет, он, наверное, умрет.

Во внутреннем дворе крепости на землю были брошены два человека; их руки и ноги были связаны, они корчились в пыли и задыхались. Подойдя поближе, Энтони заметил, что эти люди молоды, даже моложе его.

Эмир Мехмед обратился к пленникам по-турецки. Энтони не понимал ни слова, но по интонации одного пленника, более богато одетого, догадался, что тот горячо возразил эмиру.

Мехмед молча выслушал его; его лицо было, как всегда, невозмутимым. Потом он что-то ответил, тихо, но твердо. Двое янычар вышли вперед и встали рядом с эмиром. Они склонились над молодым человеком с тетивой в руках. Он пытался протестовать, но тетива была обмотана вокруг шеи и быстро затянута сильными пальцами. Глаза несчастного, казалось, вылезли из орбит, язык вывалился изо рта. Страшный булькающий звук раздался из глубины его глотки, вены вздулись на висках, и только потом он умер.

У Энтони от ужаса перехватило дыхание, но внезапно он увидел, что эмир смотрит прямо на него. Он нервно облизнул губы, Мехмед улыбнулся.

— Ты должен благодарить Бога, что ты никто, что ты сын простого солдата, Хоук-младший, — сказал он, — а не сын эмира.

Какое-то время Энтони не мог поверить. Мой Бог, думал он в панике, если этот человек когда-нибудь узнает о том, что произошло между ним и его матерью...

— Какое преступление он совершил, о падишах? — спросил Энтони в благоговейном страхе.

По лицу Мехмеда пробежала легкая дрожь.

— Он был моим братом.

— Твоим... братом?

— Последним из них, — с некоторым удовлетворением сказал Мехмед, глядя на искаженное лицо мертвого юноши. — Я думал, что он спасся, но Мансур поработал на славу...

— Ты убил всех своих братьев? — в ужасе пробормотал Энтони, забыв, с кем говорит.

Мехмед на мгновение насупил брови и почти сразу улыбнулся:

— Я знаю, на Западе так не поступают, но Запад слаб и в большом смятении. А я силен и уверен в себе. Ведь в Коране говорится: разлад хуже убийства. В доме Османа не будет разлада.

Энтони не знал, что сказать; Джон Хоквуд тоже молчал.

— Что касается другого, — сказал Мехмед, повернувшись и посмотрев вниз на второго юношу, чьи глаза были огромными и сверкали от ужаса, — он виновен в том, что помогал моему брату в бегстве.

— Он ведь выполнял приказ, о падишах? — спросил наконец Джон Хоквуд.

— Да, он выполнял приказ, но тот, кто повинуется этому приказу, влечет несчастья на свою голову, — согласился Мехмед.

Хоквуды переглянулись.

— Его накажут? — спросил Джон.

— Негодяя посадят на кол, — сказал Мехмед, — пусть это послужит предупреждением остальным. — Он повернулся к Энтони. — Ты должен присутствовать при казни, Хоук-младший. Тебе это пойдет на пользу.

Глава 4

ФАВОРИТ

Когда несчастному пленнику сказали, что его посадят на кол, он издал дикий крик, забился в истерике и начал молить о пощаде. Мехмед презрительно

посмотрел на него и отдал еще один приказ: приговор привести в исполнение немедленно.

— Боже! — пробормотал Джон Хоквуд по-английски. — Не хотел бы я оказаться на месте этого юноши. И ты, наверное, тоже.

— Что значит эта казнь? — спросил Энтони.

— Это самый ужасный вид расправы, мальчик. Крепись!

Подготовка к процедуре казни уже началась. Янычары копали яму в отдалении от крепостной стены. Пленного поставили на ноги, начали сдирать с него одежду и издеваться над ним. Слезы текли по лицу несчастного, взгляд его был диким, он продолжал молить о пощаде.

Обнаженному пленнику связали руки и, привязав его к веревке, повели вокруг лагеря. Из шатров высыпали мужчины, чтобы посмеяться над ним, и Энтони не сомневался, что женщины тоже наблюдали эту картину и смеялись, хотя и не показывались на улице. Смотрела ли Мара на приговоренного, предвкушая приближающийся ужас?

Наконец яма, около четырех футов глубиной, была выкопана. В ней закрепили острое деревянное копье около восьми футов длиной и вбили его в землю ровно наполовину. Копье было остро заточенным и не толще четырех дюймов в поперечнике, металлический наконечник был снят.

Энтони нервно сглотнул, но у него в горле было сухо. Он не осмеливался взглянуть на отца.

К этому времени приговоренного к смерти привели обратно. Обессилев, он перестал вопить и молить о пощаде. При виде шеста его лицо исказила гримаса ужаса.

Янычары были готовы выполнять приказ эмира — Мехмед кивнул.

Обнаженного человека вытолкнули вперед, он снова начал визжать. Теперь его руки были связаны за спиной. Четыре янычара подняли его над землей. Он бешено брыкался, но не мог противостоять напору их силы. Янычары медленно ввели заостренный конец

шеста прямо в анус несчастного. Еще несколько секунд его подержали наверху и только потом посадили на шест.

Внезапно ноги несчастного упали по обеим сторонам шеста, и нечеловеческий вопль сорвался с его губ. Он корчился от боли, кровь струилась по дереву... Он отчаянно тужился, пытаясь вытолкнуть себя с шеста, но тот уже вонзился слишком глубоко. Энтони старался отвести глаза, но заметил, что эмир стоит рядом.

— Чем больше он корчится, тем быстрее шест проникает внутрь, — заметил Мехмед, повернувшись к Энтони и пытаясь понять его реакцию.

Волей-неволей Энтони пришлось наблюдать за муками несчастного, пытаясь при этом сохранять невозмутимое выражение лица. Ступни жертвы теперь доставали земли — так глубоко и быстро в него вошел шест, но теперь у смертника не было сил подняться. Вскоре Энтони увидел, как шест, разорвав грудь несчастного, вышел наружу.

Внезапно Мехмед отдал другой приказ. Янычары выкопали шест и подняли его над собой, начав обход лагеря с этим ужасным трофеем.

— Однажды увидев казнь на колу, человек всегда будет помнить о ней, — сказал, улыбаясь, Мехмед. — Теперь идем, у нас много работы.

Мехмед уничтожил всех возможных претендентов на трон, и теперь настало время оплакивать умершего эмира. На время османцы забыли о Босфоре и грандиозных амбициях своего нового правителя.

Похоронный кортеж направился в город Брусу, древнее место погребения османских эмиров; там Мурада должны были предать земле. Оказывается, набальзамированное тело мертвого эмира все еще находилось в лагере...

Энтони был слегка шокирован, узнав, что Мара Бранкович принимала его у себя, когда ее покойный муж лежал в соседнем помещении. Уже тогда она думала о будущем.

Войско и вереницы повозок с женщинами из гарема дошли по берегу Мраморного моря до Никодемии, а дальше вдоль течения реки Сакарьи направились к подножию горы Улудаг, что в переводе с турецкого значит «великая». У ее северного подножия лежал священный город Бруса.

Их путь проходил по пустынной и запретной земле на высоте три тысячи футов над уровнем моря; плоскогорье прерывалось цепью гор со снежными вершинами. Похоронный кортеж преодолевал ущелья и долины рек, останавливаясь каждый раз при подземных толчках, во время которых каменные глыбы обваливались на их головы.

Вероятно, это явление было обычным в этой непонятной земле, но каждый раз при новом толчке Хоквуды пугались и пытались найти хоть какое-нибудь убежище.

Растительность соответствовала местности: в долинах рос кустарник, склоны гор были покрыты благородными соснами. По ночам волки и гиены, лисы и дикие кошки рыскали вокруг лагеря, и темнота казалась страшной от их воя. Пару раз Хоквуды заметили огромных медведей, бродящих среди деревьев, и однажды слышали рев льва, но самого зверя не видели.

Мехмед находился в центре огромного скопления людей, верный традиции кочующего племени сельджуков, которое когда-то передвигалось в поисках новых земель и наживы по Центральной Азии.

Ядром этой кочующей нации была армия, состоявшая из четырех частей. Впереди двигались башибузуки, которых можно назвать просто разбойниками. Они были вооружены каждый на свой манер: и кривыми саблями, и копьями, луками и стрелами — кто-то из них был облачен в шелковые одежды, а кто-то — в обычное тряпье. Энтони узнал, что башибузукам не платят жалованья и что они участвуют в военных походах, надеясь разжиться грабежом. Мирное время разжигало в этих людях нетерпение... даже больше чем у янычар. В этот раз башибузуки собрались, услышав о смерти Великого Мурада; по окончании похорон они разъедутся по домам и вновь

объединятся под знаменем эмира, когда в следующий раз он пойдет войной. Хотя их было очень много, Энтони показалось, что, с военной точки зрения, они ненадежны из-за неорганизованности.

За башибузуками шли анатолийцы — настоящие турки. Из них формировалась пехота, которую тоже можно было считать беспорядочным войском из-за отсутствия строгой дисциплины. У анатолийцев была единая форма: толстые зеленые войлочные кафтаны; каждый из них был вооружен копьем и мечом; для обороны использовались круглые щиты. Анатолийцы казались более грозной силой, чем толпа всякого сброда, называемая башибузуками.

Анатолийцев на марше сменяли сипахи, или элитная кавалерия. Их стальные шлемы были украшены султанами из конского волоса. Сипахи считались лучшими наездниками, их образ жизни соответствовал житейской мудрости в недавнем прошлом кочевого народа: «Сошедший с коня и расположившийся на ковре турок становится пустым местом».

Сипахи не просто эскортировали эмира и его двор. Иногда они внедрялись в толпу башибузуков или вырывались вперед, чтобы добыть нужные данные, а главное убедиться, что пища и все необходимое армии будут обеспечены.

За сипахами, окружая гарем и эмира, двигались грозные янычары, основа всех побед османцев. Десять тысяч молодых мужчин, одетых в яркую красно-синюю форму, шли, подчиняясь строгой дисциплине. Нарушившего приказ подвергали наказанию: били палками по ступням. Но самым страшным позором для янычар было увольнение из войска и высылка домой. У каждого янычара были копье, сабля, лук и стрелы. Джон Хоквуд не мог не признать превосходных физических качеств этих людей: их тела были словно литые. Эмир Мехмед объяснил Хоквудам, что если эту в высшей степени обособленную общину, сколоченную вокруг своего драгоценного котелка, использовать должным образом, то ей по плечу преодолеть любую силу.

Самым удивительным было то, что огромное скопление мужчин, женщин и животных, находившихся в движении, оставляло за собой абсолютно чистыми места биваков. После пребывания любой европейской армии в одном месте в течение недели все пространство, занимаемое ей, превратилось бы в огромную зловонную помойную яму, грозящую неминуемой вспышкой заразных болезней. В турецком лагере каждый выкапывал для себя отхожее место, которое по окончании стоянки засыпалось землей.

В самом сердце великой армии находился эмир, его везиры, генералы, гарем, даже во время марша скрытый в занавешенных носилках, и его приемная мать. В этот раз эмира сопровождали и двое его новых рекрутов. Часто Мехмед просил одного из Хоквудов составить ему компанию. С Джоном он говорил о пушках, вооружении и стенах Константинополя, с Энтони — о других вещах.

— Английские короли не совершают таких переходов?

— Время от времени они объезжают свои владения, — объяснял Энтони. — Но таких расстояний в Англии просто нет. Это небольшое королевство.

— Я мало знаю свои владения, — вздохнул Мехмед. — Но я исправлю это положение. Так много надо сделать и так мало времени. Я понимаю, что любое передвижение по таким огромным владениям — трата не только времени, но и сил. Но я следую обычаям моего народа, в мире нет другого народа, настолько приверженного традиции, как турки. У нас есть поговорка, которую, возможно, ты еще не слышал, Хоук-младший. Запомни ее:

Чтобы удержать землю, нужна армия.
Чтобы содержать армию, нужно быть щедрым.
Щедрыми могут быть только богатые,
Богатыми становятся только с помощью законов.
Если нет одного из этих четырех компонентов —
нет и всех четырех,
Где нет всех четырех — земля потеряна.

— Ты согласен с этим, Хоук-младший?

— Я бы сказал, что это сама правда.

— Пойми, в основе всего лежит закон. Если я хочу изменить закон, я должен совершить что-то великое. — Лицо эмира потемнело, пальцы сжались в кулак. — Я должен взять Константинополь.

Энтони показалось, что перед ним не тот человек, который недавно удушил собственного брата и приказал посадить на кол покорного маленького человека, кто-то совсем иной, рассуждавший логично и амбициозно.

Мехмед удивлял Энтони знанием истории и политики древних греков и римлян, их научных трактатов и, более всего, поэтических произведений.

— Мусульманский мир богат поэтами, — сказал Мехмед. — Ты что-нибудь слышал об Омаре Хайяме?

— Нет, о падишах.

— Тогда все, чему ты учился, бессмысленно. Омар Хайям был персом. Его нельзя назвать хорошим наставником для молодежи: он чрезмерно любил вино и тем самым нарушал закон Пророка. Но его стихи наполнены глубоким философским смыслом и состоят из красивых слов. Я покажу тебе его книги, когда мы будем в Брусе.

Советники эмира, видя Энтони рядом с правителем, неодобрительно поглаживали бороды — было понятно, что им не по душе расположение, выказываемое рыжеволосому юноше.

Энтони ничего не знал об эмир-валиде. Путешествие в Брусу длилось несколько недель, и за это время никаких известий от нее не поступало. Энтони не понимал, радоваться ему или печалиться... Возможно, она пресытилась и забыла о нем. Он все еще помнил ее аромат и очарование, а также ее слова, которые не забудет до конца своих дней. Правда, при мысли о том, что его могут посадить на кол, если застигнут в шатре эмир-валиде, у Энтони холодела кровь.

Но его страшило и обещание Мары Бранкович снять с него заживо кожу, если он отвергнет ее приглашение.

Бруса, окруженная садами и напоенная водой горных стремительных потоков, казалась оазисом посередине пустыни. Ослепительно белые дома стояли на узких изогнутых улочках, утопая в зелени. Здесь было несколько бань, вода в которые поступала из горячих источников. Хоквуд, ошеломленный роскошной жизнью Константинополя по сравнению с обычаями родной Англии, с удивлением для себя отмечал, как тщательно турки следят за чистотой своего тела.

Бруса была местом захоронения эмиров. На естественной террасе над городом возвышались надгробия Османа и Орхана. Эмир Мехмед I был похоронен в самом городе, над его могилой возводился мавзолей священного зеленого цвета. Сразу же по прибытии в город началась церемония погребения Мурада, сопровождаемая прощальными речами и оплакиванием; разрабатывался проект еще одного огромного мавзолея, получившего название мечеть Мурадие.

Жизнь города на период траурной церемонии замерла. Не работали даже те, кто ткал шелковые ткани, а этим занималось большинство людей, не задействованных в армии. Скорбные звуки труб, грохот цимбал, медленные, монотонные удары барабанов наполняли воздух.

Хоквуды на это время были предоставлены сами себе. К их огромной радости, Мэри была отпущена из гарема, ей позволили присоединиться к ним в доме, предоставленном в их распоряжение. Она казалась цветущей в новых роскошных одеждах и все-таки была какой-то другой. Когда супруги уединились в спальне, Джон обратил внимание, что у жены выбрит лобок. Мэри смутилась и объяснила, что всех женщин в гареме бреют и у нее не было выбора. Возможно, размышлял Джон, все остальные перемены в Мэри связаны с тем, что она вынуждена приспосабливаться к местным обычаям.

— Сами женщины бреют друг друга? — спросил Джон.

— Нет, — зардевшись, ответила Мэри.

— Значит, ты должна это делать сама?

— Нет, — еще более покраснев, повторила Мэри.

— Тогда кто... О Господи?! — Джон был в полном недоумении.

— Тех, кто это делает, нельзя считать мужчинами. — Мэри положила руку на плечо мужу.

— Правда? Они живые, они едят и пьют. Значит, чувствуют.

— Я не знаю, что ответить... Таков обычай, — вздохнула Мэри и, неожиданно забеспокоившись, спросила: — Ты ничего не скажешь мальчику?

— Когда-нибудь он сам все узнает. Не беспокойся, я ему ничего не скажу.

Через какие-то мгновения Джон убедился, что его жена не потеряла своей уверенности и прелести, даже будучи выбритой темнокожими. Что еще ей пришлось пережить в гареме? В Константинополе он слышал рассказы о неестественных склонностях, которые развиваются у женщин, живущих вместе и лишенных иных мужчин, кроме единственного господина. Эта мысль будоражила его воображение... К тому же Джон должен был сообщить Мэри о своем согласии сотрудничать с турками. Она спокойно выслушала мужа.

— Я поступил так ради спасения наших жизней, выбора у меня не было. И я все еще хочу отомстить тем, что причинил нам зло.

Через некоторое время Мэри улыбнулась.

— Я люблю тебя, муж мой, сейчас даже больше, чем когда-либо. Ты поступил как настоящий мужчина, а не вел себя как побитая собака. Мое сердце обливалось кровью, когда тебя вынудили покинуть Константинополь. Если турки дадут тебе меч и доспехи, я буду еще больше гордиться тобой.

— Мне пообещали больше, Мэри. У меня будет кузница и люди, чтобы отливать пушки. — Улыбка Джона Хоквуда стала зловещей.

По окончании траурной церемонии Джон Хоквуд принялся за работу. Ему нужна была бронза для пушек, кожа для связывания бочек; он прикидывал, как

соорудить лафет, рассчитывал вес ядер, претворяя в жизнь новые идеи, появившиеся у него во время практической деятельности.

Хоквуд отдавал себе отчет в сложности задачи, которая перед ним была поставлена. Он знал толщину и непробиваемость стен Константинополя, так как помогал поддерживать их в боевом состоянии. Выходившие на море стены были просто неприступны. Если турецкий флот, строительство которого шло полным ходом, сможет пробить плавучее заграждение и занять Золотой Рог, задача Хоквуда немного упростится, но он не был уверен, что флоту это по силам. Если бы у янычар были ружья, они послужили бы более надежной защитой артиллеристам. Но самым дорогостоящим и опасным было по-прежнему решение задачи, как приблизиться к стенам этого города. Значит, отливка пушек такого же размера, как и в Константинополе (а они были самыми большими, из которых Хоквуд когда-либо стрелял), была пустой тратой времени. По меньшей мере одно из его орудий должно превосходить те, что стоят на крепостных стенах.

Пушки должны будут метать чугунные ядра с такой скоростью, чтобы пробить большие бреши и дать проход туркам. Хоквуд был опытным солдатом и знал многое о том, как проходит осада какого-нибудь укрепления. Защитники могут восстановить поврежденные днем стены за ночь. Сами стены, превращенные в кучу камней, легко поддаются ремонту и становятся еще более обороноспособными по сравнению с теми, какими они были прежде. Кажется, они просто ждали, чтобы их разрушили...

Хоквуду нужны были особенные пушки, и он хотел сделать их сам. Точность требовалась в расчете количества пороха, чтобы снаряд достигал намеченной цели, но не разрывал бронзового дула на части.

И еще он вынашивал тайный план, в который пока не посвящал никого. У Джона была мечта: он хотел построить огромную пушку такой разрушительной

силы, которая обеспечит победу над миром ее обладателю. Эмир Мехмед дал Хоквуду возможность осуществить свою мечту.

Энтони доставляло удовольствие смотреть на родителей, радующихся второму расцвету их любви. Мать, правда, до сих пор не отошла от переживаний по поводу гибели старшего сына и неразумного поведения своенравной дочери, но никогда не упрекала мужа, решившегося оставить Англию и отправить свою семью в это нескончаемое приключение.

Теперь, когда ей даровали свободу, она страстно желала вернуть привычный для них образ жизни, но это было невозможно. Мэри считала свою турецкую одежду — шаровары и широкую кофту — непристойной, но выбора у нее не было. В таком наряде и в хаике[1] она была совершенно неузнаваемой. На второй день пребывания в Брусе она рискнула выйти на улицу и, когда обнаружила, что оказалась единственной женщиной без яшмака[2], в смущении влетела в дом.

Мэри не знала, как вести себя со слугами, предоставленными эмиром новому генералу, потому что это были евнухи. Но Джон постарался убедить ее принять их, так как он сам был готов принять все в этой новой жизни. Вскоре Мэри научилась готовить кос-кос и освоила многие местные кулинарные премудрости. Самым распространенным блюдом здесь считались баклажаны, жаренные или фаршированные бараниной, приправленной перцем. Однако Хоквуды так и не смогли заставить себя съедать почти всего барашка или козу, начиная с глаз и кончая яичками.

Мэри не могла не восхищаться новым домом и садом. Дом был не таким большим, как в Константинополе, но необыкновенно просторным. Сводчатый вход заменял в нем дверь, через которую можно было

---

[1] Х а и к — покрывало из плотной материи.

[2] Я ш м а к — тонкое покрывало, которым турчанки закрывали лицо.

выйти в выложенный гравием внутренний дворик, где всегда журчал фонтан. Дом был наполнен светом, воздухом и звуками падающей воды, и, если иногда зимой холодный ветер налетал с гор, то в помещении делалось еще уютнее от теплых овчинных одеял. Не сразу, но все-таки Мэри привыкла и к почти ежедневным подземным толчкам.

Мэри смущало, пожалуй, только отношение османцев к их вероисповеданию. Хоквудам никогда не выговаривали за то, что они не посещают мечеть, и даже не пытались принудить их к этому. Но здесь не было христианской церкви, и Мэри острее чем в Константинополе ощущала себя среди варваров. Такие христианские добродетели, как милосердие и доброта, и на Западе-то встречающиеся редко, здесь отсутствовали начисто.

Джон Хоквуд был необыкновенно доволен своей новой жизнью. Здесь, казалось, отсутствовала враждебность, которую он ощущал в Константинополе. Турки жалели тех, кто не мог узреть в Мухаммеде последнего и единственного Пророка. В то же время они не проявляли ненависти к почитавшим раннего Пророка — Иисуса Христа. Хоквуду в Брусе предоставили все, что ему требовалось, включая людей, работавших на него. Впоследствии он сделает из них настоящих канониров. А пока Джон начал формировать собственный отряд, который будет безоговорочно повиноваться его приказам на поле боя. Энтони оказывал отцу огромную помощь, тренируя этих людей. Он был великолепен в своей зеленой рубахе и белых шароварах, в шлеме и нагруднике.

Все чаще и чаще Энтони приглашали к эмиру, иногда побеседовать, иногда сыграть в шахматы или триктрак или просто побыть в его обществе.

— Ты ему очень нравишься, — заметил Джон Хоквуд.

«Он будет стараться сделать тебя своим, — предупреждала Энтони эмир-валиде. — Мы должны противостоять ему».

Эмир-валиде уединилась в своих покоях во дворце в Брусе, но Энтони не сомневался, что она наблюдает за всем происходящим через решетку на галерее.

Неожиданным и тревожным для Энтони было утро в один из дней окончания рамазана — священного месяца, в течение которого мусульмане постятся и предаются молитвам. Энтони только что принял ванну, как дверь внезапно распахнули янычары. Эмир вошел в баню и остановился, любуюсь обнаженным телом Энтони.

Энтони моментально упал на колени и подал знак евнухам, прислуживавшим ему, подать одежду. Энтони уже немного знал турецкий и был удивлен, услышав, что Мехмед приказал одному человеку из его свиты сделать рисунок обнаженного тела Энтони.

Художник затрепетал.

— Это невозможно, о падишах. Не написано ли, что ад единый ждет того, кто воспроизведет человеческие формы?

— Такого закона нет в «аные», — отпарировал Мехмед.

— Это справедливо, — вмешался великий муфтий, — но такой закон провозгласил Пророк, и он запечатлен в Коране.

— Законы Пророка распространяются на истинно верующих, — указал Мехмед. — А к чужестранцам они не относятся. Хоук-младший — неверный. Он может быть изображен, и я получу рисунок его тела.

Евнух, присутствовавший при этом споре, замер с одеждой Энтони в руках, не в силах двинуться с места.

Художник упал на колени.

— Ты знаешь, я всегда выполняю твою волю, о падишах, но... сейчас я бессилен. Я ничего не знаю о человеческом теле.

— Разве у тебя нет глаз? Рисуй, что видишь, — усмехнулся Мехмед.

Художник, как утопающий, хватался за соломинку, стараясь избежать того, что он считал смертным грехом.

— Это не так просто, о падишах. Чтобы изобразить тело, я должен знать, как оно живет и движется, как соединены мускулы и сухожилия, где они начинаются и где заканчиваются. О падишах, поверь мне...

Мехмед вспылил.

— Ты, низкий мошенник! — закричал он, выпростав руку и указывая перстом. — Хочешь пренебречь приказом своего эмира? Берегись, я прикажу спустить с тебя шкуру. Тогда-то мы и увидим, где прикрепляются твои мускулы. Ты это хочешь выяснить? Тогда выяснишь. — Его указательный палец взлетел и остановился на одном из черных слуг. — Этого будет достаточно. Ты и ты, — закричал он на своих испуганных охранников, — возьмите этого мальчика. Разрежьте его от шеи до промежности. Разложите перед этим негодяем, и пусть он изучает, как соединяются мышцы и сухожилия. — Его палец указал на художника. — После этого тебе уже ничто не помешает сделать рисунок.

Все, казалось, оцепенели. Охранники бросились выполнять приказание эмира. Слуга исступленно закричал, но был располосован и через мгновение мертв. Его кровь и внутренности расползлись по полу, его мышцы, вздрогнув в последний раз, были теперь обнажены. Энтони судорожно открыл рот, чтобы закричать, протестуя, но эмир уже вышел из бани... Изучение истекающего кровью трупа продолжалось.

— Останься, — сказал Энтони Халил-паша, — тебя будут рисовать. Иногда нашему господину лучше не перечить.

Иногда, подумал Энтони, «наш господин» не в своем уме...

В этот же вечер Энтони пригласили сыграть в шахматы с эмиром. Они расположились в маленькой комнате позади зала для совещаний; в комнате не было ничего, кроме двух диванов. Энтони потягивал шербет, пока его господин размышлял над ходом.

— Пока я не сказал вслух то, что думаю, я не чувствую настоящей значимости слова, — проговорил

эмир. — Знаешь ли ты, что я люблю тебя, Хоук-младший?

— Я счастлив, о падишах, — осторожно ответил Энтони.

— Но ты неверный. Сознание этого делает меня несчастным.

— Человек, изменивший своей религии, не стоит и пяди земли, на которой стоит, — сказал Энтони, чувствуя, что волосы на затылке встают дыбом.

— Ты прав, — сказал Мехмед к удивлению и облегчению Энтони, — и, кроме того, у меня есть для тебя важное поручение. Ты выполнишь его лучше всех, ибо ты чужестранец. Я не буду докучать тебе просьбами изменить своей религии, Хоук-младший. Но меня печалит, что твое тело останется телом безбородого юноши, не достигшего мужской зрелости. Я считаю, что для тебя самое время взять женщину. Но как я могу предать тебя ее презрению? Кроме того, как может войти в рай человек в таком виде? Это невозможно. Я бы хотел, чтобы ты стал одним из нас. Ты не откажешь мне в этом.

Энтони кивнул, понимая, что не может возразить эмиру.

— Я в твоем распоряжении, — сказал он.

Мехмед улыбнулся.

— Я поговорю с твоим отцом. Я сам поручусь за тебя...

Той ночью, впервые за четыре месяца, Энтони был приглашен Кызлар-агой встретиться с ним в полночь в аллее за домом отца. Извилистыми коридорами, наполненными шепотом голосов, полностью укутанный и с закрытым лицом он оказался перед эмир-валиде.

Мара была в бледно-голубом наряде и казалась более прекрасной чем когда-либо.

— Ты преуспеваешь, Хоук-младший, — сказала она.

— Я живу в постоянном страхе, — признался Энтони.

Она улыбнулась.

— Я не думаю, что это страх. Ты просто полон предчувствий, но даже мой сын не заставит тебя покориться его ласкам. Ты слишком независимый человек...

— Он хочет, чтобы мне сделали обрезание, госпожа.

— Я знаю об этом. — Мара склонила голову.

Энтони задумался, кто или, вернее, как много мужчин и евнухов, окружавших эмира, были шпионами госпожи.

— Ты боишься? — спросила эмир-валиде. — Но этот обряд — залог чистоты. Обрезание не влияет на чувственность, скорее усиливает ее. — Она распустила завязку на шароварах Энтони и просунула руку внутрь. — Я могу только сожалеть, потому что сейчас в тебе есть что-то особенное, но я не сомневаюсь, что и «после» ты будешь все так же хорош. Что насчет боли, то ты ведь не трус, мой Хоук. В любом случае это пустячная вещь. — Она улыбнулась. — Я, конечно, не говорю о твоих личных ощущениях. Возможно, ты стесняешься публичности обряда? Но через это проходит каждый мужчина на Востоке.

— Я, наверное, ощущаю все это вместе.

Она засмеялась.

— Все же тебя передергивает при мысли об этом. Идем, Хоук-младший, насладимся твоим членом в последний раз в его нынешнем состоянии.

Мара была восхитительна, как обычно. И все же мысль о том, что ему предстоит, мучила Энтони. Он дошел до высшей точки наслаждения, но желание снова охватило его. Энтони приподнялся на локте и взглянул в любимое лицо, более спокойное, чем когда-либо. Глаза Мары были закрыты, страсть улеглась.

— Обряд проходит на глазах у всех, госпожа?

Мара медленно открыла глаза и вытянулась струной.

— О да, — сказала она, — даже женщины из гарема присутствуют. — Ее улыбка перешла в смех. — За решетками на галерее, конечно.

— Чему быть, того не миновать, — сказал Джон Хоквуд. — Мы должны пойти на это. На этом пути наше спасение.

Мэри была подавлена, Энтони все больше и больше боялся сам, хотя и не признавался отцу. Он не мог понять природу своего страха. Физическую боль, думал он, можно перетерпеть. Что тогда? Остается детский страх предстать в этот момент перед всеми.

Накануне церемонии эмир объявил праздник, во время которого Энтони была преподнесена новая одежда: рубаха и шаровары из мягкого белого шелка, украшенные золотой нитью.

На следующее утро Энтони в новой одежде шел в процессии вокруг города под аплодисменты мужчин и женщин. Он не мог не вспомнить другого шествия, во время которого тот несчастный, обреченный на казнь человек, двигался навстречу смерти.

После осмотра Энтони отвели в зал для совещаний, заполненный муфтиями, имамами и придворными — не каждый день эмир присутствовал при обряде обрезания. Энтони взглянул на решетку на галерее. Она была темной и непроницаемой, как и в замке на Босфоре, хотя он и различил какое-то мелькание. Весь гарем, можно не сомневаться, собрался наверху. Но это не имеет никакого значения. Он никогда не увидит ни одну из них, за исключением эмир-валиде.

Энтони сопровождали отец и Халил-паша. В центре зала были приготовлены три подушки, около которых ожидали эмир, муфтий и два хирурга. Энтони подвел к ним Джон Хоквуд, тщательно отрепетировавший свою роль. Он поручил Энтони их заботам.

Затем Энтони усадили на среднюю подушку, эмир опустился на правую, а главный хирург — на левую. Энтони был одет в штаны, поддерживаемые шнурком, который можно было легко распустить.

Помощник хирурга поставил на пол перед ним серебряную чашу. В ней был нож, похожий на бритву

и, наверное, не менее острый, маленький пакетик из белой бумаги в форме колпачка и другой пакетик с каким-то красным порошком. Здесь же лежали маленький серебряный инструмент с прорезью и несколько полотняных бинтов.

Тем временем один из имамов зажег фимиам в курильнице и вскоре едкий аромат заполнил огромный зал.

Муфтий встал перед ними, прочитал несколько сур из Корана и дал знак, что обряд можно начинать. Энтони должен был сидеть неподвижно, но это было трудно, потому что Мехмед склонился перед ним и, распустив шнурок на шароварах, стал его ласкать.

— Лучше, когда член напряжен, — проговорил эмир.

Энтони не мог уклониться и не смотреть в глаза Мехмеда, но, как только эмир вернулся на место, он взглянул наверх. Если она там, Энтони хотел бы смотреть на нее в этот ответственный момент...

Маленький серебряный инструмент был в руках главного хирурга, склонившегося перед Энтони, чтобы как можно сильнее оттянуть крайнюю плоть. Сразу после этого хирург отрезал ее. Боль была резкой, но короткой. Энтони вздрогнул и почувствовал на плече руку эмира. Закричать или даже пошевелиться было бы признаком слабости. Он продолжал смотреть на решетку, когда к его ужасу хирург опустился перед ним на колени, чтобы высосать кровоточащий член. Проделав это, он выплюнул кровь в чашу, которую держал его помощник.

Затем хирург отпустил крайнюю плоть как можно дальше, обнажая кровоточащую рану. Эту рану он посыпал красным порошком, затем покрыл бумажным колпачком и перебинтовал.

Муфтий продолжал читать Коран, когда Энтони помогли встать. Он чувствовал слабость в ногах, но Мехмед был рядом и отвел его к чистым подушкам, где он сел, на этот раз лицом к собранию. Мехмед хлопнул в ладоши, все сели, а евнухи стали обносить присутствующих едой. Праздник начался.

— Я чувствую, что теряю сознание, о падишах, — пробормотал Энтони.

— Ты не потеряешь сознания, теперь ты мужчина, — подбодрил его Мехмед.

— Я не могу есть, — протестовал Энтони, когда ему подали кос-кос.

— Ты должен поесть, — сказал ему Мехмед, — никто не притронется к пище, пока ты не возьмешь кусок в рот.

Энтони колебался, но затем выпростал руку и взял кусок мяса. Обваляв мясо в манке, он положил его в рот. Оно было горячим и вкусным, и внезапно Энтони почувствовал, что он страшно голоден.

Мехмед улыбнулся.

— Вот и хорошо, — сказал он, — через несколько часов боль пройдет, через три дня ты будешь в полном порядке. И тогда... я дам тебе жену.

Мехман-паша низко поклонился.

— Ее зовут Лейла, о падишах. — Он весь дрожал от чести принимать эмира в своем доме. Этот день мог стать решающим в его судьбе.

— Приведи ее к нам, — приказал Мехмед.

Мехман-паша вновь поклонился и дал знак евнухам, охранявшим двери внутренних покоев. Это была маленькая уединенная комнатка, соединявшая гарем Мехман-паши с большей частью дома, предназначенной для мужчин. Здесь находились только эмир и Энтони. Двое молодых людей, братья девушки, вошли в комнату, сопровождая фигуру, закрытую белым чаршафом с тяжелой чадрой.

— Сколько ей лет? — спросил Мехмед.

— Шестнадцать, о падишах.

Мехмед кивнул и вопросительно взглянул на Энтони.

— Не слишком стара? — спросил он.

Энтони поперхнулся. Они говорили по-турецки, и девушка понимала, о чем идет речь.

— Ни в коем случае, — ответил Энтони.

— Шестнадцать лет — это много, — сказал Мехмед. — Разве тебе не известно, что есть три вещи, которые мужчина должен делать быстро? Хоронить мертвых, потчевать гостей и отдавать в жены дочь. Ты нерасторопен, Мехман. Откройся, девушка.

Девушка посмотрела на отца и получила в ответ быстрый кивок. Ее братья отошли в сторону.

Девушка медленно и с долей кокетства откинула чаршаф, который закрывал ее волосы. Теперь они, длинные и черные, рассыпались по ее плечам, и Энтони с изумлением разглядывал ее высокий белый лоб и сияющие темные глаза.

— Почему ты не представил дочь эмир-валиде два года назад? — спросил эмир Мехмана.

— Она была представлена, о падишах, но эмир-валиде отказала ей.

— У нее есть какой-нибудь недостаток?

— Нет, за исключением... — Мехман замялся.

— Говори, — приказал эмир.

— Эмир-валиде не понравилось, как моя дочь отвечала на ее вопросы, о падишах. Госпожа приказала высечь ее за дерзость.

Мехмед улыбнулся.

— Я слышал об этом, но не знал, что это была твоя дочь. — Он взглянул на Энтони. — Ты разочарован, Хоук-младший? Ты всегда можешь высечь ее.

— Я не разочарован, — сказал Энтони. — Если она не разочарует меня в другом.

Его сердце гулко стучало. Если он собирается стать мусульманином во всем, кроме веры, он должен жить, как все мусульмане. А они пользуются всеми наслаждениями, мужчины у них являются хозяевами всего созерцаемого, за исключением их собственных жизней, которые находятся в милости у человека, в свою очередь созерцающего их. Но он близок к источнику власти. Эта девушка очень мила. Он не предполагал, что кто-нибудь сможет заменить ему Мару Бранкович, но эту девушку он хотел и будет ей обладать.

Если эта церемония и смахивала чем-то на торговлю рабами, то она только возбуждала его нетерпение.

— Хорошо сказано, Хоук-младший, — согласился Мехмед и посмотрел на Мехман-пашу. — Прикажи ей снять чадру.

Мехман-паша был ошеломлен, его сыновья сердиты.

— Твоя дочь будет женой человека с Запада, — объяснил Мехмед. — Он хочет видеть ее лицо. Это его воля. И моя.

— А если он откажется...

— Значит, она никогда не выйдет замуж. Она всем хороша... кроме возраста. Она уже стара.

Мехман-паша судорожно сглотнул и посмотрел на сыновей.

— Ты тоже будешь смотреть на чужую жену, о падишах? — внезапно раздался тихий голосок девушки.

Мехмед вскинул голову и уставился на нее. Она не опустила глаз.

Мехмед рассмеялся.

— Теперь я понимаю, как тебе удалось рассердить мою мать, Лейла, — сказал он. — Нет, я не буду смотреть на чужую жену. Сними чадру только перед Хоуком. — Эмир отвернулся.

У Энтони перехватило дыхание, когда девушка взглянула на него. Затем она отстегнула чадру с одной стороны, оставив ее висеть с другой.

Энтони увидел дерзкое красивое лицо, с нежным овалом, с маленьким, но упрямым подбородком. Губы ее были чуть приоткрытыми и влажными; Энтони понял, она специально облизнула их перед тем, как отстегнуть чадру. Нос казался большим для этого лица, но не портил красоту девушки. Ее глаза сулили бесконечное наслаждение.

— Я не нравлюсь тебе, мой господин Хоук? — спросила Лейла.

Энтони облизнул губы.

— Ты мне очень нравишься, — сдерживая волнение, ответил он.

Лейла пристегнула чадру.

— Я доволен, — оборачиваясь, сказал Мехмед. — Ты понимаешь, Мехман, что эта процедура была необходима. Но раз Хоук-младший удовлетворен, ты будешь в выигрыше.

— Я понимаю это, о падишах. — Мехман-паша весь светился от счастья.

— Свадьбу назначим через неделю. Желаю тебе радости, Лейла.

— Я мечтаю о ней, о падишах, — ответила девушка и, поклонившись сначала эмиру, потом отцу, в сопровождении братьев вышла из комнаты.

Мехмед щелкнул пальцами и взорвался от смеха.

— Теперь я понимаю, почему мать приказала ее высечь вместо того, чтобы послать в мой гарем, — сказал он.

— Вы можете выбрать любую девушку из своих подданных? — поинтересовался Энтони.

— Отбор в гарем происходит каждый год, — объяснил Мехмед. — Выбирают не только самых красивых, но и самых талантливых. Девушек представляют эмир-валиде, и она выбирает наиболее достойных, по ее мнению, для гарема. Эти девушки находятся под присмотром моей матери. Я сам не волен выбирать. Эмир-валиде — моя мать во всем.

Эмир пристально посмотрел на Энтони, и тот почувствовал, как дрожь пробежала по его спине. Знал ли эмир что-нибудь? Если бы он знал, решил Энтони, вряд ли я был бы сейчас рядом с ним...

— Мать выбирает даже ту женщину, с которой я проведу ночь, — продолжал Мехмед. — Впоследствии они становятся фаворитками. Но с кем мне спать, решает она. В гареме так много женщин, что жизни не хватит «осчастливить» их всех. В моем гареме есть женщины, на которых я никогда не задерживал взгляд и никогда не сделаю этого. И все они считаются моими женами или наложницами, о них надо заботиться. — Подумав, эмир добавил: — Для меня это большие расходы.

— Вы когда-либо спали с какой-нибудь женщиной больше одного раза? — с любопытством спросил Энтони.

Мехмед засмеялся.

— Конечно, у меня есть любимицы. Я сообщаю об этом матери. Но в гареме есть только одна высшая ступень. Женщина, которая первой подарит мне сына, будет пользоваться огромным уважением и станет эмир-валиде.

— Если не умрет, — не подумав, сказал Энтони и готов был откусить себе язык.

Но Мехмед, казалось, не заметил его подозрительной осведомленности о жизни гарема.

— Это правда. Моя собственная мать умерла слишком рано. Вместо нее я получил другую мать, гораздо лучше. Ей будет занятно узнать, что ты женился на такой девушке, как Лейла. Эмир-валиде интересуется тобой и твоим отцом.

Энтони нервно сглотнул, но Мехмед продолжал улыбаться.

— Ты должен позаботиться о том, чтобы твою жену регулярно секли. Запомни! Женщину следует видеть, но не слышать. В Англии другие правила?

— В Англии совсем не так, о падишах.

— Непонятная страна, — сказал Мехмед и взял Энтони за локоть. — Расскажи мне об английских женщинах, Хоук-младший. Может быть, однажды я буду обладать такой женщиной...

— Это неправильно, — объявила Мэри Хоквуд. Она опять обрела уверенность в себе и почувствовала, что играет определенную роль в жизни Брусы. Несмотря на то что Мэри не говорила по-турецки, она подружилась с соседками и часто проводила с ними время за чашечкой кофе, болтая о том о сем. Ее новые знакомые сообщили, что процедура обручения Хоука-младшего была в высшей степени необычной, и сказали ей, что невестка станет хозяйкой дома после смерти Джона Хоквуда.

— Какая-то девчонка станет хозяйкой в доме... какая-то неверная? — сетовала Мэри. — Почему нас не познакомили с родителями?

— В нормальных обстоятельствах, — терпеливо объяснил Энтони, — девушку выбирала бы ты, мама. Но эмир захотел устроить по-другому. Я думаю, он во многом хочет изменить закон. Он преследует определенную цель в жизни, но движется к ней осторожно. Скажу тебе, что моя невеста очаровательна.

— Я не допущу, чтобы она помыкала мной, Энтони, — настаивала Мэри. — Эта шестнадцатилетняя девчонка...

— Она и не собирается, мама, — сказал Энтони, — она думает, что ты будешь помыкать ею.

Но не реакции матери на самом деле опасался Энтони. И в тот вечер Кызлар-ага снова пришел за ним...

На этот раз эмир-валиде была скрыта чаршафом, глаза ее горели как раскаленные угли.

— Ты предал меня, — резко сказала она.

— Я, госпожа? — Энтони стоял на коленях у ее ног.

— Кто эта девчонка, твоя избранница? Она слишком много говорит. Я ее отвергла. Об этом знают все во дворце.

— Не я выбирал девушку, госпожа. Уверен, если тебе известно все, то и это ты знаешь. Ее мне предложил эмир — я не мог отказать ему. — Это чистая правда, подумал Энтони, хотя, конечно, понимал, что никогда не отверг бы Лейлу, кто бы ее ни представил...

Эмир-валиде пристально смотрела на него и ее чадра взлетала, когда она выдыхала.

— Да, — наконец сказала она, — я понимаю тебя.

Энтони мечтал сам осознать масштабы происходившего.

— Я думаю приказать тебе отречься от нее, — продолжала Мара.

— Госпожа? — Энтони был поражен. Если бы он поступил так, то нажил бы заклятых врагов в лице братьев Лейлы.

Мара улыбнулась.

— Я думаю, но не сделаю этого. Разрешим Мехмеду вести его маленькие игры. Но секи ее почаще и заставь родить тебе пятерых сыновей, Хоук-младший. — Мара отстегнула чадру. — Этой ночью я доведу тебя до изнеможения.

— Неужели это в последний раз, госпожа? — грустно спросил Энтони.

Мара взглянула на него.

— Кто знает? Разве наши жизни и наши страсти не во власти Всевышнего?

Церемония была простой и менее продуманной, чем обряд обрезания. Обе семьи сели, вместе выпили кофе в доме Мехман-паши, где в первый и последний раз старшие Хоквуды видели родителей и семью Лейлы. Турчанки были укутаны в тяжелые чаршафы, но Мэри оставила лицо открытым, тем самым демонстрируя неодобрение всей процедуры. Муфтий читал Коран. Лейла, скрестив ноги, сидела в стороне на подушке, плотно закрытая множеством чаршафов.

Потом все ели сладкие пирожки, и Мехман-паша подарил Мэри несколько отрезов ткани, а Джону и Энтони — оружие, а также мешок с золотыми монетами, компенсировавшими характер Лейлы.

Два человека, встав на колени между семьями, пересчитали монеты. Джон Хоквуд объявил, что удовлетворен. Затем он передал свои подарки Мехману и его семье. Деньги в число подарков не входили.

Потом Лейлу увели родственницы, Мэри последовала за ними. Мужчины вновь принялись за кофе.

Когда Мэри вернулась, щеки ее пылали; она прерывисто дышала.

— Вы удовлетворены девушкой, мать Хоука-младшего? — спросил муфтий.

— Я удовлетворена, — сказала Мэри.

— Она невинна?

— Да, она девственница, — бросила Мэри.

— Вы принимаете ее как жену вашего сына?

— Я принимаю ее, — возмущенно сказала Мэри.

Муфтий поклонился и ударил в ладоши. Женщины Мехман-паши вернулись в комнату.

— По нашему обычаю, невесту должны доставить к дому братья мужа, — объяснил муфтий. — Это древний обычай, в нем отголосок тех давних времен, когда невесту брали силой. — Он неодобрительно улыбнулся, показывая, что подобные вещи являются предрассудками. — Но у тебя нет братьев, Хоук-младший.

— Я поведу свою жену сам, — сказал Энтони.

Муфтий посмотрел на Мехман-пашу: тот одобрительно кивнул.

— Госпожа Лейла ждет тебя, Хоук, — сказал муфтий.

Лейла стояла перед дверью все еще закутанная в разные чаршафы.

Энтони подошел к ней и поднял ее.

— Ты моя жена, — напомнил он.

— Да, мой господин, — согласилась она.

Она назвала его господином. Он был ее господином. Какое странное чувство...

Все родственники поклонились. Энтони вынес невесту на улицу и усадил ее на лошадь. Уже стемнело, а, по обычаю, только после захода солнца невеста могла быть приведена в ее новый дом. Дом Хоквудов находился недалеко, но молодых ждала толпа людей, с которыми необходимо было перекинуться словом. Люди хлопали в ладоши и кричали, мальчишки бежали за лошадью и пытались снять сандалию с ноги Лейлы.

Энтони, шедший впереди лошади, внезапно обернулся и при взгляде на Лейлу почувствовал, как неожиданно возникшее желание овладевает им.

Потому что первый раз в своей жизни он стал хозяином женщины.

Евнухи открыли двери Хоквудам, Энтони бережно взял Лейлу на руки и внес ее в дом. Шум толпы постепенно затих. С Лейлой на руках он взошел по лестнице и оказался в ее спальне, почти все пространство которой занимала огромная тахта.

Энтони бережно положил Лейлу на тахту, потом сел рядом и поднял первое из ее покрывал.

Она быстро встала.

— Я должна зайти к твоей матери и выказать ей свое уважение.

— Я сомневаюсь, что она вернулась.

— Таков обычай, — настаивала Лейла.

У Лейлы был независимый характер, и, без сомнения, ее предупредили, что этот чужестранец, который стал ее мужем, ничего не знает о турецких обычаях. У Энтони не было ни малейшего желания расстраивать жену в первую ночь; кроме того, он услышал голоса, доносившиеся снизу.

— Тогда иди к ней, — сказал он.

— Ты должен пойти со мной, — сообщила Лейла, приводя в порядок чаршаф.

Энтони послушно последовал за ней по лестнице, где слуги встречали его родителей.

— Ты моя мать, — сказала Лейла и упала на колени перед Мэри.

Мэри ошарашенно смотрела на нее.

— Я думаю, ты должна назвать ее своей дочерью, — предположил Энтони.

Мэри колебалась, но потом положила руки на голову девушки.

— Добро пожаловать в наш дом, дитя мое, — сказала она. — Я только хочу, чтобы ты принесла счастье моему сыну.

— Твое желание для меня приказ, мама, — ответила Лейла.

Энтони помог Лейле подняться с колен.

— Извините нас, — сказал он родителям.

Его желание нарастало с каждой секундой. Лейлу испугало то, что Энтони сам хочет раздеть ее, но она согласилась на это и через минуту лежала обнаженной на тахте. У нее не было той мощной зрелой красоты, как у эмир-валиде, но детская угловатость, стройность бедер и маленькие холмики грудей были неотразимы. Ее ноги и руки, изящные и сильные, выбритый лобок влекли Энтони с еще неведомой страстью. Он чувствовал себя слегка неуверенно, потому что его член только что зажил. Поэтому он любил ее скорее как христианин, а не как учила Мара. Это удивило Лейлу, так как, без сомнения, мать приготовила ее к чему-то совсем другому.

Но она не протестовала: Энтони был ее господином.

Он лежал на спине с закрытыми глазами.

— Я поспешил, — сказал он, — в следующий раз будет лучше.

Он знал, что, должно быть, сделал Лейле больно, но она ни разу не вскрикнула и не вздрогнула. Теперь, к его удивлению, он обнаружил, что Лейла покинула ложе.

Усевшись, Энтони увидел, что Лейла внимательно изучает содержимое его карманов. Найдя несколько серебряных монет, она взяла их себе.

— Что ты делаешь? — удивился Энтони.

Лейла повернулась, посмотрела на Энтони без всякого смущения, сжимая монеты в кулачке.

— Я беру свои деньги.

— Твои деньги?

— Конечно, — сказала она. — Когда женщина спит с мужчиной, она имеет право на все деньги, которые у него в карманах.

— Лейла, — сказал Энтони, — ты моя жена, а не продажная женщина.

— Это также и привилегия жен, — спокойно объяснила она. — Так написано.

— Великолепно, великолепно, — приговаривал эмир Мехмед, осматривая пушки, прикрепленные кожаными ремнями к деревянным лафетам. Пушек было уже двенадцать. — Ты хорошо поработал, Хоук. А ты уверен, что эти пушки смогут пробить стены Константинополя?

— Пушки обязательно проломят стены, — сказал Джон Хоквуд, — если будут стоять близко друг к другу.

— Насколько близко? — Мехмед поморщился.

— Через милю.

— Не вызовет ли это шквал ружейного огня противника?

— Это так, о падишах. Малые орудия, — он указал на батарею легких пушек, — используются в основном для уничтожения живой силы, а не для штурма стен. Они пригодятся нам на случай вылазок византийцев.

— Наша задача осложняется день ото дня, — проворчал Мехмед, поглаживая бороду.

— Поэтому-то я и советовал строить флот и снабдить янычар ружьями. Артиллерия должна быть защищена. Но... у меня есть еще кое-что...

Мехмед посмотрел на него.

— Я веду переговоры с Венецией о доставке ружей, новый флот успешно строится. Расскажи мне о том, другом, что у тебя есть.

— Если бы вы прошли со мной...

Мехмед взглянул на Энтони, который, как всегда, был рядом с отцом, потом последовал за Хоквудом-старшим по направлению к большому деревянному бараку. Ворота охранялись двумя канонирами Джона, которые встали по струнке при появлении эмира.

Как только Мехмед вошел в барак — маленький смуглый человек между двумя огромными англичанами, — он замер, глядя на огромное орудие перед собой. Оно было вдвое длиннее любой пушки и вдвое шире ее.

— О Пророк всемогущий! — пробормотал он.

— Я давно мечтал, — сказал Хоквуд, — построить такое орудие.

Мехмед приблизился к пушке и погладил бронзового монстра. Пушка была в два раза выше эмира, и когда он остановился, разглядывая ствол орудия, то полностью скрылся за ним.

— Ее диаметр около двенадцати ладоней[1].

— Чем же она будет стрелять? — Мехмед оторвал взгляд от пушки.

Хоквуд показал на каменное ядро, лежавшее на полу.

— Чтобы поднять его, требуются четыре человека.

Мехмед посмотрел на него.

— На какое расстояние она стреляет?

— Пушка еще не опробована. — Хоквуд просунул пальцы в отверстие, куда перед выстрелом должен быть помещен запал. В него вошло два его крепких пальца. — Нужен очень точный расчет и некоторые эксперименты. Я уверен, что ядро пролетит более мили.

— Столь огромные камни полетят на такое расстояние? — сомневался эмир.

— Мы узнаем, когда оно выстрелит, о падишах.

— Тогда торопись, Хоук, торопись!

Джон Хоквуд поклонился.

— Вы понимаете, что мне нужно много людей, чтобы управлять пушками. Много людей и тяглового скота.

— Людей и животных ты получишь сколько потребуется, Хоук.

Джон Хоквуд глубоко вздохнул.

— И железо, падишах.

— Ты хочешь отлить еще одну такую же пушку?

— Одной достаточно. Я хочу отливать снаряды.

— Из бронзы? — Мехмед нахмурился.

— Падишах, это каменное ядро — а я собираюсь сделать их много — смогло бы успешно разбить сте-

---

[1] Ладонь — мера длины, около 10,16 см.

ны Константинополя. И все же это — камень, бьющийся о камень. Если бы у нас были тяжелые чугунные ядра, ни одна стена в мире не устояла бы перед их пробивной силой.

— Во имя Аллаха! — воскликнул Мехмед. — Ты самый настоящий мужчина из всех мужчин! Отлей мне чугунное ядро, и ты будешь пашой!

— Одного ядра будет мало...

— Тогда отлей столько, сколько нужно. Ты можешь взять все железо, которое только найдешь. Держи меня в курсе дела... Хоук-младший, ты пойдешь со мной.

Эмир и Энтони вскочили на коней и, эскортируемые сипахами, направились во дворец. Люди замедляли шаг, наблюдая за кавалькадой, некоторые из них приветствовали эмира. Мехмед был популярным правителем, народ любил наблюдать, как он инспектировал войска, посещал мечеть, советовался с муфтиями и имамами. Эмир был хозяином турок уже более года, и этот год принес людям мир. Это устраивало жен и матерей, но янычары надеялись на скорый приказ к маршу: они были хорошо осведомлены о грандиозных приготовлениях, происходивших в турецком лагере.

— Настала пора начинать военную кампанию, — сказал Мехмед, когда они с Энтони уединились во дворце и потягивали шербет. Он говорил по-латыни, которая была известна только некоторым из его окружения. — Твой отец делает чудеса. Я имел в виду то, что сказал: я превознесу его выше всех остальных.

«Для победы нужны не только пушки», — подумал Энтони, но ничего не сказал.

— Теперь ты должен сыграть свою роль, — заявил Мехмед.

Энтони напрягся. С момента женитьбы он стал реже видеться с эмиром, и, наверное, такой была воля Мехмеда, потому что он мог послать за английским фаворитом в любой момент. Однако видимой перемены в их отношениях не произошло. Энтони был даже

рад отдалиться от будоражащей, но опасной близости эмира и усердно помогал отцу. Теперь он не знал, чего и ожидать.

Мехмед заметил волнение Энтони и улыбнулся.

— Вот уже шесть месяцев ты женат. Твоя жена еще не беременна?

— Увы, нет мне благословения.

Мехмед вздохнул.

— На самом деле я тоже не получил благословения. Мой сын Баязид ничем не занят, он только спит. В четыре года я уже играл с саблей, он — нет. И все еще он остается моим единственным сыном. И у меня много женщин, но все они ленивы. Ты должен высечь жену и взять другую. Я дам тебе другую.

— Все в твоей воле, — согласился Энтони, хотя и не знал, что ему делать с другой женщиной. Лейла, наверное, на самом деле не может забеременеть — однако в этом могла быть и его вина, — но она, как никто, удовлетворяла его страсть. Даже Мэри полюбила его жену за серьезное отношение к жизни и неиссякаемое чувство юмора, несмотря на ее острый язычок, который Лейла не боялась пускать в ход. Энтони удивляло, как быстро его жена привыкла к новому для нее ритму жизни. Она была возмущена, обнаружив, что Хоквуд не молился даже на рассвете, что в их доме не было гарема и что она вынуждена трапезничать вместе с мужем и свекром и открывать лицо перед ними обоими. Ее приятно поразило, что Энтони проводил с ней каждую ночь, не отдалял ее даже на время менструаций, когда все мусульманки считаются «нечистыми». Поняв стиль жизни франков, Лейла оценила его по достоинству и нашла в нем много преимуществ, конечно, с точки зрения женщины. Энтони ни за что не лишил бы Лейлу обретенного счастья и не привел бы в дом другую женщину, но если этого хочет эмир...

— Получишь другую жену сразу, как выполнишь свою миссию, — сказал Мехмед.

— Мою миссию, о падишах?

— Пора основательно начать готовить удар по Константинополю. У меня нет иллюзий, Хоук-младший. Эти стены стояли тысячу лет и выдержали тысячи атак. Армия Константина теперь, без сомнения, стала многочисленнее. Твой отец, возможно, прав. Флот даст мне возможность атаковать город со всех сторон. Это будет величайшее в истории сражение, но если я буду разбит... — Он задумался. — Такому не бывать! Я должен хорошо подготовиться прежде, чем бросаться в атаку. Я делюсь с тобой самыми сокровенными мыслями, Хоук-младший. Я знаю, ты никогда не предашь меня.

Энтони склонил голову. Он понимал, что никогда не сможет предать эмира, а поступи он иначе, жестоко пострадают его родители и, конечно, Лейла. В то же время он сомневался, что ему удастся это сделать, даже если его близкие каким-то сверхъестественным образом спасутся. Мехмед мог быть равнодушен, как змея, и кровожаден, как голодный тигр, но являлся типичным представителем своего народа. Его окружала аура величия и обожания. Кроме того, эмир собирался взять Константинополь...

— Для максимальной поддержки артиллерии, — произнес Мехмед, — я должен построить укрепления на европейском берегу Босфора.

— Но у тебя уже есть обширные владения в Европе, о падишах, — рискнул вставить Энтони.

— Эти земли в любую минуту могут атаковать христиане, правители Сербии и Валахии. Я должен решиться на осаду Константинополя. Этот вопрос я и хотел бы обсудить с тобой... Но меня волнует и уязвимость моих владений: все христиане коварны, когда это касается отношений с нами. Им достаточно напутствия священника, который объяснит, что договор с мусульманами не имеет значения в глазах Бога, и они разорвут его. Я должен рассчитывать только на себя и свои силы. А моя сила — это Анатолия. Но пополнять армию выходцами из Анатолии опасно, потому что мне нужны моряки, а не наездники. Я

слышал, что сюда может прибыть генуэзский флот, и тогда мне придется расстаться с надеждой на завоевание Константинополя.

— Ты можешь набрать опытных моряков из Венеции. Они будут счастливы сражаться против генуэзцев, их вечных конкурентов в торговле, к тому же они заклятые враги византийцев.

— Венецианцы ведь христиане? Один раз они пообещают, а в следующий — увильнут. Аллаху известно, что они задерживают поставку ружей, которые твой отец считает необходимыми для претворения нашего замысла в жизнь. Нет, если я хочу, чтобы все было по-моему, я должен черпать силы в самом себе. У меня должна быть крепость на европейском берегу Босфора. Я возведу ее к северу от Константинополя. Но, как только я приступлю к постройке, Константин заподозрит, что я что-то замышляю. Никто из моих предшественников так не поступал. Константин сможет собраться с силами и разрушить это укрепление раньше, чем оно будет способно отразить атаку. Так вот, это не должно произойти...

Сердце Энтони гулко стучало. Не станет эмир ни с того ни с сего поверять ему свои мысли.

— Я должен рассеять подозрения византийцев, — сказал Мехмед. — Я хочу, чтобы ты, Хоук-младший, сделал это для меня.

— Я, о падишах?

— Ты знаешь их повадки, ты выучил их язык. Ты жил среди них. Пока что у нас с Константином не было никаких контактов, кроме обычного обмена любезностями. Ты отправишься к нему моим послом и убедишь его, что я и мои люди хотим только мира, а что строительство крепости на европейском берегу Босфора начато для нашего общего блага в защиту от притязания Валашского князя Дракулы. Слышал о таком?

— Только имя.

— Хорошо. Я слышал, что он очень жестокий человек, настоящее чудовище. — Мехмед замолчал.

Энтони удивился, что Мехмед называет кого-то жестоким человеком, не подозревая о том, что по жестокости ему самому нет равных.

— Помнишь ли ты, о падишах, — спросил он, — что меня вышвырнули из Константинополя под страхом смерти?

Мехмед посмотрел на него.

— Ты отправляешься туда моим послом. Чего тебе бояться? Ты будешь находиться под моим покровительством. За любой волос, упавший с твоей головы, я вздерну сотню детей. Скажи им об этом. Добейся успеха, помоги мне взять этот проклятый город, и я скажу тебе: проси у меня все, что есть в этих стенах, и это будет твоим.

Энтони судорожно сглотнул. Его воображение разыгралось, рисуя ему... картины возможной мести. Но он не мог позволить мечтам опережать действительность.

— Я выполню твое поручение.

— Начнешь с Константинополя, оттуда отправишься к господарю Сербскому Георгу Бранковичу. — Эмир замолчал, глядя на Энтони. — Ты что-нибудь слышал о нем?

Энтони облизнул губы. Уже не в первый раз у него возникало подозрение, что Мехмед узнал о его связи с эмир-валиде. За те шесть месяцев, которые он был женат на Лейле, его приглашали в спальню Мары шесть раз. Они страстно любили друг друга, казалось, еще сильнее, чем прежде.

— Посетишь его... в качестве моего посла. Мне нужно его обещание, что сербская армия не поднимется против меня, если я начну этот великий поход, и что армии с Запада не будут пропущены через его земли.

— Понимаю, — сказал Энтони. При одной мысли о том, что такой молодой человек способен покорить почти всю Европу, у него закружилась голова.

— Еще я хотел бы, чтобы ты встретился с Яношем Хуньяди.

— С Хуньяди? — нахмурился Энтони. — Но он наш враг. Все мадьяры наши враги.

— Он стар, Хоук-младший. Когда-то давно он сражался против сыновей Османа. Ты предложишь ему от моего имени заключить мир между нашими народами. Хуньяди согласится на мое предложение.

Энтони склонил голову, признавая правоту эмира.

— Еще один властелин, которого ты посетишь, это князь Дракула, — продолжал Мехмед.

Энтони резко вскинул голову.

— Он охраняет северные подступы к Трансильванскому проливу. От него я должен получить обещания в нейтралитете, Хоук-младший. Дракула — опасный человек. Шесть месяцев назад я отправил к нему посольство, и до сих пор никто оттуда не вернулся. Я даже не знаю, дошли ли мои люди до князя. Но ты должен найти его и убедить в том, что я могущественный правитель и что народ мой силен. Тебе это по силам, а моим советникам не удастся... Ты говоришь на языках этих людей.

— Валашском?

— Дракула знает латынь. Ты поговоришь с ним и расскажешь обо мне. Но не о моих планах. Я требую только его нейтралитета. В противном случае в один прекрасный день мои янычары вторгнутся в его владения и бросят его самого к моим ногам, — разъярился Мехмед. — Они все равно поступят так, как только Константинополь будет моим.

— Я понимаю, о падишах.

— Тебя будут сопровождать два моих советника, Халим-паша и Мехман-паша. — Мехмед улыбнулся. — Ты не против того, чтобы путешествовать со своим тестем?

— С удовольствием.

— Ты будешь во главе посольства. Мои люди пойдут на это, несмотря на то, что ты очень молод, Хоук-младший. Сколько лет тебе исполнилось?

— Двадцать, о падишах.

— Я был годом старше, когда мне пришлось принять наследство. Это случилось в прошлом году. Не упусти возможность послужить мне и подняться к величию.

— Я сделаю все для этого. — С этими словами Энтони поклонился.

Глава 5

КОНСТАНТИНОПОЛЬ

Стража Византия замерла, пушки дали холостой залп. Никто из стоящих на крепостной стене не мог заметить, что посольство состояло не только из турок — лица всадников были не видны из-под низко надвинутых шлемов.

Посольство из шестидесяти всадников мчалось по открытой местности. Их зеленые и красные знамена с золотым полумесяцем развевались на ветру. Над ними поднимались крепостные стены с башнями, на которых также колыхались знамена.

Когда-то Энтони думал, что под этими знаменами он будет сражаться. Теперь он знал, что будет их уничтожать. Около двух лет назад он во мраке ночи покинул этот город с отчаянием в сердце. Теперь он вернулся, чтобы все это предать.

Энтони не чувствовал жалости. Где-то за этими стенами находился прах его брата. Где-то за этими стенами жила его сестра. Он надеялся и молился.

Джон и Мэри Хоквуд были в ужасе от миссии, возложенной на их сына.

— Как только Нотарас увидит тебя, он потребует твоей казни, — предостерегал Джон.

— Он не посмеет. Я буду послом эмира, — убеждал Энтони отца с большей уверенностью, чем чувствовал на самом деле.

— Ты наш единственный сын, — всхлипывала Мэри.

— Нет, мама. У тебя еще есть дочь. Я привезу тебе известие о ней, — пообещал Энтони.

«Я даже могу привезти ее сюда», — думал Энтони. Он давно мечтал об этом. В лагере турок все возможно, если тебе покровительствует эмир. На самом деле Энтони хотел вернуться в Константинополь как победитель... и чтобы это увидела когда-то любимая им сестра. И все семейство Нотарасов... каждый из них.

Лейла не могла понять переживаний старших Хоквудов, потому что они говорили по-английски. Ей было невдомек также, почему муж не берет ее с собой в путешествие, как настоящий мусульманин, а также, почему он не разрешил своим спутникам взять многочисленную свиту.

— Нас ждет долгое и опасное путешествие, — настаивал он. — Мы возьмем только телохранителей.

Тем не менее Лейла была горда.

— Ты едешь по делу эмира, муж мой, — радовалась она. — Ты станешь пашой, как мой отец. У тебя все будет хорошо, пока он рядом с тобой.

Эмир-валиде казалась расстроенной во время последнего свидания с Энтони перед его отъездом.

— Эмир волен распоряжаться своими воинами, — тихо сказала она. — Теперь он удаляет тебя от меня.

— Иногда мне кажется, что ему известно о нас, Мара.

Несколько секунд Мара задумчиво смотрела на Энтони. Потом, улыбнувшись, сказала:

— Это невозможно, Хоук-младший. В противном случае ты лишился бы головы или, что еще хуже, члена. Мне хотелось бы, чтобы ты вернулся ко мне. Знай это.

— Когда я вернусь, Мара, я отправлюсь воевать вместе с эмиром.

— Я знаю. И все равно я хочу тебя увидеть перед тем, как ты уйдешь. — Она вложила ему в ладонь кольцо с изумрудом. — Это мой любимый ка-

мень. Передай кольцо моему племяннику и расскажи ему обо мне. — Игривая улыбка тронула уголки ее губ. — Расскажи ему о моей власти здесь.

Но теперь время страха и мечтаний осталось позади. Посланники и их свита вели коней по улицам великого города, и толпы народа высыпали поглазеть на них. Энтони показалось, что город почти не изменился; он приглядывался ко всем мелочам. Стены как всегда были неприступны. Пушки стояли так, как когда-то их разместил его отец. Огромная цепь преграждала вход в Золотой Рог всем кораблям, за исключением торговых.

И люди казались такими же: великолепно одетыми и шумными, разболтанными и крикливыми. Без сомнения, здесь по-прежнему проходили бега, сопровождаемые различными происшествиями, одно из которых послужило причиной несчастья семьи Хоквудов.

Энтони никогда раньше не ступал в зал для приемов в императорском дворце. Теперь он двигался по центральному проходу, его рука покоилась на рукоятке кривой турецкой сабли, зеленый шелковый плащ спускался с плеч, а свет, струившийся из оконных витражей, отражался от его кирасы и стального шлема. Халим-паша и Мехман-паша шли чуть позади. Хотя по возрасту они годились ему в отцы, ни один из них не выказывал недовольства по поводу того, что столь солидные мужи подчиняются мальчишке и к тому же чужестранцу.

Халим-паша никогда раньше не видел императора; не успел он рассмотреть и лица стоявших позади трона, когда поклонился.

— Господин мой, — начал Халим-паша, — эмир Мехмед, второй правитель этого бессмертного имени, властелин Сиваса и Карамана, Анатолии и Хандара, Румелии и Греции шлет привет его величеству Константину, одиннадцатому правителю этого имени, императору Византии.

— Приветствие твоего эмира сильно запоздало, — тихо заметил Константин. — Из Брусы и Анкары уже донеслись слухи об оружии и доспехах той многочисленной армии, которая поднимается против нас.

Энтони выпрямился.

— Не против вас, я уверяю, ваше величество. У эмира много врагов в Европе и в Азии. Ему есть что защищать...

Константин в недоумении посмотрел на Энтони. Волосы Энтони были скрыты шлемом, но скрыть его рост и цвет лица, даже несмотря на загар, было невозможно.

— Ей-богу! — внезапно воскликнул великий дука Лука Нотарас, стоявший, как всегда, позади трона. — Это сын Хоквуда.

Энтони поклонился.

— Имею честь им быть, мой господин.

— Схватить мальчишку! — взревел Нотарас. — Это тот самый выдворенный изменник!

Стража бросилась выполнять приказ, но турки взялись за свои сабли. Энтони стоял не шелохнувшись.

— Я послан эмиром, ваше величество, — повторил Энтони.

Император поспешил дать знак своим воинам отступить.

— Тогда ты предатель вдвойне, — зарычал он.

— Почему же, ваше величество? Мой отец был полон решимости верно служить делу вашего величества. Но мы были изгнаны, а мой брат убит. Но я пришел сюда не для того, чтобы вспоминать прошлое. — Он повысил голос, когда византийские аристократы начали перешептываться. — Что было, то было. Теперь я прибыл сюда как эмиссар своего нового господина, эмира Мехмеда, господина всех турок-османцев.

Шепот постепенно затих.

— И пришел я с миром, — продолжал Энтони, понизив голос. — Эмир Мехмед хочет только мира. Он послал меня сказать тебе об этом. Более того, он просил меня посвятить тебя в его планы. Эмиру ста-

ло известно, что князь Дракула из Валахии собирается в поход на юг.

— Я слышал об этом человеке, — пробормотал Константин. — Его поступки даже варварского язычника делают святым.

— Значит, ты понимаешь, что эмир должен защитить свои территории от этих варваров.

— Территории эмира к югу от Дуная обширны, — заметил Константин.

— Но недостаточно укреплены людьми, ваше величество. Эмир хочет построить мощную крепость на берегу Босфора, к северу от Галаты.

В ответ послышался приглушенный шепот множества людей.

— Такая крепость защищала бы Константинополь наравне с владениями эмира, — громко сказал Энтони.

— Или бы могла быть использована против Константинополя, — вмешался Нотарас.

— Зачем эмиру пытаться разрушить Константинополь? — спросил Энтони. — Крепость будет построена, чтобы обуздать амбиции этого Дракулы. Это слово эмира Мехмеда. Тем самым эмир протягивает византийцам руку дружбы и приглашает заключить с ним мирный пакт.

— Мы охотно присоединились бы к такому пакту, — задумчиво проговорил Константин. — Ты многого добился на службе у своего нового господина, Хоквуд, если удостоился такой важной миссии.

— Я счастлив, ваше величество, — кивнул Энтони.

— Во время обеда ты расскажешь мне об этом твоем эмире, — пожелал Константин.

Халим-паша ликовал.

— Они настоящие глупцы, если поверили твоим словам, юный Хоук, — сказал он. — Они как овцы, приготовленные на заклание. Наш хозяин будет доволен.

— Грустно, что посланнику эмира приходится лгать, — отозвался Мехман-паша.

Халим-паша щелкнул пальцами.

— Но поэтому-то послом и назначили чужеземца, Мехман. Разве ты не понимаешь? Ложь — вторая натура франков... или византийцев, — добавил он.

Энтони решил не возражать. Их ждал длинный путь, который придется преодолеть вместе. Кроме того, разве этот человек не прав? Он лгал более убедительно, чем даже мог предположить. И Константин, совершенно очевидно, поверил ему.

— Расскажи мне о своем отце, — сказал император. Энтони сидел рядом с ним за длинным столом в банкетном зале, с благоговением разглядывая византийских аристократов, расположившихся напротив.

Энтони никогда не мог предположить, что будет сидеть здесь, по правую руку Константина Палеолога, пить вино — впервые за этот год — из золотого кубка и есть на золотой тарелке, что угодливые лакеи-греки станут прислуживать ему.

Ему было интересно, как бы отреагировал эмир на такую необузданную роскошь.

— С отцом все в порядке, — ответил он императору. — Он преуспевает.

— Это хорошо. Возможно, с ним обошлись несправедливо. — Константин взглянул на Энтони. — Ты понимаешь, что я спас бы твоего брата, если бы мог.

— Я надеюсь, ваше величество.

— Я не ожидал, что ты или твой отец поступите на службу к неверным, — искренне признался Константин. — Скажи мне вот что: Хоквуд обучает турок артиллерийскому делу?

— Турки — кочевники из степей Азии. Несмотря на все их победы и высокомерие они были и остаются ими. Разве кочевников можно обучить тонкостям артиллерийского дела?

Константин посмотрел на него так тяжело, что Энтони пришлось выпалить правду. Император вздохнул.

— Я верю тебе, юный Хоквуд. Я должен верить тебе. Твой хозяин может атаковать стены моего города в любой удобный для него момент. Но передай ему вот что: Константинополь будет защищен и выживет.

— Мой хозяин не сомневается в этом, ваше величество. Поэтому он желает жить с вами в мире. Разве мы не согласились на пакт о мире?

Константин заглянул в пустой бокал, как будто надеялся разглядеть там будущее. Еще раз сердце Энтони дрогнуло. Когда он покидал этот город, все византийское ему было ненавистно, и император так же, как и остальные. Но этот человек заслуживал лучшей участи, чем та, которая уже готовилась ему.

Наконец император грустно улыбнулся.

— В моем городе с тобой и твоей семьей обошлись несправедливо. Я признаю это. Я рад, что вы преуспеваете, хотя видеть вас в турецких одеждах мне неприятно. Я ваш должник. Проси у меня все, что захочешь. Я дарую тебе все, если только это не будет предательством моего города или народа.

— Я хотел бы поговорить с сестрой, ваше величество.

Император нахмурился.

— А тебе известно, что она замужем за Василием Нотарасом?

— Да, я знаю об этом.

— И все же она твоя сестра, я понимаю тебя. Я передам ей твои слова. Но пойми... я не могу заставить ее повидаться с тобой.

— Я уверен, что моя сестра тоже хочет этого, ваше величество.

— Хорошо, я поговорю с ней. Но это ничтожная просьба, юный Хоук. Может быть, что-нибудь еще?

— Могу ли я поинтересоваться здоровьем Анны Нотарас?

Константин склонил голову.

— Я верю, что ты не захочешь видеть ее. Анна Нотарас замужем за графом Драконтом. Было бы очень не мудро попытаться увидеться с ней. Но я сделаю все возможное, чтобы послать к тебе твою сестру. Больше я ничего не могу сделать. Ты знаешь о раздорах в городе, а теперь ты не просто католик, а посол мусульманского эмира. — Его губы искривились в ухмылке. — Здесь найдется много охотников уничтожить тебя. Интересно, как тогда поступит Мехмед? Береги свою спину, юный Хоук, и не горячись. Я пошлю тебе твою сестру.

Но император не смог выполнить даже этого. Когда на следующий день Энтони мерил шагами свою комнату, появился слуга с письмом от Кэтрин. Сестра писала:

«Ты — дьявол, Энтони. Вы оба служите дьяволу — ты и мой отец. Ты — предатель. Иуда Искариот по сравнению с тобой — настоящий святой. Убирайся из Константинополя, я не желаю больше видеть тебя».

— Надолго ли мы задержимся в этом проклятом городе? — спросил Мехман-паша, когда Энтони смял письмо.

— Мы отбываем сегодня, — мрачно отозвался Энтони. — Разве мы не выполнили все, что должны были?

Они отправились на запад, через великую равнину к Адрианополю, столице румелийского бейлика, так назывались владения эмира в Европе. Их путь был длиной более ста миль, и уже через неделю они достигли территорий, принадлежавших османцам. На каждой стоянке их встречал местный военачальник, стремившийся угодить им и вкусной едой, и красивыми девушками или юношами.

Посланники эмира ехали по плодородной равнине, питаемой водами реки Эргене, которую пришлось

переходить несколько раз. На севере они увидели низкие горы, скорее холмы, называемые по-турецки Ыстранжа. На равнине было тепло, всю дорогу им сопутствовали оливковые рощи, окружавшие деревушки, осененные христианскими крестами. Турки не нарушали местных обычаев и терпимо относились к вере людей, если они своевременно платили налоги. И все же турки были хозяевами этих земель. При их приближении крестьяне сгибались в низком поклоне, опасаясь мгновенного удара хлыстом на настоящую и кажущуюся дерзость. Крестьяне беспокоились за своих сыновей, которых набирали в янычарское войско — Энтони не раз был свидетелем тому, как женщины при приближении кавалькады загоняют своих сыновей по домам. Как будто они могли спасти их, если бы целью их экспедиции был набор в армию.

Адрианополь раскинулся в месте слияния рек Тунки и Марицы и был известен как крепость со времен латинян. В настоящее время это был большой город, а эмир Мурад, отец Мехмеда, постоянно воевавший с Европой, сделал Адрианополь столицей своих владений.

Здесь путников приговорили к нескольким дням пиршества и заставили отведать пейнир — пресный белый сыр. Бейлербей Пири-паша был наслышан о рыжих чужестранцах, служивших новому эмиру, и очень хотел взглянуть на одного из них. Для развлечения гостей было сделано все возможное, ради удовольствия гостей сипахи и янычары Пири-паши демонстрировали ловкость в спортивных состязаниях и в стрельбе из лука.

Энтони равнодушно взирал на все происходящее. После беседы с императором он почти решился попытаться убедить Мехмеда оставить Константина в покое и позволить существовать империи, которая насчитывала более чем тысячелетнюю историю. Пусть она останется реликвией блестящего прошлого, которая, возможно, даже не будет противоречить турецким интересам.

Энтони покинул город, кипя от гнева. Его сестра, единственная женщина, не считая эмир-валиде, которую он по-настоящему любил, восстала против него...

Пусть же теперь эти самонадеянные лжецы испытают все, что выпадет на их долю, и переживут все это, если смогут. По настоянию Пири-паши Энтони изведал прелесть греческой девственницы, специально подобранной для посланника эмира. Он грубо взял ее... пытаясь на слабом теле девушки выместить свой гнев против ее народа.

Покинув Адрианополь, они поднялись по течению реки Марица к Филиппополю — древней столице Фракии, которая была завоевана Филиппом II Македонским[1]. Он переименовал город Пулпудева в свою честь. Здесь не чувствовалось духа великого македонца, но остались греческие руины. Над ними возвышались стены крепости, построенной царем Иваном Асенем II[2]. Во время правления этого царя город был столицей великого Болгарского государства, откуда исходила постоянная угроза сильной тогда Византийской империи. Император Василий II[3] одержал победу над болгарами и получил прозвище Болгаробойца. Разбив болгарскую армию в 1018 году, он приказал ослепить сто пятьдесят тысяч воинов, оставив по глазу каждому десятому, чтобы те могли увести уцелевших домой. Существует легенда, что Самуил, царь Западной Болгарии, увидев жалкие остатки своей армии, упал замертво.

---

[1] Филипп II (ок. 382—336 до н.э.) — царь Македонии с 359 г. Отец Александра Македонского. Филиппополь — современный Пловдив.

[2] Иван Асень II — болгарский царь в 1331—1371 гг. Значительно расширил территорию Второго Болгарского царства, добился временной гегемонии на Балканах.

[3] Василий II (Болгаробойца) (958—1025) — византийский император с 976 г. Покорил Болгарию в 1018 г. Выдал сестру Анну за киевского князя Владимира.

Грустно было видеть, как эти, когда-то гордые воины, низко кланяются новым турецким хозяевам. Но в глубине души эти люди оставались разбойниками. Во вторую ночь пребывания посольства в городе прозвучал сигнал тревоги. Энтони отбросил в сторону одеяло, и болгарская девушка, согревавшая его, схватила меч и бросилась на улицу.

Оказалось, что несколько мальчишек прокрались в их лагерь в поисках того, что можно было бы стащить. Пятерых из них схватили.

— Давайте вспомним историю и ослепим их, — смеясь, предложил Мехман-паша. — Всех, кроме того, кто поведет их домой. — Раскалите утюг, — приказал он.

Девушка, выскочившая из шатра Энтони, упала на колени и зарыдала: один из мальчишек был ее братом.

— Ее тоже путь ослепят, — объявил Мехман-паша. — Наверняка эта девка сама привела их сюда.

«Я не испытываю ненависти по отношению к этим людям, — подумал Энтони. — И все потому, что они не византийцы...»

— Нет! — решительно сказал он. — Не будем никого ослеплять. Отстегайте их как следует! — Он указал на рыдающую девушку. — И начните с нее...

После Филиппополя они забрались в Балканские горы, направляясь к Софии; там они оказались через месяц. Тепло и маслины остались позади, они вступили на суровую землю, скорее напоминающую Анатолию. Город, примостившийся в ложбине меж гор, казался удивительно симметричным — улицы были проложены с севера на юг или с запада на восток.

Как и Адрианополь, София была столицей румелийского бейлика, и поэтому бейлербей Ахмед-паша гостеприимно принял молодого посла. Он показал ему Большую мечеть с ее минаретами, подарил ювелирные украшения, изготовленные местными мастерами, и керамическую посуду, украшенную орнаментом.

Целый месяц посольство продвигалось по горам. Часто порывы ледяного ветра заставляли их по ночам укрываться в шатрах. Стоял октябрь месяц, и наконец они подошли к Нишу, пограничному городку, известному как родина Константина Великого[1]. Телохранители были отправлены вперед. В горном селении, походившем на орлиное гнездо своим местоположением на полпути к небу и укрытом со всех сторон соснами, посланников встречал князь Георг Бранкович.

Энтони должен был сообщить ему то же самое, что уже поведал Константину.

— Эмир полон решимости раз и навсегда положить конец дерзости князя Дракулы Валашского, ваша светлость, — объяснил он. — Поэтому он собирает огромную армию, а также хочет построить крепость на европейском берегу Босфора.

Георг Бранкович погладил бороду. На нем была шуба, накинутая на почти разваливающиеся доспехи. Бегающий взгляд делал его похожим на разбойника. В нем не было ни капли чувственной красоты его тетки, пристальный взгляд которой был восхитителен.

— Что сказали греки? — после долгого раздумья спросил он.

— Они понимают озабоченность эмира, ваша светлость.

Бранкович усмехнулся.

— Значит, я тоже должен. Эмир требует, чтобы я помешал Хуньяди выступить в поход против турок, пока его янычары укрепляют рубежи на севере.

— Эмиру необходимо, чтобы ты удержал Хуньяди начать наступление, — терпеливо объяснял Энтони.

Бранкович внимательно посмотрел на посла. Потом он снова усмехнулся.

— Я не так глуп, юный Хоквуд. Мехмед, я думаю, тоже. Я выполню его требования. Ты, Хоквуд,

---

[1] Константин I Великий (285—337) — римский император с 306 г.

должно быть, очень близок к эмиру, если удостоился такого важного поручения.

— На мою долю выпала счастливая судьба, — скромно ответил Энтони.

— И все же... Если ты приближен к эмиру, нет ли у тебя чего-нибудь для меня?

Энтони взглянул на него.

— Есть одно сугубо личное поручение, ваша светлость.

Комната мгновенно опустела. К большому огорчению Мехман-паши и Халим-паши им тоже пришлось уйти.

Энтони достал из кошелька кольцо с изумрудом и положил его на стол.

Бранкович уставился на него.

— Кто дал его тебе?

— Тот, кто просил меня вручить тебе это, — подарок.

— Ты видел мою тетку? — Бранкович нахмурился. — Но это невозможно!

— Эмир-валиде может передавать свои пожелания, ваша светлость.

— Эмир-валиде? — Бранкович искренне изумился. — Она поднялась так высоко? И ты видел ее? — снова спросил он.

Но для Энтони ложь стала теперь второй натурой.

— Конечно, это невозможно, ты правильно сказал. Но твоя тетка, узнав о моей миссии, передала это кольцо, как знак подтверждения, что я передаю ее слова.

Князь внимательно осмотрел кольцо и спрятал его в карман.

— Что она велела передать?

— Эмир-валиде желает, чтобы ты знал: она всесильна при дворе эмира и желает ему успеха во всем.

— Тогда я должен угодить моей тетке, — сказал князь.

Вскоре после отъезда из Ниша посольство оказалось в Белграде; такое название город получил по цвету домов на его улицах. Город стоял на границе с

Венгрией. Впервые они оказались не на турецкой земле — в 1440 году при осаде города турки потерпели одно из редких поражений. И все же венгры хотели сохранить дружеские отношения с угрожающей ордой на юго-востоке — по меньшей мере до тех пор, пока не возместят те огромные потери, которые понесли на поле Черных Птиц три года назад. Поэтому посланников встретили как подобает, перед тем как переправить их через Дунай к венгерскому берегу.

Впервые Энтони видел такую могучую, медленно несущую свои воды реку. Это была главная артерия Европы.

На противоположном берегу их ждал сам Янош Хуньяди. Энтони с нетерпением ждал встречи с этим прославленным военачальником, может, самым великим воином Европы со времени смерти Великого Гарри. Он не был разочарован.

Хуньяди было уже больше шестидесяти, и лет сорок из них он провел в военных походах. Он потерпел поражение на Косовом поле только из-за предательства сербов. Много раз он побеждал турок в других сражениях и тем самым завоевал их уважение.

Перед Энтони стоял человек среднего роста, чисто выбритый, но с длинными усами. У него был большой рот, тяжелый подбородок и высокие скулы. Он был в полном вооружении, даже с латным стальным воротником и непривычно заостренном шлеме.

— Приветствую тебя, Хоквуд! — довольно дружественно сказал Хуньяди. — Я наслышан о твоем отце и о твоих несчастьях в Константинополе. Греки навлекли беду на свои головы. Теперь ты служишь эмиру. Расскажи мне о нем.

— Эмир — могущественный воин, сударь.

— Это ты говоришь о мальчишке двадцати двух лет, ни разу не возглавившем военный поход! — Хуньяди холодно улыбнулся.

— Скоро он поведет армию. То, что готовится сейчас, станет самым великим походом со времен, когда Тимур ходил на турок.

— Против кого снаряжается этот поход? — нахмурился Хуньяди.

Энтони посмотрел прямо в глаза венгерского героя.

— Против князя Дракулы из Валахии, того, кто препятствует господству турок на море.

— Это будет величайший поход...

— С вашей стороны мудро верить в это. Эмир рассчитывает, что вы поймете его цели. Он хочет от вас заверения в нейтралитете в этом конфликте.

— Я не вожу дружбу с Дракулой, — заметил Хуньяди.

— Могут возникнуть другие сложности. Эмир предлагает мировую на три года между турками и венграми. Я уполномочен заключить этот пакт.

— Эмиру потребуется три года, чтобы разбить Дракулу?

— Позволю себе повториться, сударь: могут возникнуть другие сложности.

— Значит, целых три года, — задумчиво сказал Хуньяди, — я не смогу воевать с турками. И я не смогу помочь Константинополю, если будет необходимо. Я правильно понял, юноша?

— Вы не будете начинать войну с турками столько, сколько они не будут вступать в войну с вами, — осторожно сказал Энтони.

Поразмышляв, Хуньяди сказал:

— Мне неизвестно, Хоквуд, действительно ли твой эмир великий воин, но я чувствую, что он очень осторожный человек. Это достойно восхищения. Я не испытываю любви к грекам. Они иждивенцы и всегда ждут, когда кто-нибудь другой будет сражаться за них. Передай эмиру: я подписываю трехгодичное перемирие, а также то, что я желаю ему успеха в походе против Дракулы.

— Трудно поверить, — признался Энтони своим спутникам, — что эти правители с такой легкостью предали друг друга. Ведь если бы они объединились

против нас, надежды нашего хозяина рассеялись бы как дым.

— Это в обычаях христиан, — объяснил Халим-паша. — Они всегда предпочитали войну друг против друга сражениям с арабами, Чингисханом или с нами. Ведь франки тоже постоянно воюют друг с другом. Вы франки, а отец твой рассказывал, как он воевал против таких же франков.

— Мы англичане, — попытался оправдаться Энтони. — Франки совсем другие люди, они наши враги.

— Как такое может быть? — недоумевал Халим-паша. — Все вы — христиане и все вы повинуетесь Папе Римскому. Как же вы можете быть врагами? Я объясню тебе, — продолжал он, отвечая на свой вопрос. — Все вы неверные и нет с вами божественного благословения.

Энтони не знал, что ответить. Его пугала готовность христианских повелителей, даже Хуньяди, бросить Константинополь на погибель, хотя никто из них, казалось, и на секунду не сомневался в истинных намерениях Мехмеда. Так что, возможно, Халим-паша прав.

Теперь начиналась трудная и действительно опасная часть их поездки. Они повернули коней на восток к Валахии.

Владения Мехмеда простирались до берега Дуная. Они решили перейти через горы и сократить путь и тем самым сберечь время. Но такой переход сейчас был труднее, чем в другой сезон. Они поднимались высоко в горы и передвигались по узким тропам, способным пропустить только всадника и проходившим по краю обрыва в несколько сотен футов глубиной; ливни превращали эти тропы в бурные потоки. Снегопады заставляли дрожать путников от холода и окутывали плотной пеленой даже то, что находилось совсем рядом.

Они переходили от одного турецкого гарнизона к другому не только для того, чтобы отдохнуть, опра-

виться и поменять лошадей, но и для надежной защиты от разбойников, все еще не примирившихся с господством османцев.

Однажды утром посольство спустилось к берегу реки, на котором их встретила преграда из стволов поваленных деревьев, которую защищало большое количество людей. По-видимому, это место было выбрано не случайно: следующий турецкий гарнизон был в двадцати милях впереди, а предыдущий остался далеко позади. О возвращении не могло быть и речи.

— Мы должны атаковать их, — объявил Халим-паша. Он командовал сипахами и верил в силу молниеносного нападения.

— Мы можем потерять людей, — возразил Мехман-паша. — Лучше начнем переговоры. Если необходимо, дадим выкуп.

Они оба ждали решения Энтони, хотя разбирались в этом деле гораздо лучше его.

В неясном свете зимнего утра было трудно разглядеть что-либо, и Энтони решил, что если разбойники и преследовали их в течение вчерашнего дня, то все равно точно не знали построение каравана.

Наверняка где-нибудь среди деревьев прятались люди, ждущие сигнала к атаке. Их нужно вывести из строя прежде, чем предпринимать какие-либо активные действия. Энтони очень волновался, потому что он как глава миссии должен был принимать решение.

— Насколько хорошо могут быть вооружены эти люди? — спросил он.

— Они плохо вооружены, юный Хоук, — презрительно бросил Халим-паша, — дубинки, палки, несколько топоров, тупые копья, может быть, несколько мечей... Им даже не известно, как пользоваться луком.

— А твои сипахи так же искусны, как их предки? — В памяти Энтони воскресла картина: люди Халим-паши убивают генуэзских моряков, расстреливая их из луков; он также помнил, что Мехмед рас-

сказывал ему, как предки османцев сражались в азиатских степях.

— Даже лучше! — горделиво похвастался Халим-паша.

— Слушай меня внимательно. Потому что, если мы пойдем на мою хитрость и потерпим неудачу, то нас уничтожат.

Мехман-паша щипал бороду, когда Энтони объяснял свой план, но Халим-паша был восхищен.

— Эмир будет горд услышать это, — сказал он.

— Если мы победим, — напомнил Энтони. — Давайте начинать.

Отряд всадников направился к баррикаде. Из-за нее донесся крик. Халим-паша тоже двинулся вперед, как будто собираясь в атаку, а затем вернулся к отряду и отдал приказания.

Сипахам заранее все объяснили, так что теперь он просто жестикулировал. Все сорок всадников, за исключением слуг, выстроились в линию; Хоквуд и Мехман-паша находились позади воинов. По сигналу Халим-паши всадники с пиками в руках атаковали баррикаду.

В тот же момент несколько сотен человек начали бросать в них камни; ожидание Энтони оправдалось: те, кто прятались за деревьями, вышли из своих укрытий.

Сипахи тут же остановили лошадей и, как будто в испуге, развернулись и помчались обратно. Это была стратегия, использованная Чингисханом две сотни лет назад. За двести лет до него Вильгельм Завоеватель[1] так же поступил против англосаксов у Гастингса; именно так парфяне разбили легионы Красса[2] еще до Рождества Христова.

Хорватские бандиты вряд ли могли знать о подобных военных прецедентах. С криками они оставили защищенные позиции и побежали по дороге, разма-

---

[1] Вильгельм I Завоеватель (ок. 1027—1087) — английский король с 1066 г., из Нормандской династии. В 1066 г. высадился в Англии и, разбив при Гастингсе саксонского короля Гарольда II, стал английским королем.

[2] М. Лициний Красс — римский полководец.

хивая примитивным оружием; множество мужчин и даже женщин появлялись из-за деревьев.

Сипахи достигли того места, где их ожидал Хоквуд, и там замешкались, как будто в ужасе.

Энтони вычислил, что почти все их соперники покинули укрытия.

— Теперь вперед! — крикнул Энтони Халим-паше. — Вперед!

— Вперед! — зарычал Халим.

Сипахи вновь повернули лошадей. Теперь в руках у каждого был лук с натянутой тетивой. Они мчались по направлению к толпе, состоявшей не более чем из трехсот человек. Хорваты остановились, завидев мчавшихся всадников... и сипахи пустили коней рысью; Хоквуд, Мехман-паша и слуги с мечами наготове следовали сзади. До того, как хорваты поняли, что случилось, в воздухе засвистели стрелы...

Толпа заревела от ужаса, когда первые двадцать человек упали на землю, корчась в предсмертных муках. Стрелы со свистом пронзали тела новых и новых людей. Хорваты бросились назад, стараясь укрыться среди деревьев; около семидесяти мужчин и женщин остались лежать на дороге.

— Атакуйте их! — крикнул Хоквуд, поднимая меч. — Теперь все вместе!

Слуги примкнули к сипахам. В дело снова пошли пики. Раненые хорваты кричали, попадая под копыта лошадей. Те, кто не успевал добежать до деревьев, кричали еще громче, сраженные пиками. Разгромив остатки нападавших, отряд возвратился на исходные позиции; кони хрипели и задыхались.

— Великолепно! — крикнул Халим. — Ты действительно достоин уважения эмира, юный Хоук.

Теперь в любом городе их ждала теплая встреча. Население было немногочисленным и, за исключением гарнизонов, только славяне и христиане. Было неудивительно, что они ненавидят завоевателей даже больше, чем греки или болгары. Или хорваты.

Но в основном местные жители были во втором или третьем поколении турецкими подданными. Они знали, как относиться к причудам хозяев, и научились извлекать выгоду из законов, установленных эмирами и безжалостно проводимых в жизнь. Некоторые янычарские старшины спрашивали, когда новый эмир, которого они никогда не видели, собирается повести свою армию на войну.

— Война начнется достаточно скоро, — пообещал им Хоквуд. — Такой войны вы еще не видели. Это будет война, которая усмирит самого кровожадного человека на земле.

— Это, конечно, Дракула, правитель Валахии, — сказал начальник пограничной охраны. Они стояли на берегу могучей реки и смотрели на лес, простиравшийся к северу. Посольство рассматривало территории Валахии вот уже несколько дней, но столица Дракулы — Букур — находилась далеко к востоку; Энтони пока не собирался входить на территорию Валахии, не видя в этом необходимости. По его карте этот передовой пост был ближайшим к городу.

— Что-нибудь известно о последнем посольстве, направленном сюда?

— Ничего. Мы почти ничего не видим из того, что там происходит. Но ваша жизнь в ваших руках, юный Хоук.

— Мы — посланцы эмира, — сурово сказал Энтони.

Весь следующий день, когда посольство на плоту переправлялось через реку, его терзали дурные предчувствия.

— Я буду ждать твоего возвращения, Хоквуд, — сказал на прощание начальник пограничной охраны.

Переправившись через реку, они углубились в лес. Вскоре начался дождь, потоки воды ограничивали видимость и окружали их мрачным шелестом листвы.

— Какое промозглое место, — передернул плечами Мехман-паша.

— Ты как старуха, — усмехнулся Халим-паша, — разве мы не потомки Османа? Этим варварам предопределено судьбой служить нам. На что-то лучшее им нечего рассчитывать.

Энтони позволил им немного повздорить. Он решит, как обойтись с валахами, когда ему будет надо... и он собирается вернуться живым.

Через три дня деревья стали расступаться, и стража Валахии остановила их. Энтони понимал, что за посольством следят с того момента, как оно отъехало от реки. Не один раз они слышали звон доспехов, доносившийся из-за деревьев. Хоквуд приказал своим людям не обращать внимания на это, считая, что валахи, когда будет нужно, сами обнаружат себя, и что они прибыли сюда не для сражений, а для переговоров.

Теперь перед ними появилось несколько сотен всадников. На некоторых были шлемы, на некоторых — кирасы и другая защита, но ни у одного не было полного комплекта доспехов. Вооружены они были копьями, луками и мечами. Энтони показалось, что отряд янычар мог бы мгновенно разгромить это сборище людей, вряд ли подчинявшихся строгой дисциплине. Но их было больше, чем османцев.

Подняв руку, Энтони направился вперед.

Немного спустя командир валашских всадников покинул строй и направился к нему.

— Я посол Мехмеда II, — по-гречески сказал Хоквуд.

— Мы не признаем турецких эмиров, — ответил командир.

— Этого ты признаешь, дружище, — пообещал Энтони. — Я пришел поговорить с твоим хозяином. Проводи меня к нему.

До столицы князя Дракулы Букура посольство добиралось еще несколько дней. Это было неприятное путешествие. Турки следовали в сопровождении ва-

лашских пеших и конных воинов, к ним присоединилась толпа местных жителей. Хотя с ними не обходились грубо, турки ощущали себя пленниками.

Наконец посольство достигло города, основные строения которого были деревянными и скорее походили на хижины, а не на дома. В эту нескончаемую морось они казались абсолютно нежилыми. В отдалении за домами возвышался ряд голых деревьев. Подъехав ближе, турки поняли, что на самом деле это были посаженные на кол люди, тела которых давно сгнили, и теперь их скелеты поднимались к небу на высоких шестах.

— Именем Аллаха, — пробормотал Мехман. — Вот что случилось с нашими людьми...

Энтони судорожно сглотнул. Как однажды сказал Мехмед, если однажды увидишь, как сажают на кол, то никогда этого не забудешь. Здесь же были трупы более чем ста человек.

Валашские дети радостно возились под этим ужасным памятником жестокости; наверняка они так же веселились, когда эти люди корчились и умирали в муках.

— Мужайтесь! — гаркнул Халим-паша. — Мы ведь османцы!

Энтони резко осадил коня.

Посольство двигалось между убогими лачугами, копыта вязли в грязи, собаки лаяли, грязные дети бежали следом за ними.

Дворец князя оказался просто большой хижиной, окруженной деревянным частоколом. Турки были впущены, ворота за ними плотно закрылись.

— Эти люди — настоящие варвары, — прокомментировал Мехман-паша, оглядываясь кругом с нескрываемым отвращением.

В полной тишине три посланника поднялись по ступеням на крыльцо: от их мокрых одежд шел пар. На крыльце их ждали стражники и двое дворовых слуг. Очевидно, их известили о прибытии турок.

— Снимите шлемы, — приказал один из них, говоривший по-латыни. Поверх его одежды был рыцарский плащ; но, казалось, что он давно не мылся.

— Почему мы должны снимать шлемы? — спросил Халим-паша.

— Ни один человек не может оставаться с покрытой головой в присутствии князя, — высокомерно произнес слуга.

Халим-паша взглянул на Мехман-пашу, не зная, как реагировать на это наглое замечание.

— Мы прибыли с миром, друзья мои, — успокоил их Хоквуд. — Мы должны выполнять желания князя. — Он снял шлем и отдал его слуге.

Слуга удивленно уставился на него.

— Вы турок?

— Нет, — ответил Энтони. — Но я служу эмиру.

Человек продолжал глазеть на его рыжие волосы, когда Халим громко провозгласил:

— Турки не снимают головной убор даже перед эмиром.

— Тогда вы не сможете встретиться с князем, — настаивал слуга.

— Я в любом случае увижу его, — объявил Халим-паша. — Я посланник эмира.

Мехман-паша погладил бороду.

— Давайте уступим ему, так будет лучше, — снова предложил Энтони.

— Ты чужестранец, юный Хоук, и многого не понимаешь. Идем, Мехман, взглянем на этого князя...

Стражники попытались преградить путь туркам, но слуга сделал знак, и те были пропущены.

Хоквуд медленно проследовал за ними в комнату, наполненную дымом. За решеткой в одном конце комнаты полыхало пламя. Здесь было несколько мужчин, а также, к удивлению Энтони, женщины, которые перешептывались и обмахивались веерами.

Они не более располагали к себе, чем мужчины, но были определенно красивы. Сидевший в кресле мужчина был горбуном и казался почти карликом. Жесткие черные волосы, покрывавшие его голову, сразу переходили в усы и бороду. Его крючковатый нос казался кривым и свисал над тонкими губами;

змеиные зеленые глаза зло смотрели из-под низких бровей.

— Кто эти люди? — почти прошипел он.

Наверняка он знал, кто перед ним, но хотел добиться проявления учтивости со стороны турок.

Энтони выступил вперед.

— Я прибыл от эмира Мехмеда, второго эмира этого бессмертного имени. Мой хозяин — господин Карамана и Сиваса, Анатолии и Хандара, Греции и Румелии. Сербы платят ему дань и... — он перевел дыхание, — и валахи.

Брови Дракулы, казалось, нашли одна на другую.

— Ты не турок.

— Я имею честь быть англичанином, князь. Меня зовут Энтони Хоквуд.

— Ты служишь туркам?

— Да, это так. Эмиру было угодно взять меня на службу.

— Ты предатель.

— Я знаю, где находится мое будущее, и мне известно, где находится все наше будущее. — Хоквуд посмотрел прямо в глаза князя. — Тебе же будет лучше, если ты поймешь это.

Они пристально смотрели друг на друга несколько секунд. Затем Дракула спросил Энтони:

— Кто эти люди?

— Со мной прибыли Халим-паша и Мехман-паша.

— Эти турки... — презрительно протянул Дракула. — Их поведение выводит меня из себя.

— Они не обнажают голову даже перед эмиром.

— Какое мне дело до их обычаев? — разгневанно бросил Дракула. — Что передал эмир для меня?

— Во-первых, он желает знать, почему ты предал смерти его людей?

— Они разгневали меня.

— Я передам твой ответ моему хозяину, — твердо сказал Хоквуд. — Это разгневает его.

— Ты настоящий наглец, — отпарировал Дракула. — Значит, ты проделал этот путь, чтобы поинтересоваться судьбой нескольких турок?

— Нет, князь. Мой повелитель говорит, что твой отец поклялся в верности отцу эмира, великому Мураду.

— Мой отец был глупцом.

— Я передам твои слова эмиру. Еще мой повелитель желает знать, не пойдешь ли ты войной на лагерь «Полумесяца»? Или по-прежнему будет мир?

— Я еще не решил, — сказал Дракула.

Энтони поклонился.

— Мой повелитель приказал мне передать, что он приступает к великому предприятию. Князья, благословившие его, будут вознаграждены, когда дело будет закончено. Тех, кто не поддержит эмира, посчитают врагами и сошлют на край земли.

Дракула посмотрел на него.

— Эмир собирается штурмовать Константинополь, — задумчиво сказал он.

— Он приступает к великому предприятию, князь...

— Он, должно быть, принимает меня за глупца. На самом деле он и есть настоящий глупец.

— Он просит твоего благословения.

Дракула раздумывал несколько секунд.

— Я даю его, — произнес он наконец. — Константинополь — логово изменников. Его следует разгромить. Мои солдаты не будут переправляться через реку.

Энтони поклонился и облегченно вздохнул.

— Я передам твой ответ моему повелителю, — сказал он. — Эмир будет доволен.

— Тогда в точности передай ему слова. Теперь ступай... А эти люди... — Дракула щелкнул пальцами, когда Халим-паша и Мехман-паша собрались уходить.

— Что ты задумал, князь? — тихо спросил Энтони.

— Они разгневали меня, — настаивал Дракула.

— Я уже объяснял, князь, это не в обычаях...

— Я хорошо запомнил твои слова, английский предатель. Ты сказал, что у турок не принято обна-

жать голову перед кем-либо, даже перед эмиром. Хорошо, тогда...

Дракула улыбнулся такой дьявольской улыбкой, что у Энтони перехватило дух.

— Кто я такой, чтобы заставлять людей нарушать их традиции? Они не обнажили голов. Хорошо же... Теперь они никогда не сделают этого. — Он дал знак страже. — Схватить этих людей и прибить шлемы к их черепам. — Его усмешка переросла в сатанинский хохот. — Пусть дамы развлекутся.

— Дракула сделал это? — Мехмед уставился на Энтони. — И это после того, как посадил на кол моих предыдущих послов? — Он издал звук, похожий на смех. — Что за человек! — воскликнул он.

— За Халим-пашу и Мехман-пашу нужно отомстить, о падишах, — сказал Хоквуд. — Халим-паша, конечно, вел себя неумно, но Мехман-паша был не виновен и к тому же был моим свекром. Как я появлюсь перед женой с этим известием?

— О, они будут отомщены, — пообещал Мехмед. — Правда, не сейчас. И это будет не так просто. Какой казни достоин человек, поступающий таким образом? — Он стал серьезен. — Но тебя он отпустил ко мне...

— Наверное, потому, что я трус. Я не бросил ему вызов, о падишах.

— Ты мудрый человек, юный Хоук. И верный слуга. Посол не должен бросать вызов тому, к кому послан. Ты с честью выполнил мое поручение. Теперь тебе многое известно.

— Я понял то, что мир гораздо больше, чем я предполагал, и то, что он враждебно настроен.

— Это стоило узнать. Я доволен тобой, юный Хоук. Теперь... теперь мы приступим к нашему делу.

Это было грустное возвращение домой. «Эмир, конечно, доволен результатами поездки, — думал Энтони, — но я сам отчаянно унижен от того, что

меня заставили смотреть, как в муках будут умирать два моих компаньона».

Теперь надо как-то выдержать взгляд Лейлы. Она била себя в грудь и рвала волосы в своем горе: тело ее отца даже не возвратили. Энтони знал, что Лейла во всем обвиняет его — ведь он был во главе посольства.

Старших Хоквудов переполняла радость при мысли о том, что их сын после шести месяцев отсутствия вернулся живой и невредимый. Но их радость омрачала новость о поведении их дочери Кэтрин и сознание того, что скоро начнется военный поход.

— Моя семья уничтожена, — грустно сказала Мэри Хоквуд. — Ты один остался у меня. И теперь ты должен идти на войну.

Его отец казался более веселым: огромная пушка была готова и могла стрелять.

— Пушка оправдала мои расчеты, — хвастался Джон Хоквуд. — Она посылает огромные каменные шары на расстояние мили. Это самое разрушительное из всех существовавших когда-либо оружие.

— Ты уже пробовал стрелять чугунными ядрами? — поинтересовался Энтони.

Джон покачал головой.

— Я смог отлить только шесть ядер — в Анатолии недостаточно железа. Их нельзя тратить понапрасну. Но эмир доволен.

Первые дни после изматывающего, удручающего возвращения из Валахии Энтони мечтал об объятиях эмир-валиде. Но приглашения не получил. Кызлар-ага сообщил ему:

— Эмир-валиде больна. Тебе же будет лучше, юный Хоук, если ты забудешь, что она когда-либо жила на свете.

Энтони почувствовал, как его охватила дрожь Он представил, что эмир-валиде умерла, а его жизнь зависит от этого евнуха.

Но долго печалиться и думать о бренности жизни не было времени — Мехмед сразу начал военную кампанию. В марте 1452 года он навестил мавзолей

Османа, в котором перед муфтиями и командирами янычар он, по традиции, прикрепил к поясу священный меч в знак того, что собирается на войну. Янычары издали воинственный клич.

Мехмед лично руководил рабочими, которые строили крепость Румели-хисар на европейском берегу Босфора. Их охраняло пять тысяч вооруженных людей.

Вскоре Энтони осознал, насколько необычно сильным должно стать это укрепление. Даже замок Нуово в Неаполе казался незначительным по сравнению с ним. Над огромным внутренним строением воздвигли башню, его окружили стенами, которые разделили двор на несколько секций. Их можно было легко защитить, если бы враг попытался проникнуть в них. Но вряд ли это могло случиться. Внешние стены поднимались на двадцать футов прямо из скалы. Они были в двадцать футов толщиной, наблюдательные башни высотой в тридцать футов установили через каждые сто футов. Внешние стены спускались к морю, захватывая обширную бухту, куда могли пришвартовываться галеры с азиатского берега, чтобы выгрузить людей и зерно.

Конечно, Румели-хисар не была столь сильной, как Константинополь, но взять ее штурмом было невозможно, пока господствовали сипахи и янычары.

Византийцы направили посланников для инспекции и, очевидно, были поражены. Они назвали крепость «Перерезывающей горло».

Но поскольку у Византии с турками был подписан мирный договор, посланники ушли, не предъявив никаких претензий.

Крепость строилась несколько месяцев. В это время турецкая армия медленно стягивала всю свою мощь в этом районе. Первыми здесь появились башибузуки, затем анатолийцы, потом янычары и сипахи.

Самой последней шла артиллерия. Энтони отправился в Брусу, чтобы помочь отцу. Обычные пушки

было сложно транспортировать, но для того, чтобы передвигать гигантскую пушку, запрягли шестьдесят волов. Две сотни людей толкали ее. Еще двести человек трамбовали землю, по которой ее тащили. Почти целый год эту пушку переправляли к Босфору, и потом встала самая трудная задача — погрузить ее на галеру, чтобы доставить на европейский берег. Сам Мехмед, нервно покусывая губы, наблюдал за тем, как укрепленные аппарели[1] соскальзывали с судна; они трещали и угрожали сломаться под такой тяжестью. Вокруг суетилось множество людей, стоявших по колено в воде и отдававших приказания. Энтони был мокрым от волнения. Хоть и не обученный на инженера, Джон Хоквуд выделил те основные этапы, которые необходимо было преодолеть. И медленно, напряжением разбухших мускул рабов, тянущих веревки, моряков, с которых струился пот, поворачивающих лебедки, это чудовище было погружено на борт. Судно накренилось, и вода хлынула в весельные отверстия. Джон Хоквуд быстро распорядился, чтобы все, кто мог, бросились на другой конец судна. Пушку, для баланса, наконец задвинули в середину судна и сразу отдали швартовы. Медленная переправа началась.

На европейском берегу разгрузка также угрожала катастрофой, но Джон Хоквуд все контролировал, и пушка безопасно была спущена на землю.

Византийцы отдавали себе отчет в мощи той силы, которая скапливалась у их порога, но они должны были верить, что турки готовятся к походу против Дракулы.

Наконец крепость была построена. Собрав своих личных охранников — янычар и сипахов — всего около пятнадцати тысяч человек — и всех своих советников, включая Хоквудов, Мехмед объехал укрепленные стены. Армия османцев держала строгий порядок: красно-голубые одеяния янычар контрасти-

---

[1] А п п а р е л ь — наклонная плита для погрузки транспорта на суда.

ровали с белой униформой сипахов в стальных доспехах. Мехмед в золотых доспехах на белом жеребце торжественно выступал во главе шествия.

Конечно, шум, с которым армия двигалась вперед, воинственные крики турок, усиленные громом барабанов, звуки цимбал и рев труб сильно действовал на противника. Энтони наблюдал, как на стенах Константинополя появлялось все больше и больше людей. Возможно, размышлял он, Анна и Кэтрин были среди них. Его интересовало, о чем они думают сейчас. Ни один здравомыслящий человек не мог сомневаться, что Мехмед собирается на штурм Константинополя.

Но оставалось еще много приготовлений. Огромная армия скапливалась в одном месте, и ее надо было кормить. Турецкие галеры постоянно сновали по Черному морю, доставляя продовольствие.

Артиллерию необходимо было увеличить. Кроме новых пушек, Мехмед собирался пустить в дело старое метательное оружие — баллисты, служившие осаждавшим армиям уже много столетий.

Штаб эмира расположился в Адрианополе. Посланники регулярно отправлялись в Константинополь с заверениями в дружбе и сообщениями, что эмир готовится в поход против Дракулы. Таким образом, до самого последнего момента Константин пребывал в неведении.

На Джоне Хоквуде лежала большая ответственность — подготовить бомбардиров к первому настоящему испытанию. Зная, что в случае успеха его ждет крупная награда, Джон осознавал, какой будет расплата за поражение.

Энтони по двенадцать часов в сутки работал с отцом и был счастлив этим. Казалось, он забыл о нормальной жизни до тех пор, пока Константинополь не будет взят.

Гарем и двор Мехмеда последовали в Адрианополь, советники тоже перевезли сюда всех своих до-

машних и имущество. Провинциальный город раздулся до огромных размеров. Пири-паша был возбужден и встревожен.

Энтони и Джон тоже перевезли в Адрианополь свое домашнее хозяйство, но для них в этом было мало радости.

Мэри была очень обеспокоена надвигающимся военным походом, Лейла все еще горевала об отце.

— Ты должен высечь ее, — раздраженно сказал Мехмед Энтони.

— Мне не в чем винить ее...

Мехмед задумчиво взглянул на Энтони.

— У тебя появится другая жена, когда мы возьмем город, — пообещал он.

«И что с того?» — раздумывал Энтони. От эмир-валиде не было никаких известий, сам он не смел спрашивать о ней. Он чувствовал, что Мара помогает ему сделать карьеру у эмира. А что, если она умрет?

Столь очевидные приготовления турок к осаде города вызвали реакцию на Западе. Георг Бранкович, сын Хуньяди и даже Дракула держали свои обещания и не предпринимали нападений на суше. Но Папа Римский наконец решил помочь послушным христианам и направил в Константинополь своего посла, некоего Исидора, бывшего митрополита Киевского в сопровождении двухсот солдат. Посланник прибыл в город в ноябре.

Мехмеда это позабавило.

— Двести человек, — издевался он. — Я слышал, что там уже вспыхнул бунт.

Это было правдой. Когда Исидор попытался провести богослужения в соборе Святой Софии и таким образом отпраздновать объединение двух церквей, византийцы устроили настоящий бунт, и кардинала пришлось спасать от неистовства толпы.

Его прибытие могло бы позабавить турецкий лагерь, но последующие новости не были веселыми.

В январе 1453 года два огромных генуэзских судна вошли в Золотой Рог. На борту находились один из самых известных воинов столетия Джованни Джустиниани в сопровождении семисот воинов, а также германский артиллерист Иоганн Грант.

Джон Хоквуд наконец перебрался в город.

— Именем Аллаха, — сказал Мехмед, — неверные собираются. Время идти на них, пока они не стали слишком сильны.

Мехмед распорядился начинать действия против византийских аванпостов. Маленькие крепости Терапия и Студиум на Босфоре были окружены, им предложили сдаться.

Гарнизоны, оказавшись перед такой ошеломляющей силой, с готовностью подчинились этому. Но Мехмед приказал каждого из солдат посадить на кол, да так, чтобы было видно из города.

— Они сдались добровольно, о падишах, — протестовал Энтони.

— Это предупреждение византийцам, — мрачно ответил Мехмед.

Следующей была захвачена крепость на острове Принкопо, с помощью горящей серы гарнизон был вытравлен. Все люди умерли до последнего.

— Настоящее чудовище, — мрачно отреагировал Джон Хоквуд.

«Это чудовище собирается взять Константинополь», — думал Энтони. Мара назвала его Канкар — Кровопийца. Он вдоволь напьется крови, когда город падет.

Через неделю Хоквуд получил приказ выступать со своей артиллерией. Окруженные огромной турецкой армией, всего около ста пятидесяти тысяч человек, пушки медленно двигались вперед. Они были не видны наблюдателям на стенах.

Количество воинов на стенах росло по мере приближения турецкого войска. Если предыдущей осенью они встревожились при появлении пятнадцати тысяч

всадников, то что они почувствуют, увидев воинов, лошадей и флаги, заполнившие всю равнину. И худшего они еще не знали...

Медленно, скрывая пушки, армия заняла позиции.

Войско Саган-паши двигалось к северу на случай контратаки, предпринятой через Золотой Рог из Галаты. Люди Саган-паши сразу же начали строить мост через внутреннюю бухту; за этим наблюдал маленький беспомощный византийский флот.

Войско Караджа-паши заняло позиции рядом с Саган-пашой, напротив *Xylo Porta* и Адрианопольских ворот.

Исхак-паша повел свои войска к югу и расположил их напротив стены, в которой находились ворота Святого Романа.

И в центре, где река Кидарис течет под стенами города, Халил-паша выставил основные турецкие силы.

Мехмед разбил свой красный с золотом шатер сразу за войсками Халил-паши, ни у кого не оставив сомнения, что именно здесь он собирается предпринять основную атаку.

Турецкий флот, насчитывающий сто пятьдесят галер, курсировал в бухте Принкопо, не позволяя какому-либо подкреплению подойти к городу.

При турецком контроле Босфора и отрезанный от поставок продовольствия Константинополь оказался в осаде.

На рассвете 12 апреля 1453 года муэдзины поднялись на специально сооруженные башни перед каждой частью огромной армии и призвали к молитве. Энтони часто слышал эти слова за два прошедшие года, но сегодня они показались ему более значимыми, чем когда-либо:

> Хвала Аллаху, господину всех миров!
> Я утверждаю, что нет Бога, кроме Аллаха.
> Я утверждаю, что Мухаммед — Пророк Его.
> Придите к молитве.
> У меня нет ни власти, ни силы, кроме той, что дал мне Аллах, милостивый и милосердный.

Придите к молитве.
У меня нет ни власти, ни силы, кроме той, что дал мне Аллах, милостивый и милосердный.
Придите к спасению.
На что воля Аллаха, то и будет.
На что нет Его воли, того не будет.
Придите к спасению.
Хвала Аллаху, господину всех миров.
Нет Бога, кроме Аллаха.

Когда муэдзин умолк, армия издала воинственный клич такой силы, что он был слышен за пятнадцать миль. Всадники двинулись вперед, наблюдателям на стенах стала видна гигантская пушка.

— Твоя пушка заряжена? — нетерпеливо спросил Мехмед Хоквуда.

— Она заряжена и готова к бою, о падишах, — сказал Джон.

Мехмед указал на город своим жезлом с конским хвостом.

— Начинайте осаду, — приказал он.

Джон поджег запал, армия затаила дыхание. Огромная пушка загудела, и первый снаряд, начавший атаку стены Феодосия, был выпущен.

Глава 6

ХОУК-ПАША

Огромное каменное ядро со свистом пролетело в воздухе. Оно было так точно направлено, что попало прямо в основание верхней стены. Распавшись на множество частей, оно заставило стену дать трещину.

Турки издали победный вопль, византийцы завизжали в ответ, давая понять, что принимают вызов.

Мехмед в ликовании похлопывал себя по бедрам.

— Хороший выстрел, Хоук! — кричал он. — Давай еще раз.

— Надо приподнять пушку, — решил Джон и отдал приказ.

Бомбарду заряжали целых два часа. В ожидании Мехмед нетерпеливо сновал на коне. Он отдал приказ, чтобы меньшие пушки продвинулись вперед и начали обстрел стен. Византийцы отвечали ружейными выстрелами, и вскоре поединок пушек и ружей велся на протяжении всей стены.

Зрелище было впечатляющим. Поскольку малые пушки не могли заряжаться одновременно, они редко бывали готовы стрелять все разом. Минуты тишины сменялись грохотом взрывов и облаками дыма. Когда каменные ядра ударялись о стену или о землю, они разлетались на множество частей. Осколки были очень опасны для тех, кто стоял рядом. Энтони видел нескольких раненых ими турок.

Огромная пушка стреляла раз в час. Ее можно было отличить по более гулкому звуку, чем у других, и по гораздо более разрушительному эффекту.

К вечеру, когда огромная пушка выстрелила всего семь раз, трещины в стене расширились, а в некоторых местах стена разрушилась.

Мехмед пребывал в прекрасном настроении. В компании обоих Хоквудов он обедал в своем шатре.

— Мне нужна неделя, — возбужденно говорил он. — Через неделю город будет наш. — Эмир обернулся к Джону. — С этого момента ты — Хоук-паша, генерал артиллерии.

Джон благодарно поклонился и принял церемониальный жезл, украшенный конским хвостом с двумя узлами.

На следующее утро в стене не было ни одной трещины. Византийцы за ночь заделали все пробоины.

— Именем Аллаха! — закричал Мехмед. — Разве это возможно?

— Нам потребуется больше времени, чем неделя, — предположил Джон.

— Позволю себе сделать одно замечание, о падишах, — рискнул вступить Энтони. — Наши пушки стреляют в разные части стены и частично повреждают ее, но, как оказалось, такие пробоины можно отремонтировать за ночь. Если мы направим всю мощь

артиллерии в одну точку, то сможем пробить такую брешь, что ее невозможно будет залатать.

— Ты прав, юный Хоук. Мне следовало подумать об этом.

Приказания были отданы, и все пушки были стянуты в долину реки Люции и расположены перед воротами Святого Романа. Теперь необходимо было защитить артиллеристов силами янычар для отражения возможной атаки византийцев.

План сработал. Повреждения, нанесенные воротам, стали значительными.

— Еще день, и мы пробьем брешь, — объявил Мехмед.

На следующее утро большинство пробоин снова было заделано.

— Это работа Джустиниани, — ворчал Джон. — Он знает хитрости осады.

— Что нам делать? — озабоченно спросил Мехмед.

— Стрелять, — сказал Джон. — Мы выбьем их.

— Почему ты не используешь чугунный снаряд? — хотел знать эмир. — Он значительно быстрее пробьет стену.

— У меня их только шесть, о падишах. Лучше оставить их напоследок, когда стены и так уже будут разрушены.

— И когда это произойдет? На будущий год?

Настроение эмира резко испортилось, особенно с тех пор, когда к защитникам города вернулась уверенность в своих силах.

— У меня нет опыта в приемах ведения войны, — поделился Джон с Энтони. — Эмир предполагает, что судьба подобной осады решается несколькими ударами, как будто это поединок двух рыцарей.

— Он научится терпению, отец, — пообещал Энтони.

Но гнев Мехмеда рос, и через шесть дней после того, как ударили пушки, он приказал начать общее наступление.

— Наступать на неразбитые стены, о падишах? — спросил Джон. — Это не получится.

— Это получится уже потому, что я желаю этого, — отрубил эмир.

Армия была приведена в боевую готовность; флоту был отдан приказ атаковать преграду, закрывающую вход в Золотой Рог.

На рассвете 18 апреля, после того как каждый преклонил колени по направлению к Мекке, был дан сигнал. Пушки молчали; башибузуки бросились в атаку, размахивая кривыми саблями, с криками: «Грабь город!» Они ринулись через когда-то возделанное поле, а теперь просто по грязи и достигли рва и внешней стены. Огромная ревущая многокрасочная волна штурмовала ворота Святого Романа.

За ними упорядоченным строем двигались анатолийцы. Дисциплину в их рядах поддерживали сержанты. Знамена анатолийцев развевались на ветру, их копья сверкали на солнце.

Следом за анатолийцами стройными красно-голубыми рядами двигались янычары. Белые журавлиные перья их султанов колыхались при порывах ветерка. В первый раз они взяли ружья, и потому были крайне возбуждены. Но их время еще не настало.

Это было огнестрельное оружие новейшего изобретения. Его привезли сюда венецианцы и продали туркам. Ружья были изобретены сто лет назад, тогда они представляли собой железные трубки, закрытые с одной стороны. В трубку засыпался порох и вставлялся железный шарик; все это хорошо утрамбовывалось. С другой стороны трубки находилось отверстие, в котором находился запал. Стрелок поджигал запал, порох в трубке взрывался и толкал шарик, который мог лететь на расстоянии нескольких сот ярдов. Обслуживанием одного ружья занимались два человека. И таким образом, для нескольких поколений огнестрельное оружие было недоступно. Лишь недавно испанцы решительно продвинулись вперед в этом деле. Вместо спичек они стали использовать длинный шнур. Его пропитыва-

ли маслом, и один раз зажженный, он довольно долго горел. На этом они не успокоились и поместили этот шнур в барабан. Теперь он частями выходил оттуда, приводимый в движение рычагом.

Рычаг прикреплялся к верху ружья и приводился в движение курком, но шнур все же продолжал гореть. Теперь стрелок мог полностью сконцентрироваться на цели, уверенный, что, когда он спустит курок, огонь взорвет порох, и пуля полетит. В скором времени ствол ружья станет изогнутым, чтобы его можно было положить на плечо и тем самым лучше видеть цель.

А теперь дальность стрельбы из ружей не превышала ста ярдов, нужна была опора для укрепления ружья, и требовалось несколько минут для его перезарядки. Энтони вспоминал точные и быстрые полеты стрел сипахов по дороге в Валахию и считал, что единственным достоинством ружей был устрашающий звук, издаваемый при стрельбе.

Византийцы открыли огонь, как только башибузуки вошли в зону обстрела. Они укрепили свои огневые точки в проемах стен, и вскоре равнину заполнили корчившиеся тела. Редкие взрывы внутри города сливались с криками атакующих и защитников, воплями женщин и ударами колоколов — казалось, каждая церковь делала все возможное, чтобы ободрить жителей.

Облака дыма поднимались над сражающимися так быстро, что было невозможно увидеть, что происходило на огневых позициях.

Башибузуки устремились в ров и начали сооружать лестницы. Заметив это, Джустиниани приказал открыть огонь от ворот Святого Романа из всего, что было у его солдат — ружей, пушек на стенах, луков, арбалетов и катапульт. Лестницы были приставлены и тут же сброшены. Башибузуки взбирались один на другого, стремясь сделать все, чтобы укрепиться на захваченных позициях, но их отбрасывали снова и снова. Анатолийцы поспешили им на помощь, но также были отбиты.

Теперь и янычары достигли зоны обстрела. Они вели огонь по защитникам города, но, казалось, что это никак на них не отражается. Янычары не участвовали в штурме стены и было бессмысленно добавлять новых людей в эту кишащую и вопящую во рву массу.

Джон и Энтони хмуро переглянулись. Они понимали, что эмир жертвует своими людьми бессмысленно. Этот штурм, совершенно очевидно, не мог привести к успеху. Мехмед, восседая на коне, продолжал наблюдать за сражением.

Вскоре перед ним появился адъютант из штаба Саган-паши в Золотом Роге.

— О падишах! — воскликнул он. — Адмирал Балт-оглу отбит от морского заграждения. Великий дука Нотарас взял командование на себя, его корабли разбили наш флот.

— Снесите голову этому человеку! — завопил Мехмед.

Четверо янычар выбили адъютанта из седла.

— Примите мое почтение, о падишах, — повинуясь порыву, запротестовал Джон. — Он всего лишь посланник.

Мехмед прислушался к его словам, потом махнул рукой и бросил:

— Освободите пса! — С трудом сдерживая себя, он прорычал: — Черт подери этого Нотараса! Я сдеру с него шкуру.

— Сегодня нам не взять город, — спокойно сказал Энтони.

Мехмед взглянул на него и дал знак барабанам играть отступление.

Грохот барабанов пронзил утро, и через некоторое время послание достигло сражающихся людей. Турки отступали мрачно, затаив злобу. Их преследовали стрелы и насмешки ликующих византийцев.

Мехмед направился поближе к стене, стараясь не попасть в зону обстрела. Под его ногами суетились башибузуки, оттаскивая мертвых. Они даже не смотрели на эмира.

— Мы разбиты, — сказал Мехмед. — Турки потерпели поражение. Разве такое может быть?

— О поражении или победе при осаде можно говорить, только когда она окончится, — сказал Джон. — Конечно, византийцы защищаются отчаянно, но все же мы победим.

— Сколько людей они поубивали, — вздохнул Халил-паша, видя, как растет гора тел.

— Нас много, их мало. Если даже один византиец на каждые десять турок был сегодня убит, то они понесли более серьезное поражение, чем мы, — настаивал Джон.

— Ты прав, конечно, — закричал Мехмед. — Они должны теперь похоронить своих мертвых. Хорошо же. Мы заставим их поработать.

Он указал на трупы турок.

— Набейте этой гнилью наши trebuchets[1]. Пусть трупами выстрелят по городу. Посмотрим, что они будут делать...

Халил-паша в оцепенении уставился на эмира, потом перевел взгляд на Джона.

— Примите мое почтение, о падишах, — запротестовал Джон, — сделать так — значит превратить Константинополь в очаг распространения заразы.

— Даже башибузука следует похоронить должным образом, — рискнул вставить Халил-паша.

— Еще чего! — резко бросил Мехмед. — Ты полагаешь, что я должен заботиться о душе башибузука? Или о том, чтобы византийцы не умерли от чумы?

— Действительно, — тактично согласился Джон, — они заслужили это. Но ты ведь собираешься взять город и считать его своим собственным? Если чума войдет в город, он на годы станет непригодным для жизни.

Мехмед разглядывал его несколько секунд.

— Чем ты стал? Моим сознанием? — наконец спросил он и пришпорил коня. — Я согласен. Похороните их.

---

[1] Стенобитная машина *(фр.)*.

Колокола Святой Софии прозвонили *Te Deum* в благодарение Богу за отпор туркам. Во время службы император стоял рядом с Нотарасом и Джованни Джустиниани. Жители города молились и пели, искренне благодаря Господа за помощь. Их охватил настоящий ужас с момента, когда громовой раскат пушки выгнал их на улицу и объявил о начале осады города.

Но пушка не пробила стену. Штурм был отбит. Чувствовалось, что к людям вновь возвращается их обычная самоуверенность.

Кэтрин Нотарас и Анна Драконт, преклонив колени, молились вместе. Теперь они стали ближайшими подругами. После службы они нашли своих мужей во дворце Нотараса.

— Мы действительно выиграли? — тревожно спросила Анна.

Граф Драконт посмотрел на Василия Нотараса.

— Мы выиграли только эту битву, — объяснил Василий. — Но в конце концов мы победим. У нас нет иного выхода. Даже огромная пушка, которую отлил твой отец, оказалась неспособной пробить стены города.

Кэтрин молчала. Несмотря на ее дружбу с невесткой, с мужем они отдалились друг от друга. Как всегда он был неотразим, но ему наскучила жена-иностранка. Частенько он жалел о том порыве чувств, который привел его к женитьбе. Он редко приходил к ней в постель и теперь скорее насмехался над ней, чем желал ее.

И ради этого Кэтрин разбила свою семью. Прежнее юношеское высокомерие стало теперь большей частью ее натуры. Она ненавидела себя за это.

— А если турки, продолжая осаду, уморят нас голодом? — предположила Анна.

— У турок нет привычки долго держать осаду, — сказал Василий. — Если они не завоюют позиций, то исчезнут. Так было всегда. Мой отец сказал, что генуэзский флот уже спешит нам на помощь.

Кэтрин поднялась и вышла на террасу. Солнце садилось, город купался в золотом свете. В лагере турок, обычно очень шумном, было тихо.

Вскоре к ней присоединилась Анна.

— Что ты испытала, когда увидела отца и брата? Среди турок, вместе с эмиром?

Кэтрин посмотрела на нее сверху вниз — она была на голову выше гречанки.

— Я молила, чтобы Господь послал молнию, которая своим ударом убила бы их, — тихо произнесла она.

Анна не нашлась, что ответить. Она была истинной представительницей семьи Нотарас. Вся ее жизнь была посвящена семье: отцу и матери, двум братьям. Приняв Кэтрин как сестру, Анна могла только пожалеть ее.

После затянувшейся паузы она заметила:

— Должно быть, это ужасно — так ненавидеть своих родственников.

Кэтрин грубо оборвала Анну:

— А что мне еще остается?

Анна в ужасе опустила голову. Она впервые видела, как Кэтрин Нотарас рыдала. Огромные слезы текли по ее нежным щекам.

— Это Господь послал их против меня за то, что я сделала им. — Кэтрин говорила сквозь рыдания, голос ее дрожал. — Теперь или они, или я должны умереть.

Анна вздрогнула.

— Если Господь решил, что они не умрут, все мы попадем в лапы дьявола.

Этим вечером военачальники собрались в шатре у эмира на совет.

— Решение там, где оно и должно быть, я точно это знаю, — сказал Джон Хоквуд. — У Константина только несколько тысяч воинов, но зато он способен собрать почти всех в одном месте — у стены. Нас много, но одновременно мы можем бросать на штурм

только ограниченное количество людей. Если наша цель — скорая победа, то мы должны атаковать другую сторону стены, чтобы отвлечь часть сил византийцев.

— И каким образом это произойдет? — спросил Саган-паша. — Мы не можем взять стены, выходящие к морю. А сегодня мы убедились к тому же, что наши галеры не так сильны, чтобы разорвать заграждение через Золотой Рог.

— Такой силы нет нигде, — печально сказал Халил-паша.

Мехмед обвел всех присутствующих тусклым взором.

Внезапно Энтони щелкнул пальцами, и все повернули к нему головы.

— Примите уверения в моем почтении, мой господин! Мне кажется, есть только один путь отвлечь византийцев от основной стены — атаковать их с Золотого Рога.

— Но этого мы сделать не можем, юный Хоук.

— Да, мы не можем разорвать цепь. Но мы можем обойти ее...

— Объясни.

— Обход заграждения ничего не даст, — прервал Саган-паша. — Нам нужны корабли в бухте, а не люди на северном берегу.

— Я говорю о судах, Саган-паша, — сказал Энтони. Он разложил на полу карту. — Здесь, на северном берегу, Галата, удерживаемая генуэзцами. Но гарнизон Галаты не воюет с нами, им известно, что мы можем взять их штурмом в любое время, если только пожелаем. И единственное, чего хочет Галата, — это чтобы ее оставили в покое. К северу от Галаты берег расположен низко, на уровне моря, там же на расстоянии менее мили от моря течет река, которую называют Ключи. Если бы нам удалось переправить галеры через ту полосу земли, мы могли бы сбросить их в Ключи и провести по реке к бухте. Мы тогда окажется в бухте Золотой Рог позади сил великого дуки и его воинов.

— Переправить корабли по суше? — не веря своим ушам, спросил Халил-паша.

— Это возможно, — сказал Энтони. — Я уверен.

— Как? — с интересом спросил Мехмед.

На самом деле Энтони еще не продумал всех деталей этой операции, но его уже посетило вдохновение.

— Мы сделаем деревянный настил, падишах. Его мы смажем жиром и по нему потянем корабли.

— Это возможно, — согласился Мехмед. Его лицо просияло.

— Есть только один момент, который вы не учли. — Джон Хоквуд повернулся к сыну. — Наши галеры возможно переправить к реке, но двигаться по ней к бухте они смогут только по одной. А что, если Нотарас соберет силы к месту, где река впадает в бухту, и уничтожит наш флот по частям?

— У Нотараса все корабли на счету, отец. Конечно, он может сосредоточить их в дельте реки, но чтобы сделать это, он должен оставить заграждение незащищенным. Если мы оставим у преграды только половину наших кораблей, мы все равно выиграем. Там, где он ослабит свои позиции.

— Стоящая идея, — сказал Мехмед. — Я горжусь тобой, юный Хоук. Возьмемся за это дело. Командовать будешь ты.

Балт-оглу был недоволен, узнав, что ему придется разделить командование с неискушенным иностранцем двадцати одного года, но противоречить эмиру он не мог. Следующим утром Энтони приступил к решению своей задачи. Ему нужно было собрать тысячи людей и все дерево, которое только можно было найти, для постройки настила. Тем временем пушки продолжали медленный безжалостный огонь.

На другой день Мехмед выехал проверить, как продвигается работа.

Спуск кораблей уже начался.

— Ты гениальный человек, юный Хоук, — объявил довольный эмир. На мгновение его отвлек пос-

ланец с известием, что четыре больших генуэзских корабля замечены в Мраморном море и, очевидно, держат курс на Босфор.

— Они, наверное, везут подкрепление и запас продовольствия, — заметил Балт-оглу. — Я уничтожу их.

— Победа, — сказал Мехмед. — Наконец-то! Ты должен захватить эти суда, Балт-оглу-паша.

Болгарин поклонился:

— Почту за честь, о падишах.

— Подожди! Выслушай меня, — продолжал Мехмед. — Пусть они войдут в пролив, и тогда им не скрыться от тебя. В этом случае ты уничтожишь корабли на глазах у византийцев! Нас ждет великолепное зрелище.

—

После завтрака кавалькада всадников съехала на берег в предвкушении предстоящего развлечения.

Мачты караков, подгоняемые свежим южным ветерком, теперь было хорошо видно. Их паруса, расшитые крестами и другими эмблемами, вздымались над Босфором; ветер трепал красные, голубые и золотые флаги. Когда корабли начали входить в пролив против течения, флаги обвисли.

На стенах Константинополя выстроились люди в линию, радуясь тому, что близится их освобождение.

Конечно, это были дозорные корабли. Основные суда следовали за ними.

Из бухты Принкопо медленно начал выползать турецкий флот: сто сорок пять галер, ряды огромных весел, ударяющих по воде разом, подчиняясь четкому ритму барабанов.

Вскоре наблюдатели на стенах заметили их, и приветственные крики сменились стоном отчаяния. Никто не сомневался, что корабли генуэзцев будут разбиты этой превосходящей силой.

Турецкие моряки издали воинственный клич в предвкушении скорой победы. Они двигались прямо

на врага, сопровождаемые грохотом барабанов. Мехмед остался на мелководье, он щелкал пальцами, как будто поторапливая своих людей.

Галеры ринулись к генуэзским каракам. Но караки все еще двигались, подгоняемые бризом, их укрепленные носы по инерции врезались в турецкие галеры. Послышался треск дерева, весла исчезли... Остальные суда двигались вперед, бросив на волю волн первых пострадавших в этой еще не начавшейся битве. Закованные в цепи рабы с галер ужасно кричали, оказавшись в ледяной воде.

— Дьяволы! — вскричал Мехмед, потрясая кулаками. — Они настоящие дьяволы. Почему их нельзя остановить?

— Это ветер, — сказал Энтони. — Он дает им большое преимущество. Взгляните туда!

Корабли теперь дошли до укрытия акрополя, где ветер спал; караки едва двигались.

— Теперь, — закричал Мехмед, — теперь они наши!

Когда галеры окружили четыре судна, якоря были сброшены. Турки попытались забраться на высокие фальшборты караков, но были отброшены. Генуэзцы сражались отчаянно, вооружившись всем, чем можно. Они швыряли камни, котелки, стрелы и копья; ружья и вращающиеся орудия, укрепленные на фальшбортах, постоянно стреляли по галерам. Несколько турок, добравшихся до палуб, были зарублены топорами.

Эта битва длилась два часа, и чем дольше она продолжалась, тем более возбужденным становился Мехмед. Размахивая кулаками и подбодряя криками своих людей, он гонял коня то вверх на берег, то вниз к морю.

Спустя два часа генуэзские караки все еще не были взяты. И тогда вновь подул бриз.

Теперь караки устремились вперед. Галеры разлетелись в разные стороны, их весла были разбиты; караки ушли. Цепь была спущена, и эскадра беспрепятственно вошла в Золотой Рог.

Мехмед ничего не сказал, но по нему было заметно, что он разъярен.

В лагере собрались все военачальники, но никто не смел заговорить. Казалось, это было самое унизительное поражение, когда-либо нанесенное турецкой армии.

К султану подошел Балт-оглу и, поклонившись, произнес:

— Они были слишком сильны для нас, о падишах.

— Слишком сильны? — Голос Мехмеда был угрожающе спокоен. — Четыре судна слишком сильны для ста сорока пяти?

— Их караки большие и хорошо защищенные.

— Ты лжешь! — пронзительно закричал Мехмед. — Ты предатель. Ты предал меня!

— Я, о падишах? — Балт-оглу приложил руку к сердцу. — Я твой самый преданный слуга. Разве я не доказывал это неоднократно?

— Сегодня ты предал меня! — завопил Мехмед. Он сделал жест страже. Балт-оглу схватили.

— Принести кол, — приказал Мехмед, — и воткнуть его этому негодяю в зад. Поставить его у берега: пусть смотрит на место своего позора, пока будет умирать.

— Падишах! — в ужасе завопил Балт-оглу, уже подталкиваемый янычарами.

— О падишах, — вступил Халил-паша, — ты не сделаешь этого.

— Халил-паша прав, падишах, — произнес Джон Хоквуд. — Балт-оглу сделал все, что было в его силах.

Мехмед свирепо взглянул на них и потом на остальных военачальников. На их лицах было написано согласие. Если каждого сажать на кол после неудачной атаки, они никогда не решатся наступать снова.

Балт-оглу рыдал, зажатый янычарами как тисками.

— Пусть живет! — рявкнул наконец Мехмед. — Я увольняю его со службы. Он будет наказан. Раздеть его и высечь!

Мехмед схватил тяжелую палку, окружавшие его удивленно переглянулись. Когда с Балт-оглу была сорвана одежда, а сам он лицом вниз был распластан на земле, Мехмед начал его бить. Адмирал стонал от боли, на ягодицах выступила кровь... Но Мехмед не давал ему подняться, пока сам не выбился из сил. Затем отбросил палку.

— Вышвырнуть его из лагеря! — приказал он и зашагал к шатру.

И все же тем вечером Мехмед казался спокоен как никогда. Однако военачальники были в мрачном настроении, каждый прикидывал цену собственных неудач.

— Что такое четыре судна и несколько сот человек? — весело сказал эмир. — Благодаря твоему плану, юный Хоук, город должен пасть. Все надежды я возлагаю на тебя.

Энтони вернулся к строительству деревянного настила ранним утром следующего дня. Его люди работали по шестнадцать часов в сутки. Наконец дорога была готова, и переноска судов началась.

Византийцы, несомненно, знали, что происходит, но ничего не могли предпринять. У них не хватало людей, чтобы сделать вылазку к северу от бухты.

Халил-паша командовал флотом, но хотел поделить свои обязанности поровну с Энтони. Таким образом, семьдесят галер перетащили к Ключам и спустили по реке, остальные семьдесят наблюдали за боном[1]. Византийский флот не двинулся со своих позиций, а генуэзские караки были недееспособны в узких проходах бухты и могли только ждать.

Однако они представляли собой неприступные плавучие крепости, и, хотя эскадра Энтони легко захватила бухту, Мехмед не разрешил ему вести наступление на бон с тыла.

---

[1] Б о н — плавучее заграждение.

— Не стоит рисковать, юный Хоук. Нас могут разбить еще раз, — сказал Мехмед. — Победа слишком вдохновила византийцев. Твой флот будет отвлекать их внимание. Он понадобится, когда мы вновь решимся на атаку.

Наступило шестое мая. Пушки продолжали стрелять по воротам Святого Романа.

— Я думаю, теперь настало время, чтобы испытать чугунный снаряд, — объявил Джон Хоквуд.

— Так тому и быть, — приказал Мехмед. — И давайте закончим с этим местом. Мне стало известно, что папский флот направляется сюда для освобождения города.

— Это только слухи, о падишах.

— Может быть, — сказал Мехмед. — Я также знаю, что Константин отправил бригантину в поисках этого флота, чтобы поторопить его. Значит, он тоже верит этому слуху. Появись этот флот в Босфоре, и мы уничтожены.

Энтони знал, что появление папского флота, пусть даже самого незначительного, будет действительно серьезным осложнением. Если он разобьет турецкий флот, что казалось возможным, то турки будут отрезаны от своей земли.

На следующее утро вся армия была готова к атаке. Все ожидали, когда в стене будет пробита огромная брешь.

Перед рассветом Джон Хоквуд зарядил пушку каменным снарядом, и с первым лучом солнца она дала залп. Ядро разбилось о стену рядом с воротами. Выстрел был точный, но он не вызвал никакой реакции, кроме привычных насмешек защищающихся. Они слишком привыкли к тому, что их обстреливают.

Но затем пушка была заряжена одним из чугунных шаров. Мехмед стоял рядом, наблюдая.

— Мы делаем историю, о падишах, — сказал ему Хоквуд.

Все отступили, когда Хоквуд приложил запал. Бомбарда взревела, выбросив столб дыма. Те, кто наблюдал за стенами, увидели, что чугунный шар врезался в камень с такой легкостью, как топор входит в мягкое дерево. На этот раз крики защитников были криками ужаса.

— Мы добились своего! — закричал Мехмед. — Мы добились своего! Еще один снаряд, Хоук-паша, и ворота разбиты.

Возбужденные бомбардиры перезарядили орудие, но второпях не очень аккуратно. Ядро было загружено в ствол, порох добавлен в запал. Уже через полтора часа, вместо обычных двух, бомбарда была в боевой готовности. Мехмед со своими воинами отъехал на некоторое расстояние, чтобы лучше видеть эффект, который произведет второй выстрел.

Был уже почти полдень, солнце висело в безоблачном небе, освещая равнину, город и тысячи людей. Константинополь хранил безмолвие, византийцы в оцепенении наблюдали за этими приготовлениями. Никто не сомневался, что этот выстрел мог выбить ворота... никто в городе не знал, сколько таких чугунных снарядов в распоряжении турок.

Держа в руке факел, Джон Хоквуд взглянул на эмира.

— За твою победу! — вскричал он и приложил факел к запалу.

Раздался мощный взрыв. Куски дерева, железа и части человеческих тел взлетели вверх в облаке дыма.

На несколько минут установилась полнейшая тишина в обоих лагерях. Потом, когда дым рассеялся, размеры катастрофы стали очевидны. Огромная пушка исчезла; ее лафет распался на части. То же самое произошло с канонирами.

И с Джоном Хоквудом.

Энтони спрыгнул с охваченного паникой коня и помчался вперед. Он увидел только сапоги, кровавое

месиво и разбитый меч. В ужасе он взирал на картину гигантской катастрофы...

Мехмед подъехал к нему:

— Как такое могло случиться?

Энтони всхлипнул.

— Возможно, было слишком много пороха. Или просто поторопились.

Потрясенный Энтони вернулся в Адрианополь. Его отец был основой, на которой держалась вся его жизнь. Теперь их них пятерых, тайно отправившихся из Саутхемптона пять лет назад, остались только его мать и он.

— Это наказание Господне, — причитала Мэри. — Твой отец повернулся спиной к Богу, когда оставил Англию, собираясь воевать за отступников. Он вошел в союз с дьяволом. Это казнь Божья.

— Просто пушку заряжали в спешке, мама, — настаивал Энтони. — Всего лишь...

— Наказание Господне, — повторяла Мэри. — Ты один остался, Энтони. Но ты тоже близок к смерти... Что же будет со мной?

Энтони поспешил уйти. Он знал, что более чем наполовину мать права.

Лейла пыталась успокоить мужа.

— Твой отец теперь соединится с моим, — говорила она. — Мое сердце обливается кровью из-за тебя и твоих мук.

Этой ночью Лейла впервые с тех пор, когда он вернулся из Валахии, любила его искренне и страстно.

По возвращении в военный лагерь Энтони получил титул паши, ему вручили жезл, украшенный конским хвостом.

— Ты заслужил это, — сказал Мехмед. — Ты станешь более знаменитым, чем твой отец.

Вскоре Мехмед предпринял еще одну атаку, но и она была отбита. В турецком лагере чувствовалось

отчаяние. Пушки продолжали греметь, но меньшие бомбарды не могли нанести нужного разрушения. Следующим приемом ведения войны были подкопы; огромные туннели прорывались под стены города. Но немецкий инженер Иоганн Грант сделал встречные подкопы, жестокие битвы проходили под землей... Это не изменило положения турок.

Затем Мехмед приказал соорудить гелеполис, или сооружение для взятия города, — огромную деревянную башню, вмещающую сто человек. От нее на стены наводились мосты, по которым турки могли переправляться в город. Но Джустиниани разрушил их с помощью бочек с порохом, скатывавшихся по склону рва...

Мехмед смотрел на город с восхищением.

— Как они сражаются... — рычал он. — Я отдал бы все, чтобы этот Джустиниани был на моей стороне!

День ото дня намерения турок становились серьезнее. Папский флот так и не появился, но пошли слухи, что Хуньяди собирается нарушить заключенный в прошлом году договор и планирует спуститься к Босфору с армией.

У христиан не было бы лучшей возможности нанести смертельный удар по туркам именно сейчас, когда все их атаки не приносили результатов, а морские силы были столь слабы.

Важное значение имело положение в тылу. Мехмед старался быстро восстановить людские потери и проводил новые и новые наборы рекрутов в Азии. В конце мая Халил-паша был вынужден сообщить эмиру, что запасов продовольствия для армии осталось не более чем на неделю.

— Как такое может быть? — рассердился Мехмед.

— Падишах, когда мы начали этот поход, запас продовольствия был рассчитан на сто пятьдесят тысяч человек сроком на два месяца. Я не мог даже

предположить, что осада города продлится дольше, притом, что я допускал, что численность нашей армии может уменьшиться. Осада продолжается уже два месяца, а количество людей не уменьшается. Я отправил суда на Черное море за зерном, но погода не благоприятствовала им...

— Я собирался взять измором византийцев, — ворчал Мехмед, — а не голодать самому. Так ты говоришь, мы разбиты, старик?

Халил-паша уныло понурил голову. Эмир посмотрел в лица остальным военачальникам и увидел в них знак поражения.

— Мы потерпели поражение, — подвел он итог.

— Примите мое почтение и позвольте мне высказаться, о падишах, — вступил Энтони.

— Всегда рад выслушать тебя, Хоук-паша. Говори.

— Вот уже два месяца мы осаждаем Константинополь. За это время мы претерпели много горя, понесли большие потери, израсходовали почти все боеприпасы, съели почти все продовольствие и действительно находимся в отчаянном положении. Мы можем, если прикажешь, прекратить осаду и вернуться домой; новое наступление начнем тогда, когда соберемся с силами. Но взгляните на ситуацию глазами византийцев. Около двух месяцев они находятся в осаде. За это время только четыре судна пробрались к ним. У них нет уверенности, что хоть какая-то помощь поступит к ним. Ведь они за это время понесли такие же горестные потери... И израсходовали все боеприпасы... И съели все продовольствие... В отличие от нас они не могут сказать: «достаточно» и покинуть позиции. Неужели вы считаете, что состояние их морального духа выше нашего собственного?

— А как же планы Хуньяди? Что ты думаешь по поводу папского флота?

— Обычные слухи, о падишах. Слухами не наполнишь пустой желудок или пустой колчан.

— Именем Аллаха! Но ведь мальчишка прав! — вскричал Саган-паша. — Падишах, вспомни Алексан-

дра Македонского, которого мы называем Великим! Он завоевал мир армией не большей, чем пятая часть твоей, он преодолел все трудности. Можешь ли ты позволить одному городу остаться на твоем пути? Назначай день генеральной атаки, о падишах, и прикажи своим людям не останавливаться, пока город не будет взят. Позволь нам дать тебе победу или умереть. Потому что мы мужчины и мы турки.

Мехмед воспрял духом. Он приказал всем и каждому готовиться к решающей атаке. Следующие два дня и две ночи под грохот выстрелов турки трудились не покладая рук. Были приготовлены не менее двух тысяч стремянок, железные крюки для растаскивания баррикад, сооруженных на стенах города, и вязанки хвороста, чтобы подпалить ров. Константинополь, казалось, был окружен непрерывным кольцом мерцающих огней.

К вечеру второго дня, 31 мая 1453 года, Мехмед, пригласив Энтони, направился с ним к тому месту, где не было слышно грохота пушек.

Ветер с востока доносил из города звон колоколов и пение.

— Они сумасшедшие? — спросил Мехмед. — Они предчувствуют свою гибель?

— Нет, — сказал Энтони, узнавая мелодию. — Они служат *Te Deum*. Они поют хвалу Господу за то, что завтра они или победят, или умрут.

— Завтра... — сказал Мехмед. — Завтра наступит величайший день в моей жизни, Хоук-паша.

— И мой тоже, о падишах. Я молю допустить меня к участию в штурме.

— И быть убитым?

— Я должен отомстить за отца. И за брата.

— Это твой долг, — сказал Мехмед. — Но я не хочу, чтобы ты умер. — Снова взглянув на Энтони, он тихо произнес: — Я получил сегодня печальные новости. Моя мать, эмир-валиде, при смерти. Я больше не увижу ее. Мой долг сейчас быть с ней, но она наказала мне не возвращаться без победы.

Энтони ничего не сказал.

— Тебе не кажется это странным, Хоук-паша? Она ведь христианка...

— Эмир-валиде была предана тебе и твоему делу, о падишах.

— Наверное, ты прав, — размышляя, согласился Мехмед. — Она исключительная женщина, ты согласен?

— Я? Как я могу осмелиться иметь собственное мнение об эмир-валиде?

Мехмед улыбнулся.

— У моей матери и меня нет секретов друг от друга, Хоук-паша.

Энтони почувствовал, как сжался его желудок.

— Первый раз она увидела тебя той ночью, когда вас с отцом привели ко мне, — продолжал Мехмед. — Тогда со дня смерти моего отца прошло не больше двух недель... Но она женщина! Той же ночью мать сказала мне: «Он мой, сынок». — Мехмед улыбнулся. — Я не мог противоречить ей. Я завидовал твоему счастью и молил ее об осторожности. Но она была осторожна так же, как и ты. Если бы ты хоть раз обмолвился о посещении гарема, я бы заживо содрал с тебя кожу.

— Не сомневаюсь в этом, о падишах, — сказал Энтони, удивляясь, что вообще способен говорить.

— Ты хорошо сыграл ту роль, которую она предназначила тебе. И я верю, ты смог скрасить ее преклонные годы... Да, я завидую тебе. Но больше ты не увидишь ее. Будешь ли ты оплакивать Мару?

— Да, о падишах.

— Значит, завтра мы должны победить здесь в ее честь. Византийцы называли ее шлюхой и еще похлеще. Думай об этом, когда пойдешь брать приступом стену, Хоук-паша. — Мехмед обернулся. — Теперь ты будешь сидеть по мою правую руку. Разве я не говорил тебе об этом? Я больше хочу твоего ума и поддержки, чем тела. Но... — он подался вперед и поцеловал Энтони в губы, — какими бы любовниками мы могли быть, англичанин...

По их возвращении в лагерь начало моросить. Была полночь.

— Все готово, о падишах, — сказал Халил-паша.

— Тогда погасите огни, пусть люди поспят, — сказал Мехмед. — И ты тоже, Хоук-паша.

— Где я буду завтра, мой господин?

— Разве ты не хочешь командовать эскадрой в Золотом Роге?

— Они могут только стрелять в защитников. Я хочу принять участие в штурме.

Мехмед размышлял несколько секунд.

— Тогда будешь сражаться с Саган-пашой, — решил он. — Ты возглавишь атаку на *Xylo Porta*. Но, Хоук... сделай все, чтобы вернуться ко мне.

— Я постараюсь, о падишах, — пообещал Энтони.

Он ускакал в темноту, потому что все огни в лагере турок были потушены, а равнина окутана дождем.

В восточной части Константинополя все еще мерцали огни. Той ночью никто не спал.

Мать Энтони сказала, что муж ее, Джон Хоквуд, продал душу дьяволу. Насколько далеко Энтони зашел в этом? Мехмед был дьяволом, но дьяволом побеждающим. И, выбрав сторону дьявола, ни один человек не рискует оглядываться назад. Эмир был и дьяволом, и благодетелем в одном лице. Имя Хоук-паши облетит весь мир и будет внушать ужас тем, кто противостоит ему.

Начиная уже с завтрашнего дня, когда он поведет своих людей на город...

Вся его жизнь зависит от завтрашнего дня. Но теперь завтра это уже сегодня.

В этот раз Саган-паша распорядился атаковать город без передышки, пока он не будет взят. Основное наступление должно было проходить из долины Люции по направлению к воротам Святого Романа. Расчет был на то, что все византийцы соберутся в одном

месте, оставив таким образом стены в других местах незащищенными. Тогда галеры, находившиеся в Золотом Роге, должны были сыграть свою роль.

В этот раз часа утренней молитвы не ждали. Когда загремели барабаны и завыли трубы, было еще темно. Турецкий лагерь оживал, слышались крики людей.

Дождь перестал, но все еще по мокрой земле башибузуки двинулись вперед на ворота Святого Романа.

Их встретил решительный огонь. Мужества прежних атак уже не было — слишком много людей погибло. Вскоре башибузуки собрались отступать, но были возвращены в бой старшинами, объезжавшими ряды сражающихся. В руках у них были железные жезлы и витые плетки.

Предупреждаемые таким образом, башибузуки возвращались в сражение. Через некоторое время Мехмед дал им знак к отступлению и послал в атаку анатолийских рекрутов.

Наблюдая со своих позиций на севере, где стену еще не штурмовали, Саган-паша и Хоук-паша видели, как анатолийцы карабкаются через внешнее кольцо защитных сооружений, чтобы добраться до периболы — пространства между внешней и внутренней стенами.

— Ты был прав, Хоук-паша, — сказал Саган-паша. — Византийцы теряют силы.

Но вскоре анатолийцы были отбиты отчаянным сопротивлением генуэзцев, защищавших эту часть стены. Однако Энтони заметил, что все больше и больше людей уходят от *Xylo Porta* на защиту ворот Святого Романа.

Мехмед также наблюдал за этим. Снова забили барабаны.

Анатолийцы отступили, и теперь янычары с воинственными криками рванулись вперед.

— Настало время, — заревел Энтони.

Он спешился, встал во главе янычар Саган-паши и ринулся вперед. Размахивая своим жезлом, Энтони

шел напролом в окружении криков, летящего свинца и блеска стали.

Защитные сооружения у *Xylo Porta* были ослаблены. Вскоре к ним приставили лестницы, и натиск на внешнюю стену начался. Взобравшись на стену по лестнице позади двух янычар, Энтони был удивлен, не встретив никакого сопротивления. Защитники отступили к внутренней, более высокой стене, откуда обстреливали нападавших.

— Вперед! — закричал Энтони и спрыгнул в периболу. За ним последовали люди, тащившие за собой лестницы.

Все это время византийцы продолжали обстреливать их из луков, забрасывали камнями и поливали кипящим маслом. Энтони приказывал вновь приставить лестницы. В этот момент один из янычар схватил его за плечо и указал куда-то.

Энтони с трудом мог поверить своим глазам. Калитка в стене была открыта.

Указывая направление жезлом, Энтони побежал туда, воины последовали за ним. Они ворвались в калитку и оказались на улице города. Толпа людей в ужасе уставилась на них. В основном это были женщины и дети, передающие еду и боеприпасы солдатам на стенах.

— К воротам Святого Романа! — крикнул Энтони. — Мы возьмем их с тыла.

Около пятидесяти человек ворвались через калитку вместе с ним в город. Но даже такому малочисленному отряду было по силам произвести решающие действия.

Византийцы бросились вниз по ступенькам закрыть калитку, кем-то безответственно оставленную открытой.

Внезапно Энтони передумал. Вместо того чтобы пытаться проложить себе путь через заполненные улицы к воротам Святого Романа, он направил отряд по этой же лестнице на стену и захватил ближайшую башню. Ее защищала горстка византийцев, и те вскоре разбежались.

Над ними в утреннем небе реял византийский флаг. Мгновенно его сорвали и водрузили свой зеленый флаг. Послышались приветственные крики турок и вопли отчаяния византийцев.

Вооруженные люди поднимались на стену, пытаясь штурмовать башню. Плечо к плечу со своими янычарами Энтони отбил их один раз, другой. Кровь обагрила его меч, голос охрип от приказов. Сражение продолжалось...

Потом вдоль стены пронесся шепот: «Джустиниани ранен, Джустиниани покинул линию обороны». Византийцы колебались, оглядываясь назад. Энтони знал, что теперь время действовать, но он и его люди были изнурены. Их осталось только тридцать.

Затем пронесся другой слух: «Император мертв. Константина больше нет».

Внезапно византийцы развернулись и помчались к обманчивой безопасности внутреннего города.

Константинополь пал.

Кэтрин Нотарас подняла голову. Городской шум изменился. Крики гнева и вызова сменили крики страха, вопли дурных предчувствий. Неужели случилось то, что казалось невозможным?

Каждый уходящий день дарил надежды на то, что город будет удержан и что вскоре прибудет помощь. В тот день, когда ее отец был разорван на части своим собственным чудовищем, появилась надежда на спасение. С тех пор все атаки турок отбивались, все были уверены, что нападение будет отражаться и впредь.

Все уповали на то, что генуэзский флот все-таки придет на помощь...

Когда три дня назад стало очевидно, что турки готовятся к еще более отчаянному штурму, столица была наполнена духом спокойной решимости. Император созвал верующих в церковь, чтобы сообщить о своей уверенности в прекрасном будущем города.

Собор был набит до отказа, огромная толпа собралась и перед ним. Казалось, что жители Константинополя, отбросив на время свои высокомерные разногласия и забыв о личных распрях, верят в то, что их город выстоит по воле Бога, и объединяются в едином решении бороться за свое право на жизнь.

Прошлой ночью, перед тем как заснуть, Кэтрин была настроена весьма оптимистично. Уже не имело значения, что положение в городе было тяжелым, что трупы валялись на улице, а ломоть хлеба стало невозможно достать...

Благодаря огромным водохранилищам вода в Константинополе была в достатке. Если турки решились бы еще на один штурм, люди Византия отразили бы его. В этом они были уверены.

Лежа в своей комнате, Кэтрин накрылась подушкой, пытаясь заглушить грохот боя. Она ждала того момента, когда кто-нибудь придет и скажет ей, что турки вновь отбиты и отступают.

Но теперь...

Кэтрин встала с кровати, наскоро оделась и посмотрела на мужа, стоящего в дверях. Оружие Василия Нотараса было в крови, он потерял шлем; волосы его были всклочены. Он молча смотрел на жену.

— Василий, — прошептала Кэтрин. — Что случилось?

— Мы проиграли.

— Проиграли? — Ее голос стал на октаву выше. — Как это возможно?

Плечи Василия опустились, он тихо сказал:

— Джустиниани ранен, его люди настояли, чтобы перенести его в безопасное место. Император молил его остаться на позиции, потому что даже раненый он мог быть полезен. В этот момент несколько турок ворвались в город через открытую калитку. Их было всего ничего, но они захватили башню и повесили там турецкий флаг. Император, увидев это, спрыгнул со стены в самую гущу янычар и сражался с ними до тех пор, пока не был сбит с ног. Я видел, как все это случилось...

Кэтрин слушала. Щемящему чувству страха не дал разрастись в ней какой-то новый звук, донесшийся с улицы. Это гремела победная песня ликования. Она увидела, что сжимает руками грудь, и почувствовала сильную боль.

— Быстро, — сказал Василий. — Мой отец с минуты на минуту будет здесь. Мы должны спуститься в подвал и переждать там, пока страсти не утихнут. Затем мы предложим им выкуп за себя. Это единственный путь.

— Что будет с Анной? Мы должны привести ее сюда.

— Пусть она сама ищет путь к спасению. Не мешкай!

Кэтрин сбросила пеньюар и достала одежду, размышляя, что случилось с прислугой. Все сбежали, без сомнения. Но куда?

— Ты не можешь бросить свою сестру в беде, — сказала Кэтрин.

— Пусть ее спасает муж! Ради Бога, поторопись!

Она бежала за ним вниз по ступеням, останавливаясь, чтобы взглянуть в окно. Город уже горел, и дым поднимался над ним черной тучей. Толпы людей бегали по улицам, крича от ужаса и горя.

Кое-кто пытался спасать ценности, думая, что их можно где-нибудь спрятать. Воздух сотрясал жуткий рев жаждавшего крови триумфа. Она посмотрела вниз, на драпировки и иконы, роскошную обстановку дворца великого дуки. Что предстоит им? Что ожидает ее?

Они дошли до нижней залы и увидели там дворецкого Михаила, стоявшего неподвижно, как статуя. С ним была жена великого дуки. Она рыдала и заламывала руки.

Василий Нотарас повернулся к приоткрытым дверям. Слуги сбежали, но ворота, к счастью, были заперты. Они уже поддавались напору множества плеч, бьющих по ним.

Жена великого дуки упала на колени и начала истово молиться.

— Мама! — крикнула Анна Драконт, появляясь из задней части дома. Ее великолепные волосы были распущены. На лице застыла белая маска страха. — Мама! — закричала она. — Турки в городе. Они всюду, мама, они убивают всех мужчин... — Она остановилась, в ужасе глядя на шатающиеся ворота.

— В подвал! — закричал Василий. — Все в подвал!

Кэтрин подошла к невестке и обняла ее за плечи. Но было слишком поздно: ворота распахнулись, и толпа хлынула во двор.

Кэтрин никогда не видела турок так близко. Теперь, застыв от ужаса, она смотрела на их длинные усы, орлиные носы и лица, свирепее которых, казалось, нет на земле.

Она словно окаменела, когда турки взбегали по ступеням, размахивая кривыми саблями, уже запачканными кровью. Один из них проткнул тело ребенка и теперь размахивал трупом над головой, как знаменем.

Они принесли с собой зловоние мужчин, которые сражались и были напуганы, а теперь торжествовали.

За ними поднималось зловоние горящих домов и жженой плоти.

Михаил выступил вперед с поднятыми руками, как будто пытаясь остановить их. Сверкнула сабля, и дворецкий покатился вниз по ступенькам; его голова катилась отдельно. Он не успел издать ни звука. Турки кинулись вперед, и Кэтрин закрыла глаза. Она почувствовала, как напряглось тело Анны, поднялась ее грудь, когда какая-то молодая девушка начала истошно кричать.

Внезапно Анну вырвали из объятий Кэтрин.

Василий упал на колени.

— Освободите нас! — кричал он. — Мы аристократы! Мы заплатим выкуп!

Кэтрин окружал возбужденный мерзкий смех. Это напомнило ей о Неаполе, когда Энтони защитил ее от похотливых мерзавцев.

Но теперь Энтони не заметил бы ее...

Казалось, турки приняли во внимание слова Василия. Богатство, окружавшее их, говорило о состоя-

тельности семьи. Когда Кэтрин схватили за плечи, она открыла глаза и увидела, что с ее мужа уже сорвали одежду и теперь связывают.

Но это не означало, что победители сначала не позабавятся с женщинами.

Жена великого дуки голая лежала на полу. Она была пышной привлекательной женщиной, турки одобрительно галдели, карабкаясь на нее.

Анна без одежды также была брошена на пол. Несмотря на ее сопротивление турок опустился меж ее ног. Волосы Анны разметались, слабые крики слетали с ее губ.

Кэтрин также бросили на пол, ее голова сильно болела от удара о камень.

Она видела лица, вожделенно смотревшие на нее, слышала, как рвется ее одежда, и внезапно почувствовала дрожь в животе. Она хотела кричать, но не могла. Когда мужчины склонились над ней, она увидела, как другие, взбираясь на плечи друг другу, срывают иконы, а остальные выламывают бесценные изразцы. Отовсюду раздавались вопли и причитания. Человек стоял на коленях между ее ног, и она бессмысленно смотрела на их белизну, почти снежную рядом с зелеными анатолийскими плащами. Человек схватил ее ягодицы, приподнял их, чтобы было поудобнее войти в нее.

Еще один ползал сбоку Кэтрин, цапая ее за груди. Как только первый удовлетворил похоть, второй оттолкнул его и занял его место.

«Почему я не умерла? — думала Кэтрин. — Почему небеса не разверзлись и не метнули молнии на пораженный город?»

Кэтрин протяжно зарыдала, когда турок скатился с нее, и она была перевернута вниз лицом.

Солнце высоко поднялось над городом, в котором стоял запах крови и страха. Пожар уже начинал разгораться.

Когда Мехмед II въехал в город через ворота Святого Романа, его конь с трудом пролагал себе путь

между грудами мертвых тел. Мехмед посмотрел вокруг. Его воины были готовы опустошать дома, насиловать женщин и убивать детей, не внемля жалостным мольбам о пощаде. Он увидел, как трупы турок перетаскивают в одну сторону, а византийцев — в другую. Христиан кастрировали, и определить точное количество убитых можно было, сосчитав отрезанные гениталии. И не важно, были ли христиане мертвыми или просто ранеными, в любом случае они скоро будут мертвы. Утро заполняли крики страха, стоны похоти и агонии, вопли, лай собак, звук падающих бревен.

Солдаты на мгновение приостановили свою кровожадную деятельность, чтобы поприветствовать эмира.

За воротами Мехмеда ждали Халил-паша и Хоук-паша.

— Я слышал, это ты поднял флаг, — сказал Мехмед. — Благословен тот день, когда ты пришел ко мне, юный Хоук.

Они поехали по улицам, заполненным бесчинствовавшими башибузуками, анатолийцами и янычарами. Они увидели девушку, кричавшую от ужаса, когда полдюжины солдат выволокли ее из дома и стали насиловать прямо на обочине, поочередно хватаясь за ее белое тело.

— Разве мы не можем остановить это, о падишах? — спросил Энтони, которого мутило от этой картины.

— Мои люди сражались долго и честно. Они понесли невосполнимые потери. Можно позволить им теперь немного поразвлекаться, — твердо сказал Мехмед.

Миновав Белые ворота, они оказались в старом Византии. К тому времени Энтони увидел много проявлений бессмысленной жестокости. Янычары заполнили старый город, грабя, насилуя и сжигая все на своем пути. Завеса дыма поползла по великолепным дворцам, сравнивая их с уже окутанным дымом внешним городом.

— Город будет разрушен, если ты не остановишь их, — не унимался Энтони.

Мехмед кивнул и повернулся к Халил-паше:

— Контролируйте людей! Пусть оставят себе награбленное и женщин! Пламя нужно погасить!

Халил-паша поклонился.

Мехмед направил коня к императорскому дворцу.

— Константин умер как настоящий мужчина, — сказал он, — но не все его люди вели себя так же мужественно.

Эмир стегнул коня, направляя его вверх по ступеням в тронный зал; стук копыт по полированному мрамору гулко отдавался по всему дворцу. Оглядевшись вокруг, эмир сказал:

— Паутина украшает портал кесарева дворца вместо занавеси, а на сторожевой башне Афросиаба несет дозор сова.

Энтони спешился и держал уздечку хозяина.

Мехмед слез с коня и начал расхаживать по залам дворца, его телохранители следовали за ним. Они подошли к испуганным женщинам и рыдающим детям.

— Кто они? — спросил Мехмед. — Это женщины Константина?

— Нет, о падишах, — ответил один из воинов. — Они обычные слуги.

— Выведите их и разделите между собой, — сказал Мехмед. Он вошел в банкетный зал и уселся в огромное императорское кресло. — Я хочу есть, — сказал он одному из своих помощников. — Прикажите им принести мне те блюда, которые подавались Константину. — Он улыбнулся. — Если что-то еще осталось здесь.

Помощник поспешил выйти.

— Садись справа от меня, Хоук-паша, — приказал Мехмед. — Ты и отец твой — стратеги моей победы, и мне жаль, что его нет в живых, чтобы отпраздновать наш триумф. — Он сделал знак одному из своих советников. — Я хочу увидеть всех пленников-аристократов.

Кушанья были поставлены на стол. Мехмед ел жадно. Энтони был не в состоянии проглотить что-либо. Он понимал, что трагедия Константинополя еще только начинается.

Внезапно янычары втащили двух мужчин, покрытых синяками и ранами.

— Это братья Боккарди, о падишах, — сказал капитан.

Энтони узнал их так же, как и они, несомненно, сразу узнали его.

Мехмед посмотрел на пленников, и они достойно выдержали его взгляд.

— Отрубить им головы, — коротко приказал Мехмед.

— Разве ты не можешь спасти нас, монсиньор Хоук? — спросил один из братьев.

Их бросили на пол, сверкнули сабли, и кровь разлилась по мраморному полу.

— Положить головы неверных на стол! — приказал Мехмед, продолжая есть.

Энтони посмотрел на открытые рты и безумные глаза.

«Я продал душу дьяволу», — в ужасе подумал он.

Потом привели трех женщин, прекрасные одежды которых были разорваны, а волосы растрепаны. Сердце Энтони защемило. Но это оказались не те, кого он искал.

— Они называют себя Палеологами, о падишах, — сказал капитан.

— Отдай их моим янычарам, — бросил Мехмед.

Женщины уставились на него в ужасе.

— Милостивый государь, — решилась одна из них.

— Выкинуть их, — коротко сказал Мехмед. — Когда мои люди устанут от них, отрубить им головы.

Для этого ужасного мщения была причина, наконец осознал Энтони. Мехмед целенаправленно и на века вписывал в историю страницы, наводящие ужас при упоминании его имени.

Жестокая бойня продолжалась, кровоточащий ряд на столе рос, пополняясь все новыми и новыми головами, а Мехмед продолжал трапезу.

Через два часа на столе было уже двадцать голов. У Хоквуда вновь перехватило дыхание, когда еще одна группа пленников была приведена в зал.

Энтони почти вскочил со своего места, но силой заставил себя сидеть. Он был настолько охвачен ужасом, что не сразу узнал вошедших. Женщины и мужчины были обнаженными. В таком виде их вели по всему городу. Одна из пленниц была высокой рыжеволосой полной женщиной; ее лицо покрылось пятнами от слез. Энтони никогда не видел свою сестру обнаженной. Вторая женщина позади Кэтрин была тоненькой и темноволосой. Ее маленькие груди дрожали, когда она в испуге озиралась по сторонам.

Третья женщина, приземистая и плотная, была когда-то женой самого могущественного человека в империи.

Рядом с женщинами стояли четверо мужчин. Трех из них Энтони узнал: это были великий дука, Василий и Алексей. Четвертого он видел в первый раз, но сразу понял, что это граф Дракон.

Увидев головы на столе, кровь на полу, женщины вздрогнули и прижались друг к другу.

Великий дука выступил вперед.

— Я великий дука Лука Нотарас, — отчаянно начал он. — Мое богатство неизмеримо, я выкуплю себя и свою семью, эмир.

Мехмед внимательно посмотрел на него.

— Нотарас... — протянул он. — Да, я слышал о тебе.

Нотарас постарался выдержать пристальный взгляд эмира, но не смог.

— Обезглавить его, — бросил Мехмед.

Энтони судорожно вздохнул.

Нотарас в ужасе уставился на эмира.

— Нет! — закричала его жена и упала на колени. — Ради Бога, нет...

Янычары схватили великого дуку и бросили его на пол.

Женщина снова закричала и упала в обморок. Голова ее мужа покатилась по полу. Головы остальных трех мужчин полетели следом за первой.

Анна и Кэтрин также упала на колени, все еще прижимаясь друг к другу.

Энтони поднялся, глядя на них.

— Именем Пророка, — спросил Мехмед, рассматривая женщин. — Это твоя сестра, юный Хоук?

— Да, о падишах, — ответил Энтони.

Хоквуд смотрел на Кэтрин, которая, казалось, едва узнавала его.

— Энтони? — пробормотала она. — Боже мой, Энтони? Ты убил наших мужей...

Энтони не смог ничего ответить.

— Встань, женщина, — приказал Мехмед.

Кэтрин колебалась, потом поднялась с пола. Анна поднялась тоже, опасаясь остаться одна.

Мехмед теребил бороду, рассматривая Кэтрин.

— Ты и в самом деле сестра Хоук-паши, — сказал он. — Если бы ты не была уже замужем... но не имеет значения. Я отдаю ее тебе, юный Хоук. Отвези ее к матери, и пусть они вместе оплакивают твоего отца.

— Я лучше умру! — закричала Кэтрин. — Вы жестокие убийцы, вы оба дьяволы из ада. Я лучше умру!

— И прикажи выпороть ее как следует, — посоветовал Мехмед. — Ей это пойдет на пользу.

Он повернулся к капитану, выставлявшему головы великого дуки, его сыновей и графа Драконта на столе, и приказал:

— Остальных женщин отдай солдатам.

Жена великого дуки застонала. Анна крепче прижалась к Кэтрин.

— Я знаю, что они заслужили это, о падишах, — начал Энтони. — Ты был слишком добр по отношению к моей сестре. Но здесь находится женщина, которую я когда-то любил.

Мехмед оживился.

— Действительно? Подойди ближе, женщина.

Анна отпрянула, но тут же была схвачена и брошена вперед одним из янычар. Она упала на колени перед столом, в ужасе уставившись на голову отца.

— Ты хочешь забрать ее? — спросил Мехмед.

— Падишах...

Мехмед издал короткий смешок:

— Ты превзошел мои ожидания, юный Хоук. Хорошо, я помню свое обещание, что у тебя будет вторая жена. Эта женщина может стать твоей женой, потому что теперь она вдова.

— Никогда, — простонала Анна.

Мехмед мрачно посмотрел на нее.

— Ты хочешь, чтобы тебя бросили на забаву моим воинам? — прошипел он. — Я отдаю тебя Хоук-паше. А ты, Хоук-паша, — добавил он, — смотри за ней хорошенько. Если она не родит ребенка ровно через год, я заберу ее и отдам янычарам. Теперь иди. Забирай своих женщин и иди. — Мехмед снова засмеялся, указывая на жену великого дуки. — Хочешь, возьми и эту тоже, если она позабавит тебя.

Энтони обошел стол и направился к женщинам.

— Ты продал душу дьяволу, — рыдала Анна. — Мы никогда не простим тебя.

— Хорошо, не прощайте, — прорычал Энтони.

Книга вторая

СЕРАЛЬ[1]

Ах, любовь! Если б мы с тобой фортуну уломать смогли,
Разрушить горестный закон, что правил судьбами земли,
И из его осколков вновь собрать такой порядок дел,
Чтобы к желанью сердца нас дороги жизни привели!

Омар Хайям

Глава 7

БРАТЬЯ

— Там! Там!

Тамбурины гремели, трубы трубили, и загонщики пронзительно кричали.

Из-под сосен метнулся огромный песочно-желтый зверь. Он мчался на почти негнущихся лапах, как бегают кошки, по открытому пространству к следующему перелеску.

— Красавец! — закричал принц Джем. — Какой красавец! Быстрее, Хоук, быстрее! Мы вместе возьмем его.

Вильям Хоквуд пришпорил коня. Принц и Вильям быстро удалились от свиты. Луки они держали наготове и были охвачены возбуждением погони и, возможно, вознаграждением по ее окончании. Когда-то на этом горном плато Центральной Анатолии водились львы. К 1481 году эти могучие звери почти вымерли. Как только принц Джем, находившийся в Брусе, прослышал, что одно такое создание затерялось на Улудаге, он приказал собираться на охоту.

Теперь цель была близка.

---

[1] С е р а л ь — европейское название султанского дворца и его внутренних покоев (гарема) в Османской империи.

Двое юношей — двадцатидвухлетний Джем и Вильям Хоквуд, годом младше, — были совершенно разными людьми. Особенно это было заметно, когда они гнались за добычей. Турок был приземистым: его тело пока было мускулистым, но чувствовалось, что оно склонно к полноте. Его нос — длинный и кривой — нависал над верхней губой, над которой начали отрастать усы, этим он напоминал своего отца — султана Мехмеда II.

Джем походил на отца не только внешностью. Его темно-голубые глаза бывали холоднее льда и открывали грани его характера, спрятанного где-то глубоко внутри.

Вильям Хоквуд был на два дюйма выше шести футов; его лицо было кирпичного цвета, а волосы — огненно-рыжими.

Первая стрела попала в цель. Она настигла льва в момент прыжка. Оседая, лев успел ударить Вильяма по плечу передней лапой. Он, ощетинясь, поворачивал голову, рыча на противника. Обреченный зверь был настолько благороден, что Вильям на мгновение восхищенно залюбовался им... перед тем как пустить вторую стрелу.

Джем наконец воспрял духом и выстрелил. Но его выстрел был неточен, лев повернулся к нему.

— Стреляй! — умолял принц. — Стреляй!

Вторая стрела также попала в цель, лев повалился на бок, и кровь выступила на его желтовато-песочной шкуре. Он был готов к решающему прыжку, и Вильям держал третью стрелу на тетиве. Но он знал, что лучше не стрелять. Потому что победителем должен быть принц.

Джем к тому времени взял себя в руки, успокоил коня и не спеша прицелился. Когда лев поднял голову, чтобы издать последний дерзкий рык, стрела принца ударила ему в горло. Рев перешел в булькающий звук, и зверь упал.

— Великолепный выстрел! — закричал Вильям. Он знал, что принца надо восхвалять вслух.

— Зверь мертв? — Джем осторожно повел коня вперед.

— Скорее всего он умирает, мой господин.

Джем спешился и достал саблю. Шепча молитву, он осторожно подошел к жертве. Потом взмахнул саблей и вонзил ее в голову животного. Лев зарычал и перевернулся. Джем отошел, потом опять вернулся и ударил по животу зверя. Брызнула кровь. Зверь обмяк, казалось, его мышцы одновременно потеряли силу.

Вильям спешился:

— Браво, мой господин! Ты уничтожил его.

— Ха! — крикнул Джем и начал ожесточенно рубить льва.

Вильям ждал, пока он выбьется из сил; свита, остановившись на почтительном расстоянии, тоже ждала окончания этого жестокого действа.

— Мразь! — крикнул Джем, размахивая саблей. — Ты думал, что можешь равняться силой с принцем династии Османов.

Наконец он остановился, пот градом катил по его лицу; его шелковый плащ стал мокрым.

— Я убил это чудовище, — сказал он. — Отец будет горд этим.

— Мой господин, — поправил его Вильям, — ты убил царя.

Джем стрельнул глазами в его сторону.

— Твой отец будет очень горд этим, — добавил Вильям.

— Ха! — воскликнул Джем. — Ха-ха! Ты прав, юный Хоук. — Он взлетел в седло. — Доставьте его во дворец, — сказал он охранникам, показывая на мертвого льва.

— Ты искусный охотник, — сказала Серета и поцеловала мужа; два маленьких мальчика возились у их ног.

— Потише, — сказал Вильям. — Это принц сразил льва. — Он приложил палец к ее губам, когда она пыталась протестовать. — Принц сразил льва, жена моя. И покончим с этим.

Черноволосая и черноглазая, с мягким пышным телом, Серета надула губки и бросилась на диван. Ей исполнилось девятнадцать лет, четыре из них она была женой Вильяма.

Султан сам выбрал ее с согласия Энтони Хоквуда, Хоук-паши, его ближайшего друга, сразу после того, как Вильям прошел обряд обрезания и стал мужчиной. Серета была дочерью армейского командира. За ней дали богатое приданое, и она была решительно настроена быть верной и преданной своему мужу.

Самой заветной мечтой каждой девственницы империи была мечта о том, что ее во время ежегодного набора в гарем султана заметят и она попадет во дворец. Еще все мечтали попасть в дом Хоквуда. Иногда даже возникали слухи, что этот порядок нарушен в сердцах и умах многих девушек. Быть избранной для султана не значило достижения власти и счастья, а часто даже влекло за собой невозможность интимной жизни, если помощь не приходила от других таких же несчастных узниц гарема или... от евнуха.

Но все знали, что выйти замуж за Хоука значило для девушки попасть в невообразимый мир, где не было других жен, где не носили чаршаф даже в обществе родственников-мужчин и гостей, где жене позволялось оставаться рядом с мужем. Лейла, дочь Мехман-паши, была первой, кто вкусил прелести этой необычной жизни, когда эмир — как тогда называли султана — отдал ее в жены Энтони Хоквуду. Но Лейла оказалась бесплодной. Она умерла молодой, и многие считали, что от горя.

Энтони Хоквуд взял другую жену, гордую гречанку, Анну Нотарас, которую он спас из горящего Константинополя. Ходили слухи, что его интимные отношения со второй женой поначалу напоминали изнасилования. Душераздирающие крики доносились из его дворца в первые дни его женитьбы.

Однако Анна Нотарас родила трех сыновей и двух дочерей. И Энтони Хоквуд не нашел необходимым жениться еще раз.

Вильяму были известны все эти слухи. Он допускал мысль, что в них было много правды, потому что часто видел, с каким странным чувством мать смотрит на отца.

Красивыми орлиными чертами и высокомерием мать походила на гордую кобылицу, усмиренную наездником. Вильям и его мать никогда не были близки. Как и два его старших брата, он был выучен с мужчинами, отправлен в школу янычар, когда ему исполнилось только десять лет, и научился убивать раньше, чем научился любить. Серета и дети были для него скорее собственностью, символами его преуспевания и мужества. Возможно, любовь придет со временем...

Султан, хотя и настаивал на совершении такого обряда, как обрезание, никогда не пытался склонить Хоквудов перейти в мусульманскую веру. Он понимал, что их ценность для него заключается в том, что они по-прежнему чужеземцы, которых при необходимости можно использовать для дипломатических переговоров с неверными. К тому же он знал, что их положение в Османской империи, как христиан, всецело зависит от его воли. Никакой другой семье он не доверял так, как Хоквудам.

Султан взрастил Вильяма Хоквуда и своего младшего сына Джема почти как братьев. Но Вильям не был допущен к молитве, и было понятно, что и его сыновья будут христианами, независимо от того, кто станет их матерью. И если Вильям по примеру своего отца выбрал франкский образ жизни с единственной женщиной — это его личное дело.

Вильям Хоквуд все принимал как должное. Его заботило только его предназначение в этой жизни — быть младшим сыном Хоук-паши. С детских лет он знал, что он и его семья — отступники, которым предопределено не только жить, но и завоевывать славу и счастье в земле варваров и, более того, возглавлять турок в сражениях против христиан. Он с детства знал, что его судьба — стать воином, командующим артиллерией, как и его предки. Несмот-

ря на это Вильям никогда еще не стрелял в порыве гнева, но знал, что его отец был грозным воином, и поэтому гордился им. Довольно часто можно было услышать прозвище султана в молодости Кровопийца, но теперь Мехмед предпочитал быть известным как Завоеватель. И все же Вильям не испытывал к нему страха, потому что был сыном Хоук-паши. Он гордился тем, что служит величайшему монарху в мире.

Вильям Хоквуд хорошо знал, что любимчик султана — принц Джем — был настоящим трусом да к тому же и порочным человеком. Наказание — родиться тем, кто должен ему служить. Джем, конечно, доверял своему английскому другу и с каждым годом, казалось, все больше и больше. Когда Джем стал командовать гарнизоном Брусы, Вильям должен был сопровождать его как командующий артиллерией. Энтони Хоквуд был величайшим артиллеристом в мире, его сыновья следовали его примеру.

На этом поприще можно было сделать карьеру. Пусть даже польстить придется — это тоже необходимо тем, кто служит. Вильям был уверен, что Джем не станет султаном до тех пор, пока жив его старший брат Баязид. Но даже унаследование Баязидом меча Османа казалось еще далеким будущим. Султану едва исполнилось пятьдесят, он был как всегда властен и силен как телом, так и умом.

Между тем можно было пользоваться преимуществами независимости.

Приютившаяся у поднжия горы Улудаг, Бруса была одним из самых замечательных мест на земле. Здесь только один звук, еще более спокойный, состязался со вздохами ветра — журчание воды.

И даже холодные зимы нельзя было назвать неприятными. Сразу после снегопада выглядывало солнце, и взору представали картины необычайной красоты. Летом климат бывал превосходным. На горном плато за городом можно было охотиться, там же Вильям и Джем тренировали свои войска, которые включали и отряд янычар.

Бруса была центральной точкой Османской империи. Константинополь мог восстать из пепла и стать величайшим городом, каким он был и прежде. Бруса же хранила могилы предков Джема. И, без сомнения, это только дело времени, здесь будет находиться и его могила.

Этот город находился вдалеке от неспокойных границ империи и интриг Порты[1] — так назвали османский двор из-за привычки султана принимать иностранных послов на галерее своего дворца.

В этом городе турки выставляли произведения искусства: керамические изделия и вышивку по шелку. Здесь можно было быть счастливым и толстым, охотиться и развлекаться, заниматься любовью с желанной женщиной и радоваться возрастающей силе и энергии детей. И делать это так долго, пока все остается на своих местах.

Всадник посерел от усталости и страха. Он гнал изнуренного коня по булыжникам, искры летели из-под копыт. Люди выскакивали из домов, чтобы посмотреть на него и обсудить, какую новость он мог принести. Плохие вести, надо думать, уж слишком он спешит.

— Видно, случилась беда, — перешептывались люди. — Может, янычары разбиты?

— Трудно такое представить!

Никто даже не мог предположить, какую весть на самом деле вез гонец.

Принц Джем уставился на него в оцепенении.

— Завоеватель мертв? — прошептал он. — Как это могло случиться?

— Яд, — прорычал Омар-паша, командир гарнизона.

— На самом деле яд? — спросил Вильям Хоквуд.

— По-видимому, нет, мой господин, — сказал гонец. — Падишах внезапно упал, жалуясь на сильную боль, а потом умер. Господин мой принц, твой

---

[1] П о р т а (или Высокая Порта) — название султанской Турции.

брат, султан Баязид, приказывает тебе явиться в Константинополь.

— Снести голову этому человеку, — приказал Джем.

— Господин мой принц, — запротестовал Вильям.

— Снести ему голову! — кричал Джем. — Возьмите его голову.

Гонец поспешил из покоев. Он даже не протестовал и вряд ли надеялся на другой исход своей судьбы.

— Султан Баязид... — рычал Джем, усаживаясь на диван, с которого поднялся, чтобы выслушать известие. — По какому праву он провозгласил себя султаном?

— По праву рождения, — решился Вильям. — Он ведь старший сын.

— Если бы отец был жив, он выбрал бы меня, — рявкнул Джем.

— Я не сомневаюсь в этом, мой господин. Но кто осмелится перечить воле Аллаха?

— Ха! Я не согласен с этим. Баязид, должно быть, держит меня за дурака. Ехать в Константинополь? Я с таким же успехом могу перерезать себе горло.

— Но тебя приглашает султан, — вступил Омар-паша.

— Меня приглашает мой брат, который объявил себя султаном, — заявил Джем. — Он приглашает меня на казнь.

— Ты не знаешь этого, — сказал Вильям.

— Разве мой отец не убил всех своих братьев? Разве он не оправдал свои поступки словами из Корана? Баязид ненавидит меня за то, что я любил отца. Я не пойду смиренно, как овца на заклание.

— Но если ты бросишь вызов султану, мой господин, — сказал Омар-паша, — ты будешь считаться мятежником.

— Скорее всего падишах пошлет армию против тебя, — предположил Вильям.

— У нас есть собственная армия! У меня есть два отличных генерала! — Он по очереди посмотрел на

них. — Кроме того, у меня есть план, который ослабит смелость Баязида. У него всегда была кишка тонка для войны. Я предложу ему разделить империю. Пусть оставит себе Европу и даже Константинополь, а у меня будут Азия и Бруса. — С улыбкой он откинулся назад.

Омар-паша и Вильям переглянулись. То, что кто-то из династии Османов согласится разделить империю, было равноценно предположению, что однажды на землю падут небеса. Восстание против султана могло повлечь за собой только смерть. Вильям оказался в еще более трудном положении, чем Омар-паша.

— Прими мое почтение, мой господин, — начал он, — если Баязид отклонит твое предложение и пошлет армию против тебя, она скорее всего будет возглавлена моим отцом и братьями. Поэтому я прошу твоего позволения удалиться.

— Я не разрешаю тебе этого, юный Хоук. Ты будешь командовать артиллерией.

— Но, мой господин...

— А насчет противостояния родственникам... Если Баязид такой глупец и отклонит мое предложение, то мне тоже придется противостоять собственному брату.

Вильям сначала хотел что-то возразить, но потом передумал. Джем сделал свой выбор. Наверное, это единственно возможный для него выход. Но для Вильяма Хоквуда...

Джем нахмурился и приказал:

— Ты будешь стрелять их моих орудий, юный Хоук. Выброси из головы любую мысль о том, что мне можно перечить. Ты будешь стрелять из моих орудий, или тебе придется увидеть, как умирают твои жена и дети. Думай об этом все время.

Над Золотым Рогом и Босфором плыли заунывные звуки.

Энтони Хоквуд вспомнил, как шестнадцатилетним мальчишкой, приехав в Константинополь с отцом,

мечтавшим о военной славе, он услышал звон колоколов Святой Софии. Генуэзский карак медленно рассекал течение, несущее воды Черного моря в Мраморное под аккомпанемент колокольного звона, оповещавшего весь мир, что войско христиан, возглавляемое Яношем Хуньяди, уничтожено.

Эти колокола уже давно молчали. Собор Святой Софии по приказанию султана превратили в мечеть. У мусульман не было колоколов. В этот день воздух наполнился звуками цимбал и тамбуринов, которые оплакивали султана вот уже целый месяц. Без сомнения, экипаж любого судна, подходившего к городу с Мраморного моря, сразу понимал, что случилось несчастье.

Султан был мертв. Никто в Константинополе и никто во всех владениях, подвластных османцам, не мог осознать весь ужас случившегося.

Без сомнения, в Риме его святейшество Папа Сикст IV отслужит *Te Deum* и отпразднует смерть дьявола.

Для Энтони Хоквуда это было труднее, чем для кого-либо. Иногда он думал, что жизнь его по-настоящему началась только тогда, когда он тридцать лет назад увидел легкую юношескую фигуру Мехмеда II. Мехмед стал его судьбой. Султан настоял на его обрезании, дал ему обеих жен, назначил командующим армией.

Вместе они завоевывали мир. Захват Константинополя был только первым шагом. С Хоук-пашой, командующим артиллерией, Мехмед вступил тогда на путь, шагая по которому он получил прозвище Завоеватель. Только Белград, который мужественно отстоял стареющий Хуньяди и остров Родос, героически защищенный рыцарями Святого Иоанна[1], сумели противостоять его армии. Вся Сербия, за исключением

---

[1] Рыцари Святого Иоанна — духовно-рыцарский орден, известный как госпитальеры, или «родосские рыцари» (с XIV в. после обоснования на острове Родос). В 1480 г. после падения Константинополя турки атаковали остров Родос, но рыцари выстояли и отбили нападение.

Белого города, оказалась под османским игом, Морея[1] была опустошена, побережье Черного моря и Трапезундская империя[2] были захвачены, Босния и Герцоговина пали.

Ценой этих постоянных агрессий стала вражда с Венецией, нейтралитет которой был так необходим в походе на Константинополь. Венецианцев беспокоило расширение власти османцев, они были рассержены турецким вмешательством в их прибыльную левантийскую торговлю.

Венецианцы всегда доводят дело до конца. Разбить турок раз и навсегда стало для них делом чести. Получив поддержку Папы Римского, они стали собирать крестовый поход против антихриста Кровопийцы. Венецианцы направили посланников в далекую Персию, чтобы призвать к оружию Узун Хасана, правителя племени аккоюнлу. Он был шиитом и ненавидел ортодоксальных суннитов, а турки как раз были последователями этого направления в исламе.

Мехмед разбил их всех. Так называемый крестовый поход был рассеян, венецианцев, атакованных турецким флотом в их собственной лагуне, заставили платить дань; два года назад великая армия Хасана была разбита в сражении при Отлук-Бели, в верхнем течении Евфрата. Мехмеду подчинялись все территории от Италии до Тавра, он становился хозяином всего, на что падал его взгляд. И, конечно, его ждали еще годы завоеваний, потому что он был не стар. Всего лишь месяц назад он послал курьеров оповестить янычар, анатолийцев, сипахов, башибузуков о начале нового похода на персов-шиитов, чтобы покончить с еретиками навсегда.

Через два дня после этого султан умер.

---

[1] Морея — название острова Пелопоннес в средние века.

[2] Трапезундская империя — государство на северо-востоке Малой Азии в 1204—1461 гг. Основано внуками византийского императора Андроника I при содействии грузинской царицы Тамары. Завоевано турками.

Энтони Хоквуд был допущен к умирающему султану, поскольку являлся его ближайшим другом. Теперь он переправлялся через Золотой Рог из дома в Галате, чтобы увидеть нового султана — Баязида. Как и его отец, Баязид был вторым султаном, носившим это имя. Предыдущего Баязида прозвали Громовержцем, он считался величайшим воином в мире, пока его не разбил Хромой Тимур.

Те, кто поднялся под величием династии Османов, как, например, Энтони Хоквуд, страстно надеялись, что этот молодой человек тридцати четырех лет будет в большей степени достоин славы своего отца, чем тезки[1]. Мехмед себя никак не называл, он считал, что прозвища должны давать те, кто боится его, но показал себя величайшим воином своего времени.

Баязид мог гордиться не только завоеваниями своего отца. Мехмед был первым османским эмиром, назвавшим себя султаном. Этот титул использовался в Коране. Считалось, что человек, наделенный им, обладает верховной, духовной и светской властью. Через несколько столетий таким титулом стали называть себя и политические лидеры, как бы утверждая, что власть наделенного этим титулом одобрена Богом. Первым султаном был Махмуд Газневи[2].

Халифы[3] Багдада награждали этим титулом выдающихся мусульманских правителей, пытаясь таким образом поддержать их ослабевающую власть. У предшественников османцев, родственных им сельджуков, первых успешно воевавших с византийцами, тоже были султаны. Но не халиф даровал этот титул эми-

---

[1] Имеется в виду тот факт, что Баязид I (турецкий султан, 1389—1402) был разбит и взят в плен Тимуром в 1402 г.

[2] Махмуд Газневи (? 970—1030) — правитель государства Газневидов с 998 г., при нем государство достигло наибольшего могущества. Совершил 17 походов в Северную Индию. Государство Газневидов располагалось в X—XII вв. на территории современного Афганистана, Ирана, Средней Азии, Индии.

[3] Халиф — в ряде стран мусульманского Востока лицо, наделенное верховной, светской и духовной властью.

ру Мехмеду II: он сам объявил себя султаном и своими победами заставил мир признать это.

Теперь, по праву наследия, этот титул принадлежал его сыну.

Мехмед был не только воином. Конечно, он проводил много времени в военных походах и постиг многое, что было необходимо для этого. Но он не думал, что умрет так скоро...

Возможно, он оставил слишком много незавершенных дел. Мехмед мечтал перестроить Константинополь, но так и не осуществил этого. Когда Энтони Хоквуд и его сыновья сошли с переправы и вошли в ворота, они увидели, что стены основательно восстановлены после артиллерийского штурма 28-летней давности, но большие участки города все еще были в руинах.

В стороне от развалин памятник Константину Великому все еще подпирал небеса как последнее напоминание о непокоренных христианах. Мехмед уважал память известных людей и противостоял назойливым просьбам имамов снести эту статую.

Все постройки султана были основательными. Дворец Палеологов из мрачного сооружения, состоявшего из острых углов и темных комнат, был преображен в великолепное здание, помещения которого были наполнены воздухом и умиротворяющим журчанием воды. Со стен исчезли многочисленные мрачные иконы. Их убрали не только потому, что воспроизведение человеческого лица противоречило мусульманским законам, но и оттого, что они вносили дисгармонию в ощущение красоты. На месте Девы Марии и младенца были теперь светлые шелковые драпировки.

Советники Мехмеда во всем подражали своему хозяину. Дворец Хоквудов в Галате был копией дворца султана или, как его называли, сераля.

По мусульманской традиции, которую Мехмед сохранил и оберегал, о состоятельности и власти людей судили по красоте их жен и количеству наложниц. Только в этом одном Энтони Хоквуд не превосходил других.

Мехмед мечтал превратить Константинополь в чисто мусульманский город. Но турки от природы не были городскими жителями. И если военачальники Мехмеда последовали за ним в Константинополь и попытались там обустроить свои дома, то простые воины — большинство султанской армии — предпочли вернуться к своим наделам. Турки не были ни служащими, ни купцами; они считали себя степными кочевниками и придерживались мнения, что место настоящего мужчины в седле.

Таким образом, Мехмед завладел городом призраков. Тысячи греков, генуэзцев и других христиан были собраны на рыночных площадях в ожидании решения своей судьбы. Выбор был небольшой: казнь или рабство.

Но Завоеватель был человеком мысли и дела. Он не собирался наблюдать, как умирает эта жемчужина, вырванная им из христианского мира. Константинополь нуждался в людях. Нужны были служащие и торговцы, предприниматели и ремесленники, которые бы сохранили славу величайшего города. Что изменится, если ими станут чужеземцы, которые лишь несколько месяцев назад были его злейшими врагами?

Мехмед предложил пленникам свободу, если они останутся жить в Константинополе и будут продолжать вести торговлю. Более того, он нашел патриарха Геннадия, прятавшегося в монастыре, и восстановил его в правах. Завоеватель не собирался насильно обращать греков в единственно истинную религию, но он понимал, что каждому человеку необходима вера. Геннадию разрешили проповедовать своим прихожанам и отпускать им грехи, что он и делал при Палеологах.

Геннадий был не меньшим прагматиком, чем его новый господин. Он не видел причины играть роль мученика, когда на него возложили выполнение христианских обязанностей, хотя и варварской ценой. Он закроет глаза и не увидит знамен с полумесяцем, не услышит мерного шага янычар, не заметит летящих

плащей сипахов. И Константинополь покажется ему опять византийским городом.

Только собор Святой Софии был теперь не доступен грекам.

Этот переход не был простым. Хоквуд до сих пор помнил выражение лица патриарха. Однажды Геннадий заметил, что рядом стоит его злейший враг, Хоук-паша, и его лицо судорожно исказилось в приступе ужаса. Грекам, самым неспокойным людям на земле, пришлось усвоить, что они потеряли свободу и что ударить турка означает мгновенную смерть. И все же Константинополь возродился и под покровительством «полумесяца» процветал теперь как никогда раньше за пятьсот лет своего существования.

Мехмеду пришлось учиться управлять источником такого огромного богатства. Турки мало что знали о деньгах и о том, для чего они нужны. В их жизни преобладали меновая торговля или грабеж. Но в делах с Западом, в расчетах с банками Гамбурга или Флоренции, которые могли вести переговоры даже с антихристом, если он был платежеспособен, для учета налогов со своих подчиненных Мехмеду пришлось завести бухгалтерские книги. Он не стал облагать налогом греческих купцов за то, что они пользовались морем в Золотом Роге, но он золотом забирал десятую часть его доходов.

И опять потребовались знания греков. У греков были свои обычаи, свое понимание, как вести дела. У Византийской империи свои традиции были уже за тысячу лет до того, как первый турок, подняв жезл с конским хвостом, вывел кочевников из степей.

Императорских бухгалтеров необходимо было как-то назвать. Османцы были всегда не более чем огромным кланом. Везиры выполняли каждодневную работу, оставляя эмиру время на собственные дела, паши водили людей и корабли в походы, бейлербеи следили за порядком в провинциях империи. На нижних уровнях порядка было мало. Каждый везир, каждый паша, каждый бейлербей управляли своим хозяйством по-своему, всегда помня, что, если они не угодят эми-

ру или неверно истолкуют его волю, то их ждет быстрая смерть.

Султан сохранил прежний порядок. Но добавил множество других служащих; турки не хуже византийцев знали, что титул, пусть самый надуманный, добавленный к имени человека, дает многое. Прежде чем попасть в помещение дивана[1], даже Хоук-паша должен был пройти осмотр хранителя ворот, потом хранителя дверей, капитана охраны и потом хранителя внутренних покоев. Все они были в роскошных одеждах, а вокруг их стальных шлемов была намотана ткань.

Так османцы раболепно подражали привычкам своего хозяина. Именно Мехмед, возглавляя поход на Восток, впервые завязал полоску материи вокруг шлема, чтобы он не так сильно нагревался на солнце. Вскоре каждый его воин перенял привычку хозяина. И теперь это считалось необходимым атрибутом одежды. Как и все турки, Энтони Хоквуд и его сыновья носили тюрбаны.

Двигаясь по направлению к огромной арке, которая служила входом в диван и которую охраняли евнухи, вооруженные кривыми саблями, Хоквуд справа от себя увидел большую комнату. В ней сидели греки-писцы, которые старательно скребли перьями по бумаге, пытаясь содержать финансовые дела империи в порядке. У них тоже специальные названия: хранитель книг, хранитель счетов, хранитель записей.

Через окно в дворцовых садах Хоквуд увидел главного садовника, говорившего с главным помощником садовника. Их окружало великолепие разноцветных бутонов, которые прекрасно росли в этом благодатном климате и которые являлись гордостью и радостью султана.

Все эти должности были хорошо оплачиваемыми и передавались по наследству. Дикие всадники, первыми последовавшие за Эртогрулом из степей, должно

---

[1] Д и в а н — совет при султане; так же называется помещение, где заседает совет.

быть, переворачивались в своих могилах, думал Хоквуд, при виде их потомков, так избалованных и испорченных.

Но ведь он сам был генералом артиллерии. А его старший сын пошел по его стопам.

Мехмед принимал эти украшения цивилизации, потому что понимал, как сильно они привязывают человека. Он цинично относился к ним и не изменял своим привычкам. По обычаю турок, он позволил везирам управлять делами империи, но всегда находился в помещении дивана, готовый при необходимости вмешаться. И всегда сам возглавлял армию в походах.

Новый султан давно не показывался на людях после смерти отца. Представить его в седле с саблей в руках было трудно. Ростом Баязид казался не выше Мехмеда, но к своим тридцати четырем годам он уже располнел. У него были отцовские холодные глаза и тонкие губы, но в лице его не было отцовской решимости, а, наоборот, сквозила чувственность. Говорили, что в гареме Баязида столько же жен, сколько было у его отца.

В это Хоквуд мог поверить. Он сам видел, как процессии закрытых чадрами женщин в сопровождении евнухов выходят из дворца и направляются в монастырь, где должны будут провести остаток своих дней. Их место занимали другие женщины Баязида, пока еще радующиеся своему взлету над простыми смертными.

Султан-валиде, мать правителя, была как бы мостом между двумя группами. Мать младшего принца Джема была отправлена в тайное заточение. Но в том, что новая султан-валиде была блеклым подобием Мары Бранкович, Энтони был уверен. Он даже никогда не смотрел на нее.

Принц Джем доставлял теперь много неприятностей. Энтони Хоквуд помнил, что брата Мехмеда два янычара задушили тетивой. Остальные братья Мехмеда также погибли. Не принимая упреков в содеянных преступлениях, эмир сослался на Коран: Аллах

ненавидит разлад больше, чем убийство. Но для христианина убийство собственного брата казалось тяжким грехом. Поэтому Энтони упрашивал в первые часы восхождения Баязида на трон пощадить жизнь принца Джема.

— Джем на двенадцать лет младше тебя, о падишах, — говорил он. — Удали его, но не пачкай руки его кровью.

Казалось, Баязид согласился, но поставил условие:

— Только пусть он придет ко мне и признает меня своим господином и хозяином.

Хоквуд согласился с этим решением, зная, что, если бы Баязид по-настоящему был сыном Мехмеда, участь Джема уже была бы решена. Он надеялся, что сможет вмешаться, когда Джем прибудет в город.

И тут это внезапное приглашение... Хоквуд внимательно изучал лицо Баязида, подходя к дивану: его мягкие лайковые сапоги бесшумно скользили по мраморному полу. У этого молчаливого человека были и положительные качества. Он любил книги, собрал хорошую библиотеку, сочинял стихи, проявлял живой интерес к интеллектуальной жизни других стран, даже христианских. И все же Баязид был воспитан в сознании собственного величия, сам управлял диваном, поскольку ревниво относился к своим прерогативам. Но его не окружали военачальники...

Энтони посмотрел на главного оружейника, который нес саблю султана в бархатных ножнах, главного егеря в колпаке из золотой материи, пошитого в виде рога, надзирателей запахов султана, главного хранителя соловьев и хранителя перьев журавлей. Кафтаны этих служащих были усыпаны драгоценными камнями и расшиты по низу золотой нитью. Они почти конкурировали со своим хозяином по великолепию нарядов. Всем им не доставляло радости увидеть грозную фигуру самого известного из всех живущих воинов в империи.

— Разве ты не слышал, Хоук-паша, — строго спросил везир, — новости из Брусы?

— Нет еще, — ответил Энтони.

— Нам бросили вызов, — сказал главный оружейник. — Принц Джем отказался посетить нас в Константинополе.

— Он не согласен с назначением нашего хозяина, — сказал хранитель перьев журавлей.

Энтони посмотрел на султана.

— Следуя твоему совету, я хотел быть справедливым с моим братом, — произнес Баязид. Он говорил очень мягко, почти что шепотом. Хоквуд никогда не слышал, чтобы Баязид повышал голос. — И вот его ответ. Он объявляет, что империя должна быть разделена между нами. Ему нужна вся Азия. Он собирается укрепить Брусу и защищать ее до победного конца. Разве могу я похоронить отца, когда у меня нет возможности попасть в священный город? Разве я могу называться султаном, если такая язва таится в недрах моей империи?

— Он неразумный мальчишка, да к тому же напуганный, — сказал Энтони.

— Который командует армией...

— Эта армия маленькая, о падишах. Его военачальники не мятежники. Я сам выбирал их. Омар-паша никогда не поднимет оружия против султана. А Вильям Хоквуд — мой собственный сын. Я направлю гонца в Брусу с посланием, в котором попытаюсь образумить принца.

— Интересно, кого ты пошлешь? — спросил Баязид.

Энтони на минуту задумался, потом, наполовину обернувшись, взглянул на своего сына Генри.

— Я пошлю к нему Генри Хоквуда. Он уговорит брата и Омар-пашу, чтобы они привезли сюда принца.

— Проследи, чтобы так и было, — приказал султан.

Принц Джем, находясь среди гор над Брусой, наблюдал за приближавшимися всадниками.

— Их не более шестидесяти, — отметил он. — Несложная работа для твоих сипахов, Омар-паша. Сделай ее.

— Прими мое почтение, господин мой принц, — сказал Омар-паша. — Это, наверное, посольство от твоего брата. Нам не причинят вреда, если мы выслушаем, что они скажут.

Омар-паша посмотрел на Вильяма Хоквуда, ища у него поддержку. С трудом пережив ужас решения, принятого Джемом, оба военачальника несколько раз обсуждали положение дел. Они даже обдумали такой план: связать Джема и доставить его в Константинополь. Но в этом действии таился смертельный риск. Никто не мог сказать, что в действительности задумал султан.

К тому же они не были уверены в том, последуют ли за ними их люди. Несмотря на личные недостатки, принц был популярен. Он заботился об этом с момента прибытия в Брусу. Вряд ли воины пойдут против него, даже если им предложить солидное вознаграждение.

С точки зрения Вильяма Хоквуда противодействие принцу было практически невозможно. Серету и его детей отправили в гарем принца, к ним теперь не было доступа.

— Со мной твоя семья будет в безопасности, — сказал Джем, — это продлится до тех пор, пока мы не победим.

Бросить семью — дикая мысль, сражаться против султана — невозможное предположение. Вильяму было неприятно, что он так молод и не способен принимать верные решения. Ему казалось, что его отец никогда не согласился бы на такое унижение. Он отреагировал бы жестко и в результате или умер бы, или победил. И конечно, пожертвовал своей семьей, если бы это было необходимо.

Значит, у него не хватает смелости, чтобы быть настоящим Хоквудом?

Но... возможно, решающий момент наступает. Глаза Вильяма сузились, когда кавалькада подъехала ближе. Сверкающие наконечники пик, летящие многокрасочные шелковые плащи и блестящие на солнце обмотанные материей шлемы, маленькие, но сильные лошади...

Человек, ехавший впереди, возвышался надо всеми. Его конь был крупнее, чем у других.

Сердце Вильяма учащенно забилось.

— Посольство возглавляет мой брат Генри, господин принц, — сказал Вильям. — Теперь мы узнаем истинные намерения твоего брата.

Генри Хоквуд стоял перед принцем.

— Мой господин и твой, султан Баязид, посылает тебе привет, господин принц, и желает узнать, почему ты отклонил его приглашение посетить Константинополь?

— Он принимает меня за дурака? — спросил Джем.

— Мой господин султан просил сообщить твоему высочеству, что не принимает предложение о разделе империи. Он говорит, что этого не было в истории нашего народа, что это противоречит «аныю» и что великий муфтий не может найти этому оправдания. Но господин мой султан приказал мне передать тебе следующее: он желает просто поприветствовать тебя и сохранить тебе жизнь. Он дал мне указание уверить твое высочество, что он издал указ, который сделает безопасным твой путь.

— А что меня ждет в Константинополе?

— Султан готовит дворец для твоего высочества, недалеко от своего. Мой господин султан желает, чтобы его младший брат был его правой рукой.

— Он держит меня за дурака, — повторил Джем.

Генри посмотрел на своего брата Вильяма:

— Наш отец просил, чтобы ты помог убедить его высочество не принимать поспешных решений.

— Постараюсь, — ответил Вильям. — Я уверен, что султан ничего дурного не имеет в виду, господин мой принц. Он никогда не нарушит слова, данного при всех.

— Юный Хоук прав, господин принц, — сказал Омар-паша. — Теперь только благоразумие может стать основой справедливости и счастья.

Джем обернулся и посмотрел по очереди каждому в лицо. Потом он обратился к Генри Хоквуду:

— А если я не пойду у него на поводу?

— Мой господин, если ты не возвратишься со мной в Константинополь, султан объявит тебя изменником и бросит всю военную мощь империи против тебя.

Джем погладил бороду.

— Как ты думаешь: кто возглавит войско?

— Увы, господин мой принц, командующим, несомненно, будет Хоук-паша.

— Тогда предоставь ему эту работу. Он будет воевать против собственной семьи.

Генри поперхнулся и выжидательно посмотрел на Вильяма.

Вильям мог только поднять брови, надеясь позже обсудить ситуацию один на один с братом.

Генри снова посмотрел на Джема.

— Это ответ, который я должен доставить султану, господин принц?

— Нет, — отрезал Джем. — Ты ничего не доставишь. — Он посмотрел на человека, стоявшего рядом с Генри. — Как тебя зовут?

— Я Энвер-паша, господин принц.

— Тебе придется везти это известие моему брату Баязиду. Скажи ему, что он узурпатор. Напомни ему, что мой отец всегда считал меня своим наследником. Сообщи ему, что я объявляю себя султаном Османской империи и буду защищать свои права до смерти. Передай ему, что через некоторое время я докажу свои права в самом Константинополе. И скажи Хоук-паше, что, если он пойдет против меня, он пойдет также против собственного сына. — Джем указал на Генри и приказал: — Схватить его!

Стражники бросились вперед. Генри схватился за саблю, но не обнажил ее, прекрасно понимая свое бессилие.

Вильям рванулся вперед, но его остановил Омар-паша. У генерала не было желания терять командующего артиллерией, когда тот не произвел еще ни одного выстрела.

— Не обижайте младшего Хоука, — приказал Джем начальнику охраны. — Поместите его в безопасное место и держите там, пока он мне не понадобится.

Ошеломленному Энвер-паше Джем сказал:

— А тебе лучше поторопиться к моему брату и передать ему мои слова.

— Ты породил выводок змеенышей, Хоук-паша, — сказал Баязид, выговаривая слова, как обычно, мягко.

— Это не так, падишах. Энвер-паша видел, что моего сына взяли под стражу.

— А твой другой сын?

— По мнению Энвер-паши, Вильям действует по принуждению.

— Мне нет до этого дела, — сказал Баязид. — Твои сыновья в лагере моего брата. А брат мой бросил мне смертельный вызов. Он угрожает моей власти. Он ненавистен мне. Он изменник, и я объявляю его вне закона. Сколько времени потребуется на то, чтобы мобилизовать армию?

У Хоквуда неприятно заныло в желудке. Единственное, чего боялись он и все военачальники, была гражданская война после смерти султана. Такие войны отравляли период становления многих османских эмиратов в прошлом. А ему придется вовлечь в эту бойню своих сыновей, пусть даже непредумышленно...

— Армия созвана еще твоим отцом. Он собрал ее для предстоявшего похода. Полностью войска можно мобилизовать через три месяца.

— Ты отправишься им навстречу, Хоук-паша. Ты возьмешь на себя командование и поведешь мою армию на Брусу.

— Прими мое почтение, о падишах. Через три месяца уже начнут опадать листья. Поход на Брусу займет не меньше месяца, а там и снег выпадет в высокогорье. Твой отец планировал начать поход на

персов только следующей весной. Выступать на Брусу лучше тогда же.

— И позволить узурпатору насладиться зимой, называя себя султаном и вербуя себе союзников? Хоук-паша, ты пойдешь на Брусу, как только армия будет готова. И меня не волнует, если тебе придется идти по пояс в снегу. Ты приведешь моего брата и всех его прихвостней ко мне, и я буду их судить. Выполняй мой приказ или передай жезл кому-нибудь другому.

Хоквуд колебался с ответом одно мгновение. Если кто-то и способен разбить армию Джема, так это он сам. Но был еще один путь, чтобы спасти жизни его сыновей.

— Я доставлю изменников, о падишах, — решительно сказал он. — Мой сын Джон отправится со мной.

Глаза Баязида сверкнули:

— Как пожелаешь, Хоук-паша. Твоя жена и дочери будут ждать в Константинополе твоего возвращения.

— Ты поведешь армию на своих сыновей? — Анна Нотарас стояла перед мужем, дрожь пробегала по ее телу. Она была всего на два года моложе Энтони — ей исполнилось сорок семь лет, — но во многом оставалась четырнадцатилетней девочкой, которую Энтони полюбил, а потом возненавидел за то, что она предала его.

Анна оставалась девочкой и вместе с тем женщиной, которую он страстно желал. В тот памятный день, когда пал Константинополь, он увел ее с матерью и сестрой Кэтрин. Остальных женщин бросили в темницу. Энтони приказал своим слугам раздеть Анну Нотарас, чтобы он мог насладиться видом этой хрупкой белокожей мечты.

Анна сразу поняла, что у нее небольшой выбор — или подчиниться Энтони, или ее бросят на утеху янычарам. Энтони был мрачен и непредсказуем. Анна

знала, что он достаточно силен, чтобы сломать ей руку или позвать слуг, которые будут держать ее, пока он будет брать ее силой.

И хотя она легла с ним в постель не сопротивляясь, в ее сознании это было насилием. Анна причитала и обзывала его, но сопротивления не оказывала. В гневе Энтони ударил ее... и бил до тех пор, пока ягодицы ее не стали жесткими. Анна не противилась, она только кричала.

Энтони часто впадал в отчаяние от ее непримиримости и своего безнадежного влечения к ней. Его сестра Кэтрин, которая ничуть не меньше ненавидела брата, сражавшегося на стороне антихриста, оказалась не более податливой и присоединилась в проклятиях к невестке. Иногда он думал, что надо посадить их обеих в мешок и бросить в Босфор. Тогда он избавился бы от постоянного ворчания сестры, которую когда-то любил. Энтони отдал ее в жены турецкому паше; Кэтрин приняла это без возражений, но, без сомнения, Зиглял-паша тоже побивал ее. Совсем недавно Кэтрин умерла, и Энтони надеялся, что она была хоть немного счастлива в конце своей жизни.

Анна отказывалась смягчиться. Энтони наслаждался с нею всеми способами плотской любви, которым научился у эмир-валиде. Он садился на нее как турок и любил ее как христианин. Иногда он ласкал ее только руками. На поле любви он был искусен. Даже Анна Нотарас, ненавидевшая его всеми фибрами души, не могла устоять перед мужчиной, обученным Марой Бранкович.

Но это была пустая победа. Анна все еще ненавидела его и все, что с ним связано. Ее унижало то, что она жена, подчиненная Лейле, она ненавидела турецкий образ жизни. Она ненавидела то, что ее муж вероотступник, и часами восхваляла ортодоксальные ритуалы в надежде разозлить его.

Неудивительно, что он охотно уезжал на войну, сражался с отчаянным и бездумным мужеством, чем вызывал восхищение даже у янычар. Но когда надо

было возвращаться домой, он не испытывал прилива радости...

Вскоре Анна забеременела. Ее нескрываемая радость от рождения сына Джона подсказала Энтони дальнейший путь укрепления их семейной жизни. Анна беременела в течение следующих десяти лет. Некоторые дети умерли при рождении, некоторые — еще младенцами. Но пятеро выжили — три сильных парня и две крепкие девочки.

Анна постоянно находила все новые и новые причины, чтобы ненавидеть Энтони. Ее возмущало решение мужа учить детей английскому и латыни, а не греческому, а также то, что он решил воспитывать их в католической, а не в ортодоксальной вере. Каждая новая вспышка ненависти уже не имела никакого значения. Он постепенно справился со своей страстью. Если христианское воспитание удерживало Энтони от того, чтобы привести вторую жену после безвременной смерти Лейлы, дорогой Лейлы, которая была постоянным утешением во враждебном ему доме, он вместо этого взял еще наложниц и в конце концов оставил жену в покое.

К тому времени он почти забыл свою мать, которая скончалась вскоре после падения Константинополя, и даже своего отца. Но он назвал своих сыновей в память о близких: старшего — именем отца, второго — именем деда и младшего — именем брата, расправа над которым византийцами сделала Энтони тем, кем он был сейчас.

Но Хоквуды теперь стали османцами. И если Энтони не вставал на колени лицом к Мекке, то еще меньше он заботился о посещении месс Геннадия или тех священников, которые служили в генуэзской церкви при католической общине. Он стал отступником из всех отступников. Энтони стал слугой дьявола.

Его дети, рожденные от гречанки и англичанина, выглядели и вели себя как франки. Но он не надеялся, что Хоквуды будут жить в следующем поколении, и поэтому всех своих сыновей женил на турчанках и тем самым дал новый повод для страданий Анны. Он

даже не мог предположить, что кто-то из его внуков будет учить английский...

Энтони продал душу дьяволу даже в большей степени, чем его отец. Он наслаждался дьявольским процветанием и своим собственным успехом.

Другого счастья у него не было.

Но даже дьяволы умирают. И теперь Энтони должен поплатиться за свои грехи. Если он не мог любить свою жену и потерял связь с дочерьми, отправив их в гаремы, то все еще любил своих сыновей. И теперь поведет одного из них на войну, чтобы, возможно, уничтожить двух других.

Всего два месяца назад весь мир лежал у его ног.

— Да, Анна, — сказал он. — Я поведу армию на своих сыновей. И если они предали султана, я привезу их головы Баязиду. Если нет, я привезу их тебе здоровыми и невредимыми.

Энтони оставил Анну в рыданиях.

Глава 8

ПОСЛАННИК

— Их так много, — проговорил принц Джем, подергивая редкую бороду. Он стоял на высоком обрыве вместе со своими военачальниками, вглядываясь в дорогу, тянувшуюся по долине Гёк. Было раннее утро, и солнце, только что поднявшееся над горами на востоке, огромной лампой освещало равнину. Дорога, обсаженная деревьями, следовала изгибам реки, берега которой круто обрывались, и шла из Сакарьи на севере. По ней, насколько видел глаз, двигались различные подразделения османской армии.

Вильям Хоквуд сразу увидел передовой отряд сипахов, потом беспорядочно двигавшихся башибузуков, зеленые рубахи анатолийской пехоты. Последними следовали янычары в своих красно-голубых кафтанах; белые султаны из конского волоса раскачивались в такт их шагам.

Там же, сзади, двигались военачальники султана. Значит, там был и его отец.

За янычарами и военачальниками сопровождаемые эскадроном сипахов громыхали пушки. Они сильно отличались от бомбард, которые его дед отлил для Завоевателя для того, чтобы разбить стены Константинополя. Нынешние пушки были усовершенствованы его отцом. Они стали меньше, более маневренными, стреляли из них более легкими снарядами. Умелое пользование такими пушками могло уничтожить армию противника.

Вильям Хоквуд знал, что пушками распорядятся умело.

За пушками шли обозы с продовольствием и снаряжением, запасные лошади, слуги и гаремы пашей.

Не один раз за свою жизнь Вильям останавливался, чтобы приветствовать войско турок, шагающих на войну и несущих смерть и разорение всем на своем пути. Но он даже не мог представить, что однажды будет смотреть, как эта орда направляется против него...

Вильям обернулся. В нескольких милях отсюда, также в долине Гёк, армия Джема разбила свой лагерь. Он расположился вблизи селения Ени-Шехр, из которого они получали продовольствие.

Это была впечатляющая сила. В знойные летние месяцы, начиная с того времени, когда Джем бросил вызов своему брату, он и его военачальники провели обширную вербовку. В этом лагере находилось около сорока тысяч человек. И только военачальники знали, что воинские качества их большей части оставляют желать лучшего. Здесь был отряд янычар, согласившихся поддержать принца из-за щедрого вознаграждения, данного каждому. Но будут ли они по-настоящему сражаться против своих же братьев по оружию?

Здесь также было несколько эскадронов сипахов, на которых, как предполагал Вильям, можно положиться. Они были воспитаны самим принцем. Но в основном повстанческая армия состояла из поспеш-

но собранной пехоты. Джем называл их анатолийцами, но они были больше похожи на башибузуков. Они могли неплохо показать себя во время беспорядочного боя, но не знали своего места в развернутом строю.

В их распоряжении было четыре пушки. Пушки были решающим оружием в современном бою; сторона, обладающая артиллерией, достаточными ресурсами для укрепления и транспортировки этих железных монстров, неизменно становилась победителем.

Но в данном случае обе стороны владели пушками. К тому же артиллерией султана командовал величайший воин в мире.

— Мы должны встретить их на дороге, — решил принц.

Вильям посмотрел на Омар-пашу.

— Прими мое почтение, о падишах, — обратился к нему генерал, поскольку Джем настаивал на всех атрибутах султаната, — нам лучше отступить в Бруссу и заставить их атаковать нас там.

Бруса была всего в двадцати милях отсюда.

— Бруса не крепость, — перебил его Джем.

— Тем не менее ее можно защищать. Она расположена на склоне горы, что не дает возможность врагу окружить ее. К тому же твои люди проникнутся мыслью, что они сражаются за могилы предков.

— В таком случае будет осада, — ворчал Джем. — Как мы противостоим осаде?

— Нам не придется держать осаду слишком долго, о падишах. — Омар-паша показал на небо, затянутое тучами. Ветер, налетевший с гор, был холодным и заставлял людей кутаться в плащи. — Октябрь не лучшее время для военного похода, — сказал Омар-паша. — Я чувствую в этом волю твоего брата. Он слишком нетерпелив. Если решение выносил бы Хоук-паша, армия не появилась бы здесь до весны. Твой брат допустил ошибку. Через месяц начнутся дожди, а потом грянут морозы. Даже Хоук-паша вынужден будет снять осаду. Он рассчитывает, что ты встретишь его в чистом поле,

и он быстро уладит дело. Давайте не будем угождать ему.

Джем взглянул на Вильяма и спросил его:

— А ты что скажешь?

— Я согласен с Омар-пашой, о падишах.

— Ха! Естественно. Ты боишься оказаться на поле боя лицом к лицу со своим братом, — усмехнулся он. — Но помни об еще одном своем брате, помни о жене и детях.

— Я помню о них, — тихо сказал Вильям. — Я буду сражаться за тебя. Я уже говорил об этом. Но сражаться нужно там, где у нас больше шансов на успех. Заставив моего отца отступить, ты сможешь заявить о большой победе. Люди начнут стекаться под твои знамена со всей Анатолии. В следующем году мы сможем встретить армию твоего брата на поле битвы при равных условиях.

Джем пристально посмотрел на них, потом вниз на приближающуюся орду. Его пальцы нервно подергивались, и несмотря на холодный ветер он вспотел. Так же, как и брат, Джем был слишком неуверен в себе, чтобы желать доказывать свою силу хоть на мгновение дольше, чем необходимо. Вильям понял, что принц поставил все на рискованный бросок.

— А я считаю, что мы должны сражаться сейчас, — объявил он. — Вы полагаете, что эта толпа внизу останется со мной, если я прикажу отступать? Если я отойду к Брусе, мой брат назовет меня трусом.

«И разве он не будет прав?» — спросил сам себя Вильям.

Джем указал по направлению к горному перевалу; это было на расстоянии двух миль к востоку от селения.

— Мы двинемся туда и развернем там лагерь. Это выгодная позиция. Хоук-паша сможет подступать к нам только маленькими подразделениями. Позаботьтесь об этом.

Джем пришпорил коня и помчался вперед, сопровождаемый военачальниками.

— Что ты думаешь? — спросил Вильям Омар-пашу.

Они остановились примерно в четырехстах ярдах к востоку от перевала. На самом деле это была хорошая позиция: позади них дорога спускалась в неглубокую долину и опять поднималась к Ени-Шехру, к тому же по ее сторонам рос густой кустарник и деревья, и маневры их армии были не видны с перевала.

Омар-паша разделил своих башибузуков на два отряда и один из них спрятал в соснах, росших по обеим сторонам дороги. На краю долины установили пушку, тщательно укрыв ее ветками. Позади башибузуков позицию заняли янычары, а еще дальше расположились сипахи — сила, наносящая смертельный удар по противнику.

Принц Джем тоже был здесь. Его черный с золотом шатер был разбит на возвышенности, но все-таки оставался укрыт деревьями и не виден с перевала. Все знали, что Джем привез с собой из Брусы несколько наложниц, и поэтому думали, что он останется в шатре.

— У нас нет другого выбора, — сказал генерал. — И есть шанс на удачу. Наш успех зависит от твоих пушек и нашей маневренности, юный Хоук. Помни: не стреляй до тех пор, пока по крайней мере треть армии твоего отца не минует перевал. Они станут препятствием для продвижения остальной армии вперед. Начнется неразбериха. Если тогда удастся атака моих янычар и сипахов, день будет нашим.

— Удачи тебе, — мрачно сказал Вильям.

Улыбка Омар-паши была такой же мрачной.

— Без удачи, юный Хоук, каждый из наших людей обречен.

Омар-паша направился к янычарам, а Вильям двинул своего коня в другую сторону, к пушкам, и там спешился. Воины тепло приветствовали его. Он сам отобрал и выучил каждого из них, и теперь они будут сражаться для него против собственных отцов.

Вильям знал силу артиллерии. Стратегия скопления пушек в одном месте вместо того, чтобы ставить

их на большом расстоянии, что считалось традицией, была изобретена его собственным отцом. Энтони Хоквуд тоже наверняка сосредоточил бы свои пушки в одном месте, если бы одолел перевал. Значит, нельзя пропустить его через перевал.

Но какая это горькая участь планировать поражение собственного отца! Вильям всегда высоко ценил его, несмотря на то что мрачность Энтони никогда не вдохновляла для любви. И пойти на такой шаг ради принца, которого Вильям ненавидел и презирал...

Если бы представилась возможность поговорить с Хоук-пашой, объяснить ему все... но разве станет вникать Хоук-паша в его положение, если другой его сын не вернулся... Вряд ли он считал, что оба его сына стали предателями. Но Хоук-паша свято выполнял свой долг, подчиняясь воле хозяина. Он без угрызений совести раскромсает собственного сына, если заподозрит его в предательстве.

Вильям тяжело вздыхал, вышагивая туда и обратно. Он старался поудобнее пристроить шлем и чувствовал, как солнечные лучи нагревают его кольчугу под плащом. Дождевые тучи собрались над горой. Каждые две секунды он смотрел на вершины гор. Отряд сипахов наблюдал за приближением армии султана. Как медленно, казалось, тянулось время. После завтрака тишина утра медленно рассеялась, и послышался отдаленный грохот, подобный шуму полноводной реки. Армия султана подступала.

Застучали копыта — это принц Джем направлялся к месту стоянки артиллерии.

— Ты слышишь их? — тихо спросил, почти выдохнул Джем.

— Я слышу их, — сказал Вильям.

— Твои пушки заряжены?

— Мои пушки заряжены, о падишах.

Джем сощурился, чтобы взглянуть на вершины гор.

— Почему эти глупцы не дают сигнала?

— Сигнал будет дан в нужный момент.

И действительно, через несколько минут со стороны гор мелькнула вспышка света.

— Враг входит в ущелье, — пробормотал Джем.

— Ты отойдешь, о падишах? — спросил Вильям.

— Нет, я останусь с тобой. — Он посмотрел на Вильяма; его щеки покрылись румянцем.

«Он все еще не доверяет мне, — думал Вильям. — Неужели он не может понять, что, оставаясь здесь, находится в моей власти».

Если бы Вильям знал, какие распоряжения Джем оставил в Брусе касательно устранения остальных Хоквудов...

— Там! — Джем взмахнул рукой.

Первый эскадрон сипахов появился из ущелья. Они ехали медленно, осматриваясь по сторонам, жмурясь от солнечного света, который бил им прямо в глаза. Они не представляли, где находилась армия повстанцев, но знали, что уже двигались по территории Джема, и, конечно же, видели вспышки света в горах. Таким образом, они были готовы к неожиданной встрече с врагом.

— Убей их! — возбужденно закричал Джем, направляя коня вверх по дороге. Его, конечно, видели сипахи. — Открыть огонь!

Вильям ехал сзади.

— Примите мое почтение, но это только передовой отряд. Мы не хотим открывать свою позицию, пока большая часть войска не войдет в ущелье.

Сипахи остановились, увидев двух мужчин, но вряд ли можно было ожидать, что это послужит им поводом для отступления.

— Мы должны скрыться из их поля зрения, о падишах, — предупредил Вильям.

Сипахи издали крик и поскакали вперед. Они намеревались взять их в плен и добыть информацию о диспозиции повстанцев. Схватив за уздечку коня Джема, Вильям повел его вниз по склону, но Джем рывком освободил ее.

— Предатель! — крикнул он. — Я знал, ты не будешь стрелять в людей своего отца. — Его лицо искривилось. — Схватить его! — завопил он. — Схватить его!

Артиллеристы испуганно уставились на Джема, но тот продолжал кричать:

— Схватить его! — Его крик уже напоминал рев дикого животного.

Вильям колебался, не зная, что делать. Ехать по направлению к сипахам значило умереть, их стрелы сразят его задолго до того, как он назовет свое имя. Значит, умрут его жена, брат и маленькие сыновья. Но ведь они обречены в любом случае...

Его грубо схватили за плечи и вытащили из седла.

— Связать его, — приказал Джем. — Я казню его вместе с отцом, когда мы одержим победу. Вы... — Он махнул рукой в сторону испуганных пушкарей. — Открывайте огонь! Открывайте огонь, я говорю!

Сипахи противников натянули поводья, когда группа всадников скрылась за склоном. Они подозревали, что чуть не попали в засаду. Следом за ними появилась кавалерия, башибузуков все еще не было видно. Теперь загрохотала артиллерия. Каменные снаряды просвистели в воздухе, и несколько человек из передового отряда упали на землю. Остальные развернулись и поскакали обратно.

— Заряжай! — закричал Джем. — Заряжай и стреляй еще раз!

Вильям, которого четверо из охраны Джема тащили в тыл, оглянулся. Он увидел Омар-пашу, который мчался к артиллеристам выяснить, почему нарушены его указания. Вильям не слышал, что обсуждали принц и генерал. Но, вероятнее всего, Джема переубедить было невозможно, и артиллерия дала еще один залп, а потом через полтора часа еще один, после того как пушки были перезаряжены. В этот раз снаряды попали в скалу. Сипахи отступили.

— Джем удовлетворен, — мрачно заметил Омар-паша. — Он думает, мы победили.

— Что делает армия султана? — спросил Вильям.

Ему развязали руки, чтобы дать возможность поесть. Омар-паша пришел составить ему компанию.

Уже стемнело. Они ужинали под охраной янычар, в четверти мили позади позиции артиллеристов и в полмили от перевала.

Темнота, однако, не принесла тишины. Вокруг них цокали копыта лошадей, слышались голоса людей, сопровождаемые пронзительным стрекотанием цикад, криками сов и отдаленным воем волка. И над всем этим играл ночной холодный ветер, гуляющий меж сосен.

— Они разбили лагерь по ту сторону перевала, — сказал Омар-паша. — Быстрой победы нам уже не видеть. Мы можем только надеяться, что твой отец одолеет перевал завтра.

— Ты так думаешь?

— Хоук-паша вовсе не глуп, — заметил Омар.

— Что он может предпринять еще?

— Обойти нас с севера — ему нет смысла идти на юг вокруг Улудага. Но этот обход займет несколько дней или даже недель. Может, это и к лучшему. Если твой отец попытается обойти нас, мы вынуждены будем отойти к Брусе. В любом случае это наш единственный шанс. Но что будет с тобой, юный Хоук? Я боюсь за тебя.

— Принц потерял голову.

— Он теряет ее слишком часто. Я говорил с ним, пытался объяснить, что ты выполнял мой приказ, и поэтому сразу не открыл огонь. Он, кажется, понял, но освободить тебя не распорядился.

— Я должен терпеть. — Вильям положил руку на плечо генерала. — Я благодарен тебе за дружбу, Омар-паша.

Омар-паша усмехнулся.

— Я поговорю с принцем еще раз. Если нам завтра придется вступать в бой, я хочу, чтобы ты командовал артиллерией. А не он...

Вильям спал урывками и внезапно проснулся от грохота барабанов и жуткой суматохи.

Отец берет перевал, подумал он, сдергивая одеяло и пытаясь схватить меч. Но тут он вспомнил, что находится под арестом.

Его стражники тоже были на ногах и смотрели в сторону гор. Светало, и долина была окутана дымкой тумана. На перевале все казалось спокойным — там Омар-паша поставил эскадрон сипахов, которые должны были сразу предупредить его о любом движении в армии султана. Но люди показывали на горы, которые теперь вырисовывались из мглы.

Вильям нахмурился и осмотрелся. Врагов нигде не было видно, они не могли выйти на равнину, и все же, совершенно очевидно, случилось что-то ужасное. Вся повстанческая армия была в панике, люди показывали на север и громко кричали.

Вильям взглянул на горы, которые служили границей северной части долины, как раз в тот момент, когда появилось солнце. Прищурившись, он пристально всмотрелся и различил людей, взбирающихся по узкой горной тропе. Их было много, они с трудом подтягивались на веревке. За собой они тащили пушку.

Грудь Вильяма распирало от гордости. Они-то прикинули, что у Хоук-паши только два пути. Либо пытаться одолеть перевал, либо обойти пушки повстанцев. Но Энтони Хоквуд не зря был назван величайшим солдатом империи. Он придумал третий путь, чтобы выбить повстанцев с позиций.

Вильям не задумывался, сколько людей нанял его отец, сколько людей погибло из-за темноты или сколько, оступившись, разбилось. Отец заставил своих людей трудиться всю ночь, и теперь пушка была почти готова к укреплению на выгодной позиции, с которой он мог контролировать положение повстанцев.

Джем примчался из своего шатра. Он громко выкрикивал приказы. Омар-паша уже отправил отряд анатолийцев на ступенчатый склон, чтобы перехватить орудие. Но Хоук-паша не просто отправил своих людей в горы. Как только анатолийцы начали карабкаться по склону к пушке, внезапно на уступе над ними появились вооруженные янычары. Они открыли стрельбу, дым от выстрелов смешался с туманом. Пе-

хота повстанцев отступила, оставив нескольких воинов разбросанными по склону.

Остальные поспешили к основной армии, и больше в горы никто не пошел, сколько ни приказывал Омар-паша. Армия повстанцев рассеялась в страхе и наблюдала, как солнце продолжает подниматься, а пушка медленно укрепляется на своей позиции.

Вильям увидел, что Джем пустился наутек. Даже не остановившись, он удалился в направлении Ени-Шехра и потом, без сомнения, устремился в Брусу. Его слуги, торопливо свернув шатры, отправились за ним.

Охранники не знали, что делать с Вильямом. Им не дали никаких указаний, как с ним поступить. Повстанческая армия рассыпалась: башибузуки двинулись к дороге, следом за ними потянулись и анатолийцы. Только артиллерия и янычары удержали свои позиции.

И потом пушка дала залп. Снаряд со свистом летел со стороны гор и со смертельной точностью врезался в землю сразу за пушками повстанцев. Земля, камни и человеческие тела взлетели в воздух. Шанса на ответный удар не было. У пушек повстанцев не хватало нужного угла подъема для ответного выстрела.

Ужасный стон раздался в рядах повстанцев, башибузуки побежали.

Подъехал Омар-паша.

— Освободите этого человека! — скомандовал он. Веревки были сорваны с плеч Вильяма.

— День проигран, — сказал Омар. — Так как наш благородный хозяин сбежал с поля боя, мы должны отступить и надеяться, что нам все-таки удастся набрать нужное количество людей для защиты Брусы.

— Я должен спасти, если смогу, пушки, — сказал Вильям.

— Ты должен спасти себя и свою семью, — ответил ему Омар. — Я доставлю пушки. Ты должен ехать в Брусу. Возьми моих людей, им можно дове-

рять. — Он криво улыбнулся. — Если ты сможешь догнать нашего хозяина, тем лучше. Мы должны обсудить условия, которые мы выдвинем твоему отцу.

Вильям скользнул в седло, сипахи Омар-паши последовали за ним.

Они мчались галопом по дороге в Брусу. Позади себя Вильям слышал выстрелы. Пушка на горе опять дала залп. Обернувшись, он увидел, как верная султану армия берет не защищенный теперь перевал. Вильям знал, что сегодня не сделал ничего героического, но слишком много надежд и страхов тянуло за струны его сердца. И хотя Вильям ничем не мог помочь своим товарищам, он надеялся спасти брата и свою семью, а также выдать отцу ничтожного Джема.

Они прибыли в лагерь в Ени-Шехре, который превратился теперь в толпу растерянных и перепуганных людей. Здесь гарем также увязался за ними, женщины молили Вильяма спасти их. Но у него на это не было времени. Он и его сипахи, ругаясь и выкрикивая проклятия, прокладывали себе путь через толпу и наконец вырвались на дорогу. Дорога была заполнена башибузуками, но теперь всадники вновь могли пустить лошадей галопом.

До Брусы было около двадцати миль, лошади начали хрипеть задолго до появления города. Всадники замедлили шаг, спешились и повели лошадей. Вильям понимал, что в Брусе ему понадобятся сильные лошади, потому что у Джема были далеко идущие намерения.

Теперь силуэты гор вырисовывались в тумане, и наконец Вильям и его спутники увидели купола мавзолеев, которые возвышались над белыми домами.

Янычары из личной охраны Джема преградили им путь.

— Падишах проезжал здесь? — спросил Вильям.

— Он приказал, чтобы никто не следовал за ним, юный Хоук, — сказал капитан.

— Уйди с дороги, — приказал Вильям, — или мы пойдем в атаку.

Янычар было меньше, чем сипахов, и к тому же все знали, что принц покинул поле боя.

— Уступаем твоей превосходящей силе, — наконец произнес капитан.

Вильям поднял саблю и повел своих людей вперед. Они поторапливали еще не отдохнувших лошадей вверх и вниз по кривым улочкам мимо изумленных женщин, детей и стариков.

— Что случилось? — спрашивали люди.

— Мы разбиты, — отвечали им сипахи. — Оставайтесь дома!

Во дворце принца царил переполох. Охранники и слуги крутились во дворе, взволнованно стрекоча друг с другом, повсюду сновали евнухи, из гарема доносились крики и всхлипывания.

Вильям спешился и побежал в самую гущу возбужденных людей.

— Где принц Джем? — спросил он.

— Он был здесь час назад, юный Хоук, — ответили ему. — Но оставался недолго. Собрал немного денег и уехал. Но скоро должен вернуться.

— Почему вы так думаете? — спросил Вильям.

— Он не взял никого из своих женщин, никого из свиты, кроме двух человек. Как может принц отправиться в дальний путь без женщин и свиты?

Вильям знал, что Джем мог направиться к южному берегу, где стоял корабль, в надежде скрыться и избежать мести своего брата. Вряд ли это удастся принцу. Щупальца османцев тянулись почти во все города мира.

Но у Вильяма были более важные дела. Он перебежал через двор и зал для приемов с яркими мозаичными изразцами и по лестнице поднялся в гарем.

Кызлар-ага преградил ему путь.

— Ты сошел с ума, юный Хоук?

— Отойди, — сказал Вильям, — или ты умрешь.

Огромный черный человек видел решимость на лице англичанина. На мгновение задумавшись, он отошел в сторону.

Вильям ворвался в гарем и сразу оказался в царстве незнакомых звуков и запахов. Никогда в жизни он не бывал в гареме, как, впрочем, не имел и своего собственного. Со всех сторон послышался визг, и Вильям понял, что, хотя в коридоре никого не было, за ним наблюдали сквозь решетчатые стены.

Не все здесь кричали от испуга. Вильям Хоквуд был более привлекательным мужчиной, чем принц Джем.

Увидев дверь за решеткой впереди по коридору, он добежал до нее, распахнул и предстал перед женщинами. Все были едва одеты, но не все поспешили прикрыться.

Вильям схватил одну из женщин постарше за плечи и, размахивая саблей, сказал:

— Я Хоквуд. Моя жена и сыновья находятся где-то здесь. Проводи меня к ним.

Женщины таращили на него глаза.

— Быстро, — прикрикнул он. — Или я перережу тебе горло.

Женщина пролепетала:

— Их увели евнухи, мой господин. Пришли евнухи...

Вильям освободил ее и выбежал в коридор. Несколько евнухов собрались там, но при его приближении они бросились врассыпную. Он поймал одного из них и ударил по затылку рукояткой сабли.

— Где жена юного Хоука? — прорычал Вильям. — Веди меня к ней.

Евнух, стоя на коленях, затрясся от страха:

— Мы выполняли приказ султана, юный Хоук.

— Веди меня, — скомандовал Вильям, почувствовав, что черное облако затуманивает его сознание.

Евнух поднялся на ноги и повел Вильяма по коридору к запертой двери.

— Ломай ее, — приказал Вильям.

Евнух позвал других на помощь, и они выбили замок. Дверь распахнулась, Вильям вошел в помещение. Его ноздри раздулись от запаха, а сердце упало при виде того, что предстало перед его взором.

Их было четверо в этой комнате: Серета, два маленьких мальчика и Генри Хоквуд. Руки каждого из них были связаны за спиной, и тетива, глубоко врезавшись в плоть, намотана вокруг шеи. Все были мертвы.

— Бунтовщики! — сказал султан, осматривая людей, толпившихся вокруг него. Раненые и оборванные, многие из них были обморожены после вынужденного перехода в середине зимы через горы к Босфору.

— Предатели! Отбросы земли!

Все пленники были высокого ранга. Хоук-паша казнил нескольких простых солдат, в основном для предостережения остальным. Военачальников он привел для расправы султану. Теперь он стоял позади них и казался огромным ангелом мести. И все же одну жизнь он должен спасти, если, конечно, сможет.

Пленники поутратили былой боевой блеск. Их тащили, привязав к хвостам лошадей сипахов всю дорогу из Брусы. Их доспехи были помяты и пробиты, рубахи превратились в лохмотья, их лица, локти и колени кровоточили от того, что они падали, плечи и спины — от того, что и по ним стегали плеткой.

Они сполна заплатили за поражение.

И они знали, что никакие страдания не были столь ужасными, как те, которые им еще придется испытать.

Глаза их были погасшими, как будто их разум не выдержал тяжести испытания, но они были счастливчиками. Некоторые из них, набравшись смелости, даже смотрели на султана. Но большинство стояли с поникшими головами, уставившись в пол. Все дрожали.

Омар-паша, высоко подняв голову, смотрел прямо перед собой. Вильям Хоквуд смотрел на отца.

— Посадить их на колья, — приказал Баязид, — всех без исключения, как простых преступников.

Военачальники, стоявшие вокруг трона, тяжело вздохнули. Это была самая ужасная казнь из всех, которые когда-либо придумал человек. Но если на

кол сажали врага, взятого в бою, то жертва имела возможность в последние минуты жизни вести себя достойно. Простые преступники были лишены даже этого. Их не просто сажали на острый деревянный шест... Сначала человека высоко поднимали на изогнутом седле, затем шест около четырех футов длиной вводился ему в анус ударами деревянного молотка до тех пор, пока не выходил где-то над поясницей. Казнь проводилась в людном месте, и палач сам решал, частыми или редкими будут удары его молотка.

Омар-паша побелел. С того момента, как Хоук-паша отказался обсуждать условия, он знал, что приговорен к смерти мучительной. Но это...

— Ты не имеешь права, о падишах, — протестовал он. — Я военачальник, я попал в плен с оружием в руках!

— Ты восстал против закона султана, — рявкнул Баязид. — Оставьте его напоследок, — приказал он. — И проследите, чтобы удары молотка были редкими.

Стражники повели пленных прочь.

Остался один только Вильям Хоквуд, связанный и грязный, как и остальные, но отделенный от них приказом Хоук-паши.

— Я не могу делать исключений, Хоук-паша, — сказал Баязид. — Даже несмотря на твою помощь. Восстание должно быть подавлено.

— Прими мое почтение, о падишах, — произнес Энтони, — мой сын не был мятежником. Он был вынужден выйти на поле боя потому, что его родственники стали заложниками. Он отказался стрелять из пушек по твоей армии, падишах, и был за это арестован. Джем не убил его только потому, что хотел, чтобы мы умерли вместе после победы, на которую он надеялся. Когда мой сын бросился преследовать сбежавшего, чтобы схватить его, то нашел своих жену, брата и сыновей убитыми. Мой сын ненавидит предателя больше, чем кого-либо на земле. Это чувство разделяю и я.

Баязид поглаживал бороду, глядя на своего командира. Потом он остановил свой взгляд на Вильяме.

— Ты не поймал моего брата, — сказал он. — Жаль... Пока он жив, он будет ножом, вонзенным в меня. Твой отец заявляет, что ты ненавидишь своего бывшего друга. Это правда, юный Хоук?

— Падишах, моя душа рвется из груди, чтобы отомстить ему. Появись он сейчас около тебя, я задушил бы его голыми руками.

— Хорошо сказано, — одобрил Баязид. — Ладно, юный Хоук, я предоставлю тебе эту возможность. Я получил сведения, что Джем нанял судно, идущее из Смирны в Египет, и удрал на Родос под защиту рыцарей Святого Иоанна. Я направил посланников к рыцарям с предупреждением о том, что его должны выдать, или я подниму против них такую армию, которую еще не видел никто, армию, даже больше той, которой командовал мой отец. И в этот раз я не буду вести осаду...

— Рыцари не выдадут принца Джема, — сказал Энтони.

— Я знаю это. Но мне известно и то, что они не пойдут на войну. Они вышлют моего брата. Кто может сказать, куда он отправится с Родоса? Обратно в Египет? В Италию? Во Францию? На край земли? — Султан сделал указующий жест в сторону Вильяма Хоквуда. — Я поручаю это тебе, юный Хоук. Найди и привези мне брата. Или разруби его на части своими руками и принеси доказательства этого. Если понадобится, спустись за ним в ад, но доставь мне его живым или привези доказательства его смерти.

— С удовольствием, о падишах! — воскликнул Вильям. — Иначе для чего мне теперь жить?

Баязид улыбнулся:

— Даю тебе год на выполнение этой миссии. Помни об этом. Ровно год начиная с сегодняшнего дня. Если ты не вернешься с моим братом или его головой... тогда... — Он метнул взгляд на Энтони Хок-

вуда, рядом с которым, как всегда, стоял его сын Джон. — Тогда другой твой брат умрет.

На некоторое время воцарилась тишина.

Энтони Хоквуда переполнял гнев. Он был личным другом последнего султана, величайшего воина империи. А это его старший сын, участвовавший в разгроме повстанцев! Как могло так случиться, что этот трус, даже не присоединившийся к своей армии в сражении, распоряжается им как рабом?

Баязид продолжал улыбаться.

— Помни мои слова, юный Хоук. Теперь ступай и возвращайся с головой моего брата.

•

— Он, конечно, не перевоплощение Мехмеда или даже первого Баязида, — заметил Энтони Хоквуд, — но все-таки он наш хозяин. Ты никогда не должен забывать об этом.

— Я не забуду этого, отец, — сказал Вильям.

Вильям находился на мужской половине дома в личных покоях его отца. Дворец Хоук-паши выходил на Золотой Рог, и из его окон были видны стоявшие у пирсов суда. Корабли приходили сюда со всего мира. Константинополь был открыт всем купцам, если их страны находились в мире с султаном и платили ему дань. Венецианцы и французы, итальянцы и германцы, эфиопы и индийцы — все они толкались на базарных площадях города. Здесь можно было встретить и узкоглазых желтолицых людей с дальних концов Азии, где, как они заявили, находилась империя, еще более великая, чем Османская.

Иногда среди толпы появлялись и англичане.

Богатства, привозимые в поисках прекрасных шелков, булатных мечей, мягких льняных полотен, великолепных скакунов и, кроме того, освежающих рот пряностей, которые прибывали в Константинополь с Востока, сделали империю самой богатой.

Именно благодаря этому богатству Завоеватель и его военачальники смогли построить свои дворцы. Вильям Хоквуд стоял на мраморном полу, под мра-

морной крышей, поддерживаемой огромными мраморными колоннами, высеченными в греческом стиле, известном еще как коринфский. На окнах были бархатные гардины, а в арках, выходящих во внутренний дворик, колыхался бледно-розовый газ. Дом был напоен мягким воздухом и приглушенными звуками.

На стенах дворца Вильяма Хоквуда висели картины: изображение Девы Марии с младенцем и икона на ту же тему. Он мог себе это позволить, потому что не был мусульманином.

Всего лишь двадцать лет на месте, где красовался этот дворец, не было ничего.

Вильям провел здесь слишком мало времени, чтобы называть это место своим домом. Теперь он снова должен уехать. Как долго продлится его путешествие?

— Вот твои документы, — сказал отец, протягивая Вильяму бумаги. — Здесь написано, что ты посланник Порты. Тебя будут принимать с почестями во всех странах, торгующих с нами, только в Кастилии и во владениях Арагонского короля ты будешь расценен как враг. Избегай их.

— Да, отец.

— Как сложится судьба твоя после того, как ты захватишь принца, я предвидеть не могу. Надеюсь на твое мужество и ум.

— Да, отец.

— Ты не подведешь. Ты не должен подвести не только из-за твоего брата Джона, но и потому, что твое будущее здесь. Ты Хоквуд. Помни мои слова и возвращайся целым и невредимым.

— Я вернусь.

— Возвращайся, — сказал Энтони Хоквуд, глядя на Вильяма, — потому, что ты мой сын. — Его голос был почти ласковым.

— Я скорблю по моему брату Генри.

— Я тоже, мальчик. Умереть в бою — достойный конец, но быть задушенным... Отомсти за него.

— Я сделаю это.

— Тебе лучше ехать налегке. Тебя будет сопровождать только Хусейн. Он выполнит любое твое желание. Ему можно доверить жизнь — не жертвуй им до последнего момента. Для прочих нужд здесь мешок с золотом. Используй деньги с толком.

Вильям взял мешок, который оказался очень тяжелым.

— Теперь простись с матерью, — приказал Энтони Хоквуд.

Вильям пошел в женскую половину дворца и стал на колени перед матерью.

— Прошу твоего благословения, мама, — сказал он.

— Моего благословения... — высокомерно сказала Анна. — Я уже потеряла сына. Теперь я могу потерять еще одного. Ступай! Я сомневаюсь, что когда-нибудь увижу тебя.

Вильям встал с колен и, увидев слезы в глазах матери, поцеловал ей руку.

Немногие турки знали о том, что находится за Дунаем и Черным морем. Такие люди, как Энтони Хоквуд, ходили посольством к северу от великой реки. Капитаны водили корабли в бухты Крымского полуострова и были единодушны в мнении, что хоть это и обширная житница с бесконечными полями колосящейся пшеницы, но там почти нет городов и живут там дикие бескультурные люди; и к тому же шесть месяцев в году в этих землях стоит холод, от которого в жилах стынет кровь.

Энтони Хоквуд помнил Англию и берега Испании и Италии. Особенно часто он вспоминал Неаполь и мог часами рассказывать о шумных морских представлениях и чувственных мужчинах и женщинах. Турки, самые горячие люди на земле, улыбались, слушая его воспоминания. Но даже Энтони Хоквуд только по слухам знал о самом сердце Европы.

Те турецкие капитаны, которые торговали с венецианцами, говорили о богатствах и роскоши великой

островной республики. Они также рассказывали о землях, лежащих еще дальше, где горы, гораздо выше чем Тавр, поднимаются прямо к небу. Эти горы окружают земли, еще более плодородные, чем степи России, и находятся там большие города невообразимого процветания. Из уст в уста передавались сказки об огромных ярмарках, куда стекаются люди со всего мира, о рыцарях в пластинчатых доспехах, о женщинах без чаршафов в пышных юбках, богатых торговцах в прекрасных парчовых одеждах. Эти рассказы будоражили воображение башибузуков, которые знали только о существовании Константинополя, Адрианополя, Брусы и высокого анатолийского плато.

И изо всех этих городов с такими названиями, как Мюнхен и Страсбур, Аугсбург и Майнц, Милан и Флоренция, самый прекрасный, говорили, лежал далеко к западу и назывался Парижем.

Вильяму Хоквуду было известно семейное предание о том, как его дед, служивший Великому Гарри у Азенкура, отправился после победы в Париж в поисках руки дочери дофина[1] для своего господина.

«Какое странное совпадение, что шестьюдесятью годами позже я должен проехать той же дорогой, но, к сожалению, без романтических намерений».

Он постоянно думал о том, что надо спешить, так как дни дарованного ему года быстро летели, а Джем все еще был недосягаем.

Предсказания Баязида сбылись. Рыцари Святого Иоанна не собирались вступать в войну с Османской империей или отражать новую осаду, такую же разрушительную, как последняя. Джема не стали выдавать, но поторопили в путь, как только посланники Баязида доставили ультиматум.

В первом порыве Джем нанял корабль до Венеции, надеясь поднять былых правителей Восточного

---

[1] Д о ф и н — во Франции до 1830 г. титул наследника престола.

Средиземноморья на войну. Вильям Хоквуд последовал за ним. Как и иоанниты, дож[1] еще не был готов возобновить противостояние туркам, и Джему снова пришлось отправиться в путь, на этот раз во Францию. Обеспокоенный Вильям прибыл в Венецию месяцем позже. Но дож сердечно приветствовал молодого человека, путешествовавшего как посол султана и со всеми почестями принял его во дворце.

Несмотря на недавнее поражение, Венеция была цветущей и суматошной. Прибыв в начале февраля после шторма в Адриатическом море, Вильям внезапно почувствовал желание остаться на большой карнавал, который знаменовал начало христианского фестиваля Великого поста.

Вильям хотя и не стал мусульманином, но и не был последовательным христианином. Он помнил, как в детстве мать пыталась научить его заповедям и молитвам, но эти занятия быстро пресек отец, который сам придерживался ромейского, а не греческого вероисповедания. Между двумя, слишком сильно различавшимися интерпретациями закона Божьего Вильям и его братья совершенно запутались и не могли принять ни одну из них. В детстве их водили в церковь в Галате к мессе, но, когда началась военная подготовка, в этом больше не было необходимости. Частенько братья Хоквуды совершали намаз, и делали это потому, что не хотели отличаться от своих товарищей.

Живя в мусульманской стране, Хоквуды, конечно, соблюдали суровое воздержание во время рамазана, когда все истинно верующие проводили дневные часы в молитве и посте. Как определено законом, только тогда, когда черная нить не будет отличаться от серой, можно прикоснуться к еде. Для себя Вильям понял, что Великий пост чем-то походил на рамазан, хотя и не был столь суровым.

---

[1] Д о ж — глава Венецианской и Генуэзской республик до XVIII в.

До его разумения не доходило, почему перед началом Великого поста официально разрешены два дня насилий.

— Это хорошо для нашего народа, — объяснил дож, — когда на небольшой срок разрешается делать недозволенное. — На его морщинистом лице появилась натянутая улыбка. — Для того чтобы восстановить силы, ему потребуется почти весь год.

Два дня и две ночи в Венеции царили всевозможные формы порока и утех. Вильям был удивлен, узнав, что даже важные советники, члены Совета Десяти, забыв о своих представлениях о нравственных устоях, пьянствовали напропалую и тащили в постель всех женщин, попадающихся им на глаза независимо от того, замужем они или нет. И все женщины Венеции были доступны любому в течение этих двух дней и ночей.

Вильям мрачно взирал на царящий хаос. У него не было настроения предаваться веселью, еще меньше ему хотелось держать в объятиях женщину. Вильям никогда не предполагал, что он на самом деле любил Серету и даже не был уверен в своей любви к сыновьям. Благодаря Серете он узнал, что они были не такими, как он сам. Увидев их жестоко задушенными, он испытал жгучую боль, как будто ножом провели по его сердцу.

Вильям отказался от участия в этом празднике вседозволенности и еще по одной причине. Венеция стала первым не турецким городом, который он посетил, и он был потрясен, увидев дворцы, подобных каким не было даже в Константинополе, и романтические каналы... Но само место показалось ему отвратительным, такими же были и люди. Поселившись в городе, Вильям первым делом спросил о бане и получил в ответ удивленный взгляд. В феврале здесь не мылись.

— Мы действительно среди чужих, юный Хоук, — отметил Хусейн.

Хусейну было сорок с небольшим. Для турка он казался высоким и гордо носил свой большой живот.

Хусейн оказался идеальным компаньоном. Несмотря на некоторую неуклюжесть, он искусно владел оружием. Он был тоже неприятно поражен привычками венецианцев. Больше всего Вильяма и Хусейна шокировало то, что женщины разгуливали по улицам с открытыми лицами и без сопровождения, их плечи и груди были выставлены напоказ, и они флиртовали с каждым встречным и поперечным. Конечно, гречанки в Константинополе тоже не закрывали лиц, но одевались гораздо скромнее и вели себя в высшей степени сдержанно, опасаясь злой людской молвы.

— Это место — не угодное Аллаху, — сделал вывод Хусейн.

Сделав все возможное, чтобы убедить турецких посланников повеселиться, дож предоставил их самим себе и посчитал, что они весьма скучные люди. Вильям был счастлив стряхнуть пыль Венеции со своих ног.

Дальше нужно было двигаться по суше, соблюдая все меры предосторожности. Энтони Хоквуд предупреждал Вильяма, что большинство христианских государств силой заставили признать все расширяющуюся империю Завоевателя. Все знали, что война с турками даст или мало, или ничего. Исключение составляли династия Габсбургов, которая правила Священной Римской империей, и династическая уния Арагона и Кастилии. Их союз с республикой Генуя был равноценен союзу враждебной Порты со странами Западного Средиземноморья и делал невозможным для турецкого посла проезд морем до берегов Франции.

Поэтому Вильям должен был добираться до Франции через Швейцарию и Савойю той же дорогой, что и убегающий принц. Джем выбрал этот путь как более безопасный и еще потому, что не доверял Фердинанду и Изабелле Испанским.

Путешествие оказалось очень тяжелым, и особенно потому, что проходило зимой. Снегопад Вильям пережидал в отдаленных горных селениях. Там его принимали достаточно дружелюбно, благодаря в ос-

новном его золотым монетам. Вильям все время находился в нервном возбуждении, понимая, что вынужденные задержки приближают конец милованного ему года.

Они шли по захватывающе красивой земле. Горные вершины, покрытые снегом, поднимались в небо, светло-голубые озера немыслимой глубины блестели в долинах.

Местные жители не были похожи на тех, которых он видел в других странах. Их нельзя было назвать скромными или чистоплотными так же, как и венецианцев, но они казались более выносливыми и, очевидно, именно благодаря этому процветали, несмотря на ужасную погоду. Социальное устройство их жизни представляло свободный союз поселений, называемых кантонами. По их закону, каждый кантон принимал решения и действовал по собственному усмотрению.

Уяснив неопределенное положение местных жителей, Вильям пришел к выводу, что они могут стать легкой добычей для любого алчного соседа. И действительно, швейцарские кантоны были до недавнего времени субъектом австрийского правления. Но в ответственный момент все мужское население было собрано в самую прославленную пехоту христианской Европы, которая, успешно преодолев сложности военного похода в горной стране, завоевала свободу своей земле. Сохранить ее швейцарцы считали своим долгом и были полны решимости.

Вильям не удивился бы, узнав, что отважная швейцарская пехота отправилась в поход на янычар.

Из Швейцарии в самом начале весны Вильям и Хусейн направились в Савойю и оттуда во Францию. Им стало известно, что принц Джем уже побывал здесь несколько недель назад.

Зеленая и ласкающая взгляд земля купалась в солнечном свете, как будто радуясь цветущим деревьям. Вильям знал, что в течение более ста лет Фран-

ция была местом сражений, на котором английские короли, сменяющие один другого, пытались реализовать свои притязания на французский трон. Но в основном войны, разорявшие страну, велись на юге и западе Франции, поэтому жизнь в ее восточных областях была относительно спокойной. Его путешествие по этим землям было одним из самых приятных. Подъезжая к окрестностям Парижа, Вильям увидел руины множества когда-то прочных зданий.

И все же Париж тянул его к себе, как магнит. Город и удивил и разочаровал его. Конечно, здесь находились прекрасные соборы, окруженные крепкими зданиями. Все эти сооружения можно было легко защитить, поскольку они примыкали к небольшому острову в центре реки Сены. Но площадь острова была слишком мала для такого количества зданий, которые громоздились по обеим сторонам очень узких улиц. Растущее население стало строить дома по другую сторону мостов и окружило город новыми районами, которые были не менее сырыми и мрачными.

Вильям, живший в Брусе в течение нескольких лет, этом самом чистом и прекрасном из городов, испытывал неописуемое отвращение. В Париже было гораздо хуже, чем в Венеции. Кроме того, здесь постоянно шел дождь, и после него улицы превращались в сточные канавы, по которым текли всевозможные зловонные отбросы. В городе было множество нищих и бездомных собак, некоторые из них были бешеными.

Да, в Константинополе тоже много нищих, но там к ним относятся с уважением, поскольку подаяние считается святой обязанностью мусульманина. С собаками в Турции обращались хуже, чем со змеями. Их постоянно пинали с дороги. В Париже скорее нищего пнут с дороги, а с собакой не станут связываться.

Жители города были разными — от очень бедных до тех, которые, по меньшей мере, кажутся очень богатыми. Представители знати — и мужчи-

ны и женщины — собирались в отдаленных покоях королевского дворца, оживленно беседовали друг с другом и казались ожившими образами из воспоминаний его отца. Мужчины носили панталоны, которые подчеркивали все части их тела, их камзолы едва достигали бедер; их головы украшали разнообразные шляпы, украшенные перьями или кисточками. Женщины в богато расшитых бархатных платьях постоянно поддергивали их с пола, показывая не менее привлекательные нижние юбки. Они казались чуть более сдержанными, чем те, которых Вильям видел в Венеции, но, видимо, по причине более холодного климата, чем по причине природной скромности.

Богатые женщины украшали себя небольшими вуалями; некоторые, называемые бабочками, крепились на проволочной рамке на голове; другие опускались по спине почти до самого пола, и всякий раз, когда хозяйка такой вуали нагибалась, любой из тех, кто стоял поблизости, мог попасть в ловушку из белого газа.

Эти изысканные создания мужского и женского пола удивленно рассматривали высокого рыжеволосого человека с обожженным лицом, его шаровары и просторную рубаху, его тюрбан и остроконечный турецкий шлем. Вильям не стал снимать тюрбан, чтобы подчеркнуть свое отличие от собравшихся здесь. Но, поняв, что во Франции принято снимать головные уборы в присутствии короля, Вильям подчинился правилам. Когда назвали его имя и Вильям вышел вперед, толпа зашепталась в недоуменной враждебности.

— Говорят, ты не знаешь французского, — спокойно сказал человек, говоривший по-латыни.

Вильям напрягся, увидев перед собой приземистого и чрезвычайно толстого мужчину. Ему было известно, что Людвик XI немолод. Королю уже исполнилось пятьдесят восемь лет, но выглядел он еще старше, его движения были медленными и болезненными, казалось, что его мучают ревматические боли.

Вильям знал, что этот бескомпромиссный человек с бледным лицом, большим носом и толстыми губами прозван в Европе Всемирным Пауком из-за того, что он проникал в каждый двор и каждый заговор.

— К своему несчастью, ваше величество, — ответил он.

— Но, без сомнения, ты владеешь английским, — предположил король.

Вильям был застигнут врасплох и не знал, что сказать.

Король улыбнулся:

— Не бойся, Хоквуд. Мы с твоим королем Эдуардом теперь друзья. Наши народы воевали друг с другом достаточно долго.

— Примите мое почтение, ваше величество, я не являюсь подданным короля Англии, — сказал Вильям.

Людовик пристально посмотрел на него.

— Как я слышал, — произнес он, — ты поклялся в верности более могущественной власти.

Вильям поклонился.

Людовик сделал знак камергеру.

— Отошли эту толпу, — приказал он. — А ты, юноша, располагайся поудобнее и расскажи мне об этих турках.

Вильям поспешил повиноваться и целый час отвечал на вопросы Людовика — о Баязиде, его армии, его людях и намерениях.

— Все, что ты рассказал мне, совпадает с другой информацией, собранной мной, — удивился Людовик. — Я нахожу интересным, что, хотя твой хозяин и я правим на разных концах континента... у нас много общего.

Вильям не мог сообразить, в чем Баязид походил на этого человека, но сразу понял, что француз говорит это неспроста.

— У меня нет сомнений, что мой хозяин придерживается того же мнения, ваше величество, — дипломатично произнес он.

— Что ж, это хорошо. Я подозреваю, что последние события были благотворными для моих людей и меня, окруженных врагами. Скажи, Хоквуд, прав ли я, предполагая, что султан считает Фердинанда Католика своим злейшим врагом?

— Вы определенно правы, ваше величество.

— Хорошо. Я могу сообщить тебе, что испанцы и мои враги. Связь налицо, не правда ли? Я скажу тебе, что испанцы представляют для меня большую опасность, чем для Константинополя, поскольку их владения граничат с моими, хотя и через узы брака, на востоке и севере. Это невыносимая ситуация.

— Я не сомневаюсь, что мой хозяин хорошо поймет твои трудности, — осторожно сказал Вильям.

— Что ж, замечательно, — объявил Людовик. — Тогда я попросил бы тебя немедленно объяснить их ему. Понимание между нашими народами, обмен послами... возможно, союзничество благотворно повлияют на укрепление наших отношений. Ты выполнишь мое поручение, Хоук?

— Охотно, ваше величество. Но я боюсь, что мое возвращение в Константинополь без того, кого я ищу, разгневает султана и сведет на нет все наши усилия.

Людовик долго смотрел на него.

— Сначала я не знал о твоем прибытии, Хоквуд. Принц Джем дал мне понять, что он законный наследник Мехмеда, и я предложил ему убежище. Ты не заставишь меня нарушить свое слово?

Вильям попытался сдержать отчаяние.

— В таком случае, ваше величество, мне кажется, что ваши надежды на понимание с моим хозяином останутся только надеждами.

Людовик посмотрел на него.

— Нет горы такой высокой или крутой, которую нельзя было бы взять, — после паузы произнес он. — Я вижу, Хоквуд, мы оба люди разума и дела. Ты, конечно, должен понять, что в первую очередь я думаю о спокойствии и безопасности моего королевства и моих людей. Король, увы, должен позволить этой безграничной ответственности взять верх над честью,

когда потребуется. Но ты должен понять и то, что прежде, чем я нарушу данное мной принцу Джему слово и отпущу его в ловушку, я должен получить уверения твоего султана, что он заинтересован моими предложениями. В противном случае это был бы безрассудный шаг.

Вильям склонил голову, настроение его упало. Теперь он не сомневался, что Людовик нашел решение их проблем.

— По-моему, ты должен связаться со своим хозяином и рассказать ему о моих предложениях. Я буду ждать его ответ с надеждой. Все это время принц Джем будет моим гостем. Я даю тебе слово, что не разрешу ему покинуть город. И если меня удовлетворит ответ твоего хозяина, я откажусь от моих намерений касательно принца.

Вильям мгновенно сообразил, что ему потребуется не меньше чем три месяца, чтобы вернуться в Порту. Через три месяца наступит конец августа, а время убывает. И если он вернется с пустыми руками и смутными обещаниями французского короля к Баязиду, он навлечет на себя и своих близких беду.

— Увы, ваше величество...

Людовик улыбнулся:

— Ты боишься за свою семью да и за себя тоже...

— Что вы имеете в виду, ваше величество?

— У меня осведомители по всей Европе, Хоквуд. До меня дошли слухи, что великий Хоук-паша, командующий артиллерией султана, взят под домашний арест до твоего возвращения с принцем Джемом.

Вильям вздохнул, понимая, что скрывать что-либо от этого человека — пустая трата времени.

— Увы, ваше величество, это чистая правда.

— Поэтому ты и беспокоишься. Без сомнения, у султана есть причины не доверять в этой жизни никому, — продолжал Людовик. — Я скажу тебе, что опыт моей юности и первых лет на троне не одарил меня большой преданностью моих подданных. Но я могу предложить тебе выход, если, конечно, ты желаешь воспользоваться им. Ты не вернешься в Кон-

стантинополь, юный Хоквуд. Ты напишешь письмо, которое будет сопровождать письмо с моими предложениями. Мы сможем убедить султана, что бессмысленно мстить твоей семье, поскольку в этом случае я освобожу принца Джема, чтобы он достигал выполнения своих целей, возможно, вместе с тобой. Таким образом, если султан будет сдержан и понятлив, то это даст ему не только то, чего он добивается, но и возможность сохранить у себя на службе великого военачальника. Только глупец отклонит такое благоприятное и выгодное предложение.

— Ваше величество, если бы я мог поверить, что...

— Ты боишься, что твой султан — глупец? — Людовик усмехнулся. — В любом случае подумай об этом выходе. По меньшей мере здесь ты будешь в безопасности. Я поговорю с тобой еще, Хоквуд. Меня освежает твоя компания. Кроме того, ты сможешь научить моих маршалов артиллерийской премудрости.

Письма были написаны, запечатаны королем и отправлены с особым посланником. Оставалось только ждать и молиться. Вильям подсчитал, что вряд ли получит ответ до Нового года. Если вообще когда-нибудь получит его...

Вильям также понимал, что теперь он, не меньше чем Джем, стал пленником короля. Людовик мог бы рассматривать союз с Османской империей полезным в борьбе с Габсбургами, и к тому же у него не было оснований бояться вражды с Баязидом, поскольку Париж был отдален от Константинополя тысячами миль.

Вильям не знал, как вести себя в нынешней ситуации. Ему дозволяли наблюдать Джема, прогуливающегося в сопровождении охранников в одном из дворцовых монастырей, но ему не разрешали приближаться к нему. Он побаивался даже мысли о том, что можно скользнуть вниз по стене и уничтожить убийцу его семьи прежде, чем он сам будет сражен охраной. То, что охранники мгновенно убьют его, было

очевидно. Не знал он также, чем это самоубийство поможет делу. Людовик просто скроет смерть Джема от внешнего мира. Он будет вести переговоры, проинформировав Баязида, что его посол погиб в результате несчастного случая.

Если Баязид собирается уничтожить Хоквудов, он сделает это в любом случае. Таким образом, будущее их семьи зависело от того, каким человеком — умным или глупым, готовым уничтожить своего генерала из-за обычной злости — проявит себя султан. Вильяму было неприятно, что он не в силах повлиять на ситуацию. Таким образом, он пришел к мысли, что может забыть о своем горе и плохих предчувствиях и вкушать радости жизни, наслаждаясь сегодняшним днем.

Сделать это было несложно. Вильяму нравилось, что король благоволит к нему, хотя он и понимал, что это увлечение напоминает любовь ребенка к новой игрушке. Людовик, конечно, не был ребенком, наоборот, Вильям никогда не видел более хитроумного и грубого человека. Внимание Людовика к мелочам было удивительно и невероятно для монарха. Он докапывался до самых тайных сторон жизни его королевства и людей и накапливал сведения о них. Все они аккуратно записывались и хранились. Частенько Людовик хвастался, что при необходимости может привлечь к суду любого из его дворян за измену, даже если их необдуманные слова или дела были эхом двадцатилетней давности.

Людовик был невообразимо скупым, и Вильяму, привыкшему к расточительству султанов, это казалось странным. Король никогда не пошлет пятьдесят лучников на задание, если хватит сорока девяти — лучше он сэкономит деньги на выплате одному человеку.

Скупость короля, однако, не означала, что он не любил роскошь и зрелища, просто он стремился к тому, чтобы все это оплачивалось придворными. Мужчины и женщины, наполнявшие его двор, носили великолепные шелка и сатины; балы и зрелища Вильям находил захватывающе прекрасными.

Одним из развлечений здесь считался выезд на охоту. Весь двор, и дамы в том числе, седлали лошадей и углублялись в леса к северу от города. В них не водились львы и волки, но олени и кабаны придавали пикантность этому развлечению. Вильям, одетый по парижской моде в облегающие панталоны и камзол, пустился вместе с ними; его шляпу украшало перо.

Людовик быстро старел и знал, что тяжелая болезнь дает ему небольшой срок для наслаждений. Он уже не мог сам выезжать на охоту, но все еще любил наблюдать это зрелище и часто отправлялся вслед за всадниками в тряской, неудобной карете.

Особое удовольствие Людовик находил в том, что окружал себя молодежью, силой и, по возможности, красотой. Во время взлетов и падений своей извилистой жизни, в основном проведенной в открытом мятеже против собственного отца, он предавал или был предан почти всеми аристократами в королевстве. С течением времени он их всех поприжал, но знал, что многие ненавидят и боятся его, и поэтому подозревал всех.

В его совете заседали не дворяне, а торговцы и юристы Парижа, люди, которым он доверял с тех пор, как понял, что их преуспевание полностью зависит от него.

Таким образом, Вильям Хоквуд, высокий, сильный, красивый чужестранец, полностью зависящий от благосклонности короля, был определен в фавориты самой судьбой. И вскоре Вильям понял это сам. Людовик никогда не тратил лишнего су на свою одежду, хотя и считался модником, но он приказал своим портным разодеть молодого гостя по самой последней моде; это влетело королю в копеечку. Вильяму дали лучших лошадей, лучшие сабли, самые знатные дамы королевства обучали его танцевать, говорить по-французски, вести легкий флирт.

Это было восхитительным занятием. Никогда в своей жизни Вильям не дотрагивался до посторонней женщины — в мусульманском мире мужчины имеют

дело только с женами и наложницами. В Париже он должен был держать руку танцующей с ним партнерши, улыбаться ей, смотреть, если осмелится, в декольте — она была бы обижена, если бы он не сделал этого — и даже держать в объятиях, когда они кружились в танце. И всегда с ним танцевали или чужие жены, или девственницы.

Вильям стал любимцем дам, особенно после того, когда улучшился его французский. Его подчеркнуто не любили мужчины, по меньшей мере придворные. Они считали нового фаворита короля турком, варваром и выскочкой. Вильям вскоре понял, что благоволение короля встало между ним и придворными; к тому же король не разрешил Вильяму участвовать в турнирах, где рыцари в полном вооружении боролись друг с другом.

Мотив отказа короля был прост. Вильям ничего не знал о правилах этих поединков, а если бы его ранили или даже убили... смерть иностранного посла — очень щекотливое дело. Вильям сожалел, что ему не дозволено испытать оружие, но у него не было сомнений, что он лучший наездник, чем любой французский рыцарь, и вскоре овладеет искусством ношения доспехов. Все же идея сражения в таком весе и таком состязании — рыцарей приходилось поднимать с земли и сажать в седла краном, а если они падали, то могли лежать, как выброшенные на берег киты, даже не в состоянии двигаться — была смешной и казалась лишней тратой времени. Невозможно придумать доспехи, которые защитили бы от артиллерийского снаряда.

Это последнее обстоятельство было очевидной причиной дружбы короля. Вильяму показали, чем вооружена французская армия, его пригласили дать уроки мастерства канонирам и дать советы по модернизации пушек. К этому он был готов. Так же, как и Людовик, он находил французскую армию очень слабой, ее шансы достойно сразиться с турками на поле боя были невелики. Равноценно он был готов принять заявление короля, что военные действия между Англией и

Францией закончены. Французская артиллерия была гораздо слабее той, которой командовал его отец. Таким образом, Вильям охотно инструктировал канониров в тактике и маневрах, особенно уделяя внимание сосредоточению в ударную группу. Как и все европейские артиллерии, французы располагали пушку перед каждой бригадой вместо того, чтобы сконцентрировать огонь в одном месте — Энтони Хоквуд понял это по опыту осады Константинополя.

Нет необходимости говорить, что ценные советы Вильяма и восхищение Людовика его доблестью вряд ли сблизили его с французской аристократией, которая не одобряла артиллерию вообще. Противостояние знати возглавила старшая дочь короля Анна. Анна — одна из немногих женщин при французском дворе — не приняла этой любви с Востока. И делала она это очень недвусмысленно. Она, конечно, никогда не унаследовала бы трон по Салическому закону[1], но беспокойство вызывало ее влияние на наследника Карла, болезненного и уродливого мальчика двенадцати лет, низкие умственные способности которого позволяли им легко манипулировать. Скорее всего Карл мог стать следующим королем Франции, и его враждебность нельзя было игнорировать.

Недовольство королевской семьи сложившейся ситуацией росло. С наступлением зимы король почувствовал себя хуже чем когда-либо и, устав от скучной жизни двора, уехал в загородный замок Плесси, расположенный в холмистой местности Турен. Вместе с ним поехал его любимец. Вильям понимал, что, пока король жив, ему нечего опасаться. Не получив к Рождеству никаких новостей из Константинополя, Вильям впал в отчаяние. Он находился при дворе французского короля вот уже полгода.

— Терпение, мой мальчик, — ободрял его Людовик. — Терпение — величайшая из добродетелей. В конце концов новости будут. Но если даже и нет...

---

[1] Салический закон (Салическая правда) — сборник обычного права салических франков. Записан в начале VI в.

тогда твой дом будет здесь. Если бы ты принял такое решение, я был бы рад.

— Ваше величество слишком добры, — как-то настороженно пробормотал Вильям.

— Ты боишься будущего, — сказал Людовик. — Предположи, что я сделаю его для тебя безопасным.

— Сир? — Вильям не имел представления, что король имел в виду.

Людовик только улыбнулся, но неделей позже раскрыл свои планы.

Если короля не было в Париже, это не означало, что он отсутствует на своем посту правителя Франции. Погода стояла ужасная, на дорогах лежал снег толщиной в несколько футов, но всадники, постоянно прибывавшие к замку, привозили всю необходимую королю информацию. Министры должны были оставлять свои магазины и конторы и регулярно приезжать к королю. Часто их сопровождали семьи на случай, если понадобится задержаться на несколько дней или даже недель, если погода окажется необычайно суровой.

Их приезды и отъезды были нескончаемыми, и в этой смене людей и лиц трудно было кого-то запомнить. Но в тот день Людовик подвел Вильяма к окну, выходившему во двор, и показал на группу всадников — мужчин и женщин, спешивавшихся с коней. Их лица раскраснелись от мороза, плащи были запорошены снежной пылью.

— Это Жак Ферран и его семья, — пояснил Людовик.

Вильям, конечно, встречал Феррана, который участвовал в заседаниях Королевского совета. Однако ему не было известно семейное положение торговца. Жены и дочери людей среднего класса не принимались ко двору.

— Я думаю, что Ферран — самый богатый человек в моем королевстве, — продолжил Людовик. — Возможно, он богаче, чем я.

Вильям нахмурился.

— Теперь внимательно посмотри на четвертую справа фигуру, — предложил Людовик.

Вильям прищурился. Четвертая фигура была очень маленькой, казалось, что это ребенок.

— Эме двенадцать лет, — подтвердил Людовик. — Но вглядись получше.

Ферран и его семья подошли к лестнице, ведущей в апартаменты для гостей. Оказавшись под козырьком крыши, они отбросили свои капюшоны. Вильям не видел ни Феррана, ни его жену, ни двух младших дочерей; он смотрел на ту, которую звали Эме. Копна нежнейших бледно-золотистых волос украшала очерченное в виде сердечка лицо со вздернутым носиком, широко посаженными глазами и острым подбородком. Лиц такой необыкновенной тонкости и прелести Вильям не видел никогда.

— Не правда ли удивительно, что самый богатый человек в королевстве обладает и самой красивой дочерью? — заметил Людовик. — Эме — прямая наследница Феррана. К ее красоте добавится еще и несказанное богатство. Обладатель этого должен быть бесстрашным мужчиной. Ее муж, конечно, будет вынужден жить во Франции. — Он взглянул на ошеломленного Вильяма. — Но подумай об этом, Вильям. Если твой хозяин окажется сговорчивым, и принц Джем будет отправлен в Константинополь, и твоя семья будет спасена... Что ждет там тебя? Твоя жена и дети мертвы. Подумай, есть ли на самом деле у тебя причина возвращаться в эту варварскую землю? Здравый смысл должен подсказать тебе остаться здесь. — Он замолчал, ожидая, пока смысл его слов дойдет до Вильяма, а потом продолжил: — Я говорил со старым Жаком, он согласен на мое предложение. — Людовик цинично улыбнулся. — К тому же я предложил даровать ему дворянство. Теперь пойдем. Не затруднит ли тебя познакомиться со своей будущей невестой?

«Мне, наверное, следовало бы отказаться, — думал Вильям. — Ведь я варвар, человек чуждых традиций и еще более чуждых мыслей». Не упадет ли

в обморок это очаровательное дитя при виде такого чужестранца? Не поклянется ли она скорее убить себя, чем отдать свое тело турку?

Но забрезжившая перспектива была непреодолимо манящей. Вместе с королем он вошел в апартаменты для гостей и был представлен мадам Ферран и девочке.

— Папа говорил мне о вас, сударь, — сказала Эме.

«В каком смысле?» — хотел спросить Вильям, но произнес:

— Знакомство с вами — большая честь для меня, мадемуазель.

— Для меня тоже. — Эме Ферран сделала реверанс.

Ее и сестер увела мать, а Вильям предстал перед Ферраном.

— Эме очень молода, — сказал Ферран.

— Согласен, — отозвался король, который стоял между ними. — Но их можно помолвить. Эме уже зрелая девушка.

— Да, сир, но она еще очень молода. Я беспокоюсь за ее здоровье во время родов.

— Вполне понятно. Помолвка продлится два года. Свадьба состоится, когда Эме исполнится четырнадцать лет. Вы удовлетворены таким решением, сударь?

Ферран поклонился.

— А ты, юный Хоквуд?

«Я сошел с ума, — думал Вильям. — Мне следует быть более подозрительным и расчетливым. Этот человек привязывает меня к себе еще на два года». Но видение этой девочки и перспектива богатства будоражили его воображение.

Вильям поклонился.

В конце концов оказалось, что все дело действительно в терпении: нужно было ждать, когда Эме подрастет и когда поступят новости из Константинополя.

Вильяму разрешили раз в месяц посещать дом Феррана в Париже; во время визитов он потягивал вино, беседуя с мадам Ферран и Эме, играл с ее младшими сестрами.

Эме получила хорошее образование. Она свободно говорила по-латыни, многое знала о политике и экономике Западной Европы. Ее ум был живым, он как губка впитывал все новые и новые знания. Эме попросила Вильяма рассказать ей о Константинополе и жизни на Востоке, но только в самых общих чертах.

Незаметно зима перешла в весну, весна расцвела в лето. Теперь Вильям в течение восемнадцати месяцев был вдали от своей семьи. Он смирился с мыслью, что все родные мертвы и у него никого не осталось, кроме этой девочки и короля. И если король его надзиратель, то кем была для него эта девочка и какие чувства она испытывала, Вильям не представлял. Единственное, что он знал точно, так это то, что Эме смотрела на него с нескрываемым интересом, не подобающим для молодой девушки. И взгляд этого земного создания обещал все высшие удовольствия. Если только представить, что эта красота будет сочетаться с удовлетворением, которое он получал от Сереты, можно сразу стать полусумасшедшим от желания. Но, может, он обманывается? Может, Эме на всех мужчин смотрит тем же взглядом? Она всегда, казалось, была рада принимать его, но никогда не проявляла к нему больших чувств, чем должное уважение мужчине, который должен стать ее мужем.

«Что еще Эме может чувствовать, если ей всего двенадцать лет?» — иногда спрашивал себя Вильям.

Одиночество его росло.

Но однажды прибыл посланник. Его заставили долго ждать в Константинополе решения Баязида, потом долго откладывалась поездка, но теперь он был здесь. Новости, которые он привез, были именно такими, о которых мечтал Вильям.

Султан с удовольствием вступал в переговоры о союзничестве с королем Франции при одном усло-

вии: король возвратит его брата, Джема. Более того, султан поздравлял своего посла, Хоука-младшего, с достойным выполнением миссии. Теперь султан ждал конкретных предложений короля.

Эти переговоры, подумал Вильям, могут занять несколько лет. За это время он успеет жениться на Эме и насладиться жизнью французского двора. Что касается того, чтобы провести всю свою жизнь во Франции... об этом ему не хотелось думать, и к тому же остаток жизни казался ему очень длинным.

Наконец наступает время, когда ноша тревог упадет с его плеч. Посланник передал Вильяму письмо от Энтони Хоквуда, который уверял сына, что у них все хорошо и все весьма успокоены новостями из Франции. Энтони вновь вернулся на пост командующего артиллерией, Джон занимался своим делом.

Вильям решил, что он счастливейший человек в мире.

Король был рад вестям. Возможно, даже слишком. Месяц спустя после приезда посланника, 30 августа 1483 года, король умер в собственной постели в Плесси.

Глава 9

КАРДИНАЛ

Вильям был в Париже в гостях у Ферранов, когда умер король. Весь день он провел с семьей. Дома не было только Жака, который занимался своими делами. К вечеру Вильям вернулся в свои апартаменты, и сразу вслед за ним явился гонец, который передал просьбу Феррана снова прийти к ним.

Вильям сразу вернулся. Семейство Ферранов взволнованно внимало новостям, принесенным Жаком.

— Должны быть большие перемены, — мрачно сказал он. — Анна вряд ли захочет сохранить людей отца, она просто ненавидит меня. Я молю Бога, что

мне разрешат оставить политику и заняться своим делом.

— Что будет со мной? — спросил Вильям.

— Я думаю, что ты будешь в безопасности. Ты полномочный посол иностранного государства. Переговоры о союзничестве наших стран вот-вот начнутся.

— Должен ли я напоминать о себе?

— Я бы подождал, — сказал Ферран. — По французскому закону, король Карл уже может править страной, хотя ему только тринадцать. Не знаю, пожелает ли Анна заявить о правах на престол или это позволят сделать Карлу... В любом случае, мой юный друг, ты должен набраться терпения и подождать, пока двор будет готов опять заниматься делами.

— А Эме?

— Вы помолвлены. Она будет тебя ждать. — Ферран улыбался, когда говорил это. Видно было, что улыбка далась ему непросто, сердце Вильяма внезапно упало. Казалось невозможным, что он влюбился в девочку, почти вдвое младше его, с которой он не провел ни минуты наедине. Однако за последние шесть месяцев Вильям очень привязался к ней, чувствовал, что они уже женаты, но все удовольствия брака их ждут впереди. Эме раскрыла ему всю живость своего ума, острого и богатого воображением; ее необычная красота, казалось, расцветала с каждым днем. И эти вопрошающие глаза обещали так много...

Или он мечтал о состоянии, приложенном к ее имени?

Внезапно Вильям понял, что это была часть сделки. И что того, кто задумал эту сделку, человека, который должен был возвести Жака Феррана в дворянство, больше нет в живых. Чем теперь измеряется ценность посла варваров?

Как ни был несчастен Вильям в своем новом положении, он нашел самым разумным следовать совету купца. В течение нескольких месяцев французс-

кий двор практически не занимался делами, так как это́ был официальный период траура по умершему королю.

К Рождеству траур был снят; Вильяму казалось, что двор был по-настоящему рад избавлению от Всемирного Паука и только для порядка соблюдал ритуал оплакивания. Рождество мало значило для Вильяма, он никогда не отмечал этот праздник и остался в своих апартаментах. Но все это время нервничал и сразу по окончании праздника попросил аудиенции у нового короля. И только через несколько недель аудиенция была назначена.

Вильяма тревожила невозможность видеть Эме. Она, наверное, была больна, и поэтому доктор запретил ей принимать даже жениха. Вильям встревожился и сделал попытку встретиться с Ферраном, но ему сказали, что купец уехал по делам.

Вильям чувствовал себя неспокойно от всего этого, но, когда наконец был приглашен к королю, еще больше заволновался.

На троне, сгорбившись и глядя исподлобья, сидел мальчик. Сестра короля и ее муж стояли рядом.

Вильям поклонился и поприветствовал нового короля. Мальчик молча смотрел на него.

— Мы осведомлены о мотивах вашего пребывания здесь, Хоквуд, — объявила Анна. — Я должна сообщить вам, что ваши документы ждут вас у секретаря его величества.

Вильям нахмурился.

— Документы, ваше высочество?

— Мы предполагаем, что теперь вы захотите вернуться туда, откуда приехали, — ответила Анна. — Мы не имеем более желания задерживать вас. Надеюсь, вы сообщите своему хозяину о нашем решении.

Вильям попыта́лся подавить волны паники, нахлынувшие на него.

— Но в настоящее время ведутся переговоры между Францией и султаном. Я считаю своей обязанностью оставаться здесь, в Париже, пока дело не будет завершено.

— Его величество пригласили вас сюда сегодня, Хоквуд, сообщить, что переговоры завершены. Христианский монарх не может заключать союз с варварами. Это решение вы должны донести до вашего хозяина.

У Вильяма потемнело в глазах.

— А как же принц Джем?.. — запнулся он.

— Принца Джема здесь больше нет. Его отослали, чтобы он искал убежище где-либо еще.

— Где конкретно, ваше высочество?

— Сейчас принц в качестве гостя его святейшества Папы Римского находится в Риме.

Вильям задохнулся от гнева! Не сказав ни единого слова! Невозможно поверить, что турецкому принцу предложил приют Папа Сикст VI. Очевидно, Джем совершенно хладнокровно продан тому, кто предложил наивысшую цену, — одному из тех, кто более других озабочен тем, чтобы навлечь на турок проклятие.

Вильям попытался улыбнуться.

— Ваше высочество, поскольку я ответствен за то, чтобы с принцем Джемом ничего не стряслось, я должен отправиться в Рим. Но остается вопрос о моей невесте, мадемуазель Ферран.

— С этим покончено. — Анна холодно посмотрела на него. — Поскольку это противоречит принципам его величества, он не может позволить одной из своих подданных выйти замуж за слугу варвара. — Она замолчала, давая возможность осмыслить ее слова. — Через четырнадцать дней, Хоквуд, вы должны быть за пределами королевства, в противном случае вас объявят вне закона.

С трудом веря в возможность произошедшего, Вильям вернулся домой. Изумительный мир, предложенный ему Людовиком XI, теперь был смят, как лист бумаги. В нем не оказалось никакого содержания, возможно, в нем никогда его и не было. Значит, мнимая болезнь Эме была всего лишь уловкой власти.

Вильям был беспомощен. Теперь он мог только забыть о Эме и ее богатстве, как можно быстрее по-

кинуть страну, чтобы не пришлось расплачиваться собственной жизнью и жизнью своей семьи.

Но и в нынешней ситуации был шанс на спасение: он должен лично сообщить своему хозяину о завершении переговоров. И следовательно, если он не сделает этого немедленно, то пройдет достаточно времени, прежде чем Баязид узнает правду о нынешней ситуации.

Это может длиться до тех пор, пока Папа Римский не придумает, как можно нажиться на принце Джеме.

Вильям быстро принял решение и начал действовать. Он написал письмо султану, в котором сообщил, что ситуация несмотря на смерть Людовика осталась прежней, но возможны задержки в заключении договора из-за того, что новый правитель лишь начинает вникать в государственные дела.

Отправив письмо, Вильям в сопровождении Хусейна отправился на юго-восток.

До Рима они добирались довольно долго. Опять стояла зима, а им было необходимо возвращаться прежним маршрутом через Савойю, Швейцарию и Венецию, избегая территорий Габсбургов или генуэзцев. Еще раз Вильяму помогли венецианцы. Владения Венеции граничили с территорией, управляемой Папой Римским, и поэтому Вильям предположил, что его поездка завершится к весне 1484 года.

На самом деле все оказалось не совсем так. Дож был обеспокоен тем, что Вильяма сопровождает только Хусейн.

— На дорогах сейчас опасно, — заметил Фоскари, беспокоясь, чтобы с иностранными гостями ничего не стряслось на венецианской территории.

В конце концов Вильям согласился на сопровождение шестерых уланов, если уж дож был полон решимости доказать Баязиду надежность своего союзничества. Вильям надел турецкие кирасу и шлем,

вооружился луком, стрелами и кривой саблей; все его люди несли пики.

Из Венеции на корабле они отправились в Равенну, проделав прежде переход через Апеннины и Тибр.

Равенна напоминала Венецию тем, что также находилась среди лагун и топей — в древние времена ее было трудно взять штурмом. Но Равенна уступала в величии Венеции, город был в полном упадке.

Отсюда путешественники направились в Римини. В этом городе когда-то правил Сиджисмондо Малатеста, который прославился тем, что убил двух жен, прокладывая путь божественной Изоте дельи Атти. За это он был отлучен от церкви, но его внебрачный сын Роберто, уничтожив законных наследников Сиджисмондо, в конце концов примирился с Папой Римским.

Все это говорило о том, что итальянские политики были еще более запятнаны кровью, чем турецкие, по крайней мере среди Малатеста. Их предок, Джанчотто Хромой, казнил свою жену Франческу и ее любовника — собственного брата Паоло, застав их *flagrante delicto*[1].

Из Римини они направились на юго-восток, в Урбино, переживавший взрыв роскоши под управлением семьи Монтефельтро, и оттуда в Ассизи, купающийся в славе Святого Франциска, недавно канонизированного. В каждом новом городе турецкое посольство вызывало не только удивление, но и некоторую тревогу. Но сопроводительные документы короля Франции и дожа Венеции позволяли Вильяму и его людям безопасно продвигаться вперед.

Гористые места и забытые Богом долины были убежищем для самых отчаявшихся людей, которые когда-либо встречались Вильяму. Говорили, что там обитают те, кто в свое время спасался от чумы, которая опустошила Европу сто пятьдесят лет назад. Вильям знал, что «черная смерть» уменьшила население Англии в три раза и что греки в Константи-

---

[1] На месте преступления (*лат.*).

нополе до сих пор вздрагивают при упоминании об этой болезни.

Очевидно, в Италии чума свирепствовала более жестоко, чем где-либо. Некоторые селения были уничтожены полностью, другие изолированы от мира на месяцы. Несчастные люди превратились в волков, голодающих, злобных и грязных. Их потомки не видели смысла, чтобы возвращаться к честной жизни — к работе на земле или ремеслу. Все они рыскали по лесам, были плохо вооружены, но представляли определенную опасность потому, что их было много и они хорошо знали местность. Очевидно, восемь хорошо вооруженных людей были для них менее легкой целью, чем караван толстых священников, но искушение было слишком большим.

Однажды ночью на лагерь Хоквуда было совершено нападение, но атаковавшие были отброшены градом метко направленных стрел. В другом случае путники обнаружили, что тропинка, проходившая между скал, преграждена пятьюдесятью оборванцами, в том числе и женщинами. Для турок это был шанс проявить себя искусными наездниками; венецианцы подчинялись приказам Вильяма. Восемь человек встали в линию. Вильям и Хусейн, настегивая лошадей, выпускали стрелы со смертельной точностью, обнажая сабли в последний момент перед ударом. Венецианцы следовали их примеру. Стремительность атаки мгновенно пронесла их сквозь засаду. Но в этом бою был убит один человек: голодные дикари сначала сбили его дубиной с лошади, а потом разорвали на части. Дальше путешественники ехали в мрачном настроении.

Из-за подобных задержек Вильям и его спутники доехали до Рима только в середине августа и сразу обнаружили, что в городе царит суматоха из-за болезни Папы Римского. Надежд на то, что он выздоровеет, не было.

Поблагодарив и вознаградив должным образом за службу, Вильям отпустил венецианцев. Благодаря за-

ботам и щедрости Людовика XI, у Вильяма все еще оставалась большая часть его золотых монет. Он нашел жилище для себя и Хусейна, что оказалось делом несложным даже для чужеземца, если у него есть деньги. Затем Вильям отправил еще одно письмо в Константинополь с различными обещаниями. Он хорошо понимал, что время работает против него и что его увертки в конце концов раскроются. Ему нужно было каким-либо образом начать переговоры с Папой Римским по поводу Джема.

Но ходу ему в Ватикан не было, несмотря на представленные рекомендации. Он добивался приема в течение двух недель, но получил вежливый, но твердый отказ от некого кардинала Джулиано делла Ровере, который, казалось, был личным секретарем Папы Римского. Он также сказал Вильяму, что его святейшество не будет вести дел с турками, за исключением тех, что умещаются на острие копья.

Вильям осмелился спросить, проходило ли общение Папы Сикста VI с принцем Джемом также на острие копья, но кардинал не удосужился ему ответить, просто внимательно посмотрел на него и вышел.

Опять Вильям был в отчаянии, а пребывавшая в суматохе столица христианского мира, казалось, насмехалась над его положением.

В Париже мужчина должен брать с собой меч и верного слугу только тогда, когда он идет в сомнительное место. В Риме, казалось, законы уважали меньше, чем в диких горах. Отправляться из дома без Хусейна — они оба к тому же были вооружены — означало возможность быть схваченным разбойниками в любое время суток. К тому же Вильям был иностранцем.

Город был достаточно красивым с его мириадами фонтанов и руинами дворцов и купален Цезаря; повсюду из-за решетчатых оград выбивалась буйная растительность. Париж хотя и казался тесным и грязным, но все же был полон жизни, Рим выглядел умирающим городом. Когда-то величественные дворцы пришли в упадок, улицы были немощеными

и грязными, в пригородах бродили толпы нищих и бандитов. Но взбалмошная римская знать любила и смеялась, как будто ей не о чем было беспокоиться. И в центре всего этого Ватикан претендовал на всемогущество.

Вильям еще не решил, как пробить эту непреодолимую крепость, когда город на какой-то момент притих, получив известие о смерти Папы Римского. Но на следующей неделе, когда кардиналы собрались выбирать нового главу католиков, люди вновь бросились в круговорот жизни.

Каждому кардиналу, облаченному в ярко-красную мантию, пришлось пройти сквозь бурлящую толпу, выкрикивавшую советы, угрозы и проклятия. Под защитой вооруженной охраны они достигли стен Ватикана.

Толпа двигалась по площади Святого Петра и выкрикивала слова поддержки или оскорбления различным кандидатам.

Вильям был в толпе этих людей. Хусейна он оставил дома, полагая, что народ будет увлечен политикой, а не драками. Вместе со всеми Вильям смотрел на здание Священной коллегии и не мог сдержать крика, когда в воздух поднялось облако дыма, извещая Рим, что новый Папа Римский избран.

Почти немедленно кардиналы показались на балконе, и один из них объявил, что кардинал Джованни Баттиста Чибо, бывший епископ Савонский, генуэзец, стал Папой Иннокентием VIII.

Толпа приняла эту новость, выкрикивая проклятия, и на мгновение показалось, что вспыхнет бунт. Однако охранники, собранные из тех самых доблестных наемников, которых Вильям встретил в Швейцарии, выступили вперед, заставив толпу отступить на обочину.

Вильям шел вместе со всеми, но вдруг его задержал высокий человек с мертвенно-бледным лицом, укутанный плащом по самые глаза. Человек схватил его за плечо и потащил в аллею.

Вильям схватился за рукоятку кинжала.

— Я не причиню тебе вреда, — сказал незнакомец. — Это тебя зовут Хоквудом из Константинополя?

— Что тебе? — нахмурившись, спросил Вильям, сжимая кинжал и оглядываясь по сторонам, пытаясь понять, нет ли у незнакомца подмоги.

— Если ты тот, которого я ищу, то знай, что есть человек, желающий поговорить с тобой. Это будет выгодно тебе.

— Где этот человек?

— Ты пойдешь со мной.

Вильям внимательно изучал его. Вдруг это наемный убийца, которого подослал Джем?

И все же он решил рискнуть, потому что времени оставалось как никогда мало.

— Один знак предательства — и ты мертв, — прорычал Вильям.

— Я только выполняю приказание. — Незнакомец улыбнулся. — Мой господин наказал мне привести тебя. Это твое спасение, синьор Хоквуд.

Вильям последовал за ним по площади, потом по другой улице, и наконец они оказались у задних ворот какой-то стены. Ворота были закрыты, но незнакомец открыл их и повел Вильяма в сад, окруженный высокими стенами с трех сторон. С четвертой стороны находился дворец. Место было в высшей степени уединенным.

Вильям прошел через сад и оказался в доме. Несмотря на обшарпанность, присущую всем домам в Риме, чувствовалось изящество обстановки. Вильям увидел человека, сидящего в кресле.

— Ваше преосвященство, это турок Хоквуд, — сказал проводник.

Человек, сидевший в кресле, был среднего телосложения, с крупными чертами лица, большим носом и выдающимся вперед подбородком. Ему было около пятидесяти лет, и казалось, что он излучает дух высокомерия и власти. Вильям обратил внимание, что на человеке была пурпурная мантия кардинала, хотя незнакомого кардинала вряд ли можно было где-то уви-

деть. Рядом с ним стояла необычайно красивая женщина, длинные темные волосы которой спускались на его красную шляпу; у его ног сидели двое маленьких детей, необычайной красоты мальчик и девочка, доверчиво прильнувшие к нему.

Кардинал протянул руку для поцелуя.

Вильям замешкался, взглянул на проводника, а потом поцеловал перстень.

— Синьор Хоквуд, — голос был грубым, — я слышал о тебе многое... Но, может, ты ничего не слышал обо мне?

Вильям не знал, что ответить.

— Я кардинал Родриго Борджиа. — На лице человека заиграла улыбка. — Покойный Папа Каликст приходился мне дядей.

Кардинал замолчал, давая возможность обдумать его слова, но Вильям ничего не слышал о Папе Каликсте.

— Дядя пригласил меня в Рим, когда я был молодым человеком, и поднял меня до этих высот. Он умер некоторое время назад и, вне сомнений, получил в награду небеса, — сухо сказал кардинал. — Но мы пока еще на этом свете, и нам необходимо думать о жизни. Ты посол турецкого султана?

— Да, ваше преосвященство. — Внезапно настроение Хоквуда поднялось.

— И ты ищешь принца Джема?

— Я выполняю порученную мне миссию, ваше преосвященство. Я должен возвратить его семье.

— Чтобы его казнили?

Вильям медлил с ответом.

Вновь мимолетная улыбка проскользнула на лице кардинала.

— За мятеж против законного правителя... Это преступление, достойное казни. Скажу тебе, что принц Джем жив и здоров и находится в Ватикане. Он будет оставаться там, пока я не решу, что с ним делать.

— Вы, сударь?

— Да, я, юноша! Я! — Внезапно голос стал резким. — Мое слово здесь приказ. Пойми это и, быть может, ты преуспеешь.

Он насупился, глаза сверкали. Вильям был застигнут врасплох внезапной переменой в настроении кардинала.

— Скажи мне, что предлагает твой хозяин за то, чтобы получить принца? — продолжал кардинал более низким голосом.

— Вы должны назвать свою цену, ваше преосвященство. Вас устроит союз с падишахом? — Вильям колебался.

Кардинал пристально посмотрел на него.

— Вряд ли его святейшество готов заключить союз с мусульманином. Скорее он созовет крестовый поход на вероотступников и продажных торговцев, которые украли Константинополь из лона Святой Церкви.

И снова Вильям был удивлен изменением настроения, сверкающими глазами, вульгарной речью кардинала. Но он также знал, что в такой ситуации задираться и подхалимничать было бы ошибкой.

— Крестовые походы на турок собирались и раньше. В Сербии есть поля, до сих пор усеянные костями. А турки все еще процветают.

Их взгляды встретились. Кардинал внезапно вспыхнул и вскочил с кресла.

Вильям, успокаиваясь, продолжал:

— Но у моего хозяина больше нет нужды расширять свои владения, он хотел бы жить в мире со всеми народами. Но смотрите не ошибитесь: со своей армией он может противостоять миру и втоптать его в грязь. Не лучше ли жить в согласии с ним?

Еще несколько секунд кардинал сверкал глазами и тяжело дышал. Потом, как будто собравшись с силами, он сел и улыбнулся.

— А ты шельмец, синьор Хоквуд, и мы поговорим с тобой еще. А пока пиши своему султану письмо и сообщи ему, что был на аудиенции у меня. Скажи ему, я готов иметь с ним дело от имени его

святейшества, если он желает этого. И возможно, мы придем к общему мнению по поводу принца Джема. — Кардинал еще раз протянул руку для поцелуя.

Вильям возвратился к себе в растрепанных чувствах. К тому же он был слишком возбужден таким внезапным поворотом дел, чтобы беспокоиться о том, кто конкретно манипулирует Ватиканом, или о морали кардинала Борджиа.

Он сразу написал султану письмо. На этот раз он выложил все начистоту, но изменил даты: получилось так, что события произошли без его ведома и что передвижение из Парижа в Рим заняло у него намного меньше времени, чем на самом деле. Вильям позволил себе быть резким по отношению к интригам новых французских правителей и посоветовал Баязиду не вести с ними дел. Он указал, что любое сотрудничество с Францией будет выгодно только Франции, но не Турции.

Но Папа Римский — это совсем другое дело. Вильям был уверен, что правильно понял кардинала Борджиа, и в письме упомянул, что Джема можно выкупить, и рекомендовал предложить достаточную сумму на эту сделку.

Он не мог сделать большего, чем послать письмо с Хусейном. Кардинал помог и распорядился сопровождать Хусейна до Равенны; там можно было нанять венецианскую галеру до Константинополя.

Но кардинал стал еще более учтивым. Как только письмо было отправлено, Вильяма пригласили к обеду, который опять очень удивил его.

Обед проходил в том же дворце, в котором они впервые встретились и который, как вскоре понял Вильям, принадлежал темноволосой женщине Ванодзе Катанеи. Она была матерью тех красивых детей, и все знали, что она любовница кардинала. Синьора Катанеи была хозяйкой званого обеда, на котором присутствовали и другие женщины, одетые в прозрачные платья с большими декольте. Все они пили вино и обменивались непристойными шуточками с мужчинами. Некоторые мужчины были в цер-

ковном облачении, но кардиналы здесь не присутствовали.

За столом главенствовал сам Борджиа, снисходительно улыбавшийся и беседовавший с некоторыми из гостей.

Если сначала Вильяму казалось, что он удачно вышел из положения, то теперь он думал, что это в высшей степени ненадежный выход. К концу недели он все больше склонялся к этой мысли.

В конце концов Вильям понял, что священный город и его правители были терзаемы интригами и враждой. Родриго Борджиа, испанец по рождению, был назначен епископом Валенсии в возрасте моложе двадцати лет благодаря хлопотам своего всемогущего дяди, который сначала был назначен вице-канцлером Церкви, а потом избран в очень молодом возрасте Папой Каликстом. Заняв этот пост, Родриго накопил огромное состояние и даже римлян удивлял распутным образом жизни. У него не было неприятностей, пока правил его дядя. Родриго, однако, прекрасно понимал, что Каликст не будет жить вечно, и тратил деньги не только на развлечения, но и чтобы обезопасить себя. Это было просто. Он использовал свое состояние, покупая кардиналов, и вскоре приобрел поддержку не менее двадцати четырех из них, которые были привязаны к нему или, по меньшей мере, к шнурку от его кошелька. С такой значительной поддержкой в Священной коллегии Борджиа мог позволить себе не обращать внимания на критику со стороны последователей Каликста.

Вильям догадался, что Борджиа претендует на папство, но в действительности заполучить Перстень Рыбака было трудной задачей. В 1458 году умер Папа Каликст, и голос Борджиа сыграл решающую роль в выборе сначала Папы Пия II, который под своим настоящим именем Эней Сильвий Пикколомини заработал репутацию умелого манипулятора иностранными делами от имени папства так, что другого реального соперника не могло и быть, а вскоре после

его смерти Папы Павла II, который был ничтожеством по имени Пьетро Барбо.

Барбо умер в 1471 году, и Борджиа, которому в то время исполнилось сорок лет, понял, что его час наступает. Однако была еще одна семья, имевшая виды на большинство голосов в Священной коллегии, — семья Ровере, которая не принимала распутства Борджиа. Кардиналы вручили Перстень Рыбака Франческо делла Ровере, который стал Папой Сикстом VI. Именно его смерть случилась по приезде Вильяма в Рим.

В нынешних обстоятельствах выборы были проведены очень быстро, но Борджиа и здесь проявил себя умелым манипулятором в управлении государством. Направляющей силой семьи был кардинал Джулиано делла Ровере, тот, который не допустил Вильяма в Ватикан, человек такой же амбициозный и влиятельный, как и Борджиа. По повелению судьбы он позже стал Папой Юлием II (1503—1513). Но в 1484 году, будучи чуть старше сорока лет, Джулиано делла Ровере почувствовал себя не достаточно молодым, чтобы бороться за высшую власть. Это не означало, что он был готов отдать папство семье Борджиа, наоборот, он искал подходящую кандидатуру из кардиналов на это место. Им стал Джованни Баттиста Чибо, который стал Папой Иннокентием VIII.

Таким образом, казалось, Ровере удалось избавиться от Борджиа еще раз, но он совершил смертельную ошибку. И вице-канцлер это хорошо знал. Чибо оказался на месте Ровере, но он был еще более корыстным и продажным, чем Борджиа, и считал папство собственной кормушкой. К негодованию Ровере новый Папа Иннокентий быстро начал проявлять больше уважения к Борджиа, как человеку, разделявшему его вкусы, чем к своему прежнему покровителю.

Вскоре Чибо открыто признал любовницу Борджиа и его внебрачных детей: он был первым Папой Римским, решившимся на такой шаг. Он старался во всем подражать Борджиа. У него на приемах всегда было

полдюжины хорошеньких женщин, мечтавших пофлиртовать с самим Папой Римским.

Но больше всего Иннокентий жаждал денег. Ровере хотел отклонить любое взаимодействие с Константинополем, но Борджиа вмешался в ход этого дела и теперь праздновал победу. Папа согласился с мнением кардинала о том, что Джем именно тот человек, из которого можно извлечь выгоду.

Все зависело от реакции Баязида на новые обстоятельства.

Вильям Хоквуд снова проявлял терпение. Весной 1485 года исполнилось три года, как он покинул Константинополь; боль его несостоявшегося обручения постепенно начала затихать. Память об Эме, однако, была такой же яркой. Он вспоминал расцвет ее красоты и о том, как он мечтал о богатстве. Но все это бесследно исчезло, едва коснувшись его.

Однажды Вильям проводил вечер за кубком вина с Родриго Борджиа. Быстро захмелев, он рассказал кардиналу историю своей жизни и своих несчастий.

Борджиа, казалось, внимательно выслушал его.

— Мой бедный юный друг, — сказал он, когда Вильям замолчал. — Мое сердце обливается кровью. Надо подумать, чем можно тебе помочь.

— Боюсь, ничего сделать невозможно, ваше преосвященство, — простонал Вильям. — Она, богатая наследница и сейчас наверняка обручена с каким-нибудь французским аристократом. Возможно даже, Эме уже замужем.

— Всегда можно что-нибудь сделать, — настаивал Борджиа. — Оставь это мне. Мы должны выяснить, что стало с девочкой. Но мое сердце еще более страдает при мысли о том, что ты живешь в воздержании. Расскажи мне о гаремах, дворцах, о жизни, которой наслаждаются плененные красавицы.

Вильям почти ничего не знал о жизни гарема, но понимал, что кардинал хочет развлечься, поэтому ук-

расил свой рассказ пикантными эпизодами, которые когда-то слышал, не зная, правда это или нет.

Борджиа был восхищен.

— И ты до сих пор не изведал римских женщин? — спросил он.

— Я ничего не знаю о них.

— И это говоришь ты? Ужасный турок? Я обещаю исправить это положение. Через неделю в моем загородном доме в Тиволи состоится званый ужин. Ты должен присутствовать там, причем без всякого страха. Я пошлю за тобой, и ты проведешь у меня в гостях несколько дней. Тиволи — восхитительное место, а я гарантирую тебе великолепную компанию.

«Почему бы и нет?» — размышлял Вильям. В течение трех лет он все время находился в напряжении и жил как монах. Было бы глупо отказываться от любого лакомого кусочка, который кардинал бросал ему.

На следующей неделе у Вильяма было подходящее настроение для того, чтобы расслабиться. Дело в том, что Хусейн наконец вернулся из Константинополя. Султан, казалось, был доволен тем упорством, с которым Вильям следовал за Джемом по всей Европе.

«Падишах считает, что взаимопонимание с его святейшеством, — писал везир, — соответствует общим интересам. Тебе поручается начать переговоры с условием, что принц Джем непременно будет отдан в твои руки. Падишах понимает, что необходим выкуп, и уполномочивает тебя предложить его святейшеству пятьсот тысяч крон за возврат принца живым или мертвым».

Это обещало быструю удачу. Вильям отправился в Тиволи в наилучшем настроении.

Городок Тиволи, расположенный у подножия Апеннин в двадцати милях к востоку от Рима, был поистине восхитителен. Богатые римляне выбрали его местом отдыха еще во времена императора Адриана,

руины дворца которого до сих пор посещались любителями старины.

Прохладные бассейны и журчащая вода фонтанов в саду дворца Адриана напомнили Вильяму Брусу. Но этот дворец был ничто по сравнению с дворцом Родриго Борджиа, в котором пол был из белого мрамора, а в залах для приемов висели полотна итальянских мастеров Боттичелли и Перуджино; потолки были расписаны фресками с изображением резвящихся нимф и купидонов.

Воспитанный среди мусульман, Вильям был удивлен, увидев в Венеции и Париже изображения человеческого тела, но он никогда не видел такой обнаженной непристойности.

Борджиа встретил его очень тепло, и Вильям поведал кардиналу хорошие новости из Константинополя. Затем Вильяма провели в комнату для гостей, отделанную с изысканной роскошью. Он был поражен, увидев огромные кровати под балдахинами с мягкими матрасами. Вильям знал, что местная аристократия спит на таких матрасах, но никогда не встречал таких роскошных, как здесь.

Услужливые пажи и стайка девушек стояли у его купальни с ленивыми фальшивыми улыбками, ожидая его приказаний. Девушек он отпустил, но юноши прислужники очень смущали его. Когда он каждый день принимал ванну у себя дома, евнухи помалкивали. Но эти юноши постоянно болтали... и болтали о нем. Они говорили так быстро, что Вильям мог уловить только суть их разговора. Он чувствовал себя очень неловко.

Вильям позволил им одеть себя в прекрасные шелковые штаны и сатиновый дублет[1], перехваченный серебряным шнурком на поясе; наряд завершил головной убор типа колпака, называемого чапероном.

Вильям подумал, что теперь он настоящий красавчик; Борджиа и его гости встретили Вильяма аплодисментами. Некоторых мужчин он видел раньше, но

---

[1] Дублет — род камзолов в XIV—XVII вв.

присутствующие женщины были совершенно незнакомы ему. Все они были в дорогих одеждах, но их горящие глаза и непристойные жесты свидетельствовали, что это, конечно, не знатные дамы.

К удивлению Вильяма, на ужине присутствовали двое прекрасных детей, которых он помнил со времени своей первой встречи с Борджиа. Маленькая девочка подала ему руку для поцелуя и сказала тонким голоском:

— Вы очень красивый мужчина, синьор.

— Ну вот, — сказал Борджиа. — Твое будущее обеспечено. Моя дорогая Лукреция оценила твои достоинства.

Ужин, начавшийся около десяти вечера, длился до двух часов ночи. Блюда сменяли друг друга, подавались огромные кувшины вина. С непривычки у Хоквуда закружилась голова, но, когда Борджиа вдруг выбросил мешок на середину зала, сознание его прояснилось. Из мешка рассыпались золотые монеты.

Гости, предвкушая удовольствие, захлопали в ладоши, несколько женщин встали.

— Только без помощи рук, — объявил Борджиа, — и без тряпок...

К удивлению Вильяма, женщины мгновенно разделись под одобрительные возгласы гостей. Обнажившись, они протянули руки слугам, которые связали их у каждой за спиной. Женщины побежали в главный зал и, упав на колени, начали хватать монеты зубами.

Весь зал, казалось, заполнился поднятыми задами, трясущимися грудями, напряженными мускулами живота и бедер, разметавшимися волосами и криками. Женщины кусались, отталкивая друг друга от монет.

Взглянув на Борджиа, Вильям обнаружил, что тот похотливо улыбается.

— В любом случае все они шлюхи...

Вдруг одна из женщин, удерживая монету зубами, подбежала к столу и выплюнула ее на скатерть перед Вильямом.

— Я выбираю тебя своим опекуном, монсиньор, — сказала она и помчалась обратно к дерущимся.

Борджиа захлопал в ладоши.

— Ну вот! На твоем счету еще одна победа. Теперь это Маргарита — молодая женщина.

Вильям хотел увидеть, как реагирует маленькая девочка на это непристойное зрелище. Ее глаза горели от возбуждения, она хлопала в ладоши каждый раз, когда кто-нибудь из женщин добивался успеха.

Каждый мужчина в зале был возбужден, каждый аплодировал своей любимице — все женщины выбрали опекунов, чтобы быть богатыми. Маргарита действительно оказалась самой ловкой — перед Вильямом уже лежали пять золотых монет. Наконец Борджиа встал и призвал всех остановиться.

— Достаточно! — закричал он. — Пусть начнется поединок!

Вильям не имел понятия, что должно произойти далее, но так как все мужчины встали, он последовал их примеру. Тем временем слуги развязали женщинам руки. К удивлению Вильяма, Маргарита бросилась к нему — ее тело дрожало от возбуждения, волосы развевались — и вскочила на стол, разбивая дорогие тарелки. Прежде чем он успел издать хоть какой-нибудь звук, Маргарита забралась ему на плечи и оседлала его, ее лоно было прижато к его шее.

— На поединок, монсиньор! — закричала она. — На поединок!

Все остальные мужчины также были оседланы, за исключением кардинала, который вместе с дочерью продолжал смеяться и хлопать в ладоши. Оседлавшие своих «коней» теперь подгоняли их вперед в основной зал, где началась грандиозная битва, в ходе которой женщины стремились уронить друг друга на пол.

Вильям, ухвативший Маргариту за бедра, внезапно столкнулся с каким-то священником. Женщины, си-

девшие у мужчин на плечах, боролись так, как будто их жизнь зависела от победы в этой схватке. Вильям постоянно тыкался головой в голые животы остальных наездниц — они громко кричали, но что это им доставляло — удовольствие или боль, — он не мог сказать. Внезапно одна из женщин издала жалобный крик и, потеряв опору, опрокинулась назад.

— Кто следующий? — в восторге орала Маргарита, размахивая мокрыми от пота руками и блестящей грудью; ее бедра обхватывали шею Вильяма.

Из-за размеров Вильяма и нетерпения Маргариты никто не мог долго противостоять им. Внезапно необычный турнир закончился, Вильям стоял среди разбросанных по залу тел. Он чувствовал, что его возбуждение сейчас перельется через край.

— Победа! — Борджиа вскочил на ноги. — За победу — награда!

На столе появился еще один мешок с золотыми монетами, и теперь кардинал протягивал его победившим. Маргарита быстро схватила его и прижала к груди. Она все еще сидела на плечах у Вильяма, направляя его к выходу из зала.

— А как же твоя одежда? — останавливаясь, спросил Вильям.

— Мне не нужна одежда, монсиньор, — засмеялась она, — во всяком случае сейчас.

Все еще охваченный пламенем возбуждения, Вильям отнес Маргариту в спальню. Отпустив слуг, он положил ее на кровать. Она широко раскинула ноги, ее тело пылало от возбуждения.

Нельзя сказать, что Маргарита была красавицей, но она была самой привлекательной из всех приглашенных женщин. А также она была совсем другой для Вильяма. Как все турецкие женщины, Серета брила волосы на лобке. Глядя на Маргариту, Вильям понял, что никогда не предполагал, что у женщин может быть такая пышная растительность. Сорвав с себя одежду, он бросился на женщину.

Маргарита только посмотрела на него и внезапно пронзительно закричала:

— Еврей! Мой Бог, он еврей!

Вильям потянулся к ней, но она выскользнула из-под него и побежала к двери.

— Еврей! — снова крикнула она. — Я искушена евреем!

В коридоре появились слуги, но она прорвалась сквозь них в обеденный зал, где все еще находились Борджиа и другие гости.

— Еврей! — кричала она. — Спасите меня!

Вильям хотел догнать ее, но передумал, вспомнив, что обнажен. В смущении он вернулся в спальню. Уже через минуту перед ним возник кардинал. За собой он тащил Маргариту, которая пыталась вырваться и убежать.

— Что это значит? — спросил Борджиа, разглядывая Вильяма. — Пресвятая Дева... Ты еврей? Ты говорил мне, что ты христианин...

— Я вовсе не еврей! — почти взвыл Вильям.

— Но ты обрезан!

— Таков турецкий обычай, ваше преосвященство.

— Дьявол! Что ж, глупая девчонка, он ждет тебя. Держу пари, тебе это понравится. — Кардинал толкнул женщину к кровати.

— Вы приказываете мне, господин кардинал? — спросила она.

— Да, я приказываю. Наслаждайся ею, Вильям. Я рад, что ты не еврей. В противном случае мне пришлось бы сжечь тебя за осквернение христианской девушки.

Вильям был застигнут врасплох и подрастерял большую часть своего пыла. Но теперь Маргарита горела желанием. Она покинула его постель только на рассвете, когда они оба находились на грани изнеможения.

Она ушла, захватив половину золота. Возможно, это был самый выгодный, а также самый замечательный вечер в ее жизни.

Вильям с удовольствием провел бы остаток дня в постели, потому что его мучили головная боль и блаженное бессилие. Он даже не представлял себе, что

сказал бы его отец, узнав о событиях прошлой ночи. Но Вильяма пригласили присоединиться к кардиналу. Он прогуливался в саду, вдыхая аромат цветов и производя впечатление самого довольного человека в мире.

«Если у кардиналов нет совести, почему у меня она должна быть?» — подумал Вильям.

— Мой дорогой мальчик, — начал Борджиа. — Как приятно видеть тебя. Я надеюсь, ты крепко спал?

— Я не думаю, что вообще спал, ваше преосвященство!

Борджиа усмехнулся.

— Живая девочка эта Маргарита... Но теперь можешь выбросить мысли о плотском из головы! Пойдем прогуляемся.

Вильям шел следом за фигурой в пурпурном одеянии.

— Не станем обсуждать ответ твоего хозяина на мое предложение, — отметил Борджиа.

— Как я сказал вашему преосвященству, ответ падишаха был более чем благоприятным.

— Действительно, действительно, — согласился Борджиа. — Я в высшей степени удовлетворен. Однако... существуют еще некоторые сложности.

Вильям нахмурился и ждал.

— Как тебе известно, у меня есть соперник, который тоже пытается оказывать влияние на его святейшество, — сказал Борджиа.

— Кардинал делла Ровере? — догадался Вильям.

— Он самый. Новый Папа Римский совершил ошибку, упомянув о наших планах делла Ровере, который не приемлет их. Наоборот, он пытается убедить его святейшество созвать крестовый поход против турок. Папа Римский должен убедить всех участников похода внести часть своего богатства в казну папского престола. Поэтому понятно, что кардинал Ровере против освобождения принца Джема и передачи его под твое попечение.

— Тогда мы погибли. Мой Бог, если крестовый поход будет собран против падишаха...

— Это не принесет успеха, Вильям. Даю тебе слово. Так и передай своему хозяину. Но это самая маленькая сложность. Ты заинтересован, и я от твоего имени заинтересован в Джеме. Я предположил, что сумма в пятьсот тысяч крон удовлетворит его святейшество. Увы! С тех пор как он начал слушать этого презренного Ровере, он вдруг преисполнился жалости и объявил, что, предав принца, который пришел к нему как проситель, он поступит не по совести.

— Мне казалось, что принц Джем далеко не проситель. Его продали предыдущему Папе Римскому французы, — раздраженно ответил Вильям, чувствуя, что карточный домик его надежд рушится на глазах.

— И тем не менее он проситель, — произнес Борджиа. — Мы должны следовать нашим планам с наивысшей предосторожностью и постоянно помнить, что Папа Иннокентий старше нас и долго не проживет. Мне кажется, он действительно может объявить крестовый поход против турок, но я обещаю, что сведу его старания к нулю. Он будет также искать способ удержать Джема, руководствуясь личными интересами, но в этом случае ты будешь уверен, что принц в безопасности и находится в Ватикане. Даю тебе слово, что, как только я стану Папой Римским, принц Джем будет твоим.

— В таком случае я должен принять ваш совет, ваше преосвященство, — вздохнул Вильям. — Я напишу падишаху, как только вернусь в Рим, и постараюсь объяснить ему новую ситуацию. Я могу только надеяться и молиться, что султан поймет ее.

— Главное желание султана — не дать Джему вернуться в империю и оспаривать его наследство. Наша задача — добиться, чтобы Джем никогда не сделал этого. По-моему, Баязиду не стоит огорчаться из-за новой ситуации.

— Я уверен, что вы правы, ваше преосвященство. Но мне кажется, что я должен немедленно возвратиться в Рим и сесть писать это письмо.

— Я согласен с этим. Но перед тем как ты уйдешь, нам необходимо обсудить расходы на содержание принца.

Вильям непонимающе посмотрел на кардинала.

— Султан должен понимать, что ватиканская казна не может бесконечно содержать его брата, — пояснил Борджиа. — Без определенных затрат мы не сможем обеспечить охрану принца все это время. Ты, наверное, понимаешь, что, если ему удастся убежать, случится катастрофа.

Вильям поперхнулся.

— Я считаю сумму в сто тысяч крон ежегодно приемлемой для содержания принца, пока он наш гость.

— Сто тысяч крон... — не веря своим ушам, пробормотал Вильям.

— Это, конечно, пустячная сумма для султана. И еще вопрос по поводу подарка...

— Подарка? — в тревоге вскрикнул Вильям.

— Деньги пойдут исключительно на содержание принца, — спокойно объяснил Борджиа. — Но если султан преподнесет подарок, мне будет легче добиться аудиенции его святейшества.

— Подарок... — бормотал Вильям. — Помимо ста тысяч в год?

— Это должно быть что-то бесценное, — продолжал Борджиа.

Вильям вздохнул, вспомнив поговорку, что тому, кто хлебает с дьяволом, нужна длинная ложка.

— Объясните мне, что вы имеете в виду.

— Хорошо... — Казалось, Борджиа раздумывает. — Я слышал, что, когда Вильгельм Завоеватель взял Иерусалим, он нашел там «священное копье» — копье, пронзившее бок Иисуса при распятии. Это правда?

— Да, ваше преосвященство. — Вильям сжал зубы.

— Хорошо. Я думаю, что именно оно будет наиболее подходящим подарком. Зачем твоему султану христианская реликвия? Такой подарок убедит его

святейшество, что султан на самом деле желает быть ему другом. И как только это произойдет, я дам тебе слово, что принц Джем никогда не выйдет из Ватикана.

Еще раз Вильям отправил письмо в Константинополь и снова в страхе ждал ответа. Очевидно, терпению Баязида скоро мог наступить конец.

И все же Вильям снова получил согласие султана выплачивать ежегодно по сто тысяч крон, пока Джем не будет возвращен; так же султан посылал Папе Римскому «священное копье» со всеми подобающими словами уважения.

Еще более убедительным было письмо от Энтони Хоквуда, в котором он рассказывал о своих хороших отношениях с султаном. Турция и Египет находились на грани войны, и Баязиду нужен был великий паша, чтобы командовать армией.

«Мы должны принять как должное, — писал Энтони, — что наш новый хозяин мало чем напоминает Мехмеда. Я думаю, что не ошибусь, если скажу, что впервые турецкая армия ступит на поле сражения с чужеземцами без султана во главе. Но Баязид предпочитает обществу солдат музыкантов и в основном занят гаремом, а не делами дивана. Это, конечно, нам только на пользу, но тем не менее тревожно, поскольку неизвестно, как это отразится на будущем нашей империи. Что же касается тебя и твоей миссии, леность султана в этом вопросе очень выгодна для нас. Я думаю, что на самом деле он не хочет возвращения Джема. Его вполне устраивает, что Джем находится в заключении где-то далеко, забытый всеми и никому не нужный».

Воодушевленный этим известием и собираясь сражаться с отцом в предстоящей войне, Вильям написал ответ, умоляя разрешения вернуться. Он пояснил, что и кардинал Борджиа, и Папа Иннокентий являются, без сомнения, самыми большими предателями из когда-либо живших, но предпочитают деньги

предательству и что, пока сто тысяч крон регулярно выплачиваются, они будут держать Джема в заключении.

Но возвратиться ему не разрешили. Великий везир написал, что судьба принца Джема — главная забота Вильяма. Он должен регулярно видеть принца и следить за тем, чтобы он действительно находился в заточении.

Борджиа охотно согласился на то, чтобы Вильяма раз в месяц пропускали в Ватикан и чтобы он мог наблюдать через окно за Джемом, совершающим прогулки во внутреннем дворике.

Когда-то Вильям думал, что ненавидит убийцу своей жены и детей более, чем кого-нибудь на земле. Но приключения последних лет смягчили боль об этих несчастных мучениках, и теперь он чувствовал жалость к несчастному принцу, приговоренному к пожизненному заключению, зная, что оно может закончиться только смертью.

— Но смерть — общий конец для всех нас, — сделал вывод Борджиа. — Важно другое: живи пока живется. Джему живется не так уж и плохо. Он, возможно, чахнет, но не от голода. Мы раскрыли ему тайну прелести вина, и теперь он законченный пьяница. Один раз в неделю ему позволяют развлекаться с двумя проститутками. В конце концов, он ведь турок. — Кардинал засмеялся.

Вильяму казалось, что его выслали из Константинополя навсегда. Недели превращались в месяцы, месяцы — в годы... Вечный город жил своей веселой жизнью, Иннокентий наслаждался властью, а Джулиано делла Ровере и Родриго Борджиа тасовали исход следующих выборов.

Под влиянием делла Ровере Папа Иннокентий объявил крестовый поход против турок. Это могло обернуться серьезными последствиями, потому что с Востока доходили новости, что поход против Египта стал не таким простым делом, как предполагали Бая-

зид и Энтони Хоквуд. Османский флот и армия могли оставаться задействованными в боях еще некоторое время.

Но, как и предсказывал Борджиа, крестовый поход умер, еще не родившись. Возможно, времена крестоносцев давно прошли, и народ был больше обеспокоен собственными мирскими делами, чем войной с риском для жизни за религиозные идеалы.

Таким образом, жизнь продолжалась. У Вильяма был уютный дом в Риме, предоставленный ему кардиналом Борджиа. Там он жил вместе с Хусейном, опекаемый многочисленными слугами.

Вильяму подавали блюда и напитки, какие бы он ни пожелал, ему назначили жалованье из казны султана. Он мог пользоваться услугами Маргариты в любое время. Искусная куртизанка удовлетворяла все его желания, и он воздерживался от связей со знатными римлянками, которые по-прежнему бросали на него заинтересованные взгляды.

И также казалось, что Вильям с удовольствием принимает доверительную дружбу Родриго Борджиа. Вильям хорошо понимал своего наставника и осознал, что кардинал не делает ничего, не просчитав возможной выгоды для себя. Таким образом, Вильям знал, что дружба Борджиа была такой же ложью, как и все его остальные чувства. Но Вильям Хоквуд являлся послом Баязида, и у него не было и капли сомнения, что великие планы Борджиа включают в себя тесные взаимоотношения с Портой.

— Когда я объяснял тебе, что союз между Ватиканом и Портой невозможен, — говорил кардинал, — я имел в виду, что он расколет христианский мир на части. Но из этого не следует, что мы не должны понимать друг друга. Наш общий враг — империя Габсбургов. Она граничит с Османской империей, она нависает над моей территорией жаждущим крови вампиром, мечтая только о расширении своих владений. Если когда-нибудь твой хозяин пойдет войной на

Вену, это принесет пользу нам обоим. Я просил бы передать это пожелание твоему хозяину.

Вильям охотно сделал это. И все же чем больше он наблюдал за кардиналом, тем меньше доверял ему. Борджиа обладал всеми воображаемыми и невообразимыми пороками. Будучи вхожим в дом кардинала, Вильям провел много оживленных недель в Тиволи. Здесь он наблюдал за воспитанием пятерых детей кардинала и был удивлен интимностью, с которой они делились друг с другом и с отцом.

Однажды Вильям нагрянул неожиданно и обнаружил кардинала и Ванодзу в саду. Они возились там с маленькой Лукрецией. Несмотря на то что женщина была одета, Вильям не мог избавиться от впечатления, что их игра была весьма сексуальной. Да, действительно, Ванодза была любовницей кардинала, но ведь Лукреция — его собственная дочь, и ей всего восемь лет!

Девочка оставалась смеющимся счастливым ребенком, но этого нельзя было сказать о ее брате Цезаре. Он уже вышел из переходного возраста и превратился в красивого и удачливого юношу. Цезарь мог быть милым, когда хотел, но иногда Вильям замечал, что мальчик смотрит то на одного, то на другого гостя отца глазами, сверкавшими, как у змеи. Без сомнения, Цезарь будет достойным сыном своего отца, полагал Вильям.

На одном из ужинов некоторые из гостей кардинала тяжело отравились. Началась всеобщая суматоха, кардинал звал слуг и докторов, горько сетовал, что такое несчастье случилось за его столом.

Несчастным людям ничем не могли помочь, и они умерли после длительной агонии. Вечер закончился в общем унынии, гости ушли, а Вильям задержался выразить свои соболезнования хозяину дома. Он нашел Борджиа в передней, куда перенесли тела. Тот стоял, уставившись на трупы. Лица покойников начали темнеть, указывая на отравление ядом, а не на естественную смерть.

Глава 10

ГАРЕМ

Папа Александр оттащил Вильяма от окна.

— Я согласен, что она самое красивое создание, — заметил он.

«Гораздо более красивое, чем я ее помнил», — вдруг понял Вильям.

— Я не понимаю, — запнулся он.

— Это очень просто и очень трогательно. Эме преданно тебя любит. По меньшей мере, она считает себя обрученной с тобой. Услышав от отца, что ты изгнан из Франции, она наотрез отказалась быть помолвленной с другим. Ни наказания, ни неделя заточения в своей комнате, ни беседы с самой Анной не могли убедить эту упрямую маленькую головку. В конце концов, ей предложили или выйти замуж за того, кого выберет для нее Анна, или постричься в монахини. Было решено, что ее будущим займутся другие.

— Благородная Эме, — сказал Вильям. — Но что она делает здесь?

— Проследив ее судьбу, мы без труда выяснили, где она укрывалась, — объяснил Борджиа. — Было непросто вызволить ее оттуда. Это стоило мне больших хлопот.

— И вы ни разу ничего не сказали мне об этом?

— Я не хотел будоражить тебя напрасными надеждами, так как не уверен в своем влиянии во Франции. Однако все это позади. Некоторое время она находилась в Риме в монастыре, мать-настоятельница которого всецело предана мне. Эме, конечно, не знает о твоем присутствии и о целях твоего пребывания здесь. Потом я был выбран Папой Римским и получил возможность привезти ее в Ватикан — и вот она здесь. — Он пристально взглянул на Вильяма. — Ты уверен, что все еще любишь ее? Вступив в лоно церкви, она должна была отказаться от всех мирских благ, а значит, и от права на наследство.

Когда-то она была самой богатой наследницей во Франции, а теперь она самая бедная...

— Конечно, я все еще люблю ее, ваше святейшество, — почти закричал Вильям. И в этот миг у него не было никаких сомнений. Это прекрасное лицо... — Но зачем ей быть здесь, если она приняла священный обет?

— Это действительно была трудная задача, когда я был кардиналом, — сказал Александр. — Но Папа Римский своей властью может освободить монахиню от ее обета.

— Но согласна ли она?

— Конечно, — заявил Александр. — Я не стал бы тратить столько времени и усилий, чтобы все это было перечеркнуто дурацким капризом девчонки. Она будет освобождена от обета, и я поженю вас. Разве это не превосходно? В свою очередь, ты по-прежнему будешь передавать мои предложения своему хозяину.

Как всегда, Вильям поддался напору Борджиа и проникся его слепой уверенностью, что все, что бы он ни объявил, будет сделано и воспринято с радостью. Но когда неделю спустя он получил сообщение, что Папа Александр примет его в Ватикане за ужином вместе с невестой, то ему стало как-то не по себе.

На этой неделе Вильям не встречался с Маргаритой. Она была раздосадована, поскольку считала себя почти его женой. При этом Маргарита настаивала на том, чтобы ее услуги оплачивались, и продолжала предлагать себя другим, когда Вильям в ней не нуждался. Вильям почувствовал почти что целомудренность новобрачного, когда входил в апартаменты Папы Римского. Там он увидел Папу Александра и его любимого сына Цезаря, высокого красивого юношу семнадцати лет, ставшего теперь епископом Валенсии. Он был благодарен Папе Александру, что сюда не пригласили юную Лукрецию.

— Я с нетерпением ждал этого вечера, — мягко начал Александр, — потому что собираюсь сделать тебе подарок, а это всегда радует меня. Теперь возьми себя в руки... Синьорина Ферран все еще не зна-

ет о том, что ты здесь, но она, это бедное дитя, и так уже достаточно смущена. Спрячься за занавеской и жди моего приглашения.

Вильям от волнения сходил с ума, но повиновался, вглядываясь сквозь занавеску во внутренний проход. Через несколько мгновений в нем появилась Эме. Она сняла монашеское облачение и была одета по последней римской моде. Расшитая мантия с горностаевой опушкой спускалась до пола, юбка, подобранная левой рукой, открывала темно-зеленое платье; платье было декольтировано скромным квадратным вырезом. Ее головка была укрыта черным вельветовым капюшоном, спадающим на плечи; ее пальцы унизывали золотые кольца.

Она смущенно осмотрелась и упала на колени, чтобы поцеловать перстень Папы Римского.

— Моя дорогая девочка. — Александр говорил на итальянском языке, который она, очевидно, выучила во время ее пребывания в римском монастыре. — Моя дорогая, дорогая девочка...

Он помог ей подняться, она, в свою очередь, сделала реверанс Цезарю.

Цезарь пожирал ее глазами.

— У меня для тебя большой и приятный сюрприз, — признался Александр.

— Сюрприз? — Эме затаила дыхание.

Первый раз за восемь лет Вильям услышал, как она говорит, и поразился, насколько ее голос окреп и стал глубже.

— Последние несколько дней были для меня сплошным сюрпризом, святой отец. Я так растеряна. Мать-настоятельница сказала мне, что я освобождена от обета. Как это может быть? А этот наряд, в который мне приказано одеться...

Борджиа взял ее руку и подвел к дивану.

— В действительности все очень просто, моя дорогая. Ты вообразила, что призвана служить Богу. Да, это так, но это призвание всех нас. Но каждый из нас служит Господу по-своему. Как бы выжил мир, если бы все мужчины стали или священниками,

или моряками, или солдатами? Или все женщины стали бы монахинями? Такое положение вещей неправильно. Ты ошибалась, предполагая, что Бог призвал тебя к целомудрию. И моя приятная обязанность — освободить тебя от такой жизни.

Эме уставилась на него, безуспешно пытаясь освободить руку, но Борджиа крепко держал ее.

— Но я дала священный обет, святой отец. Никто не может освободить меня от него.

— Никто не может, это так. Но Папа Римский не обычный человек.

Эме все еще смотрела на него, постепенно понимая, что он слишком сильный противник, чтобы спорить с ним.

— Что я должна сделать, святой отец? — тихо спросила она.

— Я хочу только одного, дитя мое, твоего счастья. Не более и не менее... Твое счастье ждет тебя.

Он сделал знак, и Вильям вышел из-за занавески.

Эме изумленно смотрела на него.

— Мой Бог! — прошептала она.

— Это все, что ты можешь сказать, — поинтересовался Папа Александр, — своему суженому?

Краска выступила на ее бледном лице.

— Моего суженого уничтожили.

— Суженый не может быть уничтожен. Обручение — это фактически то же, что и женитьба. Осталась только заключительная часть. Ты и теперь не поприветствуешь своего мужа?

Эме снова посмотрела на Вильяма, ее губы слегка приоткрылись.

— Принимай свою жену, Вильям, — пригласил Александр.

Вильям шагнул вперед, взял Эме за руку и поцеловал сладко пахнущую ладонь.

— Я счастлив и потрясен, — сказал он. — После стольких лет я снова с тобой, моя дорогая Эме.

Эти слова были какими-то бедными и вызвали усмешку Цезаря Борджиа, но ничего другого Вильям тогда произнести не мог.

— Ты хочешь жениться на мне? — спросила Эме.

— Вы уже женаты перед лицом Господа Бога, — объяснил Александр. — Осталась только церемония, которую я проведу сам. И мир супружеского блаженства раскроется перед вами...

— Я обручена с Господом! — потеряв самообладание, крикнула Эме. — И никто не может изменить мое решение.

— Я уже изменил его, — спокойно напомнил Александр.

— Как вы можете допустить это? — спросила Эме Вильяма. — Да, я была обрученной с вами... Но потом я приняла святой обет. Синьор Хоквуд, я молю вас... Это смертный грех...

Губы ее дрожали, чувствовалось, что она вот-вот разрыдается. Это была не та девушка, которую можно было принудить к чему-либо...

Вильям посмотрел на Александра.

— Если эта мысль претит ей, святой отец...

— Какая чепуха! Я еще не встречал девушку, которую бы не пугала мысль о потере девственности... Но также я не видел ни одной, которая вспоминала бы об этом после. Идемте, гости ждут нас. Свадебный обряд состоится немедленно. Такова моя воля.

Эме закричала.

— Это будет преступлением перед Богом. — Она смотрела то на одного, то на другого, и Вильяму хотелось оказаться где-нибудь в другом месте.

— Если ты будешь богохульствовать, — зарычал Борджиа, — я прикажу выпороть тебя. Идем!

Цезарь ожидал у двери. Распахнув ее, они оказались в просторных внутренних покоях. Посередине находился большой стол, сервированный на множество персон; все ожидали новобрачных. При виде свадебной процессии гости зааплодировали.

— Возьми ее за руку, Вильям, — приказал Александр, — и идите за мной.

Вильям сжал правую руку Эме. Она хотела освободить ее, но потом передумала.

— Я думала, что вы великодушный человек, — пробормотала девушка.

Вильям промолчал, потому что не знал, что ответить. Ум его напряженно работал. Он должен потакать Александру во всем — это входит в его обязанности, но и не только поэтому. У него и свой интерес. Слишком давно он лелеял мечту об этой девушке. Другого выхода просто нет. Вильям слишком хорошо знал, что Александру бесполезно перечить. Если Вильям не возьмет Эме себе, ее, несомненно, оболь-стят или сам Борджиа, или Цезарь... Он заметил, как эти двое алчно смотрели на нее. Несмотря на юность Цезаря и недавнее назначение кардиналом, Рим был полон сказаниями о его похождениях и неразборчивости в средствах, если он преследовал женщину, которая пришлась ему по вкусу. Все еще ходили слухи о красивой девушке, обнаженное тело которой было найдено в Тибре. Это произошло через три месяца после того, как жених девушки был убит, а она сама похищена, чтобы стать игрушкой для Борджиа.

Конечно, если бы все можно было объяснить Эме, она поняла бы свое положение.

Во время церемонии Вильям почти ничего не слышал. Он был слишком взволнован близостью этой девушки, ощущением тепла ее руки. Он помнил только, что Александр резко заговорил с ней, когда она не захотела подчиниться. Потом она повторила то, что нужно, почти шепотом.

Последующий пир казался не менее нереальным. Было выпито много вина, говорились разные тосты. Вильям разделил со всеми свою часть выпитого, пытаясь найти в себе мужество для того, что должно последовать позже. Он слушал непристойные шутки и время от времени поднимал глаза на свою невесту. Она была бледна, ее сжатые губы прикасались к бокалу только по необходимости.

— Она не может дождаться постели, — объявил Борджиа. — Ее волнение понятно — после восьми лет ожиданий ее возьмет мужчина.

Последовал взрыв смеха.

— На ложе! — начали скандировать гости. — На ложе!

Дамы окружили Эме, вывели ее из-за стола и увели. Таким точно образом мужчины сопроводили Вильяма. Все были охвачены разгульной непристойностью.

— Здесь? Святой отец... — Вильям задыхался. Он ожидал уединения.

— Эту ночь вы проведете под крышей Ватикана, — объявил Папа Александр. — Нет более святого благословения бракосочетанию, чем нынешнее.

С Вильяма сорвали одежды и, облачив в вышитую ночную сорочку, сопроводили в спальню. Здесь уже находились женщины. Они окружили его, целуя его лицо, протягивая жаждущие руки к его телу, щупая его сквозь тонкую материю. Их искусные движения возбудили Вильяма, и женщины закричали от восхищения.

Эме сидела на постели, откинувшись на подушки. На ней была белая льняная сорочка и такой же белый чепец, скрывавший ее великолепные волосы. Лицо было бледным, за исключением гневного румянца на щеках.

С воплями и улюлюканьем гости сопроводили Вильяма до кровати, и Цезарь сорвал простыни. Эме сидела, подогнув ноги, ночная рубашка закрывала их до лодыжек. Она не сопротивлялась, когда Цезарь поднял рубашку до бедер, и только содрогнулась, когда двое других мужчин схватили ее за лодыжки и распластали на постели...

Вильям никогда и не мечтал увидеть такую красоту. Наверное, гости были в этом согласны с ним, потому что замерли, увидев узкие бедра и великолепные ноги, пульсирующий живот... Но затем его уже опускали на Эме, задирая его сорочку до талии.

Крики стали еще громче, когда обнажился его обрезанный член.

— Турок! — закричали женщины. — Она вышла замуж на турка.

Его положили на нее, раздвинув ей ноги.

— Соблюдайте пристойность! — объявил Борджиа. — Прикройте их для первого совокупления.

Простыня была наброшена на них, и Вильям взглянул на любимое и страдающее лицо. Он почувствовал прикосновение сосков ее на удивление большой груди сквозь тонкую материю рубашки.

Когда чепец соскользнул с головы Эме, он содрогнулся от ужаса. На месте великолепных пепельно-белых локонов был обритый череп.

Гости застонали от удовольствия.

— Монахиня! — вопили они. — Турок лишает девственности монахиню!

— У нее отрастут еще более роскошные волосы, чем были раньше, — сказал Александр. — Давай, Вильям, покажи себя мужчиной! У тебя есть только шестьдесят секунд, или мы сделаем это вместо тебя.

Все произошло даже быстрее, чем с Серетой. Вильям искал губы Эме, когда входил в нее, и двигался так мягко, как только мог, чтобы не сделать больно. Она стонала, изгибалась, стараясь сдвинуть ноги, но по знаку Цезаря ей прижали колени, сделав беспомощной.

Рот ее бешено двигался, когда она снова повернула голову. Его губы оказались около ее уха.

— Прости меня, — прошептал он. — Я делаю то, что должен. Но, Эме, я люблю тебя.

Внезапно она издала вздох ужаса, страха и боли... и тогда простыня была сорвана. Вильям лег на спину, Эме была отодвинута в сторону.

— Есть! — закричал Цезарь, указывая на капли крови на простыне.

— Произошло совокупление! — заорали гости. — Совокупление!

— Достойная попытка, — объявил Александр и погладил Вильяма по голове. — Ты настоящий турок. Теперь идемте, — закричал он, перекрывая гомон, — оставим счастливую пару наедине.

Возбужденная толпа покинула комнату, и Александр, дождавшись последнего у дверей, перекрестил новобрачных и вышел.

— Он дьявол, — задыхалась Эме.

— Да, у него есть недостатки. — Вильям поднялся на локте. — Пойми, моя дорогая, я делал то, что должен был. Больше такого не будет.

Она повернула голову, всматриваясь в него. На ее щеках были следы слез.

— Ты изнасиловал монахиню, — задохнулась она. — Ты проклят. Я проклята. Пока это существо — Папа Римский, все мы прокляты.

«Был ли хоть один Хоквуд благословлен на счастье, — думал Вильям. — Или все человечество, как сказала Эме, проклято?»

Его отец, без сомнений, приходил бы к ней снова и снова и насиловал ее для пользы дела. В этом Вильям не походил на отца. Он слишком хорошо запомнил гарем в их доме и нескончаемую тоску их матери. Также он помнил ту радость, с которой Серета и Маргарита, каждая по-своему, приходили к нему в постель.

Поэтому Вильям решил терпеть. Не теряя надежды, конечно. Она кричала и молилась, но истерики не было. И он готов был поклясться, что сразу после того, как он первый раз вошел в нее, она обняла его за плечи, возможно, инстинктивно, но тем не менее ему показалось, что это был жест обладания.

Так что его слова: «Я не прикоснусь к тебе снова до тех пор, пока ты сама не захочешь этого», — были вполне искренними.

На следующий день он привел Эме к себе домой, отдал в ее распоряжение свою спальню, а также нанял служанку.

Хусейн, как настоящий турок, был немного удивлен всем этим; мужчины только тогда берут женщин в постель, когда хотят близости. Без сомнения, и другие слуги шептались, но Вильяма это нисколько не

беспокоило. К тому же он верил, что Эме поймет свое положение и вернется к нему из своего одиночества.

Он рассказал Эме историю своей жизни, объясняя, что должен был сделать. Он рассказал ей о Константинополе, куда они вскоре вернутся, о красотах, которые покажет ей, о доме, который построит для нее. Но ее лицо по-прежнему оставалось каменным.

— Если тебя угнетает твоя участь, — сказал он, — давай преклоним колени и помолимся о прощении.

— Я не могу больше молиться, — ответила она. — Я проклята.

Теперь он боялся покидать Рим, а на следующей неделе, посетив Папу Александра, был крайне удивлен.

Александр был явно не в духе:

— Что могло случиться, синьор Хоквуд, если я получил от твоего хозяина известие такого рода? Вот, читай!

Вильям взял пергамент и сразу узнал почерк великого везира.

Он пробежал глазами длинные и цветистые приветствия и замедлил чтение на основной части письма: «Благодаря миру и процветанию своего государства султан рад сообщить его святейшеству, что узурпатор и изменник, известный под именем Джем, более не представляет опасности миру и процветанию империи. В этих обстоятельствах султан не желает, чтобы узурпатор и изменник, известный под именем Джем, возвращался в Константинополь, как и не обеспокоен более содержанием вышеуказанного узурпатора и изменника в заточении. Тем самым султан желает информировать его святейшество, что ежегодные выплаты в сто тысяч крон будут остановлены...»

Дальше читать письмо Вильям не стал. Он взглянул на Борджиа.

— Твой хозяин провел меня, — рычал Александр.

— Я удивлен так же, как и вы, святой отец, — сказал Вильям. В этот момент он подумал, что потерял здесь десять лет жизни, карауля убийцу жены и сыновей, и вот теперь...

— Нет ли здесь письма для меня?

— Нет!

— Хорошо. Тогда... с вашего позволения, святой отец, я должен тотчас вернуться в Константинополь.

— Ха! А что прикажешь мне делать с этой бесполезной ношей?

Вильям колебался. Он слишком хорошо знал Баязида и не был уверен, что султан также внезапно не поменяет свое решение на противоположное. Он не мог предположить, чем вызвана перемена настроения Баязида.

— Этот человек убил твою жену и детей, — напомнил Александр. — Но теперь я чувствую, что также перестал интересовать тебя. Ты такой же пустослов, как и твой хозяин.

— Это не так, святой отец...

— Я разочарован в тебе, Хоквуд. Оставь меня. Я должен решить, что делать.

Вильям вернулся к себе и отдал приказания слугам упаковывать вещи.

— Мы едем домой, дорогая, — сказал он Эме. — Мы отправляемся в Константинополь.

Эме вздохнула и перекрестилась. Вильям увидел в этом хороший знак. Значит, она на самом деле не верит, что проклята, если пользуется этим христианским жестом.

Тремя ночами позже, когда отъезд был подготовлен, Вильяма снова пригласили на ужин к Папе Александру.

— Я должен пойти, — сказал он жене. — Мы попрощаемся.

Александр был в превосходном настроении и ласково встретил его.

— Я теряю возможность общения с тобой, дорогой Вильям. Это меня очень огорчает, — сказал Борджиа. — Но так как твои намерения оставить меня неизменны, я решил сделать тебе последний приятный сюрприз.

Когда человека ввели в тот самый обеденный зал, где совсем недавно состоялась свадьба, у Вильяма от ужаса перехватило дыхание.

Перед ним стоял принц Джем.

Впервые за одиннадцать лет Вильям лицом к лицу столкнулся с принцем. Долгие годы заточения полностью разрушили этого когда-то высокомерного человека. Принц похудел, хотя его щеки все еще были пухлыми, его челюсти были нездорово обтянуты кожей. Плечи его ссутулились. Он был всего лишь на год старше Вильяма, но выглядел как старик.

Увидев Вильяма, Джем испугался и сделал шаг назад.

— Ты обещал освободить меня, — задыхаясь, выговорил он.

— Так оно и есть, благородный принц. Ты свободен с этого момента, — коварно заверил его Александр. — Я просто подумал, что тебе хотелось бы встретиться лицом к лицу со своим старым врагом.

— Он убьет меня, как только я выйду из Ватикана, — объявил Джем.

— Ведь я пообещал тебе безопасный выезд из моих владений! Синьор Хоквуд придерживается того же мнения. Кроме того, он совершенно забыл прошлое. Разве не так, дорогой Вильям?

— Действительно, я пытаюсь это сделать, святой отец, — ответил Вильям, едва скрывая удивление.

— Великолепно! — объявил Борджиа. — Мне радостно превносить мир и гармонию в отношения между людьми. Давайте поужинаем все вместе!

Вильяма посадили слева, а Джема справа от Папы Александра. Цезарь сидел рядом с принцем, его старший брат, герцог Гандия, сидел слева от Вильяма. За столом присутствовали только мужчины.

Пища была такой же роскошной, как и все, что устраивал Борджиа. Когда ужин закончился, полуобнаженные девушки начали танцевать перед ними.

— Прикосновение Востока, — сказал Борджиа. Он был в самом радушном настроении. — Еще немного вина...

В то же мгновение содержимое их бокалов было обновлено.

— Старая традиция Папы Римского, — сказал Александр, — благословение вином, когда достопочтимые гости собираются в дальнюю дорогу. Вы разрешите?

Он протянул руки над бокалом Джема и, сжав пальцы, произнес:

— *Pax vobiscum*!

Потом он выполнил ту же церемонию над бокалом Вильяма. Вильям смотрел на его руки и пытался вспомнить, где раньше он видел этот необычный перстень.

— А теперь тост, — произнес Александр, поднимая свой бокал. — За турецких друзей, которые покидают нас и которых мы можем больше никогда не увидеть.

— За наших турецких друзей, — повторила вся компания.

Как только Вильям поднес бокал к губам, он внезапно вспомнил, где в последний раз видел это кольцо — на пальце Борджиа, когда молча взирал на мертвое тело купца Сакорро. Вильям почувствовал, как дрожь пробежала по его телу. Он знал, что близок к смерти... или к жизни, если ему хватит мужества настоящего Хоука.

Он поставил бокал и уставился на Джема. Принц одним глотком осушил бокал до капли и поставил его на стол со вздохом удовлетворения.

— Ты не выпил, дорогой Вильям, — заметил Борджиа.

— Нет, святой отец. Извините, я внезапно почувствовал себя неважно. Я прошу вашего разрешения удалиться.

— Удалиться? Но еще только начало ночи. Нет, нет, сядь, выпей немного вина, и тебе будет лучше.

Вильям изучал ситуацию. У каждого гостя из-за пояса торчал кинжал, но ни у одного из них не было меча; в зале не было охраны. Конечно, придется рискнуть, но ненамного больше, чем пить отравленное вино. Интересно, кого взять в заложники? Конечно, Александр был самой подходящей фигурой, но Вильям не знал, как отреагирует Цезарь, если он захватит его отца. В то же время Александр любил своего второго сына больше, чем любое другое создание на земле, за исключением, правда, Лукреции.

— Прошу простить меня, но я должен немедленно уйти.

Резким рывком Вильям опрокинул свой стул и, обежав стол, схватил Цезаря за плечо и поставил его на ноги. Мгновенно он выдернул шнур из панталон и накинул его на шею молодому человеку.

— Если кто-нибудь из вас шевельнется, епископ Валенсии — мертв, — прорычал он.

Цезарь попытался освободиться, но он был беспомощен против отчаянной силы Вильяма.

— Ты сумасшедший, — прохрипел Борджиа. — За это ты будешь вечно гореть в преисподней.

— Без сомнения, у меня там будет неплохая компания, — прорычал Вильям, толкая беспомощного Цезаря к двери. Все остальные замерли как будто завороженные или увидевшие огромную змею.

Все, за исключением Джема, который внезапно издал душераздирающий крик и упал лицом в тарелку.

— Этот уже пустился в путешествие, — мрачно сказал Вильям и сжал Цезаря так, что тот захрипел от боли.

Некоторые из гостей вскочили.

— Епископ и я также намерены совершить небольшое путешествие, — сказал Вильям. — Вы можете

продолжать веселиться. И позаботиться о том, чтобы никто не покидал этот зал в течение двух часов. В противном случае епископ, конечно, умрет. Скажите им об этом, святой отец.

Александру, казалось, было трудно говорить, но в конце концов он проговорил хриплым голосом:

— Оставайтесь на местах! Прошу вас, оставайтесь на местах.

— Ты будешь вечно гореть, — рычал Цезарь. — Ты будешь вечно гореть. — Очевидно, сам он не намеревался попасть в ад.

Хоквуд закрыл за собой двери и эскортировал Цезаря через зал для приемов. Они шли плечом к плечу; лезвие кинжала, прижатое к епископу, прикрывали широкие складки рукава камзола Вильяма. Вильяма знали как друга Папы Александра и частого посетителя, поэтому ни один из охранников не задавал вопросов, когда они покидали Ватикан и выбирались в Рим.

Было очень поздно, на улице попадались только редкие прохожие. Вскоре они очутились в доме у Вильяма. Эме и Хусейн удивленно уставились на Цезаря Борджиа.

— Боже мой! — выдохнула Эме. — Что ты наделал?

Вильям держал кинжал у горла Цезаря до тех пор, пока все вещи не были упакованы.

— Ты не убьешь меня, — молил молодой епископ. — Я не отступил от своей части сделки. — Его испуг был почти забавным.

— Ты, возможно, вполне заслужил смерть, мой господин, — проговорил Вильям. — Но ты мне нужен, чтобы пройти мимо охранников. Этот дом будет первым, который проверит твой отец.

— В таком случае мне следует остаться, — объявил Хусейн. — Если дом будет заперт и защищен, Борджиа посчитает, что его сын все еще внутри, и его люди потратят драгоценное время, пытаясь попасть внутрь. Время, которое у тебя уйдет на дорогу.

— А когда они ворвутся, то убьют тебя, старина, — сказал Вильям. — Я не пойду на это.

— Прими мое уважение, юный Хоук, но ведь я не твой слуга. Я слуга Хоук-паши, посланный присмотреть за тобой. Я сослужу хорошую службу, если умру, но верну ему младшего сына.

Они смотрели друг на друга. Вильям услышал, как Эме затаила дыхание.

— Теперь ступай, юный Хоук. Расскажи обо мне хозяину и передай ему, что я с честью выполнил его наказ. Ступай!

Переубедить Хусейна было невозможно. Вильям понимал, на чем основывалось его решение: если бы его убили, это стало бы позором не только для Хусейна, но и для всех его потомков. Этого верный слуга не мог допустить.

Таким образом, несмотря на то, что он мог остаться и сражаться вместе с Хусейном и отправил бы всех Борджиа вместе с собой в ад, Вильям выехал из Рима около трех часов ночи. Его сопровождали Цезарь, Эме и ее перепуганная служанка.

Охрана пропускала путников сразу, как только епископ открывал лицо, и таким образом продолжалось до утра. Вильям теперь не видел смысла в удержании Борджиа, но, однако, епископ мог понадобиться в следующем городе. Цезарю было приказано спешиться, и далее он должен был идти пешком.

— Клянусь Богом, ты пострадаешь за это, Хоквуд.

— Я не сомневаюсь в этом, но во всяком случае я останусь живым, — ответил Вильям. — А у тебя будет компания для прогулки. — Он заставил служанку слезть с коня. Таким образом она могла доказать свою преданность, потому что теперь находилась под подозрением, а Вильям получал двух свободных лошадей.

Он обернулся к Эме и сказал:

— Теперь нам надо спешить.

Неделю спустя они пересекли Апеннины, и Вильям, как и намеревался, изменил маршрут. Вместо Венеции, самого естественного убежища, они направились в Равенну. Это означало, что они все еще оставались на территории, подвластной Папе Римскому. В Равенне им нужно будет найти какое-нибудь судно и чем скорее, тем лучше пересечь Адриатическое море.

Потребовалось две недели, чтобы доехать до Равенны, и это было намного быстрее, чем в прошлый раз. Теперь Вильям знал, где скрывается опасность. Он помнил место, где бандиты скорее всего могут устроить засаду. В городе Вильям мог чувствовать себя в безопасности, потому что у него были не только паспорта, но и сопроводительный документ, подписанный самим Папой Александром. При необходимости можно было поменять лошадей, объяснив, что он выполняет срочное поручение самого Папы Римского. Вильяму казалось, что ночь лучше проводить в горах или лесу, чтобы в любой момент можно было вскочить в седло.

Его единственной тревогой была Эме. Временами она казалась выбившейся из сил, но несмотря на это продолжала идти. Не было никакой возможности обсудить то, что случилось, но после своего тогдашнего испуга она не проявляла сопротивления. Ее волосы начали отрастать, и она снова обещала быть такой же красивой, какой была всегда.

Вильям давно понял, что Родриго Борджиа не был истинно верующим человеком. Но мысль о том, что человек, показавшийся ему таким благородным и щедрым, решил избавиться от него только потому, что он был больше не нужен, ужасала Вильяма. И такой человек был духовным лидером всего христианского мира...

Вильям все время обдумывал маршрут их бегства. Невыносимо было даже представить, что Борджиа может их схватить. Вильям понимал, что опережает папских преследователей только на день, поэтому, прибыв в Равенну, они сразу направились в бухту и

наняли маленькое судно, чтобы переправиться через Адриатическое море. У него все еще были те самые золотые, но его мощная фигура и обнаженный меч ни у кого не вызывали желания нападать на него с целью убийства или грабежа.

К счастью, погода была хорошей, и через два дня они прибыли в венецианский город на далматинском берегу. Там они купили лошадей и направились в глубь территории, контролируемой турками. Через несколько часов их обнаружил дозор сипахов. Вильям и Эме были спасены.

Им предстоял все еще длинный путь до Константинополя, но теперь они могли передохнуть.

У Вильяма было хорошее настроение, потому что он считал, что его миссия полностью выполнена. Но оставались сложности в отношениях с Эме. Он выполнял свое обещание не искать близости с ней до тех пор, пока она сама не захочет этого. Но по воле обстоятельств они оказались оторванными от всего мира, и эта ситуация радовала Вильяма. Он много думал об Эме, когда они мчались по Италии. Ее поведение изменилось с той ночи, когда они выехали из Рима. Эме была потрясена, открыв для себя истинное лицо Борджиа. Вера ее была поколеблена, все принципы, в которых она была воспитана, были разорваны в клочья. К тому же Эме осознала, что Вильям, сколько бы она ни сожалела о ее насильственном замужестве, был теперь ее единственным другом в этом мире.

Именно из этой дружбы, думал Вильям, может вырасти любовь. Именно эту дружбу, насколько бы сила желания плоти ни поднималась в нем каждый раз, когда он смотрел на Эме, Вильям положил в основу всех его надежд на будущее.

Во время путешествия в горах Вильям вел себя скорее как брат, а не муж. Он показывал Эме наиболее значимые достопримечательности и объяснял их историю, знакомил ее с мусульманскими обычаями,

угощал мусульманской едой. Он купил ей чаршаф и чадру и научил, как закрывать себя.

Все это было Эме в новинку.

— Эме, ты не обязана носить чаршаф в доме или даже на людях, если не пожелаешь этого, — сказал Вильям. — Мы, Хоквуды, почти во всем остаемся франками. У нас, например, нет гарема.

— А может, лучше завести его? — предложила Эме. — Поверь мне, господин, я вижу желание в твоих глазах каждый раз, когда ты смотришь на меня. Мне горько видеть тебя неудовлетворенным.

— Но ты не должна терять надежду, что сможешь удовлетворить мои желания, моя дорогая. Именно это и есть величайшее счастье, какое только возможно представить.

Эме вздрогнула и отвела взгляд.

— Я не знаю. Я больше не знаю, что правильно, а что нет. Я отдала себя Христу и была довольна своей участью. Теперь...

— Христос, конечно, простит тебя, Эме. Потому что он знает все. Он знает, что тебя заставили сделать то, что ты сделала, и простит тебя. Но больше всего, я уверен, Христос не любит напрасно потраченную жизнь. Ты теперь замужняя женщина и должна быть ей. Если ты не испытаешь радость рождения детей, благословляя имя Его, то это будет, конечно, большим грехом, чем любой другой, который ты была вынуждена совершить. И конечно, суждение Господа будет основано на том, как принимаем мы то, что дается нам в жизни... и как применяем данное нам для пользы своей и человечества.

Эме слушала его как обычно серьезно и наконец ответила:

— Я не сомневаюсь, что в твоих словах сокрыта истина, господин. Я прошу дать мне время. Я вижу твое отношение ко мне и по-прежнему ценю тебя. Нет никого в мире, кроме тебя, с кем я могла бы жить. Я понимаю, что нет в мире человека, который относился бы ко мне с такой любовью. Поз-

воль мне немного успокоиться, привыкнуть к такому повороту моей жизни.

Вильям сжал ее руку.

— С удовольствием, дорогая. Единственное, чего я хочу, это твоего счастья. У тебя есть время...

Вильям знал, что одержит верх уже тогда, когда через две недели они прибыли в Константинополь.

Гонец заранее сообщил султану об их приближении. В Адрианополе их встречали Джон Хоквуд и его новая жена.

Вильям был удивлен этому, поскольку Джон был уже женат на турчанке и имел от нее нескольких детей.

Эта женщина, двадцати с небольшим лет, была довольно высокая, с оливковой кожей, яркой внешностью и с копной коричнево-рыжих волос. Волосы были наиболее примечательной ее чертой после глаз, темно-зеленых и выразительных.

На ней был чаршаф, но, как и Эме, она сняла его, когда они остались вчетвером.

— Это Джованна, — сообщил Джон брату.

— Итальянка? — вскрикнул Вильям. — Неужели это возможно?

Джованна, вспыхнув, поведала свою историю:

— Корабль, на котором мы плыли, был захвачен турецкими корсарами. Я была девственницей, и меня не стали насиловать, а, взяв в плен, продали на рынке в Константинополе. Здесь мне повезло, потому что твой брат, а не какой-нибудь паша, увидел меня и купил. — Она чуть заметно содрогнулась. — Он покупал меня как рабыню, но сделал женой.

Вильям и Эме с сочувствием смотрели на Джованну. Они понимали, что за этим простым рассказом скрывались и ужас внезапного нападения, и пребывание во власти раздирающих пальцев, проверяющих девственность, и страдания в плену, и стыд и мрачные предчувствия на рынке, когда ее пристально изу-

чали, а она не знала, кто из вожделеющих мужчин уведет ее в жизнь уединенного рабства.

Конечно, Джованна не знала, кем был Джон Хоквуд. Естественно, у нее не было желания отдаваться ему. Она также, должно быть, стонала от отвращения и считала себя самой несчастной женщиной. Но сейчас она сидела рядом с Джоном, гордая и исполненная достоинства. Эме, конечно, сделала из этого выводы.

Но было и еще одно. Джованна гордилась тем, что родила мальчика. Ему уже был почти год, и звали его Гарри.

Разговор плавно перешел к обсуждению последних новостей.

— Ты должен знать, что принц Джем мертв, — начал Вильям.

— Мы слышали об этом. Говорят, он поперхнулся косточкой за обедом у Папы Римского.

— Его отравил сам Борджиа. Но... ты все знаешь о его смерти?

— О да, Папа Александр потребовал от Порты твою голову.

— Что же ответил Баязид?

— Ничего, потому что к тому времени он знал о твоем приближении. Он желает выслушать твое мнение.

— Меня будут проверять? — задумчиво спросил Вильям. — Лучше, конечно, скрыться, пока есть возможность. Но куда?

— Не обязательно. Нашего султана можно назвать человеком настроения. К тому же он — большой кутила и проводит больше времени в гареме, нежели в диване. Он доверил управлять империей везирам и военачальникам. Самый авторитетный для него — Хоук-паша. И в этом твое спасение. Наш отец давно требовал твоего возвращения. Отношения с Римом очень напряженные, а твоя стычка с Папой Римским может только подлить масла в огонь.

— Хорошо ли чувствует себя отец? — поинтересовался Вильям.

— Ему уже за шестьдесят, — сказал Джон, — но могу поручиться, что он осилит даже тебя. Давай поспешим. И отец и падишах ждут нас.

Той ночью Эме попросила Вильяма остаться с ней.

— Наверное, теперь я стала понимать больше, — сказала она. — Твоя невестка — очень мужественная женщина. Я не уверена, что могла бы вынести то, что досталось на ее долю.

— В тебе достаточно мужества, Эме, — уверил он.

— В этом можно убедиться только в момент испытания. Но я теперь поняла смысл твоих слов: если судьба протягивает руку, мы должны принять ее без колебаний. Ты много лет назад решил стать моим мужем, я всегда уважала тебя. Теперь я научусь любить тебя.

Это было настоящее счастье. И даже больше. Вильям чувствовал почти с первого свидания, что Эме не чужды все земные желания, и это делало ее даже более восхитительной, чем Маргариту. Ему хотелось петь от счастья, когда вдали показались стены Константинополя. Вильям хотел, чтобы Эме была так же горда жизнью, как он гордился ее любовью.

Конечно, эти мощные стены, поднимающиеся на высоту шестьдесят футов над равниной, сторожевые башни, высившиеся над ними, и мириады флагов, трепещущих на ветру, не могли не восхищать. Поприветствовать сына Хоук-паши вышли множество солдат.

Внешний город по красоте не мог состязаться ни с Римом, ни с Парижем, потому что в нем еще были слишком заметны следы штурма 1453 года. Но он был намного чище и к тому же лучше спланирован, чем любой западный город. Народ, высыпавший на улицы, выглядел пристойнее, чем в любой европейской столице.

Вильям знал, что Эме придет в восторг от старого Византия — теперь здесь находился дворец

султана, — увидев его новые дворцы и прекрасные сады...

К тому же Вильям предполагал, что на Эме произведет впечатление великолепие османского двора. Несмотря на прекрасные одежды и изысканные манеры французской аристократии, Париж оставался грязным и неуютным городом, испорченным скупостью короля и чаще всего покрытым серой пеленой дождя. И хотя в Риме светило солнце, оно только подчеркивало упадок города.

Чувствовалось, что братьев Хоквудов поджидали. Отряд янычар в красно-голубом обмундировании был выстроен перед дворцом. На ветру развевались султаны из конского волоса, укрепленные на их головных уборах. Сипахи в бело-голубых мундирах замерли в седлах и стали похожи на шахматные фигурки из черного дерева. Эме, закутанную в чадру, проводили во дворец. В толпе придворных она заметила облаченных в белое имамов и муфтия — они считались прямыми потомками Пророка и носили зеленые тюрбаны.

Эме рассматривала мраморные полы, удивленно поглядывала на евнухов, задирала голову, чтобы посмотреть на высокие потолки и драпировки на стенах, развевавшиеся порывами ветерка с Босфора. Она крепко держала за руку Джованну.

Эме еще не совсем поняла, что ее муж вхож в такое высокое общество.

Эме и Джованна остались во дворце. Джон вместе с Вильямом отправились внутрь Порты, где их ждали Баязид и его три сына. Все они были зрелыми мужчинами: Коркуд, на несколько лет младше Вильяма, Ахмед и самый младший Селим, которому уже перевалило за тридцать. Позади султана и везиров стоял Хоук-паша.

Вильям поклонился и сделал приветственный жест: рукой коснулся сначала груди, потом губ и, наконец, лба. Внезапно Вильяму стало не по себе, потому что он поймал пристальный взгляд султана, похожий на неподвижный взгляд змеи.

— Ты долго отсутствовал, юный Хоук, — заметил Баязид.

— Слишком долго, о падишах. Но ведь я выполняя возложенную тобой на меня миссию.

— Входила ли смерть моего брата в эту миссию?

— Это и было настоящей миссией, о падишах. Но, получив твои последние указания, я оставил свои намерения. К тому же Папа Римский без моего ведома приговорил принца к смерти.

— Ты не можешь доказать, что это правда.

Вильям посмотрел султану в глаза.

— Я сын Хоук-паши, мой господин. И никогда не лгу.

— Если твои преступления и будут прощены, то только потому, что Папа Римский не проявил себя моим другом, — проговорил Баязид.

Вильям поклонился, чувствуя, что напряжение спадает.

— Но объясни мне вот что, — продолжал Баязид, — разве мои инструкции разрешали тебе жениться во время исполнения миссии?

— Я не испросил твоего разрешения, о падишах. Но жена моя — женщина необыкновенной красоты и ума. Если бы ты увидел ее, то понял бы мою вольность.

— Тогда я хотел бы увидеть ее! — почти крикнул Баязид. — Я хочу взглянуть на ее лицо!

Вильям снова напрягся и бросил взгляд на отца.

Хоук-паша выглядел очень расстроенным.

— Разве это возможно, господин мой?

— Но ведь женщина — иноверка! Она ведь не покрывает себя. Приведи ее ко мне.

Хоук-паша быстро кивнул. Джон вышел во двор, чтобы через несколько минут привести с собой Эме. Если она и была встревожена, то не подавала виду.

— Открой лицо, женщина, — приказал султан.

Вильям пытался протестовать.

Баязид улыбнулся:

— Ты ревнивый муж.

— Я муж. — Вильям показал на любопытную толпу.

— Пусть она покажет себя в уединении. — Султан медленно и тяжело поднялся. — Отведите ее во внутренние покои...

— Его лучше ублажить, — сказал Энтони Хоквуд по-английски. — Его нетерпение беспредельно.

— Но это противоречит закону и оскорбляет нашу семью, — сказал Джон Хоквуд.

— Ублажи его, — приказал Энтони. — Он наш господин. Его несчастье, что он одержим мыслями о женщинах. Повинуйся ему, и все будет в порядке.

Вильям взял Эме за руку.

— Мужайся, — сказал он.

— Я не боюсь этого толстого старого человека, — отозвалась она.

Паши и везиры тихо переговаривались между собой. Баязид был единственным человеком, нарушившим «аный», выказывая интерес к чужой жене.

Вильям повел Эме в уединенные покои. Баязид расположился на диване, отправив всех охранников.

— Открой лицо, — приказал Вильям.

Эме мгновение колебалась, но потом отстегнула чаршаф.

Баязид уставился на нее с нескрываемым вожделением.

— Во имя Аллаха! Она мне нравится. Нет в мире лица более прекрасного.

— Падишах очень добр, — напряженно сказал Вильям. — Ты разрешишь нам удалиться?

— Слышал я, что ее волосы еще прекраснее, — млел Баязид.

Эме стянула чаршаф, и вид ее пепельно-золотистых волос, уже немного отросших, ошеломил султана.

— Во имя Аллаха! — выдохнул Баязид. — Они похожи на золотую пряжу.

Султан продолжал смотреть на Эме, его взгляд блуждал по ее покрытому хаиком телу.

— Поздравляю, юный Хоук, — сказал он наконец, когда Эме, укутавшись в чаршаф, удалилась. —

Но вернемся к делам. Я хочу, чтобы ты занял достойную тебя должность. Я решил, что ты будешь бейлербеем и командиром эрзрумского гарнизона.

Вильям смотрел на султана, его взгляд выражал восхищение и испуг одновременно. Эрзрум был важным городом, но также и самым отдаленным в империи. Он находился в горах Тавра, на границе османских владений, где у турок и персов кровожадно блестели глаза. Этот пост мог принести и славу и падение. Только поездка туда занимала несколько месяцев...

— Этим далеким бейликом, — продолжал Баязид, — управлять не просто. Я знаю твои способности, юный Хоук... но ты слишком молод. Поэтому вместе с тобой последуют твои отец и брат, а также отряды сипахов и янычар — пусть граница знает мое могущество. Как только ты укрепишься на месте, они вернутся, а ты станешь единственным командиром.

— Я ошеломлен, о падишах.

— Тогда готовься. Ты вскоре должен отправиться.

— Не нравится мне это, — объявил Джон.

Братья Хоквуды и их отец сидели на террасе у себя дома и смотрели на Золотой Рог. Женщины о чем-то болтали в глубине дома. Константинополь был полон слухами о том, как Баязид вел себя с женой юного Хоука.

— Это никому не нравится, — согласился Энтони Хоквуд.

— Имамы сильно обеспокоены. Но он султан... и точка. Давайте рассмотрим выгодную сторону — продвижение Вильяма по службе.

— Я боюсь за него. Вильям, ты когда-нибудь командовал армией?

— Нет, ты же знаешь, — ответил Вильям.

— И вдруг ты внезапно назначен на такой важный военный пост...

— Султан знает, на что способен Вильям, — возразил Энтони.

— Без сомнения. Но может получиться так, что мы вынуждены будем уехать из Константинополя на год, а наши жены останутся в городе.

Вильям посмотрел на отца и нахмурился.

— Вряд ли мы можем взять их в поход...

— Конечно. Но нас отсылают неизвестно зачем через неделю после возвращения Вильяма с женой в Константинополь. Жена Вильяма, наверное, самая красивая женщина, которую когда-либо видел султан.

— То, что ты предполагаешь, невозможно, — объявил Энтони. — Даже Баязид не осмелится нарушить «аный». Ведь прелюбодеяние самый страшный грех для мусульманина!

— Среди мусульман, — указал Джон. — Но «аный» не распространяется на иноверцев...

— Этого не может быть, — настаивал Энтони. — А теперь хорошо бы поесть...

Вильям обнимал Эме последний раз. Свита, отец и брат уже ждали его у галеры, которая должна переправить их через Босфор. Расставаться с Эме было горестно. Совсем недавно он вновь обрел ее. До сих пор Вильям никого не любил, а теперь он полюбил так, что это казалось невозможным.

Он ласково погладил ее волосы — прекрасную золотую пряжу, как сказал султан.

— Я пошлю за тобой сразу, как укреплю границу.

— Я буду ждать вестей от тебя.

Вильям сделал шаг назад, чтобы взглянуть на Эме.

— Ты будешь счастлива здесь, дорогая.

— Я уверена в этом. Лучшей подруги, чем Джованна, я и пожелать не могу. Но самой счастливой я стану тогда, когда приеду к тебе.

Поцеловав Эме на прощание, Вильям вышел из комнаты.

Турецкому солдату не позволено показывать на людях чувства. Стоя у окна, Эме видела, как груп-

па всадников, над которыми возвышались огромные Хоквуды, исчезла за поворотом дороги, ведущей в бухту.

Эме размышляла над необычными перипетиями своей судьбы. Привыкшая с детства к огромному богатству, она презрительно относилась к деньгам. Умом она понимала, что может выйти замуж за обнищавшего дворянина и что ее сыновья смогут занять более высокое, чем у нее, положение в обществе.

Как дочь любимого министра короля, Эме не боялась за свое будущее, но мечтала о нем. Единственное, чего ей хотелось побыстрее, так это стать женщиной. Эме с ранних лет поняла, что такое плотские желания, ей иногда казалось, что она рождена грешницей. В ее мечтах всегда присутствовали мужчины и их тела, и так было даже тогда, когда она не имела представления, чего от них следует ждать. Только в замужестве и постоянном обществе одного мужчины она видела решение этих проблем.

Много лет назад выбор короля удивил и обрадовал ее настолько, насколько ужаснул ее родителей. Он пал на чужестранца из варварских земель, который к тому же был о себе слишком высокого мнения. Эме частенько слышала, как ее родители неодобрительно говорили о нем, переживая, что он будет дурно обращаться с их дочерью и увезет ее в неведомые далекие края.

Но Вильям Хоквуд был красивым и порядочным юношей. Эме не боялась ни его, ни того, что он мог с ней сделать. Больше того, она хотела стать его женой, и по возможности как можно скорее, и начать настоящую жизнь.

Внезапное изгнание суженого оказалось горем для нее и радостью для ее родителей. Они ликовали, избавившись от турка; к тому же Анна мгновенно определила одного из своих фаворитов в будущие мужья самой богатой и красивой девушки Франции. Но старания Анны были потрачены впустую. Жених показался Эме старым и больным, а ее сексуальное романтическое воображение всегда страстно желало

красоты и здоровья. По сути дела, под эти критерии подходил именно такой человек, как Вильям Хоквуд.

Не желая доставаться человеку, годящемуся ей в отцы, Эме наотрез отказалась вообще выходить замуж. Это решение противоречило потребностям ее натуры, она это знала и страдала от этого. Родители пороли ее, Анна читала ей нотации. Они пугали ее мрачными картинами ужасной жизни, которую ведут монахини. А если Эме выдадут замуж по их выбору, то, возможно, через несколько лет она станет вдовой. Но и эти прогнозы не могли изменить ее решения. Граф мог жить еще сто лет или оставить ее с десятком нежеланных детей.

Эме решительно настроилась постричься в монахини. Ее наследство и предполагаемая партия достались ее более послушной младшей сестре. Эме повезло с матерью-настоятельницей, которая разрешала ей читать; она относилась к Эме добрее, чем ее собственная мать. Пребывание в монастыре оказалось спокойным периодом в ее жизни.

Эме искренне верила, что теперь она вверена Христу, и в своей новой добродетели подавила плотские желания.

И вдруг в одно мгновение ее жизнь опять полностью изменилась.

В монастырь за ней приехал известный кардинал. Само по себе это предполагало продвижение, но мать-настоятельница, наверное, что-то предчувствовала, поэтому, когда отправляла Эме в Рим, безутешно рыдала. Без сомнения, добрая женщина кое-что знала о характере нового покровителя Эме. И все же поездка, таинственные взгляды, звуки и запахи — все обещало приближение самого интересного периода в жизни... до внезапного ужасного открытия.

Эме искренне ужаснулась, когда ей сообщили, что она может не считать себя монахиней.

Вспоминая прошлое, Эме невольно вздрагивала и все больше убеждалась, что ее муж прав и что этот путь дан ей Господом. Если на этом пути она найдет

невероятное счастье, то должна возрадоваться ему, потому что в конечном итоге ей придется заплатить за все. А пока она мечтала о безмерной радости материнства. Конечно, это произойдет, как только они будут вместе.

— Хоквуды — благородные люди, — сказала Джованна. — Даже если они и сражаются на стороне антихриста.

— Они — благородные люди, — согласилась Эме, стараясь воздерживаться от рассуждений на эту тему.

Эме хотелось исследовать роскошный дворец и понять, как он управляется. Джованна активно участвовала в хозяйственной жизни дома своего свекра. Сильный характер Джованны отодвинул турецкую жену Джона Хоквуда и даже двух наложниц Энтони Хоквуда на второй план.

Дворец оказался настоящей сокровищницей различных удовольствий, но вскоре Эме захотелось получше узнать Константинополь. Она почувствовала себя птицей, клетку которой внезапно распахнули. Всю свою жизнь она была в заточении — сначала в стенах отцовского дома, потом в монастыре. Теперь она стала свободной. К тому же у нее пока еще не было детей, за которых надо было нести ответственность.

Джованна никогда не решалась выйти в город без мужа; ее до сих пор преследовали неприятные воспоминания о рынке рабов. Но она не возражала, узнав, что Эме хочет все увидеть своими глазами, и настояла только на том, чтобы невестку сопровождал кто-нибудь из слуг.

Через несколько недель после отъезда Хоквудов Эме рискнула выйти из дома в сопровождении служанки Гисламы. Они укутались, как все турецкие женщины, и, переправившись через Золотой Рог, оказались в старом городе. Шумные греки расступались, пропуская богатую турчанку и ее служанку.

Эме отправилась на рынок рабов, чтобы лучше представить себе, что ощущала Джованна, когда обнаженная стояла перед толпой... и почувствовала странную слабость в коленях, когда смотрела на голых мужчин и женщин, сбившихся вместе как загнанный скот.

Эме решила посмотреть старый ипподром, на месте которого теперь разбили сад, — у турок не было ни времени, ни желания для организации игр.

Женщины собирались уходить с ипподрома, когда Гислама пробормотала:

— Нам следует поторопиться, госпожа. Нас кто-то преследует.

Эме обернулась назад. Действительно, за ними шли трое мужчин — Эме вспомнила, что видела их около дома в Галате, когда они с Гисламой отправлялись на прогулку. Наверное, за ними следили уже тогда... Значит, эти люди только и ждали, чтобы она покинула стены своего дома.

Гислама выдохнула. Впереди Эме увидела еще трех мужчин; они преграждали им путь. Все они были неграми.

Эме почувствовала ком в груди — вокруг были другие люди. Но они почему-то старательно обходили эту маленькую группу... В панике Эме повернула в какую-то аллею и бросилась бежать и потом только поняла свою ошибку — аллея была темной и пустынной.

Когда Эме побежала обратно, евнухи оказались около нее так внезапно, что она не успела даже крикнуть. На нее набросили мешок, который туго затянули. Сверху мешок перехватили веревками, руки Эме оказались прижатыми к телу. Она стала полностью беспомощной...

Кто-то хватал ее за ноги, она пыталась пихаться, но и это оказалось бесполезным. Ее подняли за плечи и опустили в другой мешок; его также затянули. Затем кто-то поднял Эме, взвалил себе на плечо и куда-то понес.

В разгар дня Эме похитили в центре Константинополя, и никто даже пальцем не пошевелил, чтобы

спасти ее. Но ведь она невестка великого Хоук-паши! Кто осмелился совершить такое преступление? Кто действительно? Эме внезапно все поняла, и ее охватил леденящий душу ужас.

Такое неудобное путешествие было недолгим. Вскоре Эме почувствовала прохладу тени, сменившую солнце и жару, и тишину вместо уличного шума.

Мешки сняли, и теперь Эме могла свободно дышать. Она упала на каменный пол. Придя в себя, Эме обнаружила, что окружена евнухами, похитившими ее. В комнате находился еще один человек, одежда которого была расшита золотыми нитями; выражение его лица свидетельствовало о том, что он привык повелевать.

— Пусть госпожа поднимется, — строго приказал он.

Эме внимательно посмотрела на него и не шелохнулась.

— Пусть госпожа поднимется, — повторил он. — Я Кызлар-ага. Госпожа должна повиноваться, иначе ее высекут.

Понимая, что этот человек сделает то, что говорит, Эме поднялась с пола. Она знала, что должна подавить охвативший ее ужас, когда поняла, что ее ждет. К тому же чего ей бояться? Баязид может быть толстым и мерзким, но считается в высшей степени чувственным.

Вот какие мысли возникли у жены молодого Хоука!

Эме, конечно, знала, что Вильям отомстит за нее.

Конечно, она не будет бояться этих несчастных евнухов, полумужчин. Что они могут сделать ей? Только высечь... Но и за это им отомстят.

— Где моя служанка? — громко и уверенно спросила Эме.

— Госпоже больше не понадобится эта служанка. — Кызлар-ага сделал шаг вперед и снял чаршаф с лица Эме. Она пыталась сохранять спокойствие.

— Моя госпожа и в самом деле прекрасна, как луна, — сказал Кызлар-ага.

— Я жена юного Хоука, — вскинув голову, сказала Эме. — Не думаешь ли ты, что Хоук-паша не отомстит за меня?

— Хоук-паша далеко, — сказал Кызлар-ага. — Теперь госпожа пойдет со мной.

Наверное, для разговора с султаном. Сумеет ли она отказать султану?

Комната, в которой находилась Эме, была без окон и мебели; в стене были установлены два факела. Эме не представляла себе, где конкретно она находится, хотя была почти убеждена, что во дворце султана.

Кызлар-ага открыл какую-то дверь, и Эме оказалась в коридоре, наполненном ароматом прекрасных духов. Пройдя по коридору, Эме оказалась в комнате с низкими диванами и мягким ковром на полу. Ей показалось, что всюду слышатся женские голоса... Наверное, она попала в гарем.

— Госпожа должна раздеться, — сказал Кызлар-ага.

— Ты сошел с ума? — удивилась Эме.

— Госпожа должна раздеться для осмотра, — объяснил он. — Если госпожа испорчена...

— Тогда меня освободят? — Эме не могла удержаться от вопроса.

— Из гарема нет обратной дороги, спасение только в смерти, — сказал Кызлар-ага.

Эме внимательно взглянула на него, снова страх забрался в ее душу. Наверное, это правда. Она покинула монастырь, чтобы оказаться заключенной в султанском дворце на всю оставшуюся жизнь...

— Госпожа должна раздеться, — снова приказал Кызлар-ага.

— Перед тобой? Никогда!

— Госпожа, — терпеливо повторял Кызлар-ага. — В моей власти твоя жизнь и смерть. Мой хозяин желает тебя, но если у тебя обнаружатся недостатки, он не получит тебя. Тогда я посажу тебя в мешок и выброшу в Босфор. Повинуйся мне, или мои люди сорвут с тебя одежду. При этом они очень просто могут поранить тебя.

К ужасу Эме одежды уже срывали с нее. Она не сомневалась, что все слова этого человека — правда. Теперь мрачные предчувствия и возбуждение, которые переполняли ее с момента похищения, сменились настоящим страхом.

Эме сбросила верхнюю одежду на пол. На ней осталась только полотняная рубашка, она тоже сняла ее.

Глаза Кызлар-аги, казалось, пожирали ее. Когда он подошел поближе, у Эме подкосились колени.

«Если он коснется меня...» — думала она.

И все-таки, когда он коснулся, Эме не умерла и даже не закричала. Он провел рукой по ее подбородку, шее, груди, взяв в ладонь каждую, как бы взвешивая.

После этого Кызлар-ага заставил Эме повернуться и потрогал ее плечи и спину. Потом он встал на колени и приказал:

— Госпожа должна раздвинуть ноги!

«Нет, — подумала она. — Ни за что! Сейчас я закричу!» И все-таки не осмелилась перечить ему.

Ведь это ее судьба...

Эме раздвинула ноги и напрягла мускулы, когда Кызлар-ага, раздвинув ее ягодицы, посмотрел между них; потом обошел вокруг и, встав спереди, сделал то же самое. Эме думала о рабах: пришлось ли Джованне выстрадать это? «Боже мой, меня осматривают как рабыню. Потому что я теперь — настоящая рабыня».

Эме знала, что взывать к Господу бесполезно. Если он не совсем бросил меня, он хочет, чтобы я пошла этой дорогой. И сделать это надо как можно лучше — так говорил Вильям.

Кызлар-ага поднялся с колен.

— Мой хозяин будет доволен, — сказал он. — Ты почти совершенна. Если бы ты была девственницей, он мог бы взять тебя в жены. Он нетерпелив...

Эме внимательно смотрела на него. Как он мог столь интимно дотрагиваться до нее или до другой женщины и ничего при этом не испытывать?

Кызлар-ага открыл другую дверь.

— Пусть госпожа войдет.

Эме, как будто очнувшись ото сна, наклонилась, чтобы поднять одежду.

— Госпоже не нужна одежда, — сказал Кызлар-ага.

Эме выпрямилась и пошла к двери. «Спокойно, — говорила она себе, — спокойно».

Пройдя мимо него, Эме остановилась и удивленно огляделась. Наверное, она попала в баню. В помещении находилось несколько роскошно драпированных диванов. Ступеньки вели к мраморному полу, в центре которого возвышалась мраморная плита, скорее похожая на жертвенный алтарь. Еще три ступеньки спускались к третьему уровню, тоже мраморному, хотя и покрытому деревянным настилом, от которого отходило несколько больших водостоков. На каждом уровне была своя дверь, но в комнате было пусто. Через огромные люки в потолке проникал свет.

В самом низу стояли два огромных деревянных котла с водой, от одного из них поднимался пар. Эме удивила установленная в стене второго уровня жаровня с огнем, над которой крепился шест. На шесте висел металлический сосуд, распространяющий наиболее соблазняющий аромат.

Ее собираются здесь кормить? Или варить?

К ужасу Эме евнухи вошли в помещение сразу за ней. Один из них запер двери; все они начали раздеваться.

«Надеюсь, они не будут раздеваться догола, — подумала Эме. — Теперь-то я точно потеряю сознание».

Но евнухи остались в набедренных повязках.

Кызлар-ага указал на мраморную плиту:

— Пусть госпожа ляжет.

«Чтобы вынести какое-нибудь грязное оскорбление?» — в ужасе подумала Эме, но вслух спросила:

— Для чего?

— Госпоже удалят волосы, — объяснил Кызлар-ага.

Эме, раскрыв рот, уставилась на него, потом на евнухов, стоявших в ряд и смотревших скорее на ее

лицо, чем на тело. Почему-то их безразличие оказалось переносить тяжелее, чем если бы они проявляли какие-либо желания. Мысль о том, что ее обреют, показалась Эме хуже, чем мысль об изнасиловании.

Эме спустилась по ступенькам и легла на плиту. От холодного мрамора ее кожа стала гусиной.

Кызлар-ага встал позади Эме, поднял ее голову и собрал все ее волосы наверх.

Один из евнухов подошел с другой стороны с подносом в руках. На подносе лежал изогнутый нож, длиной около восьми дюймов.

Кызлар-ага поднял правую руку Эме.

— Госпожа должна лежать совершенно неподвижно, — сказал он. — Я ловкий человек, но даже я могу не справиться с резким движением.

Эме медленно втянула воздух, когда он начал точить нож. В это время другой евнух обильно напудривал ей подмышки. Бритва нежно заскоблила кожу. Левая подмышка была обработана таким же образом.

— Пусть госпожа раздвинет ноги, — приказал Кызлар-ага.

«Как удивительно, — подумала Эме, — я даже не собиралась сопротивляться ему... хотя еще сегодня утром такое предложение любого мужчины, кроме мужа, вызвало бы у меня обморок».

Эме закрыла глаза, пальцы евнуха втирали порошок. Ощущение было очень приятным, и ей ничего не оставалось, как сохранять спокойствие. Кызлар-ага начал брить, склонившись над ее лоном.

— Тем госпожам, которые сопротивляются, — приговаривал он, — удаляют волосы, выдергивая их по-одному. Это очень больно, и кожа остается раздраженной какое-то время. Ты поступаешь мудро, подчиняясь правилам гарема, госпожа.

Эме закрыла глаза. Бритва двигалась меж ног, направляемая умелыми и безразличными пальцами. Она собрала все самообладание и лежала спокойно.

— Пусть госпожа встанет, — сказал ага.

Эме открыла глаза, села и посмотрела на себя в зеркало. Она подумала, что никогда не видела, как

выглядит по-настоящему зрелая женщина. Краска смущения залила ее щеки, она удивленно огляделась, опустив ноги на пол. Евнухи были чем-то заняты, суетясь вокруг металлического сосуда, двое из них что-то энергично перемешивали в нем.

— Тебе будет сейчас горячо, госпожа, — сказал Кызлар-ага, — но это ощущение скоро пройдет. Теперь встань на пол, а руки разведи в стороны.

Эме повиновалась, удивляясь, что она подчиняется приказам этого существа. На самом деле ей было даже интересно узнавать, что с ней будут делать дальше. Принесли тяжелый кувшин и поместили его над нею. Несколько капель коричневой обжигающей смеси попали на ее левую руку и вызвали дикую боль. Было страшно горячо. Последовал новый приступ боли, когда немного тягучей смеси было вылито на ее правую руку. Евнухи быстро размазали массу по коже, покрыв ее руки от кистей до плеч.

— Это смесь сахара и лимона, — сказал Кызлар-ага. — Теперь ты должна оставаться совершенно спокойной. Процедура требует большого умения. Не вини меня, если пошевелишься. Малейшее движение, и твоя кожа начнет облезать.

Кызлар-ага обошел вокруг помоста и приблизился к Эме, натянув шелковую нить. Положив нитку на плечо Эме, он мягко нажал, и она вошла в коричневую смесь, покрывавшую кожу. Потом медленно и осторожно он повел нитку вниз по руке Эме, снимая густую массу, а вместе с ней и волоски, покрывавшие ее руки. Евнухи и сама Эме с интересом и любопытством следили за движениями Кызлар-аги. Мягкие волоски исчезли, кожа стала абсолютно чистой.

Обработав руки Эме, Кызлар-ага заставил ее снова лечь и занялся ногами. Потом она встала на колени, и ей очистили спину, потом она снова легла, и ей еще раз обработали подмышки.

— Теперь предстоит самая трудная часть дела, госпожа. Советую лежать спокойно, — улыбаясь, сказал Кызлар-ага.

Эме закрыла глаза. Она не могла спокойно смотреть на евнухов — таких близких, таких горячих, но не испытывающих ни капли физического влечения. Той же массой покрыли ее груди, хотя ей казалось, что на ней и волосинки не осталось, живот до паха и между ног. Испугавшись, что они поранят ее там, внизу, Эме почувствовала приступ отчаяния. Она невольно вздрогнула и получила предостерегающий шлепок по бедру.

— Я начинаю, госпожа.

Сначала Эме пыталась задерживать дыхание, но потом стала медленно и редко дышать. Она почувствовала движение нитки, скользившей меж ее грудей; помощники евнуха осторожно держали ее за соски, раздвигая холмики грудей, чтобы нить Кызлар-аги уверенно прошла меж ними.

Груди ее отпустили, и нитка прошла по животу. Эме напрягла мышцы, почувствовав, что она движется по лону. Еще раз Эме ощутила прикосновение пальцев на внутренней стороне бедер... Ей раздвинули ноги так широко, что она испугалась, как бы ее не разорвали на части. Эме приготовилась кричать от ожидаемой боли, но боли не было. Она ощутила легкое поглаживание и, подняв глаза на Кызлар-агу, увидела, что он улыбается.

— Ты послушная госпожа, — похвалил он. — Теперь настало время принять ванну.

Эме соскользнула на пол. Евнухи уже спустились вниз, где помещались огромные баки. В руках они держали серебряные чаши.

Сначала Эме поставили на колени, и Кызлар-ага тщательно вымыл ей голову ароматным мылом. Затем волосы ополоснули и перевязали лентой. Эме поставили на деревянный настил и несколько раз окатили горячей водой. Она заметила, что вода была мыльной.

— Пусть госпожа ляжет.

Эме повиновалась и вытянулась на мокрых досках настила. Евнухи растирали ее тело от шеи до пяток. Она чувствовала, как тепло, ощущение чистоты и лег-

кости переполняют ее. Эме почувствовала, что теперь не боится евнухов и не стесняется мужских рук, касающихся ее. Казалось, ничего страшного не может с ней произойти по сравнению с тем, что уже произошло. Неведомое прежде возбуждение оставалось в ней и даже нарастало.

Процедура купания была завершена, ее заставили встать и семь раз окатили холодной водой.

— Начнем, госпожа. — Кызлар-ага укутал ее в махровую простыню и распустил ленту, перевязывавшую волосы. Он проводил ее на верхний уровень и усадил на диван. Она удивилась, почувствовав невероятную усталость и совершенно не представляя, сколько времени провела в банных покоях.

Наверное, несколько часов. Она опомнилась, когда звуки гонга эхом прокатились по дворцу и евнухи расположились для полуденной молитвы, точно зная направление в сторону Мекки даже в этой глухой комнате.

Эме закрыла глаза и прислонилась к стене. Ей хотелось только одного — спать.

Но процедура ее туалета была еще далеко не завершена. Она сидела на диване, чувствуя, как медленно высыхает тело; евнухи закончили молитву и продолжили суету вокруг нее. Они занялись ее руками и ногами, сначала придав форму ногтям, а потом накрасив их хной. С большой осторожностью Эме обвели глаза и накрасили ресницы.

Сам Кызлар-ага, мягко отделяя прядь от пряди, высушил ей волосы.

— В большинстве случаев, — объяснил он, — мы и волосы красим хной. Но твою красоту это только испортит. Падишах сделал особое замечание на этот счет. — Эме подумала, что он хочет сделать ей комплимент.

Процедура с ногтями была почти завершена, и евнух предложил ей чашечку кофе, такого крепкого, что она чуть не задохнулась. Затем последовал освежающий шербет, и она ощутила внутри прохладу падающего водопада. Она ничего не ела с раннего утра и

поняла, что уже совсем стемнело, взглянув вверх на люки.

Джованна, верно, лишилась рассудка, а ее слуги обыскали весь город. Но осмелится ли кто-нибудь из них отдать себе отчет, что произошло на самом деле?

Эме выпила еще кофе, пока Кызлар-ага занимался ее волосами. Он расчесывал и собирал их, приглаживая пальцами и стараясь исправить последний намек на завитки; ему хотелось, чтобы они лежали прямыми прядями на плечах. Потом она обнаружила, что один из евнухов стоит перед ней, держа поднос с отвратительной массой: волосы, удаленные с ее тела, вперемешку с зельем из сахара и лимона и обрезками ногтей...

— Этот человек хочет, чтобы ты подтвердила, что все на месте, — объяснил Кызлар-ага. — И сообщила о своем желании избавиться от этого.

— Я должна сделать это? — Кызлар-ага казался Эме почти старым другом. Никогда еще она не была столь продолжительное время обнаженной в присутствии кого-либо, даже мужа.

— Конечно, моя госпожа. Если что-либо будет оставлено и спрятано кем-либо, ты можешь быть уверена, что один из твоих врагов сохранит это и использует, чтобы натравить дьявола и сглазить тебя. Вызвать болезнь или порчу, например...

Да, наверное, и у нее есть враги! Эме и не подумала об этом.

— Что же делать?

— Это должно быть сожжено, здесь и сейчас же.

— Хорошо, — согласилась Эме. — Ты сам прикажешь ему?

Кызлар-ага отдал распоряжения на турецком, и содержимое подноса было брошено в едва тлеющий огонь, заставив его вновь разгореться. В воздухе распространился странный запах.

Кызлар-ага снял покрывало, уложил Эме на диван. Четверо мужчин начали массировать ее, натирая мазью с приятным и невозможно сладким ароматом, похожим на аромат, исходивший от ее волос.

Этот запах вызвал в ней прилив смутных эротических мечтаний.

— Теперь, госпожа, — сказал Кызлар-ага, — твой туалет завершен. Одевайся.

Евнух поджидал с подносом, на котором лежали шелковые шаровары, короткая безрукавка, украшенная драгоценностями шапочка и войлочные тапочки. Безрукавка по краям и на плечах была расшита малиновыми с золотом кружевами. Было странно ощущать одежду на теле без нижнего белья, кроме того, безрукавка не сходилась на груди, и при каждом движении ее грудь обнажалась.

Эме удивилась, когда Кызлар-ага вручил ей белый чистый яшмак. Он ударил в ладоши, и один из евнухов поставил перед Эме большое зеркало.

Она удивленно рассматривала себя. Горячая вода сделала ее кожу розоватой, она казалась светящейся после растирания. Просторные малиновые шаровары обрисовывали стройность ее ног, которые она никогда прежде не обнажала. Соски ее груди выглядывали из-под безрукавки, ей нравилось, как поднялась грудь.

Картину довершали наполовину прикрытое лицо и златокудрые волосы, выбивающиеся из-под шапочки.

— Итак, госпожа, вы удовлетворены?

— Я поражена, — откликнулась Эме. — И как часто женщина должна проходить такую процедуру?

— Это зависит от того, насколько ты понравишься падишаху, госпожа. Это может быть раз в год или раз в неделю. Но если ты станешь любимой наложницей, то каждый день будешь проводить в этих покоях, чтобы всегда быть готовой для своего хозяина. Хотя, конечно, в следующий раз процедура уже не будет такой тщательной.

«Будет ли следующий раз, — подумала Эме. — Особенно, если Хоквуды выяснят, что со мной случилось», — но вслух сказала:

— Я рада слышать это. А теперь нельзя ли проводить меня в спальню? Я ужасно устала и хочу только спать.

Кызлар-ага позволил себе улыбнуться.

— Сон этой ночью не для тебя, госпожа. Идем, настало время посетить спальные покои падишаха.

Глава 11

ДЕНЬ МЩЕНИЯ

Горы, казалось, окружали их со всех сторон. Когда-то Вильям думал, что Улудаг высокий. Потом он решил, что выше Маттерхорна ничего нет, но никогда и представить не мог, что поднимется на такую высоту.

Бруса осталась в восьмидесяти милях внизу. Но двигаться по прямой было невозможно.

Маленький вооруженный отряд вот уже несколько месяцев был в пути. Сначала по возможности они двигались по берегу моря, но даже это оказалось трудным испытанием. Повернув к горам, они наткнулись на землю, о существовании которой Хоук-паша и ветераны персидской войны могли лишь догадываться.

Они перезимовали в Трапезунде, на берегу Черного моря. Здесь находилась широкая бухта, сформированная в течение столетий между двумя глубокими ущельями, отделенными от основной части Анатолийского плато Понтийскими горами. Этот порт был недавним завоеванием турок. Когда-то давно Ксенофонт Грек и десять тысяч его людей добрались до этого берега, бежав из Персии. Подход к городу, защищенному такими грозными горами, был затруднен; именно сюда Великие Комнины, потомки византийских императоров, были вытеснены франкийским разграблением 1204 года; здесь они жили и правили два столетия. Свое уединенное королевство они назвали Трапезундской империей. Во времена Хоквудов можно было увидеть руины их дворца. Стены, воздвигнутые византийцами в дни процветания, стоят и по сей день.

Мехмед Завоеватель и Хоук-паша аннексировали Трапезунд вскоре после падения Константинополя.

Бейлербей Мустафа-паша был старым другом Энтони и оказал гостям теплый прием. Они смотрели на покрытые снегом горные вершины, окружавшие их со всех сторон. По ночам температура падала ниже нуля — люди и кони сбивались вместе, сохраняя тепло.

— В Эрзруме, по-видимому, никогда не бывает жарко, — объявил всем Хоук-паша. — Все-таки шесть тысяч футов над уровнем моря.

Но как только выпал снег, Энтони повел своих людей в горы. Вильям обрадовался, увидев наконец башни крепости, и не только из-за одиноких ночей, когда он мечтал об Эме и раздумывал, как они ладят с Джованной. Он волновался за здоровье своего отца Энтони Хоквуда, которому уже сравнялось шестьдесят четыре года. Конечно, он почти всю жизнь провел в военных походах или разъездах, сначала для Завоевателя, а теперь для Баязида, но уже был слишком стар для того, чтобы лазить по горам; бывали дни, когда его лицо становилось мертвенно-бледным. Но отец не мог изменить своему решению проходить определенное количество миль в день. Кто-нибудь другой, может, и упал бы от изнеможения, но Энтони шел вперед.

И вот наконец Эрзрум. Город оказался огромным и очень старым. Известный прежде как Феодосиополь, он уже в древние времена защищал Анатолию от кочевников и от еще более жестоких всадников из областей Гиндукуша. Совсем недавно здесь жили сельджуки, которые назвали это место Арзан ар-Рум, или земля ромейцев; из этого словосочетания и образовалось его настоящее название.

Сельджуки были первыми тюркскими племенами, бросившими вызов могуществу Византийской империи — в то время византийцы считали, что у них самая сильная армия в мире. Но сельджуки одержали верх.

Некоторых сельджукских правителей похоронили в Эрзруме. Их мавзолеи возвышались над городом, но

так же, как и у османцев в Брусе, они смотрели снизу вверх на купола Великой мечети.

Вильям сразу обратил внимание на высокие мощные стены и главную крепость.

Вперед были посланы гонцы, чтобы предупредить гарнизон о прибытии нового командующего. Их встречали военным парадом. Солдат было немного: по одному отряду янычар и сипахов; ровно столько, сколько было поначалу у Джема в Брусе.

Артиллерии не было.

— Доставить пушки в эти горы практически невозможно, — пророкотал Хоук-паша.

— У персов тоже нет ни одной пушки, — заметил Валид, командир гарнизона, маленький, худой, смуглый человек, больше похожий на араба, чем на турка. Но он воевал вместе с Хоук-пашой, Энтони знал его с самой хорошей стороны.

— Здесь неспокойно? — спросил Вильям.

— Из-за набегов на границу. Они никогда не прекращаются. — Валид указал на горы, вырисовывавшиеся прямо перед ними на расстоянии всего лишь, возможно, десяти миль. — Провести армию без потерь через эти горы невозможно. Чингисхан и Тимур делали это, но у персов пока достаточно неприятностей у себя дома.

— Ты доволен? — спросил Энтони Хоквуд сына. — Теперь ты далеко от Константинополя, никто не будет вмешиваться в твои дела, ты здесь правитель почти собственного государства.

— Не забывай только, что падишах все-таки твой хозяин, — предостерег брата Джон.

— Я и не собираюсь забывать об этом, — сказал Вильям. — Я буду выполнять свои обязанности, пока мне не предложат что-то другое. Единственное, чего я хочу, так это, чтобы жена была со мной.

— Я займусь этим вопросом сразу же по возвращении, — пообещал Энтони. — Теперь мы знаем,

что все спокойно. Но для нее это будет трудный и длинный путь.

— Ей приходилось проделывать длинные путешествия, отец. Но я боюсь, что тебе будет тяжело возвращаться.

— Ерунда. Можно подумать, что я ребенок в доспехах, так ты печешься обо мне.

— Ты должен отдохнуть перед отъездом.

— Я пробуду здесь неделю, — согласился Энтони.

Через четыре дня прибыл посыльный. Хоквуды не могли сдерживать эмоции, слушая его рассказ.

— Это неправда! — воскликнул Энтони.

— Я передал вам слова госпожи Джованны, мой господин, — повторял человек. Он служил в доме Энтони.

— И так долго ты добирался сюда? — прорычал Джон.

— Это было очень трудно, мой господин, не только для меня, но и для госпожи Джованны тоже. Когда исчезла госпожа Эме, прошел слух, что она была убита разбойниками; к тому же тело ее служанки Гисламы с перерезанным горлом нашли в Босфоре. Мои господа, даже султан был обеспокоен. Он приказал хватать всех бродяг в городе и пытать их. Но никто не признался. Госпожа Джованна не знала, что делать. Она немедленно отправила к тебе гонца, мой господин.

— До тебя здесь не было гонцов, — сказал Энтони.

— Должно быть, Баязид следил за этим, — сказал Джон.

— Продолжай, — приказал слуге Вильям, чувствуя, что силы вот-вот покинут его.

— Именно этого боится госпожа Джованна. Только через несколько месяцев, мои господа, не получив ответа от вас, она поняла, что с ее посыльным что-то произошло. И в это время по Константинополю по-

полз слух о белокурой красавице, которую в гареме султана содержат отдельно от других женщин. Только тогда, мои господа, госпожа Джованна поняла всю правду. Она была почти убита горем и страхом. И однажды ночью она отправила меня к вам рассказать о своих подозрениях. Мои господа, я гнал коней днем и ночью...

— Это благородный поступок, — уверил его Энтони. — Ступай отдохни и будь уверен, что ты будешь вознагражден. Но помни, Малик, ни одно слово не должно слететь с твоих уст.

— Я понимаю, мой господин. — Малик поклонился и вышел.

— Завтра мы уезжаем. — Вильям вскочил со своего места.

— Что ты собираешься делать? — Энтони посмотрел на младшего сына.

— Ты ведь знаешь, отец, что я это просто так не оставлю.

— Я надеюсь на твой здравый смысл. Было совершено страшное преступление. И преступник — султан, всесильный. За то, что он совершил, его проклянут имамы и муфтии. Если ты поступишь необдуманно, султан уничтожит тебя без колебаний. А если ты оставишь вверенный тебе пост без его разрешения, он расценит это как мятеж.

— Бог мой, отец! Значит, я должен находиться здесь, когда Эме насильно заставляют принимать чудовище? Ты просто не знаешь ее. Всю свою юность она провела в монастыре. Эме умрет от стыда.

— Мне горько за тебя. Но умереть не означает исправить положение к лучшему. Положись на меня. По возвращении в Константинополь я проконсультируюсь с великим муфтием и вместе с ним мы решим, что делать. Даже султан не может нарушать законы и считать себя безнаказанным. По крайней мере, султана заставят отпустить Эме. Я сообщу тебе об этом. Джон, мы отправляемся завтра на рассвете...

Вильям считал этот совет разумным: отец всегда давал здравые советы.

Если он появится в Константинополе без разрешения султана, его объявят вне закона и начнут преследовать до края земли (как он сам преследовал принца Джема), чтобы уничтожить.

Баязид нарушил «аный». Он поплатится за это. Но пока это не произошло, султан будет делать с Эме все, что пожелает. Эта мысль причиняла Вильяму почти физическую боль.

Но такова была его участь, и он ничего не мог делать, кроме как ждать следующего предписания.

Вильям продолжал заниматься своим делом. Более того, он старался расположить к себе население этого города и гарнизон. Солдаты и Валид чтили имя Хоука: поле битвы Отлук-Бели лежало всего в нескольких милях к юго-западу. Они были довольны назначением младшего Хоука, хотя, конечно, им казалось, что их командир слишком молод и ему не хватает опыта. Вильям хотел, чтобы люди уважали не только это славное имя, но и его самого.

Когда солнце растопило снега и возникла необходимость послать патруль к персидской границе, Вильям повел его сам. Он совершал и набеги по ту сторону границы, приносил добычу и рабов, и янычары были этим очень довольны. Показав себя таким дерзким, Вильям завоевал их восторженное одобрение. Вскоре имя его знали уже в Персии. Он водил походы и на север через горы в Армению, Грузию и Черкесию. В последний из таких набегов перед его шатром появился Валид, держа за волосы одну из захваченных женщин. Одежда с нее была сорвана, а руки связаны сзади.

— Солдату плохо жить без женщины, мой господин, — выпалил Валид. — Я слышал, что жена твоя была самой прекрасной женщиной в мире, что волосы ее походили на тонкую золотую пряжу. Но она мертва... Значит, теперь тебе никто больше не нужен? — Как и все в Эрзруме, Валид не представлял себе истинного положения вещей.

Это была черкешенка с белой кожей и голубыми глазами. Волосы ее, спутанные и спадавшие на спину, были золотыми. Она не была хорошенькой, но тонкость ее черт манила, и не было никаких сомнений в сладких очертаниях ее фигуры.

И внезапно Вильям отчаянно захотел женщину... чтобы выпустить всю ту горечь, что поглощала его душу.

— Ее зовут Голха, — сказал Валид. — Пусть ее руки будут связанными до тех пор, пока ты не приручишь ее.

В наполненных ненавистью глазах Голхи не было смирения.

Оружием ее стали зубы. Вильяму пришлось вставить ей кляп, чтобы не быть покусанным этими лязгающими зубами.

Вильям хорошо воспользовался ею, если не сказать грубо. У нее были груди, которые можно ласкать, ягодицы, чтобы шлепать по ним, длинные и сильные ноги, чтобы их раздвигать, и море тепла между ними.

Эта женщина пробудет с ним зиму, ведь до весны нет никаких надежд на известия из Константинополя. Снег пошел еще прежде, чем они добрались до Эрзрума, и через неделю после их возвращения город был полностью отрезан от внешнего мира. Его окружала белая мерцающая чудесная земля, грозившая смертью каждому, забредшему сюда.

Можно было или плакать о своем несчастье, или получать удовольствие и надеяться на лучшие времена.

Голха постепенно научилась говорить по-турецки, потому что быстро поняла: если такова ее судьба, то лучше смириться с ней. Она прекратила кусаться и брыкаться и полюбила Вильяма с той земной определенностью, которая разрывала ему сердце, напоминая об Эме.

К весне Голха забеременела.

Как только дороги очистились, Вильям послал гонцов в Трапезунд выяснить, нет ли вестей из Констан-

тинополя. Посланники вернулись с пустыми руками. С наступлением теплых дней Вильям и Валид начали ходить на охоту на медведя. Но мысли Вильяма вертелись вокруг одного и того же. Он по-прежнему водил людей в набеги на границу, но сердца его уже там не было. С тех пор как его отец и брат отправились в обратный путь, прошло восемнадцать месяцев. Восемнадцать месяцев — слишком долгий срок.

Вильям не мог больше ждать, что преподнесет ему судьба, но ожидание ребенка и понимание, что его поездка из Эрзрума в Константинополь — вызов, заставляли его бездействовать. Он не знал, пошли бы вместе с ним на такое опасное предприятие его собственные люди...

Но к концу лета, когда начали опадать листья и когда Вильям еще не принял решение, будет ли он ждать весны, на горизонте появились силуэты трех всадников, приближавшихся с юго-запада. Вильям и Валид стояли на сторожевой башне, пытаясь понять, кто эти люди.

— Именем Аллаха, — проговорил Валид, прищурив глаза, — не Малик ли это?

— С ним женщины, — сказал Вильям и приказал открыть ворота.

Сам он поспешил им навстречу. Джованна почти выпала из седла ему на руки. Ее служанка везла маленького сына Джона, Гарри Хоквуда.

Лицо Джованны было обожжено солнцем и высушено ветром. Прежде чем начать разговор с Вильямом, она долго и тщательно мылась. Одежда ее превратилась в лохмотья, и к обеду она переоделась в другое платье. Это платье было черным.

Вильям уже сразу понял: Джованна принесла плохие вести. Иначе она не рискнула бы добираться сюда через горы.

Понимая ее состояние, Вильям ждал, когда Джованна начнет свой рассказ. Очевидно, она собиралась сообщить то, чего он больше всего боялся. Теперь это

свершилось, нужно было узнать подробности и наметить планы.

Джованна отхлебнула теплого козьего молока и вздрогнула. Вильям отослал слуг — они остались вдвоем.

— Расскажи мне, — сказал он наконец.

— Твоей семьи больше нет. Мой муж мертв. Твоей семьи больше нет. — Она снова вздрогнула.

— Расскажи мне, — попросил он.

— Я не знаю что.

— Давай с самого начала. Мои отец и брат уехали отсюда прошлой весной. Расскажи, что произошло в Константинополе.

— Они вернулись к концу лета. Твой отец был совершенно болен. В конце поездки он едва держался в седле.

— Отец выглядел больным еще тогда, когда отправлялся отсюда, — сказал Вильям, — но он бы ни за что не остался здесь.

— Он слег, мы мало чем могли ему помочь. Когда стало ясно, что больше он не поднимется, мой муж решил действовать от твоего имени. Он рассказал великому муфтию о похищении твоей жены. Муфтий возмутился и пошел к султану. Баязид отрицал все и сделал то, чего прежде не делал ни один султан: он привел муфтия в гарем и позволил ему проверить всех женщин. Там не было ни одной белокурой женщины, за исключением нескольких, очевидно черкешенок.

— Значит, султан убил ее.

— Никто не знает. Но даже великий муфтий не может назвать султана лжецом. Муфтия заставили объявить, что Джон Хоквуд оклеветал султана. — Джованна опять всхлипнула. — Моего мужа казнили в этот же день во дворце. Его задушили.

— А отец?

— Палачи пришли и за ним, но я умолила везира сохранить жизнь великому человеку и верному слуге, который и так уже находился на смертном одре. Нам поставили условие, что никто из нас никогда не покинет дворец Хоука. Я была с твоим отцом, пока он

не умер. Я не решилась рассказать ему о казни Джона и сказала, что мой муж выполняет военную миссию. Рассудок Энтони уже помутился, и он поверил моим словам.

— И умер, — грустно сказал Вильям.

— Его последние слова были о тебе, — сказала Джованна. — Я тоже думала только о тебе. Пойми: я не турчанка и не имею с ними ничего общего. Меня приговорили к пожизненному заключению в собственном доме. Кроме того, я знала, что Баязид всеми силами уже давно старался избавиться от меня. Поэтому я задумала бежать, взяв с собой сына, служанку и преданного нам Малика. У меня было достаточно денег, но я знала, что султан сразу пошлет за мной, как только узнает, что я бежала. Поэтому я не рискнула ехать побережьем, а отправилась в горы. Целый год я добиралась сюда, Хоук-младший. — Она замолчала, глядя в одну точку. — Мне некуда больше идти.

Вильям сжал ее руки.

— Здесь ты в безопасности, — он криво улыбнулся, — пока я жив.

Вильям подошел к окну и посмотрел на горы.

— Ты думаешь, Эме мертва? — спросил он наконец.

— Я уверена в этом. Султан обошелся с ней по своему обыкновению и, без сомнения, бросил ее в мешке в Босфор. Разве не так поступают с нежеланными наложницами?

— Да, — сказал Вильям.

Вся красота ее и изящество утонули в Босфоре. А сначала были похищены таким образом, о котором сам Борджиа даже не помышлял. Так много потеряно. И многое надо помнить — пока он жив. Потому что он должен жить, пока не открыл свой счет.

— Я отомщу за нее, — сказал он ледяным голосом. — Так же, как за отца и брата. Вся наша семья полегла из-за этого проклятого султана и его брата.

— Можешь ли ты противостоять его силе?

Вильям вспомнил Джема и Омар-пашу и стычку в горах под Брусой.

Также на память ему пришел совет отца: головой надо пользоваться, а не терять ее.

— Пока нет. У меня нет такой армии, которая на равных сразилась бы с армией Баязида. Но я ни за что не поверю, что он приведет армию сюда, пока меня поддерживают мои люди. Я уже не один раз в жизни демонстрировал свою выдержку. Несколько месяцев и даже лет пойдут мне на пользу. Я буду ждать, и в конце концов и Баязид не вечен. Это человек, который наживает больше врагов, чем друзей, и заслуживает презрения больше, чем уважения. Наступит и ему конец.

— А твои люди поддержат тебя?

— Это моя первая задача. — Вильям мрачно улыбнулся.

На следующий день Вильям собрал своих людей и рассказал им правду о том, что случилось: султан похитил его жену, казнил брата, ускорил смерть отца.

Известие о смерти Хоук-паши ужаснуло людей больше, чем злодеяние султана.

— Должны ли мы служить этому человеку? — спросил Вильям. — Нужно ли бояться его? Если он придет в эти горы, мы разобьем его войско, и он знает об этом. Если же он не пойдет на нас, мы можем жить здесь спокойно. Я не призываю вас отречься от правящего дома Османов. Баязид не достоин носить великое имя. Разве он настоящий сын Завоевателя? Разве он водил армию в поход? Султан предпочитает находиться в гареме. Может ли такой человек называть себя истинным потомком Османа или сыном Мехмеда Завоевателя?

Я обещаю вам, что возглавлю вас и мы победим. Все богатства севера и юга будут нашими. Мы будем удерживать границу во славу османского имени до того дня, пока истинный потомок этого великого дома не станет его главой, и только тогда мы вновь

объявим о своей преданности. Только так мы можем поступить, если хотим оставаться честными людьми.

Некоторое время стояла гнетущая тишина, затем Валид сказал:

— Хоук-паша мертв, но у нас есть новый Хоук-паша, мы выбрали его сами. — И, обнажив саблю, он прокричал: — Да здравствует Хоук-паша!

— Да здравствует Хоук-паша! — откликнулись янычары и сипахи.

Джованна рыдала, наблюдая эту картину из окна дома.

Весной прибыли посланники из Константинополя. Они ехали обычным маршрутом и зимовали в Трапезунде. Вильям встречал их в дверях своего дома.

— Хозяин мой султан, — начал Абдул-паша, — шлет приветствия Хоуку-младшему, бейлербею Эрзрума и Тавра и желает знать, получил ли он печальные известия о смерти своего отца?

— Я знаю об этом, — коротко ответил Вильям.

— Хозяин мой султан скорбит и сожалеет. Он приказывает тебе оставить пост и возвращаться в Константинополь.

«Как быстро промчалось время! Когда-то точно так же передо мной стоял Генри», — подумал Вильям и тяжело вздохнул.

— Возвращайся к своему хозяину султану. Султан — убийца, прелюбодей и вор чужих жен. Передай ему, что мы будем насмерть стоять за Эрзрум и что мы ждем того дня, когда султан падет и будет ползать как змея... Передай ему эти слова Хоук-паши.

Абдул-паша в оцепенении смотрел на Вильяма, которого знал с рождения.

— Ты приговорил себя к смерти, — сказал он.

— Я приговорил себя к жизни, Адбул-паша. Ступай и передай Баязиду мои слова.

Вильям смотрел в окно, как посольство направляется в обратный путь по дороге, ведущей в горы.

— Это были слова смелого человека, — сказала Джованна, стоя позади него.

Вильям обернулся. Всю зиму Джованна шила себе новые платья. Сейчас на ней было платье европейского покроя, она начала поправляться и приходить в себя. Волосы огромным каштановым облаком падали ей на плечи. Она была не только сильной, но и красивой женщиной.

— Одни слова ничего не значат, — сказал он.

— Когда придет время, ты подкрепишь их смелыми поступками, — настаивала Джованна. — Ты самый сильный из Хоквудов.

— Я? — Вильям издал короткий смешок. — По сравнению с отцом и братом я слабак.

— Это не так. Несмотря на всю их силу, они подчинялись султану, считая его всемогущим и всесильным. Никто из них не посмел бы бросить вызов султану, как сделал ты.

— Не нужно быть очень смелым, чтобы кричать о своем несогласии, когда на другой чаше весов — смерть.

— Но ты сделал это, я горжусь тобой. Я счастлива, что ты заменишь отца моему Гарри.

Вильям посмотрел на нее. Эта женщина много страдала в своей жизни, возможно, так же много, как и его бедная Эме. Эме как будто была рождена для страданий. Он благодарил судьбу за те два месяца, что они провели вместе как муж и жена, и за ту короткую неделю, когда они самозабвенно любили друг друга.

Голха, казалось, забыла обо всем на свете, со времени рождения дочери в ней заговорил животный инстинкт материнства, не позволяющий ей тратить на мужа то время, которое она могла уделить своему ребенку.

С Джованной Вильям мог разговаривать обо всем.

— Пока тебя не было в Константинополе, туда пришло много новостей, — говорила она. — Ге-

нуэзцы под командованием испанца, некоего Колумба, пересекли великий океан и достигли Азии. Оказывается, Земля — круглая... Разве это не чудесно?

— Да, — согласился заинтригованный Вильям.

— Еще стало известно, что умер наследник английского престола. Говорят, его младший брат женится на жене принца Артура, Арагонской принцессе. Папа Римский дал согласие на этот брак.

— Этот негодяй? У него еще меньше совести и стыда, чем у Баязида.

— И тем не менее он дает согласие. — Джованна приблизилась к Вильяму. — Я не прошу тебя взять меня в жены. Я знаю, что не займу место Эме в твоем сердце и никогда не буду пытаться сделать это. Но я не могу жить впустую.

«И я больше не могу, — подумал Вильям. — Мы — это то, что осталось от семьи Хоквудов. Да еще маленький Гарри».

Будет лучше, если у него появится отец.

Вильям заключил Джованну в свои объятия.

Джованна отдалась страстно, как, впрочем, и Вильям. Они хотели многое забыть и знали, что впереди их ждут не только радостные события.

Эме мертва. Однажды Вильям решил, что потерял ее, но тогда он знал, что она все еще живет, может, смеется и кого-то любит. Это тогда огорчало его.

Но теперь Эме мертва. Ее насиловали до тех пор, пока не надоела хозяину, потом спрятали в мешок и утопили. Эме больше нет в этом мире...

Но Вильям потерял способность любить.

Джованна была женщиной, рожденной для любви. Истинной неаполитанкой, горячей и переменчивой. Бывали дни, когда она ни с кем не разговаривала, бывали дни, когда она била посуду, а иногда, казалось, она может кого-нибудь убить. Но бывали дни, и их становилось все больше и больше, когда Джованна смеялась и пела, готовила экзотические блюда и часами возилась с сыном.

Это означало, что она счастлива. В такие дни Вильям тоже был счастлив.

Вильям надеялся, что Джованна забеременеет, но она все время предохранялась разными средствами, о которых не рассказывала. Вильям не мог винить ее. Их будущее казалось слишком неопределенным. У нее был Гарри, и ей было о ком заботиться.

Мальчик был радостью для всех. Вскоре Вильям стал считать его собственным сыном. Он научил Гарри ездить на лошади и пользоваться оружием, внушая ребенку ненависть к Баязиду.

После объявления о неподчинении власти султана Вильям и его гарнизон каждое лето ждали карательную экспедицию. Они не боялись этого, но просто им казалось странным, что Баязид не предпринимает попыток подавить восстание. Каждую весну Вильям посылал своих людей в Трапезунд, которые приносили ему известия о событиях в мире, но новостей о военных сборах в османских владениях среди них не было.

Казалось, Баязид утонул в своих удовольствиях и забыл о мятежниках. Казалось, что и власть султана вне опасности.

Таким образом, одно лето сменяло другое, и боль Вильяма начала утихать. Но только не гнев... И как турок, и как англичанин Вильям считал, что первым делом нужно отомстить за брата, а потом уж за Эме.

Но это требовало времени.

Вильям использовал время с толком. Операции в горах против персов и черкесов научили его умению воевать, которое ему не успел передать отец. Его люди стали жестокими и осторожными — эти качества были поутрачены со времен Мехмеда.

Год от года Вильям увеличивал размеры своего войска. Он слишком хорошо помнил действия совершенно недееспособной армии Джема. Вильям не мог пополнять отряд янычар, потому что в горах Тавра не было христиан, но он нанял и выучил горцев, которые были преданы ему и по приказу пошли бы за ним

куда угодно. У Вильяма не было достаточного количества ружей, но бесстрашные горцы со своими луками были приучены к дисциплине и представляли собой практически непобедимую боевую силу.

Гарнизон жил своей обычной жизнью: летом люди возделывали поля, зимой, забив скот, впадали в спячку. Они сами шили себе одежду и отливали пули. Новостей о действиях султана не было.

Вильям все чаще стал ездить в Трапезунд, местный бейлербей принимал его в собственном доме.

— Я вижу распад нашей империи, — мрачно сказал Мустафа-бей. — Не только ты из бейлербеев объявил о своей независимости, Хоук-паша. Даже мне теперь не поступают инструкции из Константинополя. Но дань я посылаю до сих пор, — угрюмо добавил он.

Вильям заметил для себя, что этот человек может быть ему полезен, когда настанет время.

В Трапезунде Вильям узнавал новости о мире за пределами Константинополя. Ему сообщили, что юный король Карл VIII захватил Италию вплоть до Неаполя, что Папа Александр организовал Священную лигу для изгнания захватчиков и что французам пришлось оставить Италию из-за болезни, напавшей на их армию.

Сказали еще, что Цезарь Борджиа пустился на завоевание Центральной и Северной Италии и заработал таким образом титул герцога Романьи[1].

Говорили также, что в Неаполе, во время осады его французами появилась жуткая венерическая болезнь, названная сифилисом.

«Конечно, — подумал Вильям, — это наказание Божье».

До него дошла новость, что Карл VIII, король Франции, умер молодым и что престол унаследовал Людовик XII.

Ходил слух, что Папа Александр VI созывает крестовый поход против турок и все должны были отдать часть своего состояния на покрытие расходов

---

[1] Романья — северная часть Италии (*ист.*).

по содержанию огромной армии. Но армия никогда так и не собралась...

Вильяму рассказывали о новых открытиях генуэзского моряка Кристофора Колумба.

И тогда, в 1503 году, через десять лет после того, как он покинул Константинополь, Вильям узнал, что Папа Александр VI мертв.

Через четыре года Цезарь Борджиа был вынужден бежать из Италии, его убили в перестрелке в Восточной Испании.

Как и ожидалось, преемником Александра стал кардинал Джулиано делла Ровере, названный Папой Юлием II. Всю свою жизнь он был заклятым врагом Борджиа и после покушения на его жизнь вынужден был искать защиты у императора. Теперь он вернулся, и папству, опустившемуся до уровня публичного дома, предстояли серьезные перемены. Оно не представляло более никакой угрозы для Османской империи, которая, казалось, поддерживала хорошие отношения со своими ближайшими соседями и после постоянных набегов Завоевателя наслаждалась предоставленным праздностью Баязида отдыхом.

Венеция сразу же возобновила отношения с Портой и даже предложила совместно захватить Египет, чтобы построить канал к Красному морю, тем самым укорачивая торговый путь к Индии и Востоку. Венеция была обеспокоена достижениями испанских и португальских моряков. Португальские моряки Васко да Гама и Бартоломео Диас пошли на юг вместо запада и обогнули мыс Доброй Надежды в нижней точке Африки. Португальские караки появлялись в Аравийском море, и Венеции виделся скорый конец ее господства в этом регионе.

Но Баязид остался глух к предложениям венецианского посла. Его мало заботило то, что происходило за стенами Константинополя.

Летом 1509 года в Эрзрум прибыл посланник, известивший Вильяма, что Константинополь разрушен землетрясением.

Вильям и Валид оцепенело смотрели друг на друга. Невозможно представить, что этот могущественный город разрушен.

— Что с султаном? — спросил Вильям.

— С султаном все в порядке, слава Аллаху. Дворец не пострадал.

Вильям в отчаянии щелкнул пальцами.

— Но в городе очень неспокойно, — продолжал посланник. — Говорят, янычары перевернули котелки. Они считают, что султан обязан водить их на войну, а не держать дома, чтобы быть погребенными под стенами.

— Это хорошая новость, — сказал Валид. — Кому из наследников они подчинятся? Что скажешь, Вильям?

Вильям никого из наследников хорошо не знал, он понимал, что все они жили в атмосфере распутной вольности.

— Я сомневаюсь, что янычары подчинятся кому-то из них, — ответил он.

— Значит, ты, так же, как и Мустафа-бей, предсказываешь падение империи, — сделал вывод Валид.

Вильям должен был понять, что ему надо делать: не первый раз в жизни перед ним стоял такой вопрос. Но теперь ему не с кем посоветоваться...

Ему исполнилось сорок девять лет, последние пятнадцать из них были самыми спокойными. Если бы Вильям отомстил за брата и жену, он чувствовал бы себя по-настоящему счастливым.

Гарри Хоквуд превратился в высокого сильного юношу. Он походил на Джованну не менее, чем на Джона Хоквуда: был рыжеволос и широк в плечах. Гарри вместе с Вильямом участвовал в летних военных походах. И если бы он унаследовал правление Эрзрумом и окружавшими его горами, то стал бы богатым человеком.

Остальные Хоквуды умерли так давно... И они все еще не были отомщены.

— Пусть янычары еще несколько месяцев копят раздражение, — решил Вильям, — а тем временем мы подготовимся к войне.

Тем летом он повел почти все свое войско через горы с целью дойти до Мосула по западному берегу Тигра. Происходили самые обычные стычки с местным населением, но настоящего сопротивления им, пока они шли по равнине, оказано не было. Сипахи, бывшие в авангарде, послали основному войску сообщение, что персы хотят вести переговоры.

— Что мы скажем персам? — спросил Валид. — Они наши враги.

— Не будет большого вреда, если мы выслушаем, что говорят другие люди, — ответил Вильям. — Даже если это враги...

Опасаясь попасть в ловушку, Вильям развернул свое войско. Сам он вместе с янычарами держался поближе к реке на левом фланге, на правый фланг в пустыню были отправлены горцы, в центре находился отряд сипахов. Затем он вместе с Валидом и личной охраной отправился вперед, где его ждал авангард.

Перед ним была внушительная пешая и конная сила, расположившаяся на берегу реки с развевавшимися знаменами и гремящими барабанами.

Между лагерем и сипахами Вильяма ждали всадники под белым флагом.

Валид выехал вперед переговорить с ними, а потом вернулся.

— Один человек, называющий себя шахом всей Персии, желает говорить с тобой, Хоук-паша. Его зовут Исмаил. Мы слышали об этом человеке.

Да, действительно. Одна из причин успеха отрядов Хоквуда в набегах на Персию заключалась в том, что когда-то великое Персидское царство было разрознено междоусобицами и гражданской войной. Не так давно, однако, до Вильяма дошли слухи, что один военачальник постепенно объединяет всю территорию,

принуждая к подчинению восставших правителей. Имя этого человека — Исмаил. Он объявил себя сыном шейха Хайдара и дочери того самого Узун-Хасана, войска которого Завоеватель и Энтони Хоквуд разбили тридцать лет назад.

Еще более важно, что его дед по отцу шейх Джонейда объявил себя потомком Али, четвертого халифа.

Вильям направлялся приветствовать самозваного персидского шаха. Перед ним был человек средней комплекции с выбритым подбородком, но загнутыми вверх усами, одетый в блестящую рубаху и облегающие белые штаны. На голове его был тюрбан со страусиным пером, прикрепленным брошью с сапфиром.

— Ты Хоук-паша, восставший против султана, — объявил Исмаил.

— Я Хоук-паша, защитник правого дела османцев, — ответил Вильям.

— Султан объявил тебя вне закона.

— Я правитель Тавра и всех прилежащих земель. Ты должен знать это, мой господин.

— Идем поговорим. — Исмаил улыбнулся.

Они поехали в лагерь персов и расположились на ковре в шатре шаха; им подали кофе.

— Твои воины следуют ложным принципам, — сказал Исмаил.

— Они то же самое думают о тебе, мой господин, — откликнулся Вильям. — Но они мои воины. И идут туда, куда указывает мой меч.

— А меч твой указывает на моих людей. Это бессмысленно, Хоук-паша. Твой меч должен указывать на Константинополь, на того султана, который оскорбил и предал тебя.

Вильям прикусил губу. Неужели весь мир знает об этом?

— Когда придет время, мой меч будет направлен на Константинополь.

— А разве не пришло такое время? Баязид потерял авторитет. Его янычары перевернули котелки, а его столица — в руинах. Он ведет себя как трус. Стоит ли ждать более благоприятного момента?

— Султан все еще командует могущественной армией, ему подчиняются отличные воины. Еще более важно то, что он — султан и что ему преданы люди, не заслуживающие смерти.

— Человек, который нарушил законы «аныя», не султан, — объявил Исмаил. — Если у имамов и муфтиев не хватает мужества заменить его, это должен сделать кто-то другой.

— Но это должен быть человек из династии Османов, — сказал Вильям.

— Ты прав, Хоук-паша. Ты знаешь закон. — Он хлопнул в ладоши, и внутренняя перегородка шатра поднялась.

Там стоял человек. Ему около сорока, определил Вильям, одет как простой турок, но богаче. Свисавшая верхняя губа и холодные глаза делали его похожим на знаменитых предков.

Вильям мгновенно вскочил и поклонился со словами:

— Примите мое почтение, господин мой принц Ахмед.

— Я знаю, Хоук-паша, что мой отец ужасно обошелся с тобой.

— Ты оказываешь мне великую честь, господин мой принц.

— Это я удостоен чести оказываться в компании такого великого воина, Хоук-паша.

— Это хорошо, — нетерпеливо сказал Исмаил. — Объясни Хоук-паше причину, по которой ты прибыл, господин мой принц.

Ахмед сел, скрестив ноги. Вильям расположился слева от него.

— Мой отец согрешил против тебя, Хоук-паша, — объявил принц Ахмед, — к тому же он нарушил «аный». Он также согрешил против своих сыновей. Братья мои — слабые люди, они не способны решить, что делать дальше. Я знаю, что надо делать: мой отец должен быть низложен. Я не желаю ему вреда, но он не способен править Османской империей. Янычары ждут сигнала. Кто сделает это

лучше, чем военачальник, с которым дурно обошлись и который все еще сражается под османским знаменем? Моим знаменем.

Вильям взглянул на Исмаила. Принц продолжал:

— Шах Ирана ищет справедливости и обещает нам деньги, ружья и обмундирование. Более того, он даст людей — сорок тысяч персов пойдут под нашими знаменами.

Вильям посмотрел на Исмаила.

— Я действительно пообещал все это, — сказал Исмаил.

— Ты возглавишь мою армию, Хоук-паша, — объявил Ахмед.

— Они — шииты, — сказал Валид. — Это плохо. Наши люди не примут их. Янычары не пойдут на это.

— Янычары согласятся, — сказал Вильям, — я им все объясню.

Собрав своих людей, Вильям объяснил им, что настал момент, чтобы разгромить Баязида и заменить это имя на более достойное славы дома Османов. Вильям сказал им, что лучшей возможности, чем сейчас, не будет. Вильям напомнил им, что Завоеватель в свое время заключил союз с греками и другими христианами, которые все были неверными, потому что ему это было выгодно. Ничего дурного во временном союзе с неверными быть не может, если это принесет им победу.

Янычары, казалось, все поняли и остались довольны.

Вильям отдавал себе отчет, чем рискует. Он понял, что Ахмед, как бы уничижительно ни отзывался о братьях, был сыном своего отца. Мехмед принял бы командование армией на себя, не доверяя это другому человеку; Ахмед же позаботился о своей безопасности.

Также Вильям понял, что принц что-то пообещал персам. Он не мог точно сказать, что посулил принц, но, без сомнения, дело касалось каких-то территорий, может, Эрзрумского района или всего Таврского региона.

Но это будет решено после победы — если она будет. Вильям ни с кем не заключал договора и ничем не был связан. Даже при поддержке сорока тысяч персов его армия будет малочисленнее той, которую выставит Баязид, если, конечно, решится. И конечно, если Вильям проиграет, его, несомненно, казнят. И никто не пошевелит и пальцем ради его спасения.

И все же альтернативы нет... или Вильям должен признать, что он сам чуть лучше султана.

— Итак, ты идешь на войну, — сказала Джованна.

Они так долго были вместе, что считали себя мужем и женой. Вильям теперь не звал к себе Голху — черкешенка стала невообразимо толстой и совершенно безучастной.

— Я мечтал об этом пятнадцать лет, — напомнил Вильям.

— Хорошие были годы... — Джованна не позволила своей печали вмешиваться в амбиции мужчин. — Верни мне сына, Вильям.

Гарри Хоквуд, которому исполнилось семнадцать лет, должен был сражаться плечом к плечу с Вильямом.

Вильям приступил к делу как никогда осторожно. Под флагами не принца Ахмеда, а «настоящего султана» следующей весной он повел своих людей к побережью Черного моря.

Мустафа-паша в Трапезунде сдался без сражения.

— Я давно знал, что этот день настанет, — сказал он, — и поздравляю тебя. Мои люди пойдут под твоим знаменем.

Правда, узнав о персах, он сморщился и задергал бороду.

Теперь Вильям удерживал Тавр и порт на Черном море, командуя смешанным флотом. Корабли он отправил в Каффу и Керчь на границу с Крымским ханством. Крым платил дань с 1475 года, и теперь он платил ее «настоящему султану». Крымским пшеном Вильям кормил армию, увеличившуюся с присоединением трапезундского гарнизона.

Следующей весной через горы он дошел до Сиваса. Столица одноименной провинции, этот город, хотя и находился на высоте четырех тысяч футов над уровнем моря, лежал в широкой плодородной равнине реки Кызыл-Ырмак. Сто лет назад население города насчитывало сто пятьдесят тысяч человек, но город не смог оправиться после жестокого опустошения его войсками Тимура.

Здесь было множество сельджукских реликвий и среди них Великая мечеть и мавзолей над могилой султана Кей-Кавуса I, основателя города.

Долина реки Кызыл-Ырмак тянулась на юг почти до Кайсери, а потом, следуя течению реки, на северо-запад. Двигаясь по этой равнине, всегда уверенная в запасе еды и воды, любая армия могла дойти до Анкары — самого сердца Анатолии. Горы оставались позади, а Бруса, побережье и Константинополь ждали впереди.

В прошлом все захватчики с востока приходили со стороны Сиваса и долины Кызыл-Ырмак.

Вильям думал, что город будет защищаться, но бейлербей Ибрагим-паша присоединился к восставшим, и еще двадцать пять тысяч человек встали под их зеленые и темно-красные знамена. Теперь Вильям командовал стотысячной армией проверенных воинов.

Принц Ахмед инспектировал армию под Сивасом.

— Когда ты собираешься выступить? — спросил он Хоук-пашу.

— Весной, господин мой принц, — ответил Вильям. — Когда прибудут пушки, обещанные шахом?

— Есть некоторые сложности, но пушки у тебя будут, Хоук-паша.

Вильям понял, что ему придется обходиться без артиллерии. Это означало, что придется сражаться с армией Баязида в поле и разбить ее там — средств для штурма крепостных стен не было.

Ахмед оставался в Сивасе всю зиму. Он привез с собой гарем и устроился со всеми удобствами.

Вильям послал за Джованной.

— Следующий год будет одним из самых важных в истории дома Османов, — сказал он ей. — Или, возможно, всего мира.

— В следующем году ты можешь умереть, — причитала Джованна. — Я тоже умру тогда, ведь у меня больше никого не останется.

— У тебя есть Гарри, — напомнил Вильям.

— Если ты умрешь, Гарри, конечно, умрет вместе с тобой.

Вильяму исполнилось пятьдесят лет, когда растаял снег и армия начала готовиться к походу на Анкару. К осени он планировал оказаться у Босфора. Вильям решил, что если не сумеет взять Константинополь, то будет действовать, как турки до появления Хоквудов, — захватит остальные части империи. Это, безусловно, выманит Баязида в поле: он не был Константином XI.

Но прежде чем был отдан приказ выступать, стало известно, что армия под знаменами султана движется им навстречу.

Вильям не мог поверить в свою удачу.

— Падишах командует лично? — спросил он гонца.

— Нет, мой господин. Армией командует принц Селим.

Вильям посмотрел на Ахмеда.

— Этого мальчишку нам не стоит бояться, — заявил Ахмед.

— В армии султана есть пушки? — спросил Вильям.

— Да, мой господин. У них двенадцать пушек, — ответил гонец.

— Две батареи, — пробормотал Ахмед, смертельно побледнев. — Что ты будешь делать, Хоукпаша? У нас нет пушек, — испуганно проговорил он.

— Твой союзник подвел тебя, господин мой принц. Но все равно мы дадим решающее сражение под Сивасом. Ты будешь командовать?

— Я? — Ахмед выглядел испуганным. — Нет, нет, я должен вернуться в Мосул и проинформировать шаха о развитии событий. Ему будет интересно. Пошли мне известие о своей победе, чтобы я мог вернуться.

«Но не о моем поражении, — подумал Вильям. — Тогда ты останешься в Персии, чтобы спасти свою шкуру от гнева отца».

— Почему мы должны сражаться за этого ублюдка? — прорычал Вильям.

— Потому что он сын султана.

— А другой на подходе.

Но другой готов сражаться лично.

Вильям выслал в авангард сипахов выяснить местонахождение султанской армии, своих людей он вывел из города и разместил их на открытом пространстве в несколько миль шириной. Он не собирался просто противостоять армии султана, он должен был разбить ее, несмотря на пушки.

Жители Сиваса видели хмурые лица военных. Они понимали, что, если мятежники будут разбиты, город вновь будет предан разграблению.

Вильям объехал войсковые подразделения, убеждая своих людей в том, что они должны выиграть эту битву, в противном случае их семьи будут уничтожены. Он обещал всем большое вознаграждение по прибытии в Константинополь.

Он не говорил по-персидски, поэтому толмач переводил его слова.

Затем Вильям вернулся в свой шатер.

Он отослал Джованну в Эрзрум. Ничего другого для нее он сделать не мог. Так же, как и все остальные, она или будет жить, или умрет в зависимости от исхода сражения.

Вильяма охватила тоска. В молодости он полагался на поддержку и совет двух сильных братьев и великого отца. Теперь никого не осталось, не осталось их талантов и знаний. Ему было пятьдесят, и он являлся последним Хоквудом, за исключением мальчика, ждущего около шатра.

Он достиг большого успеха в партизанской войне, но никогда не командовал армией в битве против противника, равного по силам или даже превосходящего.

И вдруг Вильям вспомнил, что Селим на десять лет моложе его и что он тоже не водил армию на поля сражений.

В проеме шатра появился Гарри Хоквуд.

— Армия султана приближается, дядя, — сказал он.

Рассветало.

— Барабанам бить, трубам играть, — приказал Вильям. Слуги помогли ему натянуть кирасу и обернуть тюрбан вокруг шлема. Он взял меч и пристегнул саблю.

Когда Вильям вышел из шатра, конь уже ждал его; колчан висел слева, лук справа. Хоквуд оседлал коня и отправился смотреть, как разворачиваются его войска: справа Ибрагим-паша командовал людьми из Сиваса и Трапезунда, Мустафа-паша занял позицию на прибрежной дороге, персы расположились слева. Янычары и горцы находились в центре. Эти отряды Вильям поведет сам. Сипахи находились правее воинов Сиваса, они скрывались в лесу. Победа зависела от них — в самом начале битвы сипахи должны были уничтожить пушки. Натиск султанской армии будет сдерживать пехота, а атаку с флангов начнет кавалерия.

Бросать кавалерию на нетронутые войска шло вразрез с правилами ведения войны. Но она будет

атаковать с флангов, а пушки будут направлены прямо вперед; их не сумеют так быстро повернуть, попытка сделать это несомненно разорвет султанское войско.

— Помни, — сказал он Валиду, командовавшему всадниками. — Ты должен выполнить свою задачу. Долгую бомбардировку мы не вынесем.

— Я сделаю это, — пообещал Валид.

Закончив расстановку войск, Вильям появился перед своими людьми. Вместе с ним были Гарри и горнист. Они посмотрели на дорогу, повторяющую изгиб реки. Оттуда, примерно с расстояния в три мили, доносился топот марширующих ног, цокот копыт и грохот артиллерийских повозок. Однажды Вильям слышал такие звуки...

Вильям взглянул на Гарри, и тот улыбнулся в ответ. Мальчик не ведал страха.

В их поле зрения появились сипахи. За ними шли башибузуки, их позиции приходились прямо против центра армии Вильяма. Анатолийцы разделились на левую и правую стороны, сформировав два крыла. Несколько тысяч янычар, заметных по белым перьям, в шлемах, завершали шествие. Вильям не видел, что делают янычары, но знал, что прилаживают приклады к аркебузам.

Вильям также не видел пушки, но точно знал, что они находятся между янычарами и башибузуками.

Позади янычар шел основной отряд сипахов, а потом ехали грузовые повозки.

Вильям установил, что в армии султана не менее сто двадцати тысяч человек.

Султанская армия медленно заняла позиции. И сразу забегали курьеры, доставляя приказы, инструкции, предписания. Наступала темнота. До утра сражение не начнется...

Вильям нахмурился. Группа всадников прокладывала себе путь среди рядов наемников, приветствовавших их криками «ура» и звоном оружия. Они двигались под зеленым османским флагом, развевавшимся на ветру, и личными знаменами.

Вильям прищурил глаза, всматриваясь в даль и пытаясь распознать некоторых воинов, но расстояние было слишком велико.

Всадники доехали до передних рядов башибузуков, которые издали приветственный клич. Восставшие откликнулись громким криком, после чего обе армии затихли, если не считать цокота копыт и шарканья ног. Двое всадников отделились от башибузуков и направились в чистое поле между двумя армиями. У одного из них был белый флаг.

Человек с флагом помчался вперед. Подъехав к Вильяму на двадцать ярдов, он спросил:

— Тот ли ты, кто зовет себя Хоук-пашой?

Перед Вильямом был мальчик даже помоложе Гарри. Лицо его было длинным и узким, без бороды и усов, губы — твердыми, лоб — высоким. Его лицо не выражало жестокость Мехмеда или его наследников, но в нем присутствовала смелость его великого деда.

— Да, это я, — ответил Вильям.

— Мой отец, принц Селим, хочет говорить с тобой.

Вильям понял, что перед ним единственный сын Селима — Сулейман. Он посмотрел мимо принца на одинокого всадника, который совершенно неподвижно сидел в седле.

— А вдруг это западня, дядя? — забеспокоился Гарри.

— Я поговорю с ним, — решительно сказал Вильям и направил коня вперед.

Сулейман ехал впереди него до тех пор, пока они не достигли Селима.

— Возвращайся к армии, — сказал Селим сыну.

Сулейман не спеша направился к башибузукам.

Вильям взглянул на принца Селима и внезапно ощутил ту тревогу, которую ему уже приходилось испытывать.

Действительно ли он сын Баязида? Вильям не помнил Завоевателя, но этот стройный всадник в кирасе с вплетенной золотой нитью оживил в его памяти все

рассказы о Мехмеде. Узкие губы, немного опущенный нос и усы — все это напоминало его деда. Без сомнения, его братья и отец той же породы. Но ни один из них не имел такого спокойного и твердого взгляда.

Вильям сразу понял, что перед ним истинный османец — единственный из живущих, за исключением, возможно, мальчика, который подъезжал теперь к султанской армии.

Селим изучал Вильяма с не меньшим интересом.

— Последний раз я видел тебя семнадцать лет назад, — сказал он. — Тебя принимал мой отец сразу после твоего возвращения из Италии.

— Я помню, господин мой принц.

— Это было до того, как с тобой так жестоко обошлись, Хоук-паша, — произнес Селим, изучая его.

Вильям нахмурился, не зная, что и думать: враги так не говорят.

— Твои люди хорошо расположены, господин мой принц. — Вильям бросил взгляд на султанскую армию.

— Меня хорошо учили, Хоук-паша. Я сражался с твоим отцом.

— Тебе повезло, мой господин.

— Действительно. Я хочу, чтобы и тебе повезло, Хоук-паша. Ты поднял оружие против моего отца. Я могу объяснить это тем, что с тобой жестоко обошлись. Но ты воюешь за моего брата, труса и дурака. Неужели ты не понимаешь этого?

Вильям промолчал, что само по себе было ответом.

Селим указал на левый фланг восставшей армии:

— Ты также заключил союз с персами. Я уверен, ты знаешь, что они наши заклятые враги, которые для своей выгоды хотят нашего разлада. Разве тебе не ведомо, что они еретики, а это отвратительно в глазах Аллаха.

— Мы должны искать союзников, где только возможно, господин мой принц. В этих горах нет других людей, чтобы поднять армию против тебя.

— Почему против меня, Хоук-паша? Разве ты не понимаешь, что в твоей армии и моей достаточно подходящих людей, чтобы противостоять всему миру?

Вильям взглянул на него.

— Я прощу тебя, если ты встанешь под мои знамена, — сказал Селим. — Более того, ты будешь командовать моей армией. У тебя громкое имя, Хоук-паша. Не позорь его и не втаптывай в грязь.

— Господин мой, я поклялся Ахмеду.

— Не совсем так, Хоук-паша. Мне сказали, ты поклялся истинному делу османцев. Разве не так?

Вильям посмотрел на него.

— Дело моего брата — неправедное дело, Хоук-паша, и ты это знаешь. Мой брат — человек порочный. Как только ты победишь — если удача улыбнется тебе, — он снесет тебе голову, потому что ты будешь слишком силен.

— Мой господин...

— А разве я не поступил бы точно так же? Но я не боюсь тебя, Хоук-паша, потому что я — воин. Более того, я знаю, что могу доверять тебе, потому что имя твое — Хоук. — Селим мрачно улыбнулся. — Я возвышу тебя так же, как мой дед когда-то возвысил твоего отца. Клянусь памятью Мехмеда...

Это клятва, которую он, конечно, сдержит. Селим был человеком, за которым должен пойти каждый, кто решил посвятить свою жизнь служению делу османцев. Он был единственным, за которым следовало идти.

— Мой господин принц, я вне закона по прихоти твоего отца. Я не могу принять от него прощения, так как не совершил ничего, за что можно было бы просить прощения.

— Хоук-паша, Баязид стоит во главе дивана слишком долго, правление его бесплодно. Объединим наши силы! Никто не сможет противостоять нам!

Вильям пристально смотрел на Селима. «Имеет ли Баязид представление о том, как презирают его собственные сыновья?» — раздумывал он.

Селим почувствовал сомнения Вильяма.

— Когда мы свергнем отца, — продолжал он, — его поместят в специальный дворец. С ним будут все его жены и любимые наложницы. Все, за исключением одной. Она попала в гарем незаконно, и с тех пор ее насильно удерживали там.

Вильям вскинул голову.

— Моя жена мертва?

— Нет. Она в гареме моего отца, Хоук-паша. Это правда. Отец говорил о ней. Я не знаю, какие чувства к жене ты испытываешь после стольких лет разлуки. Возможно, лишь желание задушить ее; это тебе решать. Но я обещаю вернуть тебе жену.

Вильям не мог поверить своим ушам: Эме еще жива! Какая же она теперь, после восемнадцати лет, проведенных в заточении в гареме Баязида. Осталось ли в ней что-то от той девушки, которую он когда-то любил? Это было невозможно представить. Вероятно, все будет так, как сказал Селим: ему останется только затянуть струну на ее прекрасной шее и бросить в Босфор.

Но Вильям знал, что как бы ему ни было больно, он должен ее увидеть.

— Если мы объединимся, господин мой принц, что я должен буду сказать своим союзникам?

Селим усмехнулся.

— Хороший шиит — это мертвый шиит.

— Но они мои союзники, — запротестовал Вильям.

— Они шииты. Разве ты просил их о помощи, Хоук-паша?

— Нет, мой господин.

— Они были навязаны тебе моим братом и его союзником, презренным шахом персидским. У тебя нет никаких обязательств перед ними.

— Их сорок тысяч человек...

— Сорок тысяч шиитов, Хоук-паша.

— Но идущих под моими знаменами.

Селим скрипнул зубами.

— Ты человек чести, Хоук-паша, я это знаю. Отошли своих персидских союзников домой. Вели им передать шаху, что они маленькие люди и что, если

он не отошлет моего брата Ахмеда ко мне, я сам приду за ним и уничтожу его и его дохлых людишек.

— Господин мой, но это будет означать войну с шахом.

— Да, война! Это то, чего я хочу, Хоук-паша. Война — естественное состояние для мужчины. Я желаю войны со всем миром. Если ты пойдешь со мной рука об руку, это должно стать и твоим желанием!

Вильям помнил о том, что сказал Джованне: этот год будет самым замечательным в истории османцев. Он оказался прав, сам еще не осознавая этого до конца.

Мехмед Завоеватель возродился!

Кызлар-ага открыл дверь и низко поклонился.

— Моя дорогая, падишах идет.

Эме полулежала на диване, играя с собачкой. От неожиданности она мгновенно выпрямилась и уставилась на евнуха.

— Идет сюда?

Никогда еще султан не посещал личных покоев наложниц.

— Он очень расстроен, — предупредил евнух.

Евнуха звали Али, он был другом Эме. Она знала его очень давно: целых восемнадцать лет. Он держал поднос с обрезками ее ногтей и волос в тот незабываемый день, когда она впервые вошла в этот дворец. Он тогда был подчиненным, но семь лет назад после смерти своего предшественника занял место Кызлар-аги. Она думала, что на всей земле нет никого, кого бы она знала настолько хорошо и кто также хорошо знал бы ее.

Теперь он пришел приготовить ее... Но к чему?

Эме не могла представить, что в ее жизни возможны еще какие-либо изменения после восемнадцати лет, проведенных в гареме, но понимала, что

жизнь ее всецело зависит от прихоти хозяина. Без сомнения, жизнь каждого человека в империи зависела от его прихоти, но наложницы в гареме более других ощущали взрывы его изменчивого темперамента.

Эме прекрасно помнила, как несколько лет назад из гарема исчезли несколько женщин. Никто не знал, куда они делись, и было нелепо предположить, что их просто выслали из султанского дворца. Как говорили в гареме: выход отсюда только один — смерть! До сих пор ни один султан не осмелился открыто уничтожить хоть одну наложницу.

Но вскоре после исчезновения этих женщин Константинополь наполнился слухами, принесенными в гарем евнухами. Говорили, что рыбацкая лодка, ударившись о скалу, пошла ко дну у мыса, где находится дворец, и что, когда хозяин лодки с сыновьями нырнули, чтобы посмотреть, что еще можно спасти, они натолкнулись на утопленниц, связанных друг с другом.

Эти наложницы были нежеланными. Такая судьба не угрожала одалискам, тем более самой любимой одалиске.

Эме и теперь отчетливо помнила, что произошло с ней в тот день, когда ее впервые привели в спальные покои султана.

Кызлар-ага остался раздеть хозяина. Несмотря на всю оглушенность происходившим, Эме почувствовала отвращение при виде складок жира. Чувство страха поднималось в ней и достигло предела, когда Кызлар-ага был отпущен. Странно, но она находила какую-то поддержку в присутствии евнуха, который, вероятно, видел в ней только беззащитную плоть.

Затем Баязид раздел ее и принялся ощупывать и изучать ее тело... и наконец овладел ею. Это было ее судьбой, и она должна была принять ее.

Он был доволен!

— Ты исключительно хороша, — сказал он, справившись с учащенным дыханием. — С этого дня тебя будут звать «моя дорогая».

Когда он овладел ею сзади, колени ее подогнулись, она лежала под ним, боясь задохнуться. Она хотела всего лишь выжить.

Понимание происходящего пришло для Эме — любимой наложницы — несколько позже. Ее приводили к султану каждую ночь в течение двух недель. В это время она жила отдельно от других женщин, рядом с ней были только евнухи и служанки. Они рассказали ей, будто прошел слух, что султан болен, потому что не требует другой женщины для своих утех. Слуги рассказали ей, что такой чести не удостаивалась ни одна из женщин во все века.

Эме так не думала. Настоящий ужас ее положения только лишь приоткрывался ей. Наконец она осознала тот факт, что остаток жизни ей придется провести в этих четырех стенах... Она не могла преодолеть отчаяние, звала Вильяма, ее приходилось связывать, чтобы она не наложила на себя руки.

Хотела ли она на самом деле, чтобы Вильям вернулся к ней? Ведь это верная смерть для него, а может быть, и для нее? Но не думать о нем, не молить о том, чтобы он вырвал ее из гарема, было бы предательством ее любви. Она хранила свою любовь, не думая о том, как сложится ее дальнейшая жизнь.

Но после первого месяца, проведенного в гареме, и это стало затруднительно. Она забеременела.

Баязид был счастлив. Сыновья были уже взрослыми, его самого давно считали импотентом.

Теперь появилась новая причина не выпускать Эме из личных покоев. Матери Коркуда, Ахмеда и Селима быстро управятся с этим.

С рождением дочери память о Вильяме, казалось, несколько затуманилась. Когда Эме спрашивала о нем евнухов, ей говорили, что Вильям пропал в горах Тавра и его считают погибшим. Имя его никогда не произносилось на заседаниях дивана.

Такова была ее судьба. Если Баязид и был разочарован, что Эме родила дочь, он все-таки гордился

тем, что он настоящий мужчина. Через год она вновь стала матерью. Вновь родилась девочка, и это успокоило ее. Отпадал риск борьбы за будущее султанство, и не было угрозы жизни ее ребенку.

К этому времени отпала нужда в ее заточении. Она продолжала жить в личных покоях, но ей дали свободу гарема. Это ее радовало. Теперь она находилась в окружении других женщин и завоевала особую дружбу и покровительство султан-валиде Гульбехар — любимой жены Мехмеда Завоевателя. Гульбехар было всего четырнадцать, когда она родила Баязида, и теперь, когда султану исполнилось уже шестьдесят, ей было только семьдесят четыре. Это была замечательная женщина, и даже морщины не могли разрушить красоту, вскружившую когда-то голову Мехмеду.

Жизнь Эме стала такой спокойной, какой не была даже в юности. Баязид состарился, стал раздражителен и постоянно надоедал ворчанием. Ему не удавалось сделать ее беременной, и он начал искать разнообразия. Теперь он обладал ею не более десяти раз в год, но даже эти редкие встречи были более регулярными, чем отношения с какой-либо другой наложницей.

Эме знала, что Баязид — развратник, пьяница, трус и вдобавок ко всему он был таким жалким и насмерть перепуганным в тот день два года назад, когда от землетрясения стены дворца дали трещины. Он был убийцей и подлым человеком, и все же просто потому, что Эме знала его так хорошо, он был для нее больше мужем, чем Вильям.

И все же Баязид не был безнадежно испорченным человеком. Высшие сановники относились к нему с презрением, ибо он мир предпочитал войне и занимался в основном пополнением дворцовой библиотеки редкими книгами и предметами искусства, собранными со всей Европы, хотя и опасался выставлять картины, изображавшие человека.

Он был щедр, завалил ее подарками, золотом и красивыми вещами, не скрывая восхищения ее девочками-подростками.

Предоставленная самой себе, Эме занималась образованием. Она нашла подруг в гареме, хотя гречанки и болгарки, анатолийки и черкешенки оставались слишком ребячливыми и простыми для нее. Она предпочитала компанию своих евнухов и особенно Али.

В гареме нельзя было обрести настоящее счастье. Но можно было найти успокоение.

И вот сегодня Баязид впервые пришел в ее личные покои и к тому же очень расстроенный. Вероятно, случилось что-то ужасное...

Султан упал на диван, потрясая всеми складками оплывшего тела.

— Меня предали, — застонал он. — Меня предали!

Эме присела рядом.

— Кто, падишах?

— Селим! Любимый из моих сыновей. Этот бес Исмаил Персидский поднял восстание в горах Тавра. Я послал против него Селима с армией. А он присоединился к мятежникам и идет с армией на Константинополь. Идет на меня! Именем Аллаха! Меня предали! Я пригрел змею на груди!

— Может, ты волнуешься раньше времени, падишах, — сказала Эме. — Ты отправил сына подавить восстание, и он сделал это. Если он добился победы без сражения, убедив восставших вспомнить о долге, можно только поблагодарить его.

— Ты ничего не знаешь, женщина! — вспылил Баязид. — Знаешь ли ты, кто стоит во главе восставших?

Эме уставилась на него, и ужасная мысль промелькнула в ее голове.

— Да, — кивнул головой Баязид, — Хоук-младший, который величает себя Хоук-пашой. — Он отбросил ее руку, встал и отошел к окну, которое выходило во двор гарема. — Хоук-паша! Кошмар, восставший из мертвых, чтобы уничтожить меня!

Эме инстинктивно прижала руку к горлу. Хоквуд идет с армией на Константинополь! Вильям! Спустя восемнадцать лет!

Баязид угрожающе поднял руку.

— Он хочет моей смерти и каким-то образом уговорил моего сына. Но вот что я скажу тебе: прежде чем он ступит во дворец, ты умрешь! Он никогда не получит тебя! Никогда!

И Баязид вышел из комнаты.

Несколько секунд Эме продолжала сидеть неподвижно. Никогда в жизни она не была так сильно напугана.

Меньше всего она боялась того, что мог сделать с ней Баязид. Он не мог угрожать ей всерьез: она же была любимой наложницей. Но мысль, что она снова увидит Вильяма, явившегося, чтобы отомстить за нее через восемнадцать лет...

Она чувствовала себя как восемнадцатилетняя девушка. Сердце ее трепетало, щеки горели. Вильям скоро будет здесь.

Она рассуждала: если спустя восемнадцать лет Вильям решил идти на Константинополь, делал ли он это из-за нее? Ведь он знает, как она жила все эти восемнадцать лет. Он все знает и несмотря на это идет.

Она должна жить, чтобы встретить его. Это ее судьба, ее предначертание. Она и выжила только потому, что верила — Вильям отомстит за нее. Бог сыграл с ней злую шутку, но теперь к ней возвращается ее настоящий господин.

Не надо бояться. Ей тридцать девять, она чуть-чуть поправилась, но не так, как большинство женщин. Она все еще самая прекрасная женщина в гареме. Волосы все еще как золотая пряжа, а кожа гладкая...

Вильям полюбит ее снова. Потому что он идет к ней.

Более чем когда-либо она полагалась на Али, ведь он ее друг. Новости были жизненно важными, и Али

так же, как и все, знал, что происходит в мире. Она заставит его рассказать все.

— Принца Селима называют Грозным, — сказал ей Али. — Он уничтожает все и вся на своем пути. Теперь он миновал Брусу и идет к Босфору.

— А местный гарнизон? Будут ли они сражаться за султана?

— Если бы он встал во главе — возможно, — отвечал Али. — Но у Баязида не хватит на это мужества.

— Это правда, что Хоук-паша идет с принцем? — настаивала Эме.

— Правда, госпожа.

— А что другие принцы?

— Они разбежались. Ахмед у персов. Коркуд — в Венеции. Теперь они — ничто, пока жив Селим.

Но Селим не может умереть, он ведет к ней Хоук-пашу. Она была в смятении, и ей казалось, что вот-вот она умрет.

Константинополь ждал.

— Принц у Босфора, госпожа, — доложил Али. — Он предложил султану сдаться.

У Эме перехватило дыхание.

Женщины гарема собрались, перешептываясь, боясь сказать что-либо лишнее: они ждали ниспровержения своего господина. Жители Константинополя находились в таком же состоянии. Казалось, ночной воздух наполнился тревожными звуками, будто многоголосый шепот сочился сквозь непроглядную ночь.

Эме пробудилась в испуге, удивленная тем, что все-таки смогла заснуть. Она села и уставилась на дверь. Дверь была открыта. Но света не было.

— Кто там? — испуганно спросила Эме.

— Это Али, госпожа.

Вместе с Али были еще два других евнуха.

— Что происходит? — спросила она.

— Армия принца Селима переходит Босфор. Завтра они войдут в город, — сказал Али. — Янычары местного гарнизона поддержали принца.

Али подошел к кровати, другие евнухи стояли позади него.

Глаза Эме привыкли к темноте, и она ужаснулась, увидев, что евнухи держат мешок, а в руках Али поблескивает струна.

Эме прижалась к стене.

— Нет, — сказала она. — Ты не можешь!

— Таков приказ хозяина, госпожа.

— Ты не посмеешь, Али! Ты не сделаешь это!

— Я должен повиноваться своему хозяину, госпожа. Идем.

Эме задыхалась.

— Мои дочери...

— Им не причинят вреда, госпожа. Хозяин не хочет, чтобы ты попала в руки Хоук-паше, поэтому он приказал...

— Али, пожалуйста...

— Лучше умереть с достоинством, госпожа, чем быть задушенной в мешке.

Али потянулся к ней, но Эме пнула его. В темноте ничего не было видно, ее удар пришелся евнуху в грудь. Он схватил ее за лодыжку, но она вывернулась и отпрыгнула в дальний угол дивана.

Он снова потянулся к ней, но его пальцы соскользнули.

Хотя двое других евнухов тоже пытались остановить ее, она все-таки сумела выбежать в коридор. Задыхаясь, Эме бежала к двери, выходящей наружу, двери, через которую никогда прежде не ходила. Она знала, что эта дверь охраняется, но внезапность ее появления застала евнухов врасплох. Они закричали, но она уже проскользнула мимо них и выскочила из гарема.

Эме знала, что находится на верхнем этаже, но она также помнила, что дворец стоит напротив внешних стен города — тех стен, где Босфор омывает дворцовый мыс. Значит, все равно ее ждет Босфор, но если ей удастся попасть в него не связанной... Память вернула ее на двадцать семь лет назад, к тому лету, когда она с матерью и сестрами купалась в Сене. Она

плавала в широкой реке, несущей свои воды гораздо быстрее Босфора. Двадцать семь лет назад — но, конечно, она и теперь сможет плавать.

Дворец освещался факелами, установленными на стенах, и Эме побежала к окнам в дальнем конце верхней галереи.

Охранники появились из арочных проходов с обеих сторон и начали кричать, но в основном друг на друга. Обнаженная женщина, бегущая по коридору, — зрелище, которое никто из охранников не видел в самых диких своих фантазиях. Ее бледная кожа и развевающиеся золотые волосы говорили им, кто она: каждый слышал о любимой наложнице, даже если ни один мужчина, за исключением султана, не видел ее за эти восемнадцать лет.

Пользуясь их смятением, Эме добежала до окна.

Али появился в дальнем конце галереи.

— Остановите ее! — завизжал он. — Схватите ее!

Когда охранники побежали вперед, Эме в панике посмотрела на них, затем в темноту за окном. Она не имела понятия, что находилось там. Внизу могли быть или ласковая вода, или острые камни.

Но это лучше, чем струна и мешок.

Когда добежавший охранник потянулся к ней, она вскочила на подоконник и бросилась вниз, в темноту.

«Когда-то я ненавидел этого человека», — думал Вильям Хоквуд, глядя на бывшего султана Баязида II.

Но можно ли было теперь ненавидеть этого сгорбленного, разбитого, жалкого человека?

Складки жира на подбородке и плечах, груди и животе затряслись от страха, когда Баязид предстал перед сыном.

— Иди с этими людьми, отец, — приказал Селим.

Баязид затрясся еще больше.

— Ты не умрешь, — сказал ему Селим. — Но мир никогда больше не увидит твоего лица. Иди с этими людьми.

Баязид, понурив плечи, направился вперед в окружении охранников. Поравнявшись с Вильямом, он взглянул на него и снова вздрогнул. Теперь он стоял в Порте и смотрел на стройные ряды янычар. Его войска, во главе которых он никогда не стоял.

Теперь они принадлежали его сыну и за него они пойдут на край земли.

«Селим Грозный! Это имя себя оправдало», — подумал Вильям. Вместе с этим именем он будет мстить.

— Мне очень жаль, Хоук-паша, — сказал новый султан, — но обстоятельства вынуждают меня нарушить данное мной слово. Твоя жена мертва. — Он указал на ожидавших евнухов. — Эти люди говорят, что она выбросилась из окна, чтобы не быть задушенной по указанию моего отца.

— Никто не может избежать своей судьбы, падишах, — сказал Вильям. — Позволишь ли ты мне вернуться в свой дом?

Селим сжал его плечо — величайший знак уважения в мусульманском мире.

— Занимай свой дом, Хоук-паша, — сказал он. — Но нас ожидают великие дела — тебя и меня.

Оставалось еще двое братьев, и их надо было уничтожить, шах, которого надо было разбить, и весь мир, которому надо было показать, что новая сила поднимается в Константинополе.

— Я готов, падишах. — Вильям поклонился.

Он переправился в Галату и вошел в дом отца; юный Гарри сопровождаал его. Слуги низко поклонились ему. Наложницы Энтони Хоквуда и жена-турчанка Джона Хоквуда удивленно смотрели на Вильяма. Они так и жили здесь на протяжении восемнадцати лет. Теперь у них был новый хозяин.

— Покойся с миром, — сказал Вильям, входя в личные покои своего отца.

Гарри задержался в дверях.

— Я немедленно пошлю за твоей матерью, — сказал Вильям. — Здесь снова будет наш дом. А теперь оставь меня.

Мальчик вышел. Вильям подошел к окну и посмотрел вниз на Золотой Рог. Наконец-то он дома, здесь он не был более тридцати лет. В девятнадцать он уехал отсюда в Брусу с принцем Джемом; дважды он возвращался сюда на несколько дней. Теперь ему вряд ли удастся остаться здесь надолго, если он понадобится султану. Но теперь это был его дом, дом, принадлежавший Хоук-паше.

Бесполезно оглядываться назад, останавливаться на том, что могло было быть. Он знал победы и знал поражения; теперь он будет служить Селиму и впереди их ждут только победы. Гарри Хоквуд будет гордиться своими славными предками.

Он знал и счастье и печаль. Теперь он был печален. Но Джованна скоро придет к нему, и, если она никогда не могла заменить ему Эме, она все-таки всегда могла его успокоить.

И тогда...

Вдруг он услышал какой-то звук, обернулся — и увидел перед собой привидение.

Инстинктивно он сделал шаг вперед.

— Я должна была снова увидеть тебя, — сказала Эме.

Они смотрели друг на друга.

— Я должна знать, — продолжала она, — могу ли я снова начать жить и смеяться. И любить...

Он молча смотрел на нее.

— Увы, — сказала она, — кажется, лучше было бы, если бы меня задушили.

Вильям Хоквуд протянул к ней руки.

Книга третья

ВЛАДЫКА ВСЕЛЕННОЙ

Одно мгновение в небытия опустошенье,
Из жизни кладезя испить — одно мгновенье,
Но блекнут звезды; караван — вперед,
К заре: за нею день не даст нам утешенья!

Омар Хайям

Глава 12

СУЛТАН

— Взгляни туда, юный Хоук! — Диниз схватил хозяина за плечо. — Надо поворачивать назад.

Гарри Хоквуд прищурился.

На севере несколько минут назад появились десять галер, как огромные пауки они тянулись к ним по водной глади.

Но не они беспокоили его. В год 1525 от Рождества Христова Черное море было почти турецким озером.

Но вдруг галеры исчезли в завесе мглы, которая, все увеличиваясь, нависала над морем. Черное море славилось внезапными штормами.

Гарри оглянулся. Берег и даже сверкающие купола Константинополя пропали из поля зрения. На этот раз он ушел в море дальше, чем обычно.

Гарри посмотрел вперед. На судне не было весел. Его специально для него сконструировали венецианцы. Оно было шире по бимсу и глубже в осадке любой галеры. Судно было быстрым и легко управляемым, в нем можно было укрыться от жары и сутолоки величайшего города мира.

Теперь ему предстояло доказать свою морскую пригодность — у Гарри уже не было времени искать укрытия в Босфоре.

Судно было без палубы, его легко могло затопить. Экипаж был наготове и с тревогой наблюдал за хозяином. Шестеро из них были слугами семьи Хоуков и, значит, самого молодого члена семьи — Гарри. Вместе они плавали уже много лет.

— Снять парус, укрепить леера и травить нос.

Люди работали споро.

— Достань все, чем можно вычерпывать воду, Диниз, — приказал Гарри.

Диниз бросился выполнять распоряжение.

Гарри взглянул на север. Галеры находились теперь от них всего в нескольких милях и приближались с каждой секундой. Он удивился, что галеры все еще держатся на плаву. Они вряд ли были лучше оснащены, чем его маленькое судно.

У него не было ни капли страха. Гарри Хоквуд никогда ничего не боялся. Когда его отца Джона Хоквуда казнил султан Баязид, Гарри был еще младенцем. Теперь он превратился в зрелого мужчину и вместе со своим дядей, Вильямом Хоквудом, встал под знамя султана Селима, самого великого воина, который низложил своего отца.

Гарри Хоквуду везло в жизни в отличие, как ему казалось, от его прославленных предков.

Гарри не был похож на них и своей любовью к морю. Вильям Хоквуд не мог понять этой страсти. Все Хоквуды были артиллеристами, людьми, прочно стоявшими на земле. Никто из Хоквудов до молодого Гарри и не думал о том, что пушки можно размещать на морских судах.

Мать Гарри, Джованна, объясняла любовь сына к морю тем, что его дед был неаполитанским моряком так же, как, впрочем, его прадед. В свое время она находилась на одном из торговых кораблей отца, когда он был захвачен турецкими корсарами. И ее как рабыню продали на рынке в Константинополе.

Но это было далекое прошлое. Попав в семью Хоквудов, Джованна обрела прежнюю уверенность в себе и часто смеялась. Джованну радовало, что ее единственный сын любит море.

Но в этот день она, глядя в окно дворца Хоуков в Галате, скорее печалилась, потому что видела, как на море начинается шторм.

Шторм уже почти достиг судна Гарри, но он был наготове. Парус, прикрепленный к судну крепкими леерами, выбросили в море через нос, он послужит им якорем и удержит их на плаву. Гарри надеялся, что благодаря этому судно не затонет и снизит скорость, а значит — их не выбросит на берег.

Экипаж лежал на дне судна, держа наготове черпаки.

Гарри обвязался веревкой и прикрепил ее к одному из шпангоутов — крепче ничего не было. Затем он обхватил обеими руками румпель и громко засмеялся, почувствовав первые капли дождя на лице. Его мускулы заиграли, каштановые с рыжиной волосы развевались по ветру. На Гарри была только набедренная повязка, и сейчас он как никогда походил на Хоуков, и люди любили его за это.

Небо было сплошь затянуто облаками. Хлынувший дождь на мгновение успокоил море, но ветер уже разрывал волны, выбивая из них мириады брызг. Черпаки пошли в ход.

Гарри всем телом навалился на румпель, подставляя лицо ветру и брызгам, и направил судно в море. Их держал только мокрый парус, но опасность быть отброшенными назад еще оставалась.

День стал черным, как ночь, море бурлило. Волны в пятнадцать футов высотой нависали над маленьким судном, в основном разбиваясь о него и падая вниз, но они заливали планшир и даже попадали в трюм. Воду вычерпывали, и мгновенно она появлялась снова.

Но все же экипаж был уверен в своих силах. Гарри Хоквуд издал еще один победный крик, как будто бросая вызов мощи стихии.

Грянул гром, и молнии полоснули в небе с обеих сторон судна. Люди выбивались из сил, вычерпывая все прибывающую воду. А шторм бушевал по-прежнему и разыгрался не на шутку.

Внезапно один из лееров, державших парус, разорвался, перетеревшись о планшир. Но оставался еще один трос, который тоже был сильно изношен.

Гарри понял, что, наверное, он слишком рано смеялся. Ветер крепчал, а волны оказались мощнее, чем он рассчитывал. Оставалось только замереть в этом положении и ждать улучшения погоды.

Когда второй трос разорвался, судно дало крен. Гарри знал, что больше оно не держится по ветру и что надо повернуть его в противоположную сторону и попытаться пойти впереди бури. Единственный риск был в том, что они могли наткнуться на скалы в двадцати милях к югу от этого места.

Повернуть судно в нужном направлении и не оказаться затопленными волнами было совсем непростым делом. Развернуть судно быстрее он не мог.

Гарри тяжело вздохнул.

— Режьте канаты! — крикнул он.

Паруса все еще крепились другими концами стершихся тросов.

Диниз пополз вперед, когда судно дало крен. Он вынул нож и одним взмахом перерезал канаты.

— Черпай! — заорал Гарри и с трудом повернул штурвал.

Почти безрезультатно. Судно перевернулось, но это произошло бы в любом случае. Люди в ужасе кричали, когда их подняло на гребень волны; там они на мгновение зависли и затем скатились вниз. Гарри, все еще обмотанного канатом, выбросило в море. Он перерезал канат и поплыл к судну. Оно перевернулось, но вокруг плавали доски, за которые можно держаться, пока волны разбивались о киль. Не было, однако, никаких признаков, что судно тонет — слишком много воздуха попало под корпус.

Бултыхаясь в воде, Гарри пытался разглядеть сквозь дождь, остался ли кто-нибудь в живых. Сначала он увидел Диниза, схватившегося за перевернутый бушприт. Остальные люди, поднимаясь и стремительно па-

дая на огромных волнах, пытались сохранить свою драгоценную жизнь.

«Дорого обошлось мне удовольствие поплавать», — подумал Гарри.

Гарри не знал, как долго они цеплялись за наполовину затонувший корпус судна. Один человек случайно разжал руку и тут же исчез под водой. Гарри подбадривал людей, он кричал им, что буря скоро утихнет. Так и оказалось: море постепенно успокаивалось, дождь перестал. В небе появились просветы.

Вода была очень холодной. Призывая на помощь все свои силы и цепляясь руками и ногами за что попало, Гарри забрался на перевернутый корпус и стал осматриваться по сторонам. И вдруг он увидел какую-то тень, не более чем в полмили от себя.

Он помогал сражавшимся за жизнь людям своей команды по одному вскарабкаться наверх. Последним был Диниз; они остались вшестером — два человека утонули.

Но это запросто могло случиться с каждым. Гарри приказал всем матросам кричать и размахивать руками. Постепенно тень начала приобретать очертания, слышался стук весел о воду. Наконец перед ними появились галеры...

Гарри смог разглядеть флаг, колышущийся над главным судном.

— Привет! — крикнул он. — Привет, Хайреддин!

Весла перестали бить по воде, галера остановилась. Лодка, спущенная с носа, быстро подгребла к перевернутому судну. Через несколько минут потерпевшие кораблекрушение уже взбирались по трапу на галеру. Гарри поспешил по продольному мостику на широкую палубу: он шел между рядами рабов, вновь приступивших к работе. Его встретил пожилой, но еще крепкий человек в богатой одежде с густой рыжей бородой, спускавшейся до середины груди.

— Благодарю тебя, Хайреддин, — сказал Гарри, пожимая этому человеку руку. — Ты только что спас мне жизнь.

— Юный Хоук, — ухмыльнувшись ответил Хайреддин, — твоя жизнь стоит спасения.

Гарри Хоквуд знал Хайреддина и его младшего брата Аруджа много лет. Они прославились как неустрашимые пираты, и турки признавали это.

Больше всего братья любили западные воды Средиземного моря — спокойные, освещенные солнцем и как будто сотворенные Богом специально для галер. Но этот район не интересовал османцев. Вообще море мало волновало их: турки были прирожденными наездниками, а не моряками. Военный флот был просто необходим для защиты их владений — это знал даже Завоеватель; флот также снабжал и переправлял армию. Турки не считали корабли самостоятельно действующей военной единицей.

Хайреддин и Арудж не были истинными османцами. Они происходили из турецкой семьи, но родились и выросли на острове Лесбос в Эгейском море. Моряками они стали с детских лет. Никто точно не знал даты их рождения. Их отец был неграмотен, никаких записей не осталось. Казалось, что Хайреддину лет шестьдесят.

Довольно долго Хайреддин был помощником своего младшего более талантливого брата. Сначала они рыбачили, потом стали хозяевами галеры, а затем эскадры галер. Из Эгейского моря братья переправили галеры на запад; Средиземное море в этом районе считалось почти испано-итальянским озером. Испания была величайшей морской державой. Открытие генуэзского моряка Кристофора Колумба дало толчок бурлившим националистическим традициям, удовлетворить которые смог захват в январе 1492 года Гранады, последнего владения мавров в Испании.

Теперь ходили легенды об огромных кораблях, бороздящих Атлантический океан, прокладывающих

путь к золотым пескам Нового Света. По возвращении в Кадис и Барселону, Севилью и Картахену они привозили такие богатства, о которых можно было только мечтать.

Но даже Арудж не рисковал ходить в Атлантику. Он ничего не знал о течениях, сильных ветрах и огромных морях, лежавших за Гибралтарским проливом, а то, что он слышал, отталкивало его даже от мысли о подобном самоубийственном приключении.

Богатства индейцев вылились на Средиземноморье при расширении Испании. В этих спокойных водах даже океанский карак мог заштилить, легкоуязвимый и неспособный атаковать с позиций, откуда орудия были беспомощны. Испанцы и их генуэзские союзники также использовали галеры, но ни одна из них не двигалась так быстро и не управлялась столь отчаянным капитаном, как Арудж.

То, что братья никогда не ходили в море под османским флагом и вряд ли считали султана своим хозяином, ничего не значило для испанцев и генуэзцев. Хватало уже того, что Арудж — турок. Больше всех на свете генуэзцы ненавидели турок. За голову Аруджа обещали вознаграждение, но он погиб. Испания вздохнула с облегчением. Но тогда брат Аруджа, Хай, впервые назвавший себя Хайреддином, взял на себя командование, и в нем испанцы нашли врага еще более умного и непримиримого, чем тот, которого они уничтожили.

Но Хайреддину было мало славы величайшего пирата. Мавританские владения на северном побережье Африки постоянно враждовали друг с другом, когда не воевали с Испанией. Хайреддин мечтал основать там королевство. Для этого ему была нужна могучая поддержка, поэтому он направился в Константинополь, склонил голову перед султаном и изложил ему свой план.

Селим слегка заинтересовался. Среди султанов он был скорее солдатом, чем моряком. Он даровал Хайреддину титул бейлербея и разрешил ему делать все

что угодно и нанимать добровольцев, если он сможет их найти.

Этого было недостаточно. Хайреддин обратился к генералу Селима Хоук-паше, но у Вильяма Хоквуда руки были еще более связаны, чем у его хозяина. Хайреддин вернулся к пиратскому промыслу и мечтал, но регулярно посещал Константинополь. Его как бейлербея принимали с почетом, он завел здесь друзей, среди которых оказался юный Хоук. Гарри Хоквуд уже знал притягательную силу моря, испытывал тоску при виде галер, отплывающих от берега. Гарри умолял дядю позволить ему стать пиратом, но Вильям Хоквуд отказал. Гарри близилось к тридцати, он был полковником-артиллеристом. Его будущее никак не могло быть связано с морем.

Гарри должен был смириться с тем, что выходы в море останутся его увлечением. И это увлечение сегодня обернулось катастрофой...

Хайреддин и Гарри пили кофе в роскошной, устланной коврами каюте. Богато расшитые занавески покачивались у кормовых окон. Дверь была закрыта, чтобы до них не доносился тяжелый запах галерных скамей, но она не могла заглушить стройный ритм барабанов, упорядочивающий работу гребцов, и удары хлыста, подгоняющего рабов грести в полную силу.

Гарри никогда не задумывался о судьбе рабов. Воспитанный как христианин, он был турком во всех отношениях. К тому же христиане, плававшие по Средиземному морю, как и турки, нанимали галеры с рабами на веслах.

Сейчас Гарри наслаждался теплом, ласкающим его окоченевшее тело, и улыбался другу.

— Что привело тебя на север Дарданелл? — спросил Гарри своего спасителя.

Хайреддин усмехнулся и почесал нос.

— Иногда даже пираты занимаются честной торговлей, юный Хоук. Я возвращался из удачного рей-

са, когда из-за шторма чуть не потерял всю свою добычу.

— Говоря о честной торговле, ты имеешь в виду, что нашел место, где еще можно грабить?

— Русских всегда стоит грабить, юный Хоук. У них нет хороших товаров, но их женщины... — Хайреддин облизнул губы, — они всегда наслаждение.

Даже для турка сексуальная сила Хайреддина считалась невероятной. Говорили, что в алжирской бухте, которая была его западной базой на Средиземноморье, он содержал гарем в несколько сотен женщин.

Гарри не очень интересовался этими слухами. Он был знатным турецким господином, и ему хватало женщин. Первую наложницу он получил в шестнадцать лет, а первую жену — в двадцать. Теперь у него было две жены, четыре наложницы и несколько детей; двое самых младших были мальчики.

Гарри любил свою семью, но его отношения с женщинами были основаны на физиологической потребности. Говорить обо всем он мог с матерью и тетей. Гарри завидовал дяде, потому что тот обладал красивыми и умными женами.

Эме Ферран уже исполнилось пятьдесят шесть лет. Среди ее золотых волос мелькала седина, а былая красота начала увядать. Судьба этой женщины была необычайной: много лет она провела в гареме Баязида. Двух ее дочерей, отданных замуж за военачальников, новый султан называл тетями. Но она всегда любила Вильяма Хоквуда и теперь на закате своих лет обрела настоящее счастье.

Благодаря женщине, с которой Джованна делила управление хозяйством Хоука и постель самого Хоук-паши, ее жизнь вряд ли была менее интригующей. Много лет она провела с Вильямом Хоквудом и любила его больше, чем своего первого мужа, отца Гарри.

Гарри Хоквуд не надеялся на подобное семейное счастье: ни одна красавица-француженка или пленница-итальянка не попадали в его поле зрения. Таким образом, он принял турецкую точку зрения, что жен-

щина нужна для удовольствий и рождения детей. У мужчин есть заботы поважнее и ими в основном надо заниматься...

С шестнадцати лет Гарри всегда был рядом с Вильямом Хоквудом. Сначала как повстанец против Баязида, потом как один из верных последователей Селима. Когда он возвращался из походов домой, у него было слишком много дел и не оставалось времени на частые посещения гарема. К тому же последние три года ему скрашивало жизнь маленькое судно. Теперь... ему придется построить новое.

— Я вижу, ты не веришь мне, юный Хоук, — сказал Хайреддин. — Не хочешь ли взглянуть на одно из богатств, привезенных мною из России?

— Пойду-ка я спать, старина. Я до сих пор дрожу от холода.

Хайреддин зашелся от смеха.

— Конечно, иди скорее в постель, там тебя и согреют. Но сначала взгляни, кто будет тебя греть. — Хайреддин позвонил в колокольчик, евнух сразу же открыл дверь.

Свежий ветер ворвался в каюту, зашуршал занавесками, как бы напоминая Гарри, что они все еще на якоре.

— Приведи двух бледных женщин, — приказал Хайреддин. — И того парня, Ивана.

Евнух поклонился и вышел.

— Бледных женщин? Черкешенок?

У его дяди была черкешенка-наложница, огромная светловолосая женщина по имени Голха. Наверняка когда-то эта Голха согревала Вильяма в постели, но теперь она превратилась в бесформенную массу, хотя и не потеряла веселого нрава.

— Нет, не черкешенки. Эти женщины с далекого Севера. Я хочу, чтобы ты взглянул на них. По-моему, они великолепны.

Дверь распахнулась, и двух женщин, завернутых в изношенные накидки, затолкнули в каюту. За ними вошел тощий человек в рваном плаще и наручниках.

— Этот парень говорит по-гречески, — объяснил Хайреддин. — Его зовут Иван.

Иван низко поклонился своему захватчику.

Гарри поймал себя на том, что не отрываясь смотрит на женщин. Сначала он увидел только глаза, сверкнувшие в его сторону.

— Иван, скажи им, пусть разденутся, — приказал Хайреддин.

Иван заговорил на каком-то непонятном языке.

— Это язык варваров, — прокомментировал Хайреддин.

Одна из женщин сказала что-то низким голосом, когда Иван спорил с ней.

— Скажи еще: если они не повинуются, я прикажу сорвать с них одежду и брошу их рабам, — сказал Хайреддин и подмигнул Гарри. — Конечно, я так не сделаю, они слишком хороши. Взгляни!

Угроза подействовала. Женщины сняли одежду и положили ее на пол.

Под накидками ничего не было, их обнаженные сильные и очень бледные тела возбуждали Гарри. Он прикинул, что им не больше пятнадцати — шестнадцати лет. Его манили округлые груди и гладкие животы... Но больше всего — волосы. Копна светло-коричневых локонов небрежно падала на плечи и ниже почти до середины спины... Лица их были удивительными: округлые щеки, широкие скулы — и все же необыкновенно привлекательными из-за прямых носиков, алых губ и горящих янтарных глаз.

— Здесь наверняка не обошлось без татарской крови, — заметил Хайреддин, — но очень разбавленной. Ну разве они не прекрасны?

— Нечего возразить, — согласился Гарри.

— Я думаю, они сестры. Как их зовут, Иван?

Русский опять поклонился.

— Мой господин, их зовут Яна и Рокселана.

Хайреддин лукаво взглянул на Гарри.

— Я вижу, ты заинтересовался. Хочешь взять одну из них?

Гарри не отрываясь смотрел на девушек, а они — на него. Без сомнения, он был самым интересным в каюте — его волосы и борода были такими же ог-

ненными, как у Хайреддина, но он был на двадцать пять лет моложе.

— Одна из них может согреть тебя, — предложил Хайреддин.

— Если сначала не выцарапает мне глаза, — сказал Гарри. — Сколько?

— Для тебя, мой друг? — Хайреддин пожал плечами. — Пятьдесят динар.

— Пятьдесят динар? Это большие деньги за какую-то девку...

— Не какую-то, юный Хоук. Это важно. Они из дома их предводителя, которого я убил собственными руками. Эти девушки лучшие из лучших, они научатся всему. По пятьдесят динар за каждую — просто даром.

Гарри по-прежнему разглядывал девушек и убеждался, что Хайреддин прав. Его испепеляли умные глаза и к тому же сердитые.

Совсем недавно они видели, как был убит их отец и, наверное, мать и братья... а теперь они должны попасть в гарем к турку. Многие, попавшие в плен в подобных неблагоприятных обстоятельствах, становились истинным украшением гаремов...

— Ты прав, — согласился Гарри, — они и вправду хороши. Хайреддин, я беру их обеих, поскольку они сестры.

— Ты ненасытен, — объявил пират, — нет, нет, только одну из них.

— Может, ты думаешь, что я не справлюсь с обеими?

— Мой дорогой Хоук, как раз наоборот. Но одна из них будет подарком Ибрагиму, я обещал ему перед отъездом из Константинополя. Он просил привезти ему русскую, чтобы провести с ней ночь. — И Хайреддин пожал плечами. — Кто я такой, чтобы перечить великому везиру? Но у тебя право выбора, потому что ты мой друг.

Ибрагим несмотря на свое имя был греком, и не все турки любили его. Он превосходно выполнял свои обязанности и отлично управлял империей сво-

его хозяина — султана Сулеймана II. И все-таки он был греком, и победители-турки не принимали человека побежденной расы управляющим. Ибрагим был другом Хоук-паши, который также был неверным.

Гарри Хоквуд внимательно изучал девушек. Совершенно очевидно, что они сестры, но их характеры, как показалось ему, сильно отличались.

Рокселана стояла абсолютно прямо, ее высокая грудь поднималась при дыхании, ее мышцы слегка подергивались от подавляемого раздражения, глаза метали искры. Ее надо будет укрощать, возможно, еще долгое время.

Яна излучала гораздо меньше агрессии. Она тоже глубоко дышала, понимая, что сейчас решается ее судьба, но выражение ее лица было скорее обеспокоенным, чем дерзким. К тому же была немного красивее.

Гарри Хоквуд предпочитал спокойную обстановку в своем доме.

— Я беру Яну, — сказал он наконец.

Через час эскадра Хайреддина была в Золотом Роге. Здесь Гарри сообщили, что ему немедленно нужно быть в доме отца в Галате. Родственники решили, что он утонул во время шторма, а именно сейчас затевается что-то важное. Так сказали Гарри.

Гарри приказал Динизу сопровождать свою «покупку» — он заплатил Хайреддину за нее — и поспешил вперед, оставив позади себя обнесенный мощными стенами город, огромный и суматошный. Здесь, на северном берегу бухты, возникали новые поселения по мере того, как росло богатство империи Османов и значимость Константинополя в мире.

Величайшим достижением правления Селима I Грозного был захват Багдада и самого халифа. Халифа Мутуваккиля пленили и привезли в Константинополь; здесь он и умер. Селим заявил тогда, что отныне сул-

тан османцев будет халифом — религиозным и военным главой всего мусульманского мира.

И не было никого, кто бы не повиновался его решению.

Из всех дворцов, украшавших берег Галаты, ни один не мог сравниться с дворцом Хоук-паши. Он был выстроен Энтони Хоквудом в дни его службы у Мехмеда Завоевателя, а украшен Вильямом Хоквудом в дни его службы у Селима Грозного.

Гарри пришпорил коня, сердце гулко стучало в тревожном предчувствии. Рабы помогли ему спешиться и разинули рты, увидя его раздетым, — Хайреддин одолжил ему слишком маленький кафтан.

В мраморном зале Гарри столкнулся с Эме. Хоквуды, конечно, следовали турецким обычаям, но все же дом Вильяма не делился на мужскую и женскую половины. Женщины свободно ходили везде, где им хотелось. Вильям не боялся, что кто-нибудь из них попытается убежать.

— Гарри! — воскликнула Эме. — Мы так волновались. Твоя мать просто обезумела.

Гарри поцеловал руку Эме.

— Внезапно налетел шторм. Я потерял судно и двух отличных моряков.

— Но, слава Богу, не себя, — сказала она, сжав его руку.

Обернувшись, Гарри увидел Джованну, спешащую с центрального двора. Двумя годами старше Эме, в свои пятьдесят восемь лет Джованна Хоквуд была не менее привлекательной женщиной; конечно, возраст давал о себе знать, и ее когда-то каштановые волосы теперь тронула седина.

— Гарри, любовь моя, твой дядя в гневе и срочно хочет видеть тебя по очень важному делу.

Гарри обнял мать:

— Я немедленно иду к нему. Я в порядке, мама. Ты не рада?

Глаза Джованны наполнились слезами.

— Что может обрадовать меня больше? Теперь ступай быстрее и моли прощения у Хоук-паши.

Гарри направился к дядиному кабинету, постучал в дверь и вошел.

Вильям Хоквуд, сидевший за столом, поднял глаза и нахмурился. Хоук-паше было шестьдесят шесть лет, он ходил в военные походы и скитался по миру почти всю свою жизнь.

— Твоя мать думала, что ты погиб, — заметил он хриплым голосом.

— К счастью, она ошиблась, дядя, — сказал Гарри, закрывая за собой дверь. По настоянию Вильяма Хоквуда, оставаясь наедине, они говорили по-английски. Вряд ли кто-нибудь в Константинополе знал этот язык, и таким образом их беседы были совершенно конфиденциальными.

— Я вижу это. Садись.

Гарри опустился в кресло перед огромным письменным столом, заваленным картами и донесениями. Он понял, что действительно затевается что-то важное.

— Это так некстати теперь, — заметил Хоук-паша, — когда многое предстоит сделать. Папа объявил против нас крестовый поход, и Людвиг Венгерский поднял армию. В донесениях говорится, что она насчитывает только двадцать тысяч вооруженных рыцарей, и один Бог знает, сколько всего солдат.

— Но война еще не объявлена?

— Это и не нужно. Что бы Людвиг ни предпринял, Папа Римский на все даст согласие. — У Вильяма были весьма веские причины ненавидеть папство при том, что Родриго Борджиа теперь был только неприятным воспоминанием. — Они готовятся к походу со смерти султана.

Как и многие военачальники, Вильям Хоквуд все еще не называл Селима султаном.

Уже не осталось никого, кто бы лично знал Мехмеда Завоевателя. Но то, что он заслуженно получил свое прозвище, знал каждый турок, выходивший на улицы Константинополя. Мехмед был гением, человеком, для которого война и завоевания были делом

всей жизни. Человеком, который мог как написать стихотворение или построить прекрасный дом, так и выпустить стрелу.

Было слишком много людей, которые помнили праздную неумеренность наследника Мехмеда — Баязида II, во время правления которого слава турецкой армии сильно померкла. В эпоху Селима авторитет армии поднялся до былых высот, но его век оказался слишком коротким. Селим низложил отца в 1512 году и через восемь лет умер. Но каких результатов он достиг за короткое время!

Сначала Селим объявил войну шаху Исмаилу, оказавшему поддержку его брату Ахмеду, а также потому, что персы были шиитами, а Селим — фанатичным суннитом. 24 августа 1514 года две армии сразились у селения Чалдыран, и войско Исмаила было разбито в одной из самых кровавых битв в истории. Через четыре дня Селим взял столицу Персии — Тебриз. Во время этой кампании он уничтожил сорок тысяч персов просто потому, что они были шиитами. Не зря его прозвали Селимом Грозным.

Гарри Хоквуд принимал участие в той битве. Султан хотел продолжать наступление дальше, следуя путем Александра Великого в Индию, но его люди, в основном турецкая легкая кавалерия, отказались следовать за ним. Тогда султан захватил район среднего Евфрата, тогда же он взял Багдад и пленил халифа.

После этих побед на армию Селима с запада напали мамлюки во главе с султаном Египта Канс аль-Гаури. Селим не сомневался, что мамлюки покажут себя самыми жестокими противниками, потому что они были предшественниками янычар (слово «мамлюк» означает «принадлежащий» или «раб»); впервые их организовал бессмертный Саладин[1], и они стали самыми неустрашимыми воинами в арабском

---

[1] Саладин (Салах ад-Дин) (1138—1193) — египетский султан с 1171 г., основатель династии Айюбидов. Возглавлял борьбу мусульман против крестоносцев.

мире. Мамлюкам даже удалось разбить войско Чингисхана. Турки по происхождению, они время от времени контролировали арабские страны, и даже халифат выбирал и низвергал халифов и султанов по их выбору.

Селим так быстро продвинулся в Сирию, что прославленная кавалерия мамлюков была захвачена врасплох у Мердж-Дабик, и битва была выиграна меньше, чем за час. Именно тогда Канс аль-Гаури погиб и его армия была уничтожена.

Затем Селим вторгся в Египет. В битве при Ридание 22 января 1517 года он разгромил армию племянника и наследника Канс аль-Гаури Туман-бея и позже казнил его. К концу того же года османцы оккупировали Мекку и перевезли халифа в Константинополь. Восстания против такого религиозного кощунства Селим усмирял беспощадно и жестоко, чем ужасал как друзей, так и врагов.

Во время всех военных походов Хоук-паша и его племянник стояли рядом с Селимом; за эти пять лет Гарри едва ли провел пять ночей в собственной постели. Тропа завоеваний, казалось, никогда не закончится. В 1520 году Селим начал готовить поход на остров Родос и его защитников, рыцарей Святого Иоанна. У него не было второго Константинополя, чтобы сделать его захват высшей целью своей жизни. Но в свое время на Родосе Мехмед Завоеватель потерпел поражение. Если бы Селим захватил Родос, он вошел бы в историю как величайший воин.

К концу лета можно было начинать. Оставалось только отдать команду к отплытию. Гарри дрожал от возбуждения — наконец-то он шел в морской поход. Впоследствии Селим мог бы предпринимать и морские экспедиции на Запад.

Но 22 сентября 1520 года Селим Грозный умер...

Мир издал вздох облегчения. Потому что в отличие от событий, последовавших за внезапной смертью Мехмеда или предшествующих низложению Баязида,

турки не бряцали оружием и не вели гражданских войн, пока новый султан не занял свое место. Селим много времени проводил вне дома, поэтому он вырастил только одного сына.

Гарри впервые встретил Сулеймана в девятнадцать лет, принц был на два года моложе. Это случилось в тот памятный день, когда Вильям Хоквуд отказался от мятежа и согласился воевать под знаменем Селима. За короткое время юноши стали близкими друзьями и вместе сражались со своими блистательными отцами.

Но со времени смерти султана Гарри и Сулейман разошлись. Это было неизбежно: гораздо проще быть другом наследнику, чем монарху. Но были и другие причины, и основная заключалась в различии их характеров. Если Гарри видел жизнь как цель сложностей, которые надо преодолевать с жестокостью силы и холодностью стали, Сулейман взирал на происходящее с философской точки зрения. Этим он обеспокоил своих военачальников, которые слишком хорошо помнили праздность и пороки Баязида.

Но вскоре они поняли, что их страхи ни на чем не основаны. Сулейман действительно оказался созерцателем, но порочным его трудно было назвать. Он скорее предпочитал обсуждать «аный» с имамами и муфтиями, чем участвовать в сражениях из-за того, что был слишком мягким человеком для жестокости военных походов. Следуя традициям, он содержал гарем, но все знали, что жил он только с одной женщиной. Ее звали так же, как и ее бабушку — Гульбехар, и она выполнила свою непосредственную обязанность, родив хозяину сына, принца Мустафу.

Кроме того, Сулейман не пытался нарушить последние планы своего отца, напротив, он кое-то привнес в них. Через год после восхождения на престол он послал небольшую армию под командованием Хоук-паши в поход на Запад. Приглашение исходило от венгерских магнатов, неудовлетворенных разложением правящей верхушки со времени смерти Хуньяди. В результате этой кампании турки за-

хватили Белград. Они появились внезапно, и плохо защищенный город пал. Белый город сербов — еще одна цитадель, отбросившая Завоевателя, так же, как и его отца Мурада. На самом деле Мехмед никогда не предпринимал длительную осаду Белграда, который находился на краю его владений. Захватив этот город, Хоук-паша заставил прогреметь имя молодого султана по всему Западу.

Тем временем Сулейман добился реализации своих целей по отношению к Родосу. Когда 28 июля 1522 года Хоук-паша и другие военачальники высадились на острове, турецкая армия насчитывала сто тысяч человек.

Это была эпохальная схватка, похожая на осаду Константинополя. Рыцарей Святого Иоанна было всего семьсот человек, их поддерживали шесть тысяч наемников и несколько артиллерийских батарей. Их командир, великий магистр Вилье де Лиль Адам, отказался сдаться и полгода сражался с мужеством и решимостью, которой восхищались даже турки. Тогда использовались все средства, известные военному делу, — от бомбардировки до минирования. Огромные дыры были пробиты в стенах, и турки бросались в атаку, но их отбивали снова и снова... Как и в случае с Константинополем, военная помощь христианского мира могла оказаться спасительной; без сомнения, объединенный флот Испании и Генуи разбил бы турецкие галеры и оставил бы армию османцев без корней, как обрезанные цветы в вазе. Но Карл I Испанский и империя были слишком заняты, воюя с Франциском I Французским.

Осенью Сулейман сам прибыл на Родос. Его чувствительная душа была потрясена столь жестокой бойней. Он приказал Хоук-паше, состарившемуся и поседевшему, обозленному от потери людей, но все же решившему довести осаду до победного конца, начать переговоры.

Переговоры быстро завершились. Рыцарям и их армии разрешили покинуть остров, захватив свое имущество и оружие — на Родосе осталось сто восемь-

десят рыцарей и тысяча пятьсот наемников. Мучимый совестью от того, что для помощи острову ничего не было сделано, Карл I даровал рыцарям в пожизненное пользование сначала порт Триполи, а затем остров Мальта.

Турки добились огромной победы, но она досталась им слишком дорого: потери исчислялись в пятнадцать тысяч человек. Хоук-паша как-то признался Гарри, что на самом деле армия потеряла почти шестьдесят тысяч человек. С тех пор, казалось, Хоук-паша никогда больше не будет воевать. Сулейман, ужаснувшись потерям, объявил конец экспансии.

Поэтому Гарри Хоквуд перестал мечтать об османском флоте, под флагами с полумесяцем бороздящем Средиземное море, и занялся своим маленьким судном.

Но теперь они были вынуждены действовать. Венгры опять бросили им перчатку так же, как часто поступали в прошлом.

Сулейман отдал приказ Хоук-паше выступать.

— Ты пойдешь на войну, — горестно вздохнула Джованна. — Я предполагала, что это в конце концов случится.

— Вспомни слова великого Селима: «...война — нормальное состояние мужчины», — возразил Гарри.

— Великий Селим умер, — напомнила она. — Я хотела бы видеть тебя живым, когда буду умирать, Гарри.

— Не волнуйся, — засмеялся он. — Если шторм, посланный Аллахом, не смог убить меня, разве это по силам простому смертному? Пошли, я хочу тебе что-то показать. Вернее, кого-то, — лукаво добавил он.

Гарри сопроводил мать в покои к Саше и Трессилии, которые не знали, как реагировать на новую прихоть их мужа.

Саше, его старшей жене, было тридцать лет. Ее когда-то обольстительное тело угрожало превратить-

ся в груду жира, но она по-прежнему любила Гарри, была заботливой женой и покладистой хозяйкой гарема.

Трессилия, двумя годами младше, была родом из Константинополя; Саша родилась в Брусе. Если Саша была чистой турчанкой, в Трессилии текла греческая кровь. Прямой нос и высокий лоб Трессилии отличали ее лицо от других.

Жены подарили Гарри по сыну. Сын Саши Туглук будет следующим Хоуком и первым из них, названным турецким именем. Сына Трессилии звали Тутуш. Мальчикам было шесть и три года, поэтому они и их матери пока еще прекрасно ладили между собой.

Давным-давно (последний раз лет десять назад) молодой Хоук никого не приводил в гарем, поэтому обе женщины не были довольны тем, что это дикое степное создание должно войти в их жизнь.

Яна сверкала на женщин глазами так, как будто остерегала их хоть пальцем дотронуться до нее. Евнухи в нерешительности стояли рядом — им не поступили указания насчет дальнейших действий.

Джованна нахмурилась:

— Где ты взял ее?

— Купил у Хайреддина.

— Эту дикарку? Сколько ты заплатил?

— Пятьдесят динар.

Джованна закатила глаза.

— Зачем нужны деньги, если их никогда не тратить? — удивился Гарри.

— Где Хайреддин нашел ее? — спросила Джованна, подходя к девушке поближе.

— В России. Но она не черкешенка. Она не говорит ни по-гречески, ни по-латыни.

— Может, Голха поймет ее?

— Она скоро будет знать наш язык. — Гарри усмехнулся. — Я научу ее английскому.

— Это так же бессмысленно, как и все остальное. — Джованна осмотрела девушку с головы до ног. — Она хорошо сложена и, должно быть, достигла зрелости.

— Хайреддин клянется, что ей не больше пятнадцати, что она девственница и дочь вождя. Ее сестра пойдет к Ибрагиму.

Джованна внимательно посмотрела Яне прямо в глаза.

— Мне не нравится ее взгляд, Гарри. Эта девка принесет тебе много несчастий.

— Мама, я давно уже не мальчик, чтобы потерять голову от женских прелестей.

— Ты, наверное, только и думаешь, чтобы переспать с ней, — заметила Джованна.

— Да, — согласился он, — да, мне не терпится. — Странно, но вдруг он понял, что никогда так не желал ни одной женщины.

— Тогда я оставлю тебя. Но помни мои слова: в ней есть что-то дьявольское. — Джованна вышла из комнаты.

Старший евнух поклонился и спросил:

— Госпожу приготовить, мой господин?

Гарри посмотрел в янтарные глаза. Яна знала, что с ней произойдет, и понимала свою беспомощность. Она быстро облизнула губы.

Гарри не отрываясь смотрел на Яну. Возможно, его внезапный пыл объяснялся тем, что эта девушка появилась неожиданно. Его жены были выбриты. Зачем пробовать что-то новое и, без сомнения, необычное, если это не совершенно новое и необычное?

— Да, Саид, — сказал Гарри. — Помойте ее, но брить не надо.

Саид удивленно поднял брови, и это было его единственной реакцией на прихоть хозяина. Саид был истинным мусульманином, а его хозяин оставался иноверцем, и, если он хочет, пусть нарушает традицию.

Саид схватил Яну за руку.

Яна бросила на него злобный взгляд и посмотрела на Гарри.

Гарри кивнул, и девушка позволила увести себя из комнаты.

— Твоя мать права, — сказала Саша, — она дьявол.

Гарри усмехнулся и погладил ее по голове.

— Ты просто ревнуешь, моя дорогая. Я думаю, что русская девушка только увеличит мою страсть. Так что ты только выиграешь...

Гарри отправился за Яной в баню. Он все еще был покрыт солью после «купания» в Черном море, присутствие Яны будоражило его.

Увидев Гарри, Яна, казалось, обрела мужество. Она как будто смирилась с тем, что принадлежит ему и никому больше. Без сомнения, у нее на родине не было ни евнухов, ни бани, поэтому она дичилась черных людей, когда вели ее и там, по степи, и здесь, по деревянным ступеням. Когда вошел Гарри, к Яне вернулось самообладание; когда Гарри снимал одежду, она не потупила глаз.

Они смотрели друг на друга, когда рабы намыливали их, они смотрели друг на друга, когда из тела растирали мочалками. Яна, казалось, смутилась, когда рабы касались интимных мест ее тела, но к ней вернулось спокойствие, когда она увидела, что то же самое проделывают и с ним. Гарри не мог не думать, как ее сестра Роксолана отреагировала бы на такое обращение.

Яна вздрогнула, когда ее окатили холодной водой.

— Как поступить с волосами госпожи, хозяин? — спросил Саид.

Ее волосы намокли и распрямились, но Гарри не хотел, чтобы их укладывали. Он хотел ее дикой, но не такой злой, как сестра.

— Не трогай их, — приказал Гарри.

Чувство, нахлынувшее на Гарри, было самым необычным: он хотел взять эту женщину, а не просто лежать на диване, зная, что она все равно придет к нему, потому что должна.

Затем их обернули в огромные полотенца, вытерли, и Саид принес одежду для Яны.

Яна с удивлением разглядывала просторные шелковые шаровары, маленький жакет, который не прикрывал, а скорее натирал ее пышную грудь, мягкие тапочки, в которые погрузились ее ноги, и усыпанную драгоценными камнями шапочку.

Ее наряд был бледно-зеленого цвета — Саша отличалась безупречным вкусом.

— Принеси зеркало, — приказал Гарри.

Один из евнухов поставил перед Яной зеркало.

— Ты само совершенство, — сказал Гарри.

Яна с испугом посмотрела на него, но, увидев улыбку Гарри, улыбнулась в ответ.

— Совершенство, — повторила она неуверенно.

Первый раз Гарри услышал, как она говорит. Раньше говорила только Рокселана. Голос Яны был таким же низким, как у сестры, и даже более грубым, почти мужским.

Гарри, накинув халат, протянул ей руку. Не сразу, но она взяла ее. Он повел Яну к двери, которую евнухи быстро распахнули перед ним.

Гарри вместе с Яной поднялись по лестнице в спальню. Яна увидела огромный диван, ковры на полу, легкие занавески, раздуваемые на окнах вечерним бризом.

Яна подошла к окну. Перед ней блестела водная гладь бухты, вдали виднелись стены, башни, купола и минареты Константинополя, сверкающие в лучах заходящего солнца.

— Совершенство, — сказала она.

Гарри обнял ее со спины и притянул к себе. Почти удивленная этим, она обернулась. Возможно, она не ожидала такой нежности от турка.

Руки Гарри скользнули под жакет Яны, он ласкал ее грудь. Она задрожала то ли от удовольствия, то ли от отвращения... Гарри точно не знал.

Гарри поцеловал ее. Несколько секунд губы Яны были сжаты, но потом открылись по требованию его языка. Гарри обнял ее. Отпустив девушку, он почти задыхался.

Потом Гарри снял халат и лег на диван. Не отходя от окна, Яна еще с минуту смотрела на него, но затем, очевидно, решилась.

Она сняла шапочку и жакет, распустила шнурок, стягивающий шаровары; они свободно упали на пол.

Гарри уже видел ее обнаженной, но сейчас ее тело было самым манящим и желанным.

Яна медленно пошла вперед и, когда ее колени коснулись дивана, остановилась в нерешительности. Гарри протянул ей руку. Она взяла ее теплой сухой ладонью и позволила привлечь себя.

Гарри посадил ее на себя и целовал в губы, чувствуя тепло тела Яны. Потом он вошел в нее так быстро, что Яна не успела испугаться.

Теперь Гарри не мог отступать. И хотя в глазах Яны застыла боль, ее длинные и сильные ноги обхватили Гарри, и он погружался в нее все глубже и глубже. Страсть затмила его рассудок: он забыл о предостережениях матери, о буре на море и, как ни странно, о Рокселане.

Приближаясь к вершине блаженства, Гарри не сомневался, что сделал правильный выбор.

Порта была наполнена имамами, муфтиями, военачальниками и просто ротозеями, ожидавшими последних новостей. Империя шла на войну впервые за последние три года.

Ибрагим, с трудом прокладывая путь в толпе, схватил за плечо Гарри Хоквуда.

— Этот пират Хайреддин говорит, мы разделили с тобой одну покупку.

Гарри одобрительно улыбнулся. В отличие от многих других в Константинополе он искренне любил Ибрагима. Высокий почти как сам Хоквуд, с мужественным лицом и черными волосами, грек-везирь был на несколько лет старше его. Ибрагим излучал силу, знал, чего хочет, и никто не сомневался в его преданности как султану, так и интересам империи. За пять лет его деятельности как финансиста впервые были снижены налоги.

Люди сетовали, что он инородец — так оно и было в действительности; они сетовали, что он вероотступник — так оно и было на самом деле. Именно поэтому Ибрагим был очень близок семье Хоквудов.

Люди также говорили, что Ибрагим очень близок к султану, но то же самое можно было сказать и о Хоквудах, памятуя об отношениях Вильяма Хоквуда с Селимом.

Люди злословили, что большая часть денег, которую Ибрагиму удалось сэкономить на ограничении правительственных расходов, лежит у него в кармане. Это были уже серьезные обвинения, но они не могли быть направлены против Хоквудов.

И Хоквуды считали, что все это досужие вымыслы, потому что правительственные расходы уменьшились и империя процветала как никогда. Разве человек, сотворивший такое чудо, не заслуживает вознаграждения?

Никто не мог обвинить молодого грека в равнодушии к своим друзьям.

— Ты доволен ею? — спросил Гарри.

Ибрагим фыркнул:

— Без сомнения, я был бы доволен, если бы достиг своей цели. Мне пришлось привязать эту девку к кровати и избить. А как твоя?

— Никаких веревок и палок, — улыбнулся Гарри. — Она, казалось, хотела мне понравиться.

— Выбирал-то ты! Да, моя — тигрица. Но какое наслаждение смотреть на нее.

— Я предпочитаю спокойную обстановку в доме, — сказал Гарри. — Для волнений достаточно военных походов.

— О да. — Внезапно Ибрагим посерьезнел. — Эта кампания будет важной для нас. Говорят, у короля Людвига огромная армия.

— Мой дядя не уступит ему.

— В этом я не сомневаюсь, но думаю, что предстоит битва титанов. Я собираюсь отправиться с вами.

— Ты? — удивился Гарри.

— Я знаю, что вы, солдаты, считаете меня канцелярской крысой. Но везир обязан руководить армией в отсутствие султана. Ведь так?

— Конечно, так, если султан не участвует в походе.

— На это почти нет шансов. Я собираюсь сражаться с венграми.

— Мой дядя знает об этом? — Гарри нахмурился.

— Конечно. Не беспокойся, юный Хоук. Я не собираюсь вмешиваться в дела твоего дяди. Боже упаси! Я хочу быть очевидцем этого похода, — Ибрагим хитро улыбнулся, — но при полном комфорте. Я возьму с собой Рокселану.

Теперь настала очередь Гарри ухмыльнуться:

— Давай послушаем, что говорит мой дядя.

Вильям Хоквуд обращался к военачальникам.

— Мои гонцы отправились во все концы империи, — говорил он. — Мы соберем десять тысяч янычар, пять тысяч сипахов, десять тысяч наемников, двадцать пять тысяч анатолийцев и пятьдесят тысяч башибузуков, всего в армии будет сто тысяч человек. У нас есть сто пушек. Настало время окончательно решить вопрос с венграми. — Вильям замолчал и посмотрел на лица присутствующих. — Я должен сказать вам, что армию будет сопровождать Ибрагим-паша.

В рядах зашептались.

Ибрагим вышел вперед и встал рядом с Вильямом Хоквудом.

— Моя обязанность сопровождать армию султана на войну, — сказал он. — Я не уклоняюсь от своих обязанностей.

Солдаты какое-то время продолжали переговариваться, но потом внезапно прекратили — наступила удивительная тишина, и все они почтительно поклонились.

Из дальнего конца помещения вышел и направился вперед какой-то человек. Он был худым и не очень высоким, с орлиными чертами лица, тонкими усами и бородкой. На нем был шелковый кафтан с золотым матерчатым поясом и белый тюрбан, расшитый золотой нитью.

Все неотрывно смотрели на меч, прикрепленный к его поясу. Это был священный меч Османа, основа-

теля османского дома, который доставали только в случае, если сам султан шел на войну.

— Прими мое почтение, Ибрагим-паша, — спокойно проговорил Сулейман. — Я сам поведу мою армию на венгров.

Глава 13

БАРБАРОССА

Несколько секунд после заявления султана стояла звенящая тишина. Затем Хоук-паша низко поклонился.

— Теперь мы знаем, что победа за нами, о падишах, — сказал он.

— Ты думаешь, он будет вмешиваться в управление армией? — спросил Гарри. Дядя и племянник находились в безопасности дворца Хоуков.

— Никогда раньше он не поступал так, — сказал Вильям. — Подобное было только тогда, когда он приказал мне заключить мир с рыцарями Святого Иоанна. Мы должны надеяться, что он будет менее мягкосердечен с венграми, заклятыми врагами турок. Я думаю, что султан чувствует необходимость своего личного присутствия в столь важном деле. Мне кажется, что это истинная причина его решения.

Гарри понял, что дядя обеспокоен. То, что великий везир собрался сопровождать армию, было плохо для дела, но то, что и султан и везир будут наблюдать за всеми его действиями, могло создать излишнее напряжение.

Но Вильям Хоквуд считался главным воином империи, и даже Сулейман знал это.

Но также, без сомнения, Сулейман знал, что дни Вильяма Хоквуда в этом мире были почти сочтены. Возможно, именно поэтому он решил участвовать в кампании, желая выявить возможного преемника Хоук-паши.

Гарри представил, что выбор султана может пасть на него, и от такой смелости у него закружилась голова. Но он слишком молод. Кроме того, Гарри хотел бы командовать флотом, а не сухопутными войсками.

Всю зиму со всех концов империи к Константинополю тянулись солдаты. Его пригороды превратились в огромный палаточный лагерь, и когда сипахи и наемники проводили учения или янычары стреляли из аркебуз, люди собирались просто посмотреть на это зрелище.

Командиры муштровали новых рекрутов, пытались приучить к дисциплине башибузуков. Если кто-либо из солдат, устав от муштры, сбегал в город, их жестоко наказывали. Порядки в османской армии были строгими, и после нескольких казней новобранцев удалось взять в руки.

Возможности выходить в море у Гарри не было. Каждую ночь он возвращался во дворец Хоуков и наслаждался объятиями Яны. Саша и Трессилия были, конечно, раздражены, и он понимал, что должен ублажать их хотя бы раз в неделю. Но Яна обладала той силой, которая манила его к себе снова и снова. Никогда раньше он не ощущал ничего подобного. Гарри был восхищен и встревожен. Он не мог допустить и мысли, что влюбился в русскую варварку, что у них есть что-то общее, кроме физического влечения.

Гарри очень сильно тянуло к ней: он постоянно думал о губах Яны и ее пышных волосах. Вскоре его увлеченность новой наложницей заметили его мать и тетка, и это, конечно, обеспокоило их; они были чужестранками, но прожили большую часть жизни среди турок и знали, что женщин здесь держат исключительно для наслаждения и продолжения рода. Основным для мужчин должно быть их дело.

Поэтому они, возможно, даже радовались наступлению весны и подготовке армии к походу.

Но тогда Гарри принял решение.

— Мы будем ждать от тебя вестей, — сказала Джованна со слезами на глазах. Сын стоял перед ней

в кирасе поверх войлочной рубашки, шлеме, обернутом тюрбаном, и с турецкой саблей у пояса. — Из самой Буды, — добавила она.

— Победа будет за нами, мама. — Гарри поцеловал ее руки.

— Мы позаботимся о твоей дикой русской, — добавила Эме.

— Вам не придется это делать, я возьму ее с собой. — Гарри улыбнулся им обеим.

В арочном проеме Гарри уже ожидали Диниз и еще кто-то, укутанный в покрывало.

— Ты берешь Яну в поход? — возмутилась Джованна.

— Мужчине нужна женщина. Этот поход может длиться больше года.

— Тогда возьми одну из жен.

— Я предпочитаю Яну. Кроме того, везир Ибрагим берет с собой ее сестру, так что у нее будет хорошая компания.

Гарри недоумевал, почему его мать продолжает не доверять русской девушке. Это было нелепо. Яна — всего лишь наложница, она не может повлиять на его жизнь или карьеру.

Конечно, если Яна тайно ненавидит его, как предполагает Джованна, тогда она может отравить его или зарезать во время сна. Но это повлечет за собой самую ужасную смерть для нее самой. Вильям Хоквуд мог придумать многое. Последняя наложница, убившая своего хозяина, была положена в мешок вместе с четырьмя кошками и вывешена из верхнего окна дворца. Они висели так до тех пор, пока все пятеро не умерли. Яна знала об этом.

Кроме того, если Яна и вправду ненавидит его, то она самая талантливая актриса во всем мире.

Выезд султана и его свиты из Константинополя был обставлен торжественно: играл оркестр, на ветру развевались знамена. Армия выступила в поход несколькими часами ранее. Первыми шли наемники, за

ними следовали анатолийцы и башибузуки, потом отборные части сипахов и янычар. Султан, великий везир и Хоук-паша двигались в самом конце шествия.

Гарри Хоквуд вряд ли мог вспомнить, сколько раз он видел эту армию на марше, и всегда османцы добивались победы. Но в те времена армию водил в походы Селим Грозный. Гарри думал о том, под каким прозвищем новый султан войдет в вечность.

Маленькая аккуратная фигура в тунике из золотой материи сидела на богато убранном скакуне. Сулейман улыбался своим людям, и они бурно приветствовали его. Ни один из султанов со времен Завоевателя не был так близок народу. Баязид жил в уединении, Селим едва ли год провел в Константинополе, Сулейман все это время был среди людей и первый раз за три года оставлял город. Следование традициям сделало менее возможным для него выходить лично к народу по сравнению с его великим дедом, но он регулярно посещал мечеть в окружении своих пашей, везирей и охранников.

Султан был молод, его любил народ. В двадцать шесть лет он был самым молодым султаном со времен Мехмеда, теперь ему уже исполнилось тридцать два, но годы его короткого правления были одними из самых успешных.

Следом за военачальниками двигались грузовые повозки и гаремы. Женатые взяли с собой не более одной или двух женщин. Султан, так же как и Хоук-паша, не брал с собой гарем.

Армии предстоял длинный путь. Никто не думал, что король Людвиг возьмет на себя смелость пойти на захват территории османцев. Из Константинополя могучая сила направилась в Адрианополь, так хорошо знакомый обоим Хоквудам, и оттуда через горы к Филиппополю, Софии, Нишу и Белграду.

Этой дорогой Энтони Хоквуд направлялся с посольством для Мехмеда Завоевателя, Вильям Хоквуд возвращался по ней со своей красивой женой француженкой, а теперь Вильям со своим племянником вели армию на захват Белграда.

Четыре месяца эта великая армия шла до Белграда. Турки, уделявшие чрезмерное внимание личной гигиене, смогли избежать эпидемий, которые охватили бы армию христиан за такой долгий период. Они шли через земли, которые платили им дань и были обязаны поддерживать армию. И, таким образом, армия ни в чем не знала недостатка, в то время как греки, болгары и сербы голодали, поскольку до нитки были обобраны проходящим войском.

Где бы они ни раскинули шатры, образовывался городок площадью в несколько миль. В одну ночь палаточные лагеря превращались в огромные торговые ряды, куда отовсюду стекались купцы, предлагая свой товар воинам. Без сомнения, многие из них были шпионами, но Хоук-пашу это не заботило; любая информация, полученная венгерскими агентами, могла только навести ужас на христиан.

Информации об армии христиан не было. Хоук-паша не предполагал выяснить что-либо прежде, чем они выйдут на венгерскую равнину.

Каждый высокопоставленный чин ставил свои шатры в зависимости от желания показать себя и от размера гарема, который взял с собой. Они приглашали друг друга в гости и соперничали в угощениях.

Сулейман часто трапезничал с Хоквудом и Ибрагимом и вел себя так, как будто они были его ближайшими друзьями. Ни тот, ни другой не были турками, и это, конечно, беспокоило других военачальников. Но Сулейман обсуждал военные планы, потому что он впервые был главнокомандующим. Он увлеченно слушал рассказы Вильяма Хоквуда о прошлых кампаниях, впитывая проверенные знания опытного человека.

Ибрагим предпочитал шутки и разговоры о женщинах. Он никогда не упоминал о финансах империи, хотя Гарри заметил, что в каждом селении на их пути везир отъезжал посоветоваться с командирами местного гарнизона об эффективности сбора налогов, проверяя, могут ли они быть увеличены. В своем деле он был так же неутомим, как и в наслаждениях вечером и ночью.

В один из теплых июльских вечеров армия, находившаяся в нескольких дневных переходах от Белграда, сделала остановку. Воздух был полон зноя, все ждали дождь — уже вдали погромыхивало и сверкали молнии. Именно в этот вечер Ибрагим пожелал, чтобы девушки танцевали перед ним. Гарри сразу не понял, о каких девушках Ибрагим ведет речь, но тот уже завел разговор с султаном.

— Ты не видел этих девушек, о падишах. Они русские, создания чудной красоты. Во всяком случае, моя Роксолана. — Ибрагим взглянул на Гарри. — Не сомневаюсь, что ее сестра тоже прекрасна.

— Русские, говоришь... — удивился султан. Он взглянул на Гарри и увидел раздражение в его глазах. — Но это твои женщины, Ибрагим. Они не могут открыться.

— Это не важно, падишах. Они просто рабыни.

Гарри не относился к Яне как к рабыне, он взглянул на дядю в поисках поддержки. Глаза Хоквуда были закрыты — он устал от перехода, хотя замедлить турецкое наступление отказывался.

— Роксолана прекрасно танцует, — продолжал Ибрагим. — А как ее сестра, Хоук-младший?

— Я никогда не видел, как танцует Яна, — признался Гарри. Ему не приходило в голову просить ее об этом; просто взглянув на нее, он уже испытывал приступ страсти.

— Это у них в крови. — Ибрагим хлопнул в ладоши. — Приведите Роксолану, — приказал он евнуху и взглянул на Гарри.

Гарри вздохнул, но Сулейман явно проявлял интерес. Султан слишком долго находился вне женского общества.

— Скажи Динизу, чтобы он прислал сюда Яну, — смирившись, сказал Гарри.

— Ты не забудешь этих женщин, падишах, — пообещал Ибрагим.

Обеих девушек привели. На них были, как полагается, яшмаки и хаики. Во время похода они находились всегда рядом и часто ехали в одной корзине на

спине мула. Гарри было интересно, о чем они разговаривали между собой: о своей ненависти к захватчикам или о мужских достоинствах тех, кому они принадлежали.

Ибрагим послал за музыкантами. Через некоторое время они появились и, сев на пол, начали играть. Евнух завязал музыкантам глаза.

Звуки музыки наполнили палатку, сопровождаемые ритмичными глухими ударами по барабану.

Вильям Хоквуд открыл глаза.

— Танцуйте! — сказал Ибрагим.

Это слово Рокселана понимала. Она что-то сказала сестре и начала двигаться, медленно и плавно, двигая руками в такт музыке, поводя плечами, время от времени притопывая ногой.

Через некоторое время Яна последовала ее примеру. Гарри был восхищен.

Рокселана во всем была ведущей. После того недолгого танца перед мужчинами ее хаик начал съезжать. Сначала обнажилось одно плечо, затем — другое. Потом накидка спустилась ниже. Несколько секунд она задержалась на бедрах, обнажив ее белую рубаху, и спустилась к щиколоткам. Рокселана перешагнула ее. Рубаха прикрывала только бедра, поэтому ноги ее обнажились. Рокселана скинула сандалии.

Яна во всем следовала примеру сестры.

Сулейман подался вперед и смотрел с нескрываемым интересом, даже Хоук-паша больше не спал.

Рокселана двигалась все быстрее. Когда она кружилась на одной ноге, ее рубаха распахивалась, обнажая белые ягодицы.

Рокселана держала рубаху обеими руками, ритмично вращаясь вокруг себя; волосы ее разлетелись; она задрала рубаху выше талии, а затем и вовсе обнажила грудь. Рубаха теперь закрывала лицо Рокселаны. Гарри Хоквуд слышал прерывистое дыхание Сулеймана.

В конце концов рубаха упала на пол. Яна последовала примеру сестры, и девушки танцевали голые с яшмаками на лицах. Внезапно Рокселана останови-

лась, вслед за ней и Яна. Рокселана смотрела на Ибрагима. Он, очевидно, приручил ее, подумал Гарри. Она, наверное, ждет его приказания, прежде чем открыть лицо.

— Открой лицо, — горделиво приказал Ибрагим.

Мгновенно яшмак был снят. Рокселана пристально смотрела на султана. Она скорее вызывала животное влечение, чем была красивой; ее ноздри раздувались, грудь и живот вздымались...

— А ты, юный Хоук, покажешь свою? — мягко спросил Сулейман.

— Конечно, падишах.

Гарри махнул рукой, Яна сняла свой яшмак.

— Ты был прав, Ибрагим, это редкие жемчужины, — оценил их Сулейман.

— Тебе нравится Рокселана, падишах?

— Я должен быть евнухом, чтобы она мне не нравилась, везир.

— Тогда она твоя.

Сулейман удивленно нахмурился.

— Это мой подарок тебе, падишах. Мужчина не может обойтись без женщины в походе.

— А как же ты?

— Я найду себе какую-нибудь девку на рынке в Белграде или среди венгерок. Почему бы тебе не взять их обеих? Я не сомневаюсь, что Хоук-младший последует моему примеру.

Сулейман перевел взгляд с Рокселаны на Яну. Гарри затаил дыхание. Отказаться он не мог, но мысль о потере Яны удручала его.

— Нет. — Сулейман покачал головой. — Мне бы с одной справиться. Ты, однако, добр, Ибрагим, теперь я твой должник. — Султан встал, внезапно в нем при виде такой наготы запылал огонь страсти. — Я пойду отдыхать. Она говорит по-турецки?

— Увы, нет, падишах. Она знает несколько слов по-гречески.

— Вымойте ее и пришлите ко мне. — Султан скрылся за перегородкой шатра.

— Ибрагим очень умен, — заметил Вильям Хоквуд, вернувшись в свой шатер. — Мне представляется, он действовал по заранее подготовленному плану. Он любыми методами добивается благосклонности своего хозяина.

— Ты считаешь, что я должен был настоять, чтобы султан взял Яну? — спросил Гарри.

— Я доволен, что ты не сделал этого. Мне бы не хотелось, чтобы ты пытался войти в доверие султана, опустившись до сводничества. К тому же я слышал, что ты очень любишь свою маленькую русскую.

— Я никогда не встречал женщину, которая бы так нравилась мне, дядя.

— В этом нет ничего плохого, — сказал Вильям.

Дядя хорошо знает это, подумал Гарри, ведь он хранил свою любовь к Эме Ферран все восемнадцать лет их разлуки.

— Только не забывай, что удовольствие не должно мешать выполнять свои обязанности. Наше дело — воевать за султана, все остальное не имеет значения. И это самый верный путь, чтобы завоевать уважение султана. Через несколько дней мы будем в Белграде, а значит, скоро и Венгрия. Мы на пути к победе, мальчик, так что сейчас нет времени думать о женщинах.

Никогда прежде Яна не любила так, как в ту ночь. Гарри не знал, то ли она благодарит за то, что он не отослал ее к султану, то ли просто-напросто возбуждена вечером, проведенным в компании мужчин.

До Белграда армия добралась к концу третьей недели августа. Переправившись через Дунай, она сразу же атаковала передовую крепость Петервардейн. Теперь турки были за границами Османской империи, в Венгрии.

Крепость мгновенно пала, весь гарнизон был обезглавлен. Хоук-паша немедленно выставил заслон наемников, и армия медленно двигалась вперед на северо-запад к Буде.

Высокогорье осталось позади, они шли по огромной равнине, которая тянулась насколько хватало глаз. Шелестящие поля пшеницы, наполовину убранной из-за войны, обещали богатый урожай. Погода была теплой, ветерок нежным. Гарри еще ни разу не бывал в походах в такой прекрасной местности.

Армия проходила через деревни, где амбары ломились от зерна, а хлевы были полны скота. Всех мужчин убивали, молодых женщин и детей брали в плен.

Наемники вернулись в сильном возбуждении. Венгерский стан находился теперь в поле зрения на равнине, известной как Мохач, в излучине Дуная.

Хоук-паша выехал вперед. С ним были султан, Ибрагим, Гарри и несколько военачальников. Одолев невысокий подъем, остановили коней. Перед ними предстало человеческое море с волнами знамен и ощетинившееся оружием. Венгерская армия уже заняла позиции, как будто ожидая внезапного нападения.

— Сколько их? — спросил Сулейман.

Расстояние было слишком большим, чтобы прикинуть количество воинов, но Вильям призвал на память годы военного опыта и определил численность каждого отряда.

— Сомневаюсь, что здесь больше двадцати пяти тысяч человек, падишах, — сказал он.

— Это все, что Европа может выставить против меня?

— Нет. Франки по-прежнему разобщены. В этом их беда и наше преимущество, падишах. Каждый франкский король уверен, что только он должен командовать армией, и не хочет делиться своими полномочиями. Он не примет помощь, даже если она будет у него на пути. Людвиг Венгерский — тщеславный юноша.

— Он прославится посмертно, — отметил Сулейман. — Скажи мне, Хоук-паша, какие бы силы ты вывел из расположения их войск?

— Король готовится к обороне, падишах. — Вильям указывал рукой то на одно место, то на другое,

пока говорил. — Его пехота выстроена в три отряда, в каждом около четырех тысяч человек.

— Все они венгры?

— Судя по шлемам, там есть и немцы. Большинство вооружены аркебузами, остальные — пиками.

— Между каждым отрядом пехоты король поставил кавалерийский эскадрон, — отметил Ибрагим.

— Это так. Только зачем, я не знаю. От них не будет пользы. Взгляни, падишах: основной отряд его кавалерии сосредоточен в тылах пехоты, кавалерия составляет половину его ударной силы. Обрати также внимание на то, что его артиллерия, состоящая из нескольких пушек, расположена по центру и перед кавалеристами. Теперь его позиция такова, что нам атаковать в центре рискованно; мы можем понести основательные потери. К тому же венгр оставил фланги на том обширном пространстве, где Дунай выходит из берегов. Любому войску, идущему через это болото, грозят крупные неприятности.

— Но его правый фланг открыт, — сказал Сулейман.

— Действительно, это так, падишах. Этот фланг не защищен. Но король, конечно, сделал это намеренно.

— Почему?

— Он прикинул, что мы не можем наступать на левый фланг и что атака в центре обойдется нам слишком дорого, а значит, мы будем наступать на его правый фланг. Таким образом, король думает, что знает нашу стратегию, и бросит на нас кавалерию, когда мы начнем этот маневр.

— Наша армия в четыре раза больше, чем его, — презрительно бросил Ибрагим. — Так же обстоят дела и с кавалерией. Чего нам бояться?

— Видишь отблеск солнечного луча на том всаднике? — спросил Вильям. — Это стальные доспехи. Его кавалерия гораздо тяжелее, чем наши сипахи или наемники, и практически неуязвима. К тому же его войско компактно, наше — слишком растянуто.

— Каков в этом случае твой план, Хоук-паша? — спросил султан.

— Он очень прост, в его основе — мое знание этих людей. Я уже говорил, что их король тщеславен и глуп, а рыцари вряд ли лучше. Мы выстроим армию в три линии: первая — башибузуки, вторая — анатолийцы, третья — янычары. Мы будем действовать неожиданно и предпримем фронтальную атаку силами башибузуков.

Сулейман слушал, сдвинув брови.

— Конечно, эта атака будет отбита. Наши люди в панике побегут назад. Первая линия наших людей. Я твердо знаю, что, когда венгерские рыцари увидят эту картину, они не устоят перед желанием возвратиться домой и отпраздновать победу, которой, как им покажется, они достигли.

— А если башибузуки повернут назад? — спросил Сулейман.

— Они вполне способны на это, падишах. Они даже могут повлиять на анатолийцев. Но я полагаюсь на твоих сипахов и янычар, эти будут сражаться до конца. Я также полагаюсь на артиллерию, которую мы сгруппируем за атакующими, и ее обнаружат только тогда, когда передовые отряды будут разбиты. Мы свяжем наши пушки, поэтому их невозможно будет оттащить с позиции или даже пройти сквозь их линию. Это — трудное дело, но оно, безусловно, принесет нам победу.

— А что с кавалерией? — спросил Ибрагим. — Как ты сказал, Хоук-паша, более половины венгерской армии — кавалеристы. Ты не поставишь против них наших сипахов из-за их доспехов? — И снова в голосе его звучало презрение.

Хоук-паша не обиделся. Он выигрывал сражения уже тогда, когда оба эти человека были детьми.

— Кавалерию лучше использовать в контратаке, Ибрагим-паша. Наша кавалерия, наемники и сипахи будут в резерве и бросятся вперед, когда атака врага будет отбита.

Сулейман теребил бороду, глядя на венгерский стан.

— Судьба победы не определена, пока победа не достигнута, — заметил он.

— Это правда, падишах. Я только предлагаю свой опыт.

— Я высоко ценю опыт, Хоук-паша, и не сомневаюсь в твоем успехе. Но возможно ли сделать его еще более верным?

Теперь настала очередь Вильяма Хоквуда слушать.

— Твой план даже скорее был бы реализован, если бы мы смогли атаковать перед тем, как разбить врага.

— Падишах?

— Ты считаешь, что рыцари воспользуются нашим отступлением и атакуют. Хорошо бы в этот момент ударить по ним с тыла или с фланга отрядом всадников. Они потерпят наиболее сильное моральное поражение.

— Конечно, падишах. Но откуда возьмется этот отряд всадников?

— Мы должны спланировать это сейчас, — сказал Сулейман. — Сколько времени потребуется десяти отрядам наемников на переход в десять миль на запад, потом на север, а затем обратно, чтобы подойти к венграм с тыла, с учетом того, что враги ничего не узнают о наших маневрах?

— Им придется вести своих лошадей, — сказал Вильям, теребя бороду, — поэтому, я думаю, не менее двадцати четырех часов.

— Прекрасно! Давайте отправим их сейчас и ничего не будем предпринимать до завтра. За это время распределим свое войско на наиболее удобных для нас позициях.

— А если венгры не собираются ждать двадцать четыре часа?

— Если они атакуют, мы в этом случае выполним первую часть твоего плана. Ты считаешь, в этом случае будут большие потери?

Хоук-паша молчал.

Сулейман взглянул по очереди на своих военачальников, а потом обратился к Гарри Хоквуду:

— Ты, юный Хоук, возьмешь под командование десять отрядов наемников и выполнишь маневр, который я только что предложил. Но помни: ты должен быть готов к атаке завтра через четыре часа после восхода солнца. Наша атака начнется через три часа.

Гарри отдал честь:

— Я отправлюсь через час, падишах.

Это было первое самостоятельное дело Гарри. Он как никогда прежде чувствовал себя взбудораженным. Его дядя отправился вместе с ним, чтобы отобрать всадников.

— Наш юный хозяин почти гений, — признался Вильям Хоквуд. — Но, к сожалению, такие маневры часто сопровождаются риском задержки или неудачи. Я не думаю, что это повлияет на исход сражения, но, безусловно, может испортить твою репутацию. Береги честь своего имени, сынок.

Гарри сжал плечо Вильяма:

— Я не подведу ни тебя, ни себя, дядя.

Времени хватило только на быстрое прощание с Яной. Вильям удивился, увидев слезы на ее глазах. Она плакала, потому что поняла, ее господина посылают на опасное задание.

Наемники были довольны, что их выбрали для такой миссии, хотя с трудом понимали, что от них требуется. Гарри увел их из лагеря, скрываясь меж холмами. Вслед за ними поднимались тучи пыли, избежать которых в августовскую жару было совершенно невозможно, даже идя шагом.

Турецкая армия медленно занимала позиции под внимательным наблюдением венгров. Но постепенно звон оружия и болтовню людей полностью заглушил цокот копыт.

Под командованием Гарри оказалось шесть тысяч воинов. Грудь его распирало от гордости, когда, оборачиваясь, он видел движущуюся за ним колонну людей.

Они шли на юго-запад три часа, потом повернули, как и должны были, на запад. В полдень они взяли направление на север. В сумерках Гарри скомандовал привал. Он запретил разжигать костры и приказал ужинать сухарями и водой. Гарри в сопровождении Диниза объехал все отряды, разговаривая с солдатами и командирами. Он объяснял план их действий следующим утром.

Шесть часов люди отдыхали, в четыре утра все поднялись; уже светало. Теперь надо было двигаться как можно быстрее под прикрытием лучников. Они проехали через два селения, не обращая внимания на испуганных жителей.

В шесть, когда солнце начало подниматься из-за туч на востоке, Гарри развернул свой отряд на юго-запад. Теперь они ехали скорее рысью, чем шагом, но каждые пятьдесят минут делали остановку, давая коням отдохнуть.

Гарри следил за раскаленным шаром, льющим свет на равнину, и внимательно всматривался.

Время, казалось, текло слишком медленно. Не один раз Гарри чувствовал отчаяние, ему казалось, что он выбрал не ту дорогу и может из-за этого пропустить битву. Но он услышал бы ее звуки.

И вдруг до него донесся вой труб, звуки барабанов, клич многих тысяч воинов, готовящихся умереть. Эти звуки донеслись с востока в третий час от начала дня, почти в тот самый момент, когда его лучники вернулись с сообщением, что видят отблеск солнца на доспехах воинов.

Гарри устроил лошадям последнюю передышку и отдал приказы своим людям. Они выстроились в три линии по две тысячи воинов в каждой. Все это время слышались крики и лязг оружия, разносимые легким утренним ветерком.

Гарри поднялся в стременах и указал мечом в сторону врага. Наемники издали воинственный клич и пришпорили коней.

Через несколько мгновений он понял, что битва разворачивалась точно так, как предсказал его дядя.

Бушибузуки предприняли атаку, но были отброшены и отступали по всем направлениям. Затем тяжеловооруженная венгерская и германская пехота атаковала анатолийцев. За пехотой шла конница с пиками наготове, ждущая своей очереди броситься в атаку.

Гарри снова поднял меч, и наемники пустили лошадей галопом.

Анатолийцы распались под натиском атаки христиан, и теперь настала очередь янычар сдерживать натиск врага. Христиане нехотя раздвинули свои ряды и открыли путь кавалерии. Рыцари, их оруженосцы и тяжеловооруженные всадники, по шесть человек в каждом отряде, возглавлялись командиром в стальных доспехах. Они рысью двигались вперед, земля содрогалась под копытами их коней. Тем временем янычары разделились на два крыла. Этим маневром были открыты османские пушки, которые начали стрелять, извергая огонь. Рыцари лишь на миг приостановили атаку и снова галопом пустились вперед.

Отряд Гарри был теперь в полумиле от поля битвы. Он в третий раз поднял меч.

— Труби атаку! — крикнул он, и его голос разнесся эхом в утреннем воздухе.

Наемники закричали и, подняв пики, бросились вперед. И вновь прогремела пушка, ее выстрел образовал большие бреши в венгерской кавалерии. Венгры, на мгновение замедлив ход, снова бросились вперед. Чтобы перезарядить пушку, нужно было время...

Теперь венгров сражали пули янычар, но они подъехали прямо к пушкам и остановились перед цепями, связывавшими их. По ту сторону цепей артиллеристы были защищены от пик всадников-христиан.

Пока рыцари раздумывали, что делать дальше, янычары бросили мушкеты и кинулись вперед с обнаженными мечами; сипахи предприняли атаку с другого фланга.

Христиане, собранные командирами, уже возвращались с поля битвы, когда сзади донесся топот копыт.

Король Людвиг держал в резерве дивизию всадников, и теперь она атаковала с флангов. Гарри мгновенно понял опасность положения и развернул свои силы навстречу угрозе. Обе дивизии столкнулись, тяжеловооруженные рыцари и всадники остановили атаку наемников.

Несколько мгновений шла дикая схватка. Гарри увидел вооруженного и заслоненного щитом человека перед собой, взмахнул мечом и почувствовал неприятную дрожь в руке, когда ударил по стальным доспехам. Человек упал. Гарри тоже оказался на земле, потому что более массивный конь ударил его арабского скакуна, и тот не устоял на ногах. Это, возможно, спасло жизнь Гарри, так как в тот же миг копье пролетело над его головой. Гарри вновь поднял меч, нацеливаясь ниже, где рыцарь сидел в седле, и был вознагражден воплем боли. Еще раз его арабский скакун был сбит и в этот раз перевернулся, но, собравшись с силами, поднялся вновь. Гарри вновь вскочил в седло.

Перед ним никого больше не было. Гарри развернул задыхающегося коня и обнаружил, что Диниз и трубач все еще рядом.

— Труби сбор! — хрипло прорычал Гарри.

Прозвучал сигнал, наемники вышли из боя и сгруппировались вокруг Гарри. И они, и рыцари понесли тяжелые потери. Умирающие лошади лежали по всему полю...

Но исход битвы был решен: венгры и немцы разлетелись по всем направлениям после того, как тяжеловооруженные рыцари были разбиты, и еще до того, как удар янычар был поддержан сипахами.

Гарри сразу понял, что личное удовольствие от преследования рыцарей имеет второстепенное значение. Главным было то, что христианская армия потеряла шанс на воскрешение. Венгры кричали и падали. Наемники обезглавливали свои жертвы и прикрепляли окровавленные доказательства к седлам.

Когда остатки кавалерии христиан увидели, что произошло, они помчались прочь. Их осталось не более двух тысяч. Армия венгров была разбита.

Когда Гарри добрался до шатра султана, скорбная работа по подсчету мертвых была в самом разгаре. Брать пленных, когда новые рабы не нужны, не входило в турецкие обычаи. Те венгры, которые сложили оружие, становились на колени перед Сулейманом и его военачальниками один за другим обезглавливались. Гора голов росла...

Вильям Хоквуд, окровавленный и запыленный, заключил племянника в объятия.

— Большая победа! — сказал он. — Переписчики говорят, более двадцати тысяч врагов убито.

— А наши потери, дядя?

Лицо Хоук-паши было мрачным.

— Не многим меньше... Венгры сражались, как демоны. Но король их среди убитых. Между нами и Будой никто больше не стоит.

Гарри поклонился султану.

— Боюсь, мои люди сыграли небольшую роль в сражении, о падишах.

— Твой маневр был решающим, Хоук-младший, — сказал Сулейман. — Ты поставил точку над невозможностью восстановления христианских сил.

— Ты достиг величайшей победы в истории Османской империи, о падишах. Армия венгров уничтожена.

Губы Сулеймана дернулись.

— У меня есть силы уничтожить империю[1], именно это мы должны теперь сделать.

Три дня были проведены на поле Мохач в заботах о раненых и похоронах мертвых. Кости христиан были оставлены белеть на солнце.

Через десять дней османская армия была в Буде. Ее встречал отряд вооруженных рыцарей под белым флагом. Их командир, граф Иоанн Заполий, был приведен к султану. Он говорил по-латыни.

— Я предостерегал короля от такого опрометчивого шага, — сказал венгр, — от противостояния

[1] Имеется в виду Священная Римская империя.

мощи османцев. Но король был глуп. Я предлагаю тебе ключи от нашего города и заверяю в преданности моих людей и меня самого.

— Не верь этим людям, о падишах, — сказал Хоук-паша по-турецки. — Он предал своего короля и свою религию. Не думаешь ли ты, что он предаст и тебя?

— Возможно, он мечтает об этом, Хоук-паша, — сказал султан, — но он может быть мне полезен. — Султан перешел на латынь: — Если ты хочешь служить мне, граф Заполий, ты, твои люди и каждый в Венгрии, кто способен носить оружие, должен выступить под моим знаменем. Добейся этого, и я сделаю тебя королем Венгрии.

— Ты очень добр, мой господин, — просиял Заполий. — Скажи куда, и мы пойдем за тобой.

— И такого человека сделать королем! — прокомментировал Ибрагим.

— Это обеспечит раздор в центре Европы на многие поколения, — мягко сказал Сулейман. — У Заполия, без сомнения, есть сподвижники. Мы знаем, как христиане привержены клятве. Я назначу Заполия архиепископом в Буде, и весь мир будет знать, что он законный король Венгрии. Большая часть христианского мира возненавидит его за это. А те, кто связал себя клятвой с ним, будут вынуждены или защищать его, или нарушить клятву, — улыбнулся Сулейман. — Ты управляешь моими деньгами, Ибрагим-паша, а я — людьми.

— Этот мальчик вырос у меня на глазах, — признался Хоук-паша. — Он знает людей не хуже, чем Селим, да и как солдат ему не уступит.

— Если бы в нем совмещалось все вместе, — подытожил Гарри, — он был бы величайшим из султанов.

— Если только какая-нибудь женщина не подведет его, — заметил Вильям.

Военачальникам оставалось только наблюдать, что султан по вечерам не сидит с ними больше, чем этого требует этикет. Он неизменно торопился к себе в шатер, где его ждала Роксолана.

Еще больше они опечалились, когда султан приказал своей армии поворачивать назад, к Босфору.

— Теперь венгры наши союзники, — сказал султан. — Мы достигли чего хотели. Настало время заняться домашними делами.

Гарри был счастлив вернуться домой. Он очень беспокоился за здоровье дяди, тот сильно постарел в суровых условиях похода. Гарри не хотел, чтобы Вильяму пришлось зимовать в поле.

Но зима настала до того, как они достигли Константинополя; во время возвращения армия понесла такие же потери, как на поле сражения. Но Хоукпаша, закутанный в плащ, вел своих людей и как всегда выжил, чтобы вернуться к ласкам Эме и Джованны.

Яна притягивала Гарри все сильнее с каждым новым объятием. Гарри было интересно, чувствовал ли Сулейман то же самое к ее сестре Роксолане.

И что Гульбехар, обычно такая мягкая, сладкая и любящая, думает о своей новой сопернице? Или Гульбехар чувствует себя уверенно, потому что она мать старшего сына султана и в конце концов станет султан-валиде, правительницей гарема...

События в Венгрии развивались так, как предсказал Сулейман. Половина населения страны приняла Иоанна Заполия королем, другая — нет. Последние призвали эрцгерцога Фердинанда Габсбургского, который повел армию на Венгрию и разбил Заполия в битве у Токая в 1527 году. Месяц спустя в Константинополь прибыли посланники, взывая о помощи.

— Пусть все идет так, как идет, — посоветовал Ибрагим.

— Тогда вся моя стратегия ошибочна, — заметил Сулейман. — Что ты посоветуешь, Хоук-паша?

Вильям Хоквуд погладил бороду, теперь скорее уже белую, чем рыжую.

— Нам придется вернуться, о падишах. Но теперь нам надо определить задачу более четко. Венгрия и Буда не более чем только заставы на Европейской равнине. Границами твоего государства должны быть Вена и Рейн.

— Рейн? — пробормотал султан.

— Такой поход опустошит наш народ, — запротестовал Ибрагим, — и расточит наши богатства.

Сулейман посмотрел на Вильяма.

— Можем мы сделать это, Хоук-паша? Есть ли у нас люди?

— Я верю, что это возможно. Но надо действовать тайно и быстро. Не набирать рекрутов со всех концов империи — это сразу заметят в Европе, а мгновенно начать поход с теми силами, которые у нас есть в Константинополе и на европейской территории.

— Сколько у нас людей?

— Около пятидесяти тысяч.

— Ты захватишь Австрию такими силами? — фыркнул Ибрагим.

— Мы будем набирать людей из наших гарнизонов по мере продвижения. К тому моменту, когда мы дойдем до Буды, под нашим командованием окажется восемьдесят тысяч человек. Но это будут обученные воины, а не башибузуки; к тому же у нас также есть артиллерия.

— Восемьдесят тысяч человек... — пробормотал Сулейман. — Достаточно ли этого количества? Франция, почувствовав угрозу Вене, не останется в стороне.

— Мы должны позаботиться, чтобы все европейские страны были разобщены, падишах. Много лет назад, когда я был совсем мальчишкой, твой дед послал меня с посольством на Запад. Я был в Париже и много говорил с королем Людовиком XI. Он ненавидел и боялся Габсбургов, даже хотел заключить союз с султаном, чтобы со всех сторон Европы придержи-

вались амбиции Габсбургов. Потом Людовик умер, и правление Францией перешло в слабые руки. Их нынешний король Франциск I всю свою жизнь сражался с Габсбургами. Я верю, что он будет за союз с нами. Если мы достигнем своего, то можем быть уверены, что христианские правители никогда не смогут объединиться против нас.

— Если бы мы могли добиться этого... Кого бы мы послали к королевскому двору, Хоук-паша?

— Кто может быть более подходящим, чем мой племянник, о падишах?

Эме была несказанно обрадована, что племянник вернется на ее родину, и хотела поехать с ним. Она долго рассказывала Гарри, кого где найти и куда нужно сходить.

Вильям Хоквуд советовал ему, что делать и чего избегать. Но в нынешнее время ни один из их советов не имел большого значения. Франция 1528 года значительно отличалась от Франции 1483 года.

Гарри поехал той же дорогой, что и его дядя сорок пять лет назад, чтобы не попасть в руки Габсбургов или Папы Римского. Через три месяца он оказался в Париже. Как и дядю, его приняли с почестями — французы прекрасно знали, что происходит в мусульманском мире; имя Хоук-паши также хорошо было всем известно.

Гарри был поражен веселостью и причудами французского двора и открытостью Франциска, так не похожего на Всемирного Паука, которого описывали ему дядя и тетя.

Франциск был красив и отличался изысканными манерами, у него было сердце мечтателя, озлобленное, правда, множеством чрезмерных амбиций. Всего несколько лет назад его армия была разбита у Павии, а сам он был взят в плен его смертельным врагом императором Карлом, который к тому же был королем Испании и Генуи и соперничал с самим султаном в распределении власти.

Чтобы вернуть свободу, Франциску пришлось дать все мыслимые и немыслимые клятвы. По возвращении домой он тут же нарушил их, заявив, что на него было оказано сильное давление.

Мысль о том, что брат Карла, эрцгерцог Фердинанд, будет контролировать Центральную Европу, леденила кровь Франциска.

Также Франциск не питал большой любви к Англии. Генрих VIII был сводным родственником Карла и верным союзником Испании. Несколько лет назад Генрих и Франциск встретились за пределами английского анклава в Кале на конференции, собранной для того, чтобы разрешить разногласия. Вместо того она только увеличила их, так как развивала в нарастающем соперничестве и личную власть, и закон того монарха, который мог дать больше денег, — представление богатых, получившее название «поле золотых одежд». И снова Францию обошли.

— Если бы у всех королей Европы была одна голова, я бы снес ее, — говорил Франциск Гарри. — Я ненавижу всех. Но твой султан... Если он пойдет на Вену — я буду аплодировать ему.

Гарри добился того, чего хотел, и поспешил домой. Тех знакомых, о которых говорила Эме, уже не было в живых или их оказалось невозможно найти. Климат Франции был влажным, унылым. В женщинах, желавших пофлиртовать с красивым английским вероотступником (как его до сих пор называли), Гарри не нашел той чистоты и привлекательности, как в его Яне.

Он вернулся в Константинополь в апреле 1529 года с хорошими новостями. Десятого мая султан Сулейман, не разглашая свой план никому, и тем более христианским купцам, заполнявшим город, вышел в поход с 50-тысячной армией.

В этот раз Ибрагим остался в городе, чтобы набирать войско, которое последует за основной армией. И в этот раз о гаремах не шла и речь: «скорость» — вот девиз Хоук-паши.

Гарри пришлось попрощаться с Яной, женами, матерью и тетей, он даже не успел рассказать им о своем пребывании в Париже.

Скорость! Хоук-паша предложил своим людям суровые условия. Настоящие воины охотно отозвались, но слабые вскоре покинули строй. Гарри смотрел на дядю, с трудом скрывая беспокойство, но тот держался стойко.

В этот раз турецкая армия добралась до границы не за четыре, а за три месяца. Венгерская армия не выдержала ее натиск; Буда, осажденный 3 сентября, пал через пять дней. Сулейман приказал перебить весь гарнизон и отдал город на разграбление.

Это были преднамеренные действия Сулеймана и Хоук-паши. Оба хотели, чтобы ужас при упоминании турок распространился как можно дальше. Гарри был менее уверен в эффективности этого метода, чувствуя, что это вряд ли сможет сдержать сопротивление Австрии.

Но Сулейман твердо стоял на своем. Он разослал наемников по всем австрийским провинциям, чтобы они жгли и обезглавливали, насиловали и грабили. Вся страна к востоку от Вены была превращена в дымящиеся руины. Захватчики процветали, потому что Хоук-паша спланировал этот решающий поход с величайшей тщательностью и использовал Дунай как главную артерию. Галеры, курсирующие по всем направлениям, подвозили пищу из Венгрии и Сербии войску на марше, но что не менее важно, оснащенные оружием суда формировали постоянно защищенное правое крыло армии и предупреждали какую-либо опасность внезапного нападения с тыла.

Не то чтобы существовала какая-то опасность, но все маневры Хоук-паши предназначались для того, чтобы привести Габсбургов в замешательство. Когда спустя две недели после ухода из пылающего Буды султан и Хоук-паша взирали на Вену, а кавалерия османцев окружала город, выяснилось, что против турок выставлено не более семнадцати тысяч человек.

Застигнутые врасплох, но действуя, однако, четко, командиры гарнизона Филипп, пфальцграф Австрийский, Николаус, граф де Сальма и маршал Вильгельм фон Роггендорф объявили в городе осадное положение столь жестокое, как бы это сделали турки. Наблюдатели видели, что все дома, возвышающиеся над крепостными стенами, были срезаны, формируя открытую линию огня по всем направлениям, добавочные огневые точки поставлены, а также все деревянные крыши в городе были снесены, чтобы уменьшить опасность пожара от попадания зажигательных снарядов.

— Эти люди намерены серьезно бороться, Хоук-паша, — заметил Сулейман.

— Посмотрим, насколько хорошо они будут сражаться, когда здесь появятся пушки, — сказал Вильям. Турецкая кавалерия, вместе с которой ехали султан и его паши, опередила пехоту и грузовой обоз.

Гарри Хоквуд посмотрел на небо, огромную массу темных облаков. «Если артиллерия чем-нибудь поможет нам...» — подумал он.

В ту ночь начался дождь, который лил всю неделю не переставая. Река поднялась, равнина превратилась в болото. И все же осада началась со всей жестокостью, присущей османцам. Флотилия поднялась по Дунаю выше осажденного города и лишила защитников какой-либо надежды на пополнение запасов продовольствия.

По прибытии пехоты Хоук-паша предпринял одну или две пробные атаки. Как он и ожидал, их мужественно отразили защитники города.

Наконец подошла артиллерия. Лошади, почти мертвые от усталости, с трудом тянули груз по мокрому месиву. Стрелять из пушек оказалось почти невозможным — при каждом выстреле огромная бомбарда все глубже утопала в грязи. Хоук-паша использовал все свои знания и вспомнил все рассказы своего отца, Энтони Хоквуда, об осаде Константинополя. Он заставил людей рыть подкопы. Иногда стены оседали, и большие группы людей оказыва-

лись заваленными грязью и начинали задыхаться. Другие, все же пробираясь под стенами, натыкались на грозные контратаки. Каждый турецкий туннель заканчивался точно таким же с противоположной стороны. Вильям начал подозревать измену, но даже самые тщательные расследования не выявили, как мог кто-либо из турок связываться с командованием противника. Вильям так и не нашел ответ, но Гарри впоследствии узнал, что венцы поставили котлы с водой по всей длине стен, и, когда один из котлов начинал дрожать, они понимали, что именно здесь ведется подкоп.

Вильям осознал, что они не добились никакого успеха. К тому же погода устанавливалась холодная. Турки не могли быть чистоплотными в этой грязи и начали умирать от болезней.

Десятого октября прибыл посланник с новостями, которые потрясали как Сулеймана, так и его военачальников. Король Франции заключил союз с императором Карлом.

— Это придумали и организовали их почтенные матушки, — сказал Сулейман, читая послание. — Какое влияние имеют женщины в этом мире!

— Француз предал нас, — прорычал Вильям. — Он предал меня, падишах, я подвел тебя. Ты вправе снести мне голову.

— Это то же самое, что я отрублю себе правую руку, — проговорил падишах. — Скажи мне честно, Хоук-паша, мы можем рассчитывать на успех в этой осаде?

Вильям вздохнул, плечи его поникли.

— Нет, падишах. Через месяц землю покроет снег. К весне император освежит свои силы в Австрии, потому что он больше не боится французов.

— Сможем ли мы когда-нибудь взять Вену?

— Я верю в это, падишах. Но моя стратегия в этот раз подвела. Даже со всей поспешностью мы не можем привести армию из Константинополя в Вену меньше чем за три месяца. Слишком мало остается до прихода зимы. Мы должны концентрировать армию

на границе с Венгрией и предпринять атаку, как только погода улучшится.

— Но тогда весь мир будет знать, что мы затеваем!

— Это неизбежно, падишах.

Сулейман кивнул:

— Это надо обсудить. Но сейчас, Хоук-паша, мы разбиты. Отдай приказ к отступлению. Мы должны уйти до холодов.

— Мы побеждены, — тихо произнес Вильям Хоквуд, кутаясь в плащ. Турки уже начали отступление.

— Это иногда случается, — сказал Гарри. — Даже Завоеватель не смог взять Родос.

— Но я взял Родос, — откликнулся Вильям, до сих пор не знавший горечи поражения.

Венцы подняли шум. Жители Вены насмехались над отступающими турками. Но эти усмешки сменил крик ужаса и боли, когда Сулейман обезглавил всех пленных мужчин у стен города.

Эта неудача подкосила силы Вильяма Хоквуда. Во время отступления его самочувствие становилось все хуже и хуже. К концу месяца, когда пошел снег, обозы пришлось бросить, чтобы спасти людей. Спасать людей имело больший смысл, чем спасать вещи.

Людей и оружие. Никто из потомков Джона Хоквуда не рискнул бы оставить пушку. Когда стало невозможно тащить их, Хоук-паша приказал погрузить их на борт галер, которые все еще контролировали Дунай. Это была труднейшая задача, и ее предстояло выполнить измученным и замерзшим людям. Но они все сделали, потому что были преданы Хоук-паше.

Пушки были спасены, но это стоило жизни многим людям. И среди них был сам Хоук-паша. Постоянно находясь в снегу, он схватил насморк, но про-

игнорировал его. Вскоре у него начался жар. Его положили на носилки, которые несли верные ему артиллеристы. Гарри был с Хоук-пашой, когда тот умер.

Набальзамированное тело Вильяма Хоквуда привезли в Константинополь, чтобы захоронить в саду его дворца. Эме, Джованна и слуги рыдали.

По окончании церемонии султан Сулейман послал за Гарри.

— Теперь ты Хоук-паша, — объявил он, передавая Гарри жезл с двумя узлами на конском хвосте.

— Я не достоин такой чести, падишах, — запротестовал Гарри.

— Я не сомневаюсь, что все еще впереди, — твердо сказал Сулейман. — Теперь скажи мне, где бы ты хотел быть.

— Я буду там, где надо.

— Мы потерпели горькое поражение у стен Вены, — отметил султан. — Смерть твоего дяди не меньшее поражение, чем наше отступление. Теперь мне стало известно, что персы затевают войну на восточной границе моих владений. Этого я не могу допустить.

— Мы выступим в поход в следующем году? — с горячностью спросил Гарри.

— Мы вынуждены сделать это. Христиане, конечно, скажут, что я отступил потому, что разбит, и потому, что боюсь их. Эта мысль невыносима для меня. Но я не могу вести две войны одновременно.

Султан замолчал, Гарри ждал продолжения. Он понимал затруднительное положение султана, но не имел представления, чем может помочь ему. Гарри считал себя слишком молодым, чтобы командовать таким походом.

— Мы должны заставить их понять, что это временная отсрочка, — наконец сказал Сулейман. — И когда я разберусь с более насущной проблемой, с персами, я вернусь к осуществлению плана Хоук-паши — захвату Вены. Мы должны держать Габсбургов в постоянном напряжении и тревоге. Кроме всего, мы должны

заставить предателя Франциска пожалеть о разрыве нашего договора. Ты выполнишь эту задачу, Хоук-паша.

— Охотно, падишах. Если ты скажешь, какие силы будут мне приданы и какой стратегии я должен придерживаться.

Сулейман посмотрел на него.

— Хайреддин в Золотом Роге.

Сердце Гарри громко забилось.

— Хайреддин говорит об огромных флотах, вмешивающихся в торговлю на Западе, и более того, совершающих нападения на прибрежные города и вселяющих страх в сердца чужеземцев...

Гарри едва мог сдержать возбуждение.

— Хайреддин говорит о расширении Османской империи вдоль североафриканского побережья и превращении его в плацдарм для нападения на христиан на юге. Ты веришь, что это осуществимо, Хоук-паша?

— Я верю, что это возможно при наличии подходящей силы.

— Все янычары, находящиеся в моем распоряжении, должны идти со мной на Тавр. Ты должен сформировать собственное войско, но набирай людей здесь, в Константинополе. Можешь рассчитывать на султанскую казну и вооружение, когда это потребуется. Я назначаю тебя главнокомандующим. Ты — друг Хайреддина. Он большой плут, но смелый и изобретательный человек. Он будет командовать пиратскими судами, но ты будешь руководить им от имени султана. Я дам ему это понять, и ты должен помнить об этом все время.

— Я удостоен не только большой чести, падишах, но и большой ответственности. Будь уверен, я прославлю твое имя.

— Заставь рыдать неверных, Хоук-паша. Вот твоя задача.

Ибрагим-паша смотрел на список имущества и денег, представленный ему Гарри.

— Очевидно, иногда наш хозяин думает, что, как только я щелкну пальцами, динары начинают расти на

деревьях, — рявкнул он. — Пушки? Ты собираешься взять пушки в море?

— Испанцы так и делают.

— Вряд ли, с их-то галерами...

— Если я собираюсь нападать на их караки, мне нужны пушки.

— А ты собираешься это делать? — поинтересовался Ибрагим. — Хорошо, кто я такой, чтобы отказать тебе, Хоук-младший? Прошу прощения, я имел в виду Хоук-паша. Ты так внезапно возвысился. Поверь, я скорблю о смерти твоего дяди.

— Спасибо, — сказал Гарри.

— Как я завидую твоему отъезду из Константинополя... и вместе с тем я буду скучать без тебя. Что ты думаешь о султане?

— Не мое это дело и не твое судить о султане.

— Он моложе и тебя и меня, Хоук-паша, и теперь ему не хватает великого Хоука, на которого он полагался в годы своего правления. Пока султан не станет на ноги, нас ожидают тревожные времена.

— Ты говоришь почти как предатель, Ибрагим, — заметил Гарри.

— Только наедине с тобой, Гарри. Я знаю, что ты не предашь меня. Скажи мне: как поживает твоя русская чаровница? Она говорит по-турецки?

— Пару слов.

— Ее сестра уже свободно болтает...

Гарри нахмурился.

— Откуда ты знаешь?

— Наш хозяин сказал мне. Султан влюблен, Гарри, в испорченную другим наложницу. Разве это возможно?

— Ты должен быть доволен, что другой — это ты, — сказал Гарри. — С чего ты решил, что он влюблен?

— В беседах со мной султан хочет говорить только о Роксолане, о том, что можно купить или подарить ей, о том, что она хочет изменить в своих покоях. Ее покои, Гарри... находятся не в гареме. У нее свои покои.

Гарри почесал в затылке.

— Интересно, что думает об этом Гульбехар?

— Что бы Гульбехар ни думала, она молчит... но говорят евнухи. Без сомнения, Гульбехар надеется, что страсть Сулеймана к Рокселане — просто прихоть.

— А разве не так?

— Только не сейчас, — задумчиво протянул Ибрагим. — Падишах сообщил мне, что Рокселана беременна и что он чувствует себя собакой с двумя хвостами. Ты понимаешь, что этот разговор должен остаться между нами. Будешь болтать лишнее, лишишься головы.

— Я не буду болтать об этом, — сказал Гарри. — Я не понимаю, почему ты так обеспокоен. Рокселана — простая наложница, даже более того, она рабыня. Рабыни могут рожать сколько угодно, но это не имеет никакого значения.

— А если, предположим, она родит мальчика?

— Без сомнения, падишах будет очень доволен. Но у него есть первенец — Мустафа, а Гульбехар со временем станет султан-валиде.

— Хотел бы я быть в этом уверенным, — сказал Ибрагим. — Я хотел бы знать, не совершил ли я ужасную ошибку, послав Рокселану в постель к падишаху? Я хотел бы знать, не пожалеют ли об этом однажды империя и весь мир?

Ибрагим казался искренне встревоженным.

Гарри только и мог сказать:

— Я уверен, ты напрасно беспокоишься.

Либо Ибрагима вдруг окрасила одна из его великолепных улыбок.

— Без сомнения, ты прав. Не затеряйся там на Западе, Хоук-паша, и скорее возвращайся домой. Ты можешь очень пригодиться в один из таких же прекрасных дней.

Ибрагим, грек по рождению, прекрасно понимал шаткость своего положения. Он знал, что турецкие военачальники ненавидят его и что его высокий пост всецело зависит от милости султана. Но был ли он

полностью уверен в расположении султана? Если только из-за того, что отдал Роксолану в постель Сулейману?

Гарри нахмурился. Мог ли он сам быть уверен в своем положении? Он вспомнил, как Ибрагим хвастался, что обуздал девушку. Предположим, что Роксолана действительно приобрела влияние на Сулеймана. Может, теперь ей взбредет в голову низложить великого везира, который силой заставил ее покориться.

Да... Ибрагиму действительно было о чем беспокоиться.

Но грек сам постелил себе постель из-за своего чрезмерного тщеславия, и теперь ему придется лечь в нее.

А у Гарри оставались только надежды, светлые надежды, как ему казалось. Если даже Роксолана станет султан-валиде (что было трудно себе представить!), он, безусловно, останется в милости, потому что Яна — ее сестра. Гарри никогда дурно не обращался с Яной и теперь был более чем уверен, что она любит его.

Но теперь он стал Хоук-пашой, и ему вверили миссию величайшей важности.

Эме и Джованна пришли в отчаяние, узнав, что Гарри должен покинуть Константинополь и, возможно, на долгое время. Он, как мог, утешил их, объяснив, что даже если бы не уехал сейчас, то должен был бы сопровождать армию в следующем году.

Саша, Трессилия и Яна очень обрадовались, узнав, что поедут с Гарри. Детей тоже можно было взять в путешествие.

Хайреддин был всем доволен и казался ничуть не обеспокоенным тем, что им будет командовать человек на тридцать лет моложе его. Глаза его блестели, когда на борт грузили пушку, приставив к борту аппарель.

— Я всегда мечтал об этом, — признался Хайреддин. — Но уже отчаялся, решив, что мои мечты

никогда не воплотятся в жизнь. Теперь это произошло. Ты и я, мы вместе сделаем это, Гарри. Потому что мы с тобой одного племени, а?

— Мы даже похожи друг на друга, — напомнил ему Гарри. Он пребывал в прекрасном расположении духа.

Хайреддин перевел взгляд с рыжей бороды Гарри на свою собственную и рассмеялся.

— О да! — закричал он. — Рыжебородые! Они узнают нас как Рыжебородых. Как франки сказали бы «рыжебородые»?

— Э... я бы сказал, что по-латыни это звучит как «барбаросса», — предположил Гарри.

— Достойное имя, чтобы прославиться! Барбаросса звучит лучше, чем Рыжебородые, более устрашающе.

Хайреддин приказал отчаливать.

— Барбаросса! — крикнул он, стоя на палубе. — Трепещите, франки!

Глава 14

ИСПАНЦЫ

Эскадра Хайреддина из шести галер прокладывала путь по тихим водам Средиземного моря. Здесь, далеко к югу от Константинополя, даже южнее греческого Пелопоннеса, был такой климат, которого Гарри Хоквуд не помнил со времен египетского похода Селима Грозного.

Небо было безоблачным и нежно-голубым, море — гладким и темно-синим. Вдали на севере виднелись горы, где когда-то правили спартанцы.

Галеры плавно двигались вперед. Сто двадцать весел каждой из них — по шестьдесят с обеих сторон, размещенные в три ряда по двадцать весел — ритмично ударяли по воде. Они плыли спокойно, рабов не подгоняли.

Единственным звуком над всплесками воды был мерный бой барабана. Барабанщик держал по палоч-

ке в руках и, ударяя по барабану, перекрещивал их. Удары шли каждую секунду. Барабанщики сменяли друг друга каждый час; работали в одном ритме, не зная отдыха и не снижая скорость ударов даже в сумерках. Хайреддин приказывал идти даже ночью. Он настолько хорошо знал эти воды, что даже в кромешной мгле не боялся кораблекрушения; рабы спали по очереди, каждый третий по четыре часа. Рабы были счастливы, когда дул легкий ветерок.

Капитан пиратов не сомневался, что он может заменить своих гребцов в любой момент. Он вообще не считал их людьми, — человек, прикрепленный цепью к веслу, стоил дешевле вьючного животного. Единственной ценностью была сила его рук и спины. Как только этому приходил конец, гребца выбрасывали за борт без колебаний; ведь всегда в запасе была пара дюжин свободных гребцов, которые тут же занимали свободные места.

Почти все гребцы были христианами, захваченными в плен, и только некоторые — африканцами. Обнаженные, они сидели на скамьях, их бороды спускались до колен, тела были покрыты рубцами от ударов хлыста и обветрены, бока, покрытые нарывами, гнили от постоянного трения, они распространяли страшное зловоние. Дважды в день, на рассвете и в сумерках, водой из шланга смывали с палубы их пот, мочу и кал. Но эта процедура не устраняла той вони, которая почти висела над галерами. Но, как шутя заметил Хайреддин, все быстро привыкают к дерьму.

Гарри прекрасно знал, что, если его когда-либо возьмут в плен испанцы или генуэзцы, его участь будет гораздо хуже, чем у галерного раба... если его жизнь продолжится вообще.

Можно предположить, думал Гарри Хоквуд, стоя у кормы и глядя вниз на напряженные тела гребцов, что теперь я рискую обрести такую же судьбу.

Он размышлял, что бы он чувствовал, будучи прикованным к веслу и зная, что должен грести из последних сил, получая при этом минимум еды и воды, чтобы только поддерживать свою жизнь, а потом его выбро-

сили бы за борт. Это была не та участь, которую он рисовал себе. Все Хоквуды жили и сражались как благородные люди... и умирали как благородные люди.

Послышался какой-то шорох. Рядом с Гарри появилась Яна. Ее тоненькие пальчики сжимали реи. Она наблюдала за рабами, губы ее слегка приоткрылись. Яна не покрывала голову с тех пор, как Гарри разрешил своим женщинам не носить яшмаки, если они не хотели. Саша и Трессилия, конечно, не расстались с яшмаками, к тому же они до сих пор страдали морской болезнью.

Яна пристрастилась к морю, как будто была рождена в нем. Она никогда не любила яшмак, и теперь ее золотисто-коричневые локоны развевались на ветру. В России не было галерных рабов, потому что там не было галер. Здесь в одном месте собралось такое количество обнаженных мужчин, которого она прежде никогда не видела, хотя это зрелище нельзя было назвать приятным.

Яна поймала устремленный на нее взгляд хозяина и покраснела.

— Мне жалко их, — пробормотала она по-гречески. Она хорошо знала этот язык.

Жалость Яны удивила Гарри, но он знал, что Яна мягче своей сестры.

— А что ты скажешь о себе?

— Я счастлива, хозяин. Я счастлива в море, я счастлива быть с тобой.

Бедный Ибрагим, подумал Гарри, упустил такое блаженство.

— Мне бы хотелось, чтобы был лучший способ использования такой силы, — задумчиво сказала Яна, вновь устремляя взгляд на гребцов.

— Да, — подумав, ответил Гарри.

В наступившей темноте бриз подул с востока. Весла были в уключинах, паруса подняты.

Хайреддин угощал гостей ужином на нижней палубе.

— Восточный ветер хорош, — сказал он, — если идешь на запад. Он относит вонь, согласны?

Старый пират не мог сдержаться и все время поглядывал на женщин. Обычно он не брал женщин на свои галеры, кроме захваченных рабынь.

— Долго ли добираться до Алжира? — внезапно спросила Яна. В разговоре с мужчинами она чувствовала себя свободной, Саша и Трессилия, напротив, всегда ждали, чтобы к ним обратились.

— При этом ветре еще шесть дней. А без ветра... тоже шесть дней, — расхохотавшись, ответил Хайреддин и налил ей вина. Вино он уважал не меньше, чем пустословие, лежащее в основе его религии, и не меньше, чем пустословие, руководившее его жизнью.

— А мне понравится Алжир?

— О да! Это прекрасное место. Там все белое. Дома белые и красивые. Бухта тоже хороша. Она основательно укрыта — это я сделал ее такой. И теперь, когда Алжиром будет управлять паша, он станет настоящим городом. Согласен, Хоук-паша?

— Возможно, — кивнул Гарри.

Внезапно послышался крик впередсмотрящего, двадцать четыре часа в сутки наблюдавшего за обстановкой на море.

Хайреддин моментально вскочил.

— Рапортуй!

— Огни по правому борту.

Хайреддин полез в такелаж, его кафтан колыхался на ветру, Гарри последовал за ним. Прищурившись, они различили слабое мерцание огней на горизонте.

— Земля? — спросил Гарри.

— Между нами и Италией нет суши, а Италия все еще в ста милях впереди, — сказал Хайреддин. Он спрыгнул на палубу, где собрались командиры. — Сигналь тушить все огни, — приказал он.

— Грести?

— Нет, пока есть бриз. Полная скорость нам понадобится позже. Позови меня, когда бриз утихнет или изменится его направление.

Он вернулся к столу, оказавшемуся в полной темноте с тех пор, как огни были потушены.

— Будет битва? — возбужденно спросила Яна.

— Битва? — расхохотался Хайреддин. — Нет, нет, моя милая. Стремительная атака, не битва. Но не раньше, чем завтра. Ты можешь крепко спать.

Гарри переживал. На земле, встречаясь лицом к лицу с врагом, ты видишь размер его войска, знаешь, сколько часов будет идти битва. В море ты преследуешь неизвестного врага. Хайреддин сказал, что огни — несомненно кормовые фонари, и, таким образом, корабль впереди следует их курсом.

— Это значит, что они идут с Крита или приблизительно из тех мест.

— Если это венецианцы, то они наши союзники, — сказал Гарри.

Хайреддин ухмыльнулся.

— В море все не так. Но это точно не венецианцы.

— Откуда ты знаешь?

— Если бы они шли в Венецию, они следовали бы севернее, по Адриатическому морю. Эти же держатся того курса, что и мы, они направляются к Италии и Мессинскому проливу. Таким образом, это неаполитанцы, генуэзцы или испанцы...

— И ты собираешься захватить их, — закончил Гарри.

— Это наш долг перед султаном, — сказал Хайреддин. — Кроме всего, это будет хорошим развлечением.

Хайреддин отправился отдыхать, Гарри остался на палубе. Почти впервые в жизни он так ждал приближающегося столкновения.

К рассвету Гарри задремал и проснулся, испуганный голосом, выкрикивающим приказы. Бриз спал. Хайреддин снова был на палубе, паруса спускались вниз, весла погружались в воду. Гребцы вкусили редкую роскошь почти целой ночи сна, теперь вода энергично разбивалась веслами. Стук барабанных палочек стал частым.

Гарри стоял у леера, всматриваясь в даль. Огни теперь были намного ближе: очевидно, корабли не имели представления, что их преследуют. Он огляделся и увидел белые завитки, идущие от весел других галер, прорезавших спокойное море. Их можно было различить только вблизи.

Темнота стала исчезать. Подошел Хайреддин. Огни впереди них погасли.

Небо прояснилось, море было серым. С обеих сторон от них галеры рассекали волны; у каждой на борту была пушка, нетерпеливые бомбардиры, сгибаясь над орудиями, осматривали их.

Впереди них двигались три высокобортных округлых торговых судна.

— Генуэзские караки! — рявкнул Хайреддин. — Повезло так повезло!

Гарри кусал губы. Он вспомнил рассказ дяди о том, как его дед, Энтони, осаждал Константинополь, и о том, как генуэзские военные корабли прорвались сквозь турецкий флот к Золотому Рогу; их обитые железом носы ломали весла, как соломинки.

Но эти суда была меньшего размера, и управлялись они неопытными командирами. Хайреддин, казалось, в этом не сомневался. Кроме того, это были не военные караки.

Генуэзские торговые суда продолжали спокойно плыть еще полчаса, пока галеры не приблизились. Бриз почти спал, как это бывало только на рассвете.

Первые лучи поднимавшегося солнца уже пробились сквозь облака, прежде чем вахтенный на караке заметил, что происходит сзади. К этому времени турецкие галеры были в миле от своих жертв.

В считанные секунды все превратилось в ад. Гарри наблюдал за сновавшими повсюду людьми, заряжавшими пушки и натягивающими кормовые сети.

— Они могут уйти от нас? — спросила Яна, стоявшая рядом с Гарри.

— Сомневаюсь. Ты должна спуститься вниз, — сказал он.

Яна надула губы, но повиновалась.

Теперь все корсары были на палубе, вооруженные саблями, прикрепленными к ремням.

— Огонь! — прорычал Хайреддин. Пушки загрохотали. Первый снаряд не попал в цель, но остальные пять пушек тоже выстрелили, следуя приказу. Два снаряда попали в корму караков, но не причинили значительного ущерба.

Генуэзцы дали ответный выстрел, но он не попал в цель.

— Скорее! — закричал Хайреддин, стоя на корме и сжимая рею.

— Кляпы! — скомандовал командир, стоявший внизу.

У каждого раба на шее висела деревянная чурка около шести дюймов длиной и двух в диаметре. Теперь эти деревяшки они засунули себе в рот. Бой барабанов стал невыносимо быстрым, надсмотрщики шагали по палубе, их хлысты взлетали над обнаженными телами.

— Если не использовать эти затычки, рабы начнут выть и стонать, — объяснил Хайреддин. — Тогда никто не услышит моих приказов.

Теперь галеры мчались на огромной скорости, их паруса трепетали на ветру. Команды выстроились на палубах в линию и открыли огонь из ружей, но и это не принесло результата.

— Это торговый люд, который не знает толка в сражениях, — презрительно сказал Хайреддин.

У Гарри возникло странное чувство. Всю свою юность он провел в военных походах, сражаясь с такими же точно солдатами. Казни мирных жителей были обусловлены тактикой войны, они выполнялись хладнокровно и далеко от поля битвы. Теперь ему предстояло сражаться с мирными людьми...

— Пошли, — сказал Хайреддин и поспешил вперед. Гарри последовал за ним к тому месту, где собралось около пятидесяти корсаров.

Теперь пираты находились на расстоянии ста ярдов от караков, вторая галера шла следом. Галеры разбились на пары, по две на каждое генуэзское суд-

но. Над бортами появились лица, некоторые люди кричали, некоторые хмуро молчали. Запалили аркебузы.

Ничего не помогло. Когда галеры приблизились к каракам, с них были брошены «кошки», которые, пролетев в воздухе, зацепились за планширы. Моментально галера была подтянута прямо под корму карака и закреплена. Весла спустили, и корсары начали лезть по канатам.

Генуэзцы бросились рубить канаты топорами и саблями. Некоторые были раскромсаны, и люди с них попадали в море. Но по мере того, как забрасывались все новые и новые «кошки», нападавшие все равно добирались до палубы. Кое-кто проникал на караки через палубные окна и врывался в каюты.

Гарри был одним из них. Он размахивал саблей по сторонам — передняя палуба была расположена слишком низко.

Люди с криками разбегались от взмахов сабель. Они не были моряками, но хотели сражаться за свою жизнь. Здесь были только купцы и испуганные женщины — никогда прежде Гарри не встречался с женщинами на поле боя.

Более разумные женщины бросались на сабли, и палуба окрашивалась кровью. Малодушные позволяли завлечь себя в угол каюты, где с них начинали срывать драгоценности, хватать за корсажи и лезть под юбки.

Выбив закрытую дверь, Гарри по лестнице взбежал на палубу. Здесь расправу чинил Хайреддин, окруженный своими людьми. Исход битвы за обладание судном был уже решен. Мертвых и раненых выбросили за борт, так же, впрочем, поступили и с членами экипажа. Наиболее молодых и привлекательных моряков оставили для утех.

Женщин вытащили на палубу. С них сорвали одежды, и теперь пираты отпускали соленые шуточки по поводу их достоинств. Корсары положили женщин на спины и начали проверять их на девственность (очевидно, каждый корсар считал себя специалистом

в этой области). Те, кого они сочли девственницами, по крайней мере на какое-то время были освобождены от мучений. Их выставят на продажу на площади в Алжире. Тех женщин, непорочность которых оказалась под сомнением, тут же оседлали захватчики, и они, одна за другой, отправились в забытье. Палуба превратилась в шевеляющуюся массу плоти, издающую вздохи, стоны... и запахи.

Никогда прежде Гарри не видел такого скотского зрелища. Он хорошо знал, что его мать, Джованна, не могла бы так просто все это вынести. Чувствуя тошноту, он поднялся на корму, а потом на верхнюю палубу карака и взглянул на следующие сзади суда. Они были сравнительно мирными, только с горсткой турок, собравшихся на палубе. Но вопреки приказанию Гарри женщины вышли из каюты посмотреть, что происходит.

Хайреддин хлопнул Гарри по плечу.

— С первой победой тебя! Ты доволен, Хоук-паша?

— Конечно, — сказал Гарри.

— У нас богатая добыча, — уверял Хайреддин. — Ты не заглянул в трюм. У нас есть вино, прекрасная закуска, у нас есть золото и у нас есть рабы. Богатая добыча.

— Что ты сделаешь с кораблями? — спросил Гарри.

Хайреддин ухмыльнулся.

— Они мне не нужны. Я сожгу их. Все, кроме одного. Я оставлю судно с командой из десяти человек. Эти люди отправятся на нем в Геную и расскажут о том, что произошло. Пусть расскажут о том, как их захватил Барбаросса. Это имя должно вселять ужас в сердца неверных. Барбаросса! Барбаросса! — закричал он.

Клич подхватили экипажи галер.

Войне в Средиземноморье был дан новый размах.

Когда турецкая эскадра приблизилась к берегу, Алжир действительно ослепительно сверкал в лучах полуденного солнца. Гарри Хоквуд, бывалый солдат,

с первого взгляда заметил, что город неважно укреплен. Приблизившись к берегу, Гарри понял, что Хайреддин, или Барбаросса, — теперь он настаивал, чтобы его так называли, — создал хорошо защищенный маленький порт в сущности из ничего. От нечеткой береговой линии далеко в море тянулись два мола, причем они пересекали друг друга, поэтому любой флот, попытавшийся приблизиться к берегу, дважды менял бы курс. Молы находились почти рядом, и, без сомнения, атакующим судам пришлось бы снизить скорость до минимума и собраться в одном месте. На каждом молу был расположен отряд артиллеристов.

За молами над городом поднималась внушительная крепость, сверкающая белизной в лучах солнца, на ее башнях развевались зеленые флаги османцев.

Полоса плодородной земли, дававшая жителям большую часть их довольствия, опоясывала крепость. Горы, как рассказывал Хайреддин, были названы в честь мифологического греческого гиганта Атланта, державшего небеса на своих плечах, и тянулись примерно на сто миль в глубь территории и гораздо дальше вдоль берега, прежде чем спуститься в пустыню.

— Флот может подойти по морю, — объяснил Хайреддин, — но никакая сила не пересечет пустыню.

Алжир был основан финикийцами задолго до рождения и Христа и Мухаммеда; римляне знали его как Икосиум. Многие последующие завоеватели разграбили город и оставили на его месте руины, но в X веке он был возрожден берберами и номинально управлялся берберским правителем. Последний был очень доволен тем, что Хайреддин использует город как свою базу. Это не только обеспечивало защиту ему и его людям, но и давало десятую часть всего награбленного и рабов, приведенных сюда пиратами.

Город на самом деле оказался гораздо больше, чем ожидал Гарри. Его меткий взгляд тут же определил, в каких местах оборонительные сооружения должны быть укреплены.

Хайреддин, конечно, вышел на берег как бейлербей, хотя и был не вправе использовать здесь этот титул. Он приветствовал местных властителей, они кланялись, приветствуя его.

Хайреддин и Гарри посетили дворец дея[1], где Гарри представили Ал-Рашиду, маленькому человеку с непропорциональным лицом, горячо приветствовавшим посла султана. Очевидно, у него не было и тени подозрения, что это его первый шаг на пути насильственного и безоговорочного подчинения Порте.

Затем Хайреддин и Гарри прошли по касбе[2] и поднялись по лестницам на узких улочках наверх, где была крепость. За крепостными стенами находился дворец Хайреддина, в котором жили множество молодых женщин, самых красивых из пленённых им.

Гарри проводили на самую высокую башню — теперь перед ним как на ладони лежал маленький суетливый порт, омываемый водами Средиземного моря.

— Если бы ты видел на двести миль вперед, — сказал Барбаросса, — то узрел бы горы южной Испании. Они поднимаются между нашими и Гранадой и однажды по воле Аллаха будут принадлежать нам.

— Так близко... — удивился Гарри, пощипывая бороду. — Я не понимаю, как это испанцы до сих пор не уничтожили нас.

— У императора есть дела поважнее или ему так кажется. Кроме того, он знает, что мы ему не по зубам. Мы увидим его флот задолго до того, как он приблизится к нам, и подготовимся к этой встрече.

— А вдруг он начнет атаку, когда тебя здесь не будет?

— Откуда ему знать, где я, Гарри? Кроме того, он немного опоздал. Теперь один из нас всегда будет здесь. Разве не так?

---

[1] Дей — титул пожизненного правителя Туниса, Триполи и Алжира.

[2] Касба — центральная часть мусульманского города.

Часть своего дворца Хайреддин отдал в пользование Гарри, который разместил здесь своих жен и наложниц.

Однако вскоре Гарри присоединился к Барбароссе в его походе на Сицилию. Его удивила та легкость, с которой корсары прокрались в пустынную бухту. Затем они забрались в горы и, захватив внушительное селение, удерживали его в течение двух суток. За это время пираты полностью опустошили его, захватили около пятидесяти девушек и юношей, а также огромные запасы зерна и скота. Заметив большие войсковые подразделения, направлявшиеся в их сторону, пираты покинули селение.

— Это секрет ведения войны на море, — объяснил Барбаросса. — Мы можем идти куда угодно и высаживаться где угодно. Ни одну береговую линию невозможно защитить до конца. Таким образом, любая береговая линия достаточно уязвима. Теперь, обладай мы Тунисом...

Гарри не надо было убеждать, что именно таким способом и следует вести войну. В конце концов он взял одну из маленьких и быстрых галер Барбароссы и вернулся в Константинополь. Султана там не было. Он оставил Ибрагима командовать армией в войне против Персии и снова повел армию на Вену. И снова был вынужден отступить от стен этого города...

Гарри навестил мать и тетку, уверил их, что здоров, и отправился догонять великую армию. Он застал султана в Белграде и был очень обеспокоен тамошней обстановкой.

— Рад тебя видеть, Хоук-паша, — сказал Сулейман, когда охранник доставил Гарри в личные покои султана. — Рад видеть человека, которому можно доверять, — сказал падишах.

Гарри не думал, что во всей империи не было человека, которому этот всеми любимый султан не мог бы довериться.

— Меня окружают ложь и предательство, — сказал Сулейман, — а мне еще так много надо сделать. Я должен бороться с Австрией, я должен сражаться

с Персией, а затем решить дома вопросы законности и религии. И кому я могу поручить что-либо, на кого мне положиться в надежде на понимание и преданность?

— Конечно, Ибрагиму... — предположил Гарри.

— Ибрагим! Ха! Этот грек — предатель. Я поднял его из грязи. Тебе известно это, Гарри. Мы с тобой знаем друг друга с юных лет. Ты помнишь, как мой отец был недоволен этой дружбой с греком. Без сомнения, он был прав.

— Ибрагим предал тебя? — Гарри не верил своим ушам.

— Нет еще. Но остался только один шанс, что он не сделает этого.

— У тебя есть доказательства?

— Зачем мне доказательства? Ибрагим практически правит в Анатолии. О да, он провел несколько замечательных операций и отразил не одну атаку персов. Он показал себя хорошим командиром, но выгодно ли это мне? Он все продолжает набирать войско. Зачем ему такое огромное войско? Он говорит — чтобы отбросить персов... А может, для того, чтобы пойти на Константинополь и восстановить правление греков?

— О падишах, я не верю в это. Это твой самый верный слуга. И нет никаких доказательств его предательства...

— Есть люди, знающие грека лучше, чем ты, Гарри.

«Рокселана! — подумал Гарри. — Ибрагим был прав — она хочет испортить его отношения с султаном».

— Но это меньшая из моих бед, — рявкнул Сулейман. — Предательство затаилось даже в моем собственном гареме.

— Предательство, падишах?

— О да! Уже все раскрыто. Мой собственный сын, Мустафа, пошел против меня. К счастью, теперь мне есть кому доверять. — Он вздохнул. — У меня есть еще сын. — Внезапно его лицо ожи-

ло. — Я назвал его Селим. Разве это не справедливо?

Ребенок от русской рабыни назван в честь величайшего из османских воинов! Бог мой! Гарри не думал, что амбиции Рокселаны зашли так далеко.

— Что ты собираешься делать, падишах? — спросил он.

— Я собираюсь действовать. Я должен по очереди разобраться со своими врагами. Сейчас я веду переговоры о мире с Фердинандом Австрийским, я собираюсь завершить войну в Европе. Я пойду на Восток и в Анатолию. Я сам буду командовать и сам разберусь с персами. Я также сведу счеты и с Ибрагимом.

Гарри не нашелся, что ответить; ответить было нечего.

— Теперь скажи, с чем ты пришел? — спросил Сулейман.

— Я пришел просить людей, падишах, — выдохнул Гарри.

— Ха! — воскликнул Сулейман. — Тебе-то я могу доверять, Хоук-паша...

«Благодаря сестре Рокселаны?» — размышлял Гарри.

— Зачем тебе эти люди? — спросил Сулейман.

Гарри сообщил о своих планах.

— Но раз ты хочешь мира с Европой, падишах, мои планы теряют смысл.

Сулейман поднял палец:

— Не совсем так. Я не говорил, что ищу мира с Европой или с императором. Я ищу мира с королем Фердинандом, императором Австрии. Я не ищу мира ни с его братом Карлом, ни с предателем Франциском. Все, что здесь произойдет, можно назвать пограничным перемирием. А ведь действительно, Хоук-паша, чем больше ты высосешь сил из испанцев и чем больше нагонишь на них страха, тем лучше. Я дам тебе людей и желаю тебе успеха.

— Пусть у тебя все будет хорошо, падишах, — поклонился Гарри.

— Я только тем и занимаюсь, чтобы все было хорошо, — мрачно сказал Сулейман.

— Молю тебя: не принимай поспешных решений и не суди без доказательств...

— Я поступаю так, как считаю нужным, — отрезал Сулейман.

Гарри больше ничего не мог сделать, как бы он ни предчувствовал возможное развитие событий. Он вышел из Константинополя с двенадцатью галерами и тысячей солдат, не считая командиров, и достиг Алжира две недели спустя. Не однажды его манила возможность легкого захвата того или иного судна, но он не должен был отвлекаться от своей цели.

Ал-Рашиду только что и оставалось пощипывать бороду при таком неожиданном наплыве турецких сил; не могли успокоить его и объяснения Гарри, что люди прибыли для ведения войны с Тунисом. Ал-Рашид ненавидел Мулай-Хасана, дея Туниса, за то, что Мулай в отличие от него был в хороших отношениях с императором, и поэтому боялся последствий.

— Ты не хочешь, чтобы мои люди и галеры были здесь. Но ведь они будут защищать тебя! — протестовал Гарри.

Барбаросса был доволен усилением флота. Гарри сразу же принялся за работу, изучая Тунис с моря и суши. Он предпринимал долгие и опасные пятисотмильные переходы вдоль гор в сопровождении только Диниза и проводника. За три месяца он окончательно решил, что нападение должно быть сухопутным, и не только из-за сильных мощных сооружений города на море, но и для того, чтобы испанцы не догадались об их намерениях. Поначалу испанцы видели в Барбароссе самого обычного пирата, даже если он называл себя бейлербеем Алжира от имени султана. И только тогда, когда он захватил североафриканское побережье, им пришлось отнестись к нему более серьезно.

Тем временем Барбаросса выходил в море и приносил огонь и меч на испанский и итальянский берега. Начав с Картахены, он добрался до Аликанте, Валенсии, Таррагоны и Барселоны; на его счету были нападения в Сете и Марселе, Ницце и Чивитавеккье — прибрежном городе рядом с Римом. Лишь Генуя, хорошо защищенная своим флотом, избежала этой войны. Имя Барбароссы было у всех на устах, так же были известны имена его командиров, среди которых наиболее «прославился» Драгут.

Гарри посвящал себя не только планированию нападения на Тунис. Море по-прежнему волновало его, и именно Средиземное море. От испанских пленников, привезенных в Алжир, он слышал рассказы о неспокойном Атлантическом океане, который обещал великие морские путешествия на подходящих судах.

Но при всем превосходстве на море обладали ли испанцы такими судами, о которых он думал?

Испанцы работали над созданием военного судна. Караки и их меньшие копии — каравеллы, которые бороздили океаны более двухсот лет (на таком судне Кристофор Колумб пересек Атлантику, а Васко да Гама обогнул мыс Доброй Надежды), доказали свою бесполезность в военном деле. Караки могли быть огромными, некоторые вместимостью в несколько тысяч тонн, хорошо вооруженными и наполненными воинами, но громоздкие корпуса лишали их маневренности в любую погоду, если не дул попутный ветер. Самый хороший в мире флот караков мог быстро подплыть к незащищенному морскому порту и мог остаться совершенно беспомощным, если ветер дул с берега.

Значит, испанские судостроители должны были заниматься переустройством корпуса и изменением формы паруса с целью улучшения военных качеств. Увеличивая ширину судна от двух до трех, иногда четырех единиц, они все больше погружали корпус в воду для увеличения скорости. Уменьшались нос

и корма, превращаясь не более чем в слегка возвышающиеся наблюдательные палубы. С уменьшенной надводной частью судно становилось более быстроходным и маневренным. Испанцы усовершенствовали размещение парусов: к длинным бушпритам прикреплялись несколько передних парусов, параллельные реи перемещались от носа к корме, тем самым давая возможность судам плыть против ветра. Эти новые суда назвали галеонами.

Говорили даже о постройке галеонов, на которых будут и весла и паруса. Их называли галеасы, но они существовали пока только в чертежах.

У новых судов были, конечно, и недостатки. Из-за низкой посадки корпуса на них нельзя было перевозить грузы, для этого там просто не было подходящего места. Суда были рассчитаны на длительные путешествия — пересечение Атлантики могло длиться до двух месяцев при неблагоприятной погоде, — поэтому их нижние палубы были забиты запасами воды и еды, и места для груза не оставалось. Также были сложности и с размещением пушек. На полностью вооруженном корабле нижние огневые точки располагались очень близко к воде, и использовать их в беспокойном море было невозможно. А на основной палубе размещение орудий любых размеров было нежелательно. Но можно было не сомневаться, что это крепкие корабли.

Гарри был уверен, что однажды ему придется вступить с ними в сражение.

Для пиратских рейдов такие суда не годились. Гарри планировал осуществить рейды в Атлантике вдоль берегов Португалии, Испании и, кроме того, Франции. Эти корабли были слишком неуклюжими, замирали в плохую погоду, и их невозможно было вывести на мелководье.

Гарри выходил в море не для того, чтобы вступать в бой с флотом врага, если мог, он избегал этого; таким образом, наличие на судах большого количества пушек было ему ни к чему; ему требовалось одно мощное орудие, чтобы сбивать мачты

спасающихся бегством торговых кораблей. Гарри нужны были только толковые командиры для коротких рейдов, которые он планировал. К тому же он не собирался проводить в море больше нескольких дней без возможности пополнения запасов еды и воды, и поэтому глубокий трюм не был для него насущной необходимостью.

Кроме всего, Гарри все еще пытался увеличить сопротивляемость встречному ветру.

Гарри вспомнились выходы в Босфор, Мраморное и Черное моря. Венецианские кораблестроители построили ему миниатюрное судно, которое на маленькой площади выполняло все, что от него требовалось. Потому что эта площадь не могла быть увеличена...

Гарри поделился своими соображениями с Хайреддином, когда флоту корсара случилось оказаться в порту.

Барбаросса погладил бороду.

— Конечно, Гарри, построить большое судно, подобное твоему, возможно, но я не уверен, что это принесет пользу. Ты собираешься вести корабли через Гибралтарский пролив в океан? Что ты собираешься там найти? Помнишь, что случилось с твоим судном в Черном море?

— Оно было без палубы, а эти новые корабли будут с палубами. Они смогут выдержать даже штормы в Атлантике. Или ты считаешь, что есть на свете море, куда мы боимся выходить? Испанцы-то уже плавают там.

— Я смело признаюсь тебе, Гарри, что достиг такого возраста, когда уже не все хочу попробовать. Средиземное море — вот моя стихия. Здесь я процветаю. И только о нем хочу говорить. Ты слышал об Андреа Дориа?[1]

— Генуэзский адмирал?

---

[1] Дориа Андреа (1466—1560) — генуэзский адмирал. Отстаивая независимость Генуи, из тактических соображений служил сначала Франциску I, а потом императору Карлу V.

— Он самый. Он теперь не просто адмирал, а правитель Генуэзской республики.

— Значит, у него стало меньше времени гоняться за тобой по морю.

— Как раз наоборот. Пленники говорят, что он собирается бросить все свои силы, чтобы уничтожить и меня, и тебя. Он, очевидно, тратит на постройку новых судов неслыханные деньги, совершенно не беспокоясь о том, что разорит свой народ. И постоянно предлагает императору совместное нападение на Алжир.

— Гм... Ал-Рашид знает об этом?

— Нет, и мы ничего ему не скажем. Его хватит удар, и он попросит нас убраться подобру-поздорову. Но мы не можем просто так ждать их нападения. Мы должны сделать две вещи.

— Что же?

— Первая: как только генуэзский флот выйдет в море, мы должны обнаружить его и разбить. Матросы еще не обучены, корабли не испробованы.

Гарри кивнул.

— Резонно. А вторая?

— Прежде чем генуэзский флот будет построен, мы должны взять Тунис. Это значит, в следующем году. Я не думаю, что Дориа сможет вывести флот в море в конце следующего лета. Тунис нам нужен потому, что он будет нашей второй крепостью в противовес испанским и генуэзским позициям. Если император Карл и Дориа соберутся напасть на одну, они должны будут знать о возможности быть атакованными с другой. Это очень важный момент.

Гарри согласился и проинформировал о своем плане Константинополь, послав гонца. Сам он не поехал, потому что не представлял, как складывается обстановка в Порте, и со страхом ждал вестей.

Но все новости оказались хорошими. Военная кампания против персов была успешно завершена. Ибрагим праздновал свой триумф. Он по-прежнему был великим везиром и собственноручно ответил на пос-

лание Гарри. Наверное, Ибрагим и Сулейман примирились, решил Гарри.

Вдобавок принц Мустафа стал появляться в обществе, отец давал ему какие-то важные поручения.

Гарри вздохнул с облегчением: Роксолана, кажется, потерпела поражение в своих интригах...

Самым замечательным было то, что султан полностью поддержал план Хоук-паши по поводу расширения османских владений на западе Средиземноморья и захвата Туниса.

Гарри и Барбаросса принялись претворять план в жизнь. Барбаросса демонстрировал свою мощь на море, Гарри повел малочисленную армию по горной дороге, которую он разведал в прошлом году. Таким образом, Тунис, казавшийся сонным городом, внезапно атаковали с суши, и он пал почти сразу. Только после этого Барбаросса рискнул привести галеры на мелководье.

Тунис не был укреплен для отражения атак врага с суши. Город стоял на месте древнего Карфагена и сохранил все преимущества этого известного морского порта. Город находился на возвышенности и был защищен с трех сторон большими солеными озерами. Они были довольно глубокими и пригодными для обычных галер, но их окружали песчаные отмели и маленькие острова, проход через которые в самое большое озеро был узким и хорошо защищенным.

И все же, если бы Мулай-Хасан хоть раз оглянулся назад, его крепость была бы неуязвимой.

Турки собирались устроить в городе свою резиденцию, и им нужно было, чтобы жители относились к ним доброжелательно. Гарри запретил грабить Тунис. Четверть местного гарнизона выразила желание поступить в его распоряженйе. Однако дею Мулай-Хасану удалось сбежать, и как ни старался Хоквуд, он не смог найти его.

Позже стало известно, что Мулай-Хасан пробрался в Мадрид и умолял Карла помочь ему отвоевать свое королевство.

Гарри сразу же занялся укреплением защитных сооружений города, особенно со стороны суши, и перевез свою семью из Алжира в новую столицу. Алжир находился слишком близко от гнева испанцев, к тому же Тунис казался Гарри спокойнее.

Укрепив защитные сооружения Туниса, в начале 1534 года Гарри приступил к реализации собственного проекта, построив четыре судна. По сто футов длиной и двадцать пять шириной, они были такими же узкими, как галеры. На каждом судне были верхняя и нижняя палубы. В трюме могло поместиться военное снаряжение, пленники и добыча. Команда, включая Гарри, должна была спать на палубе.

В качестве движущей силы использовался треугольный латинский парус. Экспериментируя, Гарри выяснил, что судно может делать пятьдесят узлов в час, превосходя возможности любой галеры.

К удивлению и радости Гарри Яна дала ему совет.

— Я понимаю, что ты задумал, мой господин, — сказала она. — Ты хочешь построить корабли, которые смогут противостоять океанским штормам лучше, чем галеры. Но ведь часто в открытом океане или у берега ветра совсем нет или может случиться, что тебе понадобится передвинуть корабль против ветра. Мой господин, у нас в России нет галер, на наших реках суда двигаются при помощи огромных весел.

— Весел?

— Такие длинные весла, по одному или по два с каждой стороны. Их количество зависит от размеров судна и реки. На твоих кораблях можно установить по два с каждой стороны. Эти весла лежат на палубе, когда в них нет надобности. А если необходимо, их перекидывают за борт через уключины. Три человека могут справиться с таким веслом. Ты увидишь, что с их помощью твои корабли будут двигаться с хорошей скоростью.

Гарри оценил совет Яны и решил вопрос, который мучил его. Весла и уключины сразу были пущены в ход.

Когда наконец Гарри стал набирать добровольцев, чтобы помочь спустить его эскадру в море, он был очень удивлен горячим откликом людей. Каждое судно было укомплектовано командой в пятьдесят человек. Гарри объявил, что сам возглавит экспедицию.

Барбаросса и Драгут были ошеломлены.

— А как же Дориа? — волновались они.

— Вы говорили, что его флотилия будет готова к выходу в море только к следующей весне, а я к августу вернусь, постараюсь успеть до октябрьских штормов.

— Будем надеяться, что ты вернешься когда-нибудь, — проворчал Барбаросса.

Туглук хотел отправиться в море с отцом; ему исполнилось восемнадцать лет, и он был уже настоящим моряком. Тутуш, тремя годами моложе брата, также горел энтузиазмом. Но Гарри не мог взять с собой сыновей на такое опасное предприятие; с турецкой точки зрения он бросал вызов неизвестности.

— Ты заменишь меня здесь и отправишься с Барбароссой, — сказал он Туглуку.

Юноша принял приказ отца без возражений.

Тутушу Гарри приказал занять место командира крепости и управляющего дворцом.

Гарри не стал объяснять им, что он руководствуется вескими причинами, сам возглавляя экспедицию и отдаляясь от семьи.

Если он собирался в набег на Францию, почему бы не навестить и Англию? Восемьдесят семь лет прошло с тех пор, как Хоквуды оставили Англию в поисках счастья на Востоке. Но никто из них не забывал свои корни, и все они знали английский как свой родной язык.

Возвратиться в Англию... хоть недолго, но побыть там. Об этом Гарри мечтал с того времени, когда впервые испробовал радость морского похода.

Небольшая флотилия покинула Тунис в конце мая. Гарри знал от пленников, что погода в большой бухте, лежащей к северу от Испании, начинает устанавливаться к июню.

В южном Средиземноморье стояли ясные дни. Сделав остановку в Алжире, Гарри выяснил, что признаки передвижения испанцев по морю не замечены. Это успокоило Гарри, хорошо понимавшего, что его люди нервничают, думая о том, как их встретит Атлантический океан. Впрочем, он и сам думал об этом.

На следующий день флотилия вышла из Алжира, подгоняемая восточным бризом. Вскоре они оказались в Гибралтарском проливе, за которым лежала бухта Альхесирас, большое и хорошо укрытое пристанище судов. Они различили несколько кораблей, стоящих на якоре, но никто не обратил внимания на четыре тени, крадущиеся вдоль дальней стороны пролива восьмимильной ширины.

Хотя бриз немного окреп, их скорость заметно уменьшилась, на море начало рябить; вскоре Гарри понял, что они плывут против сильного течения. На какое-то время суда замерли и несколько часов с трудом пытались удержаться на одном месте. После прилива течение ослабло, но все еще было против их движения.

Гарри определил, что воды Атлантики, должно быть, постоянно направляются в Средиземное море, ослабевая только во время отлива. Также он заметил, что, когда течение отлива или прилива совпадает с основным течением, его скорость доходит до нескольких узлов. Совершенно очевидно, еще многое предстояло узнать о плавании в океане...

И наконец земля скрылась из вида, и флотилия оказалась со всех сторон окруженной огромными стенами медленно движущейся воды. Турки были край-

не встревожены первым проявлением необыкновенной мощи океана, но через несколько часов привыкли к этому, особенно когда обнаружили, что эта масса волн, около тридцати футов высотой, не является разрушительной силой.

Гарри прекрасно понимал, что, если ветер усилится, волны станут самыми устрашающими и безжалостными.

Эскадра двигалась точно на северо-запад и вскоре снова начала приближаться к земле. Через две ночи после выхода из Гибралтарского пролива люди заметили огни на мысе Святого Винсента. В этом месте в прошлом столетии португальский инфант Генрих Мореплаватель основал обсерваторию для изучения жизни моря.

Гарри обошел мыс, не желая быть замеченным. Взяв курс на север, корабли держались на расстоянии десяти миль от берега и приближались к нему на рассвете и в сумерках в надежде найти что-нибудь стоящее для нападения. Погода благоприятствовала Гарри, ветер сменился с восточного на юго-западный и не мешал движению.

Через два дня они очутились у скалистого мыса Каскай, сторожившего реку Тежу. Гарри справился по карте и узнал, что в нескольких милях вверх по реке лежит великий Лиссабон, столица Португалии. Нападать на этот город не входило в планы Гарри, но, приблизившись к Каскаю, он был удивлен, обнаружив в нем множество судов, причем весьма внушительных размеров.

— Жирные утки, — прокомментировал Диниз, назначенный помощником капитана флагманского судна.

— Мы должны взять хотя бы одно, — решил Гарри и начал изучать обстановку. До наступления темноты оставался час. Гарри интересовало, как эти корабли соединялись с якорями, потому что сначала все они смотрели на запад в открытое море. Но когда флотилия приблизилась, корабли разнесло в разные стороны от их якорных цепей, и теперь все они

раскачивались так, что их носы смотрели по течению, направленному в Лиссабон.

Совершенно очевидно, течение здесь изменялось к отливу. Наблюдения Гарри позволили ему сделать вывод, что каждый период длится примерно шесть часов, следовательно прилив начнется примерно в полночь, а отлив — около шести следующим утром. Эти знания могли пойти на пользу.

Гарри приказал установить сигнальные флажки, и эскадра, которая вызвала некоторый интерес на берегу, судя по активности в порту, ушла в ночь. Они легли в дрейф, и Гарри созвал всех капитанов на борту флагманского судна, чтобы проинструктировать их. Перед рассветом они взяли курс на огни крепости. Одно более яркое пятно света, расположенное выше по устью реки, выделяло отмель.

Четыре маленьких судна тихо скользили по темной воде, Гарри налегал на направляющее весло главного судна. Во время короткой разведки, предпринятой вечером, он отметил скалы, спускавшиеся вниз от крепости, но у него сложилось впечатление, что сама бухта была гладкой до того места, где стояли на якоре корабли. Таким образом, его маленькая эскадра спокойно прошла мимо крепости, прежде чем повернуть назад; при юго-западном ветре этот маневр оказался не очень сложным. Прилив почти не ощущался.

Гарри ждал первые лучи света, и именно в этот момент они достигли судна, стоящего на якоре.

Предыдущим вечером он выбрал жертву — большой карак, на котором царила суета. Как будто он собирался отплывать и просто ждал благоприятного ветра. Ветер не менялся, и, как удалось установить Гарри, половина команды была на берегу. Он повел свое судно мимо других судов, меньшего размера, мирно стоявших на якоре рядом с торговыми судами. Стояла абсолютная тишина.

Еще до того, как на каком-либо из стоявших на якоре караков поняли, что происходит, четыре пиратских судна были уже рядом с одним из них; паруса опущены и мостики переброшены.

Турки перебрались через планширы с обеих сторон. Впередсмотрящий был сбит в то мгновение, когда собрался дать сигнал тревоги, и не больше чем через пять минут судно было взято. Расчет Гарри оправдался: большинство команды находилось на берегу, а те, кто успел уклониться от сабель атакующих, попадали за борт. Несколько человек погибли.

Трюмы ломились от всякой всячины, но Гарри интересовало только золото; у пиратов не было времени брать рабов или переправлять припасы на ждущие фелюги[1]. Через пятнадцать минут люди Гарри покинули карак, проложив по палубе пороховой шнур к складу боеприпасов.

Мостики были опущены, паруса натянуты, корсары поспешили прочь от обреченного судна. Ветер не благоприятствовал им, и было невозможно выплыть прямо к якорной стоянке, но это оказалось к лучшему. Гарри направил суда вверх по устью реки прочь от гама, что внезапно поднялся, как только каскайцы поняли, что произошло.

Орудия форта были подготовлены, суда отчаливали от берега, чтобы вернуть карак. Но эскадра Гарри была уже на расстоянии мили выше по реке в недосягаемости пушечных выстрелов. Отойдя на какое-то расстояние, они повернули в устье реки. Течение изменилось, и отлив позволил ему держаться ветра лучше, чем когда-либо. Он собирался пройти за пределами форта на обратном пути.

Но форт вскоре пришел в смятение. Как только люди добрались до карака, он взорвался. Взрыв огромной силы подбросил в воздух мачты, орудия и куски дерева.

На несколько секунд после взрыва воцарилась тишина — португальцы были потрясены случившимся. И в этот момент пираты спокойно вышли из бухты.

---

[1] Ф е л ю г а — небольшое беспалубное судно с парусом для перевозки грузов и рыбной ловли.

— Что они теперь о нас скажут? — спросил Диниз с победным видом.

Но Гарри знал, что пока им сопутствует только удача.

Удача изменила пиратам на севере, когда они миновали мрачный мыс Финистерре. Высокие скалы скрывали низко нависшие облака. На следующее утро погода стала ясной, и юго-западный ветер, что нес их суда, как скорлупки, стал набирать силу.

Высокие и мощные волны со всей силой обрушивались на маленькие суда. В этот раз Гарри, спустив паруса, решил избежать бури. Остальные капитаны последовали его примеру, но эти двадцать четыре часа стали ожиданием смерти. Наконец суда влетели в Бискайский залив, постоянно настигаемые пенящимися волнами. Люди выли от страха и молили Аллаха о пощаде, Гарри мрачно налегал на весла, стараясь удержать судно на плаву.

Не все капитаны были достаточно умелы. Один из них потерял контроль сразу после рассвета. Гарри мог только в ужасе наблюдать, как его судно перевернуло, потом подхватило волной и понесло вниз в месиве дерева, воды и тонущих людей. Гарри смотрел на перевернувшееся судно, которое вот-вот разобьет в щепки другая огромная волна. Он был бессилен чем-нибудь помочь судну или людям.

Когда днем позже шторм утих, оставшиеся суда снова смогли поднять паруса.

— Именем Аллаха! Часто ли такое случается в этих водах? — со страхом спросил Диниз.

— Слишком часто, — ответил Гарри.

Два капитана настаивали, чтобы вернуться, но Гарри не согласился на это, потому что гарнизон на португальском берегу все еще искал пиратов. Его беспокоило, что их плавание началось не очень удачно. Они направлялись в залив, погода улучшалась. Им встре-

тилось несколько островов, а потом какая-то река. Миновав ее, они очутились перед довольно большим городом, охраняемым маленькой крепостью.

Французские защитники были удивлены внезапным появлением корсаров. Спустив паруса, они взялись за весла и быстро направились к пристани. Причалив к берегу, люди помчались в крепость.

Гарри приказал навести орудия на город. Пушки дали залп. Люди бросились в холмы за городом, но Гарри отослал отряд, чтобы взять рабов. Те вернулись с немалым количеством хорошеньких девушек.

Тем временем глава города поднял белый флаг и предложил начать переговоры. Узнав о сумме выкупа, он почти потерял рассудок. Гарри потребовал десять тысяч золотых слитков. Эти деньги смогли собрать за два дня, обшарив подвалы каждого торговца.

К тому времени разведчики Гарри, которые направилась вверх по течению реки, доложили, что один из местных правителей собирает ополчение. Гарри отправил своих людей с золотом и рабами на корабль, не забыв пополнить запасы пищи и воды. Вскоре он вышел в море. Через час берег был уже не виден.

Такие набеги повторялись и далее, в штормовую погоду Гарри держал свои корабли в укрытой бухте в полной безопасности. Но когда непогода не причиняла им почти никакого вреда, тогда они неожиданно столкнулись с бедой. Они бросили якоря перед самыми сумерками и проснулись через два часа, услышав, как днища трутся о песок. Через несколько часов суда лежали на боках на песке.

Турки считали, что попали в совершенно безнадежное положение, особенно это стало ясно с наступлением дня. Гарри понял, что случилось, но он видел, что вода возвращается. До его сознания дошло, что, если французы доберутся до них, они пропали. К счастью, все обошлось, и утром суда уже качались на воде и смогли отплыть сразу, как улегся шторм.

Очевидно, Гарри еще многому предстояло научиться.

Был уже конец июня, корабли ломились от награбленного. Но он хотел осуществить свою мечту перед тем, как плыть домой.

От побережья Бретани Гарри повел свои суда на север. Через два дня показались горы, поднимавшиеся от берега в глубь острова.

Гарри удивился своим эмоциям, вернее их отсутствию, когда наконец увидел родину. Это, возможно, была самая зеленая земля из тех, которые он знал, даже по сравнению с Францией. И выглядела она такой мирной...

Навстречу им попалось рыбацкое судно. Его экипаж встал, чтобы поприветствовать незнакомцев несмотря на то, что были удивлены необычным видом их судов. Затем они в спешке подняли паруса и отправились подальше от чужестранцев.

Фелюги встали. Перед ними был пустынный берег в мелководной бухте. Дул легкий ветерок, и облака были совершенно безобидными; для входа в бухту не было ни одного препятствия, хотя скалы громоздились по обеим сторонам. Гарри вошел в бухту, встал на якорь и, измерив глубину воды с помощью тяжелого камня, привязанного к веревке, решил, что в этом месте суда останутся на плаву даже при отливе.

На лодке Гарри направился к берегу. Он спрыгнул на песок — первый Хоквуд, оказавшийся на английской земле за восемьдесят шесть лет.

Диниз присоединился к нему.

— Твои предки родились здесь?

— На этой земле, конечно. Но далеко отсюда, на востоке страны.

Гарри поднялся по тропинке, проложенной в скале, Диниз следовал за ним. Они оказались на огромном поле, по другую сторону которого находилась деревня. Вдалеке возвышалась большая церковь, перед ней был красивый дом.

— Эти люди не знали войны, — сказал Диниз. — Они легкая добыча.

Мирное спокойствие этого места было удивительным, но Гарри пришел сюда не для того, чтобы воевать... И вдруг он услышал крики и отдельные выстрелы.

Посмотрев вниз, Гарри увидел, как отряд всадников мчится по берегу. Наверняка они прибыли из другого города и, конечно, их предупредили рыбаки. На скаку они стреляли из револьверов — кучка йоменов, возглавляемая двумя или тремя лордами в богатых одеждах.

Пираты были захвачены врасплох, некоторых из них сразу убили. Остальные яростно сражались за то, чтобы иметь возможность оказаться на судне. Им удалось это прежде, чем всадники окружили их. Они бросили раненых — другого выхода у них не было. Также они оставили своего командира. Экипажи медлили, не открывая огонь, потому что боялись ранить своих товарищей.

Гарри и Диниз начали осторожно спускаться. Они увидели, что двух турецких моряков тащат по песку к низкорослым деревьям, растущим у подножия скалы. Все происходило очень быстро. Веревки перекинули через сук одного из деревьев, петлю накинули на шею турка, и мгновение спустя он уже висел. Какой-то всадник дернул его за ноги, чтобы сломать ему шею. Потом второго турка подтолкнули вперед...

Гарри не испытывал других чувств, кроме гнева на самого себя, что допустил такую постыдную смерть своих людей. Встав во весь рост, он приставил ладонь ко рту и зарычал:

— Открыть огонь!

Если им предстоит умереть, они должны умереть в сражении.

Англичане не могли понять, откуда раздался крик. Орудия на судах открыли огонь, ядра врезались в замешкавшихся людей. Несколько человек упали. Некоторые из соотечественников Гарри побежали к подножию горы и начали взбираться по тропе, раз-

махивая мечами. Гарри выхватил кривую саблю и бросился наперерез, сопровождаемый Динизом. Первый человек упал от удара сабли, остальные бросились вниз. Люди вскочили на лошадей и пустили их галопом, оставляя на берегу погибших соотечественников и двух турок, висевших на дереве.

Гарри обрезал веревки ударом сабли. Его окружили люди, которые вернулись на берег. Они были злы и жаждали крови.

Но ведь и он сам хотел того же! Это путешествие в родные края не принесло ему радости. Что ж, если англичане хотят войну, они ее получат.

Всадники, находясь наверху, наблюдали за пиратами с расстояния в полмили. Гарри решил применить тактику, которую он опробовал в Каскае. Он и его люди поспешили на судно, подняли паруса и вышли в море. Гарри настроил компас на бухту...

Они отошли в море так, чтобы их невозможно было увидеть с берега, спустили паруса и легли в дрейф. К полудню ветер стих, море было тихим и спокойным. Гарри внимательно наблюдал за горизонтом, опасаясь появления чужих кораблей, но этого не произошло. В полдень его люди достали весла и медленно погребли к берегу.

В сумерках показался берег, теперь он был пустынным. Навстречу им не попалось ни одного судна — наверняка англичане решили что пираты отступили.

Несмотря на то что поздним вечером поднялся легкий ветерок, Гарри велел грести и подвел корабли ближе к берегу, чем в прошлый раз. Он оставил по десять человек на каждом судне и повел остальных сто вверх по тропинке на гору. Его люди были вооружены до зубов и полны решимости отомстить за смерть товарищей.

Вечер был темным — луна не поднимется до полуночи — и тихим. Наверняка отряд самообороны праздновал победу на постоялом дворе.

Корсары бесшумно пересекли поле и подобрались к домам. Залаяли собаки, раздался шум и гам, но было уже поздно.

Треть людей Диниз повел по главной улице. Они выбивали двери домов и врывались внутрь, разоряя все на своем пути и сжигая оставшееся. Основной удар Гарри направил на постоялый двор, который находился в некотором удалении.

Когда он добрался до постоялого двора, вся деревня уже полыхала. Кричали женщины, лаяли собаки, и звонили колокола.

Пьяные люди неловко пытались достать оружие, когда двери внезапно распахнулись. Они удивленно уставились на турок, на их огромного рыжеголового вождя. Кто-то выстрелил из револьвера, и турки ринулись вперед, кромсая всех ударами сабель. Прислуга и продажные девки визжали, пытаясь спрятаться в хлеву, но их вернули и бросили на пол в лужи из крови и пива. Через десять минут все было кончено, в живых остались только изнасилованные женщины.

— Поджигайте дом, — приказал Гарри и вышел во двор, где его ждал Диниз. Деревня пылала как факел, пламя которого можно было увидеть за несколько миль.

— К деревне подходят, мой господин, — предупредил Диниз.

— Уводи людей, — резко приказал Гарри, и труба тут же заиграла сбор.

Гарри выехал на проселочную дорогу, идущую через деревню, и начал всматриваться в темноту, освещаемую бликами пламени. Впереди виднелись огни большого дома, скорее всего он принадлежал хозяину поместья. Дом находился в парке, который был огорожен стеной. Железные ворота были открыты, из них выезжали около двадцати вооруженных мужчин в доспехах. Их сопровождало полдюжины громко лающих собак.

Всадники заметили силуэты турок на фоне пламени.

— Назад! — крикнул кто-то. — Их слишком много. Назад!

Гарри был единственным, кто понял слова англичанина.

— Заряжай! — закричал он и побежал вперед.

Его люди бросились вслед за ним с леденящими сердце криками.

Собаки бросились на них. Но даже эти огромные звери были беспомощны против остро заточенных сабель. Затем раздались выстрелы. Гарри почувствовал удар пули по шлему, но расстояние было слишком большим. Затем всадники бросились под защиту дома... но не достаточно быстро.

Кровь застучала в их жилах от того, что они увидели в деревне. За поворотом настланной бревнами дороги на террасе над широкой лестницей стоял дом. Здесь англичане собрались для последнего сопротивления, но их было вчетверо меньше, и битва быстро закончилась. Гарри прорвался сквозь своих противников, размахивая саблей, кровь брызгала ему на руки и лицо — и вот он уже наверху у передней двери.

Дверь была закрыта и забаррикадирована, так же как и окна, но крепкий дуб выдержал лишь два удара.

Турки ворвались в дом и остановились, рассматривая залы с высокими потолками, дубовую лестницу, идущую наверх, богато обставленные комнаты в глубине, портреты строгих мужчин и женщин на стенах, доспехи, длинный стол, покрытый серебряной пластиной. Гарри понял, что здесь жили богатые люди.

Но самих этих людей не было видно.

— Берите все, — приказал он и помчался наверх, сразу перепрыгивая через три ступеньки. Некоторые из его людей последовали за ним, другие рассыпались по комнатам.

Он добежал до галереи второго этажа, куда выходили несколько комнат и залов; все они были так же богато обставлены, как и те, что внизу. Турки галдели, собирая все, что могли унести.

Гарри обыскал все комнаты, затем поспешил на третий этаж. Здесь он нашел спальни с тонкими простынями, пуховыми подушками и тлеющими све-

чами — семейство совершенно очевидно собиралось к отступлению.

Он бросился вниз, вошел в кухню, где его люди пировали остатками роскошного ужина. Здесь он нашел то, что искал, — лестницу, ведущую в подвал.

Он спустился по ней и сначала наткнулся на винный погреб. В глубине была крепкая дубовая дверь, закрытая и, очевидно, забаррикадированная изнутри.

— Выбейте ее, — приказал Гарри своим людям.

Они навалились на дверь весом своих тел. При третьей попытке дверь пошатнулась, при четвертой поддалась, при пятой распахнулась.

Турки ввалились внутрь и, оставаясь на коленях, увидели следующую картину, освещенную коптящей свечой.

В комнате были только женщины, по большей части служанки, но трое были одеты как настоящие леди. Все они в испуге сбились в кучу.

Гарри сделал шаг вперед, и тут раздался выстрел. Пуля пролетела так близко от его головы, что он почувствовал ее движение и был ослеплен мгновенной вспышкой.

Двое из его людей бросились на стрелявшую женщину и выволокли ее вперед.

Гарри внимательно осмотрел ее. Тоненькой, как тростиночке, девушке вряд ли было больше пятнадцати. Одетая в платье из прекрасного шелка, она явно не была служанкой. Худенькие плечи и узкие бедра, грудь едва заметна и похожа на два маленьких холмика. Вся ее красота заключалась в лице и волосах. Волосы были золотисто-белые, как у Эме, и буйными локонами спадали по плечам на спину.

Ее узкое бледное лицо ожило, когда к щекам прилила кровь. Высокий лоб, миниатюрные нос и рот, мягко очерченный подбородок и широко поставленные голубые глаза — таков портрет отчаянной незнакомки.

Бессильно повиснув в руках пирата, она судорожно облизнула губы. Турки набросились на женщин, и комнату огласили крики и стоны.

Пока Гарри смотрел на девушку, жажда крови и мести, кипевшая в нем, внезапно остыла, и ему

показалось, что именно здесь его ждет подарок судьбы.

— Не трогайте этих женщин, — приказал он своим людям.

Они остановились в тот момент, когда многие из них уже рвали одежды на женщинах, и удивленно уставились на него.

— Богатства здесь хватит всем, — сказал он. — Берите, что хотите, но поторапливайтесь! Надо убраться отсюда, пока мы не переполошили все графство.

Ему в ответ раздался гул одобрения, люди ринулись вверх по ступеням, захватывая все до последней мелочи. Победный рев, пронесшийся по коридору, подсказал Гарри, что кто-то нашел сундук с драгоценностями.

Женщины, казалось, сбились еще теснее. Некоторые из них были почти в обмороке, но большинство уставились на Гарри как кролики на удава.

Девушка все еще стояла перед ним и смотрела, слегка приоткрыв рот.

Разные мысли мелькали в голове Гарри. Он пришел сюда только для того, чтобы увидеть страну своих предков, но оказался таким же врагом, как и для любой христианской страны, потому что он был турецким корсаром. И перед ним теперь стояла женщина, которая заставила бы любое сердце биться чаще.

Она была англичанкой, как и он, так что сын их будет настоящим Хоквудом, рожденным в третьем поколении. И кровь его пылала после возбуждения нападения.

Когда он попытался обнять девушку, она слабо вскрикнула и постаралась увернуться. Он поймал ее за руку и резко развернул. Голова ее откинулась назад, волосы почти подметали пол. Она била по его спине кулаками, но он почти не чувствовал ударов. Гарри схватил ее в охапку и направился к лестнице.

— Негодяй! — закричала какая-то женщина. — Отпусти ее, отпусти!

Гарри проигнорировал этот крик и немного позже вел нагруженных добычей людей прочь от дома.

Вернувшись на корабли, они ликовали, гордые добычей и свершившимся возмездием. Деревня все еще пылала, вокруг стоял неимоверный шум. Вне сомнений, все отряды самообороны в округе были подняты на ноги, но было уже слишком поздно.

Девушка больше не кричала, и Гарри подумал, что, возможно, она находится в беспамятстве. Он опустил ее, но ноги ее подогнулись, и он прижал ее к себе. Глаза ее были открыты, на щеках — слезы. Она выглядела очень жалко.

Он посадил ее в лодку и сел сзади, и они погребли к кораблям.

— Прошу вас, сэр, — просила она дрожащим голосом.

Он не знал, о чем она умоляет его: о жизни, чести или просто свободе. Она, наверное, не знала, что он понимает по-английски. Гарри внезапно обнял ее и поцеловал в губы, чем рассмешил своих людей. Она вздохнула, вздрогнула, почувствовав его язык, попыталась оттолкнуть его.

— Эта не для рынка, — рявкнул один из турок.

— Если только вскоре не надоест паше, — согласился другой.

Гарри оторвался от губ девушки и посмотрел ей в глаза. «Я не буду спешить», — подумал он.

Она снова зарыдала.

Когда они подплыли к судну, Гарри передал ее на борт.

— Пусть она будет наверху, — сказал он Динизу. — Оставайся с ней и не спускай с нее глаз.

Он не хотел держать ее вместе с пленными француженками.

Гарри наблюдал, как все пираты поднялись на борт, а также за берегом. Еще до того, как его люди погрузились на суда, с берега раздались выстрелы, но расстояние было слишком большим.

Паруса были подняты, якоря подтянуты, и фелюги взяли курс на выход из бухты. Через час с фелюг уже не было видно берега. Едва перевалило за полночь...

Гарри поднялся наверх проведать девушку. Динз управлялся с ведущим веслом и находился в нескольких футах, но большинство людей были впереди. Они обсуждали недавнее приключение и свои подвиги.

Девушка сидела, глядя за борт. Когда Гарри опустился на колени рядом с ней, она подняла на него глаза. Ее лицо казалось необыкновенно бледным в темноте. Веревка, намотанная вокруг ее талии, крепилась к планширу, поэтому, если бы она решила броситься в море, ее легко было бы достать.

— Прошу вас, сэр, — прошептала девушка, дрожа всем телом.

— Как тебя зовут? — спросил Гарри по-английски.

Она удивленно посмотрела на него.

— Я знаю твой язык, — услышал он свой голос. — Я англичанин.

Она, казалось, привстала.

— Но в таком случае... вы спасете меня? — спросила она, как бы забыв, что он только что ее похитил.

— Возможно, я спасу тебя от многих неприятностей.

Она схватила его за руку.

— Мой отец, эсквайр Мартиндейл, очень богат. Я уверена, сэр, он выкупит меня.

Она и не представляла, что отец ее, возможно, уже мертв.

— Никакие деньги Англии не смогут выкупить тебя, — сказал ей Гарри. — Как тебя зовут?

Она облизнула губы.

— Фелисити Мартиндейл.

— Фелисити Мартиндейл, — сказал Гарри. — Кольцо замыкается. Ты будешь матерью моего сына.

Она выдохнула, судорожно дернулась, вскочила и метнулась в сторону.

Но Гарри ухватил ее за юбку и вернул на место. Она закричала и попыталась оттолкнуть его, преры-

висто дыша и корчась, как будто ожидая, что он станет тут же насиловать ее.

Гарри держал ее, пока она не успокоилась.

— Ты поедешь со мной в Тунис.

Утром ее кормили насильно. Но она была так молода, что вскоре энергия ее сопротивления была взята под контроль нуждами здоровья. Очень долго ее мучила морская болезнь, но потом ей немного полегчало.

Несколько последующих дней они спускались по каналу в направлении Бискайского залива. Через три дня Фелисити, казалось, стало лучше. Когда она попыталась сесть, Гарри накинул на нее одеяло, чтобы защитить прекрасную бело-розовую кожу от ветра и солнца. В конце концов он сел рядом с ней и предложил поесть.

Она посмотрела на пищу, потом на него и начала жадно жевать.

— Подумай, — уговаривал он, — вполне вероятно, что ты вышла бы замуж за того, кого выберут твои родители, за того, кого ты прежде никогда не видела. Представь, что это я!

Она судорожно сглотнула и прошептала:

— Ты пират, вор и убийца.

— Сначала ваши люди убили моих.

— Французских пиратов всегда убивают, если они высаживаются на берег, — сказала она твердо. — Они постоянно совершают набеги на нас.

Он начал понимать, почему англичане были так враждебны при первой встрече.

— Но я не француз.

— Если ты англичанин, ты вдвойне проклят. И эти люди там... — Она взглянула на толпу смуглых пиратов и вздрогнула.

— Это турки, Фелисити.

— Турки! — Она задохнулась от ужаса. Вне сомнений, каждый в Европе слышал о турках.

— Мой господин султан Сулейман...

— Сулейман, — прошептала она. — Сулейман Великолепный!

Гарри поднял брови. Султан был бы рад, узнав, что он известен под таким именем... и на таком расстоянии.

— Я везу тебя в прекрасный город, где ты будешь счастлива. Обещаю тебе. — Он чувствовал, что говорит с ней как с ребенком.

— Я никогда не буду счастливой, — заявила она.

Он улыбнулся и погладил ее по золотым волосам, впервые прикоснувшись к ней с того момента, когда она попала на борт.

— Будешь, и ты знаешь это. И будешь восхищаться моей Яной.

Ему было интересно, как Яна примет эту англичанку.

В течение следующих дней времени для разговоров не было. Погода резко поменялась. Ветер подул с северо-запада и обрушивал огромные волны на испанское и португальское побережья. Гарри принял решение оставаться в море, чтобы их маленькую эскадру не вынесло на берег. Он отдавал себе отчет в том, что этот шторм благословил их: португальские корабли, охотившиеся за ним, вынуждены были вернуться в порт.

Но все оказалось далеко не так благополучно. Когда ветер стих и море успокоилось, выяснилось, что вместо трех кораблей осталось только два.

У них не было недостатка в еде — хватало награбленного в английской деревне, но воды во флягах уже не было и пленные француженки страдали от этого. Гарри приказал привести их наверх, раздеть и опустить в море. Они визжали и брыкались, но такое купание, вне сомнений, пошло им на пользу.

Фелисити, привязанная к планширу во время шторма, смотрела на происходящее затуманенным взором. Наверное, она решила, что все они обречены на гибель.

Иногда Гарри тоже так казалось, но он не терял надежду. Как можно быстрее они вышли к южному берегу Португалии. Здесь занялись грабежом, но не с такой яростью: им нужна была только вода и они хотели живыми и невредимыми добраться до Туниса. Через четыре дня они миновали Гибралтарский пролив и вышли в Средиземное море.

Настроение людей сразу же поднялось. Пленным девушкам разрешили выйти на палубу, чтобы они взглянули на освещенный солнцем берег, который должен был стать их домом. Стоял конец июля, и солнце стояло так высоко, как никогда.

Даже Фелисити отбросила одеяло и подставила лицо навстречу живительному теплу и мягкому ветру. Гарри отвязал ее, он больше не боялся, что она выбросится за борт.

Хотя у них оставалось совсем немного воды, они предпочли не останавливаться в Алжире. Над крепостью взметнулись все флаги, приветствуя Гарри. Пушки с берега дали залп, привлекая его внимание, но он только отсалютовал в ответ.

Через два дня на рассвете два корабля, обойдя мыс Бон, вошли в бухту Туниса. Увидев родную землю, люди полезли в такелаж — и застыли в ужасе.

На месте Туниса было пепелище.

Глава 15

РОКСЕЛАНА

Османский флот нигде не был виден, как и не было никого на крепости. Гарри вел свои корабли с приспущенными парусами вверх по узкому каналу, глядя на все еще поднимавшийся дым и сожженные дома, теперь чернеющие руинами, и оставшихся людей, подающих им какие-то знаки. Он приказал спустить все паруса и подошел к причалу на веслах.

— Хоук-паша, уходи отсюда, — говорили люди, столпившиеся вокруг него, — Дей Мулай-Хасан идет

на нас большой армией, он хочет вернуть свои земли. Это испанская армия.

Гарри смотрел на людей, среди них он увидел и турок, но все они были стариками.

— Кто это сделал? — спросил он.

— Генуэзский флот и их испанские союзники, великий паша.

— А где Барбаросса?

— Никто не знает. Было жестокое сражение, мы видели это с берега. Затем подул сильный ветер, море заштормило. Галеры великого адмирала были окружены. У генуэзцев, кроме галер, были еще и галеоны, они лучше переносят шторм. Когда ветер спал, адмирал со своими кораблями исчез.

— Вы считаете, что они погибли? — Гарри не мог поверить своим ушам.

— Не знаем, великий паша. Больше их никто не видел. Ты должен побыстрее покинуть это место.

— Я должен сходить к своему дому.

— Испанские моряки высадились на берег, прежде чем снова выйти в море в поисках Барбароссы. Мы потеряли свои семьи и имущество, и теперь нас возьмет в рабство Мулай-Хасан.

Гарри шел по разоренным и дымящимся улицам. Было видно, что враг работал тщательно. Кругом валялись трупы вперемешку с брошенной добычей. Собаки пировали и огрызались на прохожих.

Неужели Барбаросса разбит? Неужели он мертв? Гарри гнал от себя эти мысли. Ведь если Барбаросса мертв, значит, и Туглук, конечно, погиб. Это не укладывалось у него в голове, он собирался выяснить все до мельчайших подробностей. Его дворец сожжен. Все его вещи, доставшиеся ему от предков, были украдены или разбиты...

Но на то, что было ему дороже всего, Гарри мог посмотреть. Во дворе, который языки пламени не успели слизать, он нашел свою семью, вернее их тела. Тутуша сначала кастрировали, а потом повесили, Трессилии отрубили голову, Сашу выпотрошили. Яне отрезали груди, и она умерла, истекая

кровью. И конечно, сначала женщин жестоко изнасиловали.

Семью Диниза тоже уничтожили.

— Разве это люди? — сквозь рыдания спросил Диниз, стоя позади Гарри.

— О да, — отозвался Гарри. — Эти люди считают нас животными. Мы должны соответствовать этому названию.

— С чего начнем, хозяин? — спросил Диниз, охваченный гневом.

— Построим другой флот, в Константинополе.

На костре Гарри и Диниз сожгли тела своих любимых. Наполнив фляги водой и набрав кое-что из еды, они погрузили все это на борт. В полдень паруса были подняты. Единственным, что осталось от прославленного османского флота, возглавлявшегося Хоук-пашой и Барбароссой, были две фелюги.

Но они построят новый флот и отомстят сполна.

Фелисити Мартиндейл поняла, что случилось несчастье. Когда она смотрела на горящий город, в ее глазах застыл ужас. Жители южного побережья Англии часто подвергались набегам французских пиратов, но никогда прежде Фелисити не видела, чтобы пылал целый город.

Она искренне жалела этого большого рыжебородого человека, который похитил ее из счастливого мира. Фелисити поняла по его глазам, как он страдает. Сидя в углу палубы, она вздрогнула и укуталась в одеяло.

В субботу, святой день для мусульман, сразу после рассвета две фелюги тихо вошли в Босфор, обогнув дворец султана.

Фелисити стояла на палубе и смотрела на этот удивительный город, о котором так много слышала. Она по-прежнему куталась в одеяло, поеживаясь на легком ветерке, дующем с моря.

Гарри налегал на весла, он был счастлив слышать дыхание у своего плеча. Они редко разговаривали за эти две недели путешествия из Туниса. Никто из команды не мог говорить: у всех были убиты семьи.

Да, если Константинополь должен стать для Фелисити новым домом, она полюбит его.

Ее сразу поразили величие и красота этого города. На рассвете он был красивее, чем в другое время суток. Солнце, восходившее на востоке, там, где Анатолия, отражалось в огромных куполах мечетей, освещало развевающиеся знамена на крепостных стенах, его лучи бросали блики на шлемы и копья стражников.

Пригороды Константинополя между Мраморным морем и проливом были необыкновенно красивы. Когда маленькое судно обогнуло мыс, перед их глазами предстали бухта Золотой Рог и красные крыши Галаты. Над ними высоко поднималась крыша дворца Хоук-паши.

— Этот дом — твой дом, — сказал Гарри, обращаясь к Фелисити.

От восхищения она не знала, что сказать...

Как только две фелюги пришвартовались у причала, собралась толпа народа.

— Хоук-паша... — прошептал какой-то человек, как будто не веря своим глазам.

— Хоук-паша! Хоук-паша вернулся! — подхватили остальные.

— Вы считали, что я погиб? — спросил Гарри.

Очевидно, так оно и было.

Многое предстояло сделать... Диниз остался на причале наблюдать за разгрузкой добычи и пленников. Бедные француженки были скорее мертвыми, чем живыми, поэтому Диниз распорядился отвести их во дворец Хоук-паши. Их нужно было в течение недели приводить в себя, перед тем как выставлять на продажу.

Увидев Гарри, слуги замерли на галерее его дворца, считая его привидением. Затем они приветствовали его низкими поклонами. Эме сначала молча смотрела на Гарри и наконец прошептала:

— Гарри, мальчик мой... О Гарри. — Силы вернулись, и она бросилась в его объятия. — Люди говорили, что ты умер. Хайреддин сказал, что ты мертв.

— Хайреддин здесь?

— Почти месяц он был в Константинополе, восстанавливая свои суда, которые сильно пострадали во время шторма.

Гарри вздохнул с облегчением. Если жив Барбаросса, они отомстят за резню в Тунисе.

— Туглук тоже здесь? — с надеждой спросил Гарри.

— Туглук?

— Туглук был с Барбароссой. — Гарри смотрел на Эме, с замиранием сердца ожидая, что она скажет.

— Я сама не говорила с Барбароссой, — сказала она, падая на диван. — Я знаю только то, что говорят люди. Хайреддин не появлялся у нас дома.

— Давно ли он вернулся? — мрачно спросил Гарри.

— Что-то около месяца назад. Знай я, что Туглук был с ним, я отыскала бы его...

— Он знает, что произошло в Тунисе?

— Да. Весь Константинополь знает об этом. Император разослал послов похвастаться тем, что разгромил пиратов. Я думала, что Туглук был в Тунисе... или с тобой.

Эме прикусила губу, потом взглянула мимо Гарри на Фелисити.

— Позаботься о ней, — сказал Гарри. — Она очень молода и испугана.

— А также очень красива, — добавила Эме, посмотрев на Гарри. — Джованна одобрила бы твой выбор.

— Что с мамой? — Уже который раз за эти несколько минут Гарри казалось, что его сердце вот-вот разорвется.

— Бог мой! — Эме побледнела. — Я отправляла тебе послание в Тунис.

— Скажи мне сейчас, — попросил он.

— Джованна умерла весной. Ее последние слова были о тебе, Гарри.

— Где ее похоронили? — спросил Гарри упавшим голосом.

— Рядом с твоим дядей и отцом.

— Я должен пойти к ней на могилу. А потом я отправлюсь к султану. И к Барбароссе. Мне предстоит многое сделать, тетя, поэтому я оставляю свою молодую жену на твое попечение.

— Жену? — удивилась Эме.

— Я так решил. Ей придется заменить многих.

— Я прослежу, чтобы девушку подготовили для тебя. Жаль, что она не говорит по-французски.

— Я знаю кое-что по-французски, мадам, — вмешалась Фелисити.

— Значит, ты поняла, что эта госпожа будет заботиться о тебе, пока я не вернусь, — сказал Гарри и добавил по-турецки: — Я не хочу, чтобы ее брили, тетя.

Эме все поняла.

Гарри ушел из дома сразу после того, как помылся и переоделся. Он переправился через Золотой Рог; люди повсюду приветствовали Гарри, едва завидев высокого человека с рыжей бородой. Гарри спешил, зная, что по субботам султан посещает новую мечеть. Эта мечеть Сулеймание была больше и богаче Святой Софии. Гарри надеялся застать султана там.

Но он пришел слишком поздно, кругом были толпы народа, янычары стояли в оцеплении. Гарри с трудом пробирался сквозь толпу. Даже Хоук-паша не мог нарушить эту церемониальную процессию султана. Вынужденная отсрочка дала Гарри возможность собраться с мыслями.

Гарри почему-то чувствовал, что разгром Туниса и уничтожение всего того, что было у него в этой

жизни, предвещают конец и ему самому. Смерть матери и, вероятно, смерть старшего сына Туглука лишь усугубляли его трагедию. Но вокруг него мир продолжал жить, и мир этот был прекрасен.

Его окружали великолепные здания, город отстраивался и становился почти не узнаваемым. Ему на память пришли рассказы о дымящихся руинах, в которые был превращен город после его захвата в 1453 году, и о медленном восстановлении Константинополя Мехмедом Завоевателем. Гарри помнил землетрясение, разрушившее крепостные стены в 1508 году. В момент его возвращения с Селимом Грозным последствия катастрофы были еще хорошо заметны.

Селим не заботился о восстановлении города, а Сулейман с помощью гениального архитектора Синана превратил Константинополь в самый прекрасный город в мире. Никаких следов разрушения вокруг старого Византия уже не было. Теперь Константинополь стал перекрестком всех дорог мира, здесь люди любой расы и всех вероисповеданий наслаждались миром и процветанием под правлением дома Османов. Это была заслуга Сулеймана. Мехмед позволил грекам поселиться в этом городе и открыл его для всех, кто хотел заниматься торговлей, но он и два следующих султана считали единственным законом империи «аный», сфера действия которого распространялась только на турок. Сулейман много работал с муфтиями, имамами и прочими знатоками исламского закона. Вместе с ними он разработал специальные статьи, оговаривающие права иноверцев. Теперь все люди защищены законом, и вдобавок к своим военным достижениям Сулейман прославился еще и как Законодатель.

Сулейман был любим народом, потому что часто появлялся на людях, как ни один другой султан со времен Мехмеда. Но в отличие от Завоевателя его выходы всегда были обставлены очень торжественно, как ни у одного другого правителя в мире.

Процессия приближалась. Сначала шли янычары. Их белые султаны подрагивали в такт шагам, желтые

сапожки стучали по мостовой. Глаза их сверкали, как будто бросали вызов, приглашая померяться удалью. Далее на породистых жеребцах, украшенных великолепными плюмажами, двигались сипахи.

На некотором расстоянии шла свита султана, возглавляемая двумя придворными в окаймленных мехом одеждах. Они держали серебряные шесты, которыми ударяли о землю. Позади них шел Ибрагим, облаченный в золотые одежды; его голову украшал конический, перехваченный золотыми кольцами тюрбан. Гарри облегченно вздохнул, увидев, что все его друзья на прежних местах.

Позади великого везира шли придворные низших чинов: от главного повара до главного садовника, все в лучших одеждах и в надлежащих головных уборах. Кызлар-ага был блистательнее всех.

Сам Сулейман шел в окружении своих ближайших советников, которых, в свою очередь, окружала личная охрана султана.

Гарри нахмурился. Во времена Вильяма Хоквуда Сулейману не нужна была такая защита. Толпа оживилась при приближении процессии, люди толкали Гарри, пытаясь получше все разглядеть. Он обратил внимание, что рядом с ним стоит человек, похожий на венецианца.

— Что я говорил? — возбужденно спрашивал кого-то венецианец. — Ведь это самая прекрасная картина, которую ты когда-нибудь мог видеть!

— Да, действительно, — подтвердил его товарищ. — Не зря его называют Сулейманом Великолепным...

Когда процессия закончила свой ход, Гарри отправился во дворец. Он терпеливо ждал в приемной Высокой Порты вместе с несколькими послами из западных стран.

— Один человек хотел бы с тобой говорить, великий паша, — сказал приблизившийся к Гарри евнух, низко кланяясь.

— Кто? — нахмурился Гарри.

— Следуй за мной.

Гарри не без колебаний последовал за евнухом. Они шли по многочисленным коридорам, пока Гарри не оказался в комнате, напоминавшей католическую исповедальню; одна стена в ней представляла собой ажурную решетку.

Дверь за ним закрылась, он остался один. Это длилось недолго, и вскоре из-за решетки раздался голос. Это была Роксолана.

— Расскажи о моей сестре, Хоук-паша, — попросила она.

— Увы, она мертва.

— Как она умерла?

— Ее зарезали испанцы. Это случилось в Тунисе.

Минуту она молчала, потом заговорила снова, ее голос дрожал от гнева.

— Почему ты не умер рядом с ней?

— Я не был там.

— Ты украл мою сестру, а затем оставил ее умирать?

— Я был в море, когда случилось это несчастье. Когда я узнал, было слишком поздно.

— И все-таки ты оставил мою сестру умирать. Ты отомстишь за нее?

— Я собираюсь сделать это, как только падишах даст мне деньги.

— У тебя будут деньги. Отомсти за мою сестру, Хоук-паша, или ты умрешь.

Несколько секунд Гарри молча смотрел на решетку, пока не понял, что Роксолана ушла.

Русская рабыня угрожает военачальнику османцев! Именно так, потому что султан полностью подчинен воле русской рабыни.

— Хоук-паша! Рад видеть тебя, Гарри! — Сулейман раскрыл объятия, как только Гарри вошел в его покои. — Мне сказали, что ты пропал в море.

— Я не принес тебе хороших вестей, падишах.

— Я знаю обо всем от этого негодяя Барбароссы. Он потерял Западное Средиземноморье, а ведь столько хвастался...

— Мне сказали, что Барбаросса в Константинополе.

— Да. Я посадил его под арест.

— За что? За то, что он проиграл сражение, о падишах? Но ведь это случилось из-за бури.

— Хорошо... — Сулейман погладил бороду. — Я отпущу этого мошенника. Один Аллах знает, на что он теперь годится.

— Мы просим, чтобы ты разрешил нам восстановить флот. Мы хотим отвоевать то, что потеряли. В этот раз мы победим.

«Или умрем», — подумал Гарри, вспомнив слова Рокселаны.

— Ты мне нужен здесь, Хоук-паша... Я окружен врагами.

— Ты, падишах? В Высокой Порте толпятся послы всех народов Европы, они ищут союза с тобой. Все называют тебя Сулейманом Великолепным.

— Сейчас я говорю не об иноверцах. Если будет нужно, я могу наказать их. Мои враги здесь, в Константинополе, в самом дворце.

«Мой Бог, — подумал Гарри, — ничего не изменилось».

— Падишах, — сказал он, — ты зря волнуешься. Ты по-прежнему не доволен великим везиром?

— Не говори мне об этом человеке, — прошептал Сулейман.

— Но я вижу его...

— Идущим во главе моих людей и доказывающим величие султана? Действительно, ты видел это, Хоук-паша. Он таким себя и считает. Ты знаешь, что он хвастается, что богаче меня? Ты знаешь, что он построил дворец в Истанбуле, затмевающий мой? Он болтает, что благодаря его гениальности выиграна война с персами...

— Ты ведь ездил в Персию, — сказал Гарри, пытаясь хоть что-то понять.

— На переговоры... И что я обнаружил там? Он переманил половину моей армии — люди слушают его больше, чем меня. Мне не оставалось ничего другого, как лицемерить. Мы вместе вернулись после того, как персы взмолились о мире, я встретил его таким триумфом, какого не было со времен императорского Рима. Но и теперь каждый день я все больше чувствую угрозу, исходящую от него. Я послал в Тунис за тобой и Хайреддином, чтобы вы оказали мне помощь. Когда гонцы добрались до несчастного города, твой флот уже был разбит.

— Рассеян штормом, падишах, — поправил Гарри.

— Не имеет значения. Твоего флота больше нет. Все, что я знал, — то, что тебя больше нет.

— Но теперь я вернулся, падишах.

— Да. Послушай меня, Хоук-паша. Я освобожу Хайреддина из-под ареста, и вы начнете строить новый флот. Найми людей столько, сколько нужно. Но не покидай Константинополь, пока я не разрешу. Понятно?

Гарри все понял: султан собирался уничтожить своего везира. Но Гарри знал, что подозрения Сулеймана безосновательны, они навеяны наветами Рокселаны.

Дел было много. Гарри сразу же отправился во дворец Хайреддина и распустил стражу.

— Рад видеть тебя, старина! — Барбаросса обнял Гарри. — Узнав, что ты вернулся, я сказал себе: моим следующим посетителем будет или Гарри Хоквуд, или палач. Или ты пришел в обоих обличиях?

— Я пришел занять тебя работой, старина, — ответил Гарри, — нам надо многое вернуть.

Барбаросса похлопал его по плечу:

— И мы сделаем это, клянусь именем Аллаха! — Затем он посерьезнел. — Я скорблю о смерти твоих жен, о Яне...

— Ты тоже потерял всех... А что случилось с твоими судами?

— Я не знал, что бывает такая погода. Все произошло так неожиданно. Я видал внезапные шторма в Течении Львов, но не думал, что такие бывают на юге. В следующий раз я буду знать, что делать.

— Расскажи мне о Туглуке.

— Он был такой толковый юноша. Я отдал под его командование галеру. Она просто исчезла, Гарри, вместе с экипажем. Должно быть, вода залилась в весельные отверстия. Это был самый ужасный шторм, который я когда-либо видел.

— Что с Драгутом?

— Он жив. Сейчас он здесь, в Константинополе.

— Хоть он жив...

— Но что касается женщин... Я сомневаюсь, что ты любил кого-нибудь так, как ту русскую. — Он засмеялся. — Моли падишаха, чтобы он взамен дал тебе Рокселану.

— Упаси Господь, — буркнул Гарри.

Гарри проводил Барбароссу на пристань, по пути они обсуждали планы строительства больших и лучших, чем они прежде видели, галер, способных выдерживать худшие из штормов Средиземноморья и сражаться с кораблями Андреа Дориа.

— Может, рискнем выйти в Атлантику? — спросил Барбаросса.

— Сначала мы решим вопрос с Дориа, а уж потом... — пообещал ему Гарри. — Ты никогда не видел таких земель, они просто жаждут, чтобы ты собрал с них урожай.

Гарри послал Диниза, которому абсолютно доверял, организовать личную встречу с великим везиром, а сам вернулся во дворец Хоуков.

— Ты очень изменился, — сказала Эме. — Должно быть, ты сильно устал.

— Я действительно очень устал, — согласился Гарри. — И, возможно, поэтому чувствую себя совсем другим человеком.

— Султан простил тебе поражение?

— Это не было поражением, тетя. Султан дал мне возможность построить новый флот.

— Когда ты в следующий раз вернешься, я буду мертва, — вздохнула она.

— Новый флот будет у нас только через год, а ты будешь жить вечно. Но сейчас я должен пойти к невесте.

— Гарри... — Эме взяла его руку. — Она еще совсем ребенок.

— Почему? Ей наверняка уже есть пятнадцать лет. Трессилия была не старше. И Яна тоже. Ты сама рассказывала, что вышла замуж за дядю, когда тебе было четырнадцать...

— Это было давно. — Эме прикусила губу. — И, Гарри, учти, что Трессилия была наполовину турчанкой, а Яна — варваркой. Эта же — юная леди. — Она криво улыбнулась. — Такие девушки более беззащитны, чем кто-либо из тех, кого ты знал.

— Ты сказала Фелисити, что с ней должно произойти? — нахмурился Гарри.

— Разве ты отсутствовал полгода или год? Что я должна была объяснить ей за эти несколько часов? Я сказала только, что независимо от того, что произойдет, у тебя доброе и мягкое сердце.

— Я приложу все усилия, чтобы быть таким.

— Будь с ней помягче, умоляю тебя. Возможно, ты поймешь, что обладаешь настоящим богатством.

Гарри взбежал по лестнице в свои покои. Он не спал на этой кровати два года. Последний раз он держал здесь Яну в своих объятиях.

Рабыни, открывая двери, низко поклонились. Фелисити стояла у открытого окна, глядя на Золотой Рог и портовую суету. Без сомнения, она видела, как Гарри возвращался...

Наконец Фелисити обернулась. Эме нарядила ее как турчанку, у Гарри перехватило дыхание. В ней не было Яниного сластолюбия, которое сводило Гарри с

ума, но девственная чистота и стройность Фелисити не менее возбуждали его.

Золотые кудри девушки были тщательно расчесаны и в продуманном беспорядке спадали на плечи. Бледно-голубая феска неуклюже сидела на ее голове. Бледно-голубой короткий жакет обтягивал ее обнаженную грудь, оставляя лишь белую полоску тела; Фелисити старалась стянуть его руками. Еще одна полоска белела ниже — ее девичий живот. Шаровары не позволяли увидеть ничего, кроме очертаний ее ног и темного пятна внизу живота, свидетельствовавшего, что Фелисити уже женщина. Гарри и девушка, не отрываясь, смотрели друг на друга, потом взмахом руки Гарри отослал слуг.

Гарри направился к ней, она сделала реверанс. Феска сползла с ее головы, Фелисити нервно хихикнула, пытаясь поправить ее.

— Я потренируюсь, — выдохнула она и залилась румянцем.

Затем она поняла, что ее жакет распахнулся, и быстро стала стягивать его. Но руки Гарри оказались там раньше...

Груди ее были девичьими, едва обозначенными холмиками, что делало их еще более приятными. Он дотронулся до сосков и увидел, как они набухли; дрожь пробежала по ее телу.

— Сколько тебе лет? — спросил Гарри.

— Пятнадцать, хозяин. — Она облизнула губы.

Гарри снял жакет и увидел ее светящуюся белую кожу. От ветра и солнца лицо девушки немного заветрилось, но на теле кожа оставалась безупречно белой. От ловкого движения руки Гарри ее шаровары упали на пол. И вновь его поразила эта девичья стройность, узкие бедра, гладкие как шелк, твердые холмы ягодиц.

«Будь с ней помягче», — просила Эме...

Гарри взял Фелисити на руки. Она обняла его за шею и сбросила туфли. Гарри хотелось кричать от радости. Фелисити знала, что с ней произойдет, и не боялась этого. Но он знал, что должен вести себя

с ней как христианин. По крайней мере, в первый раз...

Он положил ее на кровать и начал целовать ее в губы. Это было первый раз с момента того драматического исчезновения с английских берегов. Дыхание ее было сладким, поцелуи страстными.

Он снова и снова ласкал ее грудь, и зрачки ее расширились. Когда он погладил ее между ног, она глубоко задышала.

Он не отважился лечь на это хрупкое существо. Он встал на колени между ее ног и поднял ее маленькие ягодицы... Она продолжала смотреть на него, рот ее был приоткрыт. Он закрылся с выдохом боли при его проникновении и затем открылся снова. Глаза ее оставались открытыми все это время.

Все еще держа ее ягодицы, Гарри оставался в таком положении, пока его страсть не утихла. Затем отпустил ее, и она соскользнула вниз по его бедрам.

— Я научу тебя любить, — пообещал он.

Фелисити все еще тяжело дышала, лицо по-прежнему заливал румянец.

— Я буду рада, хозяин, — тихо сказала она.

Встреча с Ибрагимом прошла совершенно обычно. Хоквуду нужна была подпись великого везира для получения большой суммы денег. Гарри внимательно всматривался в друга. Ему не показалось, что Ибрагим подозревает что-то неладное. Гарри убедился, что никто не может слышать их разговор. Он положил перед Ибрагимом лист бумаги.

— Делай вид, что просматриваешь документы, и внимательно слушай меня, — приказал Гарри.

Ибрагим удивленно поднял брови, но выполнил приказ Хоквуда.

— Помнишь, лет пять-шесть назад мы говорили с тобой о Роксолане и ее влиянии на султана?

— Да, тогда я был немного встревожен.

— А теперь нет?

— С тех пор прошло шесть лет, а я по-прежнему великий везир и доверенное лицо султана.

— Ты его заклятый враг — вот как он считает.

Ибрагим нахмурился. Гарри подробно рассказал ему о подозрениях Сулеймана.

— Абсурд, — запротестовал Ибрагим. — Я не мог запретить янычарам произносить мое имя наряду с его именем во время нашего пребывания в Персии... и, кроме того, я выиграл несколько сражений до того, как он там появился.

— В этом-то все и дело. Он завидует твоему успеху. Несмотря на все свое великолепие, Сулейман — живой человек. Ты не должен вести себя так, как будто ты самый богатый и самый всесильный.

— Да, я построил себе пару дворцов... и значит поэтому я предатель? Поверь, Гарри, я с трудом верю в этот бред.

— Можешь не верить, но ты рискуешь.

— Что же мне делать? Поднять восстание и на самом деле стать предателем, раз так обо мне думает Сулейман? Отличное завершение двадцати лет близких отношений.

— Не надо поднимать восстание, — сказал Гарри. — Если бы ты сделал это, я бы противостоял тебе. Будь я на твоем месте, я попросил бы об освобождении от своих обязанностей и вышел бы в отставку.

— А вдруг султан после этого начнет подозревать меня в еще больших грехах? Нет, нет... Я буду осторожнее. Благодарю тебя за предостережение. Если это происки Рокселаны — а она действительно хочет убрать меня, — в таком случае предупрежденный — значит вооруженный. Она всего лишь наложница, а я — великий везир.

Гарри только вздохнул, не зная, что еще сказать.

Следующие несколько месяцев оказались счастливыми. Иногда Гарри задумывался, может, ему судьбой предначертано стать кораблестроителем?

Большую часть дня он проводил в доках, наблюдая, как набирают силу его новые корабли. Часто Барбаросса и Драгут присоединялись к нему, и тогда они втроем обсуждали стратегию, которую применят против генуэзцев, когда будут готовы выйти в море.

Как можно больше времени Гарри старался проводить дома, потому что теперь у него были для этого веские причины.

Он никогда не думал, что когда-либо сможет забыть Яну, но ночь от ночи Фелисити вытесняла из его памяти русскую женщину. Гарри любил ее, он учил ее любить. Фелисити отвечала ему взаимностью. Он не знал, тоскует ли она по своей жизни в Англии; если это и случалось, то она не подавала виду. Она казалась абсолютно счастливой, и Гарри хотел, чтобы так было всегда. Ее тело наливалось женской красотой день ото дня... и наконец она забеременела.

— В шестнадцать лет рановато становиться матерью, — тревожилась Эме. Она подсчитала, что Фелисити родит следующим летом.

Флот был готов к выходу в море к середине марта 1536 года. Хоквуд доложил об этом Сулейману.

— Прекрасные новости, — обрадовался султан. — Я хочу провести смотр твоих войск, поэтому приведи их ко дворцу. С тобой должны быть Хайреддин, Драгут и все твои капитаны.

Гарри поклонился.

В конце месяца Сулейман и его военачальники были готовы к инспектированию нового османского флота. Драгут возглавил парад, Барбаросса и Хоукпаша сопровождали султана, когда он шел через ряды матросов.

— Теперь вы отомстите за Тунис, — сказал султан. — Вы должны прославить себя, меня, Хоукпашу и Хайреддин-пашу. А теперь празднуйте... я угощаю.

Несколько тысяч моряков издали приветственный клич. Гарри шел рядом с Ибрагимом, когда военa-

чальники возвращались в Высокую Порту. Сулейман, расположившись на диване, обвел взглядом своих министров, генералов и адмиралов.

— Я доволен, — произнес он. — Но не до конца...

Четыре евнуха, находившиеся тут же, выступили вперед. Прежде чем кто-либо из присутствующих успел сделать движение, двое из них схватили Ибрагима за руки... двое других набросили ему на шею струну и затянули ее.

Великий везир только успел выдохнуть, и жизнь покинула его.

Глава 16

УБИЙЦА

Ибрагим лежал на полу в роскошном зале Высокой Порты. Несколько секунд никто не двигался. Гарри в ужасе смотрел на безжизненное тело, распростертое у его ног.

— Он был предателем и задумал покуситься на мою власть, — объявил Сулейман. — Сообщите людям, что он казнен. Скажите им, что богатство, награбленное великим везиром, будет распределено между ними. Хайреддин, займись этим!

Хайреддин прекрасно понял ситуацию и поспешил во двор.

— Он был греком, — сказал Сулейман, скользя взглядом по лицам присутствующих. — Я допустил ошибку, возвысив его. Его преемник будет турок, я назову его сейчас. — Он взглянул на Гарри. — Пойдем со мной, Хоук-паша.

Гарри медленно пошел вперед. Евнухи принялись вытаскивать тело Ибрагима.

Сулейман вошел в свой кабинет и сел за огромный стол.

— Я должен был это сделать, Гарри.

— Прими мое уважение, падишах. Но разве нельзя было его простить. Дать ему возможность защититься?

— Такая возможность была все последние пять лет, с тех пор как я стал подозревать его в предательстве. Он ни разу не попытался помириться со мной. Он презирал меня. К тому же он внес смуту в ряды моих людей. Я султан, стоящий надо всеми в моих владениях. Я разделю его богатство между бедными. Я также приказал уничтожить его семью. Пусть это послужит уроком всем, кто задумает тягаться со мной. Я положу этому конец.

— Ты действительно веришь в это? — удивился Гарри. «Или это может произойти с любым, на кого падет змеиный взгляд Рокселаны?» Гарри почувствовал, как забилось его сердце.

Рокселана для начала уничтожила самого сильного человека в империи. Теперь она будет искать следующего, а к Гарри у нее личная неприязнь с тех пор, как он не смог спасти ее сестру от ужасной смерти. Она приказала истребить всю семью Ибрагима.

— Я понимаю, что ты огорчен, Гарри, — продолжал Сулейман. — Я также скорблю. Он был другом и тебе, и мне, но нет ничего превыше интересов государства. Гарри... тебя бы я хотел поставить вместо Ибрагима.

— Падишах, — с трудом сказал Гарри.

— Но это невозможно, — добавил Сулейман.

Гарри вздохнул с облегчением.

— Я действительно сделаю так, как сказал: новый великий везир будет назначен из моих советников.

— Так и должно быть, падишах. Я же простой солдат и моряк. Разреши мне вывести свой флот в море, чтобы я нашел генуэзцев.

— Разрешаю, но только один поход, — кивнул Сулейман. — Восстанови славу моего имени в Средиземноморье, Хоук-паша, и возвращайся обратно. Ты будешь моей правой рукой, ты станешь главнокомандующим сухопутными и морскими силами. Мы вместе поведем армию, как делали наши отцы, и вместе возьмем Вену.

Гарри поклонился.

Гарри приказал Барбароссе готовить флот к выходу в море и поспешил домой. Надо спешить, прежде чем Роксолана снова не начнет плести интриги.

Эме уже обо всем знала, она слышала официальное сообщение, что Ибрагим был смутьяном, заговорщиком.

— Как невообразимо глупы люди... — удивлялась она. — У Ибрагима было все — и все это он выбросил на ветер.

Гарри рассказал ей правду.

— Если это действительно так, — побледнев, сказала Эме, — ни один мужчина не может здесь чувствовать себя в безопасности.

— И ни одна женщина... если она... если она имеет отношение к этому мужчине. Тетя, мой флот выйдет в море через сутки. Я хочу, чтобы ты и Фелисити были со мной.

— Отправиться в море? Спустя столько лет? Я сомневаюсь, что способна на это. И Фелисити с ребенком... Это рискованный шаг, Гарри.

— Оставляя тебя здесь, я рискую ничуть не меньше. Пойми: все рушится там, куда эта женщина запускает руки. Семьи Ибрагима больше нет.

Эме в отчаянии прижала руки к груди.

— Куда мы отправимся?

— В Алжир... или в Тунис, после того, как я верну его. Там я хозяин, и палачи султана не доберутся до меня.

Гарри действовал с величайшей осторожностью, опасаясь, что если Сулейман догадается о его планах, то оставит его женщин заложницами. И тогда в любом случае Гарри придется вернуться в Константинополь.

Действительно ли Гарри задумал покинуть султана? Он бы никогда не решился на такой шаг: его корни слишком крепко вросли в турецкую землю. Он хотел отдалить себя от опасности до тех пор,

пока не изменится обстановка: или умрет Роксела-на, или Сулейман освободится от безумной страсти к ней. Без сомнения, она за это время еще пока-жет себя.

Эме, Фелисити и слуги сели на корабль за полча-са до отплытия. Эме очень волновалась, а Фелисити была счастлива снова оказаться в море.

— Мы поселимся там? — спрашивала она. — В Тунисе?

— Сначала в Алжире. О Тунисе мы подумаем.

Барбаросса был менее воодушевлен. Девять меся-цев жизни в Константинополе сделали свое дело.

— Я старею, Гарри, — сознался он. — Теперь я понял, как приятно жить в роскоши.

Гарри знал, что старому пирату уже далеко за семьдесят. Все свое состояние он потратил на кра-сивых девушек, которых покупал на рынке рабов.

— Я хотел взять с собой некоторых девушек, — с тоской в голосе сказал Барбаросса. — Но нам надо сражаться, а не заниматься любовью.

«Я должен создать новый дом», — напомнил себе Гарри.

Пересекая Средиземное море, они не встретили никого, за исключением случайных суденышек. Гарри собирался дойти до Алжира без сражений.

Город мирно купался в лучах летнего солнца. Ал-Рашид рассказал им, что за это время испанские суда на порт не нападали. Император, очевидно, считал, что турецкий флот окончательно выбит из Туниса.

Барбаросса провел свои корабли за мол и прика-зал убрать мачты, чтобы никто не знал, какими си-лами он располагает.

К тому времени было уже слишком поздно для сражений — вскоре наступала пора зимних ветров. Они спокойно могут провести полгода, за это вре-мя Фелисити родит сына. Бледнокожего, голубогла-

зого желанного мальчика, которого Гарри назовет Энтони в честь величайшего из Хоквудов.

Фелисити была счастлива, как и Эме. Женщинам нравился Алжир. Если город и не был так великолепен, как Константинополь, то местный климат был гораздо лучше, особенно зимой; к тому же здесь единовластно правил Хоук-паша.

Гарри купил арабку по имени Айша, примерно того же возраста, что и его жена, чтобы она помогала ухаживать за маленьким Энтони и не давала скучать Фелисити.

Гарри прибыл сюда также для того, чтобы отомстить за Тунис. Весной он и Барбаросса вывели флот в море. Их путь был безопасным, но они не сомневались, что в Генуе и Мадриде уже известно о том, что турецкие галеры находятся в Западном Средиземноморье.

А в следующем году, обогнув «итальянский сапог», они узнали, что генуэзский флот замечен в этих водах неделей раньше.

— Они пошли на север в Адриатику, — сказал капитан, сообщивший эту новость.

— К Ионическим островам, — предположил Барбаросса. — Там мы сразимся с ними.

Они выстроили суда в три колонны. Гарри был полон решимости не дать врагу уйти. Барбаросса вел центральную, Гарри — правую, ближнюю к берегу, и Драгут — левую.

Через неделю они заметили группу кораблей, появившихся из-под прикрытия островов, расположенных вдоль западного побережья Греции. Флаги были подняты на основную мачту галеры Барбароссы, загремели барабаны.

Гарри чувствовал, что его сердце вот-вот выпрыгнет из груди. Он ходил в военные походы с пятнадцати лет, но сейчас должна была начаться первая широкомасштабная морская битва, в которой он примет участие.

На флагманском судне Барбароссы участились удары весел. Гарри отдал приказ следовать его примеру, и огромное судно, двести футов в длину от носа до кормы, понеслось по гладкой воде. Рабы, истекая потом, жевали деревянные кляпы.

Генуэзцы уверенно приближались, над их кораблями развевались флаги и вымпелы. Их адмиралы были, без сомнения, удивлены как численностью турок, так и размерами кораблей... У Гарри создалось впечатление, что Дориа уже хотел было отказаться от сражения, если бы мог.

Турки понеслись на своих противников. Пушка дала залп, и ядро врезалось в корпус судна противника, разламывая весла; корабль потерял управление. Генуэзцы дали ответный залп, но он не попал в цель.

Гарри отдал приказ перезарядить орудия на всех кораблях, и теперь каменные ядра были заменены чугунными снарядами.

Пушки снова выстрелили. Но у генуэзцев тоже были пушки, и Гарри не забывал об этом. Некоторых из его людей сбило с палубы, затем оба корабля столкнулись. Грохот при этом напоминал тот, что обычно сопровождает столкновение всадников в полном вооружении. Гарри отпустил штурвал, и гребцы, быстро вставив весла в уключины, втянули их внутрь корабля как можно быстрее. Генуэзцы были менее расторопны, поэтому некоторые весла на их судне отрезало. Корабли дали задний ход. Люди стреляли и бросали котелки с кипящим маслом друг в друга. До того, как турки захватили этот корабль, они успели протаранить еще одно генуэзское судно.

Гарри обнажил саблю и пропустил вперед моряков. Несколько минут шла жестокая схватка, большинство генуэзцев были убиты, оставшиеся в живых попрыгали за борт, а их судно скрылось под водой.

Грохот стоял невообразимый — триста кораблей участвовали в этой схватке. Куда ни падал взгляд Гарри, везде были турецкие корабли. Он понял, что генуэзцы просто пробиваются сквозь суда противни-

ка, чтобы выйти в открытое море. Гарри приказал перезарядить пушки и стрелять как можно быстрее. Затем дал сигнал преследовать врагов, когда те направились к югу, собираясь выйти из Адриатического моря.

— Твой приказ отменен, Хоук-паша, — сказал Диниз.

Гарри взглянул на флагманский корабль. Барбаросса сигналил, что надо перестраиваться. Он посмотрел направо и налево. Больше десятка галер уже скрывались под водой, их команды отчаянно боролись за жизнь, рабы с воплями тонули. Восемь галер были генуэзскими и четыре — турецкими. Еще с десяток галер замерли с поднятыми веслами; это означало, что они захвачены турецкими корсарами, и теперь их экипаж будет пленен.

Скорее всего это победа, но вряд ли окончательная и, конечно, это не месть за разорение Туниса. Но генуэзский флот был уже далеко...

Гарри приказал спустить шлюпку и грести по направлению к флагману.

Барбаросса сидел в кресле на палубе, врач перевязывал ему руку.

— Ты тяжело ранен? — спросил Гарри.

— Меня ударили мечом. Болезненно, но рана чистая.

— Надо было преследовать их.

— Я знаю... Но я устал. Я слишком стар, чтобы вести такие сражения. Все же мы выиграли. — Он указал на землю в отдалении. — Там находится Превеса. Назовем это сражение битвой при Превесе.

— Вряд ли о ней стоит много говорить.

— Ты так считаешь? Я думаю, люди не согласятся с тобой.

Отовсюду доносились рев труб и радостные крики турок, решивших, что они победили.

— Сулейман хотел победы, он ее получил, — сказал Барбаросса. — Победа — это то, чем я должен закончить путь, и победа — это то, чего я добился. Я возвращаюсь в Константинополь.

— Но почему? Мы должны еще раз сразиться с Дориа и с испанцами.

— Это дело для молодого человека, — сказал Барбаросса. — Мне скоро восемьдесят, пора на покой. — Он указал на судно Драгута. — Вот человек, достойный командовать флотом, Хоук-паша. Он не менее талантлив, чем я. А я отправлюсь в Высокую Порту и сообщу о твоей победе.

Отговорить Хайреддина было невозможно. Гарри не хотел настаивать. Его друг действительно состарился.

Они обнялись, и галеры адмирала направились к родным берегам. Гарри и Драгут решили, что им вряд ли удастся настичь генуэзцев.

— Что ты планируешь? — спросил Драгут.

— Сначала отправимся в Алжир, чтобы пополнить запасы, а затем — в Тунис.

Вскоре все Средиземноморье наполнилось слухами о том, что великий Андреа Дориа разбит. Старый пират был прав: это была вершина его славы, его имя стало легендарным для многих поколений.

Дориа и его хозяин император должны были, без сомнения, планировать контрудар. Гарри был полон решимости удержать инициативу. Он укрепил оборонительные сооружения Алжира и решил оставить там половину своего флота для защиты города. Для него Алжир был не просто базой османцев в Западном Средиземноморье, он не хотел потерять еще одну семью.

Ребенку, Энтони, исполнился годик, и он обещал стать настоящим Хоквудом, по крайней мере по размерам.

Гарри поставил своей целью отвоевать Тунис. Город был лучше укреплен, чем Алжир, и Гарри добивался его по собственным причинам.

После того как с арены действий ушел Барбаросса, весь мир решил, что турки больше не представляют серьезной опасности. Следующей весной Гарри и

Драгут вышли из Алжира, под их командованием было пятьдесят галер. Через два дня они уже были в районе соленых озер и прокладывали путь по узкому каналу. Это случилось раньше, чем тунисцы под командованием испанских офицеров, не отличавшиеся расторопностью, поняли, что происходит.

Защитный форт едва ли успел сделать выстрел, прежде чем был опрокинут снарядами моряков Драгута. В городе заревели трубы, забили барабаны. Люди Мулай-Хасана ринулись к крепостным стенам.

Турецкие галеры везли солдат и все необходимое для осады крепостных стен. Гарри загрузил даже подразделение сипахов и лошадей. Выполняя приказ Гарри, сипахи высадились на берег и приступили к действиям. Драгут выстроил корабли в соленых озерах и начал бомбардировку стен. Гарнизон ответил отчаянным огнем, но у них не было той точности стрельбы, которой отличались турки.

Гарри отправил отряд сипахов в город, чтобы отрезать его от тыла, и предложил Мулай-Хасану сдаться. Дей отказался.

Гарри приказал копать траншеи у стен, чтобы можно было начать осаду и устанавливать мины. Артиллеристы заняли позиции на берегу. Осада шла строго по плану, и у Гарри не было сомнений, что Тунис падет через месяц... до того утра, когда Драгут внезапно разбудил его.

— Что стряслось? — недоумевая спросил Гарри.

— Нас застигли врасплох, — сказал Драгут: на его лице было написано отчаяние.

Гарри выскочил из шатра и глянул на бухту. Турецкий флот был на месте, но у входа в канал стоял другой флот под красными с золотом испанскими флагами; наряду с обычными галерами там были и океанские. Гарри подсчитал, что их около девяноста, приблизительно вдвое больше, чем у турок. Они взяли под контроль узкий пролив, через который турки могли выйти.

— Ни одно судно не охраняло выход в море? — грозно спросил Гарри.

— Дозорные суда были, Хоук-паша, но, наверное, их обманули.

Ситуация изменилась коренным образом: турки оказались в осаде между городом и испанскими галерами. Драгут собрал всех капитанов.

— Делать нечего, — сказал один из них. — Мы распустим людей, сожжем галеры и отправимся в Алжир.

— Несколько сотен миль по пустыне?

— Если мы останемся здесь, начнется голод. Мы не сможем сражаться с такой силой.

Драгут пощипал бороду и взглянул на Хоквуда.

— Другого выхода нет, Хоук-паша, — пробормотал он.

Гарри посмотрел на него и перевел взгляд на испанцев. Итак, его вновь разбили, его вновь обманули эти испанцы. Он должен ползти по пустыне, спасаясь от них, как побитая собака. Внезапно ему на глаза навернулись слезы, слезы гнева и отчаяния. Проход был очень узким. Песчаные берега соленых озер поднимались на несколько футов выше уровня моря, их ширина не превышала нескольких ярдов. Были бы здесь приливы, которые он видел у французских и английских берегов, он мог бы отправить флот на высокой воде и таким образом спастись. Но приливов здесь не было и поэтому... Он нахмурился, изучая песчаный берег.

— Будут приказания, Хоук-паша? — спросил Драгут.

— Завтра утром мы вступим в бой с испанцами, — ответил Гарри.

Капитаны в тревоге переглянулись, думая, что их командир сошел с ума...

— Мы с трудом сумеем выйти из пролива даже по одному, Хоук-паша, — запротестовал Драгут. — Они утопят нас.

— Ты когда-нибудь слышал о захвате Константинополя? — спросил Гарри.

— Каждый турецкий воин знает об этом, Хоук-паша.

— Тогда вспомни, каким образом турецкие галеры были выведены в Золотой Рог.

— Во имя Аллаха! — вскрикнул Драгут. — Их перенесли по суше.

— Это был план моего деда, — сказал Гарри.

— Он построил деревянный настил и смазал его жиром, — сказал один из капитанов. — У нас нет ни дерева, ни жира. К тому же византийцы не могли помешать твоему деду, потому что их было мало. А сейчас испанцы не только наблюдают за каждым нашим шагом, но и превосходят нас по численности.

— Действительно, мы не сможем построить деревянный настил, — согласился Гарри. — Но нам по силам вырыть канал, по которому мы выведем суда в море.

Капитаны задумались.

— Это возможно, — согласился Драгут.

— Все увидят, что мы делаем, — отметил пессимистически настроенный капитан, — и заблокируют дорогу.

— В таком случае мы должны все закончить до того, как испанцы заметят, что мы делаем, — решил Гарри. — У нас семь тысяч галерных рабов, пять тысяч матросов и четыре тысячи сипахов. Драгут, ты должен найти место для канала, люди приступят к работе в сумерках. Мы должны прорыть канал за ночь.

— Это невозможно, Хоук-паша, — сказал капитан.

— В противном случае нас ждут или смерть, или плен, Баспар. Что тебе больше подходит?

Было необходимо провести работу так, чтобы ни в городе, ни на море ни у кого не закралось подозрения о намерениях турок. Весь день велась подготовка к осаде. Драгут приказал двум судам спуститься вниз по проливу и сделать несколько выстрелов по испанцам.

В полдень Драгут, вооружившись луком и стрелами, углубился в болота на северной стороне соленого озера, как будто собираясь поохотиться. На самом деле он выбирал место, где будет проложен канал. Капитаны расковали галерных рабов и повели их на берег, чтобы они искупались на отмелях. В этом был особый смысл, потому что испанцы видели, что турецкие галеры не могут двинуться с места. Рабов держали на берегу до сумерок, затем они приступили к работе. Их охраняли моряки с саблями наготове, получившие приказ без промедления рубить каждого, кто издаст хоть звук.

Гарри увел с берега всех своих людей, за исключением тех, кто должен был продолжать обстрел стен, чтобы отвлекать внимание защитников крепости. Они спустились к озеру и начали рыть канал.

Это немыслимое предприятие предстояло завершить за одну ночь, но Гарри твердо решил, что это должно быть сделано. Люди копали, относили песок. Гарри и Драгут прислушивались и всматривались в темноту, потому что невозможно было выполнить то, что они задумали, в полнейшей тишине. Когда всеобъемлющий шорох наполнил вечер, на их счастье с материка подул бриз. Звуки теперь долетали до Туниса. Ветер дул по направлению к испанцам, но никаких признаков тревоги во вражеском стане не было. Без сомнения, испанцы не догадывались, чем заняты турки.

Ночь наступала очень быстро. Люди ругались и проклинали все на свете, они спотыкались и падали на ходу. Некоторые даже утонули, затоптанные другими на мелководье. Но дело шло. Через час после полуночи Гарри отправил рабов на галеры. Матросы и солдаты все еще работали, теперь зачастую по пояс в воде, потому что вода из Средиземного моря начала поступать в траншею. Когда осталось прокопать всего несколько ярдов, Гарри послал матросов на корабли, а солдаты остались работать. Ко времени, когда последняя преграда была преодолена, первая галера вступила в канал. Бриз становился прохладнее — признак близкого рассвета.

Солдаты быстро вскарабкались на галеры. Хоквуд отправил курьеров созвать основные силы из траншей. Темнота постепенно рассеивалась. Гарри, стоя рядом с Драгутом на флагманской галере, подал сигнал к отплытию.

Галеры медленно двинулись вперед... Ширина канала позволяла пройти только одному судну с веслами в рабочем положении; его длина была всего сто ярдов. И уже через десять минут первая галера выходила в море. За ней шли другие... Испанцы не издали ни звука. Первым заметил, что турок нет на месте, дозорный на крепостных стенах Туниса.

Затрубили тревогу, и город мгновенно ожил. Суматоха разбудила испанцев, они начали палить из ружей.

Но к этому времени все, за исключением десяти турецких галер, уже вышли в море, а остальные выплыли одна за другой через минуту.

— Каковы твои приказания, Хоук-паша? — спросил Драгут.

— Мы не уплывем, пока не дадим им попробовать нашего металла, — прорычал Гарри.

— Сигналь атаку! — приказал Драгут.

Еще было не так светло, чтобы различить сигнальные флаги, но турецкие командиры точно поняли намерения своего адмирала. Когда в рассветной мгле загремели барабаны, совершенно выбившимся из сил рабам пришлось начать грести с еще большей скоростью.

Пушка на носу была заряжена, но Гарри сдерживал огонь, пока они не приблизились к первой испанской галере. Она только снималась с якоря и поднимала паруса. Пушка дала залп, и снаряд врезался в корму.

Драгут указал на разбитую обшивку, и его люди бросились за борт.

Схватка была короткой, потому что испанцев застали врасплох. Их без разбора выбросили за борт — и живых и мертвых, — захваченное судно подожгли. Затем был дан сигнал к отходу.

Не все атаки были столь же успешны, но Гарри увидел полдюжины горящих судов и не сомневался, что телами испанцев усеян берег. Он потерял два своих корабля, а остальные мчались с места своей победы в лучах восходящего солнца.

Яна, Саша, Трессилия и дети были отомщены.

Тунис, конечно, они не взяли, и мысль об этом не давала Гарри покоя. Но он понял, что это возможно, если будет разбит испанский флот. Он торопился, чтобы мобилизовать все силы.

Эме и Фелисити очень беспокоились о судьбе Гарри, потому что видели испанские корабли, идущие на восток. Теперь же они радовались его успеху.

Гарри отправил гонца в Константинополь с вестью о своей победе. Он обещал Сулейману, что вскоре будут новости о еще одной великой победе. «Я по-прежнему собираюсь превратить Средиземное море в турецкое озеро, — писал он, — во славу твоего имени, о падишах».

Гарри направил корабли в море, но испанский флот ушел, по-видимому, по направлению к Барселоне. Кампания была отложена на год.

Хоквуд провел зиму, восстанавливая одни корабли и строя другие. Он задумал к следующей весне возглавить еще больший флот. Зима принесла много счастья Хоквудам. Иногда шли дожди, что было достаточно необычным, и поэтому в окрестностях Алжира распустились цветы. Гарри находил время побыть с Эме, Фелисити и маленьким Энтони. Гарри брал с собой мальчика на корабли, он хотел, чтобы Энтони чувствовал палубу под ногами, полюбил запах смолы и снастей.

— Он еще маленький. Ему рано выходить в море, — молила Фелисити.

— Как только Энтони научится пользоваться саблей, сразу возьму его с собой, — отвечал Гарри.

— Но до этого еще несколько лет... — Фелисити была счастлива.

После нового года из Константинополя прибыла галера. Гарри привезли приглашение от султана.

«Хоук-паша, — писал новый великий везир, Рустам-паша, зять султана, муж дочери Рокселаны. — Падишах поздравляет тебя с победой над испанцами и твоими другими достижениями. Он восхищен твоей отвагой и желает, чтобы ты вернулся в Константинополь. Ты будешь его правой рукой и начнешь обдумывать план новой военной кампании в Европе».

— Какие новости в Константинополе? — спросил Гарри капитана.

— Почти никаких. Могущество падишаха растет повсеместно.

— И здоровье его в порядке?

— Как никогда, великий паша.

Гарри показал письмо Эме.

— Я уверен, что, если бы Рокселана умерла или если бы ее разжаловали, слух об этом дошел бы до нас, — поделился он с Эме.

— Ты боишься попасть в ловушку, — предположила она.

— Я боюсь, что мои последние успехи ей не по душе.

— Тогда повремени.

Гарри принял совет Эме и ответил следующим образом:

«Падишаху хорошо известно мое стремление быть рядом с ним. Но кампания в Средиземноморье далека от окончания. Я могу доложить о победе над испанским флотом, но падишах знает, что Тунис все еще не подчиняется Османской империи. Пока над городом не будет развеваться флаг с полумесяцем, я не буду считать, что выполнил свою миссию. Поэтому прошу позволения падишаха остаться в Алжире еще на два года. Тогда я добьюсь того, о чем мечтаю, и прославлю им падишаха в веках».

Через месяц, не дождавшись ответа из Константинополя, Гарри вышел в море. Он хотел сразиться с объединенным испанско-генуэзским флотом.

Фелисити и Эме смотрели, как уходят корабли. Теперь они не боялись за Гарри, потому что Хоук-паша и Драгут завоевали репутацию первых на море после Барбароссы. Женщины привыкли к Алжиру, к его мягкому теплому климату. Опасность, что испанцы захотят уничтожить их, казалась далекой угрозой и вообще не существовала до тех пор, пока Хоук-паша был рядом. А испанцы никогда толком не знали, где конкретно он находился.

Маленький Энтони, трехлетний мальчишка, радовал маму и бабушку, разгуливая на крепких ножках и размахивая деревянной саблей.

— Весь в отца, — сказала Эме. — Самым хорошим для османцев был тот день, когда море выбросило Джона Хоквуда на анатолийский берег.

— Но хорошо ли это для всего мира? — волновалась Фелисити. Ей уже исполнилось семнадцать лет, и она начала задумываться о том, что происходит вокруг.

— Возможно, нет, особенно для Европы, — согласилась Эме. — Но если мы связаны судьбой с этой семьей, то должны с честью выполнить свой долг.

— Мне кажется, — предположила Фелисити, — что император, или генуэзцы, или король Карл согласны заплатить Хоук-паше, чтобы переманить на свою сторону и назначить командовать судами, идущими на разгром Порты.

— Умоляю, дитя мое, замолчи, — молила Эме. — Ты говоришь о предательстве, которое может стать погибелью для нашей семьи.

— Но ведь мы и так живем под страхом смерти! — настаивала Фелисити.

— Только из-за этой Рокселаны, — объяснила Эме. — Но вскоре она лишится покровительства или умрет. Вот на что уповает твой муж. Помни всегда,

девочка: пока нам покровительствует султан, у нас все будет в порядке.

Фелисити решила не продолжать этот разговор.

Осенью корабли вернулись с большой победой, одержанной у берегов Корсики над объединенным испанско-генуэзским флотом под командованием Андреа Дориа.

— Падишах будет доволен, — сказал Хоук-паша, — мы полностью разгромили их флот. Следующей весной, прежде чем они успеют оправиться, мы возьмем Тунис.

Подготовка нового похода продолжалась всю зиму, пока новость о победе шла в Константинополь.

— В этот раз, Драгут, — сказал Гарри, — не будет флота, который сможет запереть нас в бутылке.

Весной Гарри понял, что никогда еще не командовал таким прекрасным флотом и такой воодушевленной армией. Люди помнили, как ловко Хоук-паша вывел их из ловушки, которой однажды стал Тунис; никто не сомневался, что и в этот раз он покажет себя. В его планы входило придерживать эскадру из шестидесяти кораблей, отбивая атаку испанцев или генуэзцев, в то время как основные силы выйдут в море.

Гарри опасался, что оставляет Алжир незащищенным, и не хотел рисковать семьей. Он решил, что Эме, Фелисити, Энтони и даже Айша отправятся на его галере.

— Я так довольна, что не расстанусь с Гарри, — сказала Фелисити, стоя у окна дворца Хоука и наблюдая за большой парусной галерой — необычно большой, — входящей в бухту; ее мачты были увешаны множеством опознавательных флагов. — При-

был посланник из Константинополя, — заметила она.

— Привез, наверное, приглашение от султана, — сказала Эме. — Я надеюсь, что султан не будет возражать против захвата Туниса. Гарри всего себя отдал этому делу.

Эме начала спускаться по лестнице, Фелисити медленно пошла за ней, посматривая в окно во внутренний дворик: там Энтони под присмотром Айши строил замки из песка.

Фелисити приостановилась у арочного проема, через который можно было пройти в зал для приемов. Из своего кабинета появился Гарри. «Какой же он красавец, высокий, стройный и сильный! Ну и что из того, что его волосы тронула седина», — подумала она.

Она вспомнила свой ужас, когда впервые столкнулась с ним в подвале дома ее родителей в Англии. Он держал саблю. Она схватила револьвер, несмотря на приказ не двигаться, еще не зная, выстрелит она в захватчиков или в себя. Столкнувшись с этим огромным человеком, она инстинктивно выстрелила в него. И промахнулась... И похолодела от ожидания неминуемой смерти.

Она вспомнила, что потом незнакомец хотя и обращался с ней как с мешком угля, но все же не причинил ей вреда. Тогда она была полна решимости ненавидеть его, но сердцем она пожалела этого богатыря, когда поняла, как он страдает, узнав об уничтожении своей семьи.

Как могла она, юная Фелисити Мартиндейл, жалеть жестокого корсара, вырвавшего ее из сердца семьи? И все же она жалела... К тому же он не изливал свое горе в словах. Он привез ее в самый великолепный город и поручил заботам самой очаровательной женщины, которую Фелисити теперь с гордостью называла своей подругой так же, как и тетей.

Тогда она почувствовала, что ее судьба — стать его женой, а не игрушкой, которую выбрасывают пресытившись. Он должен был стать ее мужем. Она

больше не желала ничего другого и познала всю радость семейного счастья, родив ребенка.

Фелисити, конечно, жалела, что Гарри служит человеку, которого вся Европа считала дьяволом, но не теряла надежду, что сможет убедить его вернуться в лоно христианства. И если ей предстоит вернуть эту семью на путь истинный, то это произойдет с помощью мальчика, который сейчас играл в саду и в котором текло больше английской крови, чем и у Гарри Хоквуда, и у его дяди.

Но надо набраться терпения и ждать...

А это значит поддерживать мужа и все, что он делает. Радоваться его успехам. С этими мыслями Фелисити стояла у лестницы, сердце ее распирало от гордости, потому что они ждали посланников из Константинополя с приветствиями от султана и, без сомнения, поздравлениями.

Четверо мужчин в роскошных черных одеждах вошли в зал для приемов и низко поклонились Хоук-паше.

— Мы привезли приветствия падишаха, господин.

Гарри Хоквуд поклонился в ответ.

— И послание, — добавил посланник, взглянув на Эме и Фелисити, стоявших у лестницы.

Внезапно Фелисити почувствовала, что ее пробирает дрожь.

— Мы должны вручить тебе послание без свидетелей, великий паша, из-за его чрезвычайной секретности.

— Пойдемте в кабинет, — сказал Гарри и повел их к двери.

Эме шагнула вперед, как будто собираясь что-то сказать.

Фелисити почувствовала, что сделала шаг вперед... но остановилась.

Как может кто-то предостерегать Хоук-пашу, такого сильного, огромного и уверенного в себе?..

Дверь кабинета осталась открытой, но со своего места Фелисити не могла заглянуть в комнату и не могла расслышать, что там говорилось.

Эме подошла поближе... затем развернулась, ища глазами невестку. В это время из комнаты донесся четко различимый звук: наполовину протест, наполовину вздох.

— Фелисити! — крикнула Эме. — Беги! Беги, спасайся! Бери ребенка и беги. Остается только мстить.

Мгновение Фелисити раздумывала, затем метнулась через зал к выходу во двор.

У арки она приостановилась, чтобы оглянуться назад. Трое мужчин появились из кабинета со струнами в руках.

Даже Хоук-паша оказался не в силах противостоять внезапной хватке струны. Теперь эти люди искали ее и Энтони. Хоквуды должны быть уничтожены. Но Эме бросилась вперед им наперерез, они споткнулись и попадали на мраморный пол. С проклятиями они затянули струну вокруг шеи Эме.

Эме, такая гордая и красивая, выстрадавшая так много, так долго ждавшая любви Вильяма Хоквуда, теперь погибла, чтобы она, Фелисити, могла жить.

Выскочив во двор, Фелисити схватила сына и выбежала через задний вход на узкие улочки алжирской касбы.

Айша бежала следом. Преданная Айша... Вместе они спасут маленького Энтони.

Ради отмщения. Потому что осталась только месть.

Книга четвертая

КРУГ ЗАМЫКАЕТСЯ

Всё — шахматная череда ночей и дней,
Доска судьбы — она играет лишь на ней
И ставит шах и мат фигурами людей,
Бьет, в ящик их кладет, как пешек и ферзей.

Омар Хайям

Глава 17

КОРСАР

Айша вбежала в дом.

— Госпожа! — закричала она. — Госпожа! Флот возвращается.

Фелисити Хоквуд вскинула голову и уколола палец иголкой. Не обращая внимания на капельку крови, выступившую на пальце, она отложила шитье и поспешила за служанкой на крыльцо.

Айша была не просто служанкой, они с Фелисити стали близкими подругами. Их объединяло слишком многое, чтобы быть по отношению друг к другу кем-то другим.

Айша знала, что испытывает Фелисити каждый раз, когда возвращается флот, потому что она чувствовала то же самое.

Фелисити всматривалась в армаду кораблей, плывущих к молу, благодаря которому Алжир был неуязвим. В недавнем прошлом император Карл V возглавил поход, чтобы избавить Средиземноморье — его Средиземноморье — от пиратов-варваров. Флот появился у города, армия высадилась на берег. Но испанцы пострадали от капризов природы. Внезапно налетевший шторм разбил их флот, армии пришлось срочно ретироваться, в противном случае она погибла бы.

Испанцы не вернулись. И теперь не было даже императора; он отрекся от престола и удалился в монастырь. Его огромные владения были разделены: между сыном Филиппом II, которому достались Испания и заморские земли, известные тогда как Индия, и его братом Фердинандом, принявшим титул императора и правившим в Центральной Европе. Времена, когда один человек решал вопрос о противостоянии туркам, ушли в прошлое.

Можно сказать, что корсары расшатали императорскую власть, потому что именно морские силы турок разбили флот Карла V. В то время, когда Сулейман Великолепный одна за одной терпел неудачи в походах на Вену, его галеры разоряли побережье Средиземного моря.

Этот потрясающий план был задуман Гарри Хоквудом и Хайреддином Барбароссой, а осуществлен был последователем Хайреддина — Драгутом. Энтони Хоквуд всегда находился рядом с Драгутом.

«Последний Хоквуд, — думала Фелисити. — Самый последний...»

— Я вижу адмиральский флаг! — закричала Айша. — И флаг Пиале-паши.

Венгр по происхождению, Пиале-паша был помощником на судне Драгута.

— Где же Энтони? — спросила Фелисити.

Айша прищурилась; она видела лучше, чем Фелисити, хотя обеим женщинам было только по тридцать семь. Более двадцати лет жили они воспоминаниями... и с радостью наблюдали, как Энтони из малыша становится мальчиком, из мальчика превращается в юношу и из юноши — в мужчину.

— Там! — закричала Айша. — Он там, госпожа!

— Слава Богу! — прошептала Фелисити. — Слава Богу!

Она вернулась к своему креслу и шитью и будет сидеть здесь до тех пор, пока Энтони не подойдет к ней.

Каждый раз, когда сын уходил в море, Фелисити думала, что не доживет до его возвращения, она чув-

ствовала себя старой и боялась смотреться в зеркало. Потому что в тридцать семь лет ее волосы были седыми... и на то были веские причины.

Но каждый раз, когда сын возвращался, Фелисити чувствовала себя девочкой. Шестнадцать лет назад она вместе с Айшой бежала из дворца Хоуков. Они взяли с собой только малыша Энтони и воспоминания об Эме Ферран, которая погибла, спасая их жизнь. Фелисити мечтала тогда об одном: исчезнуть навсегда.

Эме призывала к мести, но Эме была другим человеком и всю жизнь прожила в постоянной борьбе. Для Фелисити все это было слишком новым и непонятным.

Но как можно исчезнуть? И где? Сразу за городом начиналась пустыня...

Женщины спрятались в пальмовой роще, не зная, что делать дальше. Там их и нашли. Они смотрели на мужчин полными ужаса глазами, думая увидеть в их руках струны, которые положили бы конец их жизням, а также означали бы смерть Энтони.

Но люди, нашедшие их, не были убийцами. Их послал Драгут-паша.

Драгут так же, как и все, был потрясен, узнав о смерти Хоук-паши. То, что убийцы просто выполнили приказ Сулеймана, не доходило до его сознания, потому что Драгут знал, что у султана нет более преданного слуги, чем этот англичанин.

По характеру Драгут не был мятежником, как, впрочем, и Гарри Хоквуд. Он проследил за убийцами, послав по их следу, и понял, что они выполняли волю султана.

К тому времени Драгут нашел жену и сына Гарри Хоквуда. Он взял их в свой дом и вырастил мальчика как собственного сына. Эме Ферран взывала к мести, но Драгут и не помышлял об этом. Падишах отдал приказ — приказ был выполнен. Значит, у падишаха были причины, о которых простой человек мог и не знать. Но это не означало, что Драгут не любил сына своего покойного друга

и не собирался сделать его капитаном, возможно, своим преемником.

Фелисити была ошеломлена его решением, но у нее не оставалось выбора. Драгут принял ее и проследил, чтобы ей не досаждали, потому что Фелисити была самой красивой женщиной в Тунисе. Но он запретил всякие разговоры об отъезде.

— Хоквуды всегда служили падишаху, — терпеливо объяснял Драгут. — И раньше были Хоуки, которых казнили, но их сыновья все равно становились пашами. Не знаю, почему твоего мужа невзлюбила султан-валиде...

Никто не сомневался, что Роксела на является султан-валиде несмотря на то, что Гульбехар все еще жива, а Мустафа считается наследником престола. Все знали, что султан в основном проводит время в обществе принца Селима, его сына от Роксела ны, и что ее дочь султан также не обходит своим вниманием.

— Но нынешняя султан-валиде будет не всегда, — настаивал Драгут. — К тому же она может потерять расположение султана. Кто знает? И когда это случится, госпожа, милость правителя распространится на твоего сына.

С течением времени такое положение дел становилось все более неприемлемым для Фелисити. Новости из Константинополя лишь говорили о все растущей власти султан-валиде. Роксела на выдала свою дочь замуж за высокопоставленного чиновника Рустама, которого назначили великим везиром. Затем она праздновала победу по приказу султана, когда принц Мустафа был казнен за предательство. Таким образом, Гульбехар стала не более чем старшей в гареме, а Роксела на — истинной султан-валиде, кем на самом деле все ее давно считали. Со своим сыном — наследником — и зятем — великим везиром — эта женщина стала почти правителем Османской империи.

«И мой сын, — думала Фелисити, — должен сражаться за женщину, которая убила его отца!»

Но и на этот раз, слава Богу, Гарри вернулся живым...

Фелисити прислушивалась к шагам сына и поняла, что он не один. С момента убийства Гарри ее тревожил любой непривычный звук, потому она встала и с бьющимся сердцем смотрела на двух мужчин, шедших ей навстречу.

Драгут-паша — высокий человек с грубым лицом и длинными черными усами, свисающими по обеим сторонам тонких губ, — был грубым и жестоким к своим врагам или к любому, кто шел против него. Он никогда не был таким по отношению к вдове Гарри, если не считать, что он запретил ей покинуть Алжир.

Драгут был также и преуспевающим человеком. Ему не доставало яркости Хайреддина, но он обладал более весомыми преимуществами и жил, наслаждаясь своими успехом и славой. Он носил одежды из прекрасного шелка, рукоятка его меча была инкрустирована золотом и драгоценными камнями. Он ступал как человек, не знавший поражений в течение двадцати лет.

Но Фелисити видела только его спутника. Энтони Хоквуд был выше Драгута. Шесть футов и четыре дюйма рост, широкие плечи, пылающая рыжая борода, копна волос и глаза-сапфиры, смотревшие необыкновенно твердо. Такой взгляд мог быть только у человека, обладавшего прекрасным здоровьем и чувствовавшего уверенность в себе.

Фелисити любила сына, как ревнивая жена, и боялась потерять его. Она не разрешала ему жениться несмотря на то, что ему исполнился двадцать один год. Энтони дали двух наложниц, и до сих пор это вполне всех устраивало. Все же, конечно, жениться ему придется и, наверное, скоро. Но жена-турчанка укрепит его связь с османцами и одновременно ослабит привязанность к матери. И Фелисити была полна решимости откладывать этот ужасный день до последнего момента.

— Приветствую тебя, Драгут-паша! — Фелисити склонила голову перед старшим и затем повернулась и сказала: — И тебя, сын мой! Ваш рейд был удачным?

— Это так, госпожа, — улыбнулся Драгут-паша. — Наши трюмы заполнены. Но не это привело меня к тебе. У нас новости из Истанбула[1].

Сулейман постановил, что Константинополь нужно переименовать, и городу было дано более короткое название, привычное турецкому языку.

— Какие новости? — Фелисити затаила дыхание. Для нее Константинополь, или Истанбул, как ни называй, был последним кругом ада.

— Расскажи ей, мальчик, — подтолкнул Энтони Драгут.

— Мы встретили венецианского капитана, мама, — объяснил Энтони. — Он сказал нам, мама, что Рокселана мертва...

— Это вам сказал венецианец. — Фелисити нахмурилась.

— Он шел из Истанбула, госпожа, — откликнулся Драгут. — Там только и говорят об этом.

— Хорошо... — Фелисити внезапно обмякла. — Если это правда, то, значит, туча, висевшая над нами столько лет, ушла.

— Это значит гораздо больше, — сказал Драгут.

Фелисити подняла голову и удивленно посмотрела на него.

— Ты знаешь, что я часто бываю в Истанбуле, — продолжал Драгут, — и встречаюсь там с султаном и его везирами. Некоторое время назад падишах узнал, как эта русская сбила его с толку. Он не мог удалить ее, потому что она — мать принца Селима и, как говорят, потому что она имела странную власть над ним. И все же султан сожалеет о том, во что она вовлекла его. И теперь тяжело переживает казнь Ибрагима и своего сына Мустафы. Также говорят, что он сожалеет о казни Хоук-паши.

— Пустые слухи, — печально сказала Фелисити.

— Этот слух идет из Высокой Порты, — настаивал Драгут. — Всем известно, что султан удалил Рустама и назначил Мехмеда Сокуллу великим везиром.

---

[1] И с т а н б у л (тур. Istanbul) — турецкое название Стамбула.

— Какое это имеет отношение к нам? — спросила Фелисити. — Хоук-паша давно мертв, и даже султан не может вернуть его.

— Но может появится другой Хоук-паша, госпожа, — возразил Драгут. — На протяжении долгих лет были Хоук-паши, значит, и теперь он должен существовать.

Фелисити посмотрела на сына.

— Великий паша прав, мама, — сказал Энтони. — Ты рассказывала мне о богатствах, принадлежавших нашей семье, и дворце в Истанбуле. Почему бы мне теперь не вернуть все это, если ведьма мертва.

— Потому что это только слухи! — прокричала Фелисити. — Идти в Истанбул без разрешения султана — значит подставить шею петле.

Энтони посмотрел на Драгута, надеясь найти поддержку.

— Это, конечно, возможно, госпожа, — согласился Драгут, — но риск не больше, чем быть сраженным пулей в бою. А награда гораздо выше.

— Самой большой наградой, господин мой, было бы позволение мне и моему сыну покинуть это место и отправиться в Англию. Почему ты не разрешаешь этого?

— Потому что Хоук-паша должен сражаться за султана, — спокойно сказал Драгут. — Это его предназначение. Оно определено как судьбой, так и жизнью его предков.

Фелисити вздохнула. Последнее время они с Драгутом слишком часто спорили по этому поводу.

— Кроме того, — сказал Драгут, — ты не знаешь, хочет ли твой сын ехать в Англию.

Фелисити посмотрела на Энтони. «Нет, — подумала она. — Я никогда не спрашивала об этом, потому что ты ослепил его славой сражений под своими знаменами и рассказами об отваге его отца. Ты превратил его в пирата. И теперь посылаешь на смерть. Но если он хочет идти, тогда он потерян для меня независимо от того, казнят его или нет. Благоволение султана — сильнее любой привязанности».

— Энтони, ты хочешь вернуться в Истанбул? — спросила Фелисити.

— Да, мама. Я хочу предстать перед падишахом и знать свою судьбу.

Фелисити посмотрела на Драгута.

— Галера юного Хоука отплывает завтра, — сказал он. — Я сам буду сопровождать его.

— Тогда я тоже возвращаюсь в Истанбул, — вздохнула Фелисити. «Если мой сын должен умереть, я хочу быть рядом с ним. И в этот раз я не стану спасаться бегством».

Энтони Хоквуд стоял на носу галеры, направлявшейся из Мраморного моря в Босфор. Он провел там почти всю ночь, с нетерпением ожидая того момента, когда впервые увидит город, о котором слышал так много на протяжении стольких лет.

Он был зачат в этом месте, но никогда не видел его. Теперь он возвращался к своей судьбе. Отец его был казнен по приказу султана, но такая судьба ждала каждого военачальника, на которого могло пасть подозрение. Энтони не сомневался, что пройдет свой путь еще более успешно, чем Гарри Хоквуд. Он не помышлял ни о какой другой жизни, он хотел быть капитаном и служить султану, сражаясь с его врагами. Он надеялся, что когда-нибудь будет командовать флотом.

Айша стояла рядом с ним. Она казалась более взволнованной, чем Энтони, потому что никогда прежде не видела Истанбул. И может быть, она больше, чем Энтони, была уверена, что это его судьба. И также ее.

Айша вынянчила его и во многом была ему второй матерью.

Теперь они вместе смотрели на могучие стены, вырисовывавшиеся в утренней мгле, на башни и купола за ними и от восхищения затаили дыхание. К уже существовавшим красотам Константинополя, мечети, когда-то бывшей собором Святой Софии,

и Голубой мечети, мечети Мехмеда II и мечети Селима, была добавлена мечеть Сулеймана, величайшая из них всех.

— Эту мечеть построил архитектор Синан, — сказал Драгут, присоединяясь к ним. — Все самое прекрасное в Истанбуле создал этот человек.

Вскоре они увидели Золотой Рог.

— Когда неверные владели городом, — сказал Драгут, — они загородили вход в бухту плавучим заграждением из цепей, не пропускавшим врагов. Но сейчас необходимость в этом отпала.

Потому что теперь Черное море стало турецким озером.

Галера вошла в бухту; весла были опущены, и судно скользило вдоль одного из многочисленных причалов. Знамя Драгут-паши узнали, ему немедленно освободили место, и начальник бухты с приветствиями спешил навстречу известному адмиралу.

Энтони посмотрел вверх на Галату, где стоял дворец Хоука.

— Твой великий прадед построил этот дворец, — сказала Фелисити. — Я жила в нем недолго, но там было так хорошо...

— Ты будешь снова жить там, мама, — пообещал Энтони. — И тебе опять будет хорошо.

— Мы должны поторопиться, — сказал Драгут. — Весть о твоем возвращении разлетится очень быстро. Мы должны прибыть во дворец раньше, чем слухи.

— Айша, вы вместе с госпожой Фелисити поищите место, где нам остановиться в Галате.

— А если вы не вернетесь? — спросила Фелисити.

Драгут усмехнулся и протянул ей мешок золотых монет:

— Тогда возвращайся в Англию. Потому что в этом случае нас уже не будет.

Драгут увлек за собой Энтони, прежде чем Фелисити начала протестовать. Они переправились к морским воротам города в Золотом Роге и влились на

заполненные улицы. Люди, взглянув на них, тут же отводили глаза. Драгута хорошо знали, но было редкостью, чтобы он шел по улицам один, без помпы, соответствующей его рангу.

Но один ли он? Не привидение ли тот, кто идет рядом с ним? Люди боялись задавать такие вопросы...

Драгут и Хоквуд прошли через Белые ворота в старый Византий. Энтони был поражен прекрасной архитектурой и просторными площадями, так отличавшими это место от тесного города, оставшегося позади. Затем он увидел дворец, самое великолепное здание из всех, которые он когда-либо видел.

— Следуй за мной во всем, — предупредил Драгут, когда они подошли к Высокой Порте.

Энтони кивнул.

— Драгут-паша ищет встречи с падишахом, — сказал Драгут капитану охраны. — Сообщи великому везиру о том, что я прибыл.

Драгут был одним из немногих, кто мог дать такое распоряжение, а не просто скромно ждать во дворе в надежде, что его заметят.

Капитан отсалютовал и отправил своего человека во дворец. Сам он во все глаза смотрел на Энтони.

— Твой слуга останется здесь, великий паша, — распорядился он.

— Это не слуга, — сказал Драгут. — Мы вместе будем говорить с падишахом.

Капитан немного подумал, прежде чем принять решение. Потом повел их через внутренний двор, заполненный какими-то беседующими друг с другом людьми. Они оборачивались и смотрели на адмирала и его спутника, после чего начинали разговаривать с еще большим воодушевлением.

У входа во дворец их ждал человек. Он был не старым и носил высокий квадратный тюрбан великого везира. Он заменил Рустама после того, когда всем стало известно о его казнокрадстве. Рустам как зять султана не был казнен, но его отправили в ссылку, подальше от Истанбула.

— Прими мое почтение, господин мой Сокуллу, — сказала Драгут кланяясь.

— Приветствую тебя, Драгут-паша. Какое важное событие привело тебя в Истанбул столь тайным образом? — спросил великий везир.

— Это частный визит, господин мой везир. Я хочу представить этого человека султану.

Сокуллу внимательно посмотрел на Энтони Хоквуда.

— Клянусь бородой Пророка, — пробормотал он, хватаясь за собственную бороду.

Когда Энтони взглянул на строгие черты, подпорченные хитрым выражением глаз и циничным изгибом губ, он вспомнил Мехмеда Сокуллу, украденного ребенком у родителей-христиан, воспитанного в янычарском корпусе и сделавшего блестящую карьеру, включавшую командование турецким восточным флотом. Но так как лишь недавно он стал вторым человеком в империи, то, без сомнения, не чувствовал себя уверенно на новом посту. Конечно, он знал, что ему придется иметь дело с сыном Рокселаны — Селимом, наследником престола.

Сокуллу рассматривал Хоквуда с неменьшим интересом и наконец сказал:

— Я знал твоего отца, юный Хоук.

Энтони поклонился, раздумывая о причастности Сокуллу к убийству, хотя и прибыл сюда не для отмщения.

— Ты получишь аудиенцию, — продолжал Сокуллу. — Думаю, падишаху интересно поговорить с тобой.

Драгута и Хоквуда пригласили в центральный двор, где толпились и шептались другие люди, многие из них сжимали пергаменты, которые они, вне сомнений, надеялись вручить самому султану.

Здесь находились люди, одетые по европейской моде и разговаривавшие на разных языках. Но не на английском — этому языку Энтони научила мать.

Через минуту после того, как Сокуллу оставил их, из Высокой Порты появился слуга и поспешил к ним.

Все обернулись и нахмурились, когда тех двоих, только что прибывших, провели к везиру.

— Падишах рад видеть тебя, юный Хоук. — Сокуллу поклонился.

Энтони взглянул на Драгута, улыбнувшегося ему в ответ.

— Будь самим собой, мальчик. Только таким и должен быть мужчина.

Когда они вошли внутрь, то сразу увидели легендарный диван, но он был пуст. Сокуллу шел впереди, но сел рядом с Энтони. По обеим сторонам от них сидели везиры и военачальники. Их шелковые плащи поражали многообразием красок, бриллианты сверкали на их шлемах и рукоятках сабель. Так можно ли было не считать это государство самым богатым на земле?

— Добро пожаловать в Истанбул, мой адмирал, — официально начал Сокуллу. — Приветствую тебя, юный Хоук.

Драгут поклонился, Энтони последовал его примеру. Он думал в этот момент о том, где находится султан. Заметив ширму, находящуюся в левом углу комнаты, он сразу все понял и сердце его забилось.

— Я знаю, ты хочешь представить юного Хоука падишаху, — продолжал Сокуллу. — Скажи мне, что ты хочешь от нашего хозяина, юный Хоук?

Энтони быстро взглянул на Драгута и снова получил в ответ кивок.

— Я ищу службу, достойную моего имени и происхождения, господин везир, — сказал он. — Я сын Хоук-паши.

— Это все знают, твое желание понятно. — Сокуллу взглянул на ширму.

— Я буду говорить с тобой, Хоук, — раздался наконец голос падишаха.

При звуке тихого голоса все склонили головы. Затем послышалось шуршание шелка и тихо отворилась дверь.

— Твое будущее решено, только постарайся угодить падишаху, юный Хоук, — прошептал Сокуллу. — Следуй за этим слугой.

У дивана появился евнух. Энтони взглянул на своего приемного отца, и снова Драгут кивнул. Энтони последовал за слугой по устланному коврами великолепно благоухавшему коридору во внутренние покои, увешанные коврами такой красоты, которых он никогда прежде не видел. Здесь у стены, на диване, за ширмой, сидел султан.

Евнух протянул руку, и Энтони смутился, не понимая, что от него хотят. Евнух указал на его пояс, тогда Энтони отстегнул саблю, висевшую сбоку, и отдал ее. Евнух все еще ждал, пока Энтони не отдал ему свой кинжал. Слуга распростерся ниц перед диваном, затем поднялся и покинул комнату, унося оружие Хоквуда.

Энтони смотрел на человека, которого его подданные называли Законодателем, а враги — Великолепным, самого всемогущего человека на земле. Его охватил ужас. Мать Энтони никогда не видела султана, но Драгут часто встречался с ним и рассказал своему протеже о величии этого человека, который вот уже почти тридцать лет удивлял мир.

Энтони знал, что Сулейману было шестьдесят два года, и это казалось весьма солидным возрастом тому, кто почти на сорок лет моложе. Перед Энтони сидел сморщенный высохший человек, выглядевший намного старше своего возраста. Плечи поникшие, дыхание прерывистое и затрудненное, щеки покрыты румянами, чтобы оживить лицо. Кожа на руках натянута, и каждая жилка просвечивает под бледной плотью.

На султане были расшитые золотом шелковые рубашки, кольца беспредельной ценности сверкали на пальцах, его тюрбан был усыпан драгоценностями.

— Ты сын Гарри Хоквуда, — заговорил наконец Сулейман. — Подойди ближе, мальчик, чтобы я мог тебя рассмотреть.

Энтони подошел к дивану.

— Ты сын Гарри Хоквуда, — повторил султан. — Твой отец и я были когда-то друзьями.

— Я слышал об этом, о падишах, — рискнул ответить Энтони.

— Мы были больше чем просто друзьями. — Казалось, Сулейман задумался о чем-то. — Я любил его как брата.

— Мой отец был счастливым человеком, о падишах.

— Ты ведь знаешь, что я приказал убить твоего отца? — спросил Сулейман.

Энтони не решился ответить. Как бы он хотел, чтобы Драгут был рядом и подсказал нужные слова.

— Значит, знаешь. — Сулейман понял его молчание. — Тебе рассказали об этом, юный Хоук. — Он вздохнул. — Можешь ли ты предположить, что чем старше становится человек, тем больше ему хочется, чтобы по щелчку пальцев часть его прошлого можно было вернуть назад и восстановить то, что потеряно. Кажется, это возможно. Смотри... — Султан щелкнул пальцами. — Разве я не волшебник? Гарри Хоквуд вновь передо мной. И не важно, что у него другое имя. Передо мной тот же богатырь, с которым я когда-то смеялся, играл... и ходил в походы. Подойди сюда, мальчик. — Султан встал.

Энтони прошел вперед и, к своему удивлению, был заключен в объятия.

— Если бы ты знал, как я сожалею о смерти твоего отца, — сказал Сулейман. — Но... мертвых не вернешь. Мы можем исправить только то, что есть. — Взяв Энтони за руку, султан повел его по коридору к залу приемов, где ждали Драгут, Сокуллу и другие. Султан прошел мимо них на балкон Порты, потом взглянул на толпу, ждущую внизу.

При виде хозяина люди низко поклонились.

— Я представляю вам Хоук-пашу, — объявил Сулейман громко и четко. — Хоук-паша вернулся.

Мехмед Сокуллу вручил Энтони жезл, украшенный султаном из конского волоса.

Энтони хотелось побыстрее вернуться в Галату и сообщить матери изумительные новости, но прежде он и Драгут должны были отобедать. Их посадили по

обе стороны от султана и Сокуллу, принц Селим сел рядом. Селим оказался красивым мужчиной тридцати с лишним лет, но Энтони не чувствовал к нему расположения. Селим редко смотрел кому-либо прямо в глаза; он слегка прикасался к еде, и время от времени его охватывала судорога.

Если Сулейман и знал об этом, то не подавал вида.

— Расскажи мне о победах молодого Хоука, адмирал, — сказал султан.

Драгут повиновался. Он говорил о набегах на испанские и французские прибрежные города, о стычках и великих битвах, в которых турки неизменно выходили победителями. Он рассказал о захвате Триполи в 1551 году и о побеге рыцарей Святого Иоанна на Мальту; это был первый поход пятнадцатилетнего Энтони. Он говорил о взятии Бастиа на Корсике два года спустя и о турецкой экспансии вдоль северного побережья Африки в последние три года, в результате которой под контролем испанцев остался только Тунис.

— Но Тунис скоро падет, о падишах, — засмеялся Драгут. — Нового короля Испании Филиппа, кажется, больше интересует Атлантика, чем Средиземноморье. Он оплакивает смерть своей жены-англичанки. Ходят слухи, что он намерен жениться на двоюродной сестре своей покойной жены — Елизавете.

Драгут хвастался, что во всех этих столкновениях, не важно — больших или маленьких, Энтони Хоквуд играл решающую роль. Энтони только краснел, когда его превозносили.

— Мне приходилось сражаться с Гарри Хоквудом, — сказал Драгут. — И я и не думал, что найдется кто-либо равный ему. Но этот мальчик превзошел своего отца.

— Это хорошо, — подвел итог султан. — Империя тяжело пострадала за эти последние двадцать лет. Ты не вернешься в Алжир, юный Хоук. Ты останешься здесь, в Истанбуле. Я назначаю тебя капитаном флагмана паши Али Монизиндаде. Докажи,

на что ты способен, и получишь собственный флот, я обещаю. Драгут, тебе придется найти себе нового героя.

Драгут склонил голову. Энтони не верил собственным ушам.

— Ты вернешься во дворец Хоуков, — приказал Сулейман. — А теперь расскажи мне о твоих женах и детях.

— У меня нет жены, о падишах.

— У взрослого мужчины нет жены? — Сулейман нахмурился.

— Так решила его мать, о падишах, — объяснил Драгут. — Госпожа Фелисити — англичанка.

— Да, я помню об этом. И она воспитала своего сына как истинного англичанина, которые очень медлительны в том, что касается брака. Мы спасем тебя от этого жестокого демона, твоей матери, Хоук-паша, — улыбнулся Сулейман. — Ты боишься ее гнева. Это хорошо. Человек должен бояться своей матери. Но я обещаю, что даже она не будет гневаться на меня. Я отнесусь очень тщательно к выбору жены для тебя. Твоя мать воспитала тебя англичанином и отказалась женить на турчанке. Очень хорошо, я подберу тебе жену-христианку. Это тебя устраивает?

— Это меня устраивает, о падишах.

— В Истанбуле живет молодая женщина по имени Барбара Корнаро. Я отдам ее тебе.

— Так просто? — Энтони удивленно посмотрел на султана.

— Сокуллу, — нетерпеливо сказал Сулейман. — Познакомь синьору Корнаро с моим решением по поводу ее дочери.

Везир склонил голову.

— Эта юная госпожа очень высоких кровей, в общем-то она принцесса, — сказал Сулейман. — Ее тетка была королевой Кипра.

— Согласится ли столь знатная госпожа на свадьбу с неизвестным моряком, о падишах? — недоумевал Энтони.

— Ты не неизвестный моряк, — улыбнулся Сулейман. — Ты Хоук-паша, и, что более важно, тебе благоволит султан. У нее нет выбора, пока она здесь, в Истанбуле.

Позднее Сокуллу рассказал Энтони: Екатерина Корнаро — венецианка знатного происхождения — была выдана замуж за Джеймса II Лусиньяна, короля Кипра, в 1472 году для скрепления союза двух стран. Вскоре он умер, оставив жену беременной. Она родила сына, Джеймса III, и должна была быть регентшей до тех пор, пока сын не достиг бы совершеннолетия. Она приняла титул королевы. Ей было только девятнадцать лет. Екатерине было очень трудно править таким неспокойным государством, да еще окруженным османской территорией. Но она справлялась с этой обязанностью на протяжении шестнадцати лет. Но когда ее сын умер, она отреклась от трона и отдала Кипр своей родной Венеции. По возвращении домой она устроилась в Тревизо, где ей даровали поместье, и до конца своих дней удерживала титул королевы.

Эта девочка, Барбара, внучка одного из братьев той королевы. Да, когда несколько лет назад новый мирный договор был заключен между дожем и падишахом (все предыдущие были расторгнуты после того, как венецианцы посчитали нужным возобновить войну), мы потребовали заложников. Представители благороднейших из венецианских семей, заложники, приехали жить в Истанбул.

Племянник Екатерины Корнаро был одним из них. Он приехал со своей женой и несовершеннолетней дочерью... и с тех пор находится здесь.

— Они пленники падишаха? — сделал вывод Энтони.

— Фактически, но не формально, — допустил Сокуллу. — Пьетро Корнаро живет в собственном дворце и пользуется всевозможными привилегиями. Но если султан и Венеция когда-либо развяжут вой-

ну, он будет казнен. Но разве не такая участь ждет каждого в империи, Хоук-паша? Ты, как никто, должен это знать. Поверь, я ценю и уважаю остроту твоего ума, но посоветовал бы тебе контролировать свои мысли и поступки, по меньшей мере пока ты в Истанбуле. Что касается госпожи Барбары... Мне известно, что эта женщина необычайной красоты и прочих достоинств. Лучше тебе не найти.

— Я понимаю, мой господин, — согласился Энтони. — Я должен повиноваться падишаху во всем.

И все же Энтони чувствовал себя неловко. Как бы хорошо ни старалась мать обучить его, он мало знал — в Алжире было немного книг, подходящих для чтения. И, как бы он ни удовлетворял своих наложниц, он понимал, что существует огромная разница между тем, когда тебя развлекают две служанки, и когда ты должен сделать то же самое с молодой женщиной, которая, безусловно, будет оценивать себя выше.

Фелисити была менее удивлена.

— Жена! — объявила она. — Вот так просто! — Она щелкнула пальцами. — Девушка, которую я никогда не видела.

— Это приказ падишаха, — объяснил Драгут, который вместе с Энтони вернулся в Галату. — Говорят, что она очень красива, — продолжал Драгут. — Их семья очень богата. За ней дадут большое приданое. Она будет жить во дворце Хоуков, который падишах приказал отреставрировать для тебя, госпожа.

Фелисити несколько помягчела, узнав, что может пользоваться неограниченным кредитом для восстановления дворца. И все же до конца она не простила.

— Падишах полагает, что таким образом он покупает меня, он хочет, чтобы я забыла об убийстве мужа, — говорила она.

— Я сомневаюсь, что он думает об этом, госпожа, — ответил Драгут. — Он хочет восстановить былую славу Хоуков.

Фелисити была удовлетворена, когда сам Мехмед Сокуллу пожаловал к ним во дворец. Он посмотрел, как идут работы по реставрации помещений.

— Я думаю, — прокомментировал он, — что такой дворец подойдет и для принцессы. Синьор и синьорина Корнаро уже ждут вас.

— Моего сына нет дома, — сказала Фелисити. — Он в бухте около своих кораблей.

— Я это знаю, госпожа, — улыбнулся Сокуллу. — Поэтому я и пришел. Падишах распорядился, чтобы свадьба состоялась по европейским обычаям. Ты должна посмотреть невесту. Хоук-паша не увидит ее до самой свадьбы.

Фелисити задержала дыхание и внезапно разнервничалась.

— А эти господа меня примут?

— Считай, что уже приняли, — продолжал улыбаться везир. — Такова воля падишаха.

Дверь открылась, и Беатриче Корнаро взглянула на свою дочь.

— Пришла англичанка, — сказала она, — да еще с везиром.

Барбара поднялась со стула. Сердце ее билось, она чувствовала, как румянец обжег ее щеки.

— Сядь, девочка, — приказала мать. — Иначе упадешь. Мы должны заставить их подождать, хотя бы некоторое время. Мы заложники, но не рабы.

Барбара села. Ее мать устроилась рядом.

— Ты боишься? — спросила она.

— Да, мама.

— Хорошо. Так и должно быть. — Выражение лица Беатриче Корнаро — она была Мочениго, древнее и могущественнее рода в Венеции не было — смягчилось. — Мы жертвы великого преступления. И если страдание должно стать твоей судьбой, помни, что надо быть достойной имени семьи.

— Да, мама, — сказала Барбара.

— Этот неотесанный пират почему-то стал любимцем султана. Это только небесам известно... Но небеса не имеют отношения ко всему, что связано с османцами. Кажется, султан убил его отца, как убил многих, и теперь хочет исправить свою ошибку. Возможно, это и так... но настолько, насколько возможно и-то, что только некоторые из сыновей его жертв смогли выжить. В противном случае он мог бы уничтожить половину своей империи. Послушай меня, девочка: этот дикарь захочет пользоваться твоим телом самыми варварскими способами.

Барбара с трудом удерживала дыхание.

— Да, мама.

— Тебе придется пойти на это, потому что сам дож согласился на ваш брак. У нас нет выбора, и мы должны принять решение твоего мужа — с тобой не будет исповедника. Можно ли придумать что-либо более варварское? И он называет себя христианином. Но по меньшей мере они согласились на слуг. Ты не будешь совершенно одна в этом логове беззакония.

— Да, мама́.

— Помни, что, если ты родишь сына, он станет твоим.

— Да, мама.

— Помни также, что ты самая красивая женщина из всех, которых он когда-либо встречал.

— Правда, мама?

— Вот зеркало. Взгляни на себя.

Барбара повиновалась. Действительно, несмотря на строгий запрет проповедника, она каждую минуту теперь смотрелась в зеркало.

Прежде всего Барбара осмотрела свой наряд. Ожидая гостей, она надела все самое лучшее: темно-зеленое бархатное платье, окаймленное мехом (не потому что эти дни были особенно холодными, а потому что так решила мама, чтобы показать их богатство), белую нижнюю юбку, открытую от талии до пола, платье было стянуто назад от бедер, также из бархата с цветочным рисунком; воротник и рукава отделаны богатой каймой, а на шее и запястьях — газовые

перья. Пояс и флакончик с ароматическими солями, сделанные из золота, усыпаны драгоценными камнями, так же как и головной убор.

Ее волосы были тщательно уложены и прикрыты чепцом — такова была мода. Но Барбаре хотелось открыть волосы, потому что они были необыкновенно хороши. Цвета красного дерева, они были пушистыми и волнистыми и, распущенные, делали все остальное в ней несущественным. Спрятанные под чепцом, они открывали ее лицо с высокими скулами, с прямым носиком, острым подбородком, большим ртом и широко посаженными янтарными глазами. Ее розовато-белая кожа напоминала красавиц, сошедших с картин Тициана.

Наряд подчеркивал стройность Барбары, ее широкие бедра и холмики груди. Линия талии говорила о необыкновенно длинных ногах.

Она вздрогнула, посмотрев на себя, и ноздри ее раздулись.

Беатриче захлопала в ладоши.

— Ты прекрасна, моя дорогая, — сказала она. — Идем, ослепим эту англичанку.

Когда-то много лет назад Беатриче Мочениго сама выглядела точно так же.

— Она прекрасна, — сказала Фелисити сыну. — Она сделает тебя самым счастливым человеком на земле.

— Если ты довольна ей, то я самый счастливый человек на земле, — ответил Энтони.

Это были не пустые слова. За последние несколько недель его жизнь изменилась так, как он даже не мог предположить.

Теперь он был Хоук-пашой. Когда он шел со своим жезлом, люди на улицах расступались, а тот, кто находился рядом, был счастлив, что их видят вместе.

Он вернул себе свое предназначение. Перед уходом Драгут обнял его.

— Теперь действительно Хоук-паша восстановлен, — сказал адмирал. — Мне будет не хватать тебя, Энтони, но я знаю, что ты прославишь и свое, и мое имя. Помни всегда, что твое предназначение — служить султану, независимо от того, где будет проходить путь.

Эти слова юный Хоук собирался запомнить на всю жизнь.

Энтони встречался с султаном или великим везиром раз в неделю и обсуждал с ними важные государственные дела. Это был ослепительный взлет его карьеры. У Энтони не было иллюзий насчет того, почему падишах так внезапно возвысил его. Он был достаточно умен, чтобы понять, что султан благодаря ему пытался обрести энергию и славу своей юности, когда он с такими командирами, как Ибрагим и Гарри Хоквуд, постоянно шел от успеха к успеху. Таким образом, Энтони Хоквуда меньше всего ценили за его собственные достоинства, скорее он был символом прошлого и символом возможного будущего.

Сулеймана огорчало то, что он не может взять Вену. Эта неудача отравляла ему жизнь, но он намеревался исправить положение, прежде чем умрет. Готовилась стратегия следующей кампании.

Али Монизиндаде-паша должен был поддерживать мир на Восточном Средиземноморье, пока султан находится на войне. И главное, заставить Венецию сохранить мир и, как уже было не один раз в прошлом, не развязывать войну с турками, когда дож почувствует, что османцы заняты другим делом.

Для этих целей существовал восточный флот: он состоял из ста семидесяти галер. Хоквуд никогда прежде не служил с Али-пашой, но он сразу понял, что этот человек — настоящий адмирал и ничуть не хуже Драгута, Хайреддина Барбароссы или Гарри Хоквуда.

Али Монизиндаде был молодым человеком, всего на несколько лет старше Энтони. Он по достоинству оценил Энтони Хоквуда как моряка и не забывал о расположении к нему падишаха. Энтони стал его адъютантом, хотя Али-паша и допускал мысль, что вско-

ре Энтони станет его потенциальным соперником. Они сразу подружились.

Вскоре состоялась свадьба Барбары Корнаро с новым любимцем султана. Послы Сулеймана сообщили дожу о том, что он намерен выдать замуж его наследницу за своего фаворита. Это был политический акт, который Совет Десяти вряд ли отверг бы, и действительно, в скором времени был получен ответ с поздравлениями молодоженам и великолепным подарком — золотым блюдом.

Хоквуд считал, что твердо стоит на ногах. Он хотел, чтобы его мать была так же счастлива, как он сам. Заметно было, что Фелисити радовалась, наблюдая за восстановлением и обновлением дворца Хоуков. Но было также заметно, что она нервничала при мысли о том, что ей придется разделить все это с другой женщиной, которая будет обладать такими же правами, как она сама. Теперь эти страхи были позади.

— Она невинна и спокойна, очень хорошо воспитана... да и что другое можно ожидать от девушки такого происхождения? И в высшей степени обаятельна. Она красива, Энтони. Я сама не выбрала бы лучше.

— И она счастлива, моя дорогая мама?

— Ну, по поводу этого я ничего не могу сказать. — Фелисити нахмурилась. — Ее мать — настоящая ведьма. Она хочет доказать мне, что она знатная госпожа, или по меньшей мере, что была знатной госпожой. Я также хотела доказать ей, что ее дочь не могла бы выйти замуж лучше, по крайней мере в Истанбуле. Девочка, кажется, понимает это. Но что касается счастья... какое оно имеет отношение к браку? По крайней мере, до самого события?

— Ну, девочка, ты готова?

Тон Беатриче Корнаро предполагал, что ее дочь собирается взойти на эшафот.

Но разве это не так? Барбара раздумывала. Везир дал понять, что Хоук-паша — англичанин и христи-

анин, но нельзя спорить, что Энтони Хоквуд, турецкий военачальник, последний из династии турецких пашей, — человек, известный как пират и вероотступник, каковыми были и его предки. Он, может, и чтит Папу Римского, но вряд ли его можно назвать христианином.

«Он попытается пользоваться твоим телом варварскими способами», — предостерегала Беатриче. Но она не уточняла, что это за способы...

Барбара в дни ожидания пыталась приготовить себя, но ей понадобилась вся сила как разума, так и тела, чтобы проследовать за своим отцом по лестнице к ожидавшей их карете. Пажи услужливо подобрали длинный шлейф ее белого платья.

Она была закрыта вуалью и возблагодарила за это небеса. Они ехали через весь город к католическому собору, который Сулейман, считая себя веротерпимым человеком, позволил построить. Толпы народа приветствовали Барбару и, без сомнения, знали цель ее поездки.

Очень странно, что вокруг собора также собралась толпа, хотя конгрегация была довольно маленькой и состояла только из католиков Истанбула. Ни один приверженец ортодоксальной веры не вошел бы в собор без благословения Папы Римского.

Венецианский посол ждал их вместе с исповедником Барбары, выполнявшим свои обязанности последний раз и выглядевшим как приговоренный к смертной казни через повешение. Они шли впереди Барбары по проходу, туда, где у алтаря стоял ее будущий муж.

Барбара почти не дышала. Хоквуд был в полной экипировке турецкого военачальника, как будто готовый идти на войну. Его рубаха и шаровары были из голубого шелка, сапоги из шагреневой кожи были подобраны в тон одежде. Его кираса была выложена золотом и серебром и сверкала в лучах света, струящегося из окон. Голова Энтони была не покрыта по правилам христианской церемонии, но его шафер, турок, которого, совершенно очевидно, ошеломило все

происходящее — это был адмирал Али Монизинда-де, — был в стальном шлеме, обернутом в тюрбан. Он держал Энтони под локоть.

Сабля с золотой рукоятью висела у Энтони на боку, кинжал — на поясе. Но это были лишь внешние атрибуты положения и власти Энтони. Он показался Барбаре очень интересным мужчиной. Она никогда не видела такого высокого и крупного человека, хотя сама была довольно высокого роста. Ей почему-то показалось, что он может раздавить ее...

Барбара поняла, что перед ней самый красивый мужчина — с развевающимися огненными волосами, крупными и сильными чертами, огромными синими глазами, — которого она когда-либо видела. Когда Энтони взял ее руку, Барбара почувствовала необыкновенную энергию, перетекавшую из его пальцев в ее. И она подумала: если я отдаюсь антихристу, то, по меньшей мере, лучшему из них.

Позже Барбара поняла, что влюбилась в Энтони с первого взгляда.

К ее удивлению, Энтони не стал приподнимать вуаль, чтобы взглянуть ей в лицо; возможно, он был больше турком, чем она предполагала. Все же он смотрел на нее, отвечая на вопросы, и в конце концов она догадалась, что он весь в ожидании.

На свадебный завтрак вся конгрегация собралась во дворце Корнаро, к ним присоединились великий везир и несколько военачальников.

Здесь наконец Барбара смогла поднять вуаль и позволить своему мужу увидеть, что ему было даровано.

— Я, наверное, самый счастливый человек, — сказал Энтони, целуя ее руки.

Но он не целовал ее в губы и ничем не выдавал своих желаний... в то время как Барбара сгорала от нетерпения. Теперь ее судьба была решена, и она хотела познать все тайны брака. Такое завершение брачных отношений с неким избранником было предопределено судьбой с момента половой зрелости. Те-

перь, когда это наконец случилось, она чувствовала страстное желание.

Речи были скучными, как и тосты. Она едва прикоснулась к еде и выпила ровно столько, чтобы смочить губы. Взгляд ее был устремлен вдаль, время от времени она украдкой оглядывалась по сторонам. Муж едва смотрел на нее, но свекровь постоянно улыбалась, как бы поддерживая ее.

Торжество наконец было завершено, и настало время покинуть дом родителей. Служанки уже направились в Галату ко дворцу Хоуков, чтобы ждать там прибытия госпожи.

Барбара поднялась наверх, чтобы в последний раз исповедоваться.

— Храни веру, дитя мое, храни веру, даже если тебя бросят в пылающий очаг, — говорил священник.

— Будь мужественной, — молила Беатриче, в последний раз обнимая дочь.

— Я постараюсь, мама, — обещала Барбара.

«Меня ждет счастье, — говорила она себе. — И преданность вере может чуть-чуть подождать».

Вся конгрегация собралась во дворце, и если свадебная церемония была романско-католической, то теперь Хоук-паша должен был везти свою жену домой по турецкому обычаю, как того требовали его положение и султан.

Конь был богато убран, и Барбаре, совершенно покорной, это понравилось. Под аплодисменты наблюдавших Энтони взял Барбару за талию и с легкостью посадил ее во второе седло; ее правую ногу он вставил в стремя, потом то же самое сделал с левой. Впервые она сидела на коне в платье, а не в костюме для верховой езды, впервые она была в туфлях, а не в сапожках, и ощущала она себя очень странно.

Но когда впервые муж коснулся ее тела, а не просто руки, это ощущение было еще более необычным.

Приветствия стали еще громче, когда Энтони повел коня со двора. Барбара испугалась, увидев, что улица заполнена людьми, которые хотят поприветство-

вать молодоженов и сказать им слова напутствия. И хотя в ее доме говорили по-итальянски, Барбара немного знала турецкий и поняла, что в основном ей давали не самые пристойные советы.

И вновь возблагодарила небеса за свою вуаль...

Путь к переправе показался Барбаре самым длинным в жизни, муж ни разу не обернулся, чтобы посмотреть на нее. Двое его слуг с трудом удерживали людей, которые пытались дотронуться до Барбары и оторвать кусочек ее платья на память.

Потом, во время переправы, Барбара наконец смогла немного расслабиться, но вновь напряглась, увидев огни дворца Хоуков, который возвышался на одном из холмов.

В Галате улицы были шире, чем в старом Константинополе, к тому же зевак на них оказалось меньше. Теперь Барбара могла подумать о приближающихся минутах... и часах... о приближающемся начале жизни.

Энтони Хоквуд повел невесту вверх по холму к своему дворцу. Во дворе их встречали слуги. Он повернулся к ней впервые с тех пор, как они покинули дворец Корнаро, и снял ее с коня. Но вместо того чтобы поставить девушку на землю, он взял ее на руки и понес по широкой лестнице на галерею. Люди приветствовали их.

Барбара обняла его за шею и взглянула ему в лицо. Он посмотрел на нее, и она улыбнулась, не найдя ответа в выражении его лица.

«Он нервничает даже больше, чем я», — сделала она неожиданный вывод.

Поднявшись по ступеням, они оказались в просторных светлых покоях. В дальнем конце комнаты был раздвинут занавес, за которым оказалась еще одна комната, находящаяся на две ступеньки выше. Там стоял диван, широкий и длинный, заваленный яркими подушками.

Три служанки низко поклонились хозяйке.

— Можете идти, — сказал им Энтони.

Они выпрямились и с удивлением посмотрели на Барбару.

— Кто поможет мне, господин? — тихо спросила она. Впервые Барбара напрямую обращалась к Энтони.

— Мы справимся сами, — ответил он.

— Ступайте, — приказала Барбара девушкам.

Они поспешили выйти, перешептываясь между собой.

Энтони подождал, когда закроется дверь, затем понес Барбару к дивану и бережно положил ее.

Затем он выпрямился и посмотрел на нее.

— Я ничего не знаю о том, чему училась венецианская госпожа, — сказал он.

— Уверяю, господин, я знаю все, с чем могу столкнуться в жизни, — скромно откликнулась Барбара. Она надеялась, что это правда.

— Что ты знаешь обо мне? — спросил Энтони, отстегивая саблю. Барбара не знала, нужно ли и ей раздеваться, но решила полежать на мягких подушках, посмотреть на него и немного успокоиться.

Он положил саблю на стул, вернулся к дивану, опять посмотрел на нее. Она приподнялась.

— Научили ли тебя тому, как обнимать варвара? — спросил он.

— Я не думаю так о тебе, господин.

— И все же, как ты считаешь: это твоя судьба?

— Да, это моя судьба, господин, и я готова ко всему. — Она облизнула губы.

Они не отрываясь смотрели друг на друга, затем он внезапно наклонился и поцеловал Барбару, взяв ее лицо в ладони.

Это был грубый поцелуй варвара. Губы ее раздвинулась, их языки встретились, и она почувствовала его руки на своем теле. Не зная, что делать дальше, Барбара откинулась назад... Энтони лег на нее, потом рядом с ней, продолжая целовать. Он гладил ее грудь, затем его рука скользнула вниз по животу к промежности.

Инстинктивно ноги ее поднялись и были схвачены. Его пальцы скользили по материи, пытаясь найти тело. Барбара вздохнула, и он оторвал свой рот, смотря вниз и одновременно обнажая ее ноги, а затем бедра. Барбара порывисто дышала от страха и возбуждения.

Это было более грубо, чем она ожидала. А также более страстно. И все же необыкновенно нежно.

Она инстинктивно потянулась к юбке, но Энтони задержал ее руку.

— Я хочу смотреть на тебя, — сказал он.

Она глубоко вздохнула и заставила себя успокоиться. Энтони встал и разделся. У Барбары не было братьев, и она никогда не видела мужского мускулистого тела. Мать ее рассказывала обо всем сопутствующем браку, но порекомендовала обращать как можно меньше внимания на мужские половые органы и, если возможно, даже закрывать глаза.

Но как она могла удержаться и не посмотреть на столь прекрасное тело или такой большой фаллос!

Барбара села, чувствуя, что больше не может лежать.

— Я испугал тебя? — спросил Энтони, возвращаясь к дивану.

— Да, — прошептала она.

— Я буду нежен. Разденься, пожалуйста.

У нее снова перехватило дыхание. Она стала развязывать платье. Энтони снял чепец и освободил ее волосы. Они свободно рассыпались по плечам.

Затем он взял ее за плечи, потянул вперед платье. Оно соскользнуло к бедрам, затем на пол. Барбара неотрывно смотрела на него, снимая нижние юбки, одну за другой до последней. Энтони залюбовался ее грудью, торчащие соски которой проступали сквозь тонкую материю.

Он потянулся к ней снова, собрал с бедер рубашку, потянул ее вверх, снял и сбросил на пол.

С закрытыми глазами она стояла перед ним, обнаженная и дрожащая всем телом от плечей до мысков,

и это было самым прекрасным из того, что он когда-либо видел.

Какое-то мгновение он боялся дотронуться до нее... Наконец ее глаза открылись и она взглянула на него.

— Я нравлюсь тебе, мой господин? — прошептала Барбара.

— Нравишься ли ты мне? — спросил он. — Нравишься ли ты мне?

Он медленно протянул руку, дотронулся до ее сосков, затем погладил каждую грудку. Потом ладонь его нежно скользнула по ее плечу, спине, и она оказалась в его объятиях, он крепко прижал ее, ища губы.

Барбара ощутила, как руки его скользнули вниз по спине к ягодицам, и почувствовала его своей промежностью. Незнакомые ощущения наполнили ее сознание, накатываясь одно за другим; чувственное осознание беспомощности, возбуждающее желание как-то участвовать, перехватывающая дыхание неизвестность, набухающий ком желания, грозящий взорваться внутри нее, — все вместе лишило ее способности мыслить, оставив только возможность чувствовать.

Барбара почувствовала, что оторвана от пола и вновь лежит на постели. Она посмотрела на мужчину над собой, лицо его было серьезным, но наполненным страстью. Она скорее почувствовала, чем увидела, как он раздвинул ее ноги, осторожно дыша и водя пальцами, но все это проделывая исключительно нежно.

Он взял ее за ягодицы и приподнял над постелью, чтобы войти в нее. Ее ноги инстинктивно сомкнулись на его спине, обняв его так крепко, как только возможно. Внезапно она почувствовала резкую боль, заметалась на подушках и одновременно поняла, что Энтони уже проник в нее.

Когда Энтони внезапно замер, она тоже остановилась и посмотрела на мужа.

Увидев, что он улыбается, она расслабилась.

— Да, — сказал он. — Ты мне очень нравишься.

Глава 18

КОНЕЦ ЭПОХИ

— Входи и садись, — сказала Фелисити, приглашая невестку.

Барбара колебалась. Первый раз после свадьбы, которая состоялась неделю назад, Энтони покинул ее. Сегодня он отправился принимать полномочия капитана флагманского корабля османского восточного флота.

Поэтому Барбара оказалась одна. В течение этих семи дней восторг переполнял ее, она почти никого не замечала в доме. Даже служанок, которые купали ее, готовя к очередному упоению любовью, — женщин, которых она знала всю свою жизнь, — она видела как будто во сне. Реальность начиналась лишь в объятиях Энтони.

Но теперь он ушел, и Барбару пригласила к себе свекровь, которую, как тень, сопровождала женщина-арабка.

Барбара поклонилась Фелисити, проигнорировав Айшу.

— Ты очень понравилась моему сыну, — сказала Фелисити.

— Госпожа очень добра ко мне, — пробормотала Барбара.

— Я просто повторяю слова сына, — отозвалась Фелисити. — То, что он обрел счастье, делает и меня счастливой. А теперь я хочу спросить тебя вот о чем: нравится ли он тебе?

Барбара хорошо знала ответ на этот вопрос.

— Как может женщине не понравиться такой мужчина, госпожа? — спросила она в свою очередь.

Фелисити изучала ее несколько секунд, а затем пригласила сесть рядом с собой. Барбара повиновалась, ее руки лежали на коленях.

— Возможно, ты первая христианская жена, взятая одним из Хоуков без насилия, — заметила Фелисити.

Барбара нахмурилась.

— Меня, между прочим, насильно вырвал из отцовского дома Гарри Хоквуд. Я даже стреляла в него из револьвера. И все же я смогла полюбить его. Так что, дорогая моя девочка, ты в лучшем положении по сравнению с остальными.

— Наверное, — задумавшись пробормотала Барбара.

Фелисити продолжала изучать ее, а затем внезапно сказала:

— Айша, мне нужны малиновые нитки. Принеси, пожалуйста.

Айша поднялась и вышла из комнаты.

— По нраву ли тебе дело твоего мужа? — спросила Фелисити, понижая голос.

— Не мое дело — критиковать мужа, — ответила Барбара, заподозрив ловушку.

— Ты должна это делать, Барбара, — сказала Фелисити. — Энтони сражается за очень жестокого человека. Хозяин может быть доволен им, но вдруг его настроение изменится, и тогда ты найдешь своего возлюбленного со струной, затянутой на шее, — вздохнула она. — Такая участь настигла меня. Энтони сражается за варвара, который мечтает о том, чтобы стать властелином. Кто знает, когда жадные глаза Сулеймана воззрятся на Венецию? И тогда твой муж поведет флот бомбардировать собор Святого Марка... Отнесешься ли ты к этому столь же хладнокровно? Сможешь ли ты спокойно наблюдать, что твоих сыновей воспитывают как турок, а дочерей отправляют в гарем?

Барбара почувствовала, что тяжело дышит, когда эта странная женщина выразила словами те страхи, которые преследовали ее в ночные часы. Но ведь эта женщина — мать ее мужа.

— О нашем сегодняшнем разговоре никто не должен знать, — предупредила Фелисити. — Айша близка и дорога мне, но для нее Сулейман — почти Бог, и она не захочет слышать хулу в его адрес. Также и Энтони не должен ничего знать. И все же мы

должны объединить наши усилия и отвратить его от того небожеского дела, которому он служит.

— Чего мы добьемся этим, госпожа?

— Мы должны убедить его покинуть османцев и пойти на службу к христианам. Разве ваш дож не хотел бы, чтобы ему служил такой известный моряк?

Барбара не знала, что ответить. Она предполагала, что все в Венеции ненавидели Хоук-пашу так же, как Драгута или Хайреддина. Если бы Энтони ступил на землю Венеции, его мгновенно казнили бы.

— Я чувствую, что ты согласна со мной, — сказала Фелисити и, заслышав звук шагов Айши, прервала разговор. — Продолжим позже, когда останемся наедине.

Османские суда рассыпались по всему Эгейскому морю. Это было самой величественной картиной, которую Энтони когда-либо видел. Он гордился, возможно, самым замечательным моментом его жизни.

Флот состоял из трех эскадр по восемьдесят галер в каждой. Центральной эскадрой командовал Али Монизиндаде-паша, левой — Улуч-Али-паша — он был деем Алжира, но предпочел искать славу под знаменами султана, — правой — Пертав-паша. Дул северный бриз, и паруса были подняты. Галеры двигались быстро. Весла ритмично ударялись о воду, сверкнув на мгновение, перед тем как быть опущенными. Слышался мерный стук барабанов, заглушавший всплески воды, рассекаемой огромными сверкающими, обитыми металлом носами.

На передних палубах размещалось по две пушки, бомбардиры были готовы в любую минуту выполнить приказ. На мачтах реяли флаги командиров, а на флагманских судах — знамена адмиралов; на мачте галеры Али-паши развевалось знамя султана.

Это было великолепное зрелище: и корабли и люди принадлежали самой внушительной силе на земле.

— Нашлось бы только, с кем сразиться, — улыбнулся Али Монизиндаде.

Был вечер, корабли стояли на якоре в просторной бухте на южном берегу острова Санторини, образовавшейся в результате землетрясения много столетий назад. Некоторые ученые считали, что землетрясение на Санторини легло в основу легенды о потерянном острове Атлантида. Но никаких видимых свидетельств существования острова в кристально-прозрачных водах видно не было.

Адмиралы потягивали шербет в ожидании ужина. Они ждали, что скажет им главнокомандующий.

— Однажды испанцы вернутся сюда, — невзначай заметил Улуч-Али.

— Сомневаюсь, — возразил Али Монизиндаде. — У них в мыслях только Атлантический океан.

— Может, нам следует поискать их в океане? — предположил Энтони Хоквуд.

Об этом мечтал его отец, так говорил ему Драгут. Гарри Хоквуд находился в одной из экспедиций в Атлантике, когда взял в плен Фелисити. Но после смерти Гарри Хоквуда турки редко отваживались выходить в Гибралтарский пролив.

«Средиземноморье — наше», — частенько говаривал Драгут.

— И если новый король Испании соберет экспедицию, ему придется встретиться для начала с нашим другом Драгутом, — отметил Али Монизиндаде.

— Ты считаешь, что он на самом деле послал свои галеры на восток против нас? — спросил Пертав.

— Ба! Они потеряют кучу времени в этих водах. Им нужен сильный ветер для маневров. А мы не сражаемся во время штормов. В нужный сезон наши галеры обойдут их и разобьют в пух и прах, не дав возможности даже выстрелить в ответ.

— А что ты скажешь насчет судов, которые называются галеасы? — спросил Хоквуд. — У них есть и паруса и весла... Говорят, они похожи на огромные плавучие крепости.

— Видел ли ты хоть одно из них, Хоук-паша?

— Издалека, — кивнул Энтони. — Но Драгут решил не приближаться в тот раз, и мы уплыли.

— И они не погнались за вами?

— Мы были слишком быстры для них.

Али Монизиндаде рассмеялся, хлопая себя по бедрам:

— Вот тебе и ответ. Корабль типа галеаса — это не галера и не галеон, ни рыба ни мясо. Он сойдет за плавучую крепость... но нам не нужны крепости на море. Нет, нет, Хоук-паша. Тебе хорошо известно, как важна маневренность судна. В Средиземном море именно галеры обладают этим качеством, а у нас самый большой флот галер в мире. — Он подмигнул. — Так же, как и самые хорошие командиры.

— А вдруг у Филиппа Испанского будет галерный флот больше нашего? — спросил Улуч-Али.

Али Монизиндаде погладил бороду:

— Ты хочешь сказать, что Филипп более могущественен, чем падишах?

— Ни в коем случае, — запротестовал Улуч-Али. — И все же он могущественный монарх.

— Если он построит галеры, мы сделаем то же, — сказал ему Али Монизиндаде.

— Мы можем обладать величайшим флотом в мире, — вмещался Хоквуд, разогретый спором. — Но предположи, что флотилии Испании, папства, Генуи, Венеции объединятся. Разве они не превысят нас по численности?

Али Монизиндаде снова рассмеялся:

— Я сомневаюсь. Предположим лучше, Хоук-паша, что солнце столкнется с луной.... Разве не разрушит это происшествие всю землю? Испания и папство вместе? Разве они объединялись когда-нибудь против Хайреддина и твоего отца? Или против Драгута и тебя самого? Они слишком ненавидят друг друга. По поводу Генуи и Венеции скажу: они слишком старые враги, старее, чем турки и неверные. То, что ты предполагаешь, невозможно из-за природы людей. — Он вдруг посерьезнел. — Я сожалею об этом так же, как

и ты. Мое сокровенное желание — повести флот падишаха на битву против христиан. Но этому не бывать никогда. Нам предстоит еще много походов прежде, чем это произойдет, друзья мои. И я скажу вам, против кого мы будем воевать: против наших знакомых и друзей.

Адмиралы подергивали бороды. Они знали по слухам, что Сулейман и его младший сын Баязид поссорились и что Баязид ушел в горы Анатолии. Он еще не начал открытый мятеж, но, без сомнения, султан был недоволен.

— Разве оба принца не сыновья русской женщины? — спросил Улуч-Али.

— Действительно, это так, — согласился Али Монизиндаде. — И что более важно: разве Баязид не лучше Селима? — Он приложил палец к губам. — Я говорю как предатель. Не поймите меня неправильно. Пока падишах не изменит свою волю, Селим — мой будущий хозяин, и я буду служить ему до последнего дыхания, даже если его и называют Пьяницей. Я могу только сожалеть, что хорошего человека ждет петля. — Он положил руку на плечо Энтони — жест дружбы и доверия у мусульман. — Мужчина должен выполнять свои обязанности и хранить свои мысли при себе. Помни об этом...

Этот разговор на многое открыл глаза Энтони. Внезапно он понял, что находится в центре политических интриг, разгорающихся в самом сердце османского двора. Энтони слышал об этом, еще когда был в Алжире. Фелисити всегда рассказывала ему то, что узнавала сама, а Драгут делился с ним тем, чем считал нужным. Отец Энтони пал жертвой подобных интриг так же, как и его прадед. Вильям Хоквуд остался жив, наверное, только благодаря его особенному таланту.

Энтони понял, что его собственные способности должны быть ниже. «Выполняй свои обязанности и

держи свои мысли при себе», — таким девизом необходимо руководствоваться, даже если ты вынужден служить Пьянице. Потому что, без сомнения, принц Селим пил. Многие турки прикладывались к спиртному. Но из-за того, что винопитие было запрещено Кораном, они пили тайно и старались сдерживать себя. Очевидно, принц никогда не мог остановиться вовремя. Иногда он пил не скрываясь и частенько показывался на публике в безобразном виде.

То, что такой человек станет султаном, тревожило, и все же это обязательно произойдет, если Сулейман не предпримет мер.

В Баязиде многие видели продолжателя дела его деда Селима, но он должен погибнуть, потому что не может больше выносить неполноценность своего старшего брата. Это, конечно, трагедия.

Но долг превыше всего. Энтони знал, что должен идти туда, куда укажет падишах. Драгут всегда повторял это.

Энтони Хоквуд любил море и корабли, любил чувство собственной силы, которое давал ему флот... Но ему больше всего хотелось вернуться в Галату во дворец Хоуков.

В объятия своей жены-венецианки. Он никогда не предполагал, что женщина может быть столь влекущей, столь необходимой и удовлетворяющей... Теперь он почти понял, как могла Роксолана удерживать власть над султаном. И Роксолана, конечно, не была так красива, как Барбара.

Сердце его, казалось, вот-вот вырвется из груди, когда он взлетал по лестнице на галерею. Его встретили низко склонившиеся слуги. Хоук-паша после трех месяцев, проведенных в море, появился дома.

Он улыбнулся им, потом своей матери, ждущей у лестницы, ведущей во внутренние покои; Айша, как всегда, была рядом.

— Добро пожаловать домой, Хоук-паша! — приветствовала сына Фелисити.

Энтони обнял мать, затем Айшу, но глаза его искали еще кого-то...

— Как поживает Барбара? — спросил Энтони.

— Как никогда лучше. Она ждет тебя в своих покоях.

Глаза Фелисити, чаще похожие на лужицы, иногда превращались в бездонные глубины. Сейчас они были глубже, чем Энтони видел когда-либо прежде.

Но ее секрет, каким бы интересным он ни оказался, мог подождать. Энтони взбежал по лестнице, перепрыгивая через три ступеньки. Служанки поклонились, глупо заулыбались и рассыпались перед ним. Открыв двери спальни, он увидел жену.

Барбара стояла у окна, глядя на бухту. Без сомнения, она знала о его прибытии. Но она обернулась лишь при звуке его шагов и сделала реверанс.

— Приветствую тебя, мой господин!

— Жена обязана встречать мужа прежде других, — сказал он, мягко напоминая об ее обязанностях.

— Я знаю, мой господин, и молю тебя о прощении. Я хотела встретить тебя наедине.

— Чтобы рассказать мне какую-то тайну...

Энтони поцеловал ее носик, глаза, затем губы и заключил в объятия. Барбара совершенно не сопротивлялась.

— Да, у меня есть секрет, мой господин.

Он чуть отодвинулся и начал расшнуровывать ее корсет. Три месяца — слишком долгий срок.

— Открой мне этот секрет, — попросил Энтони.

— У меня будет ребенок, — вздохнув, сказала Барбара.

— Ты уверена? — Он опустил руки.

— Да. Так же, как и твоя мама.

Он взял ее за плечи, повел к дивану и посадил рядом с собой. Наполовину развязанный корсет распахнулся, обнажив ее великолепную грудь. Барбара сама освободила себя от корсета.

— А спать с тобой я могу?

— Конечно, если хочешь, — засмеялась она. — Это не навредит ни мне, ни ребенку.

— О, моя дорогая девочка...

Они повалились на подушки, постепенно сбрасывая одежду.

— Три месяца! — закричал он. — Целых три месяца!

Усмирив свою страсть, Энтони успокоился. Он лежал, глядя на богато раскрашенный потолок.

— Новый Хоук, — сказал он.

— Предположим, у нас будет мальчик, — лениво пробормотала Барбара, лежа на изгибе его локтя. — Как ты назовешь его?

— Думаю, Джон... Пришло время еще одного Джона в нашей семье.

— Джованни, — сказала она. — Что ж, мне нравится. К тому же мне стало намного легче.

— Почему?

— Я думала, что ты захочешь дать ему турецкое имя.

— Почему ты так решила?

— Ну... — Она посмотрела в сторону. — Разве ты не будешь воспитывать его как турка?

Энтони привлек жену к себе:

— Чувствуется, что моя мама говорила с тобой...

— Разве мы не можем говорить друг с другом, если она теперь и моя мама?

— Действительно, можете. Но некоторые вопросы волнуют мою мать сильнее остальных. Да, наш сын будет воспитан как настоящий турок, чтобы служить падишаху. Он будет шестым Хоук-пашой. Разве ты не будешь гордиться этим?

Барбара медлила с ответом. Она опять села и повернулась к нему. Энтони чувствовал, что ее сердце тяжело бьется. Краска залила ей щеки, она с трудом справлялась с дыханием.

— Я буду больше гордиться, если он будет служить христианскому монарху, — наконец сказала она. И у нее перехватило дыхание от собственной смелости.

Энтони улыбнулся и погладил ее по голове.

— Не бойся меня, Барбара. Никогда не бойся меня. Я всегда уважал и буду уважать твое мнение.

Но ты должна позволить мне решить, что лучше для нашей семьи. Наш сын будет служить величайшему монарху на земле, так же как и я. Никто не может мечтать о лучшей участи.

— И тебя не беспокоит, что произойдет потом?

— В этом мире имеет значение только наша жизнь, моя дорогая. Есть Бог. Мусульмане верят в него так же, как и мы. Он судит нас по нашим делам, а не по вере.

— Ты рассуждаешь как варвар, — запротестовала она. — Вера — вот что главное, а вовсе не поступки.

Энтони притянул ее к себе, собираясь поцеловать.

— Давай останемся каждый при своем мнении, — предложил он. — В таком случае, если захочешь, ты сможешь чувствовать себя язычницей в моих объятиях без страха проклятия.

Барбара напряглась.

— Я не думала, что ты можешь быть богохульником.

— Барбара, — сказал он спокойно, — я больше не буду обсуждать эту тему с тобой. Мы станем нетерпимы друг к другу. Ты этого хочешь?

Она смотрела на него несколько секунд, потом легла рядом.

— Нет, — сказала она. — Я не хочу, чтобы это случилось.

Но начало войне, ее личной войне, было положено. «На сегодня достаточно», — решила Барбара.

Ужин наедине с султаном — величайшая честь для османского подданного.

Часто они ужинали втроем, потому что султану нравилось угощать своего любимого поэта Баки. Придворный поэт Махмуд Абдулбаки был на десять лет старше Хоквуда. Сын муэдзина, Баки должен был стать муэдзином, но за год до возвращения Энтони в Истанбул он написал касыду, или панегирик, и показал ее Сулейману. Стареющий султан был так восхи-

щен, что немедленно дал молодому человеку место при дворе и ввел в свое окружение. Сулейман обожал окружать себя талантливыми и энергичными людьми.

Но этой ночью Сулейман и Энтони были одни.

— Твой отец и я часто ужинали вот так, — задумчиво проговорил Сулейман. — Много лет назад. Когда мы были молоды. — Он помолчал немного, раздумывая о том, что могло быть и что случилось. Потом поднял голову. — Мы обсуждали великие дела. Теперь я буду обсуждать великие дела с тобой, Хоук-паша.

Энтони откусил пирожок и тем самым подбодрил себя, не зная для чего. Все предыдущие разговоры во время еды были буквально ни о чем и сводились к обсуждению дворцовых сплетен.

— Но для начала, — сказал Сулейман, — я должен поздравить тебя.

— Ты слышал о моем счастье, о падишах?

Энтони не переставал удивляться, как все, что происходило в любом гареме, становилось известно всему городу, если город хотел об этом знать. Это решалось евнухами.

Сулейман улыбнулся одной из своих мрачных улыбок.

— Я знаю все, что важно для моей империи, Хоук-паша. У тебя будет сын, который продолжит твой род и будет прославлять ваше славное имя.

Энтони склонил голову:

— Если родится мальчик, падишах...

— Если нет, будешь ждать другого. А если жена подведет тебя, что ж, найдем другую. Она удовлетворяет тебя?

— Всецело, о падишах.

— В таком случае будь благословен. Я завидую тебе. И все же... тебе предстоит воспитывать сына. Думаешь, у тебя возникнут трудности?

— Я слышал, что некоторые отцы ссорятся со своими сыновьями, о падишах, — робко сказал Энтони.

— Ха! — усмехнулся Сулейман. — У меня много сыновей. Большинство из них — от наложниц, и я не беру их в расчет. Трех сыновей мне родили женщины, которых я называл своими женами. Один из них оказался недостойным. — Султан помолчал, а потом сказал: — Или его оговорили... Сейчас я знаю, что он ни в чем не виновен, но вернуть его невозможно. Так что теперь у меня только два сына. Они готовы бороться друг против друга, рассчитывая, что я скоро умру.

Когда султан замолчал, Энтони не знал, что сказать. Конечно, султан выглядел гораздо старше своих шестидесяти четырех лет.

— Но этому не бывать, — сказал султан. — Это катастрофа даже теперь. Если после моей смерти государство будут раздирать междоусобицы, наступит конец Османской империи. Это я должен предотвратить, и я предотвращу это. — Он посмотрел на Энтони. — Принц Селим — мой старший сын и наследник. Будешь ли ты так же преданно служить ему, как мне?

— Да, о падишах, — ответил не колеблясь Энтони, потому что предчувствовал, что когда-то этот вопрос будет задан. Как бы он ни хотел убедить Сулеймана в обратном, все равно не решился бы на это.

— Что ж, — сказал Сулейман, — я не сомневался в тебе. Следовательно, мой младший сын должен быть уничтожен. И лучше, если это сделать сейчас, нежели после моей смерти. Долг отца — сберечь старшего сына. Долг султана — спасти свой народ от ужасов гражданской войны. Говорю тебе все это, Хоук-паша, потому что ты, так же как и твой отец, и ваши прославленные предки, всецело предан делу империи. Я ценю это. Али Монизиндаде-паша — друг Баязида. Я не сомневаюсь в его преданности, но предпочел бы не испытывать ее. Ты понимаешь, что этот разговор должен остаться между нами?

— Понимаю, о падишах, — сказал Энтони.

— Баязид скрывается в Анатолии, — сказал Сулейман. — Меня информировали, что он набирает армию, заявляя, что хочет защитить отца от интриг брата. Мне доложено, что люди стекаются под его знамена. Весной мы выступим против него. Великий везир поведет армию, а ты возглавишь флот. Я назначаю тебя контр-адмиралом. Али будет доволен, узнав об этом. В последние месяцы он много говорил о твоей доблести. На твои суда погрузятся несколько дивизий, ты пойдешь вдоль южного берега Анатолии и высадишь их там, где определит Сокуллу. Таким образом, войска Баязида окажутся в ловушке: с одной стороны армия везира, идущая с Босфора, с другой стороны — твоя. Понятно?

— Да, о падищах.

— Тебе будет оказано небольшое сопротивление, — добавил Сулейман. — Можно набрать войско, правда невымуштрованное, но довольно быстро. Но быстро создать флот — невозможно.

— Согласен с тобой, о падишах.

— Это твой первый самостоятельный поход, Хоукпаша. Не подведи меня и не посрами честь своих предков.

— Я не подведу тебя, о падишах. — Хоквуд тяжело вздохнул. — А что будет после разгрома принца?

— Я не хочу смотреть ему в лицо, — грустно сказал Сулейман. — Или его сыновьям, сколько бы им ни было лет. Я должен знать, что семя уничтожено.

Действительно ли величайший из османцев боялся взглянуть в лицо сыну, которого он сам приговорил к смерти?

Хоквуд вспомнил, что ему рассказывали о смерти отца... о смерти Ибрагим-паши, тоже друга детства султана. Ибрагима все-таки казнили в присутствии Сулеймана, но султан доверял Гарри Хоквуду и Хайреддину и не опасался возмездия.

И все же он оставался величайшим из султанов: это приходилось признавать.

Это будет мой первый самостоятельный поход, размышлял Энтони. «Не подведи меня», — предупредил Сулейман. «Я не подведу тебя, — думал Энтони. — Ты мой полновластный хозяин».

Но поход не мог начаться до весны, и информация об этом была доведена лишь трем лицам.

— Я, конечно, постоянно веду переговоры с Баязидом, — сказал Мехмед Сокуллу Энтони, когда они как-то ужинали наедине. — Я умолял его ничего не предпринимать в спешке. Пусть бы вернулся в Истанбул и склонил голову перед отцом...

— Он сделает это? — спросил Хоквуд.

— Я уверен, что он здраво мыслит.

— Ты полагаешь, что он все равно приговорен, даже если сдастся?

— Это так. — Сокуллу взглянул на Энтони. — Если тебе не по силам командовать армией, скажи об этом сейчас.

— Я возьму на себя командование, — уверил его Энтони. — А Селим примет участие в походе?

— Принц не приспособлен к военным походам, — помедлив, ответил Сокуллу и многозначительно посмотрел на Энтони.

— И все же в свое время он будет нашим падишахом, — проговорил Энтони.

— Конечно. Но это не означает, что произойдет что-то ужасное. Когда султан слаб, легче прославиться, возможно, даже легче, чем когда он силен. Имей это в виду, Хоук-паша, потому что я уверен, что ты хочешь славы.

Энтони склонил голову.

— Можно я тебе кое-что предложу? — продолжил Сокуллу. — Есть один человек по имени Иосиф Наси. Ты слышал о нем?

— Ты имеешь в виду испанского еврея, который пользуется благосклонностью падишаха?

— Совершенно верно. Его изгнали из Испании сторонники католицизма, фанатичные приверженцы

короля Филиппа. У него много единомышленников среди соотечественников. Поскольку веротерпимость нашего хозяина хорошо известна, Наси сумел завоевать дружбу Селима. Я не буду обсуждать, потворствует ли он слабости принца, но его дружба хорошо оплачивается. Этот Наси во многих отношениях лоялен, но, по-своему, он, возможно, так же фанатичен, как и Филипп. Ходят слухи, что он обсуждал с Селимом возможность создания «национального дома» для евреев, где они могли бы собраться со всей Европы, даже со всего мира, хотя были разбросанными по свету в течение пятнадцати столетий.

Такое новое государство может быть образовано только в Османской империи, потому что все христиане нетерпимы к еврейству. Эта идея была предложена падишаху, и он дал Наси земли в Палестине, чтобы самому видеть, чего тот может достичь. Скажу откровенно: падишах не очень заинтересован этим проектом, но меня информировали, что Селим склоняется к нему. Он считает, что организация еврейского государства, защищенного Османской империей, может иметь очень важное значение. Безусловно, евреи — богатые люди, их состояния можно выгодно обложить налогом; к тому же они разбросаны по всей Европе и могут собирать информацию, что очень полезно и, возможно, ценно.

Я говорю тебе это, чтобы ты понял, что нашему будущему хозяину нельзя отказать в отсутствии ума и проницательности. Я верю, что мы с тобой можем многого добиться в течение нескольких лет. Но помни: мы должны всегда быть верны нашему хозяину, кем бы он ни был, потому что это единственный путь для таких, как мы.

Хоквуд снова склонил голову.

Подобные разговоры могли не только вскружить голову человеку, которому нет еще и двадцати пяти, но и испугать его. Энтони, конечно, хотел продвижения по службе, но только как моряк. Он знал, как преодолевать ветра, течения и опасности, которые

могли разрушить его судно в море, но политические интриги были для него чем-то новым.

Как бы он хотел иметь доверенного человека, с которым можно было все обсудить. Но такого человека не было, за исключением Драгута... Но Энтони казалось, что обсуждать слова Сокуллу с Драгутом опасно, даже если бы адмирал находился рядом.

Гораздо лучше забыть об этом разговоре до зимы и довольствоваться быстрым ростом своей карьеры. Обещания Сулеймана сбылись: его поздравляли Али Монизиндаде и Улуч-Али, хотя Пертав-паша, подергивая бороду, что-то проворчал о выскочках-неверных, которые получают преимущество перед опытными мусульманскими моряками.

Никому из этих людей султан не доверял своих планов по поводу Баязида. Эскадра Энтони тщательно готовилась к походу, но это рассматривали как рвение молодого командира, стремящегося сделать свои корабли лучшими во флоте. Али Монизиндаде-паша смотрел на это с благодушным безразличием. Несмотря на мрачные прогнозы Али, империя жила в мире. Адмирал не имел представления о том, что мрачные прогнозы скоро реализуются.

Сразу после нового года Барбара родила. На свет появился желанный мальчик.

Энтони вздохнул с облегчением. В последнее время его жена стала раздражительной и часто ворчала, что он слишком много времени проводит не дома. Барбара подозревала, что Энтони развлекается с наложницами, хотя он все время был занят в бухте. С тех пор как он женился, у него не появлялось желания спать с кем-либо, кроме своей жены.

Мальчика назвали Джоном, его крестил итальянский священник, тот самый, который венчал Энтони и Барбару.

Подготовка к кампании ускорилась и больше не могла оставаться тайной. Когда войска, созванные Сокуллу, собрались за городом и янычары наточили

сабли, люди на улицах зашептались. Но никто так и не знал, куда султан направит армию. Если Сулейман хотел сохранить тайну, она сохранялась.

И все же вопросы были...

— Ты идешь на войну, — сказала Барбара. Она сидела на диване, окруженная служанками. Ее грудь была обнажена, маленький Джон уткнулся в левый сосок.

— Это моя профессия, — напомнил ей Энтони.

— Этот поход будет долгим? — после паузы спросила Барбара.

— Всегда лучше полагать, что кампания будет долгой, — помедлив, ответил он.

— И ты будешь сражаться с христианами? — вздохнула Барбара.

— Нет, — ответил он. — В этот раз нет.

— Тогда я буду молить Бога, чтобы он защитил тебя и вернул живым и невредимым.

— А если бы я воевал против христиан, ты бы не делала этого? — поморщился Энтони.

— Конечно, я молилась бы, мой господин. Но я не знаю, услышал бы Бог мои молитвы...

Флот отплыл в марте: семьдесят галер, на каждой по сто янычар помимо экипажа. Янычары сражались пешими, поэтому не пришлось перевозить лошадей — Хоквуд и его капитаны вздохнули с облегчением.

Али и Улуч, все еще не посвященные в планы, присутствовали при отплытии, чтобы пожелать эскадре удачи. Их первоначальное снисходительное отношение к Энтони сменилось недовольством той секретностью, которая окружала дело, доверенное англичанину.

Как раз тогда, когда по Истанбулу поползли слухи, войско Сокуллу собралось переправляться через Босфор. Шпионы информировали везира, что Баязид основал свой двор в Конье. Здесь, в самом сердце Анатолии, у подножия величественного пика Бозкирдага, существовала цивилизация, возраст которой ис-

числялся тремя тысячелетиями. Согласно легенде, этот город основал Персей, использовавший голову горгоны Медузы, чтобы держать в страхе местное население. Позднее Конья стала столицей империи сельджуков, которые отвоевали город у византийцев в 1081 году.

Именно здесь суфий, или мистик, Джелаладдин Руми создал дервишский орден мевляна, известный так же, как орден «танцующих дервишей». Конья была священным городом сельджуков, и здесь Баязиду обещали поддержку в его противостоянии султану.

И все же никто не сомневался, что в конце концов Баязид потерпит поражение и будет вынужден искать убежища. Хоквуд со своим флотом направился к заливу Александретты на границе Анатолии с Сирией. Именно в этом направлении, по убеждению как султана, так и Сокуллу, исчез Баязид, следуя за остатками своей армии. Хоквуд должен был высадить янычар на берег и двигаться в глубь материка к городу Адана.

Все складывалось благоприятно, даже лучше, чем рассчитывали. Хоквуд, моряк от рождения и по воспитанию, вывел свои корабли довольно далеко в Эгейское море и был уверен, что сможет найти подход к берегу, когда потребуется. Но, поступая так, он рисковал, потому что не брал в расчет погоду — весна славится внезапными штормами.

И действительно, шторм налетел на них через неделю после того, как они вышли из Дарданелл, но опытные моряки успешно справились с ним; правда, перепуганные янычары время от времени начинали взывать к милости Аллаха.

Когда шторм прекратился, Хоквуд, придерживаясь маршрута, направился к берегу.

Залив Александретты был на открытом рейде, — город располагался на некотором расстоянии от берега, поэтому прибытие флота было совершенно неожиданным для местного населения. Хоквуд высадил янычар до того, как местный бейлербей решил,

чью сторону ему принять в этом конфликте. У него перехватило дух при виде рыжеволосого громилы в сопровождении солдат.

Энтони хотелось получше узнать эти края. Он знал, что не один его предок прошел этими дорогами, воюя в горах Тавра, но для этого надо было отправляться дальше в Анатолию. Янычары убедили местный гарнизон присягнуть на верность султану. Хоквуд заверил людей, что флот пришел не для войны. Оставалось только ждать новостей...

Известия не заставили себя долго ждать: от Баязида прибыл посланник. Он сообщил коменданту, что армия везира идет на принца и что принц намерен дать сражение. Баязид умолял коменданта оказать ему поддержку и дать людей.

Комендант, Макдил-паша, принес письмо Хоквуду.

— Не отвечай на письмо, — приказал Энтони.

Макдил поклонился и ушел.

Только через несколько недель прибыл новый посланник. Но этот уже не требовал ответа. Он был первым из подразделений убегающих сипахов и принес новости о полном разгроме принца в сражении с везиром. Принц, вне сомнений, шел следом, поэтому Хоквуд отдал приказ пропустить сипахов. Он не хотел, чтобы Баязид направился в горы, и надеялся, что его вскоре настигнут янычары Сокуллу.

Через три дня на дороге появилась группа всадников. Энтони приказал командирам укрыть людей, и всадники въехали прямо в ряды верноподданной армии, были окружены и вынуждены сдаться.

Энтони находился в городе, когда стало известно, что Баязид и его сыновья взяты в плен.

— Что ты будешь делать? — спросил Макдил-паша.

— То, что должен, — ответил Энтони.

— Султан — старый человек, — задумчиво проговорил комендант. — Судя по тому, что говорили о Селиме, и по тому, что я знаю о Баязиде, можно не сомневаться, кто будет лучшим наследником. Теперь, — продолжал он, — я в этом полностью уверен... Наверное, я говорю как предатель, и ты велишь меня казнить.

— Ты говоришь правду, старик, — грустно улыбнулся Энтони, — тебя не за что казнить. Но ведь ты не можешь не осудить того, кто выполняет свой долг. А я должен выполнять свой.

Комендант склонил голову.

Макдил-паша привел пленников к Хоквуду. Теперь он, очевидно, раскаялся в своих прежних словах и был полон решимости доказать свою преданность султану. Пленники были связаны.

Но дух Баязида, казалось, не был сломлен. Базид оказался выше своего брата и красивее. Он стоял перед Хоук-пашой, высоко подняв голову. Его сыновья, десяти и одиннадцати лет, стояли позади отца. Они были очень напуганы.

— Я сын султана, — объявил Баязид. — Как ты осмелился связать меня как преступника?

— Я выполняю свой долг, мой господин, — ответил Энтони. — Поверь мне: то, что я делаю, печалит меня, но приказ отдан твоим отцом.

— Какой приказ? — Баязид уставился на него, сдвинув брови.

«Из него бы получился великолепный султан, — подумал Энтони. — А из меня выходит плохой убийца. Но такова моя судьба».

Энтони вздохнул, и Макдил-паша жестом подозвал двух янычар со струной наготове.

— В чем заключается мое преступление? — Баязид нахмурился еще больше и побледнел.

— Ты обвиняешься в подготовке вооруженного восстания против султана.

— Султана! Ты говоришь о человеке, который убил твоего собственного отца, Хоук-паша. Теперь ты идешь на преступление ради него?

— Он мой падишах, — сказал Энтони. — Так же, как был и твоим, но ты решил забыть об этом. Ты подчинишься или мне позвать людей?

— Подчинюсь, — сказал Баязид. — Какая участь ждет моих сыновей?

— Та же, мой господин. — Энтони вздохнул.

Руки Баязида напряглись, но потом обмякли.

— Да, — сказал он, — я подчинюсь, и да простит Аллах твою душу...

Минутой позже все трое были мертвы.

— Хоук-паша! — Мехмед Сокуллу обнял Энтони. — Тебе не показалось, что это была самая легкая из всех кампаний? — Везир и следующие за ним сипахи вскоре прибыли в Адану.

— Мои люди редко стреляют в гневе, — признал Хоук-паша.

— У тебя есть что-то для меня, насколько я понимаю.

Энтони указал на короб, который стоял на крыльце дворца бейлербея.

Сокуллу поднял крышку и заглянул внутрь.

— Прекрасно, — сказал он. — Я посадил на кол всех восставших командиров. Падишах будет доволен. — Взглянув на Энтони, Сокуллу спросил: — Ты что-то не выглядишь счастливым, Хоук-паша.

— Трудно быть счастливым, когда совершишь убийство, — сказал Энтони.

— Я чувствую, что нам никогда не удастся сделать из тебя настоящего турка, Хоук-паша, — вздохнул Сокуллу. — Когда наступает время, значит, оно наступает. Бессмысленно откладывать событие или оплакивать его.

— Значит, если я обнажу саблю и скажу, что сейчас казню тебя, ты не будешь защищаться только потому, что твое время настало?

— Нет, я буду защищаться, — улыбнулся Сокуллу. — Я же не знаю, что время мое пришло.

— Что ж, в этом случае...

— Но если ты добился успеха, Хоук-паша, тогда мое время действительно бы настало.

— По крайней мере, это успокаивающая философия.

— Но ведь цель каждой философии — успокоить? Я вижу, что ты решил навсегда оставаться несчастным из-за этой казни?

— Баязид был намного лучше своего брата, — грустно сказал Энтони.

— Мы уже обсуждали это, друг мой. И все же Селим будет лучшим султаном для нас, не забывай об этом. — Он похлопал Энтони по плечу. — Идем. Женщины, которых мы нашли в гареме, превосходны. Присоединяйся к нам и утоли свои печали в их объятиях.

— А как же голова Баязида?

— Я уничтожу ее.

— Разве мы не должны предъявить ее падишаху?

Сокуллу покачал головой.

— Падишах желает знать только то, что сына его больше нет в живых. Это второй сын, которого он уничтожил.

Энтони не мог забыть весь ужас свершенного им. Даже возвращение домой и объятия Барбары не могли избавить его от воспоминаний.

Барбара с тоской смотрела на него.

— Тебя заставят совершать еще более страшные преступления, — сказала она наконец.

— Женщина, если ты будешь мучить меня подобными разговорами, я прикажу высечь тебя, — пообещал Энтони.

— Можешь брать палку, — резко бросила Барбара, — потому что я все равно скажу, что думаю. Тебя заставят совершать еще более страшные преступления. А вдруг султан прикажет тебе вести флот на Венецию?

— Этого никогда не случится. Сулейман не воюет против союзников. Его принцип — никогда не начинать войны с ними. Это относится и к Венеции.

— Энтони, господин мой... — Барбара обняла его. — Поклянись, что никогда не будешь воевать против моего народа? — Чувствовалось, что она волнуется.

— Если не надо будет защищать Османскую империю, клянусь в этом, — сказал он ей.

— Ты не подчинишься воле султана?

Энтони улыбнулся и поцеловал жену.

— Сулейман не потребует от меня такого. Он не просто великий правитель, но и великий человек. Я сожалею о гибели Баязида, но султан был прав: смерть принца спасла империю от гражданской войны. И это мудрое решение. — Он еще раз поцеловал Барбару. — Клянусь тебе, что я никогда не приму участия в агрессии против Венеции.

Казалось, что Барбара удовлетворена результатом разговора.

Наградой Энтони, казнившему Баязида, стало не только укрепление расположения Сулеймана, но и дружба с Селимом.

Многое в этом молодом человеке не нравилось Энтони. Он был ленивым и слишком чувственным, — он не только держал наложниц, но и мальчиков для удовлетворения своих прихотей, к тому же он любил выпить и в нем с трудом можно было признать потомка Мехмеда Завоевателя, Селима Грозного и самого Сулеймана. Люди говорили, что, наверное, Роксолана часто наставляла рога султану, даже рискуя своей жизнью.

Хоквуд сомневался в этом, потому что не знал никого, кто хотел бы войти в расположение русской наложницы. Она следовала своим амбициям твердо и решительно и делала все для того, чтобы султан отдал ее собственному отпрыску управление империей. Она никогда не нарушила бы супружескую верность.

Но по другим явным признакам Селима можно было назвать истинным потомком Османа. Он был высоко образован и умен, он мог составить прекрасную компанию, если не был пьян. Время от времени он становился таким же жестоким, как и его предки.

Мехмед Сокуллу неустанно напоминал Энтони, что Селим станет их хозяином.

Близкий друг Селима Иосиф Наси был еще более интересной фигурой и, на взгляд Энтони, мог оказаться очень опасен для их будущего как в личном, так и в государственном плане. Наси было сорок с небольшим. Он происходил из богатой испанской семьи, учился банковскому делу и коммерции в Антверпене, работая на своих двоюродных братьев Мендесов.

Наси был марраном, крещеным испанским евреем, принявшим имя Хуана Мигеса. Его решимость облегчить страдания испанских евреев, когда Филипп II начал подвергать их гонениям, привела также и к его изгнанию. После этого он вернулся к иудаизму, женился на своей двоюродной сестре Рейне и укрылся в Истанбуле.

Здесь его честолюбивые устремления и несомненный талант быстро завоевали благосклонность Сулеймана. Султан давно хотел найти замену Ибрагиму, который вел финансовые дела и которого он так бездумно вышвырнул. И вот под рукой оказался именно тот человек, который был нужен. Сулейман был достаточно умен, чтобы назначать немусульманина великим везиром, но Наси стал правой рукой Сокуллу, его одарили поместьями в Палестине. Там он постоянно собирал евреев, изгнанных из разных концов Европы.

Наси многого достиг, и можно было лишь восхищаться его талантами и завидовать тому, как успешно он трудится в Османской империи, но всех настораживала его близкая дружба с Селимом, в которой многие видели лишь политический шаг, а не чистосердечную привязанность. Сам Наси вел умеренный образ жизни, поэтому естественнее для него

было бы презрительно относиться к такому человеку, как Селим.

Хоквуд, как и Сокуллу, не сомневался, что Наси делает ставку на султанство Селима. Когда подойдет время, он использует эту дружбу для реализации собственных планов — это было совершенно очевидно даже для Сокуллу. Но в планы Наси, как ни странно, по-видимому, не входило смещение с должности великого везира.

Каждый великий везир считал себя незаменимым до того момента, когда струна не затягивалась у него на шее. Но это должно было волновать Сокуллу.

Хоквуду было интересно общаться с Наси, потому что тот хорошо знал жизнь на Западе, и особенно в Испании.

— Думаю, король Филипп будет воевать с османцами, — заявлял он. — Но этого не случится, пока он не избавится от религиозных распрей внутри собственных владений: в основном я думаю о Нидерландах. Теперь, когда Англия находится на морском пути из Испании в Нидерланды, он зависит и от английской королевы. Она ярая протестантка и отвергает все предложения Филиппа. Но если Филипп захочет разгромить Англию, это не составит ему труда. У англичан нет ни армии, ни флота. — Он посмотрел на Хоквуда. — Это беспокоит тебя?

— Я турок, а не англичанин, — напомнил Энтони.

— В твоих жилах больше английской крови, чем турецкой, — возразил Наси. — Фактически у тебя совсем нет турецкой крови, только английская, французская, итальянская и греческая.

— Человек является тем, кем он себя считает, — настаивал Энтони, — а не тем, кем были его предки.

Он верил в то, что говорил, потому что не представлял себе другую жизнь, которая дала бы ему возможность такого процветания.

После казни Баязида несколько лет в Османской империи царил мир. Флот проводил учения в Эгейском и Ионическом морях. Адмиралы могли проводить

большую часть своего времени дома, и при всей неясности той роли, которую Энтони себе определил, Барбара слишком любила его, чтобы постоянно пилить. Вильям Хоквуд родился в 1562 году, а маленький Генри в 1563-м.

— Теперь ты должна предохраняться, — посоветовал Энтони жене.

— Разве ты не хочешь еще сыновей?

— Трех достаточно.

— Хорошо... а я хотела бы еще дочку...

— А я не хочу, чтобы ты быстро состарилась. Тебе всего двадцать один год. Я хочу, чтобы ты осталась такой навсегда.

Барбара улыбнулась и поцеловала мужа.

— Твое желание для меня приказ, мой господин. Я узнаю, как это сделать. Айша должна знать.

В эти мирные годы Энтони также находил время и для других занятий. В маленькой бухте, полной гниющего дерева и сломанных мачт, он нашел остатки очень необычного судна, которое, как говорили местные жители, принадлежало его отцу.

Действительно, это оказалось судно, на котором Гарри Хоквуд совершил свой известный поход по Атлантическому океану и привез мать Энтони — Фелисити.

Энтони приказал буквально разобрать корпус на части, чтобы понять устройство корабля. Затем он построил новый корабль, с полной палубой и одной мачтой, на которую крепился латинский парус. На борт помещалось шесть человек, кроме Энтони. Энтони к тому же усовершенствовал кое-что, о чем Гарри Хоквуд никогда не помышлял, — верхнюю каюту, поскольку он хотел, чтобы и Барбара могла выходить с ним в море.

Энтони назвал яхту «Хоук».

Барбара поначалу отнеслась к этой идее критически, но вскоре полюбила море. Раз от разу они все дальше и дальше заходили в Мраморное море и час-

то по неделе проводили вдали от города. Энтони считал, что эти дни — самые счастливые в его жизни.

Но он оставался контр-адмиралом турецкого флота. Весной 1564 года Сулейман предпринял третью попытку осады Вены.

Кампания была тщательно спланирована. В мае 1565 года тяжелогрузы отплыли из Истанбула, чтобы соединиться с западным Средиземноморским флотом, находящимся под командованием Пиале-паши — Драгут удалился на покой в Алжир. Пиале-паша и Мустафа-паша отплыли на Мальту, чтобы разбить рыцарей Святого Иоанна.

Сулейман убедил себя, что христиане отправят все свои корабли и всех своих людей на поддержку рыцарей, но к его удивлению этого не случилось. Рыцари, которыми командовал прославленный генерал и великий магистр ордена иоаннитов Жан де Ла Валет, остались, как всегда, без подмоги, но были готовы сражаться не на жизнь, а на смерть.

Но все же христианский мир был взволнован, и в конце концов Испания решила помочь рыцарям и направила на Мальту объединенный флот и армию под командованием Гарена де Толедо. К сентябрю, к пику осады, турки потеряют более двадцати тысяч солдат. Но той весной, когда осада все еще длилась, Сулейман приступил к осуществлению второй части своего плана.

Армия и флот были выстроены. Энтони дали под командование флотилию, которая должна была подняться вверх по Дунаю и повторить тот же маневр, который Вильям Хоквуд предпринял сорок лет назад.

Весной и летом 1566 года флотилия поднималась по реке. Дунай полностью контролировался турками, и все же были обширные пространства, совершенно дикие и населенные горцами, которые не могли удержаться, чтобы не напасть на полную припасов экспедицию.

Хоквуд был счастлив, когда в июле они добрались до Белграда, где армия остановилась на зиму.

Здесь находился сам Сулейман, и Энтони был удивлен, когда получил приглашение навестить султана. Ему уже было семьдесят два года, и самый известный из дома Османов был слишком стар для военных походов. Даже румяна не могли приукрасить впалые щеки, дышал он тяжело и прерывисто.

— О падишах, — сказал Хоквуд, — лучше бы ты остался во дворце, чем мерз в этих промозглых и отвратительных краях. Ты нужен своему народу больше, чем победа над австрийцами.

Сулейман улыбнулся, слегка расслабив мускулы лица.

— Скоро ему придется обходиться без меня, Хоук-паша. Ты бы хотел иметь султана, который не будет водить армию в походы?

Энтони не мог удержаться, чтобы мельком не оглядеться. Мехмед Сокуллу был неподалеку, но Селима видно не было.

— Селим правит в Истанбуле, пока я в походе, — сказал султан, как будто поняв мысли Энтони.

— Мудрый ход, о падишах, — согласился Энтони.

— Твой отец никогда не льстил, — мягко указал Сулейман. — Когда меня не станет, ты, Хоук-паша, будешь советником моему сыну. А я должен, — сказал он вдруг с внезапной жестокостью, — наказать этих упрямых венгров, которые продолжают восставать против моей власти. Вот первоочередная цель, Хоук-паша. Я сравняю город Сигетвар с землей, чтобы другим неповадно было.

У стен Сигетвара в ночь на 5 сентября 1566 года Сулейман Великолепный умер.

Глава 19

ПРЕДАТЕЛЬСТВО

Флот ждал приказа двигаться вверх по Дунаю. Внезапно появился гонец из штаба султана и передал, что великий везир Сокуллу просит Хоук-пашу

как можно быстрее появиться в ставке главнокомандующего.

Энтони сразу понял, что что-то произошло, но не поделился своими опасениями с помощниками. Он оседлал коня и отправился в осажденную крепость, сопровождаемый своим слугой Халилом.

Город был в руинах, дым поднимался над разрушенными домами, и казалось, что здесь не осталось ни одного живого человека. Кругом витал запах смерти. Турецкая армия все еще стояла у стен. Многие перевязывали раны, но не было никаких признаков тревоги или спешки в рядах османцев.

«Значит, я ошибся», — с облегчением вздохнул Энтони. Всю поездку он обдумывал, как империя воспримет известие о смерти султана.

Однако что-то все-таки случилось. Шатер Сулеймана был окружен охранниками из свиты Сокуллу. Людей султана видно не было.

«Мой Бог, — подумал Энтони, — этот дурак решился на государственный переворот!»

Энтони тщательно осмотрели прежде, чем он вошел в роскошный шатер. Там его ждал везир.

— Мехмед! — вскрикнул Энтони. — Что ты сделал?

— Только самое необходимое, — уверил его Сокуллу. — Идем со мной.

Хоквуда провели во внутренние покои шатра, где находились лишь два глухонемых евнуха... и султан.

Сулейман сидел, скрестив ноги на молельном коврике и опираясь на подушки. Его правая рука покоилась на колене, левая свисала между ног. Султан смотрел на Хоквуда необычно пристально.

— Падишах, — кланяясь произнес Энтони. — Я явился без промедления.

Ответа не последовало. Энтони медленно поднял голову. Сокуллу стоял позади султана и улыбался.

— Если я смог провести тебя, Хоук-паша, я обману весь мир, — довольно сказал он.

— Мой Бог! — пробормотал Энтони, повнимательнее приглядываясь к сидящему человеку.

— Я выполнил приказ падишаха, — продолжал везир. — Мы в нескольких сотнях миль от Истанбула и Селима. Это далеко. Если мы отправимся домой с телом султана, мало ли что может случиться, прежде чем наш хозяин примет власть? Мы добились победы, хотя она и оказалась пустой...

— Что произошло? — нахмурился Хоквуд.

— Мы обстреляли стены города по верху и готовили последний штурм, когда граф Зриний, командовавший гарнизоном, опередил нас. Он повел всех своих людей, даже женщин, в атаку. Это было самое невероятное из того, что я когда-либо видел.

— Атака была удачной?

— Нет, мы убили всех, — мрачно улыбнулся Сокуллу. — Но этот негодяй подготовил нам сюрприз. Мои люди зашли в город в поисках добычи и рабов. Но Зриний установил запал в пороховом складе, и тот взорвался. Несколько сотен моих людей погибли. Теперь, если мы отступим, венгры начнут кричать о победе. Но мы поступим по-другому: мы придем снова, когда наведем порядок в собственном доме.

Энтони продолжал смотреть на мертвого человека.

— Когда это произошло?

— Три ночи назад. Перед той самой самоубийственной атакой Зриния. Падишах умер во сне. На мгновение он проснулся, вскрикнул и затем умер. Сердце остановилось. Он прожил довольно долго.

— Ты считаешь, что сможешь вернуться в Истанбул с мертвым человеком во главе армии?

— Почему бы и нет? — Сокуллу пожал плечами. — Через час после смерти его тело уже забальзамировали.

— Ты думаешь, что эти люди не расскажут о случившемся?

— Если только дьяволу, Хоук-паша. — Сокуллу снова мрачно ухмыльнулся. — Они уже на пути к его пылающим вратам.

— И все же ты решил довериться мне без особой необходимости?

— О нет, Энтони, по необходимости. Последнее время ты был близок Сулейману как никто другой. Если бы кто-либо мог определить, что султан мертв, так это был бы ты. Кроме того, разве мы не союзники? Ведь мы уже не раз выясняли, что нам многое надо будет сделать после смерти Сулеймана...

Энтони посмотрел на Сокуллу:

— Я не поддержу предательства.

— И я только что говорил об этом. Ты обвинишь меня?

— Нет, Мехмед. — Энтони покачал головой. — Соблазн слишком велик. Я считаю, что ты поступил правильно и что в интересах империи нам надо возвращаться в Истанбул с живым падишахом. Но как только мы доберемся туда, присягнем Селиму.

Сокуллу оценивающе смотрел на него несколько секунд, затем еще раз пожал плечами.

— Раз мы союзники, Энтони, я должен подчиниться твоей воле. Разреши мне, однако, молиться Аллаху, что ни один из нас не пожалеет о твоей верности.

Никогда нельзя было понять, что у Сокуллу на уме. Энтони думал, что везир — самый хитрый из всех, кого он встречал, особенно по сравнению с прямолинейностью его предшествующего наставника Драгута.

«Драгут! — подумал Энтони. — Ему немедленно нужно сообщить о случившемся, он может понадобиться».

Сокуллу играл свою роль безукоризненно.

— Уже слишком поздно, — сказал он военачальникам. — Вскоре пойдут зимние дожди, и эта равнина станет грязным месивом. Возможно, вы не помните возвращения из Вены в 1532 году. Мой отец был там, и дед Хоук-паши командовал армией.

— Мой дед умер прежде, чем я родился, — сказал Энтони. — Но отец рассказал мне об ужасах того отступления.

Это была ложь. Энтони был недостаточно взрослым, чтобы обсуждать с отцом военные походы. Но это была ложь во спасение. Когда пашам сказали, что таков приказ султана, военачальники подчинились воле везира.

— У падишаха жар, — объяснил Сокуллу. — Он не может обратиться к вам сам. И по этой причине тоже нужно уходить из этого гиблого места.

Янычары, однако, заворчали. Они не привыкли покидать поле битвы после победы, они всегда двигались вперед. Но их командир также помнил трудности отступления от Вены.

Возвращение домой началось и должно было занять несколько месяцев.

— Я должен командовать флотом, — сказал Хоквуд.

— Пошли им приказ двигаться к морю и взять курс на Истанбул. Тебе лучше остаться здесь, на твердой земле. Один из нас должен поехать вперед и рассказать султану о том, что произошло. Конечно, под строгим секретом. Предполагаю, что лучше это сделать мне?

Они переглянулись.

— У меня нет опыта командования армией, Мехмед. А вдруг кто-нибудь из военачальников будет настаивать на разговоре с падишахом?

— К тому же ты не доверяешь мне? — заметил Сокуллу, поглаживая бороду.

— Я должен доверять тебе, — сказал Энтони, — так как мы теперь повязаны. Я просто думаю о том, что для нас лучше.

— Я верю тебе, Хоук-паша. Ты поедешь вперед и расскажешь обо всем Селиму. Помни, что и наши жизни, и наши судьбы едут вместе с тобой.

«И не только жизни и судьбы», — подумал Энтони, когда с Халилом и небольшим эскортом он поехал впереди армии: он очень любил тех, кто ждал его во дворце Хоуков.

Они переправлялись через Дунай у Белграда. Их тепло встречал бейлербей, жаждущий новостей о ходе кампании.

— Падишах ищет место, где расквартировать армию на зиму, — сказал Хоквуд. — Поэтому я тороплюсь.

— Можно остановиться в Белграде, — немного натянуто откликнулся бейлербей, вынужденный сделать это предложение. Он прекрасно понимал, что шесть месяцев, в течение которых придется кормить сотни тысяч солдат, полностью разорят его владения.

— Будь уверен, я сообщу о твоем приглашении падишаху, — сказал Хоквуд.

Из Белграда он отправился в Софию, из Софии в Адрианополь, везде рассказывая одну и ту же историю. Через неделю после остановки в Адрианополе Энтони прибыл в Истанбул.

— Я принес новости от султана... наивысшей секретности, мой господин принц, — сказал Энтони, кланяясь Селиму.

Селим взглянул на Наси, который, как всегда, стоял у дивана.

— Только для тебя, — повторил Энтони.

Это была самая опасная часть его миссии. Сулейман был уже мертв, и Энтони совершал предательство, обращаясь к Селиму, как к принцу, а не как к падишаху. Но у Энтони не было выбора — Селим должен был первым узнать о смерти своего отца. Чуткий человек должен понять такой тонкий нюанс, но Энтони было неизвестно, насколько Селим чуток. В любом случае он всегда найдет повод, чтобы казнить человека, который обратился к нему не по рангу.

— Удалитесь, — сказал Селим окружающим. — Оставайтесь в этой комнате, отойдите подальше.

Охранники и военачальники, окружавшие диван, отошли к стене. Наси немного помедлил, но затем поклонился и отступил.

— Кто-нибудь может предположить, что ты боишься, будто я наемник, о падишах, — сказал Энтони почти шепотом.

— Что ты сказал, Хоук-паша? — нахмурился Селим.

— Сулейман Законодатель мертв, о падишах, — склонил голову Энтони.

Селим облизнул губы, медленно и задумчиво. «Но также со страхом», — подумал Хоквуд.

— Мехмед Сокуллу решил, что эту новость нужно скрыть от мира, пока о ней не узнаешь ты, о падишах, — сказал Энтони. — Султана забальзамировали, он едет во главе своих войск. Людям сказано, что у него жар.

— Кто знает об этом? — Селим опять облизнул губы.

— Только везир, я и евнухи, — тяжело вздохнул Энтони.

— Сколько пройдет времени, прежде чем тело моего отца прибудет в Истанбул?

— Еще шесть недель по меньшей мере, о падишах.

— Шесть недель... — протянул Селим. — А ты будешь хранить этот секрет шесть недель, Хоук-паша?

— Это мой долг, о падишах.

— Да, — согласился Селим. — Везир принял правильное решение. Я очень доволен. Теперь ступай домой... и храни эту тайну.

Селим был скорее ошеломлен, чем обрадован, той новостью, что он теперь верховный правитель Османской империи. По натуре он был очень осторожным человеком. Энтони подозревал, что вскоре Селим поведает обо всем Наси, но еврей умел хранить секреты, и жизнь в Истанбуле текла по-прежнему до приезда армии с телом Сулеймана.

Мать Энтони и его жена радовались возвращению Энтони живым и невредимым; мальчики были еще слишком маленькими, чтобы оценить его присутствие. Женщин заинтересовало, почему Энтони так рано вернулся, но он отказался довериться им.

Барбара была очень раздражена, что ее муж все еще не полностью доверяет ей.

Переход прав от Сулеймана к Селиму был самым спокойным во всей истории османцев. Не было и намека на восстание или недовольство где-нибудь в империи, как бы паши ни скорбели о смерти хозяина. Даже янычары казались счастливыми от того, что ими будет командовать молодой хозяин.

— Но ими все же придется управлять, о падишах, — сказал Сокуллу новому повелителю. — Они шепчутся, что падение Сигетвара раскроет перед ними всю Венгрию. Они хотят вернуться и идти на штурм стен Вены. Армия и флот горят желанием отомстить за отход от Мальты.

— Им придется подождать, — ответил Селим. — Но я собираюсь отомстить за наш разгром в ближайшем будущем. И у тебя, Хоук-паша, также будут великие возможности для достижения славы. Ведь кто, как не вы, мои самые преданные военачальники...

Энтони хотелось верить, что в голосе султана не слышались саркастические нотки.

Мехмед Сокуллу женился на одной из дочерей Селима. Как зять султана, Сокуллу, очевидно, чувствовал себя как никогда спокойно на посту великого везира.

После свадьбы Энтони и Сокуллу встретились.

— Это ты решил, что мы должны отдать себя всецело делу падишаха, — напомнил он Хоквуду, хитро улыбаясь. — Я послушался тебя. — Везир сжал плечо Энтони. — Я не забуду о своем друге. Если поднимусь я, поднимешься и ты.

Энтони восхищался ловкостью везира, с которой тому удалось собрать все возможные силы. Сам он занял то место, которое хотел, и приступил к подготовке эскадры к морской кампании, даже если и не знал, какие цели она будет преследовать. Единственным, что испортило этот мирный период, была весть о смерти Драгута.

— Грустный конец для прославленного воина, — прокомментировал Али Монизиндаде. — Значит, теперь я адмирал флота падишаха.

Он подчеркнуто почтительно относился к Энтони, так как обоих — его и Улуч-Али — беспокоила близость, которая возникла в последние годы в отношениях Энтони и Сулеймана и которая, казалось, продолжится при новом правлении.

— Мы не можем желать никого лучшего, — тактично сказал Энтони. Но на самом деле он действительно не мог представить никого другого более подходящего для командования османским флотом: Али Монизиндаде учился искусству хождения в море у Хайреддина и Гарри Хоквуда.

Хоквуд с нетерпением ждал сражений, но, когда наконец Селим (через четыре года) решился на кампанию, он был в полном недоумении, выяснив цели, намеченные им.

Но тогда недоумевали все.

Все сухопутные и морские командиры собрались выслушать слово султана. Великий везир Сокуллу также присутствовал, но и он не представлял, что у падишаха на уме. Наиболее вероятным казалось то, что будут предприняты походы в Европу и на Мальту.

Не только Али, Улуч и Пертав присутствовали здесь, но и наследник Драгута, Пиале-паша, приехавший из Западного Средиземноморья. Здесь были и все генералы, включая Мустафа-пашу, который потерпел неудачу на Мальте. Позади дивана султана стоял Иосиф Наси. В эти дни, как, впрочем, и всегда, он казался уверенным в себе и спокойно смотрел на побледневшие лица.

— Турки слишком долго жили в мире, — объявил Селим. — Мы не мирные люди. Мы люди войны.

Паши поглаживали бороды и кивали в согласии. Это было многообещающим началом.

— Я собрал вас здесь сегодня, чтобы дать указания, — продолжал Селим. — Ведите своих людей на войну и к победе, — добавил он.

Военачальники ждали.

— Но война должна затеваться с достойной целью. Вы знаете, что я уже давно вынашиваю мысль основать родину для евреев в пределах моей империи. Это работящий и бережливый народ, который будет трудиться ради процветания нашего государства. Увы, найти место гораздо труднее, чем казалось.

— Прими мое уважение, о падишах, — вмешался Сокуллу, — но ведь евреи должны были вернуться в Палестину, на историческую родину?..

— Палестина — мертвая земля, — возразил Наси. — Я тщательно исследовал этот район, господин мой везир, и не считаю возможным рекомендовать падишаху основывать там дом для моего народа.

— Что же ты посоветовал? — спросил Сокуллу.

— Идеальное место, как мне кажется, остров Кипр.

Несколько минут стояла абсолютная тишина.

— Ты возражаешь против того, чтобы отдать Кипр еврейскому народу, везир? — спросил Селим. — Это большой и процветающий остров, там они будут преуспевать.

— Падишах, остров Кипр не твой, чтобы можно было отдать его. Это собственность Венеции.

— Венеции... — фыркнул Наси.

— Венеция — наш проверенный союзник, — сказал Сокуллу. — Наш единственный союзник, о падишах.

— Маломощный союзник, — бросил Селим. — У Венеции нет хорошей армии.

— Но у нее есть грозный флот, о падишах, — вмешался Хоквуд, приходя на помощь своему другу. — Только союз Венеции с османцами удерживает испанцев и генуэзцев от попыток продвижения на восток в Адриатику.

— Разве их флот сильнее моего, Хоук-паша?

— Конечно нет, о падишах, но...

— Тогда это не имеет значения. Кроме того, венецианцы постепенно готовятся стать нашими врагами. Я попросил дожа о некоторых уступках в обмен

на незначительные компенсации, но он отказался рассмотреть мои предложения. Я не могу позволить какому-то выскочке оскорблять меня. Таким образом, я решился на войну с Венецией.

Казалось, Селиму не приходило в голову, что он сам оскорбил дожа такими предложениями. Снова паши затеребили бороды.

— Прими мое уважение, о падишах, если попытаюсь оспорить этот план, — сказал Сокуллу. — У нас достаточно врагов: все христиане, за исключением Венеции, также Персия, — в наших арабских владениях все время неспокойно. Только Венеция наш настоящий и давний друг. Разрушить этот союз, преследуя... — он взглянул на Наси, — смутную и неопределенную цель, безусловно, будет ошибкой.

— Ты хочешь сказать, что Турция и Венеция никогда не воевали? — возмутился Наси.

— Конечно, воевали. Но это было очень давно.

— Хватит! — сказал Селим. — Я принял решение. Мы будем воевать против Венеции. — Он посмотрел на Сокуллу.

— Слово падишаха — закон, — признал везир кланяясь.

— Но у тебя не хватает на это смелости? — спросил Селим. — В таком случае армией будет командовать Мустафа-паша.

Все обернулись. Генералы знали, что Мустафе повезло, когда он удержал голову на плечах после поражения на Мальте. Сам Мустафа выглядел ошарашенным.

— Флотом будет командовать... — глаза Селима осматривали адмиралов, лица которых выражали неодобрение, — Хоук-паша...

Энтони вскинул голову. Он был четвертым по значимости среди османских адмиралов. Кроме того, Кипр принадлежал Венеции.

— Прими мое уважение, о падишах, — сказал он. — Я не гожусь на эту роль... — Энтони тяжело вздохнул, — потому что женат на венецианке.

— Ты боишься свою жену? — нахмурился Селим. — Ты избавишься от нее, если потребуется. Я дам тебе другую жену.

— О падишах, я люблю свою жену. Я не могу сражаться с ее народом.

— Даже если ты рискуешь потерять мое расположение?

Энтони не опускал глаз. Хоквуды никогда не лгали султанам, и их всегда любили за это. Но был ли этот человек истинным османцем? И все же у Энтони не было выбора: он дал Барбаре слово.

— Даже так, о падишах.

— По крайней мере, ты честный человек, Хоук-паша. Я отстраняю тебя от службы. Пиале-паша, ты возглавишь флот, главнокомандующим будет Али Монизиндаде.

Пиале-паша поклонился.

— Али-паша разместит главные силы недалеко от западного берега Пелопоннеса, чтобы предотвратить попытки христиан напасть на нас, пока Кипр не падет.

Али Монизиндаде склонил голову. Глаза его сверкали: это был шанс, которого он ждал всю жизнь.

— Таков мой приказ, — сказал Селим.

Паши поклонились и попятились к выходу. Только Наси остался с правителем.

Во дворе между генералами и адмиралами завязался яростный спор.

— Атаковать Кипр значит вернуть Венецию в объятия папства и Испании, — объявил Сокуллу.

— Папство ненавидит венецианцев больше, чем нас, — возразил Али Монизиндаде.

— Ненависть — понятие относительное. Если Испания и папство объединятся при поддержке генуэзского флота, это будет самая грозная коалиция. В этом случае у христиан будет самый сильный в мире флот.

— Вряд ли сильнее моего, — улыбнулся Али. — И я разобью их. Это будет вершина моей карьеры. — Он взглянул на своих адмиралов. — Нашей

карьеры. — Он перевел взгляд на Энтони. — Ты глуп, Хоук-паша, — сказал он. — Ты вызвал недовольство падишаха. Как можно семейную жизнь ставить выше выполнения долга перед хозяином?

— Возможно, мы по-разному относимся к долгу, — ответил Энтони.

Несколько минут мужчины молча смотрели друг на друга.

— Возможно. — Али улыбнулся. — Мне жаль терять тебя, Хоук, просто потому, что эта битва может оказаться той, которую мы так долго ждали.

— Не будет никакой битвы, — объявил Пиалепаша. — Кипр удерживается менее чем десятью тысячами человек. Там всего две крепости, Никосия и Фамагуста. Остров будет моим за двое суток. И венецианцы будут молить меня о мире.

Хоквуд мог только молиться, что поступил правильно. Однако он понимал, что Али, конечно, прав. Этические нормы турок, которым его обучил Драгут, заключались в том, что служба султану стояла превыше всего. Он нарушил те традиции, которые считались столь важными в его семье. И все из-за женщины. Военачальники, конечно, никогда не смогут понять его.

Но ведь он сдержал свое слово!

Даже мать Энтони не поняла его. Хотя она всегда мечтала о том, чтобы ее сын покинул пределы империи и возвратился на Запад, она предполагала нечто большее, чем тайный побег среди ночи и преследование ищейками султана. То, что Энтони поступил против воли самого могущественного человека на земле, отказавшись выполнять его приказ, не умещалось в ее сознании.

Айша была еще более поражена.

— Что с нами будет? — причитала она.

— Ничего, — сказал женщинам Энтони с гораздо большей уверенностью в голосе, чем в чувствах. — В настоящий момент падишах недоволен, но он осты-

нет. Он знает, что я его лучший командир и самый преданный подданный. Мы должны потерпеть.

По меньшей мере в семье не было трудностей с деньгами — предки Энтони и Драгут сделали его богатым человеком.

Барбара была ошеломлена, узнав причину неповиновения мужа султану.

— Мой господин, — сказала она, — чем я могу отблагодарить тебя?

— Не надо это делать вообще. Мой поступок не спасет Кипр.

Было досадно стоять без дела на берегу Галаты и смотреть, как флот готовится к выходу в море. Вскоре стало известно, что в связи с официальным объявлением войны в январе 1570 года старшие Корнаро были заключены в тюрьму.

Энтони беспокоился за безопасность самой Барбары. Сокуллу уверил, что с родителями его жены обходятся хорошо. Барбара все же очень расстроилась, когда ей не разрешили навестить мать и отца.

Казалось, что эта война действительно будет короткой, хотя и кровавой. Турецкий флот вышел в начале июля, и пока эскадра отгораживала укрепленный порт Фамагусты на юго-восточном берегу острова, основные силы направились в бухту Морфу на северной стороне. Армия высадилась на берег, и Мустафа пошел на Никосию, столицу острова, расположенную на возвышенности в некотором удалении от берега.

Из-за небольшой задержки атака была отложена до начала сентября, но, когда она началась, невозможно было ей противостоять. Здесь не было ни иоаннитов, ни Жана де Ла Валета, ни Зриния, которые могли бы укрепить стойкость венецианцев и киприотов-новобранцев. Никосия пала 9 сентября. Гарнизон был уничтожен.

В Истанбуле праздновали победу. Барбара оделась во все черное.

— Я вздохнул с облегчением, — сознался Сокуллу Энтони. — Теперь флот начнет блокаду Фамагусты, армия движется в глубь материка. Чем быстрее это закончится, тем лучше.

— Есть ли реакция Запада? — спросил Энтони.

— Конечно, есть, мы так и думали. Венеция обратилась за помощью к Папе Пию V, он согласился на союзничество. Он, в свою очередь, обратился к Филиппу Испанскому и получил положительный ответ. Ты что-нибудь слышал о дон Хуане Австрийском?

— Он, кажется, единокровный брат Филиппа?

— Верно. Он сын императора Карла V и его любовницы немки Барбары Бломберг. Так вот, этот дон Хуан будет командовать флотом, соединившим эскадры Испании, Пия V, Генуи и Венеции. Подумать только: Генуя и Венеция сражаются в одной упряжке! Это и представить себе было трудно. Наш султан достиг невозможного.

— Но этот дон Хуан, наверное, просто необученный мальчишка, — задумчиво произнес Энтони.

— Ему двадцать три года, — сказал Сокуллу.

— Тогда вряд ли ему хватит опыта, чтобы разбить Али Монизиндаде, даже если у него и более сильный флот.

— Ты так считаешь? Александр Великий был не старше, когда разбил персов. Мехмед Завоеватель — даже моложе, когда взял Константинополь. Возраст еще ни о чем не говорит, Хоук-паша. Этот дон Хуан слывет отличным воином. Мы можем надеяться только на то, что флот еще не собран и что христианам придется преодолеть слишком много взаимных подозрений. Я скажу тебе, что венецианцы прислали тайных эмиссаров в Истанбул, чтобы найти возможность заключить мир; они согласны на огромные дистрибуции, если мы оставим им Кипр. Падишах, конечно, отказал, но этот шаг свидетельствует о ходе их мыслей. Они предпочитают уклониться от войны, которая мешает их торговле, а не мстить. Если мы быстро возьмем Фамагусту, венецианцы, мне кажется, воспримут это как должное и согласятся на мир при

любых условиях. Тогда христианская коалиция распадется прежде, чем начнет воевать.

— Фамагуста будет защищаться до последнего, — сказал Энтони, — потому что Бригадино знает, что флот собирается ему на помощь. К тому же ему известно, что гарнизон Никосии вырезан.

— В таком случае Фамагуста подвергнется атаке в ближайшее время, — прорычал Сокуллу.

Но Марк Антонио Бригадино, командующий венецианцами, был настроен решительно и хотел стоять до конца вместе со своими пятью с половиной тысячами воинами.

В этом ему благоприятствовала погода, которая вскоре ухудшилась до того состояния, когда вопрос о штурме не мог ставиться до весны. Таким образом, Мустафа-паша расквартировал армию на зиму, но ветер выдувал турецкий флот со стоянки, заставляя его искать укрытия и таким образом позволяя венецианским каракам дойти до порта и пополнить запасы. Не было сомнений, что Бригадино сделает все, чтобы укрепить оборонительные сооружения перед предстоящим штурмом.

В Истанбул пришли вести, что объединенный флот начал собираться в Мессинском проливе. Сокуллу подергивал бороду.

— О, хоть бы увидеть их разбитыми, — прошептала Барбара, глядя на Золотой Рог из окна своей спальни. — О, хоть бы увидеть христианский флот, идущий по Босфору...

— Этому не бывать, — сказал ей Энтони. — А если такое случится, я должен буду выйти и сражаться с ними и, без сомнения, умереть. Кроме того, ты сейчас ведешь предательские речи.

Все в Истанбуле надеялись на быструю победу весной. И как только погода установилась, Мустафа-паша бросил войска на стены Фамагусты. Турок было

в десять раз больше и к тому же они обладали сильной артиллерией. Несмотря на это они не могли пробить стены крепости и одолеть ее рвы. Бригадино оказался прекрасным командиром.

Весну сменило лето, а венецианцы все еще сражались. Поступали вести об увеличении численности христианских военных судов, прибывающих в Мессинский пролив и заполняющих бухты на юге.

В начале июля Хоквуд получил приглашение явиться во дворец. Его ждали султан, Наси и Сокуллу.

— Что ж, здравствуй Хоук-паша, — сказал Селим. — Чувствовалось, что он выпил, глаза его покраснели, руки тряслись. — Как ты провел отпуск?

— Я лучше служил бы тебе, о падишах, если бы мог делать это честно.

— Ха! — хохотнул Селим. — Так тому и быть! Нужно как можно быстрее покончить с Кипром и любым способом взять над ним контроль. Конечно, до того, как этот христианский флот станет посмешищем для всего мира. Ты отправишься на Кипр через неделю.

— Падишах...

— Мне известно, что ты не желаешь нарушать слово и сражаться против народа твоей жены, — сказал Селим. — Я посылаю тебя положить конец войне, а не вести ее. Мустафа-паша сообщил мне, что предложил Бригадино сдаться, но тот отказался, заявив, что не может доверять турецкому паше на слово. Хоук-паша, Мехмед Сокуллу напомнил мне, что твой великий дядя вел переговоры о сдаче крепости Родос и достойно вел себя по отношению к ее защитникам.

— Это правда, о падишах. — Сердце Хоквуда учащенно забилось.

— А если бы тебе пришлось отправиться на Кипр и вести переговоры с Бригадино, принял бы он твое предложение?

— Принял бы, о падишах. Но ему хотелось бы убедиться в моих полномочиях.

— Он убедится. Я наделю тебя неограниченной властью, чтобы добиться сдачи Фамагусты. Исполь-

зуй все способы. Мустафа-паша и Пиале-паша будут в твоем подчинении до тех пор, пока это место не будет нашим. Это подходит?

— Подходит, — подтвердил Энтони. — Я отправлюсь через неделю.

— Ты уверен, что справишься с этим поручением? — спросил везир, провожая Энтони.

— Я хочу так думать.

— Ты должен больше делать, чем думать, Хоук-паша. Султан все еще недоволен тобой. Я скажу тебе, что он несколько раз думал о том, чтобы убить тебя за неповиновение. Только я защищал тебя. Я посоветовал султану использовать в нынешней ситуации репутацию честности твоей семьи. Если тебя постигнет неудача и ты не добьешься ответа от Бригадино, тебе лучше не возвращаться в Истанбул.

— Если ты сказал мне это, ты должен быть мне другом еще в одном, — заметил Хоквуд.

— Я всегда был тебе другом, Энтони. Я всегда буду твоим другом.

— В таком случае помоги мне взять с собой жену и детей, мать и старую няню на Кипр.

— Я не могу сделать это, Энтони, — Сокуллу покачал головой, — даже для тебя. Это станет концом моей карьеры. Это будет предательство, потому что ты в этом случае можешь бросить падишаха, не пытаясь заставить Бригадино принять условия.

— Значит, моя семья останется в заложниках моего успеха.

— Мужчина может найти другую семью, — пожал плечами Сокуллу.

— Только не я.

— Тогда добейся успеха, Хоук-паша. Преуспей — и опять будешь на коне.

— О, счастливый день, — радовалась Фелисити.

Барбара, как и стоило ожидать, была разбита.

— Ты отправляешься, чтобы привести мою страну к катастрофе, — грустно сказала она.

— Я направляюсь покончить с войной, — сказал Энтони. — Если она продолжится, то многим принесет смерть. Стоит ли меня упрекать?

— Нет, господин мой, — вздохнула Барбара. — Я должна пожелать тебе успеха. И скорого возвращения.

Энтони поцеловал ее, обнял сыновей и вышел на галерею.

Четыре дня они двигались на юг по сверкающему Эгейскому морю. Обогнули остров Крит и направились на юго-восток к горам Кипра, таким близким к побережью Турции, что казалось удивительным, как это ни один султан до сих пор не заявил о своих правах на него. Но такие великие воины, как Мехмед, Селим Грозный или Сулейман, слишком хорошо понимали тонкости дипломатии: союзник на Западе был ценностью самой по себе, державшей к тому же христианский мир в состоянии неразберихи и разброда и делавшей старания Папы Римского или императора объединиться против турок совершенно пустыми. Захват Кипра не стоил такой цены.

Как справедливо заметил Сокуллу, самонадеянность Селима Пьяницы привела христиан к идее объединения.

Пять галер Хоквуда обогнули мыс Гата и в заливе Акротири, с берега которого смутно виднелись очертания Олимпа, встретились с турецкой эскадрой, охранявшей подступы к осажденному городу с моря.

Их приветствовали взлетевшие флаги, адмирал пригласил Энтони на ужин.

— Хорошо, что ты вернулся на свой пост, Хоукпаша, — сказал он. — Теперь, может быть, нам удастся заставить венецианцев сдаться.

На следующий день они пересекли бухту Ларнака и обогнули мыс Греко. Теперь перед ними лежала бухта Фамагусты — чистая гладь воды до мыса Элеа,

примерно около сорока миль, — заполненная турецкими галерами. Почти все они стояли на якоре, но некоторые галеоны были в движении.

Эскадра Хоквуда была сопровождена к флагману Пиале-паши.

Венгр, казалось, был не очень рад встрече с другом детства, мальчишками они ходили в море.

— Я думал, ты не потянешь эту войну, Хоук-паша, — скептически заметил он.

— Я собираюсь завершить ее.

Пиале-паша фыркнул в ответ.

— Здесь распоряжения, — сказал Энтони, протягивая запечатанный пакет.

Пока адмирал читал, они сидели на задней палубе. Энтони не представлял содержание послания, написанного Сокуллу от имени султана. Пиале-паша, прочитав письмо, нахмурился.

— Ты назначен главнокомандующим флота, — сказал он.

— Ненадолго, надеюсь, — улыбнулся Энтони. — Но я также главнокомандующий армией. Давай навестим Мустафа-пашу.

Генерал еще более удивился, увидев Хоквуда. Энтони в основном интересовался тем, что видел, когда он и Пиале-паша направлялись к берегу, а затем и к штабу армии.

Энтони сразу понял трудности осады. Стены города были самыми массивными из тех, которые он встречал за пределами Истанбула, и подход к ним был затруднен из-за песка, приносимого рекой Педиас с севера города. Участок за городскими стенами превращался в ловушку — само слово «фамагуста» означало «погибший в песках».

Двести лет назад этот город был одним из самых богатых городов христианского мира, расположившимся на торговом пути из Палестины на Запад. Остров удерживался различными военными династиями со времен, когда Ричард Львиное Сердце захватил его во время третьего Крестового похода, а правила им династия Корнаро, которая продала его венецианцам.

«Великая тетка Барбары, — размышлял Энтони. — Как бы она была заинтригована, если бы ей сегодня пришлось составить мне компанию».

Но, возможно что и нет. Кругом были признаки осады и непрекращающихся сражений. Заброшенные подкопы оставили огромные кратеры в земле; части городских стен обвалились и лежали огромными кучами камней, внутри города кое-где пылали пожары, а местами огромными столбами дым поднимался в прозрачный воздух.

И над всем этим висел смрад, поднимающийся от незахороненных трупов, которые валялись повсюду.

— Это было мрачное дело, — признался Пиалепаша.

Мустафа пригласил их в свой шатер, затем развернул послание, адресованное ему, и начал читать его медленно и внимательно. Сначала он нахмурился, но потом его лицо прояснилось. Он сложил пергамент и передал его Пертав-паше. Пертав прочел послание с непроницаемым видом. Но, когда он взглянул на Хоквуда, глаза его странно сверкнули.

Энтони знал, что Пертав презирает его, и это чувство было обоюдным.

— Ты должен вести переговоры, Хоук-паша, — сказал наконец Мустафа. — Я желаю тебе успеха.

— Осаду надо завершить через месяц, — подтвердил Энтони. — Таков приказ падишаха.

— Желаю тебе успеха, — повторил Мустафа.

На следующее утро Энтони выехал под флагом перемирия.

Турецкие орудия молчали, а венецианские притихли, как только увидели всадника.

В четверти мили от ворот он приказал эскорту остановиться и двинулся вперед только со знаменосцем.

Основные ворота были центром жестоких атак и являли собой кучу булыжников, подъемные ворота обрушились в сухой ров, решетки были разворочены пушечными ядрами. Но все это до сих пор защища-

лось, и, когда Хоквуд приблизился, головы множества людей появились из-за камней.

— Стой там, османец! — крикнул кто-то.

Энтони натянул поводья.

— Мне нужен генерал Бригадино. Передайте ему, что Хоук-паша желает говорить с ним.

Его имя произвело должный эффект. За камнями началось какое-то движение, и двое поспешили прочь.

Энтони, сидя на коне, смотрел на стены. Все новые и новые люди появлялись там, и хватило бы одной горячей головы, чтобы потерять контроль... Но они должны знать, что он — их единственная надежда на жизнь.

Он ждал с полчаса, когда наконец какой-то человек вскарабкался на кучу камней и уставился на него. Он был средних лет и маленького роста — так показалось Энтони. Его шлем был сдвинут, черные волосы разлетались в порывах легкого ветра, дувшего от моря.

— Султан прислал нового командира для нанесения завершающего смертельного удара? — спросил человек.

— Наоборот, ваша светлость, — ответил Хоквуд. — Султан хотел бы закончить войну, надеясь, что ты согласишься на уступки.

Бригадино внимательно посмотрел на него, затем на турецкий лагерь, зеленые знамена, массу людей; почти все солдаты наблюдали за переговорами. Мустафа-паша и Пертав-паша вместе с подчиненными им генералами были на конях и собрались перед войсками.

Энтони воспользовался паузой, чтобы получше рассмотреть Бригадино. Лицо венецианца было измученным, щеки его впали. Без сомнения, он был изможден и просто голоден.

— Ты служишь туркам, — наконец сказал Бригадино. — Какую веру можно положить в основу договора с турками? Ведь мы ваши старейшие союзники, но вы воюете и с нами.

— Я ничего не знаю о государственных делах, — ответил ему Энтони. — Я солдат и моряк. Я от-

казался воевать с вами, потому что женат на венецианке. Падишах принял мое решение, но просил меня предложить тебе условия достойной капитуляции.

— Значит, он узнал, что огромный флот идет нам на помощь, а ты хочешь заманить нас в ловушку, прежде чем он успеет подойти, — фыркнул Бригадино.

— Нам известно, что собирается христианский флот, ваша светлость, — признал Хоквуд. — Но он еще не готов к отплытию, и штаб его находится в Мессине, а это далеко от Фамагусты. Флот Алипаши находится между Италией и Кипром, он готов к сражению. Раньше следующего года ты не получишь помощи. Но ведь вы голодаете... Ведь вы израсходовали почти все ваши боеприпасы...

Последнее высказывание было не больше чем предположением. Насколько точным, он мог судить по тому, как искривились губы Бригадино.

— Условия, которые я предлагаю, следующие, — продолжал Хоквуд. — Твои люди сложат оружие, хотя офицеры могут оставить сабли. Затем ты выйдешь из города и тебя проводят на наш корабль, чтобы отвезти до ближайшей нейтральной территории. Это относится и ко всем твоим людям.

— Ты ничего не сказал о наших женах и детях, — заметил Бригадино.

— Можете взять их с собой, — уверил его Энтони.

— Ты действительно вправе сделать такое предложение?

— Я уполномочен султаном, — сказал Энтони.

Бригадино внимательно посмотрел на него.

— Ты служишь османцам, — повторил он, — их лозунг — предательство.

— Меня зовут Хоквуд, как тебе известно. Разве мой дядя предал иоаннитов на Родосе?

Не найдя ответа, Бригадино погладил бороду.

— Даю слово, — заявил Энтони, — что условия, которые я предлагаю, будут соблюдены.

Бригадино посмотрел мимо него на стройные ряды турецких воинов.

— Можешь ли ты ручаться за своих сослуживцев? За Мустафу и Пиале? Или Пертава? Они темные и злые люди. Мы знаем, что они мучают заключенных до смерти.

— Я уполномочен султаном, — повторил Энтони. — Мое слово здесь — закон.

Бригадино внимательно смотрел на него несколько секунд, затем слез с кучи камней.

— Позволь мне взглянуть на твои верительные грамоты.

Хоквуд слез с коня, подошел к Бригадино и передал ему перевод приказа султана на итальянский язык.

Прочитав его, Бригадино поднял голову.

— Кажется, я могу доверять тебе, — сказал он.

Энтони промолчал.

— Но сначала я должен посовещаться с командирами.

— У тебя есть только час, — сказал Хоквуд. — Через сорок пять минут последует залп, а через пятнадцать минут мы возобновим военные действия.

— Я думаю, что мы примем ваши предложения, Хоук-паша. — Бригадино посмотрел Энтони в глаза. — Если бы султан прислал не тебя, а кого-нибудь другого, я бы продолжал стоять насмерть.

Когда Бригадино вернулся на позицию, Хоквуд поехал к турецкому лагерю.

— Ну что там? — волновался Мустафа-паша.

— Через час я жду его решения, — сказал Энтони. — Он должен принять его. У него нет выбора.

— В таком случае тебя надо поздравить, Хоук-паша. Падишах будет доволен тобой.

— Однако армия была готова к бою. Если венецианцы решат воевать, мы должны будем положить этому конец одним сильным ударом, — объяснил Мустафа.

Время летело быстро. Песочные часы были установлены только по возвращении Энтони в лагерь, но песчинки, казалось, утекают с необыкновенной ско-

ростью. Когда три четверти часа миновало, Энтони приказал дать залп. Взрыв сотряс тишину. Мгновенно возобновилась суета на стенах, и флаг венецианцев опустился по рее.

Ряды турок взорвались радостным криком, одновременно забили барабаны, зазвучали трубы, загудели цимбалы.

— Твои люди должны занять позиции, Мустафа-паша, — сказал Хоквуд.

Мустафа склонил голову.

— Ты доставишь кое-что в бухту, Пиале-паша.

Пиале-паша склонился в свою очередь.

— Можно ли нам сначала посмотреть на сдавшихся? — спросил Мустафа. Его покорность почему-то тревожила Энтони.

— Конечно, мы должны это сделать, — согласился Энтони и пошел вперед в сопровождении генералов и сипахов.

Из разрушенных ворот появился отряд конных офицеров, лошади едва держались на ногах. Во главе отряда был сам Бригадино, он представил своего генерала, Астора Бальоне, османским военачальникам. Затем медленно стали появляться остальные защитники крепости, при выходе они складывали оружие на землю. Турки ликовали, играла бравурная музыка. Венецианцы шли с опущенными головами и поникшими плечами, едва волоча ноги по песку. Все они, очевидно, голодали и большинство из них были ранеными.

Шеренгу завершали женщины и дети. Они выглядели слабыми, испуганными и со страхом поглядывали на свирепые лица турок.

— Твоих людей будут сопровождать до берега, — сказал Энтони Бригадино. — Мои корабли начнут перевозить их завтра.

Когда вышли последние, Энтони въехал в город и направился на поиски склепа. Гниющие тела валялись на улицах, крысы сновали перед его конем. Бригадино сопровождал его. Он показал арсенал, в котором пороха оставалось едва ли на один выстрел.

— Вы храбро сражались, — сказал Хоквуд. — Жаль, что меня не послали раньше. Теперь идем, ты будешь моим гостем на борту флагмана.

— Я должен оставаться со своими людьми.

— В этом нет необходимости. Их накормят, им не причинят вреда. Даю слово, но если хочешь, давай удостоверимся в этом.

Они поехали на берег, где находились венецианцы — толпа изнуренных и испуганных мужчин, женщин и детей. Им раздавалась пища и вода из турецкого лагеря.

— Твои люди смотрят на меня, — заметил Бригадино, — как волки, окружающие стадо овец.

Но тем не менее Бригадино удостоверился во всем своими глазами и вместе с Бальоне принял приглашение Энтони отужинать на борту флагмана.

— О, какая благодать! Вновь вдохнуть свежего воздуха, — сказал Бригадино. — Что ты будешь делать с городом?

— Он будет заново отстроен, — ответил Энтони. — Падишах хочет основать на острове еврейскую колонию.

— Твой хозяин — необыкновенный человек, — признал Бригадино. — Когда прибудет транспорт? — поинтересовался Бригадино. Он хотел быть подальше от места своего поражения.

Энтони посмотрел на Пиале-пашу.

— Транспорт для перемещения армии прибудет через несколько дней, — сказал Пиале-паша и уточнил: — Для османской армии.

— А транспорт для венецианцев? Я приказал ему быть в полной готовности.

Пиале посмотрел на Пертав-пашу.

— Мустафа-паша отменил твой приказ, Хоук-паша, — сказал Пертав.

— Что?

— Мы по-прежнему воюем с Венецией, — объяснил Пертав. — Мы не можем им вернуть две тысячи воинов, чтобы они снова вооружались против нас. Мустафа-паша решил оставить большинство про-

тивников здесь, чтобы убедиться, что Венеция сохраняет мир.

— Противники? — Бригадино выпрямился. — Так вот какова турецкая честность! Вот какова цена твоему слову, Хоук-паша!

— Я уверяю, ваша светлость, что Мустафа-паша ошибся, — сказал Энтони. — Он превысил свои полномочия, и его приказ будет немедленно отменен.

— Мустафа-паша уже отдал приказ, — настаивал Пертав-паша.

И в этот самый миг с берега донесся ужасный вопль.

Бальоне вскочил и побежал к перилам.

— Это резня! — завопил он.

Энтони поспешил вслед за ним.

— Именем Аллаха, немедленно прекратите, или я прикажу повесить вас.

— Ты прикажешь повесить меня? — спокойно спросил Пертав-паша.

— Ты такой же предатель, как любая турецкая собака! — кричал Бригадино.

— Схватить его! — завопил Пертав, и мгновенно венецианцев окружила охрана.

Бальоне обнажил меч, но был сражен ударом сабли и растянулся на палубе в луже крови.

Хоквуд смотрел на происходящее в полном оцепенении.

— Ты сошел с ума? — крикнул он, обращаясь к Пертав-паше. — Или ты думаешь, что султан не узнает об этом?

— Султан уже знает об этом, — хитро ответил Пертав.

Энтони нахмурился, и сердце у него похолодело.

— Мне была дана вся полнота власти! — завопил он.

— Действительно, это так, Хоук-паша, но до момента сдачи Фамагусты. По указу султана Мустафа-паша вновь командует флотом и армией сразу же после сдачи крепости. Султан также проинструктировал Мустафа-пашу дать венецианцам урок, да такой, что-

бы весь мир знал, что с ним шутить не надо. Он доверил это мне, а я очень опытен в таких делах.

— Негодяй! — крикнул Энтони и бросился на генерала.

Пертав ловко увернулся, и Хоквуда схватили полдюжины солдат. Пытаясь вытащить саблю, он получил удар по голове. Прежде чем он успел опомниться, его связали, а саблю изъяли.

— Скажи спасибо, что падишах приказал не трогать тебя, Хоук-паша, — выпалил Пертав-паша.

Энтони в отчаянии смотрел на Бригадино.

— Я прощаю тебя, Хоук-паша, — с горечью сказал Бригадино. — Но пусть эти люди сгорят в аду. — Он повернул голову, чтобы слышать душераздирающие крики, доносящиеся с берега, посмотрел на Пертав-пашу и произнес: — Если ты снесешь мне голову, то избавишь меня от позора бесчестия.

Пертав ухмыльнулся.

— Твой пример будет вселять ужас в сердце всего христианского мира, сударь, — сказал он. — Кроме того, это доставит нам удовольствие.

Бригадино побледнел и взглянул на Хоквуда, который все еще не мог поверить, что Селим предал его.

— Приготовьте его к освежеванию, — приказал Пертав-паша.

Бригадино в ужасе выдохнул, но сделать ничего не мог. Когда турки сдирали с него одежду, Энтони тщетно боролся с веревками, скрутившими его.

— Пиале! — взывал он. — Этот человек мужественно сражался с тобой. Разве ты можешь замучить его до смерти?

— Такова воля султана, — сказал Пиале-паша и отдал приказ: — Отрезать ему уши.

Бригадино бросили в кресло, и два ножа сверкнули в лучах солнца. Кусочки плоти упали на палубу, и кровь потекла по лицу Бригадино. Он издал стон.

— Теперь нос, — улыбаясь продолжал Пертав-паша.

— Пертав, — молил Энтони. — Проси меня о чем хочешь. Ты получишь все, только отруби ему голову как можно быстрее.

— У тебя нет ничего, чего бы я пожелал, Хоук-паша, — бросил Пертав-паша. — К тому же я выполняю приказ падишаха.

Нос Бригадино упал на палубу...

Скупая слеза скатилась по щеке венецианца. Он знал, что будет далее. Бригадино был распростерт на палубе и кастрирован. Тело его ходило ходуном, кровавая пена выступила на губах, когда он закусил их, чтобы не закричать.

— Содрать с него кожу, — приказал Пертав-паша.

Энтони хотел отвернуться, но не мог. Он знал, что эта картина навсегда запечатлеется в его памяти.

Два хирурга, доставленные на борт корабля специально для этой цели, работали очень тщательно. Сначала они вскрыли кожу острыми бритвами, как ножами, затем отслоили ее лишь надрезая, но оставляя нетронутой.

Бригадино больше не мог противостоять боли, он закричал невнятно, голосом высоким и ужасающим. Время от времени он терял сознание, и моряки лили воду ему на голову, чтобы привести его в чувство.

Энтони мечтал только об одном: потерять сознание.

Освежевание заняло два часа. Пертав-паша потребовал шербет. Вместе с Пиале-пашой они спокойно потягивали напиток, наблюдая за муками пленника. Они предложили Хоквуду шербет, но он плюнул в их сторону.

С берега доносились душераздирающие крики мужчин и женщин. Но никто из них не страдал так, как их генерал.

Энтони был в смятении чувств. Физически он не чувствовал себя больным, но его снедали гнев и ненависть к самому себе за то, что действовал заодно с этими людьми.

Действовал? У него был небольшой выбор, к тому же сделанный больше века назад его блистательными предками.

Джоном Хоквудом, который построил пушку, чтобы пробить стены Константинополя.

Энтони Хоквудом, который был другом человека, прозванного Кровопийцей.

Вильямом Хоквудом, который безоговорочно выполнял любые приказы Селима Грозного и Сулеймана Великолепного.

Гарри Хоквудом, который вынес знамя султана в Атлантику и был умерщвлен за свою преданность.

И теперь им самим, Энтони Хоквудом-младшим, который не мечтал ни о чем другом, кроме как служить султану по примеру своих предшественников. Вправе ли он заявлять, что лучше всех остальных? Наверное, да, решил Энтони. «Потому что я никогда не нарушал слова и никогда не мучил человека до смерти».

Когда наконец кожа была снята и на палубе осталось только кровавое месиво, Пертав-паша захлопал в ладоши.

— Хорошая работа, — сказал он. — Промойте хорошенько кожу, набейте соломой и зашейте. В Истанбул мы вернемся с венецианцем, развевающимся на моей нок-рее.

— А что делать с этим, мой господин? — спросил хирург, глядя на массу шевелящейся кровавой плоти: какое-то мычание все еще исходило из разорванных губ.

— Отрежьте голову и сохраните ее. Я водружу ее на шест. Все остальное выбросите на корм рыбам.

Сабля взлетела в лучах вечернего солнца, и агонии Бригадино наступил конец. Четыре человека собрали трудно поддающееся описанию кровавое месиво и вышвырнули его за борт. Другие бросились мыть палубу.

Пертав-паша улыбнулся Энтони.

— Какое зрелище! Остынь, Хоук-паша. Дело сделано, ты угодил падишаху. Мы одержали великую победу. Разве ты не отпразднуешь ее вместе с нами?

— Да будет милостив Аллах к твоей душе, Пертав-паша, — сквозь зубы процедил Энтони. — Потому что у меня нет милости к твоему телу.

Глава 20

ПОБЕГ

Передернув плечами, Пертав-паша только сверкнул глазами в сторону Хоквуда.

— Держи его связанным, пока мы не доберемся до Истанбула, — посоветовал он Пиале-паше. — Пусть он там рассказывает о своих бедах султану.

Энтони крепко привязали к стулу, находившемуся на кормовой палубе. Два охранника постоянно стояли над ним, предупреждая любую его попытку освободиться.

Звуки резни на берегу утихали по мере того, как жертв становилось все меньше, но ликованию турок еще не пришел конец. Энтони видел, как они пошли в город, и слышал какой-то грохот, доносящийся с другой стороны залива.

— Они вскрывают христианские могилы у собора Святого Николая, — объяснил адмирал, — и разбрасывают кости. Это желание Мустафа-паши.

— Ты горд, что участвуешь в этом, Пиале?

— Я выполняю желания нашего хозяина султана, — отозвался адмирал. — Тебе же будет лучше, если и ты научишься этому, Хоук-паша.

«Мне же будет лучше, если научусь этому», — размышлял Энтони, когда наконец галеры подняли якоря и флот направился к Истанбулу.

Он действительно должен научиться. Он не знал, как его примут в Высокой Порте, но уже принял решение. Энтони не сможет больше служить такому человеку, как Селим Пьяница, если Селим не откажется от действий Мустафа-паши и не накажет генерала. Но это казалось маловероятным.

Значит, Энтони больше не сможет оставаться в Истанбуле, потому что теперь у него там нет друзей. Даже Сокуллу уже не мог считаться таковым. Возможно, он когда-то был другом, но теперь везира, конечно, заботили собственные дела, он женился на дочери султана, чтобы защитить себя. Сокуллу вполне мог подписать приговор, обрекший Бригадино на такую мучительную смерть, но он не поспешил предупредить Энтони о двусмысленности его положения.

Бригадино! А как его собственная репутация?.. Энтони Хоквуд станет человеком, которого больше других возненавидят в христианском мире, когда распространятся новости о разрушении Фамагусты.

И все же, если Энтони преодолеет это османское проклятие, то только к христианству он сможет обратиться.

Он почти улыбался в своем бессильном гневе. Всего пятнадцать лет назад была беззаботная молодость. Тогда честолюбивые амбиции заставили его вернуться в Истанбул и заявить о своем роде, восстановить репутацию и служить султану по примеру своих предков. Так много отдать за амбиции и славу! Теперь он стал дважды предателем. И все же Энтони еще мечтал о чуде. Хоквуды слишком долго служили туркам, чтобы так просто отречься.

Когда флот наконец вошел в Босфор, Пиале развязал Энтони.

— Разве мы не должны вернуться вместе как завоеватели, — спросил он, — и разделить славу?

— Я намерен разоблачить тебя перед султаном, — зашипел на него Энтони.

— Это твое право, Хоук-паша. Только позаботься о том, чтобы не разоблачить себя самого.

Когда галеры повернули в Золотой Рог, их встречали громкие приветствия на обоих берегах. Одно судно было послано вперед сообщить новость о падении Фамагусты, и поэтому Истанбул ликовал. Даже безумная августовская жара не могла уменьшить энтузиазма толпы. Энтони посмотрел в ту сторону, где

находился дворец Хоуков. Он также был украшен флагами и вымпелами. Люди скандировали: «Хоук-паша! Хоук-паша! Да здравствует Хоук-паша!»

— Мы отдали тебе все лавры, Хоук, — сказал Пиале-паша.

Энтони, взглянув на него, отвернулся. Он был не в том состоянии, чтобы купиться на лесть.

К своему удивлению Энтони увидел Али Монизиндаде в Высокой Порте. Али тепло обнял его.

— Почему ты так мрачен, Хоук-паша? — поинтересовался он. — Ведь ты победитель! Мои собственные успехи поблекли перед твоим триумфом.

— Ты встретил флот Папы Римского?

— Мне не посчастливилось, — улыбнулся Али. — Христиане все еще собираются в Мессинском проливе. Продолжат ли они это — ведь их целью было освобождение Фамагусты, — никто сказать не может. Но я расчистил Адриатику от судов христиан. И привел свои суда в лагуну Венеции, чтобы сжечь их корабли. О, они не забудут имя Али-паши...

— Где теперь твои корабли? — спросил Хоквуд.

— Я хотел остаться за Венецией, но потом понял, что могу быть заперт там, если христианский флот появится с юга. Поэтому я вернулся в Ионическое море и повел свой флот вверх в залив Патраикос. Корабли стоят там на якоре в безопасности, Лепанто используется как бухта. Оттуда их можно легко повести на сражение при приближении христианского флота. Охранная эскадра галеотов постоянно наблюдает за южным побережьем Италии. Но сомневаюсь, что мы когда-либо увидим их. Но если и увидим, я буду рад, что ты среди моих адмиралов.

Сокуллу присоединился к ним.

— Рад видеть тебя, Хоук-паша! — Везир обнял разгневанного гиганта. — Падишах ждет тебя, — сказал он и, повернувшись к Пиале, спросил: — Где Мустафа?

— Он остался на Кипре, везир. Я привез письмо.

— Я просмотрю его. Идем, Хоук. Падишах сгорает от нетерпения поговорить с тобой.

Они вошли во дворец.

— Почему ты не предупредил о том, что меня предадут? — процедил Хоквуд. — Ты знал о тайном приказе падишаха, Мехмед. Наверняка на посланиях стояла твоя печать.

— Да, — сказал Сокуллу. — Мне жаль, что так случилось, Энтони, но я выполнял приказ падишаха.

— Все отговариваются этим, — с горечью в голосе сказал Энтони.

— Но ведь это наша обязанность! Когда-то ты сам настаивал на этом.

Хоквуду нечего было возразить.

— Я молю тебя, — сказал Сокуллу, — не принимать поспешных решений. Глупо опозорить себя из-за нескольких венецианцев.

— А мое слово? Моя честь?

— Честь мужчины, как и его жизнь, во власти падишаха. Если султан прикажет тебе умереть, разве ты не сделаешь это?

— Я лучше умру, чем опозорю себя, Мехмед.

— В таком случае ты просто глупец.

Перед входом в зал для приемов Сокуллу положил руку на плечо Хоквуда:

— Если бы я сказал тебе, что было в тех инструкциях Мустафе, ты бы отказался от миссии. И конечно, не смог бы убедить Бригадино в своей честности. И то и другое было бы несчастьем для тебя. Если я обидел тебя, мне очень жаль. Я поступил так, как считал лучше. Сейчас я молю тебя: следи за собой.

Двери открылись, они были допущены к султану.

Диван Селима окружали паши и охранники. Наси стоял рядом.

Султан заулыбался, увидев очертания огромной фигуры Энтони.

— Приветствую тебя, Хоук-паша! — сказал он. — Подойди поближе.

Энтони подошел на расстояние шести футов от дивана и поклонился.

— Ты выполнил мой приказ, — сказал Селим. — Я доволен. С этого момента ты восстановлен во всех своих званиях, я назначаю тебя вице-адмиралом под командованием Али Монизиндаде-паши.

— Падишах очень добр. Что будет с Пертав-пашой?

Селим нахмурился.

— Он будет вознагражден, Хоук-паша. Все принимавшие участие во взятии Фамагусты будут отмечены.

— Я хотел узнать, господин мой султан, не думаешь ли ты наказать человека, очернившего не только меня, но и всех турок.

Селим еще больше нахмурился; нервный шорох прошел среди присутствующих.

— Я буду благодарен, — сказал Энтони, — если падишах дарует мне аудиенцию.

— Ты боишься говорить при всех? — спросил Наси.

— Я скажу тогда, когда падишах даст ответ, — возразил Хоквуд.

Сокуллу тяжело вздохнул.

— У меня нет желания выслушивать твои претензии к Пертав-паше, — сказал Селим. — Ты добился победы. Я вознаградил тебя. Будь доволен.

— А зарезанные венецианцы? Ведь я обещал им безопасность, если они сдадутся. А их командир, который был замучен? Я честью своей пообещал этим людям жизнь! — закричал Энтони.

— Твоя честь! — закричал Селим, вскакивая с дивана. — У тебя нет чести, Хоук-паша, за исключением той, которую я выберу для тебя сам. У тебя нет ничего, кроме того, что я дам тебе. Теперь ты лишился всего. Убирайся домой! Я не хочу видеть тебя! Убирайся отсюда и сиди в своем дворце до конца дней своих. Пошел вон! — Султан почти визжал. — Пошел вон!

Хоквуд оторопело смотрел на Селима. Он никогда не видел этого человека настолько потерявшим контроль над собой. Сокуллу схватил Энтони за плечо и вывел из зала для приемов.

— Какой же ты дурак, Энтони, — вздохнул везир. — Какой дурак... Я сомневаюсь, что смогу защитить тебя.

— Мне нужна защита? — Хоквуд передернул плечами, пытаясь освободиться.

Они находились в Высокой Порте, и люди, ждавшие его, начали расходиться — слухи о том, что случилось в зале для приемов, уже просочились наружу.

— Да, — сказал Сокуллу. — Тебе нужна моя защита. Наш хозяин не может принародно объявить о казни столь известного паши в момент его триумфа. Но он будет пытаться уничтожить тебя тайно. Не забудь, что ты к тому же женат на венецианке. Тебе хочется, чтобы твоя жена последовала за родителями в могилу? — Он закусил губу, поняв, что допустил ошибку.

Хоквуд не мог поверить своим ушам... Он еще раз убедился в безбожии турок.

— Ты обещал мне, что они будут в безопасности!

— Так и было поначалу, — вздохнул Сокуллу, — но наш хозяин приказал казнить их в тот день, когда ты отплыл в Фамагусту.

Хоквуд сжал кулаки.

— Энтони, — умолял Сокуллу. — Мы живем в жестокое время, наш хозяин склонен менять решения. Мертвые есть мертвые. Нужно думать о живых. Я сделаю для тебя все, что в моих силах. А теперь... прощай, Хоук-паша.

Сокуллу протянул руку. Энтони посмотрел на него, повернулся и ушел.

Хоквуд вышел из дворца на улицы Истанбула. После ареста в Фамагусте слуги Энтони были распущены, и он больше не видел их. Он шел один, выделяясь в толпе своим ростом и цветом кожи. Флаги все еще развевались, и для людей он все еще оставался завоевателем Кипра. Но очень скоро они узнают правду...

«И что тогда?» Мысли, вертящиеся у него в голове, в конце концов оформились в решение. Сокуллу сказал правду. В Истанбуле его ждет верная смерть. И несмотря на большой риск необходимо действовать немедленно.

К тому же за многое еще нужно отомстить.

Энтони переправился в Галату, где ликующая толпа была еще больше. Люди следовали за ним по холму до дворца Хоуков, они столпились у ворот, скандируя его имя.

Мать стояла на галерее, ожидая сына.

— Энтони! — воскликнула она. — Я так рада видеть тебя! И с такими вестями. Говорят, султан вновь благоволит к тебе.

— Без сомнения, — сказал Энтони, обнял мать и поцеловал руку Айши. — Я хочу видеть тебя в спальне через десять минут.

Фелисити нахмурилась. Голос сына не казался голосом счастливого человека. Он направился прямо к Халилу.

— С возвращением, челеби, — приветствовал слуга своего хозяина.

— Рад видеть тебя, Халил, — откликнулся Энтони. — Как можно скорее приходи в мои покои.

Халил казался ошеломленным. Он не осмелился противоречить желанию Хоук-паши держать свой дом так, как он сам того захочет, но приглашать в спальню слугу, да еще мужчину, к тому же в возрасте... О таком он никогда не слышал.

Хоквуд взбежал по лестнице, перешагивая сразу через три ступеньки, и распахнул двери своих покоев. Мальчики бросились ему навстречу. Джону уже было девять лет, он выглядел как настоящий турок. Его братья тоже носили национальную одежду, игрушечные сабли крепились к их поясам.

— Прими наши поздравления, отец, — сказал Джон и поклонился.

Братья последовали его примеру.

Энтони обнял детей, но смотрел не на них, а на Барбару.

— Я должна поздравить тебя, — грустно сказала она. — В Истанбуле говорят только о твоей победе.

— Это скоро пройдет, уверяю тебя. Отошли мальчиков.

Она нахмурилась в недоумении.

— На несколько минут, — добавил Энтони.

— Дети, ваш отец хочет побыть один, — сказала Барбара и хлопнула в ладоши.

Мальчики поклонились и нехотя вышли из комнаты.

— У нас замечательные дети, — сказала Барбара. — Юные Хоуки. Ты будешь гордиться ими.

— Я горжусь ими. — Энтони обнял жену и поцеловал в губы. — Я совершил ужасное преступление.

— Я не предполагала, что ты согласишься с моим мнением, — нахмурилась Барбара.

Жена оставалась в его объятиях, пока Энтони рассказывал о предательской резне. Потом она освободилась и спросила:

— И ты сделал это?

— Нет. Я хочу, чтобы ты верила мне. Но мои «неограниченные» полномочия закончились сразу, как цитадель была сдана.

— И ты не протестовал?

— Я протестовал, но меня связали как пленника.

Барбара была ошеломлена. Она всегда считала своего мужа самым сильным человеком на земле.

Она упала на диван.

— Я приговорен к пожизненному домашнему заключению, — продолжал Энтони.

— Что ты собираешься делать?

— Покинуть это место. Ты должна быть со мной.

— Покинуть Константинополь? — спросила она с сомнением в голосе. — Чтобы мои родители страдали из-за меня?

— Твои родители мертвы. Их казнили по приказу султана две недели назад.

— И ты ничего не сказал! — в отчаянии выкрикнула Барбара.

— Я не знал. Теперь ты пойдешь со мной?

Глаза Барбары наполнились слезами. Последний раз она видела Пьетро и Беатриче Корнаро несколько месяцев назад — в день их заключения в тюрьму, но они каждый день обменивались посланиями. Она не зарыдала, а сказала просто:

— Я пойду с тобой на край земли, мой господин, если ты отомстишь за мертвых.

— Это я и собираюсь сделать. Но сначала нужно спасти живых.

— Если ты умрешь, умрем мы все, — сказала она. — Было бы лучше, если бы мы сделали это вместе.

Энтони сел рядом с ней и взял ее за руки.

— Куда мы направимся? — спросила Барбара.

— В Венецию.

— Энтони! Там тебе отрубят голову.

— Значит, тебе придется спасать меня. Кажется, твой дядя сейчас дож?

— Алвизо Мочениго? Я ничего не знаю о нем так же, как и он обо мне.

— Но по крайней мере он вспомнит твою мать — свою собственную сестру. Ты скажешь ему, что я многое могу предложить христианскому миру, что многое знаю о турках и их намерениях. И особенно о турецком флоте.

— Кто поедет с нами? — решительно спросила Барбара.

— Мальчики, конечно, моя мама, Айша и Халил. Яхта очень мала.

— Ты хочешь сказать, что мы отправимся в путь на твоей яхте?

— Нет турка, который лучше меня водит корабли, а когда я на коне... многие равны мне. К тому же у нас дети.

— Они будут преследовать тебя на галерах.

— Пожалуйста, пусть пытаются. Август — месяц ветров.

— Мои служанки?.. Я должна взять служанок.

— Всех?

— Их всего три. Они венецианки, Энтони. Я не могу оставить их здесь на растерзание янычарам.

— Им придется работать на судне.

— Они с охотой будут выполнять любую работу.

В дверь постучали.

— Входите, — сказал Энтони.

Фелисити и Айша неуверенно вошли, сопровождаемые Халилом.

— Закрой дверь и постереги, Халил, — сказал Хоквуд.

Слуга повиновался.

Фелисити посмотрела на Барбару, затем оглядела комнату в поисках детей.

— Что происходит, Энтони? — спросила она.

— Сядь, мама.

Женщины сели рядом с Барбарой.

— Слушайте меня внимательно, — сказал Энтони и объяснил, что уже случилось и что должно произойти в будущем.

Фелисити побледнела, Айша в ужасе схватилась за горло.

— Я решил, что мы должны оставить Истанбул и уйти на Запад. — Энтони внимательно смотрел на них, пока говорил. — Барбара согласна со мной.

— На Запад... — прошептала Фелисити. — Это была ее давнишняя мечта, которая теперь могла сбыться. — Удастся ли нам это?

— Да, я верю в это. Если нет — мы умрем. Но если мы останемся здесь, мы все равно умрем.

— Ты хочешь бросить султана? — в ужасе спросила Айша. — Султан — хозяин всего. Если ты покинешь его, станешь предателем! Все тогда будут против тебя.

— Я должен пойти на этот риск.

— Мой господин, — взмолилась Айша, — ты не можешь сделать это.

— Я должен.

— Тогда оставь меня здесь.

Они смотрели друг на друга.

— Я не могу сделать это. У меня должен быть запас времени.

— Ты думаешь, что я предам тебя?

— Они вырвут из тебя сведения каленым железом, Айша, — сказал Энтони и обернулся к слуге: — Халил, ты со мной?

— Ты мой хозяин, — ответил Халил.

— Тогда достань веревки, чтобы связать Айшу.

Халил вышел из комнаты.

— Ты допустишь это? — Айша умоляла Фелисити.

— У моего сына нет выбора. У нас нет выбора. — Фелисити повернулась к Энтони: — Когда мы уходим?

— В полночь, — сказал он. — Возьмите с собой лишь смену одежды. Барбара, предупреди служанок и мальчиков за час перед уходом.

— Но они уже лягут спать...

— Придется их разбудить. Мы не можем рисковать...

Барбара кивнула, она была бледна, но настроена решительно.

Внезапно Айша бросилась к окну. Энтони не знал, что у нее на уме. То ли она будет просить помощи, то ли совершит самоубийство. Он быстро схватил ее в охапку и отбросил назад. Она вырвалась и ударила его, прерывисто и со свистом дыша. Затем Айша попыталась оттолкнуть Энтони, но он схватил ее за руки так, что она не могла двигаться. Через мгновение она обессилела.

— Что с ней будет? — спросила Барбара.

— Она успокоится, — заверила Фелисити, — когда все будет позади.

Вскоре вернулся Халил. Айшу связали, вставили кляп в рот и положили на диван. Глаза ее метали молнии гнева и ужаса.

Энтони принялся собираться в дорогу. В первую очередь необходимо было взять деньги; золотые монеты поместились в два кожаных мешка. Он не ждал милостыни от венецианцев, его семья должна будет

жить на что-то, пока он не добьется нового назначения.

Энтони знал, что на яхте есть кое-какая еда и вода, но приказал Халилу набрать свежих продуктов и постараться не вызывать подозрения у других слуг. Будущее, такое определенное и устроенное, каким оно казалось несколько месяцев назад, теперь вырисовывалось темной тропинкой, окруженной опасностями и неожиданностями.

Энтони был так занят сборами в дорогу, что крик муэдзина удивил его. Он подошел к окну, выглянул наружу. Он хотел закричать от радости, хотя это был обычный августовский вечер. Весь день стояла невыносимая жара, с моря дул сильный ветер. Теперь ветер утих, но на севере появилась гряда облаков, которая обещала, что вскоре подует ветер, возможно даже сильный.

Как обычно, они поужинали и, как обычно, пошли отдыхать; слуги не обратили внимание на то, что за столом не присутствует Айша.

Энтони лег к Барбаре, поскольку Айша все еще лежала на диване в его спальне.

— Я всегда мечтала о приключениях рядом с тобой, — сказала Барбара, обнимая мужа.

— Значит, твои мечты сбываются.

Перед полуночью Энтони попросил Барбару собрать своих служанок, а сам отправился в свою спальню за оружием и деньгами. Айша враждебно смотрела на него.

Энтони хотел взять еще несколько слуг, поскольку предстоял долгий и опасный путь, но яхта была рассчитана только на шестерых. Уже и так набралось шесть женщин и трое детей. К тому же он не был уверен в преданности остальных людей и не знал их реакцию на его решение покинуть султана.

Но на одну из своих молитв Энтони получил ответ. С Черного моря дул сильный ветер, завывающий среди минаретов Истанбула.

— Мы действительно можем выйти в море при такой погоде? — спросила Барбара.

— Для нас это просто спасение, — уверил он.

Вскоре Энтони разбудил Фелисити, которая, на удивление, глубоко спала. Халил уже проснулся. Все собрались в спальне Энтони, пока Барбара поднимала сыновей.

— Что происходит, мама? — сонно спросил Джон.

— Нас ждет путешествие, — сказала Барбара. — Мы совершим его тайно.

— А папа?

— Папа поведет нас.

При входе во дворец всегда стоял слуга. Халил и Энтони пошли вперед, чтобы уладить эту проблему. Человек вскочил при виде своего хозяина, но, прежде чем он успел вымолвить слово, Халил ударил его по голове; тюрбан самортизировал удар.

— Лучше его убить, челеби, — предложил Халил. — Вскоре он придет в себя и поднимет тревогу.

— Я не буду убивать моих людей.

Связав стражника, они положили его во дворе, и Хоквуд вернулся за женщинами.

Он поднял Айшу на плечо, мальчики смотрели на отца удивленными глазами.

— Теперь пошли, — сказал Энтони. — И помните — ни звука.

Служанки были, вероятно, напуганы, и Энтони подумал о кляпах, но решил положиться на их понимание, что, если побег провалится, они тут же попадут на рынок рабов.

Он пошел вниз, мать шла рядом. Барбара и дети следовали за ней. Служанки и Халил завершали шествие. Все были завернуты в хаики, а женщины одели чаршафы.

Они спускались по холму. Ветер окреп настолько, что срывал с них одежды. Надвигавшаяся буря заставляла людей сидеть дома. Таким образом, они встретили всего несколько любопытных взглядов, но никто не обращался к ним.

В бухте ветер сбивал мелководье в барашки, а пришвартованные лодки и корабли поднимались и падали на волнах, скрипя тросами.

Над всем этим висела абсолютная темнота.

Яхта Хоук-паши стояла у своего причала в одном из многочисленных доков на берегу Галаты. Приближаясь к ней, беглецы увидели вооруженного человека в красно-голубой униформе; перо цапли было воткнуто в его тюрбан. Он сидел как раз напротив прохода.

— Кто вы? — спросил янычар, поднимаясь со своего места.

Энтони поставил Айшу на землю. Барбара обхватила арабку. Та сумела издать лишь резкий звук, моментально заглушенный ветром. Энтони обнажил саблю и сделал шаг вперед.

— Я Хоук-паша, ты охраняешь мою яхту, — сказал он.

— Тысяча извинений, мой господин, — сказал человек, — но мне было сказано, что никто не может взойти на судно этой ночью.

— Тогда тебе придется умереть, — прорычал Энтони. Он взмахнул саблей, и, прежде чем янычар смог защитить себя, голова его была снесена с плеч. Безжизненное тело упало в воду.

Женщины замерли. Ни одна из них прежде не видела Энтони, действовавшего так жестоко.

Энтони поторопил их на борт.

— Идите вниз, — сказал он, — и оставайтесь там. Халил и я справимся пока сами. Когда ветер спадет, понадобится ваша помощь.

Барбара взглянула на воды Босфора, покрытые мелкими барашками. Раньше они выходили в море только в хорошую погоду.

— Я боюсь, — впервые призналась она.

Энтони обнял жену и прижал ее к себе.

— На это нет причин, — сказал он.

— Ты говоришь так, потому что не один раз переживал отчаянные минуты. В твоей жизни так много того, чего я не разделила с тобой.

— За это ты должна благодарить судьбу, — сказал Энтони. — А теперь ступай к мальчикам и успокой их.

Хоквуд и Халил подтянули паруса, двигаясь вдоль дока. А потом отпустили их, и маленькое судно приподнялось на наполненных ветром парусах. Несколькими взмахами сабель они разрубили швартовые тросы, и яхта отошла от берега и легла на курс.

Энтони схватился за румпель. Халил оставался на носу, высматривая неожиданную опасность, которая могла поджидать их до выхода в Босфор. Энтони настолько хорошо знал Золотой Рог, что мог плыть вслепую.

Северным ветром относило яхту на юг, он кренил ее на правый борт. Из каюты донесся тревожный вскрик, женщины схватились друг за друга в отчаянном страхе. Мальчики собрались у люка и оживленно шептались.

Яхту вынесло из Золотого Рога, и Энтони оставил руль. Она шла по ветру по водам Босфора, перекатывая через низкие волны.

— Не слишком ли много парусов, челеби? — спросил Халил, поднявшись наверх.

— Возможно. Но мы не сбросим их до Мраморного моря. Мы не знаем, насколько оторвались от преследования.

Яхта набирала скорость. Она спокойно двигалась на всех парусах, не боясь ни сильного ветра, ни волнения моря. Но Энтони знал, что все будет по-другому, если им придется галсировать. Через полчаса яхта вошла в воды Мраморного моря, и сразу все изменилось. Волны стали выше и мощнее. Теперь надо было придерживать яхту, чтобы она не зачерпнула носом воду, не потеряла рулевое управление... В противном случае она станет неконтролируемой. Следовало держать яхту так, чтобы волны разбивались о корму.

Халил еще подтянул паруса, и яхта начала уходить от шторма. С трудом поворачивая штурвал, Энтони направлял яхту против волн, чтобы не зачерпнуть кор-

мой волну. Потом приходилось возвращаться обратно, чтобы не сбиться с курса, и тогда волны настигали их и могли опрокинуть судно.

Сражение мускулов и разума с силами природы захватило мужчин. Они переглядывались и громко смеялись, когда благодаря особенно ловкому, умелому повороту руля судно проскальзывало по громадной волне, не зачерпнув воды.

Ближе к рассвету Фелисити поднялась на палубу.

— Мне кажется, что теперь наши путешественники чувствуют себя получше, — сказала она. — Более уверенно. — Она посмотрела в темноту, прочерчиваемую вспышками молний. — Мы спасены? — спросила она.

— В любом случае мы ушли из Истанбула, — сказал Энтони.

— Твой отец рассказал мне, что первые Хоквуды пытались выйти из города в такой же шторм и их прибило к анатолийскому берегу. На самом деле эта история о том, как наша семья попала на службу к туркам. Не сделала ли история полный круг?

— Это больше не повторится, — пообещал Энтони.

— Это случилось сто двадцать один год тому назад, — размышляла его мать. — Можно ли считать эти годы потерянными?

— Возможно, мои предки выбрали неверный путь для доказательства своей преданности. Так же, как и я...

— Я знала, что этот день настанет. — Фелисити сжала руку сына.

— Нам еще надо дожить до завтра, — мрачно улыбнулся Энтони.

К рассвету ветер спал и, хотя море оставалось неспокойным, опасность бури миновала. К большой радости женщин и детей Энтони разрешил им подняться на палубу. Ночью всех тошнило, и теперь в каюте стояло зловоние. Барбара приказала служанкам вымыть ее.

Угрозы шторма больше не было, и Хоквуд мог сконцентрироваться на реальной угрозе их положения. Северным ветром их несло по волнам Мраморного моря, яхта делала по шесть узлов в час. К полудню на горизонте показался остров Мармара, мимо которого им надо было проскочить, чтобы попасть в Дарданеллы. На Мармаре была база эскадры галер, и одна галера всегда несла патруль. Энтони выбросил свой флаг. Яхту хорошо знали в прибрежных водах, и новости о том, что случилось вчера в Истанбуле, еще не дошли так далеко. Галера отсалютовала, когда яхта проплывала мимо. Энтони с тревогой смотрел на турецкого моряка, наблюдавшего за движением их маленького судна.

Вскоре остров остался позади, и с наступлением вечера им открылся вид на горы по обеим сторонам Дарданелл.

Здесь им необходимо пополнить запас воды и еды, пока есть такая возможность. Той, в спешке собранной Халилом провизии вряд ли хватит надолго.

Они вошли в бухту Галиполи ближе к ночи. Энтони поднял из постели одного из торговцев, сославшись на срочное поручение султана, и приказал ему открыть лавку. Никто не мог ослушаться Хоукпашу, провизию быстро собрали. Халил наполнил фляги водой.

Вскоре после полуночи они отплыли и миновали Дарданеллы на рассвете.

В Эгейском море дул обычный летний ветер: спокойный — ночью, но довольно сильный, северный — днем. Яхта могла делать сотню миль в день, и вскоре после выхода из Дарданелл они попали в проход между островами Андрос и Эвбея, миновав который направились на юг к мысу Малеа на южной оконечности Пелопоннесского полуострова. Они дошли сюда на четвертое утро после выхода из Дарданелл и на седьмой день после того, как покинули Истанбул.

Обогнув мыс, они сделали остановку, чтобы набрать воды и купить еды. Местные крестьяне продали им провиант за золото Хоквуда.

Все на борту, за исключением Айши, были в наилучшем расположении духа. Морская болезнь была забыта, и побег, когда-то казавшийся столь ужасным, превратился теперь в захватывающее путешествие. Все были уверены в скором спасении. Лишь Энтони знал большее. Пока они плыли на юг или юго-запад, а ветер оставался свеж, яхта двигалась быстрее всадника или весельного судна. Таким образом, если даже галеры отправились за ними в погоню, у беглецов все равно есть преимущество.

Но гонцы были посланы и на запад. От Истанбула до Коринфского залива около пятисот миль. Делая не больше семидесяти миль в день, всадник мог достичь Лепанто через неделю. А значит, и турецкий флот...

Время это давно вышло, а яхта Хоука даже не начала свой путь на север к Адриатике.

Энтони уже почти собрался направиться прямо к Италии и оттуда к Мессинскому проливу, где собирался христианский флот. Но его могли схватить и тут же повесить как предателя, — испанцы слишком хорошо знали его как помощника Драгута.

Только в Венеции и только благодаря имени его жены и сильным связям у Энтони был шанс, что его примут как друга. Но что будет после того, как венецианцы узнают правду о Фамагусте... Другого пути у него не было.

Путь из Малеа до острова Закинтос занял два дня. Хоквуд старался не пользоваться проходами между Ионическими островами, хотя они были укрыты от холодных северных ветров или жестких северо-восточных, что дули с Балкан на Адриатику. Среди островов он мог наткнуться на турецкий патруль из Лепанто.

Али-паша также сказал, что турки патрулировали пролив Отранто, отделявший «каблук» Италии от Албании, — это должно было послужить причиной переговоров.

Вдобавок к этим опасностям ветер начал стихать. Когда он хоть как-то дул, то шел с севера, в нужном им направлении, так что их проходу была необходима последовательность галсов, как отнимающих время, так и изнуряющих.

К счастью, необычный экипаж к этому времени стал довольно опытным. Мальчики драили палубу и были счастливы, что находятся в море со своим блистательным отцом. Служанки научились справляться с тросами. Фелисити и Барбара с обветренными на солнце лицами работали наравне с остальными.

Лишь Айша, теперь уже развязанная, сидя на палубе, молчала и не радовалась их успехам. Энтони надеялся, что она выйдет из депрессии, когда поймет, что они наконец ушли от турецкого преследования.

В сумерках того дня, когда они впервые увидели Закинтос и горы Кефалинии, из-под укрытия острова в их сторону медленно направилась галера. Ветерок спал, и маленькая яхта перекатывалась на волнах, но вперед продвигалась незначительно.

Галера все еще находилась на значительном расстоянии, но в том, что она очень скоро приблизится, не было сомнений.

Не было возможности пройти мимо; флот в Лепанто к этому времени уже знал о побеге Хоук-паши и получил строжайшие указания вернуть его обратно. Энтони установил длинные весла. Он взялся за одно с Барбарой и ее служанкой. Весла медленно двигались вперед, разрезали воду, потом их поднимали после того, как они уходили под воду. Эта процедура должна была выполняться в точном ритме с другой командой и сначала шла не споро. Команды по очереди нарушали ритм, и гребцов выбивало на палубу.

Но постепенно они приспособились, и яхта начала двигаться быстрее, но далеко не так быстро, как галера.

— Когда-нибудь подует ветер? — в тревоге спросила Барбара.

Хоквуд посмотрел на небо. Клочья темных облаков двигались с албанского берега.

— Да, — сказал он. — Думаю, подует. Все зависит от того, насколько скоро.

Наступил вечер. На яхте не зажгли огонь, и им удалось скрыться из вида. Но вскоре галера подошла очень близко, приблизительно на расстояние всего восьми миль, как прикинул Хоквуд. Она делала около шести узлов в час по сравнению с их двумя и вскоре могла настигнуть беглецов.

А ветер по-прежнему был слабым.

— Что нам делать, Энтони? — спросила Фелисити.

— Встать на колени и просить Аллаха, чтобы султан простил нас, — сказала Айша впервые за тот день.

Путники постарались не обращать внимание на ее слова.

— Только смелый шаг может спасти нас, — уверил их Энтони. — Мы скрылись из их видимости, луна еще не поднялась. Перестаньте грести и опустите весла.

Женщины были счастливы выполнить этот приказ. От усталости они повалились на палубу.

— Теперь разворачиваемся, Халил, — сказал Энтони, взяв ведущее весло.

Халил в недоумении посмотрел на хозяина. Фелисити подняла голову и удивленно взглянула на сына.

— Это единственное, чего от нас не ждут, — объяснил Хоквуд.

Халил вручную передвинул длинное треугольное бревно, а Энтони положил штурвал.

Маленькое судно развернулось почти на сто восемьдесят градусов. Ветер был северным, поэтому оно сразу набрало скорость и пошло на юг.

Ночь была совершенно тихой, и единственным звуком был шелест воды у корпуса яхты. Но вдруг до них донесся отдаленный звук барабанного боя и гром-

кий всплеск шестидесяти весел, одновременно погружающихся в воду. Через несколько минут воздух наполнился ужасным запахом рабов. Наверное, отдыха этой ночью не будет.

Энтони услышал царапанье металла о гнилое дерево, мелькнул свет. В темноте трудно было различить, кто зажег фонарь, но он и так точно это знал...

Они с Халилом действовали вместе. Хоквуд бросил штурвал и метнулся к люку, где затаилась Айша. Он выбил фонарь из ее рук, как раз когда тот начал разгораться. Халил выбросил его за борт. Энтони крепко держал Айшу, прижав руку к ее рту.

— Они заметили огонь? — спросила Барбара.

Хоквуд напряженно вслушивался. Барабанный бой становился громче, но доносился с разных сторон. Это значило, что галера была у них на траверзе, что она не изменила курса и не двигалась в их направлении.

— Нет, — сказал Энтони наконец. — Они по-прежнему идут на запад или север, но не на юг.

— Что делать с Айшой? — спросила Фелисити.

— Придется спустить ее вниз и связать.

Служанки связали Айшу и бросили в каюту, обращаясь с ней далеко не ласково. Фелисити последовала за ними.

— Мне почти жаль ее, — сказал Энтони.

Барбара промолчала и через мгновение сказала:

— Когда галера не найдет нас, там поймут, что мы изменили курс. Тогда они дождутся утра, поскольку уверены, что в конце концов мы должны пытаться плыть на север?

— Да, — согласился Энтони.

— Чего мы в таком случае добились?

— Молись, чтобы был ветер. — Это все, что Энтони мог сказать.

Они держались выбранного курса до тех пор, пока не стих барабанный бой. Это означало, что галера отошла на несколько миль к северо-западу. Затем яхта снова развернулась. Энтони знал, что Барбара

права, и, если их заметят днем, да еще при слабом ветре, они пропали. За четырнадцать часов дневного света галера настигнет их независимо от того, в каком направлении будут они идти.

Но перед рассветом ветер все-таки подул. Халил был у штурвала. Энтони спал на палубе. Он моментально проснулся, когда яхта дрогнула и начала набирать скорость. Ветер дул с севера, было необходимо галсировать, но, учитывая, что их несло быстрее, чем могла грести любая галера, Энтони был спокоен. Он знал, что скорость военного корабля упадет при волнении на море. Единственный квадратный парус яхты давал возможность только свободному плаванию, а не движению против ветра.

К рассвету море стало неспокойным, ветер усилился.

Левым галсом яхта шла к островам, обрушиваясь в волны, веером выбивая брызги из-под всей длины своего корпуса. Из каюты доносились непрекращающиеся крики. Но Барбара с сыновьями вышла на палубу.

— Там!

Энтони показал, и они увидели силуэт галеры, вырисовывавшейся на западном горизонте. Она находилась более чем в двадцати милях от них, но было ясно, что дозорные видят яхту.

— Она может догнать нас? — спросила Барбара.

— Не сразу. Но нам придется галсировать еще несколько миль. Это наш единственный шанс. — Он посмотрел каждому в лицо. — Мы должны это преодолеть.

Он продолжал плыть таким образом так долго, как только мог, пока северо-восточная часть Кефалинии, казалось, уже висела над ними и риск здесь был тот, что другая галера могла выйти от островов и загнать их в ловушку. Но Энтони знал, что в такую погоду люди могут отказаться выйти в море.

Обернувшись на преследователей, Энтони сразу понял, что в такую погоду им, очевидно, приходится туго. Если вода обрушивалась на палубу яхты, она

должна была заливать и весельные отверстия галеры. У экипажа вскоре появится гораздо больше других забот, чем преследование беглецов.

Он поднял вверх румпель, и яхта легко развернулась. Теперь она шла быстрее чем когда-либо, правым галсом держа курс на северо-запад.

Новый курс должен был пересечь курс галеры — на каком это будет расстоянии, зависит от того, как быстро яхта может передвигаться. То, что турки поняли, что сейчас им предоставляется последняя возможность, было понятно из суеты на палубе при приближении к ней яхты. На передней палубе Хоквуд различил людей, заряжавших пушки. Вскоре они окажутся в поле обстрела...

Галера поднималась и опускалась на волнах. Ее нос был огромным и обшитым металлом, блестевшим в утреннем солнце, поэтому пушки не могли стрелять напрямую. Нужно было хорошенько прицелиться по яхте, к тому же запалы постоянно гасли. Еще туркам пришлось потратить полтора часа на перезарядку. На все это уходило время.

«Хоук» проскочил вперед, и расстояние между двумя суднами уменьшилось. Галера двигалась на веслах. Энтони представил себе, как рабы налегают на весла, лопасти которых рассекали больше воздух, чем воду. Боцманы в гневе размахивают плетьми, а офицеры выкрикивают приказы, которые невозможно выполнить.

И все же это длилось недолго. Вскоре первое орудие дало залп, затем второе. Снаряды полетели в разные стороны. Яхта была теперь прямо перед галерой на расстоянии не более полумили: Энтони видел солдат, готовых прыгнуть к ним на борт, как только суда сблизятся.

Барбара, стоя за спиной мужа, вцепилась ему в плечо.

Левая пушка выстрелила. Ядро упало в море не более чем в пятидесяти ярдах от носа яхты. Служанки завыли от ужаса. Еще один выстрел, и они пойдут ко дну.

Раздался залп. Энтони видел людей, суетившихся у пушки, но турки упустили свой шанс.

«Хоук» был у них на траверзе и направился на северо-запад.

— Мы спасены! — выкрикнула Барбара и бросилась в объятия мужа.

— Попроси женщин прекратить этот вой, освободи Айшу, пусть она выйдет на палубу, — сказал Энтони, целуя жену. — Она должна понять, что мы спасены.

Айша вышла на палубу. Ее хаик развевался на ветру. Она смотрела на галеру, которая осталась позади и исчезала из виду.

— Там наши враги, Айша, мы обошли их, — сказал Энтони.

Айша взглянула на него, потом опять на галеру. Затем, подобрав хаик, выбросилась за борт.

Хоквуд был настолько обескуражен, что почти окаменел. Затем он отпустил руль, и яхта легко переменила галс.

Энтони вгляделся в воду, где скралась Айша, но ее нигде не было видно. Он помнил, что Айша не умела плавать.

— Парус! — крикнул он Халилу, который мгновенно выполнил приказ хозяина.

Яхта направилась на поиски Айши.

— Энтони! — в тревоге закричала Барбара.

Галера была совсем близко.

Хоквуд всмотрелся в темную воду, и яхта легла на прежний курс.

Вновь раздался залп. Ядро не долетело до цели...

— Энтони, — молила Фелисити, — Айша мертва. Ради Бога, подумай о живых.

Энтони посмотрел на море, но Айши видно не было.

Он вздохнул и снова поднял руль. Халил наладил парус, яхта переменила галс.

— По мнению Айши, я предал священную веру, — сказал Энтони.

— Тебе не в чем упрекнуть себя, господин мой.

— Да, это так, — согласился Энтони. — Просто прибавилась еще одна смерть, за которую я должен отомстить.

Экипаж яхты был ошеломлен неожиданной трагедией. Мальчики сникли, они любили Айшу и доверяли ей. Энтони был удручен сильнее всех, ведь Айша посвятила свою жизнь ему.

Но времени горевать не было. Погода останется плохой еще несколько дней, и это только на пользу беглецам. На другой день они миновали пролив Отранто. Затем, сделав несколько длинных галсов, длившихся иногда по двенадцать часов, дошли до Адриатики. Море волновалось, вода много раз заливала каюту, и тогда экипаж начинал вычерпывать воду. Запас пищи подходил к концу, и вскоре им пришлось урезать порции еды и воды. Но ни силы природы, ни испорченные желудки не могли погасить их радость, когда на седьмой день после самоубийства Айши они увидели купола собора Святого Марка.

На яхте не было опознавательных знаков, но необычность ее формы выдавала то, что она не венецианского происхождения. У входа в лагуну их уже ждала патрульная галера. Венецианцы, вероятно, помнили рейд Али-паши месяц назад.

— Откуда вы? — спросил кто-то с галеры. — Как зовут вашего капитана?

Энтони сделал шаг вперед, его голова была непокрыта, поэтому рыжие волосы разлетались на ветру.

— Я Энтони Хоквуд! — крикнул он. — Известен как Хуок-паша. Я из Истанбула.

На галере возникло замешательство. Наверное, они решили, что их враг шел впереди турецкого флота.

— Зачем ты прибыл сюда? — в конце концов прокричал капитан.

— Я хочу говорить с дожем, — ответил Хоквуд.

Замешательство продолжалось. Теперь флаги были замечены с берега и оттуда им навстречу спешила галера.

— Тогда направляйтесь к центральному причалу и пройдите вдоль него, — проинструктировал капитан.

Энтони поднял руку, показывая, что понял, и вернулся наверх, чтобы взять ведущее весло у Халила.

Женщины с интересом наблюдали за суматохой, вызванной появлением яхты. Теперь такой же переполох начался среди них, они направились в каюту за хаиками. Европейские одежды Барбары давным-давно были выброшены за борт, теперь она носила турецкие шаровары и просторные кофты.

Хоквуд никогда прежде не бывал в Венеции. Острова, мимо которых лежал его путь, находились довольно низко над уровнем моря и обозначались лишь своими крепостями. Сам город, казалось, вырастал из моря. Приблизившись, Энтони увидел, что фундаменты зданий фактически находятся в воде Большого канала. Даже площадь Святого Марка, на которой возвышался огромный собор, находилась лишь в нескольких футах над уровнем моря, и сильный восточный бриз мог, очевидно, затопить ее.

Энтони охватило дурное предчувствие. Неужели он рисковал и с таким трудом выжил для того, чтобы спасти свою семью, а самому лишиться головы?

Город был небольшим, и слухи о прибытии Хоквуда, очевидно, быстро распространились. Самые разнообразные маленькие суда причудливых форм с поднятыми носами, но без палуб, движущиеся при помощи одного весла, начали появляться в каналах и даже у причала. Вскоре площадь заполнилась людьми, спугнувшими голубей, которые разлетелись в разные стороны.

Среди ротозеев появились и солдаты, одетые в голубую с черными полосками униформу, вооруженные пиками и мечами, в стальных шлемах с забралом и заостренной верхушкой.

Хоквуд точно определил расстояние, Халил развернул бум по команде, опустил фал, и парус облаком упал вниз.

Яхта легко шла вдоль причала, на краю которого ее встретили солдаты. Их капитан обратился к Энтони:

— Это ты, кто называет себя Хоук-пашой?

— Да, — сказал Энтони.

— Ты пойдешь с нами. Я отведу тебя к дожу.

Хоквуд кивнул и ступил на берег.

— Подождите! — окликнула его Барбара. — Я пойду вместе с ним. Дож — мой дядя.

— Я получил распоряжение только насчет Хоук-паши, госпожа, — настаивал капитан.

— Лучше поищи родственников, — посоветовал Энтони жене.

— Допустим, я даже найду их... — пробормотала Барбара, глядя на толпу, заполнившую площадь. Можно было не сомневаться, что испытают люди, узнав о событиях в Фамагусте...

Хоквуд в сопровождении солдат быстро прошел сквозь гудящую толпу, затем поднялся по широкой лестнице, которая вела на галерею дворца дожа. Здесь собралась знать, мелькнуло несколько знакомых лиц; вероятно, купцов, торговавших в Истанбуле, или бывших послов в Османской империи.

— Хоук-паша... — зашептались они, узнав его по рыжим бороде и шевелюре.

На площадке лестницы находилось несколько пожилых мужчин.

У стоявшего в центре была длинная белая борода, его голову украшала странная шапочка скорее в еврейском стиле, только более изысканная. Весь вид этого человека свидетельствовал о властности.

— Приветствую тебя, господин мой дож, — сказал Энтони кланяясь.

Алвизо Мочениго пристально смотрел на него.

— Как ты осмелился, Хоук-паша, явиться сюда в разгар войны между нашими странами? Не должен ли я повесить тебя выше самого Хамана?

— Я могу многое предложить вашей светлости, — сказал Энтони.

— Говори, — после паузы сказал дож.

— То, что я скажу, адресовано только твоим ушам.

— Мои уши — уши Совета Десяти, — произнес Мочениго. — Ты будешь говорить со всеми или ни с кем.

Хоквуд поклонился. Другого он и не ждал.

Его провели в зал для совещаний. Члены Совета Десяти устроились на стульях с высокими спинками. Дож сел во главе стола. Хоквуд стоял перед ними.

— Говори, — приказал дож.

— Во-первых, господа, — сказал Энтони, — пообещайте мне, что моя семья будет в безопасности.

— У тебя здесь нет никаких прав, турок, — прорычал один из присутствующих.

— Пока я не буду уверен в их безопасности, я буду молчать, — резко ответил Хоквуд.

— Ха! Мы посмотрим, как долго ты будешь молчать, когда тебя вздернут на дыбе.

— Ваша светлость, — Энтони обратился к дожу, — моя семья не виновна в тех преступлениях, которые я совершил. Моя жена венецианка, к тому же она твоя племянница.

— Наверняка ты взял против ее воли! — раздался гневный выкрик.

Хоук собрал волю в кулак и решил не выходить из себя.

— Об этом вам надо спросить мою жену, господин мой. Но твои слова только подтверждают мою мысль, что она ни в чем невиновна. Так же, как ее три сына.

— Достаточно, — сказал Мочениго. — Им не причинят вреда. Даю тебе слово. Их отошлют во дворец Корнаро.

— Этот парень — большой наглец, — сделал вывод один из присутствующих.

— Он вправе заботиться о семье, — сказал Мочениго, вероятно подумав о том, что Барбара и ее дети являются его родственниками. Он позвонил в

колокольчик, его секретарь появился в дверном проеме. Мочениго отдал распоряжение.

— Мы сделали, как ты хотел, Хоук-паша, — сказал дож. — Теперь настала твоя очередь...

Энтони глубоко вздохнул и посмотрел вокруг себя на враждебные лица.

— Новости плохие. Фамагуста пала. Кипр принадлежит Селиму.

— Когда это случилось? — спросил Мочениго, вопросом прервав гул голосов, наполнивший зал.

— Менее двух недель назад, ваша светлость.

— У нас нет известий об этом.

— Султан довольствуется тем, что вы узнаете все в нужное ему время.

— А ты его посланник... — сказал Моченего. — Ты будешь уговаривать нас сдаться?

— Наоборот, ваша светлость. Я оставил службу у султана. Султан ненавидит меня больше, чем любого венецианца.

— Это — обман, — сказал кто-то. — Скажи прямо, человек, что случилось в Фамагусте? Крепость была неприступна...

— Ни одна крепость не может быть неприступной. Гарнизон держался, пока не вышли запасы пищи и боеприпасов. Затем Бригадино сдался на определенных условиях. — Энтони вновь тяжело вздохнул. — Но турки нарушили свои обещания, защитники Фамагусты были вырезаны. Переговоры об условиях сдачи вел... я сам, — тихо произнес Хоквуд.

Шорох пронесся вокруг стола, люди напряглись.

— И у тебя хватает наглости признаваться в этом? — почти крикнул Мочениго.

— Да. Потому что я не нарушал этих условий. В момент, когда гарнизон сложил оружие, меня сместили. Поэтому я покинул службу султана. Честь моя была опорочена.

— И все же ты пришел к нам, — размышлял Мочениго. — У тебя наверняка есть основание для этого... потому что тебе хорошо известно, что такое вероломство не прощается.

— Я пришел, потому что жажду мести не меньше, чем ты. Я пришел предупредить тебя, что, если флот, собирающийся в Мессинском проливе, будет распущен, христианский мир окажется в беде. На следующий год турки вновь пойдут на Вену, а галеры Али-паши появятся в твоей лагуне. Турок необходимо остановить сейчас — и лучшей возможности у тебя не будет. Дай мне флот, я сам сражусь с Али-пашой. Я знаю этого человека. Я могу это сделать, господа, — настаивал Хоквуд. — Я командовал турецким флотом и знаю, как его можно разбить.

— Ты рассчитываешь, что мы доверим тебе командование нашим флотом, Хоук-паша? — раздался гневный голос.

— Командовать будет не Хоук-паша, — в отчаянии заявил Хоук-паша, — командовать будет Энтони Хоквуд.

Мочениго внимательно смотрел на него несколько секунд, а потом сказал:

— Удалитесь, господин, мы должны обсудить ваше предложение.

Сержант охраны вывел Энтони из зала для совещаний в небольшую переднюю. Энтони подошел к окну. Из него открывался вид не на площадь, а на маленький канал, через который был перекинут Мост вздохов.

Через полчаса дверь открылась, и появился секретарь.

— Пройдемте со мной, господин, — позвал он.

Энтони вернулся в зал для совещаний. У него не было ни капли страха или дурного предчувствия. Он скорее чувствовал себя подвешенным во времени, пока не знал приговора.

Он изучал лица людей, сидевших вокруг стола. По ним нельзя было понять результат голосования.

— Энтони Хоквуд, известный как Хоук-паша, — начал речь дож. — Ты известен как смертельный враг христиан. Но в этом городе остались записи, свидетельствующие, что твой предок, Вильям Хоквуд,

посетил нашу республику как посол от Порты. Его принял дож и оказал поддержку. В те времена Венеция и Порта понимали друг друга и были союзниками. Теперь союз разорван по прихоти вашего султана. Мы воюем друг против друга, и ты пришел к нам как враг и, более того, как человек, виновный в отвратительном преступлении. Мы не можем освободить тебя от бремени вины, которое лежит на тебе так же, как на всех турках. Твоя просьба о командовании флотом — чистая наглость. С учетом всех факторов мы решили заключить тебя в тюрьму и казнить. Это начало наших репрессий против турок. Мы будем мстить им за вероломство у Фамагусты.

Глава 21

ДОН

— Приговор будет приведен в исполнение послезавтра на рассвете, — закончил дож.

По удивленным взглядам присутствующих Энтони понял, что обычно смертельные приговоры исполняются немедленно.

Энтони был слишком потрясен, чтобы размышлять, что это могло означать. Он не боялся смерти — всю свою жизнь он находился бок о бок с ней. Его угнетала мысль, что он должен умереть, прежде чем отомстит за свой позор. К тому же это произойдет тогда, когда Запад нуждается в нем.

— Увести заключенного, — приказал Мочениго.

Сержант тронул Хоквуда за плечо. Энтони хотел было что-то сказать, но передумал. Он не станет унижаться, умоляя этих высокомерных недальновидных правителей.

Хорошо хоть, что его не отдали на растерзание толпе, а вывели по коридору к мосту, который был перекинут через канал и сквозь плотный узор боковых решеток которого никто не мог заметить его, а тем более узнать.

Хоквуд знал, что вряд ли кто-нибудь придет ему на помощь, скорее все будут приветствовать решение о его казни.

По ту сторону моста он обнаружил, что находится в другом здании. Он спустился на несколько пролетов лестницы и оказался в камере, которая станет его последним прибежищем на земле. При мысли о том, что ему предстоит провести здесь лишь двадцать четыре часа, Энтони становилось легче. Камера находилась ниже уровня канала, в ней стоял затхлый запах. Здесь было очень сыро, единственными звуками, нарушавшими тишину, были шлепанье капель (пол на два дюйма покрывала вода) и шуршание крыс.

Но холодно в середине августа здесь не было...

Энтони развязали руки, но заковали лодыжки. Руками он мог разгонять крыс, но любое движение по камере причиняло ему боль.

Надсмотрщик вскоре принес довольно приятную пищу, в основном макароны, а также вино и воду. Похоже, что его будут пытать — другую причину, по которой Мочениго отложил на день его казнь, было трудно представить. Хоквуд поймал себя на том, что думает, как поведет себя, когда предстанет перед дыбой или топором. Он вспомнил Баязида: еще одно свое преступление, выполненное во имя султана.

В камере не было ни одного окна, и Энтони подумал, что свечка вскоре погаснет. Он сел на тяжелый металлический шар, к которому был прикован цепями, перекатив его в самый сухой конец комнаты. Здесь он какое-то время чувствовал себя относительно удобно, правда, ноги оставались мокрыми. Крысы рассматривали Энтони с некоторого расстояния, надеясь напасть на него во время сна.

Сидя у стены, Энтони думал о Барбаре и сыновьях. Ему пришлось поверить, что Мочениго сдержит

слово и отошлет их в безопасное место во дворец Корнаро... и что Барбару примут в семье. Если это произойдет, значит, три сына вырастут и послужат Венеции и христианскому миру.

От усталости и напряжения Энтони задремал и проспал почти весь день. Он проснулся от того, что свалился с шара и упал в воду. Крысы с визгом бросились врассыпную.

Свеча догорела. Энтони немного постоял, надеясь, что его одежда быстрее высохнет. Затем услышал звук отодвигаемой защелки.

Вряд ли он пробыл в камере двадцать четыре часа, значит, скорее всего его будут пытать.

Он смотрел на открывающуюся дверь и слышал, как гулко бьется его сердце.

Вошел тюремщик с фонарем в руках. Его сопровождал какой-то пожилой, богато одетый человек. Его лицо, обветренное и обожженное солнцем, было грубым.

Хоквуд сразу понял, что перед ним моряк, такой же, как он сам. Да и кем еще мог быть этот человек...

— Хоук-паша! Для меня большая честь находиться рядом с тобой, — сказал человек и представился: — Я Себастьяно Виньеро.

— Примите уверения, что я чувствую то же самое, — ответил Энтони. Он знал, что адмирал Виньеро командовал венецианским флотом и, несмотря на свои семьдесят пять, был решительным воином.

— Ты действительно покинул султана и намерен воевать на нашей стороне? — спросил Виньеро.

— Я надеялся на это, — Хоквуд посмотрел на закованные ноги, — но, кажется, у меня нет возможности.

— Расковать его! — приказал Виньеро и показал тюремщику какой-то пергамент.

Тюремщик, посмотрев на печать, снял с пояса ключи и наклонился, чтобы отомкнуть цепи.

— Тебе не причинили вреда? — спросил Виньеро.

— Нет, монсиньор.

— Хорошо. Тогда ступай со мной.

Пройдя по нескольким коридорам, Энтони, в конце концов, оказался во дворе. Здесь его ждали какие-то люди, они дали ему просторный плащ.

— Завернись в плащ и держи его покрепче, — предупредил Виньеро. — Ты должен скрыть свою бороду.

Теперь Хоквуда проводили по ступенькам к каналу, где его ждала гондола. Вместе с Виньеро они сели в нее, и лодку оттолкнули от берега. Несколько мгновений Энтони наслаждался солнечным светом, пробивавшимся сквозь ряды домов по обе стороны канала.

— Пойми, — предупредил Виньеро, — если ты сбежишь от меня, то встретишь свою смерть здесь, в Венеции.

Хоквуд кивнул. Его интересовало, что последует дальше.

Гондола пересекла канал, они поднялись на берег по ступенькам, поднимавшимся прямо из воды, и оказались перед распахнутой дверью. Хоквуд обнаружил, что находится в бесконечно длинном коридоре, наполненном водой и крысами.

Они еще раз поднялись по ступенькам и прошли через какой-то зал, освещенный полуденным солнцем. Наконец они оказались в маленькой комнате, стены которой были заставлены книжными полками; посреди комнаты стоял огромный стол, заваленный бумагами.

За столом сидел Алвизо Мочениго.

— Извини за эту головоломку, синьор, — сказал дож. — Но это было необходимо. Садись.

В комнате было еще два стула. Одежда Хоквуда оставалась липкой от сырости, поэтому он сел на краешек одного из них. Виньеро занял другой.

— За то, чтобы тебя казнить, проголосовало на два человека больше, — сказал Мочениго. — Если я хочу оспорить решение большинства Совета Десяти, то должен привести самые веские доказательства. Я случайно узнал, что люди голосовали не столько

против тебя, сколько за то, чтобы разорвать союз, который мы подписали с папством и Испанией. Они хотят положить конец нашим потерям и вновь заключить мир с Портой.

Это нельзя назвать малодушием. Трудно изменить отношения, сложившиеся в течение поколений. Многие годы мы союзничали с турками, и среди нас есть люди, которые верят, что наша истинная судьба — быть сторонниками Османской империи. Им кажется, что мы должны сдать Кипр, уступив требованиям Селима, и искать с ним мира...

Я не такой человек, Хоук-паша. Эти примиренцы боятся и к тому же ненавидят папство. Так ведут себя большинство венецианцев. Христианский мир не доверяет нам, потому что мы — республика, наша форма правления претит им. Мысль о том, что мы богатая и преуспевающая республика, невыносима многим.

Я хорошо понимаю все это, но теперь настало время решать, какая из этих сил больше угрожает независимости Венеции: папство или Порта. По-моему мнению, это Порта. — Дож замолчал и пригубил вино из бокала, стоявшего на столе. — В Пие V я вижу единомышленника.

Виньеро наполнил другой бокал и предложил его Хоквуду. Энтони только прикоснулся губами к его краям.

— Я верю, — продолжил дож, — как верят и остальные, среди которых адмирал Виньеро, что мы можем нанести решительный удар по туркам только на море. Я думаю, что и ты понимаешь это. Запад посылал бесчисленные армии на Порту, все они были разбиты. В последние тридцать лет турки смогли захватить контроль над морем только благодаря нашему бездействию и разобщенности. За это время они — и ты — создали величайший флот в мире, по возможностям превосходящий любой флот Запада. И все же этот зверь терпел поражение на море, не так ли?

— Да, — признал Энтони.

— Значит, он снова может быть разбит, если мы противопоставим ему подходящие корабли, мужес-

твенных людей и способных командиров. Все они собираются сейчас в Мессинском проливе... но с целью освободить Фамагусту. Как только известие о падении Фамагусты дойдет до них, боюсь, что этот союз распадется и адмиралы поведут свои эскадры по домам. Это будет катастрофой, потому что вряд ли такая сила сможет когда-либо еще собраться. Я решительно настроен не допустить этого, что бы ни думали об этом кое-кто из моих коллег. Я верю, что ты принесешь большую пользу нашему делу, синьор, если отправишься в Мессину и воодушевишь командиров своей решимостью, чтобы они, преодолев подозрения, вышли в море прежде, чем услышат о Фамагусте.

— Я хочу этого, — твердо сказал Энтони.

— Я буду рядом с тобой, — добавил Виньеро.

— Есть еще одна причина, по которой я хочу использовать тебя, Хоук. Повторю: нам нужны не только корабли, но и командиры, способные разбить турок. У нас таких нет, — подвел итог Мочениго.

Энтони удивленно взглянул на Виньеро.

— Адмирал знает, о чем я говорю, — улыбнулся Мочениго. — Победы в морских битвах не обеспечиваются только гениальностью командующих. Они появляются в результате сплава гениальности и опыта. Опыта-то нашим командирам и не хватает, потому что ни один из них не вел бой с турками. А верховный главнокомандующий... ты слышал о нем?

— Дон Хуан Австрийский.

— Он совсем мальчик и назначен только потому, что Филипп Испанский так захотел. — Мочениго скривил рот. — Испанцы ощутимо превосходят нас по флоту.

— Этого молодого человека ценят в Истанбуле, ваша светлость.

— Может быть, как солдата. В свое время он выиграл несколько битв, но никогда не сражался на море, — подчеркнул Мочениго. — Конечно, он в любом случае останется главнокомандующим. Возможно, будет трудно убедить его принять тебя. Но,

если ты добьешься своего и станешь его советником, наше дело только выиграет.

— Я попытаюсь, — сказал Энтони.

— Это опасная миссия, Хоук. Ты сильно рискуешь. Испанцы могут повесить тебя у всех на виду.

— Я понимаю.

— Мы с Виньеро дадим тебе рекомендации. Сначала я отправлю тебя в Рим. Попытайся убедить Пия V, что ты необходим, и твое дело наполовину выиграно.

Энтони кивнул.

— Помни и о том, что твоя миссия опасна не только для тебя, но и для меня. В случае неудачи меня поставят к позорному столбу за доверие к предателю, я могу оправдаться только твоим успехом. Твои сыновья будут в опасности, если ты потерпишь неудачу или, более того, задумаешь предательство. Я хочу, чтобы ты понял это, Хоквуд. Твоя жена — моя племянница, об этом родстве ходило много слухов, когда узнали, что ее насильно выдали замуж за такого человека, как ты. Твоя семья останется в Венеции до твоего победного возвращения. Поможешь разбить нам турок, проси меня о чем угодно, и если это в моей власти, ты получишь все, что захочешь. Если ты не вернешься, погибнув в сражении, твоим жене и матери будут возданы соответствующие почести, а твои сыновья получат приют. Но, если ты предашь нас, клянусь, ты услышишь крики своей жены в аду, куда она отправится вслед за тобой и сыновьями. Ты понял меня?

— Да, — мрачно ответил Хоквуд.

— Это хорошо. Начинай готовиться к поездке. Единственное, что теперь имеет значение, — это время.

Хоквуд отправился во дворец Виньеро, где принял горячую ванну и плотно поужинал.

Одежда не слишком хорошо на нем сидела, но она превратила его из турецкого паши в венецианца благородного происхождения. Парикмахер сбрил Энтони бороду, чтобы его не сразу можно было узнать.

Это было странным ощущением. Как и каждый турок, Энтони носил бороду сколько себя помнил. Взглянув в зеркало, он с трудом узнал себя.

— Ты сильно помолодел, — сделал вывод Виньеро.

— Мне тридцать четыре, — сказал Хоквуд.

— Без бороды ты выглядишь лет на десять моложе. Интересно, как отреагирует твоя жена...

Энтони тоже было интересно это узнать. Он отправился во дворец Корнаро. Был поздний вечер, и, хотя заходящее солнце все еще искрилось на колокольнях собора Святого Марка, воздух стал прохладным. На улицах, площадях и мостах прогуливалась нарядная публика, находившаяся, казалось, в наилучшем расположении духа. Дож еще не объявил о падении Фамагусты. Люди знали только о том, что турецкий адмирал посажен в тюрьму и что его наверняка будут пытать, чтобы он выдал секреты.

Никто не обратил внимания на высокого чисто выбритого мужчину, которого сопровождали четыре охранника. Его короткие волосы были спрятаны под черной бархатной шляпой, темно-синие жилет и короткие штаны делали его похожим на итальянца.

Энтони затаил дыхание, когда, пройдя через ворота, оказался в садике за чугунной оградой, обвитой виноградом.

Охранники остались на улице. Энтони смотрел на единственную дверь, которая вела из садика во дворец.

Через несколько минут в проеме двери появилась Барбара.

Она очень изменилась, превратившись из турчанки в знатную винецианку. На ней было темно-красное бархатное платье с огромными подкладными плечами, по низу рукавов и нижней юбки шла кайма из тяжелого бархата, шею и запястья украшали рюши из газа. Зачесанные назад волосы открывали лицо. Как всегда, она была прекрасна, но никогда Энтони не видел ее такой великолепной.

Барбара остановилась, ее лицо выражало недоумение.

— Вас смутило, синьора, отсутствие бороды? — тихо спросил Энтони.

— Энтони? Господин мой? — Барбара с трудом признавала мужа.

Энтони протянул руки, и через мгновение жена была в его объятиях.

— О Энтони... У меня такое чувство, что я нарушила супружескую верность.

— Я хочу, чтобы мы смогли вспомнить о ней, дорогая, — сказал Энтони. — У меня только несколько минут. — Он отстранил жену от себя. — Твой дядя посылает меня в Мессину.

— Значит, ты идешь на войну? А мы остаемся здесь?

— Ты будешь в безопасности. Дож дал мне слово. Живи ради наших сыновей, если я не вернусь.

— Но ты вернешься, Энтони... — вцепилась в мужа Барбара. — Поклянись мне.

— Я вернусь, — сказал он, целуя жену.

— И тогда?

— Тогда мы будем по-настоящему счастливы...

Энтони ни словом не обмолвился о наказании за поражение, потому что поражения быть не могло. Если он не сможет победить, то умрет в сражении...

Хоквуд не страдал отсутствием уверенности в себе.

Барбара подвела Фелисити и сыновей, чтобы Энтони попрощался с ними.

— Я хочу пойти с тобой, отец, — умолял Джон. — Я ведь могу быть твоим адъютантом...

— Ты должен заботиться о матери, — попросил сына Энтони. — Во всяком случае до моего возвращения.

— И это, — спросила Фелисити, обнимая сына, — действительно будет завершение?

— Для меня, мама, — пообещал Энтони.

Энтони в сопровождении Халила вернулся во дворец Виньеро. Перед полуночью он, адмирал и помощники адмирала покинули Венецию. Дож хотел, чтобы Энтони был подальше от города ко времени назначенной казни.

Мочениго ступил на политический путь такой же опасности, по которому всегда шли Хоквуды. Он задумал пошатнуть власть Османской империи и восстановить былое величие своей республики. Двигаясь к достижению этих целей, он обходил любую оппозицию и все же не мог гарантировать, что Энтони не уничтожит один из сторонников мирного договора.

На материке уже ждали лошади, и посольство немедленно отправилось в путь. Хоквуд очень устал, ему необходимо было отдохнуть. Виньеро понимал это и сразу вскоре после выезда из города объявил привал. Отряд расположился на ночлег прямо под августовским небом.

На следующий день их путь лежал уже по папской территории. Энтони вспомнил, как мать рассказывала о великом дяде Вильяме, который шел этой самой дорогой восемьдесят лет назад. Путешествие Энтони было спокойным, потому что он передвигался под флагом нового союзника Папы Римского — Венеции — и к тому же с адмиралом Виньеро.

Через три недели они добрались до Рима.

Виньеро предупредил Энтони, чего следует ожидать. В Истанбуле капризы протестантов, восставших против Рима, не понимали или не обращали на них внимания. Христианство для турок оставалось чужим миром. На Западе, однако, религиозный раскол, который длился долгие жизни одного поколения, считался гораздо большим кризисом, чем укрепление власти турок.

Ранее папы противостояли новой идеологии и не знали, как к ней относиться. Но Пий V — когда-то пастушок по имени Антонио Гислиери — никогда ни в чем не сомневался.

В течение пяти лет своего продвижения к папству он решительно пошел в атаку на то, что считал моральной распущенностью. Он запретил алкоголь в Ватикане, убрал проституток с улиц Рима в маленький район, отдаленный от города, в котором на домах висели красные фонари, запретил воскресные развлечения, наложил проклятие на богохульство и приказал всем священникам проводить время в основном в своих епархиях, а не в Риме и ввел ежедневный пересказ катехизиса. Все, кто ослушивался, представал перед инквизицией.

Вычистив собственный «двор», Пий обратил свой взор на мир. Он изгнал евреев с папской территории за исключением мест, где они были необходимы для поддержания торговли, но даже там они получили статус рабов. Он воодушевил Филиппа II Испанского вступить в упорную войну с датскими протестантами и отлучил от церкви королеву Елизавету Английскую.

— Что из этого выйдет — никто не знает, — говорил Виньеро Хоквуду. — Но определенно Европа теперь — самый неуютный континент. Единственное достоинство Папы Римского в том, что он разительно настроен ниспровергнуть власть турок. Поскольку это и наша цель, я прошу тебя быть с ним поосторожнее.

Письма дожа были отправлены в Ватикан, и через час Хоквуд и Виньеро было приглашены на аудиенцию Папы Римского.

Энтони обнаружил перед собой маленького человека с крючковатым носом и бородой клинышком, скорее обвисавшего, чем сидевшего на стуле; казалось, он чувствует себя не лучшим образом. Папе Римскому было шестьдесят семь лет, но в его глазах все еще горел огонь, когда он внимательно смотрел на могучего человека, стоявшего перед ним.

— Монсиньор Мочениго сообщил мне, что вы привезли жизненно важные новости, — вместо приветствия произнес он. — Расскажите мне их.

— Для начала я назову свое имя, ваше святейшество, — сказал Энтони. — Я — Хоквуд, известен как Хоук-паша. Я служил туркам.

Пий V выпрямился в кресле.

Когда Энтони рассказал о падении Фамагусты и последующих событиях, Папа Римский не отрываясь смотрел на него. Когда он замолчал, на некоторое время установилась тишина. Потом Пий V произнес:

— Ты служил неверным против нас. Назови хоть одну причину, по которой я не должен немедленно передать тебя инквизиции.

— Монсиньор Мочениго сначала думал точно так же, пока не понял суть моего предложения, ваше святейшество.

Пий V выслушал Энтони и сказал:

— Действительно, пути Господни неисповедимы. Я поклялся ниспровергнуть антихриста, прежде чем умру... И не являешься ли ты оружием, которое я должен использовать для этого? Все-таки Мочениго прав. Я не знаю, как долго продержится союзнический флот после известия о падении Фамагусты. Но ты англичанин, а это нация отступников. Какую религию ты исповедуешь, монсиньор?

Энтони был готов к этому вопросу.

— Я истинно верующий, ваше святейшество.

— Что ж, в таком случае пути Господни не настолько уж неисповедимы. Я дам тебе письмо к испанцу.

— Ставя на карту будущее христианства, отклонил бы он мое прошение, если бы я был протестантом? — спросил Хоквуд Виньеро.

— Впоследствии совершенно точно. Католики видят в учениках Лютера прямой вызов Богу, который в конечном итоге существует лишь в человеческом сознании.

Но времени для метафизических споров не было. Уже наступил сентябрь, прошел месяц с момента падения Фамугусты. Вскоре погода ухудшится, и не

останется надежды на сохранение союзнического флота хотя бы еще на несколько месяцев, если его не воодушевить победой. Энтони не представлял, как долго можно скрывать новости о катастрофе на Кипре.

Из Рима они поехали в Чивитавеккью, где взошли на борт галеры Папы Римского и этой ночью же направились на юг к Мессинскому проливу. За два дня они миновали скалу Сцилла и водоворот Харибда и вышли в широкий пролив, который отделял Италию от Сицилии. Там находился союзнический флот, состоявший из кораблей Венеции, папства, Генуи и Испании.

— Я должен сказать тебе, что отныне ты должен быть еще более осторожен, Хоквуд, — предупредил Виньеро. — Среди командиров-венецианцев два младших Бригадино. Они еще не знают о гибели брата, как и о том, какой была его смерть.

Вид флота воодушевил Хоквуда. Он подсчитал, что здесь находится около трехсот судов самых разных видов — от маленьких галер и до океанских галеонов.

Наибольший интерес для него представляли шесть огромных галеасов, пришвартованных друг к другу и действительно походивших на настоящие крепости. Раньше он видел эти громадные суда лишь издалека, его опытный глаз сразу мог определить как их слабые, так и сильные стороны. В безветренную погоду им нужно было несколько рядов весел, однако при сильном ветре весельные отверстия приходилось быстро закрывать.

«И все же, если их использовать в подходящую погоду, они могут, — думал Энтони, — быть разрушительной силой в любом сражении».

На кораблях трепетали вымпелы и флаги, кругом копошились люди. Умопомрачительный шум и невероятное зловоние наполняли воздух. Корабли очень давно находились в проливе.

Никто не обратил внимания на галеру Папы Римского — здесь было несколько судов под римскими

флагами, — когда она вошла в бухту Мессины, в которой дон Хуан Австрийский расположил свой штаб. Хоквуду пришлось подождать, пока письма от Папы Римского и от дожа попадут к главнокомандующему союзнического флота.

Энтони чувствовал, что у него есть больше чем просто шанс, смотря на флот, который, он сразу понял, не столь велик, как флот Али-паши, и команды которого несомненно устали от долгого пребывания в порту. Если он сумеет реализовать свой план... Если только дон Хуан захочет выслушать его.

Вскоре Энтони понял, что смотрит на молодого человека, сидящего за столом в дальнем углу комнаты. «Очевидно, это один из секретарей дон Хуана», — подумал он. Тот что-то усердно писал, изредка поглядывая на вошедшего богатыря. Лицо его было немного вытянутым и грустным, но глаза живыми.

В конце концов любопытство взяло верх, и юноша произнес:

— Извините, монсиньор, мне не верится, что вы венецианец.

— Я вовсе не венецианец, — сказал Энтони. — Предполагаю, вы можете сказать, что я англичанин, хотя никогда не ступал ногой на эту землю.

— В таком случае вы такой же странник, как и я.

— Вы, сударь? Я бы сказал, что вы испанец и служите испанскому командиру.

— Действительно, это так, монсиньор. И все же я приговоренный в Италии беглец и должен потерять правую руку по возвращению в Испанию. — Он слабо улыбнулся. — Если только я не смогу это сделать на поле битвы. Поэтому я нанялся на службу принцу. Если я добуду славу, когда мы встретим турок, может, я смогу рассчитывать на лучшее.

— Дуэль?

— Драка. Во время которой мой противник потерял немного крови. Я был вынужден покинуть свою страну и родителей и жить в ссылке. Но кем вы, монсиньор, будете без моей правой руки? — Он

демонстративно осмотрел ее. — Это рука, которой я пишу.

— Действительно, — заметил Энтони.

— Монсиньор, я поэт. — Юноша взглянул на Хоквуда. — Мои стихи издавали.

— Примите мои поздравления, — сказал Энтони.

Вскоре появился Виньеро.

— Нас приглашают на совещание, — сказал адмирал. — Я буду рядом с тобой.

Виньеро вошел в зал, затем почти сразу вызвали Хоквуда. Он обернулся к молодому человеку и произнес:

— Желаю тебе удачи.

— Если ты вступаешь во флот, монсиньор, тебе понадобится удача. Командор будет рад тебе. Я тоже желаю тебе удачи. — Он протянул руку. — Меня зовут Мигель де Сервантес.

Энтони пожал ему руку.

Войдя в зал, Энтони увидел, что там находится несколько человек. Его взгляд был направлен на того, кто стоял за столом и смотрел на него.

Дон Хуану было двадцать четыре года. Высокий и худой, он был одет в изысканный черный наряд. На его груди висела золотая цепочка, золотым шитьем были окаймлены манжеты и плечи его камзола. Его светлые волосы и борода выдавали мать-немку.

— Хоук-паша, — тихо сказал молодой Габсбург по-итальянски. — Я никогда не предполагал, что встречу тебя не в сражении. Но я предпочитаю видеть тебя рядом, с собой, а не лицом к лицу. Добро пожаловать в Мессину!

Он протянул руку, Энтони схватил ее, чувствуя, что его сердце располагается доверием к этому молодому человеку.

— Я хочу, чтобы ты познакомился с моими командирами. От испанского флота маркиз Санта-Крус и дон Гиль де Андраде.

Энтони поклонился испанским командирам, недобро смотрящим на него.

— От республики Генуи адмирал Джованни Андреа Дориа.

Два человека внимательно смотрели друг на друга. Их отцы сражались друг против друга, да и Энтони вместе с Драгутом совершал набеги на генуэзские владения пятнадцать лет назад.

— Добро пожаловать, Хоук-паша, — улыбнувшись сказал Дориа.

— От папства — адмирал Марк Антонио Колонна, — продолжал дон Хуан. — Адмирала Виньеро ты уже знаешь. Его капитаны: Агустино Барбариго, Марко Контарини, Федерико Наси, Марко Квирини, Амброджио Бригадино и Антонио Бригадино.

Энтони поклонился. Усилием воли он сдержал вздох, когда смотрел на молодых людей, так похожих на их мертвого брата.

— Генерал моих солдат маршал Асканио де ла Корнья, — продолжал дон Хуан. — А это кардинал де Гранвела, представляющий его святейшество в наших спорах.

Взгляд кардинала был враждебным, несмотря на рекомендательное письмо его хозяина.

— Его святейшество и его светлость дож пишут, что ты покинул службу султана и вернулся к истинной вере, — сказал дон Хуан. — К тому же ты привез нам важные новости.

Хоквуд посмотрел на Виньеро, тот удивленно поднял брови. Оба — и Папа Римский, и дож, — очевидно, оставили на его усмотрение, как преподнести командирам флота известие о падении Фамагусты.

И теперь он должен был принять решение.

— Мои новости предназначены только тебе, мой господин, — сказал Энтони, глядя в глаза дон Хуану.

Дон Хуан нахмурился и посмотрел на своих командиров.

— Мы представляем собой объединенную армию, — выпалил кардинал де Гранвела.

— Тем не менее я должен, господин, поговорить наедине с главнокомандующим.

— Чтобы уничтожить его? — спросил де Андраде.

— Я выполняю поручение его святейшества, синьор. Если вы не доверяете мне, отправьте меня в Рим.

Энтони знал, что только смелость может выручить его в разговоре с этими людьми. Все они ненавидели его... но и все они ненавидели друг друга.

— Я поговорю с тобой наедине, Хоквуд, — вынес решение дон Хуан. — Извините нас, синьоры.

Адмиралы колебались, но Виньеро поторопил их из комнаты.

— Садись, — пригласил дон Хуан, когда дверь закрылась. Он расположился в кресле и спокойно улыбнулся: — Убеди меня в своих намерениях.

— Сначала я должен убедиться в ваших, милорд.

— Ты чересчур самонадеянный человек, — нахмурился дон Хуан.

— Вы ошибаетесь, сир. Мои новости могли бы расстроить даже самого уравновешенного человека.

— Ты хочешь сказать, что Фамагуста пала? — Дон Хуан выглядел потрясенным.

— Я расскажу вам обо всем, — ответил Энтони и начал повествование.

Дон Хуан слушал молча, потом он сказал:

— Ты исключительно смелый человек, Хоквуд. Но в таком случае, и это очевидно, его святейшество послал тебя ко мне для того, чтобы казнить?

— Чтобы помочь тебе вести корабли к победе, господин. — Теперь настала очередь Энтони улыбнуться. — Если мне это не удастся, тогда ты затянешь петлю на моей шее.

— Я восхищен тобой, англичанин, — дон Хуан стукнул по столу, — и одновременно мне жаль тебя. То, что ты задумал, выполнить невозможно. Как только люди узнают, что цели, ради которой они объединились, больше не существует, они разлетятся в разные стороны, как осколки разорвавшейся гранаты. Они и так готовы это сделать... Но если братья Бригадино узнают о смерти брата...

— Я готов сразиться с обоими Бригадино в честном поединке, если они того захотят, милорд. Но сначала мы должны разбить турок.

— У тебя веские причины для этой кампании, это очевидно. Но возможно ли это? Турецкий флот громаден и силен.

— Это действительно так. Опиши мне свой флот.

Дон Хуан подошел к окну, из которого открывался вид на бухту.

— Мой единокровный брат, король Испанский, доверил мне флот и девяносто галер, двадцать четыре галеона и пятьдесят фрегатов и бригантин. Это вместе с генуэзской эскадрой, но Дориа подчинится мне. Под командованием Виньеро сто шесть галер, шесть галеасов, два галеона и шесть фрегатов, но у него мало людей. Папский флот состоит из двенадцати галер и шести фрегатов.

— В таком случае тебя превосходят по численности. У Али-паши не менее двухсот пятидесяти кораблей, и все они турецкие.

— Не понимаю тебя. У нас более трехсот. — Дон Хуан нахмурился.

— Но галер лишь двести восемь. Будут сражаться только галеры, потому что Али-паша так хочет. Я думаю, что шесть венецианских галеасов мало что будут значить... И ты можешь не рассчитывать на свои фрегаты и бригантины. В Адриатике или Эгейском море ветер будет очень слабым или его не будет вовсе, поэтому большие корабли будут неподвижны и беспомощны. Они, правда, смогут нести дозор, но в сражениях их использовать трудно.

— Дьявол! — Дон Хуан вернулся к столу.

— Но я верю, что мы одержим верх.

— Ты так думаешь? — Плечи дон Хуана опустились. — Постоянно возникают все более и более непреодолимые трудности. Ты верно заметил, что на всех кораблях врага будут люди одной национальности. В то время, как наши...

— Каков общий численный состав твоего флота?

— Приблизительно пятнадцать тысяч моряков, но это включает и галерных рабов, и около тридцати тысяч солдат. Меня беспокоит, что все они представители разных народов. Генуэзцы ненавидят венецианцев, венецианцы ненавидят папистов, испанцы презирают всех, а что касается этого Гранвелы, то я думаю, он ненавидит весь мир. Условия, которые он постоянно будет навязывать мне, очень близки к отношению к еретикам... или даже подозреваемым еретикам. И ты все еще говоришь, что мы можем победить турок? Я не уверен в том, что, вступив в битву, мои люди начнут сражаться не друг с другом, а с врагом. К тому же турок гораздо больше.

Только теперь Энтони понял, что главнокомандующий слишком молод, чтобы взвалить на свои плечи такую ответственность, что его смущает неясная позиция адмиралов, которые старше и опытнее его, но над которыми нависает мрачная фигура кардинала.

И все же харизма дон Хуана, его дар быть лидером, была неоспорима. Все, что ему нужно, — это порыв.

— Я прибыл, чтобы помочь тебе, господин, — сказал Хоквуд. — Поэтому мои слова будут простыми, может, даже обидными. День ото дня твой флот прогнивает изнутри, вражда между людьми растет. А турки становятся сильнее. Ты должен немедленно выйти в море.

— Уже сентябрь, — вздохнул дон Хуан. — Капитаны, хорошо знающие моря, говорят, что с выходом в море мы опоздали, надо ждать весны.

— К весне твой флот перестанет существовать. Выходи в море, милорд. Погода до второй половины октября не испортится. У нас в запасе месяц. Выходи в море. Я знаю, где находится турецкий флот, и поведу тебя...

Дон Хуан вскинул голову.

— И добуду для тебя победу... если смогу дать несколько советов, — улыбнулся Энтони.

— Тогда приступай!

— Я хочу осмотреть твои корабли.

Хоквуд к этому времени довольно ясно представлял, что надо делать, и картина, представшая перед ним, лишь укрепила его уверенность. Галеоны были мощными судами, как он и предполагал, но они становились неуклюжими без сильного попутного ветра. Их роль в средиземноморской битве сведется к нулю. Фрегаты и бригантины — маленькие, не полностью покрытые палубой суда были слишком легко вооружены, но Энтони считал, что бригантины можно использовать в разведке при попутном ветре.

Галеасы оказались более сильны, чем он предполагал. На каждом из них было не менее семидесяти орудий, которые могли стрелять как по людям, так и по кораблям, к тому же их гребцов защищала палуба. Энтони прикинул, что один галеас способен выступить против шести галер с надеждой на победу.

Но исход битвы, конечно, зависит от галер.

Галеры христиан были в среднем более ста пятидесяти футов в длину. Примерно такие же, как турецкие, подумал Энтони и тут же заметил, что обшивка их корпусов была около четырех дюймов толщиной, на дюйм больше, чем у турок, а гребцы защищались деревянными щитами, каких не было у турок.

На каждой галере находилось по пять орудий на передней палубе вместо трех у турок. Носы галер были обиты железом и превращались в таран, который, по предположению Энтони, ни на йоту не изменился со времен древнегреческих триеров.

— Что скажешь? — спросил дон Хуан по окончании инспекции.

— Я думаю, что у тебя мощная сила, сир, — сказал Энтони, — и что с тобой будет сражаться флот, который в течение многих поколений не знал поражений.

— К тому же турок больше, — уныло произнес дон Хуан.

— Значит, мы не можем полагаться на обычную тактику.

— А что ты называешь обычной тактикой для морского сражения?

— У меня нет опыта, чтобы говорить о сражении в Атлантике, милорд, где ветер и погода так же важны, как и пушки с кораблями. Но в Средиземном море сражение очень похоже на сухопутную битву. Противники выстраиваются в линию, затем наступают друг на друга, чтобы затем смять фланг. Именно поэтому галерные сражения в основном проходят недалеко от берега для того, чтобы хотя бы один фланг не мог быть разрушен. Можешь быть уверен, что Али-паша примет эту стратегию.

— Что можем использовать мы?

— Это опасно. Но я думаю, что мы используем эту тактику с пользой для себя, — сказал Хоквуд.

— Каким образом?

— Для начала я использовал бы галеасы в качестве таранов, чтобы разбить линию противника. Их надо поставить по два, каждая пара пойдет впереди трех эскадр твоего флота. Они окажутся в центре турецких рядов, там начнется свалка, в которой галеры смогут добиться превосходства. Насколько я знаю, турки боятся галеасов. У них нет таких кораблей и соответственно опыта в сражениях против них.

— Но ведь я могу потерять шесть больших судов, — произнес дон Хуан, поглаживая бороду.

— Такой риск оправдан, потому что он дает возможность выиграть сражение, милорд.

— Продолжай, — приказал дон Хуан, внимательно глядя на Хоквуда.

— Во-вторых, милорд, я убрал бы длинные носы у галер.

— Не сошел ли ты с ума, Хоквуд? Как же галера будет сражаться без носа? Ведь галеры должны идти на таран и срезать весла у галер противника!

— Это так, сир. Или, вернее сказать, было так до сегодняшнего дня. Чтобы таранить врага или срезать весла, ты должен войти с ним в контакт. Должна начаться рукопашная. Потеряв суда в драке, ты лишишься их навсегда, потому что турки будут превосходить тебя по численности как кораблей, так и людей. Ты должен выиграть это сражение или по

меньшей мере сравнять силы с дальнего расстояния, используя пушки. Ты лучше вооружен, чем турки, но твои орудия закрыты так же, как и их, и не могут стрелять напрямую. Убери носы, милорд, и дай пяти точкам на каждой галере стрелять без препятствий. Я верю, что ты сможешь выиграть день, даже не подходя к врагу.

— Без сомнения, это правда, — пробормотал дон Хуан. — Ты или гений, или глупец, Хоквуд. Но согласятся ли на это мои командиры? Будут ли они сражаться?

— Чтобы быть уверенным в этом, ты должен повесить первого, кто осмелится не повиноваться тебе. Что касается того, что твое войско состоит из людей разных национальностей... что ж, ты должен смешать их.

— Не совсем понимаю...

— Ты говоришь, что венецианцам не хватает солдат. Помести испанских солдат на венецианские галеры. Затем возьми несколько венецианских моряков на борт своего судна. У тебя должен быть полностью смешанный флот.

— Твои планы час от часу все смелее. Скажи мне, что еще у тебя на уме?

— Пока все. Сегодня же пусть снимут носы. Выходить в море нужно как можно быстрее. Потом у меня будет другое предложение...

— Скажи мне.

— Нас превосходят по численности как в людях, так и кораблях. Мы должны это исправить.

— Ты думаешь, что я не искал новобранцев? Их просто нет.

— Они есть на борту даже твоего корабля.

— Что ты имеешь в виду?

— Сколько среди твоих галерных рабов христиан?

— Порядка двух третей. Но из них больше половины — протестанты, приговоренные к галерным работам инквизицией.

— Но они все же христиане, а мы собираемся сражаться с турками. Прямо перед сражением освободи их и вооружи.

— Теперь я точно знаю, что ты сумасшедший.

— И если они будут сражаться за тебя, пообещай им свободу после победы.

— Гранвела не даст на это разрешения.

— Мое почтение, милорд, могу ли я спросить, кто командует флотом? Кардинал де Гранвела или дон Хуан Австрийский?

Молодой человек не отрываясь смотрел на Хоквуда несколько секунд, а затем, стукнув по столу кулаком, сказал:

— Дон Хуан Австрийский, именем Бога.

Приказ был отдан, и с галер сняли носы. Это вызвало замешательство адмиралов, они были еще более удивлены, когда главнокомандующий приписал испанских моряков на венецианские галеры и венецианских моряков к испанским судам.

Потом вышел приказ выходить в море и направляться к венецианскому острову Корфу.

— В сентябре! — запротестовал маркиз Санта-Крус. — Слишком поздно для Адриатики, милорд. Этот англичанин сбивает тебя с толку.

— Флот выходит в море, маркиз, — ответил главнокомандующий тихо, но твердо. — Мы застанем турецкий флот в проливе Патраикос. Корфу будет нашей базой.

Адмиралам пришлось повиноваться. 15 сентября 1571 года галеоны вышли в море под прикрытием фрегатов, за ними следовали галеасы.

На следующий день отправились галеры. По настоянию дон Хуана Хоквуд находился на «Реале», флагмане главнокомандующего.

Дон Хуан и Хоквуд обсуждали тактику, которую необходимо будет применить после того, как турки окажутся в замешательстве, вызванном пушечными залпами с галеасов и галер со снятыми носами. Энтони сообщил главнокомандующему все, что он знал о галерных сражениях. Он говорил дон Хуану о таких важных вещах, как запас мыльной воды, которая будет разли-

ваться по палубе собственного корабля при попытке врага захватить судно; как запас жира, чтобы намазать им концы причальных шестов, чтобы враги не могли ухватиться за них. Хоквуд сказал молодому командиру, что из-за маленького палубного пространства на галере несколько людей должны выкидывать мертвых за борт сразу же после того, как они умерли, а если это касалось врагов, то их можно выбрасывать еще живыми.

— Я многого еще не знаю, — признался дон Хуан. — Ты, должно быть, давно ходишь в море?

— Всю жизнь, — ответил Энтони.

— В таком случае я благодарю Бога, что он послал тебя. Что нам еще нужно сделать?

— Нужно определить построение своих сил и познакомить с ним командиров.

— Какое построение предлагаешь ты?

— Три равных эскадры и резерв. Кто из твоих командиров наиболее самостоятелен?

— Маркиз Санта-Крус. Это, конечно, самый опытный моряк среди испанцев.

— Тогда назначь его командовать резервом, в котором будет двадцать восемь кораблей. Они должны начать действовать по своему усмотрению и поддержать ту часть флота, которой потребуется помощь.

— Продолжай, — кивнул дон Хуан.

— Затем раздели остальную часть своих сил на три эскадры, каждая по шестьдесят галер. Ты, конечно, будешь командовать центром. Али-паша наверняка ждет, что ты придешь к нему.

— Почему он должен ждать этого, Хоквуд?

— По двум причинам. Я уже говорил, что он предпочитает сражаться близ берега для того, чтобы одно крыло было защищено. К тому же, когда он узнает численность твоего флота, он предпочтет дать сражение в турецких водах, чтобы спокойно уйти в случае поражения.

— Но если мы будем разбиты, мы теряем все. — Дон Хуан вновь помрачнел.

— Но мы не будем разбиты. Я предполагаю, что Али-паша предпочтет сражаться недалеко от берега,

возможно, у выхода из залива Патраикос и ближе к его северному берегу, потому что там находится его база Лепанто. В этом случае венецианцы должны командовать левым флангом, поскольку они наиболее приспособлены сражаться в прибрежных водах. Значит, они будут ближе всех к берегу.

— А правый фланг?

— Милорд, если бы ты доверил его мне... но сомневаюсь...

— Я не могу, Хоук-паша, как бы ни хотел этого. Достаточно того, что ты и так находишься с нами.

— Понимаю, милорд. Тогда отдай его Дориа.

— Но ведь он твой злейший враг!

— Но он превосходный мореход, к тому же военный...

— У тебя широкая душа, Хоквуд. Я приму твои рекомендации. Скажи, что еще нам нужно делать.

— Мы мало что можем еще... мы должны молиться, чтобы погода не изменилась.

Небо в тот момент было чистым.

Последние воины добрались до Корфу 25 сентября. К тому времени дон Хуан и Хоквуд получили кое-какую интересную информацию. Остров, оказывается, был атакован турками всего неделю или две назад. Затем турки отступили, получив сообщение о приближении христианского флота.

Турецкие разведывательные галеры появлялись время от времени в пределах видимости, и дон Хуан с трудом удерживал командиров от их преследования. Он боялся, что турки отступят от Лепанто, узнав о прибытии флота христиан, но Хоквуд разубедил его: Селим никогда не согласится на это, как, впрочем, и Али-паша. Он ждал этого момента всю свою жизнь. И действительно, от пленников, захваченных венецианцами, стало известно, что турецкий флот находится в заливе и что Али-паша уже прибыл, чтобы возглавить его.

— Кто прибыл вместе с ним? — спросил Энтони у пленника.

— Там много великих командиров, Хоквуд. Хасан-паша из Алжира... «Сын Барбароссы», — подумал Энтони. — Хамет-бей, Улуч-Али, Мехмед Широччо-паша.

— Кто главнокомандующий? — спросил Хоквуд.

— Пертав-паша, господин.

— Пертав-паша, — злорадно повторил Энтони.

— Он важнее остальных? — спросил дон Хуан.

— Для меня да, милорд, — сказал Энтони с мрачным удовлетворением в голосе.

Безветренным днем 29 сентября флот, сопровождаемый только галеасами, а не галеонами (для них не было ветра), переправился через узкий пролив, отделявший Корфу от Албании, и направился к порту Гомениццa на материке, чтобы собрать необходимую информацию. Вечером дон Хуан сообщил капитанам правду о Фамагусте. Он также рассказал о том, какую роль сыграл в этой трагедии Хоквуд, и о печальной участи Марк Антонио Бригадино.

— И этот негодяй, — воскликнул Амброджио Бригадино, — стал помощником нашего главнокомандующего? Милорд, я требую, чтобы его немедленно повесили.

— Монсиньор, я готов встретиться с вами с мечом в руках сразу же по окончании кампании, — вставая, произнес Энтони. — Но сейчас наша общая цель — сражаться за великое дело, ради которого я готов пожертвовать жизнью. Разве мы не должны отомстить за вашего брата и всех тех несчастных, которыми он командовал, прежде чем воевать между собой?

— Хорошо сказано, Хоквуд, — вмешался дон Хуан. — До исхода битвы дуэли отменяются. Счеты будете сводить после нашей победы.

На следующий день прибыло еще семнадцать галер. Восемь из них были от рыцарей Святого Иоанна на Мальте, ими командовал глава города Массины

по имени Джустиниани. Он был прямым потомком генуэзца, героически защищавшего Константинополь от Мехмеда Завоевателя. Еще девять галер пришли из Венеции. Казалось, Алвизо Мочениго решил отдать все на разгром турок и тем самым оставил свою республику почти незащищенной.

Подкрепление обрадовало дон Хуана. Он смог улучшить тактическую диспозицию и увеличил свои три эскадры до шестидесяти трех кораблей в каждой, а резерв — до тридцати пяти. Теперь у него было двести двадцать четыре галеры и галеасы, и он больше не чувствовал, что турки намного превосходят его количеством. И если бы можно было задействовать и галеоны...

Хоквуда беспокоила погода — на небе появились клочки облаков. С наступлением октября всегда возникает опасность внезапного шторма, хотя вряд ли это случится раньше чем во второй половине месяца. Энтони хотел продолжить поиски турок, но дон Хуан настаивал, что галеоны можно использовать в предстоящем сражении, и три драгоценных дня были потеряны в ожидании в Гоменице ветра, который мог сдвинуть эти огромные корабли с места.

Была и другая причина для волнений — люди начали болеть. Это было неизбежно, поскольку они длительное время находились взаперти, а свежая пища из албанских сел не улучшила положение, а, наоборот, ухудшила. Среди тех, кто свалился в лихорадке, был Мигель де Сервантес.

Были дни, когда терпение, и без того натянутое, начинало иссякать.

Тем временем облака сгущались.

— Милорд, — сказал Энтони в приступе отчаяния, — если вы будете ждать еще несколько дней, то мы можем проиграть битву. Погода не терпит.

— Почему? — усмехнулся кардинал, который с трудом скрывал свою неприязнь к англичанину. — Нет ни ветерка.

— Это свидетельство того, что через несколько дней подует очень серьезно, — ответил Хоквуд и

обратился к дон Хуану: — Надеюсь, сударь, вам понятно, насколько бесполезны большие суда в нынешних условиях?

Молодой Габсбург сдался, и утром 4 октября галеры двинулись на юг, проходя между островами и гаванью Превеса, где шестнадцать столетий назад разыгралось сражение и где Хайреддин одержал победу над генуэзским флотом в 1538 году.

На якорь встали вечером у мыса Дукато.

Ветер, которого так боялся Энтони, все-таки завыл сразу после полуночи. Галеры понесло, они начали зачерпывать воду, сигнальные фонари раскачивались...

— Что нам делать? — Дон Хуан выскочил на палубу, где находился Хоквуд.

— Нам надо искать убежище, сир.

— Но где?

— На Кефалинии. Там есть бухта — Фискардо, защищенная с севера, где мы будем в полной безопасности.

— Если когда-нибудь доберемся до нее... — пробормотал кардинал и осекся.

Дон Хуан уже отдавал приказы, суда подняли якоря и начали двигаться на юг. «Реал» шел впереди, освещая путь остальным. К рассвету флот прибыл в Фискардо.

Команды, однако, были потрясены, и в Фискардо произошел инцидент, чуть не свернувший всю кампанию. Хоквуд и дон Хуан обедали на передней палубе «Реала», когда на венецианской эскадре поднялся невообразимый гам. Они мгновенно вскочили, пытаясь разглядеть сквозь лес мачт, что там происходит. Гам продолжался некоторое время. Вскоре командир-испанец, бледный от негодования, прибыл на флагман и рассказал о случившемся.

Оказывается, между венецианцами и испанцами на борту одной из венецианских галер произошла ссора, во время которой несколько венецианцев были убиты. Разгневанный адмирал Виньеро приказал повесить нескольких испанцев.

— Они все еще висят там, — кричал офицер, — их убили эти республиканцы...

— Хорошо бы Виньеро повесить рядом, — прорычал Гранвела. — Наглый пес!

— Мой Бог, — сказал дон Хуан, злой, как и все. — Отдайте приказ окружить венецианскую эскадру, пусть их командиры предстанут передо мной.

— Милорд! — закричал Энтони. — Ты не сделаешь этого.

— Ты осмеливаешься подвергать сомнению правильность моего приказа? — нахмурился дон Хуан.

— Да. Иначе ты можешь погубить все предприятие, сир. Ведь ты сам говорил мне, что боишься, что твои люди могут затеять драку между собой прежде, чем вступят в схватку с врагом?

Дон Хуан колебался, кусая губы.

— Милорд, — продолжал Хоквуд, — нам повезло, что это первый инцидент за все время. Людям не терпится встретиться с врагом. Так мы излечим все наши болезни, мы уже почти у цели. Если ты отдашь приказ арестовать адмирала Виньеро, венецианский флот отправится домой. Тогда ты будешь предоставлен на милость туркам.

Дон Хуан внимательно смотрел на Энтони несколько секунд, затем сказал:

— Отмените приказ.

Офицер не без колебания подчинился.

— Я больше не разговариваю с Виньеро, — сказал дон Хуан. — Запомни это. Я буду общаться лишь с вице-адмиралом Барбариго.

Хоквуд склонил голову. По крайней мере, ему удалось предотвратить катастрофу, большего он все равно не смог бы сделать.

Ветер завывал всю субботу 6 октября. Дон Хуан все еще рассчитывал, что галеоны присоединятся к ним, но Хоквуд понимал, что это пустые надежды. Слишком большая опасность для огромных кораблей выходить в море в такую неустойчивую погоду

в этом лабиринте скал и островов. Но вечером ветер спал.

— Это еще повторится, Хоук? — спросил дон Хуан.

— По крайней мере, не завтра, сир, — ответил Энтони, взглянув на небо.

— Мы знаем, что турки уже в проливе. Будут ли они все еще там, ожидая, что погода отбросит нас назад?

— Сомневаюсь, милорд. Но... мы не можем больше ждать.

— В таком случае мы должны выступать. — Дон Хуан дал приказ офицеру: — Сигналь флоту: выплываем завтра, направление на залив Патраикос. Не поспешил ли я? — спросил Габсбург.

— Ты принял единственно правильное решение, милорд, — уверил его Энтони.

В два часа пополуночи седьмого октября в воскресенье испанско-генуэзская эскадра, направленная формировать правый фланг христианского флота, подняла паруса; командовал ею Джованни Андреа Дориа.

«Реал» вышел в море в сопровождении флагмана Колонны, командующего папским флотом, а также Виньеро, который передал командование левым крылом своего флота Барбариго в соответствии с приказом дон Хуана.

С центральной эскадрой шли первые два галеаса под командованием капитанов Дуодо и Гуора. Два других пойдут с венецианцами. Еще одна пара должна была сопровождать эскадру Дориа, но по какой-то причине опоздала с выходом. Никто не сомневался, что они догонят.

Путь проходил между островом Оксия и материком, огибал мыс Скрофа в заливе Патраикос.

— Как медленно движется Дориа, — рявкнул дон Хуан, когда генуэзская эскадра, казалось, внезапно появилась перед ними. — Ускорить ритм, — приказал он.

Капитан поспешил с приказаниями на шкафут, и удары по барабанам ускорились до одного в секунду. Галеры рассекали воду.

— Я бы порекомендовал вам спокойствие, милорд, — сказал Энтони. — Враг там. Теперь он не уйдет от нас.

— Я должен быть впереди и все должны это видеть, — объявил дон Хуан. — Держать ритм!

Он находился на подъеме, ощущал прилив энтузиазма в предвкушении победы. На траверзе мыса Скорфа находилась эскадра Дориа, за ней следовал остальной флот. Впереди были открытые воды пролива Патраикос, виднелся северный берег Пелопоннеса, затерянный в утренней дымке.

Когда суда огибали материк, Хоквуд заметил сигналы на мачте флагмана Дориа «Капитан».

— Корабли в поле зрения, — сказал он. — Эй, на мачте! — проревел он.

— Два паруса к востоку, — отозвался кто-то.

— Три, четыре, шесть, восемь, — прокричали с мачты.

Энтони прищурился, вглядываясь в мерцание на горизонте, когда солнце пригрозило подняться над горами, окружающими пролив. «Восемь, — подумал он, — десять. Пятьдесят, сотня, две, три...»

— Это Али-паша и турецкий флот, — сказал Энтони. — Это день, которого мы ждали.

«День, которого я ждал, — подумал Энтони, — целых десять лет. Но только теперь я на другой стороне».

— Залп, капитан! Дай сигнал: враг в поле зрения! — прокричал дон Хуан.

Глава 22

БИТВА

Энтони забрался высоко в такелаж, чтобы разглядеть приближающийся флот. Его предположения оправдались. Али Монизиндаде разделил корабли на

три эскадры и держался ближе к северному берегу пролива, защищая один из флангов.

По вымпелам Энтони определил, что северная эскадра, самая маленькая, но насчитывающая более пятидесяти судов, находилась под командованием Широччо-паши.

Флагман Али Монизиндаде находился в центральной эскадре, приблизительно вдвое превышающей фланговую. Недалеко от флагмана Энтони различил вымпел Пертав-паши.

Левый фланг, такой же численности, как и центральный, нес вымпел Улуч-Али. Дон Хуан приказал поднять вымпел Священной лиги, тем самым сигнализируя всем эскадрам занять позиции. Всем командирам было велено собраться на борту флагмана для заключительного совещания.

Наступал рассвет.

План сражения остался в основном без изменений, за исключением действий левого крыла. Галеры должны подойти к берегу для сражения с Широччо-пашой, командовать будет Барбариго. Виньеро оставался в центральной эскадре слева от флагмана. Колонна на папском флагмане занял позицию справа от «Реала».

Тем временем капитаны собрали матросов на завтрак. По окончании совещания дон Хуан побывал на каждом корабле. Когда он ступал на переднюю палубу, его приветствовал хор голосов; доспехи главнокомандующего сверкали в лучах восходящего солнца.

От представшей взору картины Энтони воспрял духом.

По возвращении флагмана на исходную позицию состоялся молебен. Все христиане, надев доспехи, преклонились на палубах, чтобы поговорить с Богом прежде, чем отдать свои жизни в его руки.

Энтони смотрел на них с восхищением. Он облачился в испанскую кирасу и морион, но отказался от папиры в пользу верного меча и с еще большим удовольствием оставил бы себе турецкую саблю. Внешне

он стал похож на испанца или венецианца, но в действительности он был совсем другим.

Халил, так же в испанском облачении, с трепетом смотрел на христиан, стоявших на коленях.

Во время молитвы Энтони и Халил не отрываясь смотрели на турок, появившихся в заливе. Они двигались огромным полукругом. Приближаясь, они начинали выстраиваться в линию. По-видимому, турки пришли в смятение, увидев четыре огромных галеаса впереди христианских эскадр. К сожалению, еще два галеаса до сих пор не появились.

И все же турки приближались, их кличи доносил легкий ветерок.

Около десяти утра христиане поднялись с колен. Лучи солнца играли на их доспехах, и казалось, что на каждой галере одновременно зажглись сотни свечей.

Теперь надо было решить тактические вопросы. Левый фланг (венецианцы) держал более учащенный по сравнению с остальным флотом ритм и медленно двигался вперед, однако не приближаясь к берегу. Очевидно, Барбариго застрял на мелководье.

Широччо-паша, действуя по приказу или по собственной инициативе, также участил ритм и быстро двигался навстречу венецианцам. Дон Хуан незамедлительно приказал увеличить скорость своей эскадры и вышел на траверз левого крыла.

Левое крыло турок укрепило свои силы так, чтобы увеличить угрозу охвата правого крыла христиан. Дориа заметил это движение, и теперь его эскадра направилась вслед за турками.

Энтони кусал губы. Действия Дориа открывали брешь в линии христиан. Но вызывать маркиза Санта-Крус пока не стоило — никто не мог сказать, не потребуются ли резервные силы где-нибудь в другом месте.

В половине одиннадцатого эскадра Широччо приблизилась на расстояние обстрела галеасов Барбариго, и прогремели первые выстрелы. Дым поднялся в воздух. Точный прицел и сила выстрелов сделали свое дело, некоторые турецкие галеры были полностью

выведены из строя, их весла разломались как спички, а мачты упали как подрезанные. Остальные галеры взяли вправо и направились к берегу.

Их намерения были очевидны: обойти венецианцев с фланга. Дон Хуан, наблюдая, потянул в задумчивости бороду — центр все еще был не задействован.

— Барбариго — замечательный военный моряк, — обнадеживающе сказал Энтони.

Венецианский адмирал уверенно развернул свои корабли навстречу угрозе, правильно рассудив, что, пока турецкие суда остаются на плаву, с его галерами ничего не случится. У берега завязался жестокий рукопашный бой...

Построение турецкой эскадры, вовлеченной в сражение, нарушилось. Правое крыло венецианцев под командованием Марко Квирини оставалось незадействованным. И Квирини, еще один талантливый капитан, оценив обстановку, повернул свои суда на север и начал окружать турецкую эскадру.

— Хотя бы здесь мы победим, милорд, — сказал Хоквуд дон Хуану.

Наступило время обратить внимание на себя: центр находился в поле обстрела.

Вновь галеасы сделали свое дело. Их команды управлялись с оружием настолько хорошо, что турки побоялись пойти в атаку. Они пошли на христианский флот в обход, создав при этом невообразимую неразбериху. Галеры Али Монизиндаде и Пертав-паши шли прямо на «Реал» и сопровождавшие его корабли.

Потери турок были большими. Орудия и христиан и турок стреляли так часто, насколько было возможно, но христиане наносили гораздо больший ущерб благодаря тому, что носы с их галер были убраны.

Но Али-паша все-таки двигался к своей цели, собираясь атаковать флагман дон Хуана.

— Он идет на абордаж, — сказал Хоквуд, видя, что турецкие галеры слишком быстро направляются к ним; галеры христиан по-прежнему держали медленный и мерный ритм.

— Аркебузы к бою! — раздался приказ, и триста человек с оружием в руках собрались на шкафуте.

Турки приближались, издавая воинственные клички. Их галеры, казалось, взлетали над морем. Энтони бросил взгляд вправо и увидел, что Пертав-паша намеревается атаковать Колонну, который находился поблизости от «Реала».

Но Пертав-паше пришлось подождать. Раздался невообразимый треск, люди полетели во все стороны, галера Али врезалась в нос по правому борту «Реала», подрезав весла; гребцы истошно кричали.

Над разбитыми носами обоих кораблей кишмя кишела орда вооруженных турок.

Аркебузисты прицеливались по живым мишеням.

— Огонь! — прорычал дон Хуан, обнажая меч.

Энтони был готов к бою и с удивлением обнаружил рядом с собой молодого поэта Мигеля де Сервантеса.

— Я думал, вы больны, сеньор, — сказал он.

Юноша был очень бледен.

— Не настолько, чтобы пропустить такое событие, — отозвался он.

Они бросились вперед, сопровождаемые Халилом.

Аркебузы выстрелили, и в утреннем воздухе повисли клочья дыма. Летящий свинец остановил турок...

— Вперед! — закричал Хоквуд. — Сабли и копья! За мной!

Он побежал сквозь ряды аркебузистов, которые, побросав ружья, достали сабли. Он направился вперед, несколько оставшихся в живых турок, увидев его, взвыли от ужаса.

— Хоук-паша! — вопили они. — Хоук-паша восстал из могилы.

Энтони предположил, что, должно быть, капитан галеры, которого он перехитрил в Адриатике, объявил его погибшим.

Турки бросились обратно на галеру Али, Энтони пустился в погоню, стараясь не упасть на скользкой палубе. Кто-то метнул в него копье, Энтони увернулся и, сделав выпад, взмахнул саблей. Раздался хруст

перерубленной кости. Человек упал как подкошенный. Энтони видел турок, бегущих по проходу между гребцами и все еще выкрикивающих его имя.

— Ба! — закричал Али Монизиндаде с задней палубы. — Это не привидение. Это предатель Хоук-паша. Разве вы не хотите его уничтожить?

Он обнажил саблю и бросился в атаку. В нескольких футах от Энтони он остановился и крикнул:

— Мой долг, Хоук, доставить твою голову султану!

— Тогда бери ее, — бросил вызов Энтони.

Засверкали сабли, но, прежде чем противники смогли начать поединок, раздался ужасный треск. Они потеряли равновесие. Хоквуд упал и оказался в самой гуще этих мерзавцев. Халил схватил его за плечи и вытащил назад, прежде чем эти адские создания, пропитанные кровью, смогли его схватить.

Еще одна турецкая галера подошла к галере Али, доставив подкрепление на борт флагмана. Испанцам пришлось отступить. У Хоквуда не было другого выбора, он должен был находиться вместе с ними — к самоубийству он не был пока готов.

— Стоять! — проревел он. — Стройтесь в ряды!

Дон Хуан был на носу «Реала», он пытался вновь собрать своих людей. Но теперь испанцев было вдвое меньше, чем турок. Турки опять пошли в атаку. Лишь некоторые аркебузы были перезаряжены.

— Именем Бога, мы проиграли! — закричал дон Хуан. Турки оттесняли испанцев на заднюю палубу. Аркебузы больше не стреляли.

— Рабы, — спохватился Энтони и спустился по лестнице к первым рядам скамей.

— Будете ли вы сражаться за Господа Бога? — закричал он. — И за свою свободу?

— Да! — услышал он рев в ответ.

Разъединить цепи оказалось секундным делом. Пики, поставленные у барабана для такого экстренного случая, были схвачены, и все рабы последовали за Хоквудом вверх по лестнице.

И как раз вовремя. Испанцы были на грани смятения, но внезапное появление орды обнаженных лю-

дей, вооруженных пиками, повергло турок в панику, и они бросились назад.

Второй раз Хоквуд и дон Хуан повели атаку на турецкий флагман. Энтони видел Али, стоявшего на задней палубе. Он отдавал приказы, собирал людей и призывал к помощи. Их разделяло слишком много ворочавшихся, разрезанных, вопящих тел. Хоквуд сразу же бросился к Али-паше, но, прежде чем настиг его, подошли еще две турецкие галеры. Вновь христиане были отброшены назад, вновь турки двигались вперед.

Маркиз Санта-Крус, заметив отчаянное сражение, послал на помощь полдюжины галер из резерва. Люди забрались на «Реал», готовые вступить в сражение. Но турки превышали христиан по численности, кровь хлестала ручьями и, стекая в море, меняла его цвет. Люди слали проклятия, ругались, рубили и пронзали, скользили и падали за борт, вопили и давились, но христиане по-прежнему отступали.

Хоквуд понял, что только смерть Али-паши спасет положение. Энтони едва держался на ногах, его шлем был смят, левая рука горела, вероятно от раны, он тяжело дышал и был как будто охвачен лихорадкой. Но вновь он заставил себя ринуться вперед... и внезапно оказался напротив желанной цели, правда, на расстоянии нескольких футов.

Али Монизиндаде усмехнулся, оскалив зубы.

— Опять ты предатель, — процедил он и в последний раз рванулся вперед, но, взмахнув рукой, рухнул вниз на скамьи гребцов. Кто-то ударил его по голове.

Хоквуд тут же последовал за ним, сбил шлем, схватил за волосы, резанул по шее и поднялся наверх с истекавшей кровью головой в руке.

— Али-паша мертв! — хрипло крикнул он. — Али-паша мертв!

Турки закричали от ужаса.

— Вперед! — зарычал дон Хуан охрипшим, как у Хоквуда, голосом. — Вперед!

В последний раз христиане рванулись вперед. Увидев отрубленную голову своего адмирала, турки по-

теряли волю к победе. Они отступили и вряд ли еще вернутся. Пощады им ждать нечего. Испанцы безжалостно вытесняли турок, яростно косили их саблями, снова и снова рубили раненых, чтобы убедиться, что те мертвы. Спустя несколько минут после смерти Али-паши его флагман и три галеры были захвачены.

Теперь можно было оглядеться.

Посмотрев на север, Энтони убедился, что там тоже одержана победа. Окруженная венецианцами эскадра Широччо постепенно уничтожалась. Ни одной из турецких галер не удастся уйти, так же как и никому из команды.

Как позже узнал Хоквуд, эта победа далась нелегко, Барбариго был смертельно ранен и его племянник Марко Контарини, занявший его место, почти сразу же был убит. Только Федерико Наси, взявший на себя командование эскадрой, достиг окончательной победы. Широччо-пашу достали из моря смертельно раненным.

В центре эскадра Али-паши была разбита наголову.

Но на правом фланге дела обстояли не так хорошо. Улуч-Али, заметив продвижение Дориа, пытающегося избежать окружения, к югу, мог выбирать один из двух тактических маневров. В первом случае надо было направить девяносто галер против генуэзской эскадры и превосходящими силами уверенно достичь победы хотя бы в этом месте независимо от того, что происходит в целом. Но Улуч сразу понял, что правый фланг турецкого флота уже потерян, а центр находится в опасности. Поэтому он решил сделать все возможное, чтобы не допустить полного разгрома турок. Он направил свои суда прямо на брешь, образованную в рядах христиан маневром Дориа, намереваясь справа атаковать центральную эскадру дон Хуана и расширить участок прорыва.

Заметив этот маневр, Джустиниани развернул малочисленную эскадру максимально вправо на центр, чтобы отразить нападение. Но мальтийцы были сметены, их суда захвачены, а команды уничтожены.

Санта-Крус понял масштабы катастрофы и отправил восемь галер под командованием дон Хуана де Кардона на помощь мальтийцам. К несчастью, они прибыли слишком поздно и теперь оказались в центре жесточайшей схватки. Каждому христианскому кораблю здесь противостояло по два турецких. Именно это увидел Хоквуд сразу после того, как захватил флагман Али Монизиндаде.

Христиане были вновь разбиты, они сражались до последнего человека. Кардона был смертельно ранен, из пятисот воинов на борту его корабля в живых осталось только пятьдесят. На борту «Флоренции» убиты были почти все, включая галерных рабов; капитан Томазо де Медичи, тяжело раненный, обнаружил, что в его распоряжении осталось лишь семнадцать рыцарей ордена Святого Стефана. На двух папских галерах «Сан-Джованни» и «Пьямонтеса» в живых не было никого, а галерные рабы так и остались сидеть, прикованные цепями к своим веслам, но только уже мертвые.

Эту резню видели Хоквуд и Санта-Крус. Маркиз уже рванулся туда с галерами, еще остававшимися в резерве.

Энтони схватил дон Хуана за плечо.

— Милорд, правый фланг в опасности.

Дон Хуан сразу же оценил ситуацию, обратив внимание и на то, что теперь генуэзская эскадра была в нескольких милях. К этому времени Дориа понял, что его обманули, и возвращался обратно. Но он сможет прийти на помощь не раньше чем через полчаса.

— Пусть Господь покарает этого человека за предательство, — прорычал дон Хуан.

— Я так не думаю, милорд. Дориа просто перехитрили. Но как бы то ни было, мы не можем больше ждать его.

— Ты прав. — Дон Хуан посмотрел по сторонам. Затем он приказал всем покинуть турецкие галеры, которые люди грабили, прежде чем жечь. Его суда направились на спасение папской эскадры.

Произошло еще одно жестокое сражение, но теперь Улуч-Али понял, что его может смести весь флот

противника. Суда христиан, кинув трофеи, шли на помощь главнокомандующему; Дориа двигался с юга.

Улуч в свою очередь отдал приказ оставить трофеи и направить тридцать уцелевших галер назад в залив. Напоследок он поднял на своей мечте знамя ордена Святого Иоанна, снятое с флагмана Джустиниани.

— Мы разобьем их до последнего! — прокричал дон Хуан. — Сигналь всеобщую атаку.

Энтони вновь взглянул по сторонам. Команды христиан почти выбились из сил. Даже люди Дориа, не задействованные в сражениях, гребли впустую в течение двух часов.

К тому же предательские обрывки облаков возвращались и затягивали небо.

— Милорд, — сказал Энтони, — осмелюсь сказать... Твои люди сейчас не поймают Улуч-Али. Но ведь ты и так достиг величайшей победы на море во всей истории. Ты разбил флот в триста кораблей и не уничтожил, может быть, пятьдесят.

— Я должен потопить каждый турецкий корабль, Хоук, — стоял на своем дон Хуан.

— Но ты можешь потерять свой собственный флот, сударь. Через двенадцать часов начнется шторм.

Дон Хуан посмотрел на небо.

— Что ты предлагаешь?

— Нам надо найти укрытие, сударь, и как можно быстрее. Недалеко отсюда есть бухта, где мы будем в безопасности, пока шторм не закончится. — Энтони усмехнулся. — Улуч-Али все еще будет закупорен в Лепанто, когда мы вновь отправимся в плавание.

Дон Хуан сначала усомнился, затем кивнул и отдал приказ. Флот христиан направился в укрытие.

Теперь можно было залатать дыры, полученные в битвах. Среди раненых Энтони обнаружил Сервантеса. Запястье его левой руки было забинтовано, кисти больше не было.

— Мне отрубили руку, — с гордостью в голосе сказал Сервантес. — Хирургу пришлось только завершить начатое.

Энтони пришел в ужас от такого несчастья, но юноша казался на удивление жизнерадостным.

— Этот случай убедил меня, господин, — продолжил поэт, — что никто не может идти против своей судьбы. Я был приговорен и должен был потерять руку в Испании. Я покинул Испанию, чтобы потерять руку, служа Испании. Но это только доказало мне, что Бог милостив: ведь я был приговорен потерять правую руку, а потерял левую. Я все еще могу писать. — Сервантес усмехнулся. — Ты же не станешь отрицать, что теперь мне есть, о чем писать, монсиньор?

Не думая о своей судьбе, Хоквуд сел в лодку и направился к пробитой в нескольких местах галере Колонны. У него была определенная цель.

Картина здесь была такой же, как и на всех остальных кораблях: изнуренные люди сидели группами, пили вино, ужинали, обматывали раны, вспоминали и хвастались.

— Рад видеть тебя, Хоук! — приветствовал его Колонна, обнимая.

Даже кардинал де Гранвела, которого не было видно во время сражения, улыбаясь, сказал:

— Это великая победа!

— Каждый выполнял свой долг, — ответил Энтони.

— Кроме этого предателя генуэзца, — отметил кардинал. — Его следует повесить на мачте.

— Он ошибся, святой отец. Никто не может быть повешен за честную ошибку. Но мне нужна информация, монсиньор, — ответил Энтони и обратился к Колонне: — Твои корабли атаковали галера Пертав-паши?

— Мы захватили ее. Она здесь, — кивнул Колонна.

— Что с пашой? Он погиб?

— Точно не знаю, там кто-то уцелел. Человек шесть еще живы. Завтра прикую их к скамьям собственного судна.

— Разреши мне поговорить с ними?

— Конечно. Мои люди проводят тебя.

Энтони забрался на захваченное судно. Халил, как всегда, сопровождал его.

Закованные в кандалы турки сбились в кучу. Увидев Хоук-пашу, они не могли поверить своим глазам.

— Что случилось с Пертав-пашой? — начал Энтони. — Кто-нибудь видел его мертвым?

Турки покачали головами.

— Паша не умер, — сказал наконец один из них.

— Что ты сказал?

— Мы дали задний ход, — сказал человек. — И когда паша увидел, что мы будем разбиты, он покинул нас, ушел на галеоте.

— Ты уверен в этом?

— Я видел это собственными глазами, Хоук-паша, — сказал пленник. — Паша бросил нас. Я видел, как галеот уходит в сторону Корифского залива.

— Откуда ты знаешь? — спросил Энтони.

— Я его слуга, Хоук-паша. И он бросил меня так же, как и всех своих людей.

Хоук погладил бороду. Он верил человеку, который, очевидно, переживал от того, что его покинул хозяин. Энтони знал, что у Пертав-паши действительно есть владения на Пелопоннесе, неподалеку от руин древнегреческого города Коринф. Пертав оставался самим собой и хотел убедиться в безопасности своего состояния и жен на случай, если флот христиан нападет на берег.

Хоквуд вернулся на флагман. Скорость ветра достигла двадцати узлов в час. Ветер дул с востока и поворачивал на север, галеры поднимались и опадали на якорных цепях, но находились в полной безопасности.

Братья Бригадино ждали появления Энтони.

— Теперь Марк Антонио отомщен, — сказали они, обнимая Хоквуда. — Мы гордимся, что воюем вместе с тобой, Хоук.

Дон Хуан нахмурился, заметив озабоченное выражение лица Энтони.

— Что тревожит тебя? — спросил он.

— Милорд, молю тебя разрешить мне этой ночью выйти в море на бригантине, — сказал Энтони.

— Зачем?

— Я поведу ее в Коринфский залив.

— Ты выйдешь этой ночью? В шторм?

— Я знаю эти воды и погоду. И у меня на такой шаг есть веская причина. — Энтони рассказал всем присутствующим о побеге Пертав-паши.

— Это человек, убивший нашего брата? — спросил Амброджио Бригадино.

— Тот самый. Я поклялся убить его, — ответил Хоквуд.

— В таком случае мы пойдем с тобой, — вмешался Антонио Бригадино.

— Это сумасшествие, — объявил дон Хуан. — Я не могу позволить это.

— Это в твоих интересах, милорд, — сказал Хоквуд. — Я также смогу узнать, где находится Улуч-Али, и о том, что осталось от турецкого флота. — Он мрачно ухмыльнулся. — Теперь ты можешь быть уверен, что я не покину тебя.

— Ты знаешь, что турки сделают с тобой, если ты окажешься в руках у них.

— Вряд ли я буду больше страдать, чем Бригадино, милорд.

— Ты все еще хочешь отомстить за его смерть. — Дон Хуан вздохнул и пожал руку Энтони. — Иди и сделай то, что должен, Хоук. Но возвращайся... Ты мне нужен.

Хоквуд мгновенно набрал добровольцев. Люди понимали, какую роль сыграл Хоук в этой победе, и теперь горели желанием идти за ним куда угодно. К тому же экипажи бригантин практически не участвовали в сражении, и им хотелось доказать, что и они чего-то стоят.

Энтони и еще двадцать человек, включая братьев Бригадино, вышли в море. Стало совсем темно,

ветер крепчал, его скорость превышала тридцать узлов в час. В заливе трудно было стать чьей-то добычей, но тесный проход требовал высокого искусства мореплавания, чтобы маленькое судно не бросило на скалы.

Они галсировали при северном ветре. Все время работали насосы, поскольку вода заливала палубу бригантины. Хоквуд прокладывал путь вверх по заливу Патраикос к проходу, ведущему к Коринфскому заливу. Двигаться по узким проходам в плохую погоду — опасное мероприятие, но, вдобавок ко всему, городок Лепанто находился на восточной стороне этого прохода. Туда наверняка ушли остатки турецкого флота и там Улуч-Али наверняка готовится отразить атаку.

Улуч-Али, без сомнения, намеревался блокировать проходы, но пока еще этого не сделал. Это было вполне объяснимо, поскольку его люди были разбиты и деморализованы и ветер к тому же крепчал. Улуч, конечно, посчитал, что христиане тоже будут укрываться от шторма.

В проливе не было даже патрульных кораблей, и бригантина проскользнула никем не замеченной.

В Лепанто горело много огней, ветер доносил звуки цимбал и флейт — турки оплакивали своих погибших.

Хоквуд знал, что Пертав мог укрыться в порту, но не принял эту версию в расчет. Пертав понимал, что его бегство видели почти все, и у него, вероятно, не возникало желания появляться перед Улуч-Али до тех пор, пока он не найдет приемлемого оправдания своему поступку... Если сможет, конечно.

Хоквуд изменил курс на юго-восток. Теперь на укороченных парусах они легко шли по волнам, подгоняемые ветром.

Огни Лепанто остались за кормой и исчезли в темноте. Энтони больше не боялся встретить турок и зажег огни на топе мачты, чтобы избежать столкновения с каким-либо судном. Халил нес вахту на носу бригантины.

Через несколько часов вдалеке показались огни.

Хоквуд знал, что там находится селение Коринф, возникшее в нескольких милях от руин древнего города. Но вдруг Халил крикнул, что видит другие огни: они были гораздо ближе и южнее.

— Они движутся, хозяин, — заорал он. — Они сигналят.

Хоквуд изменил курс. К этому времени появилась луна, и сквозь несущиеся облака пробивался свет, при котором можно было различить темное пятно земли с южной стороны, отблески на скалах и волнение прибоя, набегавшего на скалы.

— Хоук, там галеот, — сказал Антонио Бригадино, державший штурвал.

Энтони прищурился и увидел галеру, стоявшую на якоре в бухте. Очевидно, она отправилась на поиски укрытия, когда поднялся ветер. Пока дул восточный ветер, она была в безопасности, но когда он изменил направление, она оказалась не в состоянии поднять якорь и выйти в залив. Или даже высадить своих людей на берег? Конечно, люди на галере просили помощи.

— Мы пойдем на помощь, — решил Энтони. — У них могут быть сведения о Пертав-паше.

— Там скалы, хозяин, — сказал Халил, находившийся, как всегда, рядом.

— Значит, смотрите в оба.

Энтони укоротил паруса, бригантина снизила скорость. Вход в бухту был небезопасен, потому что там тревожно пенились барашки волн.

Теперь Энтони видел те опасности, которые предстали перед капитаном галеота, выбравшего столь ненадежное укрытие. Бухта была окружена отвесными скалами, поднимавшимися из моря менее чем в ста ярдах, к тому же галеот потерял шлюпку. Людям пришлось бы вплавь добираться до берега, но берега как такового просто не было.

Хоквуд прокричал команды, повернул руль вниз, бригантина развернулась и легла по ветру.

Галеот был всего в двухстах ярдах, его команда поднялась наверх и размахивала руками, увидев под-

ходившую бригантину. Энтони мгновенно выправил курс, чтобы не быть выброшенным на скалы, и теперь бригантина должна была пройти близко от кормы галеота.

Когда судна приблизились, Энтони попросил Халила заговорить по-турецки.

— Что за судно? — проревел Халил.

— Это галеот Пертав-паши, — последовал ответ. — Здесь полно воды. Нам нужна ваша помощь.

Халил оглянулся на хозяина.

— Пертав! Из-за своей трусости он спрятался здесь задолго до того, когда море стало по-настоящему опасным.

Бригантина теперь проходила мимо галеота, и Энтони развернул ее вновь.

— Скажи, что мы подходим вдоль борта, чтобы снять их, — велел он Халилу.

Халил прокричал, и люди на галеоте замахали в знак того, что поняли его слова. Палуба корабля теперь была заполнена.

Возможно, многие из них невиновны, но Энтони решил это не принимать во внимание. В последний раз в своей жизни он будет действовать как турок.

— Зарядить пушки! — приказал он. — Прицелиться по ватерлинии!

Экипаж бросился выполнять приказ, а Энтони снова развернул бригантину, и она направилась к тонувшему галеоту. На расстоянии в пятьдесят ярдов Хоквуд отчетливо увидел Пертав-пашу. Тот стоял на палубе и отчаянно размахивал руками, надеясь быть спасенным.

Но запалы уже горели. Хоквуд дал приказ стрелять.

Бригантину сотрясало от выстрелов. Ядра врезались в корпус галеота по самой ватерлинии.

Затем Хоквуд провел бригантину вперед, вновь развернулся и пошел по правому борту галеота. Турецкое судно накренилось на левый борт.

— Огонь! — снова приказал Энтони, и два орудия выстрелили. Они стреляли почти в упор, и чу-

гунные шары врезались в дерево корпуса. Пробитый с обеих сторон, галеот камнем пошел ко дну, бурлящая вода наполнялась тонувшими людьми.

Хоквуд всматривался в них, пытаясь найти только одного человека.

— Спасите! — кричал Пертав-паша. — Спасите!

Турок отчаянно цеплялся за перебитые поручни. Хоквуд бросил канат, Пертав ухватился за него, его подтянули к борту бригантины и медленно подняли к планширу. Здесь он увидел Хоквуда и его обнаженный меч.

— Это ты, Хоук-паша, — выдохнул он и, взглянув на стоявших с другой стороны, узнал по их лицам, кто они такие.

— У тебя будет лучшая смерть, чем ты заслужил! — крикнул Амброджио Бригадино и, взмахнув саблей, отрубил голову Пертав-паше. — Теперь наш брат действительно отомщен, — сказал Амброджио.

В тактическом плане битва при Лепанто была величайшим морским сражением. Христиане потеряли двенадцать галер, одна была захвачена, около пятнадцати тысяч человек были убиты или утонули. Турки потеряли сто тринадцать галер, сто семнадцать галер были захвачены. Тридцать тысяч турок было убито и бессчетное количество утонуло. Восемь тысяч турок были взяты в плен и около пятнадцати тысяч галерных рабов-христиан были освобождены.

Богатства, захваченные на турецких галерах, было невозможно оценить: только на флагмане Али-паши было обнаружено сто пятьдесят тысяч цехинов. Очень важным было и то, что дон Хуан Австрийский захватил сто семьдесят четыре пушки.

Главнокомандующий великодушно послал Хоквуда в Венецию на борту галеры «Ангел» с вестью о победе. Энтони застал республику взбудораженной,

ходили слухи, что в любой момент в лагуне может появиться жаждущий мести флот Али-паши.

Услышав новости, город возликовал. Колокола звонили, люди танцевали на улицах, купались в каналах, вино лилось рекой.

— Я помню свое обещание, Хоквуд, — сказал Алвизо Мочениго. — Проси что хочешь, и если это в моей власти, у тебя все будет. Ты помог освободиться нам от турок, ты также отомстил за Фамагусту.

— Наша задача не выполнена, пока мы не возьмем Константинополь, — сказал Энтони. — Поэтому я должен вернуться в море. Я подумаю о награде, ваша светлость, когда война закончится.

Прежде чем покинуть город, Энтони провел несколько счастливых ночей со своей женой и несколько не менее счастливых часов с сыновьями.

— Ты достиг так многого, — шептала Барбара, лежа в его объятиях. — Что дальше?

— Я приведу тебя во дворец Хоуков, но как завоеватель, — прошептал Энтони.

Позже Хоквуд понял, что в то время его мечта была вполне осуществима. По словам современника, новость о катастрофе в Лепанто имела столь разрушительный эффект в Истанбуле, что, если бы только пятьдесят галер христиан появились в Босфоре, город сдался бы без боя.

К сожалению, ни одна галера там никогда и не появилась.

Хотя дон Хуан был настроен продолжать кампанию, держать флот в море было опасно. Он оставил Виньеро, Хоквуда и Джакопо Фаскарини, нового вице-адмирала из венецианцев, командовать Корфу, а сам вернулся в Мессину. Эскадры отправились на зимовку к своим портам. Виньеро был слишком стар, и командование возложили на Фаскарини. Хоквуд был его доверенным лицом и советником.

Энтони был деятелен. Он разослал по заливу — погода все еще стояла хорошая — разведывательные

галеры, но нигде не было и следов турок. Ионическое море было пустым.

— Без сомнения, Селим, или даже Сокуллу, начнет сразу же строить другой флот, — говорил он коллегам.

— Но для этого потребуется много дерева и много новых людей. У него остался только один опытный адмирал: Улуч-Али. Если он попытается встретиться с нами в следующем году, он будет уничтожен. Если мы отправимся на восток не позднее июня, Османская империя распадется на части.

Но 1 мая 1572 года, пока венецианцы ждали известий о сборе флота христиан, Папа Пий V умер. Многие вздохнули с облегчением, не понимая того, что это настоящая катастрофа. Благодаря жестким реформам и твердости, с которой этот человек осуществлял их, он сделал себя крайне непопулярным, но именно он был настоящей движущей силой христианского дела.

И что еще хуже, Испания и Франция вышли из союза. Филипп II Испанский решил удержать часть флота для защиты своих североафриканских владений.

И все-таки христианский флот собрался в июне. Хоквуд убедил Фаскарини выйти в море с венецианцами, и недалеко от мыса Малеа обнаружили турок. Но к досаде Энтони Фаскарини испугался грозного вида почти трехсот турецких галер и отказался атаковать. Энтони убеждал его, что ни корабли, ни люди не идут ни в какое сравнение с венецианцами — шанс был упущен. То, что Улуч не стал их преследовать, было доказательством правоты Хоквуда.

Позднее в том же году дон Хуан вернулся на восток и возглавил союзнический флот. Турецкие корабли были замечены в октябре, теперь недалеко от бухты Наварино, но на этот раз Улуч-Али уклонился от сражения и ушел на восток.

— Мы должны более тщательно разработать нашу следующую кампанию, — советовал Хоквуд дон Хуану. — Мы должны заставить его сражаться. Для

этого у нас должны быть транспортные суда, которые перевезли бы солдат на берег Анатолии.

— В следующем году, — подавленно сказал дон Хуан.

Он выглядел больным и бледным, черты лица исказились, плечи поникли.

— Будет ли он, этот следующий год?

Для союзнического флота следующий год действительно не наступил. Фатальная разобщенность, постоянно мешавшая союзу христиан, уничтожила великую идею поставить турок на колени. Когда во время зимы Филипп Испанский решил не посылать свой флот в Восточное Средиземноморье, а сосредоточился на растущем недовольстве в своих датских провинциях и на будущей войне на море с Англией — и тот и другой народы были ему более ненавистны, чем турки из-за протестантской ереси, — дож Алвизо Мочениго потерял терпение.

Он отозвал Виньеро, Фаскарини и Хоквуда с Корфу и послал посольство в Истанбул заключить мир.

— Но это значит предать Кипр, — протестовал Виньеро.

— Кипр потерян, — ответил дож. — Мы не можем вернуть его. Из-за испанцев война проиграна. Теперь мы должны спасать себя, в противном случае нам одним придется сражаться в османцами. — Он повернулся к Хоквуду. — Ты все еще не объявил, что ты хочешь получить в награду за свою службу при Лепанто, Хоук. Поскольку война закончена, по крайней мере для нас, может, скажешь это теперь?

Энтони посмотрел на него.

Он мечтал о многом. Возможно, даже о свержении Селима, этого тирана, обесчестившего его.

Фелисити, его мать, также мечтала о многом, но больше всего о возвращении в Англию. Но Энтони не знал Англию, а страна, которую помнила Фелисити, Англия короля Генриха VIII, ушла в историю.

Да, жизнь не соткана из одних мечтаний, хотя Барбара, вернувшись наконец в Венецию, возможно, и достигла того, чего хотела. Может, та простая мечта оказалась единственной, которой можно достичь? Здесь они жили среди друзей, их покровителем был сам дож. В Венеции Энтони считался настоящим героем. И хотя теперь он вряд ли положит конец власти турок, его долг так же, как и чувства, приказывали ему находиться здесь.

А как же его предки? Были ли они предателями, как считал весь мир? Энтони не верил в это. По воле обстоятельств Хоквуды выбрали жизнь и карьеру, которым они так успешно следовали. Однажды принятые османским султаном, они преданно служили своим хозяевам. И то, что в конце концов отвернуло их, было изменение в характере этих султанов, которое и привело их в Лепанто — первой значительной победе христиан над турками.

Таким образом, возможно, его предназначение в этой жизни — помочь забить первый гвоздь в гробницу Османской империи.

— Так чего ты хочешь? — спросил Мочениго.

— Чего я хочу, монсиньор? Позволь мне остаться в Венеции и воевать за тебя. Даже если сейчас будет заключен мир, впереди нас ждет много сражений, которые надо будет выиграть.

Алвизо Мочениго пожал руку Энтони.

Послесловие

Энтони Хоквуд был прав, хотя его предсказание сбылось не сразу. Еще большая разъединенность христиан в следующем столетии — война Англии с Испанией, религиозные войны в Германии, — казалось, вела к небывалому расцвету Османской империи.

Дон Хуан Австрийский, насытившись романтическими интригами, включавшими завоевание Англии ради освобождения королевы Марии Шотландской и

женитьбы на ней, умер 1 октября 1578 года ровно через семь лет после его великой победы у Лепанто. Ему исполнился в ту пору тридцать один год.

Поскольку его единокровный брат Филипп II был всецело поглощен войной с Нидерландами и Англией в Атлантике, османская армия могла спокойно вновь и вновь осаждать Вену, и поступь янычар была слышна повсюду — от Дуная до Евфрата.

Мечты Филиппа о завоевании Англии должны были привести к морской битве, уступавшей по своей значимости лишь сражению у Лепанто. Она произошла в июле 1588 года в проливе Ла-Манш между испанским и английским флотами.

Мигель де Сервантес, вернувшийся героем после Лепанто, был захвачен пиратами и оставался в плену до 1580 года. Возвратившись в Мадрид, он несмотря ни на что продолжал писать.

Победа у Лепанто до сих пор стоит в ряду решающих битв мировой истории и в действительности стала началом падения Османской империи. Хотя султаны и хранили власть династии до 1918 года, среди них уже не было таких, как Мехмед Завоеватель, Селим Грозный, Сулейман Великолепный. Перелистав страницы прошлого, можно понять, что могущественная власть, начало которой положило падение Константинополя в 1453 году и которая управляла ходом мировой истории в течение столетий, умерла в водах залива Патраикос 7 октября 1571 года. Этот день до сих пор празднуется в Италии.

Савадж Алан

Османѐц: Исторический роман. — Пер. с англ. Э.М. Хлопьяновой. — «Мастера исторического романа». — М.: Центрполиграф, 1995. — 682 с.

ISBN 5-218-00005-1

В 1448 году английский канонир Джон Хоквуд прибывает в Константинополь. И здесь, в столице Византии, где сходятся Запад и Восток, начинается полная интриг и непредсказуемых событий жизнь нескольких поколений Хоквудов. В 1453 году Константинополь пал под натиском турок. А Хоквуды, волею судьбы, попадают в лагерь врага и вынуждены служить завоевателям в их победном марше по Средиземноморью.

ББК 84.4 Вл

Литературно-художественное издание

Савадж Алан

ОСМАНЕЦ

Ответственный редактор *Н.К. Попова*
Редактор *С.В. Веснина*
Художественный редактор *А.И. Моисеев*
Технический редактор *Л.И. Витушкина*
Корректор *И.А. Филатова*
OCR - Давид Титиевский, апрель 2017 г., Хайфа
ЛР № 070243 от 21.11.91 г.
Подписано к печати с готовых диапозитивов 01.11.95
Формат 84x108¹/₃₂. Бумага газетная.
Гарнитура «Академия». Печать офсетная. Усл. печ. л. 36,12.
Уч.-изд. л. 34,32. Тираж 20 000 экз. Заказ № 2227

Торгово-издательское объединение «Центрполиграф»
127018, Москва, Октябрьская ул., 18

ГИПП «Нижполиграф»
603006, Нижний Новгород, Варварская ул., 32

Мастера Романа Исторического

Середина пятнадцатого века. В легендарный Константинополь ко двору византийского императора прибывает искатель приключений британский канонир Джон Хоквуд, в надежде разбогатеть и сделать карьеру. Но недолго длится его мирная служба. Над империей нависла угроза турецкого ига.

Четыре поколения мужчин из рода Хоквудов являлись военачальниками и дипломатами. Женщинам по традиции отводилась роль обворожительных наложниц. Купаясь в роскоши и наслаждаясь положением прекрасных избранниц, они ни на минуту не забывают об осторожности, чтобы противостоять коварным интригам и кровавым заговорам, всколыхнувшим Османскую империю. Лучше других они знают, что за сверкающими колоннами дворцов и за тяжелыми дверями гаремов притаились зловещие тени предательства и смертельной опасности, насилия и жестоких пыток, а одно неосторожное слово может лишить жизни людей.

ЦЕНТРПОЛИГРАФ®